

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

ПСИХОЛОГИЯ НРАВСТВЕННОСТИ

Ответственные редакторы

А. Л. Журавлев,

А. В. Юревич

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»
МОСКВА – 2010

УДК 159.9
ББК 88
П 86

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

П 86 Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2010. – 508 с. (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0203-0

УДК 159.9
ББК 88

В книге, представляющей собой сборник статей, предпринимается попытка заложить основы новой области психологического знания – психологии нравственности. Рассматриваются общие психологические механизмы поддержания нравственности в обществе, нравственное состояние современной России, психологические аспекты конкретных морально-нравственных проблем. Отражены как психологические теории, имеющие отношение к морально-нравственной проблематике, так и результаты выполненных авторами эмпирических исследований.

Издание финансируется в рамках Программы фундаментальных исследований РАН «Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества на современном этапе»

© Учреждение Российской академии наук
Институт психологии РАН, 2010

ISBN 978-5-9270-0203-0

СОДЕРЖАНИЕ

Проблема нравственности в психологической науке	5
Раздел I. Психологические механизмы поддержания нравственности	
<i>И. А. Мироненко.</i> Проблема нравственности в современной российской психологии	15
<i>М. И. Воловикова.</i> Духовно-нравственная регуляция социального поведения личности	29
<i>О. А. Гулевич.</i> Основные стадии моральной социализации	52
<i>И. А. Николаева.</i> Универсальные критерии ценностного и нравственного оценивания и сопутствующие психологические феномены	67
<i>Л. М. Попов, А. О. Максумова.</i> Типология людей в этической психологии личности	95
<i>Т. Б. Рязанова.</i> Проблемы нравственности и этничности (на материале этнопсихологических исследований молодежи)	116
<i>А. Н. Поддьяков.</i> Ложь злоумышленнику о местонахождении жертвы и полемика о нравственном принципе справедливости	141
Раздел II. Нравственное состояние современного российского общества: психологические аспекты	
<i>А. В. Юревич, Д. В. Ушаков.</i> Нравственное состояние современного российского общества	177
<i>А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко.</i> Нравственная элита в современном российском обществе: социально-психологический аспект	209
<i>А. Б. Купрейченко, А. Е. Воробьева.</i> Психологические типы нравственного самоопределения российской молодежи	237
<i>С. К. Бондырева, Г. В. Безюлева, Д. В. Сочивко.</i> Российская молодежь в рискогенном пространстве современной действительности	261

<i>А. В. Юревич.</i> Феномен свободы в современной России	301
<i>В. А. Соснин.</i> Содержание, основные функции и особенности воспитания патриотизма в современных российских условиях	318
<i>Ю. И. Александров, В. В. Знаков, К. А. Арутюнова.</i> Мораль и нравственность. Обоснование эмпирического исследования разных групп современного российского общества	338
Раздел III. Психологические аспекты морально-нравственных проблем	
<i>Л. Г. Дикая, Е. П. Ермолаева.</i> Нравственные проблемы профессиональной деятельности	361
<i>А. Б. Купрейченко.</i> Психологические аспекты нравственной регуляции экономического поведения	381
<i>А. В. Сухарев.</i> Этнофункциональный подход к профилактике социально-нравственных отклонений	401
<i>А. П. Назаретян.</i> Физическое и виртуальное насилие: перспектива взаимовлияния реальностей	418
<i>О. И. Маховская, Ф. О. Марченко.</i> Формирование у дошкольников солидарных установок средствами телевидения	439
<i>В. В. Знаков.</i> Понимание моральной допустимости аборт	460
<i>А. П. Назаретян, Н. Ю. Кувшинова.</i> Насилие и ненасилие в исторической ретроспективе	481
Сведения об авторах	505

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Представители научных дисциплин, изучающих проблемы морали и нравственности – философии, социологии, психологии и др., – сходятся в том, что на современном этапе развития цивилизации их значимость возрастает. В качестве причин обычно называются секуляризация, научно-технический прогресс, глобализация и плюрализация современного общества, доминирование в нем индивидуализма и др. Секуляризация приводит к тому, что основные нравственные принципы больше не воспринимаются как имеющие божественное происхождение, не «выводятся из Божественных заповедей или естественного закона» (Nunner-Winkler, 2005, p. 273), как прежде, а нуждаются в «земном», прагматическом обосновании. Прогресс науки и техники порождает множество новых моральных проблем, таких как допустимость клонирования и эвтаназии, целесообразность сохранения жизни людям, находящимся в коме и т. п. Одним из слагаемых глобализации является «возрастающая интернационализация моральных ценностей» (Keller et al., 2005, p. 331). Вместе с тем и в этой сфере глобализация вызывает сопротивление локальных морально-нравственных систем, имеет неизбежным следствием соприкосновение очень разных культур и характерных для них видов морали, что подчас отзывается их жесткими коллизиями. Индивидуализм, идеология приоритетности личного успеха^{*} распространяются и в таких традиционно коллективистских куль-

* Отмечается, в частности, что «современным людям трудно примирить успех с моралью» (Oser, Reichenbach, 2005, p. 220), свидетельства чему мы постоянно получаем, видя, какие личности преуспевают в современной России. А по данным психологических исследований, большинство людей убеждены в том, что соблюдение моральных принципов препятствует достижению успеха (Ibid).

турах, как, например, китайская или индийская, подрывая их многовековые моральные принципы и создавая трудноразрешимые нравственные дилеммы. Например, характерный для китайской культуры «авторитарный морализм» (Keller et al., 2005, p. 324) с такими его атрибутами, как покорность, чувство неоплатного долга перед родителями, нравственная чистота помыслов и поступков, их беспрекословное подчинение интересам нации и др., размывается под влиянием либерализма и индивидуализма (Ibid.). Плюрализация современного общества выражается в сосуществовании взаимно противоречивых нравственных ориентиров, порождающих острые и трудноразрешимые конфликты.

Все это происходит на фоне демократизации и либерализации современного общества, ослабляющих внешние регуляторы человеческого поведения и, соответственно, увеличивающих нагрузку на его внутренние, внутриличностные регуляторы. Приходится с сожалением констатировать, что «проверку свободой» выдерживают далеко не все из государств, недавно сбросивших оковы тоталитаризма, а, скажем, экспансия радикального ислама, порождающая хорошо известные социально-политические проблемы, далеко не в последнюю очередь обусловлена его способностью служить жестким моральным императивом западному обществу, переживающему упадок нравственности. Констатация этого упадка, а также разрушения таких традиционных моральных ценностей, как солидарность, патриотизм и др., и поддерживавших их институтов является общим местом аналитических работ, посвященных состоянию западного общества, причем эта тенденция сформировалась уже в 1970–1980-х годах (MacIntyre, 1985; Taylor, 1989; и др.). А те авторы, которые не решаются выносить столь категоричный приговор западному обществу, констатируют как минимум существенное видоизменение характерных для него моральных ориентиров (Nunner-Winkler, 2005; и др.).

Помимо подобных, вполне интернациональных причин возрастания актуальности нравственной проблематики, для отечественных ее исследователей существенны и дополнительные, внутрисоветские факторы. Они коренятся прежде всего в состоянии современного российского общества, обнаруживающего многие признаки нравственной деградации. Распространение у нас таких псевдолиберальных идеологем, как «можно все, что не запрещено законом» и т. п., по существу, отрицающих всякую мораль, в условиях нарушения взаимодополнительности морали и права, неиз-

бежной для нормального функционирования социума, породило общество, которое живет не по закону и не «по совести», а (свято место пусто не бывает) «по понятиям». И, как показали последние годы, для исправления ситуации недостаточно политической стабилизации нашего общества и улучшения его экономического состояния. Необходимы специальные меры по возрождению морали и нравственности, которые не восстанавливаются «сами собой» вслед за улучшениями в политической сфере и в экономике.

Это порождает острую необходимость объединения усилий различных социогуманитарных наук, изучающих нравственную проблематику, в том числе и психологии. Причем, как справедливо отмечается многими исследователями, проблема морали и нравственности является «сквозной» для целого ряда социогуманитарных дисциплин^{*}, способной служить одним из главных объектов междисциплинарного изучения и пронизывает самые различные сферы социальной практики, включая юриспруденцию, педагогику, межэтнические отношения, профилактику преступности и многое другое. В частности, одна из наиболее известных в психологических исследованиях морали концепция Л. Колберга нашла широкое применение и в педагогике, и в юриспруденции, и в антропологии, и в других сферах (Miller, 2005). Синтез различных областей знания отчетливо выражен и в самой психологии морали/нравственности. Например, авторы одного из трудов в этой области пишут, что «...психология морали включает две сферы: с одной стороны, нормативную этику, с другой, эмпирическую психологию, анализ природы и функционирования познания и рассуждения, эмоций, темперамента, развития понятий и личности, а также социально конструируемых установок» (Identity, character, and morality, 1990, p. 1).

Традиционно взаимодействие философии и прочих дисциплин, изучающих проблемы морали и нравственности, виделось в соответствии с упрощенной и явно неадекватной схемой. Считалось, что философия и прежде всего такой ее раздел, как этика, за которой закреплен статус «первооткрывателя» морально-нравственной

* И не только социогуманитарных. Например, предпринимаются попытки обнаружить нейрофизиологические основания нравственности, связав ее с анатомией и физиологией человеческого мозга, найти основания нравственности в поведении животных и т. п., что способствует подключению к изучению данной проблемы представителей естественных наук дисциплин.

проблематики, должна задавать концептуальные ориентиры в ее изучении, а такие науки, как социология и психология – подвергать ее эмпирическому исследованию, результаты которого осмысливаются опять же на философском уровне. Ю. Хабермас, в частности, в своей работе, ставшей классической в данной области, подчеркивает, что философы должны использовать данные социальных наук для того, чтобы ответить на ими же поднятые вопросы (Habermas, 1990, p. 1). Трудно не согласиться с тем, что эта проблематика, так же как и любая другая, нуждается и в концептуальном осмыслении, и в эмпирических исследованиях. Справедливо отмечается, что «эмпирические исследования проблем морали и философская рефлексия опираются друг на друга и друг от друга зависят» (Nunner-Winkler, Edelstein, 2005, p. 6). Отмечается также, что «неразрешенный философский диспут о демаркационной линии между индивидуальной свободой и межличностной ответственностью сейчас воспроизводится и на эмпирическом уровне» (ibid., p. 22). А роль «поставщика эмпирических данных», выполняемая в том числе и психологией, действительно очень важна. Но к ее исполнению участие психологии в изучении морали и нравственности не сводится. Существуют и другие аспекты этой проблематики, которые могут быть адекватно изучены и осмыслены преимущественно на психологическом уровне.

Несмотря на то, что в различных словарях мораль и нравственность определяются почти синонимично, в контексте их научного изучения между ними принято проводить грань, хотя и очень тонкую, связывая мораль преимущественно с социумом, а нравственность – с личностью, ее менталитетом и поведением (иногда, например, в немецкой традиции – наоборот). На обоих уровнях – и личностном, и социальном – роль психологических факторов выступает более чем отчетливо. Ключевые процессы, создающие моральные основы общества и нравственные регуляторы поступков личности, носят психологический характер. К их числу принадлежат межличностная рефлексия, служащая основным психологическим механизмом реализации «категорического императива» И. Канта; эмпатия и сопереживание, предполагающие достаточно высокий уровень когнитивной сложности личности; эмоции, без которых невозможно внутриличностное закрепление основных нравственных принципов; основные стадии моральной социализации ребенка, обобщенные различными психологическими моделями – Ж. Пиаже, Л. Колберга, К. Гиллиган и др. Как показывают эм-

пирические исследования, такое социальное качество, как чувство ответственности за свои действия перед обществом, имеет в своей основе психологические процессы эмпатии, сострадания, сочувствия, сопереживания и др. (Miller, 2005). Обнаруживаются большие различия в трактовке и соблюдении моральных принципов представителями разных культур, социальных групп, гендерных ролей, личностных типов и др., что ставит их в зависимость от разнообразных социально-психологических характеристик личности. Главная проблема поддержания социального порядка, особо актуальная для современности, – гармоничное сочетание свободы личности и ее ограничения интересами общества, интеграция свободы и ответственности как один из главных социальных идеалов (*ibid.*)^{*} – тоже имеет ярко выраженное психологическое измерение, а ее решение находится в зависимости от целого ряда психологических условий. В частности, при смягчении в условиях демократических обществ внешнего контроля над поведением человека основой сохранения нравственности становится самоконтроль. Как подчеркивают Г. Нуннер-Винклер и В. Эдестейн, в современном мире «социальный контроль теряет силу, и самоконтроль становится главным условием функционирования социальных систем» (Nunner-Winkler, Edelstein, 2005, p. 5). А одна из наиболее известных исследователей морали среди психологов К. Гиллиган определяет ее как «вид поведения, при котором его субъект не наносит вреда ни себе, ни окружающим» (Gilligan, 1982, p. 298).

О. Флэнаган и А. Рорти подчеркивают, что практически любой локус традиционной философско-этической проблематики предполагает психологическое дополнение. Например, построение человеческих отношений на основе категорического императива И. Канта предполагает такие эмоциональные диспозиции, как, например, доверие, а также другие психологические качества, которые формируются (или не формируются) у человека в процессе социализации (*Identity, character, and morality*, 1990, p. 2). По их мнению, «анало-

* При этом справедливо подчеркивается, что до сих пор в истории человечества этот идеал не был реализован. Предполагаемое им равновесие свободы личности и ее подчинения общественным интересам нарушалось то в одну, то в другую сторону. Авторитарные режимы подавляли свободу, а демократический индивидуализм принижает интересы общества (*ibid.*). Это хорошо известно нашим согражданам, изведавшим и то, и другое, и сумевшим убедиться, в духе известного высказывания, что «оба хуже».

гичные соображения распространяемы и на теории добродетелей. Поскольку в этих этических теориях центральное место занимают понятия характера и его компонентов, подобные теории отдадут должное и психологии. При этом теории добродетелей неизбежно наталкиваются на следующие морально-психологические вопросы: как добродетели вырабатываются, развиваются и индивидуализируются? в какой мере они независимы друг от друга? как они проявляются на фоне характера человека, т. е. каким образом они влияют на его мотивы, перцепцию, эмоции, идеалы и самовосприятие?» (ibid., p. 2). Упомянутые авторы отмечают также, что «еще одной причиной необходимости соединения нормативно-этической и психологической рефлексии является то, что традиционные теории морали в последнее время подвергаются критике за их утопичность, базирование на неадекватных представлениях о психологии человека. В результате, для того, чтобы оценить степень применимости таких теорий, необходимо адекватное понимание предполагаемых ими психологических структур» (ibid., p. 2). И, соответственно, «нормативная этика, переплетенная с эмпирической психологией, историей и антропологией, более богата и обоснованна, чем этика, отделенная от этих гуманитарных наук» (ibid., p. 15).

Все это делает собственно психологическую область морально-нравственной проблематики крайне существенной, а участие в ее изучении психологической науки, причем не только в качестве «поставщика эмпирических данных», абсолютно необходимым. И вполне закономерно, что, как подчеркивают О. Флэнаган и А. Рорти, «в последние две декады (предшествовавшие изданию цитируемой книги, вышедшей в 1990 г. – А. Ж., А. Ю.) успешное развитие философии познания, психологии и социальных наук существенно стимулировали усложнение и уточнение психологии морали» (ibid., p. 2).

Исследования этой проблематики ведутся и в отечественной психологии (Бондырева, Колесов, 2008; Воловикова, 2004; Журавлев, Купрейченко, 2003; Попов и др., 2008; Шадриков, 2001; и др.), будучи стимулированными с разных сторон – ее традиционным интересом к общим проблемам морали и нравственности, тесной связью этих проблем с ключевыми областями ее проблематики, нравственным состоянием современного российского общества и др.

* О. Флэнаган и А. Рорти и сами эти теории связывают с психологизацией традиционной этической проблематики: «Стремление к более психологически сензитивной этике вылилось в возрождение этики добродетелей» (ibid., p. 13).

Неисчерпаемость и многообразие морально-нравственной проблематики диктуют необходимость выделения ее приоритетных для отечественной психологической науки слагаемых. В этой книге в качестве таковых рассмотрены: а) общие психологические механизмы поддержания в обществе морали и нравственности, б) нравственное состояние современного российского общества и его конкретных сфер, в) психологические аспекты различных морально-этических проблем. Соответственно, книга структурирована на основе данного способа систематизации ее проблематики.

Психология нравственности – достаточно молодая область психологического исследования, как и все прочие его области имеющая короткое настоящее, долгое прошлое и очень перспективное будущее. Решение острейших морально-нравственных проблем нашей страны и современного мира в целом предполагает активное участие психологов – как исследователей, так и практиков. В этой книге предпринимается попытка заложить основы исследовательского подхода к этим проблемам, а также обозначить ряд направлений их практического решения.

*А. Л. Журавлев,
А. В. Юевич*

Литература

- Бондырева С. К., Колесов Д. В.* Нравственность. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «Модэк», 2008.
- Воловикова М. И.* Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
- Попов Л. М., Голубева О. Ю., Устин П. Н.* Добро и зло в этической психологии личности. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
- Шадриков В. Д.* Происхождение человечности. М.: Логос, 2001.
- Gilligan C.* In a different voice: Psychological theory and woman's development. Cambridge: Harvard University Press, 1982.
- Habermas J.* Moral consciousness and communicative action. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Identity, character, and morality: Essays in moral psychology. Introduction / Ed. by O. Flanagan, A. O. Rorty. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 1990. P. 1–15.

- Keller M., Edelstein W., Krettenauer T., Fu-xi F., Ge F.* Reasoning about moral obligations and interpersonal responsibilities in different cultural contexts // *Morality in context. Advances in psychology* / Ed. by W. Edelstein, G. Nunner-Winkler. V. 137. Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 315–337.
- MacIntyre A.* After virtue. London: Duckworth, 1985.
- Miller J. G.* Is community compatible with autonomy? Cultural ideals versus empirical realities // *Morality in context. Advances in psychology* / Ed. by W. Edelstein, G. Nunner-Winkler. V. 137. Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 293–311.
- Nunner-Winkler G.* Changes in moral understanding – An intergenerational comparison // *Morality in context. Advances in psychology* / Ed. by W. Edelstein, G. Nunner-Winkler. V. 137. Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 273–291.
- Nunner-Winkler G., Edelstein W.* Introduction // *Morality in context. Advances in psychology* / Ed. by W. Edelstein, G. Nunner-Winkler. V. 137. Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 1–24.
- Oser F. K., Reichenbach R.* Moral resilience – The Unhappy moralist // *Morality in context. Advances in psychology* / Ed. by W. Edelstein, G. Nunner-Winkler. V. 137. Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 203–224.
- Taylor C.* Cross-purposes: The liberal-communitarian debate // *Liberalism and the moral life* / Ed. by N. L. Rosenblum. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. P. 159–182.

РАЗДЕЛ I

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПОДДЕРЖАНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

И. А. Мироненко

Сегодня мы являемся свидетелями подлинного бума в сфере исследований нравственной регуляции поведения. Если еще недавно мало кто из психологов решался затронуть эту область, то за последние десятилетия к ее разработке обратились десятки специалистов. Так, на рекордной по числу участников конференции памяти С. Л. Рубинштейна, которая проходила 15–16 октября 2009 г. в Институте психологии РАН, секция, посвященная проблемам нравственности, оказалась самой многочисленной. Работа секции продолжалась два дня в формате трех заседаний, и материалы, на ней представленные, почти полностью заняли один из шести томов материалов конференции, причем том этот оказался самым толстым.

В чем причины такой популярности данной тематики?

Очевидными представляются две причины. Первая – логика развития самой психологической науки в постсоветский период, произошедший поворот большинства ученых от доминировавших в советский период исследований психических процессов к исследованиям личности. Вторая – жизненная, практическая актуальность данной проблематики.

Резкий поворот от исследований психических процессов к проблемам личности был вызван как тем, что открылись возможности проводить исследования, которые ранее не поддерживались официальной политикой в области науки и образования, так и сокращением финансирования лабораторных исследований, без которых работа в области психических процессов оказалась практически невозможной.

Абсолютное большинство публикаций и защищаемых диссертаций по психологии обращены сегодня именно к сфере целостных аспектов и проявлений человеческого бытия, что естественным

образом приводит к постановке вопросов ценностно-нравственно-психологической регуляции поведения человека. Развитие человеческой личности, смысл человеческой жизни, какой бы позиции мы ни придерживались, в каком бы дискурсе ни обсуждали вопрос – в дискурсе ли самореализации или в дискурсе служения чему-либо – невозможно рассматривать вне системы ценностно-нравственных координат.

А. Л. Журавлев (2007) отмечает возрастающий интерес исследователей к роли нравственно-психологических феноменов (факторов) в групповой жизнедеятельности, различных формах социального поведения и т. п. Наиболее перспективными сегодня, по мнению А. Л. Журавлева, являются исследования социальной ответственности и ответственного поведения, справедливости, обязательности и принципиальности в отношениях между людьми и соответствующего поведения, уважительности по отношению к людям и уважительного поведения, правдивости и честности в межличностных и межгрупповых отношениях и правдиво-искреннего поведения (а не только исследования лжи, неправды, обмана, дезинформации, манипулятивного поведения и т. п.) и многих других свойств нравственного сознания, самосознания и нравственного социального поведения личности и группы.

Не вызывает сомнений и жизненная актуальность данной проблематики, практическое значение ее разработки для современного общества. Абсолютное большинство выполняемых в этой области исследований составляют эмпирические работы, претендующие на прямую практическую значимость и актуальность. Лейтмотивом большинства этих работ является призыв: «Пора осознать, что в России нравственное воспитание, духовное возрождение – вопрос выживания нации и одна из необходимых предпосылок оздоровления экономики» (Богомолов, 2008, с. 20).

В научной и популярной литературе кипят страсти и доминируют катастрофические прогнозы. Достаточно распространенной является точка зрения, что мы являемся свидетелями обвального падения нравов, «*комплексной и системной морально-нравственной деградации нашего общества*» (там же, с. 78). Критики современной нравственности апеллируют к данным статистики* и особо отмечают не только сами подобные явления, но и терпимость, толерант-

* Например:

– ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств и получают тяжкие телесные повреждения;

ность общества к ним, их восприятие россиянами как привычных и непреодолимых, как норм нашей жизни, а не как чего-то из ряда вон выходящего.

А. В. Юревич с соавторами предложили способ расчета Индекса нравственного сознания общества (ИНСО) (Юревич, Ушаков, Цапенко, 2007), в основе которого лежат данные статистики. В соответствии с расчетами, ИНСО российского общества лавинообразно снижался в 1990–1994 гг., а в дальнейшем слабо колеблется вокруг достигнутого к 1994 г. значения.

В качестве причины нравственной деградации российского общества называют прежде всего перестройку и последовавшие за ней социальные реформы.

«В конце XX–начале XXI в. российское общество, ввергнутое государством сначала в «перестройку», а затем в «радикальные реформы», постоянно испытывало моральные девиации и дефицит не столько социальных, экономических и политических, сколько нравственных ориентиров, ценностей и образцов поведения» (Левашов, 2007, с. 225).

«Среди составляющих той непомерной социальной цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, – пренебрежение нравственно-психологическим миром человека, интенсивное искоренение морально-этической составляющей из социального бытия» (Гринберг, 2007, с. 588).

Обвиняют также и современную государственную политику: «Создается впечатление, что ни в одной развитой стране мира нет ныне такой, нацеленной на моральную и физическую деградацию народа, свободной пропаганды пороков» (Семенов, 2008, с. 172).

Можно заключить, что в российской психологической литературе доминирует оценка современного состояния общества как упадка нравственности и моральной деградации.

Однако следует отметить, что не все авторы расценивают происходящие в нашем обществе процессы как собственно упадок морали.

-
- каждый год от жестокости родителей страдают 2 млн детей, а 50 тыс. – убегают из дома;
  - каждый год 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесенных мужьями;
  - насилие над женами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвертой семье;
  - темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности
- (Анализ положения детей в РФ, 2007, по: Юревич, Ушаков, 2008).

С точки зрения ряда ученых нет оснований говорить, что сейчас нравственные нормы общества ниже, чем были ранее. Так, автор концепции техно-гуманитарного баланса А. П. Назаретян (Назаретян, 2008) замечает, что очень многое из того, что люди современного общества воспринимают как грубейшие акты насилия, вовсе не квалифицировалось так людьми традиционной (тем более – архаической) культуры. Бытовой фон жизни наших не очень далеких предков составлял насилие – обыденное и повседневное. Регулярное избивание жен мужьями и детей родителями, публичные казни и порки на улицах, будничные конфликты, массовые драки по праздникам (которые хотя и предполагали следование определенным правилам, оставляли после себя убитых и искалеченных). Бытовыми зарисовками такого рода изобилуют произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, Н. С. Лескова, М. Горького и других писателей.

Если оценка существующего положения в сфере нравственности как упадка не является однозначной, есть все же все основания говорить о кризисе нравственности. Об этом свидетельствует уже сам факт острых переживаний по поводу нравственных устоев общества, отражением которых является поток работ по психологии, посвященных данной теме.

По нашему мнению, суть данного кризиса – утрата нравственных ориентиров, вызванная дивергенцией представлений о ценностях в ситуации сложного многообразия и растущей интенсивности взаимодействия культур в современном обществе. В качестве первой из причин кризиса следует назвать то смятение в отношении идеалов и ценностей (в том числе и прежде всего нравственных), свидетелями которому мы являемся в современном мире, осознающем себя в своей мультикультуральности, множественности цивилизаций, основанных на различных системах ценностных ориентаций. Как писал Н. К. Михайловский, «мы не можем общественные явления оценивать иначе, как субъективно, т. е. через идеал справедливости» (цит. по: Голосенко, Козловский, 1995, с. 28), а в отношении этого идеала имеются большие расхождения. В то же время налицо отсутствие психологической готовности людей адекватно понимать друг друга и взаимодействовать в ситуации множественных и неопределенных ценностных ориентиров.

Каждая культура представляет собой целостную систему и как таковая противостоит разрушению своей целостности. Можно согласиться с С. Московичи, который в качестве коренного, исходного

проявления социальности называет разделение на своих и чужих и подчеркивает значение религии как механизма такого разделения (Московичи, 1998). Сам язык как основной механизм культуры выполняет не только объединяющую функцию, обеспечивая своим носителям возможность понимать друг друга, – он представляет собой еще и способ изоляции культур, обеспечивающий защиту культуры от внешних влияний: язык – это и средство ограничить круг понимающих друг друга. Известно, что близкое проживание разнородных культур, как, например, в районе Кавказа, приводит к языковой дивергенции. Эту разделяющую функцию языка особо подчеркивал и считал коренной П. Ф. Поршнев (2007).

Тенденция повышения интенсивности взаимодействия различных культур в современном мире приводит не только к унификации ряда психологических характеристик людей, но и к дифференциации, даже поляризации других характеристик, как и любое межличностное взаимодействие. Эта тенденция чревата опасностью социальных и внутриличностных конфликтов, которым придается характер нравственных коллизий.

Традиционно отечественные исследователи советского периода рассматривали нравственную сферу как результат общественно-исторического развития и обосновывали ее социальную обусловленность и связь с деятельностью человека. Наиболее влиятельной парадигмой исследования нравственного развития являлась культурно-историческая теория (Л. С. Выготский) и разработанный на ее основе деятельностный подход (А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, Л. И. Божович). В русле этой парадигмы нравственное развитие рассматривается как присвоение ребенком моральных норм, как их интериоризация и дальнейшая реализация в нравственном поведении. Мораль при этом рассматривается как форма общественного сознания, в социоцентрическом контексте:

«Крошка сын к отцу пришел
И спросила кроха:
Что такое хорошо,
И что такое плохо?»

Сегодня можно констатировать отказ от социоцентрической парадигмы практически всех исследователей, которые обращаются к проблемам нравственно-психологической регуляции поведения. Да и возможна ли ориентация на социокультурные по своему происхождению нормы в поликультурном мире?

Если социально-культурные нормы уже не могут быть основанием нравственности в динамично меняющемся поликультурном мире, где же искать эти основания?

Сами психологи, как становится очевидным, существенно расходятся в своих ценностных ориентациях, как терминальных, так и инструментальных. В концепциях разных школ существенно различаются представления о том, что является основной функцией психики, для чего и почему психика возникла в эволюции. Различаются представления о сущности и идеале человеческой личности.

В процессе интеграции мировой науки обнажаются аксиоматические основания различных теорий – по сути своей ценностно-нравственные, соотнесенные с идеалами культуры, в контексте которой та или иная теория создавалась. Явно или не явно психологические теории и конкретно-психологические исследования исходят из определенной философской концепции, «версии» человека, подтверждают или опровергают какие-то представления о его сущности и предназначении.

Не менее остро стоит проблема дивергенции ценностей в психологической практике. Так, на протяжении уже ряда лет обсуждается необходимость декларирования целей психологом-консультантом, чтобы клиент мог осознанно осуществить выбор вида предлагаемой психологической помощи.

Таким образом, как нам представляется, основная проблема, порождающая, направляющая и разделяющая поток современных исследований нравственности, – это проблема поиска нравственных ориентиров. Большинство современных российских исследователей проблем нравственности сегодня ищут утраченные ориентиры и основания морали в одном из трех направлений:

- экзистенциально-гуманистическая психология (А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс, В. Франкл и др.);
- христианская религия и работы отечественных философов начала XX в. (В. С. Соловьев, И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, М. М. Бахтин, Н. О. Лосский, Г. И. Гурджиев и др.);
- социобиология (Д. С. Уилсон, Р. Доукинс и др.).

Каждое из этих трех направлений поиска в российской науке возникло, как это часто бывает в истории науки, в качестве своего рода протеста против марксистской социоцентрической парадигмы, господствовавшей в предшествующий период.

В годы перестройки отечественная психология как губка впитала идеи западной экзистенциально-гуманистической психологии (А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс, В. Франкл и др.). Именно гуманистическая психология была прежде всего противопоставлена прежним марксистским методологическим традициям. Гуманистическая психология строит свои позиции на понимании человека как целостного природного существа, которое наделено способностью к свободному развитию, творчеству, поиску жизненных смыслов, способностью к осознанному и ответственному выбору в разнообразных жизненных ситуациях и имманентным стремлением к так называемым общечеловеческим ценностям, которые в русле данного подхода рассматриваются как универсальное мерило нравственности. Социоцентризму был противопоставлен антропоцентризм. Ключевое слово «self» стало «знаменем» новой теории.

В современной российской психологии нравственности это направление, однако, уже не является самым популярным. Большинство российских исследователей сейчас обращаются в своем поиске нравственных ориентиров к религиозным учениям (в первую очередь к учению православной церкви) и к русской идеалистической духовно-нравственной философии. Подчеркнуто материалистической естественнонаучной ориентации психологии советского периода здесь противопоставлена идеалистическая гуманитарная ориентация.

В этом направлении лежат теоретические изыскания Б. С. Бра-туса, И. П. Волкова, М. И. Воловиковой, В. И. Зацепина, В. В. Козлова, В. Е. Семенова, А. И. Субетто, Н. П. Фетискина, В. Н. Шадрикова и других. На христианские ценности ориентируются многие авторы и методических разработок, и эмпирических исследований. Можно сказать, что в эмпирической области выбор нравственных ориентиров проявляется особенно остро. Разработка любого инструментария здесь с необходимостью требует определенных оснований. Так, один из немногих существующих опросников, претендующих на оценку нравственного развития, – «Друг-советчик», разработанный Е. К. Веселовой (2007), непосредственно основан на использовании в качестве мерил нравственности выбора в предлагаемой респонденту гипотетической ситуации соответствие выбираемого варианта поступка рекомендациям современной нам христианской церкви.

Третье направление, ориентирующееся на социобиологию, последователи которого в России не столь многочисленны, заслужива-

ет внимания уже в силу своей мощной представленности в западной науке и теоретической проработанности моделей.

Социобиология возникла во второй половине 1970-х годов в результате открытия генетиками механизмов так называемого группового или родственного наследования. Тот факт, что носителем целостного комплекса генов является не отдельный индивид, но группа, связанная родственными узами, позволил объяснить как биологически целесообразные те виды поведения, которые традиционно противопоставлялись биологически обусловленному эгоистическому поведению, – различные проявления альтруизма и самопожертвования. В свете новых открытий стали понятными вещи, которые Дарвин объяснить не мог и считал парадоксальными, – случаи, достаточно распространенные в животном мире, когда индивиды воздерживаются от того, чтобы иметь собственное потомство, создавая взамен наилучшие условия для выращивания потомства своим сородичам. Так, необъяснимым для Дарвина было существование рабочих муравьев. Наличие генов, обеспечивающих проявления альтруизма, в сообществе несомненно биологически целесообразно и обеспечивает сообществу в целом лучшие условия для выживания по сравнению с группами, члены которых не помогают друг другу.

Социобиология (см.: Wilson, 1975) претендует на объяснение всех видов общественного поведения животных и существенной доли социального поведения человека биологической целесообразностью. В русле социобиологии была предложена трактовка социальности, прямо противоположная теоретико-методологическим основаниям подхода, развивавшегося в советский период, когда традиционно полагалось, что феномен взаимопомощи и взаимопонимания между членами сообщества возникает лишь на уровне человеческой психики. Так, А. Н. Леонтьев в своей классической монографии «Проблемы развития психики» (Леонтьев, 1972), говоря о различии между психикой животного и человека, доказывает, что животное всегда действует само по себе, в одиночку, даже когда вместе действуют несколько особей, воспринимая других как элементы окружающей среды, объекты. В контексте социобиологии проблема нравственности фактически снимается, замещается проблемой биологической целесообразности, оказывается подчиненной проблеме выживания вида. В таком ключе проблема нравственности, на наш взгляд, ставится в концепции техно-гуманитарного баланса А. П. Назаретяна (2008). Необходимость морального развития человечества здесь выступает как условие его выживания

в ситуации возрастающей технической мощи, наращивания разрушительного потенциала цивилизации.

Современные российские исследователи нравственности, ведущие в названных трех направлениях (духовно-нравственное–гуманистическое–социобиологическое) поиск утраченных вместе с теоретико-методологическим единством российской психологии нравственных ориентиров, как это часто сегодня бывает, отнюдь не ведут между собой жарких дискуссий. Напротив, что касается социобиологии, это направление просто претендует на поглощение предметной области обоих гуманитарных подходов, которые, в свою очередь, исследования социобиологов просто игнорируют. Несмотря на утверждение гуманистической психологии о естественной природной основе «общечеловеческих ценностей», никаких попыток доказать природные корни этих ценностей, найти опору на территории естественных наук не делается.

Между гуманитарными же направлениями триады доминирует стремление к объединяющим компромиссным схемам. Очевидным примером такого стремления является подход Б. С. Братуся (1997). В его концепции понимание нравственности («нравственная психология» в его терминологии) основывается на положениях гуманистической психологии («гуманитарной психологии» в его терминологии) и, в свою очередь, продолжается «линией христианской психологии, подразумевающей признание абсолютных оснований нравственности, сознательную ориентацию на христианский образ человека, христианское понимание его сущности и рассмотрение развития как пути следования, приближения к этому образу» (Братусь, 1997, с. 9). Гуманистическая психология и духовно-нравственное направление рассматриваются им в русле популярной в современной российской науке эклектики «не как враждебные, противостоящие друг другу, но как в известном смысле преемственные, где последующий не уничтожает предыдущего, но вбирает в себя, добавляя новый принцип рассмотрения, возвышая, достраивая до целого образа человека» (Братусь, 1997, с. 9).

Как не вспомнить слова Л. С. Выготского об опасности построения научных систем, претендующих на статус обобщающих по отношению к отдельным школам и дисциплинам: «При таких попытках приходится просто закрывать глаза на противоречащие факты, опускать без внимания огромнейшие области, капитальные принципы и вносить чудовищные искажения в... сводимые воедино системы» (Выготский, 1982, с. 330).

Ведь экзистенциально-гуманистическая психология в качестве терминальной ценности провозглашает самого человека, его Я, его внутреннюю сущность, самореализацию. Нужно как следует постараться, чтобы не увидеть, что сама идея самореализации полностью противоречит основному христианскому принципу самоотречения. Ведь в контексте теистического мировоззрения человек «краткодневен и пресыщен печалью», он по природе своей несовершенен и обречен на страдания. Мера ценности человеческой личности – ее устремление к Богу, любовь к Богу и безграничная вера. Цель человеческой жизни – переход в иную жизнь – вечную жизнь в Боге, через испытания жизнью земной, временной, не имеющей самостоятельной ценности.

А что же, как ни грех гордыни, проповедует гуманистическая психология? В контексте ее положений монашество и однополые браки – явления рядоположные. В обоих случаях речь может идти о воплощении своей внутренней сущности. Разве такое рядоположение не будет оскорбительным для Православия? Да, можно найти частные случаи, когда расхождения во взглядах этих двух систем не являются вопиющими, но это будут лишь проекции под определенным углом зрения. В целом же нравственные ориентиры христианства и гуманистической психологии пролегают в разных плоскостях и никак не сливаются воедино. В Писании сказано: «Никто не может служить двум господам... Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6: 24).

Таким образом, следует признать, что принципы нравственной оценки в русле названных трех направлений:

- достаточно ясно заданы;
- существенно различны.

Именно поэтому, на наш взгляд, все названные три направления поиска нравственных ориентиров не имеют перспективы, так как не соответствуют реальности современного поликультурного мира. Ведь каждое из них предлагает очень определенную и, главное, – «единственно правильную» систему взглядов на мораль, систему выставления нравственных оценок. Мировое развитие в XX и XXI вв. уже показало, что попытки навязывания всему миру единых культурных стандартов – в том числе и в первую очередь стандартов морально-нравственных оценок, идеи глобализации как всеобщего распространения единого типа культуры – не жизнеспособны. Следует искать иные пути сосуществования и взаимодействия

культур, которые обеспечили бы сохранение и развитие каждой из них, возможность интеграции в едином контексте человеческой цивилизации.

Нравственность возникает с появлением человеческого общества, культуры, и суть ее состоит в противоречии между естественным и должным. Нравственность существует как специфический социально-психологический феномен, который с необходимостью возникает именно тогда, когда культура и природа входят в противоречие, когда общественные нормы требуют, чтобы поведение было «неестественным», требуют отторжения как непосредственных природных импульсов и инстинктов, так и ставших автоматизмами социальных навыков. Именно это противоречие порождает нравственную проблематику как специфическую коллизию, которая и служит предметом психологических исследований. Поэтому, как нам кажется, задача поиска нравственных ориентиров не решается ни в плоскости отдельно взятого природного начала в человеке, ни в плоскости анализа культуры.

Сегодня поиск ориентиров в решении нравственных коллизий современными российскими исследователями ведется преимущественно в сфере двух коренных социально-психологических феноменов: общности и личности. Однако при этом характер выводов оказывается однозначно определенным и культурно опосредованным, привязанным к определенной культурной норме, носителем которой является человек или общность. Поэтому, на наш взгляд, в ситуации динамически изменяющегося поликультурного мира, сосуществования различных представлений о должном ни личность, ни общность не годятся на роль опоры в поиске нравственных ориентиров.

Если не биологическое, не социальное, не личность и не общность, то что же может послужить опорой в поиске нравственных ориентиров?

Возможно, окажется плодотворным путь, намеченный в трудах С. Л. Рубинштейна, который писал, что специфический характер нравственности состоит «во всеобщем, общечеловеческом соотносительном характере моральных положений, которые не существуют только применительно к жизни одного данного человека» (Рубинштейн, 2003, с. 78). Возможно, в ситуации поликультурного мира следует добавить: **не существуют применительно к жизни одной данной общности?** Возможно, окажется плодотворным обращение в поиске нравственных ориентиров не к личности и не к общнос-

ти как к целому, изначально наделенному данными ориентирами, а к иному базовому для социальной психологии феномену – феномену общения, в котором результат принципиально не задан характеристиками ни одной из сторон, но рождается из встречного тока их активности?

Для понимания природы нравственности, какой она предстает в поликультурном мире, особое значение приобретает нравственная коллизия, возникающая в ситуации общения людей, которые принадлежат к культурам, воплощающим несовместимые нравственные ценности и ориентиры. Такая ситуация не является новой, она была известна и ранее. В качестве примера данной нравственной коллизии можно привести сюжеты поэм Важи Пшавела «Гость и хозяин» и «Алуда Кетелаури», известные нам и по фильму «Мольба» Тенгиза Абуладзе. В такой ситуации оказываются противопоставлены интересы и нормы общности, как культурной, так и биологической, к которой принадлежит герой, и те нормы и интересы, которые порождаются ситуацией общения с «чужаком», что неожиданно высвечивает подлинно человеческую природу нравственного поступка.

Ситуация общения людей, принадлежащих к враждебным друг другу в мировоззренческом плане общностям, не является новой в истории. Однако только сегодня она становится:

- повсеместной, тогда как раньше относительно постоянные контакты различных по своим культурно-нравственным ориентациям общностей были ограничены отдельными районами компактного проживания различных культур;
- относительно постоянной, в то время как раньше она была ограниченной во времени, так как даже в тех местах, где компактно проживали разные культурные общности, «межкультурное» общение людей было строго регламентировано теми или иными видами взаимодействия;
- всеобщей, в то время как раньше такого рода контакты были ограничены и доверялись специально подготовленным людям.

Если раньше в каждой культуре существовали и были общеизвестны правила и нормы общения с чужаками и контакты такого рода контролировались общностью, то сегодня межкультурное общение происходит повсюду, постоянно, и вовлечен в него каждый, в то время как правила отсутствуют.

В такой ситуации можно ожидать, что чем больше уверенность

людей в безотносительном характере нравственных ценностей, которых они придерживаются, тем чаще и со все более тяжкими последствиями будут происходить межкультурные конфликты. Самая большая опасность поликультурного мира – «сползание» от диалога к конфронтации и конфликту. А неколебимая уверенность одной из сторон в собственном знании нравственных истин и праве судить тех, кто эти истины не разделяет, ведет именно туда.

Проблема нравственных ориентиров, к которой обращаются современные психологи, – действительно проблема жизненно актуальная для современного общества. Поэтому крайне опасной мне представляется предвзятость в подходе к исследованиям нравственности, «классовый» подход к этой проблеме, подмена научного исследования верой в непогрешимость собственных идеалов, объективного анализа природы нравственности – миссионерскими призывами, а интеллектуального поиска – поиском оправданий и обвинений, чем, как мне представляется, нередко грешит современная отечественная психология.

Литература

- Богомолов О. Т. Экономика и общественная среда // Экономика и общественная среда: Неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 8–26.
- Братусь Б. С. Психология. Нравственность. Культура. М.: Роспедгиз, 1994.
- Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–12.
- Веселова Е. К. Метод исследования нравственной сферы личности // Диагностика здоровья. Психологический практикум / Под ред. проф. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь, 2007. С. 359–374.
- Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. М., 1982. Т. 1.
- Журавлев А. Л. Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН. Доклад на юбилейной научной конференции, посвященной 35-летию ИП РАН и 80-летию со дня рождения Б. Ф. Ломова, 31 января 2007.
- Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
- Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.
- Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. Изд. 2-е, испр. М., 2008.

Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб., 2007.

Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 2003.

Семенов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб., 2008.

Юревич А. В., Ушаков Д. В. Нравственность в современной России // Социологический журнал. 2009. № 1. С. 70–86.

Юревич А. В., Ушаков Д. В., Цапенко И. П. Количественная оценка макropsychологического состояния современного российского общества // Психологический журнал. 2007. № 4. С. 23–34.

Wilson E. O. Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge, 1975.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ РЕГУЛЯЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

М. И. Воловикова

Введение

Общественная жизнь регулируется нормами – их выработкой, принятием, соблюдением и санкциями за нарушение (Бобнева, 1978). Однако в последние два десятилетия в России, а в западном мире – начиная с 1960-х годов, нормы приемлемого социального поведения претерпевают столь серьезные изменения, что возникает вопрос о каких-то иных, более «надежных» механизмах поддержания общественного и личного благополучия.

Обращение к работам, посвященным моральному сознанию, позволяет говорить о возможности опираться на потенциал самой личности. По мнению Л. Колберга, на самой высокой стадии развития морального сознания человек принимает ценность высших этических принципов, говорит о совести как регуляторе поведения (Kohlberg, 1976). По мнению ученицы и коллеги Колберга Дж. Тапп, высшая стадия развития морально-правового сознания также связана с пониманием самостоятельной ценности закона и определяющей роли совести (Tapp, Kohlberg, 1977).

Совость является одним из часто употребляемых в психологии, но, наверное, самым загадочным и наименее изученным феноменом психической жизни личности. Т. А. Флоренская соотносит совесть с понятием «духовное Я» и говорит о совести как о «голосе Бога в душе человека» (Флоренская, 2006). А. А. Мелик-Пашаев использует родственный термин «творческое Я» и говорит о связи совести с творчеством (Мелик-Пашаев, 2002). Глубокий психологический анализ понятия совести мы обнаружили в работах И. И. Ильина (Ильин, 1993). Автор делает разбор правильного и неверного путей работы совести, анализирует момент ее наиболее интенсивной работы, который он назвал «совестный акт». В дальнейшем, сопо-

ставляя описанные Ильиным процессы, происходящие во время совестного акта, мы пришли к выводу, что их можно соотнести с «немгновенным инсайтом» в процессе решения нравственной проблемы (Воловикова, 2005).

Собственно, о духовно-нравственной регуляции поведения личности в точном смысле слова можно говорить именно тогда (и только тогда), когда мы имеем в виду регуляцию на основе работы совести. В этом случае снимаются вопросы об относительности и изменчивости норм общественного поведения. Поэты называли эту инстанцию «грозный судия» (Лермонтов), «совесть лютая» (Пушкин). Следуя за поэтами (и за психологами^{*}), можно говорить о том, что совести принадлежит (среди других) и карающая роль.

Воспитанию совести в российском менталитете отводилось ведущее место в педагогическом процессе (Зеньковский, 1924). Согласно православной традиции ответственность ребенка за свои поступки наступала с семилетнего возраста и была связана с первой исповедью. Писатель Иван Шмелев в автобиографической книге «Лето Господне» говорит о себе, семилетнем, после исповеди: «Я подрос, теперь уж не младенец, а отроча, поговел-исправился, как большие» (Шмелев, 1991, с. 519). Воспитывалась совесть путем подражания самым высоким образцам – ангелам, святым и героям. В дореволюционной России существовал большой и доступный для всех общественных слоев пласт житийной литературы.

Традиция воспитания совести на высоких образцах нравственного поведения была унаследована советской культурой, правда, в усеченном виде. Верхнее место в иерархии образцов заняли «вожди» и герои нового времени. Возобновленная Горьким серия «Жизнь замечательных людей» дала читающей аудитории множество образцов для подражания. Для кого-то знакомство с такими книгами в юношеском возрасте могло сыграть определяющую роль в выборе жизненного пути, в нравственном становлении личности.

Для психологов представляет интерес, что происходит с личностью в условиях повсеместной замены норм нравственного поведения на их противоположность: процесс, интенсивно происходящий (хотя и со своими особенностями) во всем мире, но особенно заметна негативная сторона обвального падения нравов в постперестроенной России (см.: Юревич, 2009).

* Одна из работ Т.А. Флоренской так и называлась «Колючки совести» (см.: Флоренская, 2006).

Здесь уместно напомнить, что современная («западная») цивилизация является по своим основаниям христианской. Замечено также, что и советский «моральный кодекс строителя коммунизма» списан, с некоторыми изменениями, с христианских норм поведения. Пример из одной современной книги, написанной священником: «Раньше, в „советское“ время, многие моральные нормы и идеалы, такие как служение Родине, жертвенность ради счастья других людей, супружеская верность, ценность семьи как „ячейки общества“, бескорыстность, честность и другие были заимствованы из дореволюционной христианской морали и лишь „наряжены“ в коммунистические одежды, вспомните хотя бы „Моральный кодекс строителя коммунизма“ и сравните его с десятью заповедями. В „перестройку“ коммунизм „отменили“, а вместе с коммунистической идеологией обрушили и традиционную общественную мораль» (Торик, 2007, с. 197).

Размышления о «моральном кодексе»

Хотелось бы подробнее обсудить «советскую мораль». Настало время серьезного анализа советского периода истории нашей страны. Нужно отметить, что интерес к этому периоду проявляют политологи, социологи, физиологи и другие специалисты. СССР была мощной державой, одержавшей победу в Великой Отечественной войне. Нравственное состояние советского общества было в целом несопоставимо с современным. Для подтверждения достаточно посмотреть профессиональным взглядом на художественные фильмы этой эпохи. Наряду с натяжками и разными идеологическими глупостями в них столько детской чистоты, любви (приходится добавлять – в хорошем смысле этого слова), дружеских, искренних отношений.

Киноискусство является объектом исследования не только для искусствоведения, но и для психологии. Такая область последней, как историческая психология, основываясь на документах эпохи, воссоздает характер отношений, верований, идеалов и ценностей, определявших социальное поведение современников, общее состояние общественной морали.

Кино не только отражает жизнь, но и во многом формирует отношение к этой жизни. В советское время кино использовалось для идеологических и воспитательных целей. Сейчас иногда трудно разобраться в мешанине производственных и личных тем фильмов советской эпохи, однако, выделяя в них самое общее, можно за-

метить, как долго сохранялись и поддерживались киноискусством нормы нравственного поведения, традиционные для российского общественного сознания.

Видно также, что наступление на христианские нормы дореволюционной России было постепенным и неравномерным: т. е. не все нравственные нормы осуждались, и не всякое осуждение выдержало испытание временем. Так, несмотря на разрушение на юридическом уровне института семьи (введение упрощенных форм государственной регистрации и расторжения брака), тема любви в художественных фильмах оставалась темой супружеской верности (либо выбора супруга). Христианская норма («заповедь») «не прелюбодействуй» оставалась и «заповедью» морального кодекса. Однако следует заметить, что обвал морали 1990-х годов был подготовлен в том числе и постепенными послаблениями в строгости исполнения этой очень личной нормы. Пусть в годы послевоенной разрухи происходило всякое, но в советском кино царил идеал верности. И это, с уверенностью можно сказать, помогало хоть какому-то поддержанию нравственных устоев в реальной жизни. А 1990-е показали, как срабатывает эффект «домино»: от развала семьи – к нарушению нормальных отношений между полами. То, о чем наши предки читали только в истории древнего Рима, вдруг ворвалось внезапно в нашу жизнь с киноэкранов и экранов телевизоров. А ведь еще Энгельс предупреждал, что «любовь к мальчикам погубила древний Рим», но наши современники оказались лишенными даже такой слабенькой прививки от разрушения общественной морали, какой была коммунистическая идеология. Задача поддержания «нравственного иммунитета» перешла на уровень личности, и беда в том, что личность подрастающего человека часто оказывается не готовой к тому валу разрушающей моральные устои информации, который почти беспрепятственно обрушился с экранов телевизоров и из других СМИ.

В исследованиях Л. И. Божович с коллегами показано, какие этапы проходит личность в процессе своего нравственного становления. Показана роль нравственного идеала, роль положительного примера, место поступка и активной нравственной позиции в воспитании. Подрастающий человек в состоянии сопротивляться негативным воздействиям окружающей среды при условии сформированности нравственных убеждений (Божович, Конникова, 1975). Формирование нравственных убеждений начинается в период ранней юности. В начале 1990-х годов вне внимания взрослых (вы-

нужденных справляться с экономическими и другими проблемами) оказалось целое поколение подрастающих детей. «Распоясавшееся» в это время телевидение для многих из них стало и няней, и воспитателем.

С. Л. Рубинштейн писал о том, что путь развития нравственного сознания в период ломки привычного (а потому неосознаваемого) нравственного уклада – это работа по осознанию своей жизни. Он говорил о том, что здесь середины не дано: либо напряженная работа по осмыслению и добровольному принятию человеком нравственных основ, либо полная моральная деградация (Рубинштейн, 1997). За восемнадцать лет «новой России» подросло поколение, которое будет заново открывать для себя нравственные максимы и запреты, часто платя за это «открытие» болезнями, чувством моральной опустошенности и др. Но те, кто справится с этой работой, будут намного сильнее нас, так как им не пришлось испытать на собственном опыте лживость советской морали. Сейчас время и честнее, и суровее. Суровее, так как расплатой за ошибки оказывается то, что мы назвали «частичной личностью».

Феномен «частичной личности»

Конечно, нет такого термина. Но мы не знаем, как еще назвать то, что происходит с личностью сегодня, когда она утрачивает жизненно необходимые нравственные ориентиры, но при этом продолжает как-то жить и справляться со своими проблемами.

Явление такой потери целостности мы обнаружили раньше, незадолго до «перестройки». В связи с проведением исследования представлений брачующихся о браке мы оказались в обычном районном загсе и как-то из-за недостатка свободного помещения разговаривали с молодоженами в одной комнате с потоком посетителей, приходивших зарегистрировать родившихся детей. И тут выяснилось, что эти два потока (брачующихся и записывающих младенцев) почти никак не связаны: дети появлялись вне брака.

Отделение отцовства и материнства от супружества наносит цельности личности большой ущерб, однако это несопоставимо с тем, что может происходить в наше время. Если материнство («суррогатное») отделяется от рождения, если отношения между полами перестают быть (хотя бы в идеале) связаны с супружеством, то личность при этом непоправимо теряет в своем душевно-духовном (а часто – и в телесном) благополучии. В некотором роде она начинает функционировать наподобие механизма, состоящего из разрозненных деталей, а не как целостное живое существо.

Духовная природа материнства была показана в исследовании М. Ю. Колпаковой (Колпакова, 2004). Оказывается, если мать принимает решение (в силу разных, иногда очень трагических обстоятельств) оставить ребенка в роддоме, то при этом у нее начинается депрессивное состояние, имеющее духовную природу. Изменив решение в пользу ребенка, она всегда выходит из депрессии.

Для формирования подрастающей личности нужна семья. Этот факт учитывает законодательство всех цивилизованных стран. Другое дело, что только крепкая семья дает ребенку защиту. В наших исследованиях решения моральных задач младшими школьниками (Воловикова, 1987) было замечено, что для ребенка мама и папа составляют единое целое, о котором он часто говорит как об одном существе: «мама-папа подумали и сказали...», «мама-папа решили...». Разрушение (или несформированность) семьи в раннем возрасте прокладывает первые «трещинки» в будущей цельности личности. Идеалом подросткового человека может стать «пожить для себя» или (если это женщина) «родить ребенка для себя», т. е. происходит углубление «частичности личности», нарастающее с каждым новым поколением. И нужно заметить, что усиление эгоизма не делает человека счастливее.

Исследователи отмечают: «Условия, в которых происходит нравственное становление современного подрастающего поколения в нашей стране, характеризующиеся утратой традиционной системы ценностей, приводят к развитию цинизма, агрессивного отношения к окружающим, формированию презрения к слабым и зависти к сильным, чрезмерного честолюбия, ориентации на внешний успех, экзистенциального вакуума и ряда других нравственных патологий» (Слепухина, 2006, с. 313).

Механизмы появления отчужденной от самой себя личности описал С. Л. Рубинштейн. В работе «Человек и мир» он предупреждал о последствиях использования отдельных функций человека в отрыве от его принятия в его целостном существовании (Рубинштейн, 1997). Это разрушение может происходить и в семье, но вне семьи оно почти неизбежно. Как происходит такое разрушение, понятно каждому – вместо «супругов», т. е. двух человек «в одной упряжке», продвигающих жизнь семейного коллектива в одном направлении, появляется слоистая и разнонаправленная «взвесь» различных «ролей» одной, но уже не цельной личности («роли» перечислять не хочется, этих слов, ранее считавшихся непристойными, звучит слишком много в окружающем пространстве). Человек с пе-

чалью замечает: «А ведь было у меня назначение высокое»^{*}. Начинается депрессия, с которой не может справиться «вся королевская рать» психотерапевтов, так как собрать этого «шалтая-болтая» невозможно, пока человек сам не решится покинуть рамки своего эгоизма.

Когда-то, в позапрошлом теперь XIX в., вся «просвещенная» Россия напряженно искала пути общественного и личного развития. Тогда в науку пришло много прославившихся в будущем исследователей. Так, Сеченов пытался разгадать на языке физиологии «феномен Рахметова» (см.: Ярошевский, 1975) – героя, в общем-то выдуманного писателем, но широко обсуждаемого. Ученик Сеченова Ухтомский также искал ответ на вопрос, заданный великой русской литературой: в чем истоки феномена «двойника», описанного Достоевским в «Записках из подполья», а, главное, – где человеку искать выход из этого заключения в подполье собственного эгоизма. Открытие, сделанное Ухтомским на пути решения этой проблемы, связано с доминантой, точнее – с доминантой на лице (личности) другого человека. М. Г. Ярошевский говорит о научном наследии Ухтомского: «Речь для него – это не «обмен сигналами», а великое дело общения, предполагающее специальную мотивацию – «доминанту на лицо другого», благодаря которой человек не просто осознает себя как личность, а впервые сам становится личностью» (Ярошевский, 1975, с. 12).

Доминанта, по мысли Ухтомского, вызывает торможение процессов, не связанных с нею, где торможение понимается не как пассивное состояние, а наоборот, оно представляет наиболее высокую и непрерывно нарастающую форму активности.

Знание нравственных норм и стремление соблюдать их способствует активной жизненной позиции личности, выражающейся в уклонении от нарушения этих норм, что требует от человека усилий (в отличие от стремления выполнить любые свои желания, характеризующего незрелую личность).

* «Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений – лучший свет жизни» (М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

Но знает ли подрастающее поколение о нравственных нормах? Какому нравственному образцу (идеалу) они стремятся соответствовать? Однороден ли этот идеал в современной молодежной среде?

Ответам на эти и другие вопросы был посвящен ряд исследований, проведенных нами вместе с коллегами и учениками.

Эмпирическое исследование

Особенно актуальным является изучение нравственных образцов, на которые ориентируется современная молодежь, – того, как молодые люди понимают необходимость соблюдения правовых норм (юридического закона) и что они думают о совести (нравственном законе). Наше исследование проводилось в русле концепции социальных представлений и включало в себя все три упомянутых области: социальные представления об образцово-нравственной личности («порядочном человеке»), морально-правовые представления и социальные представления о совести.

Последнее из упомянутых исследований является самым недавним по времени. Это диссертационная работа аспирантки ИП РАН Л. Ш. Мустафиной, часть которой посвящена изучению социальных представлений о совести старшеклассников из Москвы и Казани (Мустафина, 2008).

В работе было обнаружено, что представления современных подростков о совести во многом определяются теми взглядами на совесть, которые сложились исторически в российском менталитете. Это касается прежде всего ядра социальных представлений – близкого по своему наполнению у юных представителей различных регионов. Как мальчики, так и девочки считают, что совесть – это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступить. Совесть, по их мнению, связана с осознанием своих поступков, ответственностью и нравственным долгом перед другими. Совесть помогает не выходить за рамки приличия, чувствовать грань дозволенного. Школьники из Москвы и Казани считают, что в человеке совесть закладывается воспитанием и у разных людей развита в разной степени.

Как выяснилось, различия в представлениях о совести связаны с половой принадлежностью респондентов. Так, в ядре социальных представлений о совести девочек содержатся утверждения о ее карающей и регулирующей функциях (совесть вызывает страдание и раскаяние при нарушении нравственных законов; человек сам у себя воспитывает совесть; совесть независима от мнения окру-

жающих). В целом ядро социальных представлений о совести девочек оказалось содержательно более полным, чем у мальчиков. Л. Ш. Мустафина интерпретировала данный факт тем, что девочки, возможно, острее чувствуют и осознают нравственные правила и их нарушения (Мустафина, 2008, с. 387).

Данный вывод согласуется с исторически сложившимися в российском менталитете представлениями о том, что женщинам принадлежит основная роль в сохранении нравственных основ жизни общества. В дореволюционной России на девушек была направлена особая забота крестьянской общины (Громыко, 1991). Поддержание работы нравственной интуиции – совести – позволяет личности как бы заново открывать для себя нравственные нормы – иногда вопреки общему нравственному падению. Судя по результатам исследования, проведенного Л. Ш. Мустафиной, а также ряду других работ (Флоренская, 2006; Колпакова, 2004; и др.), воспитанию подростков-девочек следует уделять особое внимание, чтобы позитивно повлиять на духовно-нравственное состояние российского общества. Хотя с печалью стоит отметить, что в 1990-е годы именно на подростков было обращено внимание несертифицированных педагогических программ, негативные последствия воздействия которых будут еще долго сказываться в разрушении основ общественной морали.

Из позитивных механизмов поддержания моральных норм на уровне личности следует отметить роль подражания высоким образцам нравственного поведения. В юности естественно искать идеал. Однако, как было отмечено в ряде наших исследований, выполненных начиная с середины 1990-х годов (Воловикова, Гренкова, 1997; Воловикова, 2005), существует определенный дефицит высоких нравственных образцов для воспитания подрастающей молодежи. Одна из причин этой скудности состоит даже не в том, что высоконравственные люди совсем перевелись, а, скорее, в том, что их мало или почти нет в доступном для подростка или юноши окружении – как среди близких, знакомых людей, так и в тех образцах, которые дает современная культура (художественная литература, фильмы, СМИ и др.).

За основу методики исследования современных представлений о нравственном образце была взята работа японских психологов Азумы и Кашиваги, изучавших обыденные представления («имплицитные концепции») об умном человеке (Azuma, Kashiwagi, 1987). Сначала они просили вспомнить и описать человека, которого ре-

спондент «знает лично» и которого считает умным, и лишь затем (на втором этапе) на основе полученных ответов с помощью частотного анализа отбирали наиболее употребимые качества «умного человека», из которых и составляли анкету закрытого типа, построенную по принципу одномодальной шкалы. Исследователи подчеркивали: «Таким образом, мы хотим начать с конкретного, предлагая нашему испытуемому подумать о конкретной личности, которую субъект хорошо знает, и знает как интеллектуальную, и думает, что личностные характеристики, которые могут быть приписаны этой личности, позволяют судить о ее интеллектуальности» (там же, с. 18).

В каждом человеке сосуществует множество черт характера, которые часто представляют собою довольно противоречивую картину. И когда речь заходит о некотором образце (проявлении ума или нравственных качеств), то одни характеристики не мешают личности в глазах другого человека оставаться образцово умным или образцово нравственным, а другие совершенно несовместимы с «образцом».

Таким образом, оказывается возможным выделить несколько личностных типов (сочетаний качеств), представляющих в исследуемой выборке образ идеальной по той или иной характеристике личности.

Также, исходя из понимания С. Л. Рубинштейном *поступка* как «имплицитного суждения», нами в методику был добавлен вопрос о конкретном поступке, доказывающем, что описываемый человек действительно является нравственным образцом. Кроме того, учитывая обращение к житейским представлениям, в самом формулируемом вопросе мы подбирали именно те слова и выражения, которые наиболее близки житейскому (а не научному) языку.

Формулировка также зависела от той конкретной культуры, где мы собирались проводить исследование. Хотя речь шла о нравственном образце, только в Якутии вопрос ставился в виде просьбы описать «высоконравственного» человека (Елисеева, 2004), а в русских регионах спрашивали о «порядочном» человеке (Дикевич, 1999).

Так же как у японских ученых, отбор дескрипторов для анкеты производился с помощью частотного анализа, скорректированного путем выделения культурно-специфических качеств. В результате в основную анкету для русской выборки вошли дескрипторы: скромный, пунктуальный, тактичный, уважающий других людей, не предаст друга, добросовестный, любит Родину, образованный,

смелый, не выдаст чужую тайну, не нарушает закон, бережливый, верит в Бога, гордый, воспитанный, не нарушает данное им слово, трудолюбивый, умный, справедливый, ответственный, не курит, может дать совет, хорошо одевается, волевой, не ворует, честный, культурный, аккуратный, не сквернословит, добрый, соблюдает правила этикета, общительный, щедрый, начитанный, рассудительный, с чувством юмора, не сплетничает, уважает старших, не врет, безотказный, интеллигентный.

Сам этот перечень, разумеется, не является исчерпывающим. В него не вошла такая важная характеристика, как порядочность в супружеских отношениях, но она не вошла и в описание черт образцово нравственной личности (хотя, как мы увидим ниже, в описания поступков – вошла). А дескрипторы «верит в Бога» и «любит Родину» мы включили в анкету исходя не столько из результатов частотного анализа (рейтинг этих качеств оказался не очень высок), сколько из анализа особенностей исторически сложившегося российского менталитета, где вера и патриотизм издавна выступали как стержневые свойства нравственного образца. В список вошли качества, которые относятся к внешнему виду и поведению (хорошо одевается, соблюдает правила этикета), к когнитивным характеристикам (умный, начитанный, рассудительный), к соблюдению норм доверительного общения (не врет, не нарушает данное им слово, тактичный, не предаст друга, может дать совет, не сплетничает), к чертам характера (волевой, общительный, гордый, безотказный, щедрый, скромный, пунктуальный, с чувством юмора). Лидировало во всех выборках середины 1990-х годов качество «добрый». Особое место занял дескриптор «интеллигентный» – сам по себе достойный отдельного исследования относительно его расширенного понимания в российском менталитете. Из вредных привычек (вернее, отсутствия этих привычек) в анкету вошли относительно безобидные «не курит» и «не сквернословит», здесь мы исходили из результатов частотного анализа.

На дальнейших этапах исследования на русской выборке мы решили список этих качеств не менять, т. е. не проводить новый отбор дескрипторов, описывающих порядочного человека спустя почти десять лет, прошедших после первого этапа.

В исследовании Н. Д. Елисеевой (2004), проведенном на якутской выборке (и отчасти на якутском языке), набор дескрипторов, характеризующих высоконравственного человека, оказался иным, а сравнение с другими российскими регионами можно было прово-

дять, сопоставляя результаты факторного анализа. Специфические для Якутии дескрипторы касались отношения к природе, отношений между поколениями и «культуры молчания» (хороший родитель/сын/дочь не ломает деревья, не загрязняет озера, не обижает животных, умеет промолчать в беседе в нужный момент и др.), но особых различий в выделившихся факторах с другими российскими регионами обнаружено не было (Елисеева, 2004).

В русском языке слово «порядочность» стало особенно употребимо к началу 2000 г. В середине 1990-х годов оно казалось едва ли не верхней «планкой» (почти недостижимой) нравственного идеала. Смоленские школьники, отвечая на вопрос анкеты, сетовали, что «порядочность» это то, что еще было во времена их дедушек и бабушек, а теперь ее встретить трудно. В целом на разных выборках середины 1990-х сложилась картина позитивного отношения к «порядочности» при понимании редкости этого качества в реальной жизни.

Факторный анализ заполненных анкет того периода позволил выделить несколько личностных типов образцово нравственного («порядочного») человека, причем в каждой конкретной выборке (отличающейся по возрасту, региону проживания или полу) эта типология обнаруживала свою специфичность (Дикевич, 1999; Воловикова, 2005).

На рубеже 2007–2008 гг. нами было проведено аналогичное исследование на молодежной (студенческой) выборке (Москва, 106 чел., 55% Ж, 45% М, возраст 18–25 лет; Хабаровск, 143 чел., 75% Ж, 25% М, возраст 18–25; Красноярск, 53 чел., 100% Ж., возраст 17–21). Все респонденты – учащиеся обычных (светских) вузов.

Кроме того, небольшая выборка студентов православного вуза (14 чел., 37% Ж, 63% М, возраст от 17 до 20 лет, 2 человека старше 30 лет) позволила увидеть некоторые особенности представлений о нравственном человеке верующей молодежи. Хотя малочисленность данной выборки не давала возможности провести факторный анализ, как мы смогли это сделать на основе анкет, заполненных молодыми людьми из Москвы, Хабаровска и Красноярска, некоторые тенденции позволил выявить *частотный анализ*.

В результате сравнения *частоты выбора* того или иного качества, характеризующего «порядочного человека» (как конкретного лица, лично известного респонденту и обладающего своим набором качеств), некоторые дескрипторы оказались более употребимы, другие – менее, образуя по каждой конкретной выборке определенный «профиль».

По московской выборке в «профиле» максимальное значение оказалось у дескриптора *не предаст друга*; затем идут (в порядке убывания): *уважает старших, воспитанный, может дать совет, умный, добросовестный, добрый*. Минимальные значения по московской выборке оказались у качеств *не курит* и *любит Родину*.

По хабаровской выборке максимальное значение оказалось у дескриптора *уважает старших*. Далее (в порядке убывания) идут: *уважающий других людей, не ворует, воспитанный, добрый*. Минимальное значение по хабаровской выборке у качества *верит в Бога*.

По красноярской выборке максимальное значение у качества *уважает других людей*, далее (в порядке убывания) идут: *уважает старших, не ворует, не предаст друга, добросовестный, честный*. Минимальное значение у качеств *безотказный* и *верит в Бога*.

В некотором приближении результаты частоты использования тех или иных дескрипторов для описания конкретного человека, которого, с точки зрения респондента, можно считать порядочным, принципиально не отличаются в разных российских регионах. Действительно, по всем выборкам на протяжении десяти лет *вера в Бога* и *любовь к Родине* занимали самые невысокие места в рейтинге «порядочности».

Как и следовало ожидать, на выборке верующих молодых людей (студентов православного вуза) можно было увидеть иную картину. Здесь максимальные значения у дескрипторов *может дать совет* и *честный*, далее идут: *верит в Бога, добрый, уважающий других людей, не нарушает данное им слово*. Минимальное значение – *гордый* (см. рисунок 1). В ответах на дополнительный вопрос анкеты о других качествах, характеризующих порядочного человека, добавлены: *стеснительность, мудрость, кротость, смирение*.

Однако частный анализ не может дать представления о нравственном образце не как перечне разрозненных качеств, а как конкретной личности, наделенной разными качествами. Найти качества, на основе которых формируется нравственный образец, помогает применение *факторного анализа*.

Результаты факторного анализа по трем молодежным выборкам (Москва, Хабаровск и Красноярск) показали, что совокупность выделившихся основных факторов объясняет около половины (близко к 50%) случаев и может характеризовать выборку в целом. В каждой из выборок (после проведения варимакс-вращения) выделилось по 7 основных факторов. Кроме того, из остальных факторов (с небольшой дисперсией) можно отметить несколько, представляющих

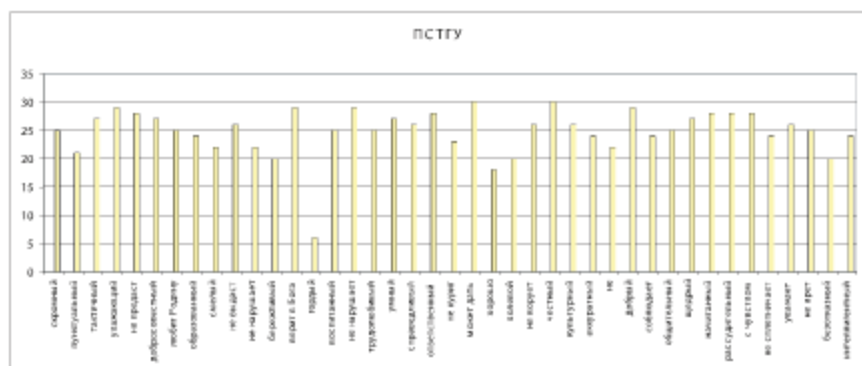

Рис. 1. Частота выбора студентами православного вуза дескрипторов, описывающих «порядочного человека»

интерес при соотнесении с результатами аналогичного анализа результатов исследований предыдущих лет. Так, в выборке молодых москвичей впервые появился *фактор веры в Бога* (включающий качества «добрый» и «щедрый»), в выборке молодых хабаровчан появился *фактор любви к Родине*. Но остановимся подробнее на тех факторах, которые в каждой из выборок заняли лидирующее положение.

В выборке молодых москвичей на первое место выделился **фактор культуры поведения** (дисперсия 10,9%, т. е. данный фактор объясняет почти 11% случаев). Фактор включает качества «культурный», «тактичный», «уважающий других людей». С немного меньшим «весом» идут качества «интеллигентный», «уважает старших», «не сквернословит». На втором месте **когнитивный фактор** (дескрипторы «образованный», «начитанный», «с чувством юмора» и «умный»), на третьем – **фактор честности** (дескрипторы «не врёт», «не ворует», «честный», «не нарушает закон»). Интересно, что в данной выборке, хотя и на 6-й позиции, выделился **фактор любви к Родине** (дескрипторы «любит Родину», «не нарушает данное им слово»).

Отметим, что пять лет назад в московской выборке лидировал **фактор доверия**, объяснявший 13,8% случаев (дескрипторы «не нарушает данное им слово», «не выдаст чужую тайну», «справедливый», «не предаст друга», «не сплетничает»). На втором месте находился **коммуникативный фактор**, с дисперсией 9,6% (дескрипторы «общительный, смелый», «щедрый», «с чувством юмора»), а лидирующий в современной выборке **фактор культуры поведения** занимал

только третью позицию (в него входили: «культурный», «тактичный», «интеллигентный», «соблюдает этикет»). Менее высокую позицию (только 4-ю, а не 2-ю, как в 2008 г.) занимал и **когнитивный фактор** (в него входили: «образованный», «умный», «начитанный»).

По другим выборкам динамику увидеть нельзя, так как в Хабаровске и в Красноярске исследование ранее не проводилось. Результаты факторного анализа по этим удаленным от Москвы регионам показывают много общего и с Москвой, и друг с другом, что позволяет говорить об общих чертах в представлениях современной российской молодежи о нравственном образце.

Выделилась и специфичность этих представлений. Так, у красноярских студентов более всего случаев объясняет **фактор честности и воспитанности**, дисперсия 9,4% (дескрипторы «не нарушает данное им слово», «честный», «воспитанный», «скромный», «добрый»), у студентов из Хабаровска лидирует **коммуникативно-когнитивный фактор** (дескрипторы «образованный», «умный», «с чувством юмора», «общительный», «хорошо одевается» и «воспитанный»). **Фактор честности** у хабаровчан занял 3-ю позицию, а 2-ю – **фактор доброты**, в который кроме дескрипторов «добрый» и «щедрый» вошло «верит в Бога». На той же позиции у красноярских студентов оказался **фактор веры в Бога** (с дескрипторами «безотказный», «верит в Бога», «бережливый», «может дать совет», «аккуратный»).

Хочется обратить внимание на *сочетаемость* качеств, образуемых каждым фактором, что и позволяет говорить не просто о факторах, выделившихся в результате статистической обработки, а о некоторых *личностных типах* нравственного образца. Так, можно представить себе человека интеллигентного, начитанного, культурного и соблюдающего правила этикета, но почти невозможно представить, например, человека верующего в Бога и в то же время гордого (такие сочетания качеств и не выделились факторным анализом).

В русской культуре есть качества, совершенно неприемлемые для образа нравственного человека, хотя характеристика допустимости нарушения тех или иных нравственных норм подвержена изменениям. Так в исследовании, проведенном в Казани в 2008 г., был выявлен и доказан «дрейф» некоторых нравственных норм, например, снятие запрета на нецензурную лексику, уже не связанную в представлениях студентов с негативными нравственными характеристиками человека (Сучкова, 2008). С аналогичными фактами столкнулись и мы в нашем исследовании: дескриптор «не сквер-

нословит» не вошел со значимым весом ни в один из выделившихся факторов по всем выборкам.

Более всего для понимания критериев, которыми пользовались респонденты, выбирая того или иного человека как нравственный образец, дает анализ приведенных респондентами описаний поступков, доказывающих, что выбранные лица – действительно порядочные люди. В сводном виде в таблице 1 показано распределение по каждой из выборок сюжетов (тем), о которых шла речь. Отмечен также и процент не заполненных по данному пункту анкет.

Таблица 1

Результаты контент-анализа описаний поступка порядочного человека (доля того или иного типа ответа дана в процентах относительно общего числа ответов по каждой из выборок)

Категория поступка / Выборка	Москва	Хабаровск	Красноярск	Правосл. вуз
Вернул вещь (деньги) владельцу	4,7%	14,7%	9,5%	–
Проявил уважение к старшим	–	4,9%	3,8%	–
Проявил уважение к даме, совершил подвиг (данный тип ответов мы условно назвали «избранник»)	3,7%	4,9%	7,5%	–
Оказал помощь	39,3%	46,9%	15%	12,5%
Не предаст (доверие)	8,4%	8,4%	9,4%	12,5%
Проявил ответственность, гражданскую активность	3,7%	4,9%	11,3%	6,25%
Проявил честность, имеет совесть	5,6%	8,4%	5,7%	6,25%
Не осуждает, проявил смирение	3,7	6,9%	–	–
Не дали примера	14%	–	32%	50%
Другое («образец для меня» «все поведение» и пр.)	18%	–	9,5%	12,5%

Из таблицы видно, что во всех выборках выделилась тема помощи (оказал помощь, всегда бескорыстно приходит на помощь» и т. п.). Эта тема **всегда была лидирующей**, что означает важность для человека опыта конкретного позитивного взаимодействия с другим, когда нравственный образец делом показывает свои качества

и убеждения, и дело это напрямую касается отвечающего. Приведенные в рассказах случаи помощи позитивно влияли на жизнь респондентов.

Выделилась тема доверия («не предаст», «не выдаст сокровенную информацию», «никогда не обманет»). Тема «избранник» характеризует женские выборки и относится к описаниям подвига или какого-то яркого поступка знакомого молодого человека, с которым связаны серьезные личные планы отвечающей. В этом контексте «порядочность» означает то качество, которым должен обладать избранник, будущий супруг. Часто это исключительные поступки, граничащие с подвигом.

С понижением критерия мы столкнулись, анализируя рассказы, выделившиеся в тему «вернул вещь (деньги) владельцу». Практически все описанные случаи говорят о поступках, само собою разумющихся для каждого сколько-нибудь честного человека. Уточним, что речь идет о том, чтобы вернуть чужое, иногда даже после напоминания или вопроса потерпевшего (пример подобного рассказа: «Женщина нашла кошелек и **положила его себе в сумку**, но когда у нее спросил мужчина о потере, то она ему отдала» – 18-летняя студентка о 35-летней знакомой). В выборках предыдущих лет с подобными примерами мы почти не встречались. Видимо, простая честность становится редким качеством. Однако потребность в ней велика и поступки запоминаются. Приведем примеры из заполненных анкет:

«При возможности взять чужое (своровать) никогда этого не делает и с отвращением относится к людям, которые воруют» (ж. 21 г. о ж. 32 лет, Москва);

«Этот человек отвечает на работе за чужие финансы, но он ни разу не воспользовался этим в собственных целях» (ж. 19 лет о м. 44 лет, Хабаровск);

«Так как у данного человека высокая должность, то очень много раз ему предлагали взятки в крупных размерах, но он не пользуется своим положением, очень отрицательно к этому относится (т. е. к взяткам и т. д.)» (ж. 20 лет о м. 44 лет, Красноярск).

Следует сказать о таком проявлении честности, которое не вошло в список дескрипторов, но встречалось в описаниях поступков. Речь идет о честности в отношениях между полами. Вот примеры из современных молодежных выборок. Студентка из Хабаровска рассказывает о 33-летней знакомой: «В нее влюбился мужчина, у которого была своя семья. Он очень богатый и известный человек

в городе, но эта женщина не осталась с ним, потому что у него есть дети, которым было бы очень больно. Она подружилась с его женой, помогла ей изменить свой внешний облик (она работает стилистом). Семья того мужчины сохранилась, а эта женщина по-прежнему одна, полностью отдает себя работе». Студентка из Москвы рассказывает о своем ровеснике: «На первом свидании с девушкой вел себя тактично, уважительно, не напористо, не позволял лишнего».

Анализируя поступки, описания которых были получены на предыдущих этапах исследования (середина 1990-х годов), мы пришли к выводу, что в образе порядочного человека респонденты подчеркивали те черты, где «образец» не переступает нравственный закон, т. е. где у него сохранна нравственная *чистота* – внутреннее чувство *границ* допустимого в нравственной сфере. На этих-то людей, на их поведение и ориентируются те, кто хочет оставаться нравственными людьми. Размытость внешних границ допустимого (когда вести себя «как все» может означать участие в общем нравственном падении) делает внутренние границы важными и значимыми не только для самих их «обладателей», но и для многих людей, запомнивших эти поступки: «Женщине понравился женатый мужчина, но вместо того чтобы кокетничать и «уводить», она даже в сторону его не смотрит» (ж., 23 г.). «Он не воровал на заводе, хотя и был начальником» (ж., 24 г.).

Небольшая выборка студентов православного вуза позволяет заметить, что здесь совсем не встречаются описания таких категорий поступков, как «вернул вещь или деньги владельцу» и «избранник», половина отвечающих затруднилась в описании поступка, есть рассуждения о том, что нравственность человек доказывает всей своей жизнью (что справедливо), но по категориям «помощь» и «доверие» картина и примеры – в принципе такие же, как у студентов светских вузов. Это и естественно – мы все живем в одной стране, сталкиваемся с близкими проблемами. Однако круг примеров для подражания у православной молодежи больше и «выше». Это святые, жившие в разное время, жизнеописания («жития») которых вновь становятся доступными части нашей молодежи, а также знакомые священники.

Примеры, связанные с совестью, составляют относительно равную (хотя и небольшую) долю во всех выборках. Отметим только тот факт, что поведение по совести упоминается в качестве образца.

Опора на совесть, как было выявлено в результате нашего исследования морально-правовых представлений (Воловикова, 2005),

является специфической особенностью российского менталитета. Точнее, выделились две тенденции в особенностях правовой социализации. В отличие от западных стран с развитой правовой культурой, с разработанной и жесткой системой санкций за нарушения юридического закона путь правовой социализации в России происходит преимущественно не через подражание близкому окружению, а по-иному: у нас в этом процессе наблюдалось либо «застревание» на начальной стадии морального и правового развития, когда послушание обеспечивается с помощью страха наказания, либо обращение к высшему по Л. Колбергу и Дж. Тапп (Kohlberg, 1976, Тарр, 1987) уровню морально-правового развития, опирающемуся на высшие этические принципы и совесть.

Если для западного правосознания закон является реальной, действенной силой и темы, связанные с юридическим законом, обсуждаются с интересом, то у нас на протяжении нескольких десятилетий наблюдается иная картина. Закон вмешивается в судьбу человека при трагическом стечении обстоятельств. Поэтому сама тема правопорядка для многих наших соотечественников зачастую связана с травмирующими переживаниями. По этой причине обсуждается она неохотно. Единственная по-настоящему искренняя тема конца 1980-х (1-го этапа нашего исследования) – это исполнение закона в равной мере по отношению ко всем гражданам (суммарно это 18% ответов, тогда как ни в одной стране, где проводила исследование Тапп, не было подобных ответов о необходимости равенства всех перед законом).

Многое помогли разъяснить ответы испытуемых, полученные нами в середине 1990-х годов в доверительно организованном общении. Так же как и для наших соотечественников конца 1980-х, тема законности оказалась одной из самых болезненных, вырисовывалась картина слабой работы сознания над осмыслением законов, норм и правил поведения. При этом почти 90% респондентов при построении суждений использовали закон в качестве психологической переменной: они делали допущение, что можно нарушить закон и при этом чувствовать свою правоту («быть правым»).

Таким образом, если исходить из уровневой концепции Колберга и Тапп, большинство наших соотечественников по вопросу о нарушении закона можно диагностировать как находящихся на третьем (высшем) уровне морального развития. Однако ответы на другие вопросы диагностируют преимущественно первый (низший) уровень. Мы также пришли к выводу, что кроме указанного Колбергом

доконвенционального уровня, существует и до-доконвенциональный. Это те случаи, когда закон по степени участия в жизни становится как бы несуществующим. Испытуемые начала 1990-х годов вспоминали процессы над «врагами народа», говорили о необходимости солгать на суде, чтобы человека не засудили, о необходимости нарушения финансового закона (чтобы не разориться).

Общей характеристикой российского правосознания, отмечаемой во все периоды нашего исследования, является опора на нравственные принципы. В каждом временном срезе у нас обнаружилось следующее: общее количество лиц, утверждающих, что закон *нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах*, остается практически неизменным и колеблется от 10 до 15% от общего числа отвечающих (в 1989 г. это было 15%, в 1996–10%, к 2002–13%). Ответы аргументировались нравственными причинами. Мы пришли к выводу о *личностной инварианте* (т.е. личностном типе) такого отношения к закону, поскольку утверждения о самоценности закона в условиях, связанных с негативным российским историческим опытом, иными причинами, кроме сохранения опоры на совесть, объяснить трудно.

При положительных ответах на вопрос анкеты Дж. Тапп «Может ли человек нарушить закон и быть правым? Если да, то как это может быть?» в 2002 г. использовалась аргументация:

- сложная экономическая ситуация («украсть хлеб для ребенка» – ж., 32 г.; «сейчас очень много людей малоимущих, которые по вине правительства остались безо всего, и у них просто нет другого выхода» – ж., 22 г.; «зайдите к своему бухгалтеру – он вам расскажет» – м., 25 л.);
- несовершенство самой правовой системы («если закон составлен неверно»; «законы пишут люди, а человек всегда может ошибаться, что-то не оговаривать, тем более не секрет, что один и тот же закон можно трактовать по-разному» – ж., 21 г.);
- противоречие юридического закона нравственному («у нас в России формальный закон не преобладает – это на Западе; у нас живут «по правде», по неписаным нормам» – м., 21 г.; «когда человек защищает свой внутренний закон» – ж., 27 л.; «если поступок обусловлен морально-этическими нормами»).

Упоминалась также экстремальность ситуации – основная причина, по которой было позволительно мысленное «нарушение» закона у западных респондентов Дж. Тапп.

Готовность подвергать сомнению сам закон, обсуждение причин, когда его можно нарушить «и при этом быть правым», позволяли Тапп говорить о достижении данным испытуемым уровня *законотворчества*.

Главной трудностью, с которой столкнулись в нашей стране суды присяжных, является даже не то, что участие в них не считается таким почетным и ответственным, как это было до революции. Ныне заметно стремление «защитить» человека, даже явного преступника, от карающего воздействия закона. Однако это не касается тех юридических вопросов, по поводу которых у граждан страны и, соответственно, у присяжных заседателей уже сложилось определенное и четкое представление. Например, терроризм, угроза жизни мирных граждан не находят сочувствия в суде присяжных.

Мир непредсказуемо меняется буквально на протяжении жизни одного поколения. Меняются и представления российских граждан о юридическом законе и праве – они становятся более реалистичными.

Для того чтобы правило четко усвоилось, оно должно выступать в период развития человека как неизменное. Затем на этом незыблемом основании уже можно, по мере когнитивного развития, начинать обсуждение возможных нюансов для уточнения, редактирования и даже изменения правила. В условиях России, на протяжении ее тысячелетней истории неизменным в сознании людей оставался нравственный закон, представление о неизбежности наказания за преступление нравственных заповедей.

Выводы, к которым мы пришли в результате нашего исследования особенностей духовно-нравственной социализации личности в современных условиях, состоят прежде всего в выделении особой роли, которая принадлежит в этом процессе совести.

В представлениях людей нравственность существует как некий образец (эталон), что позволяет исследовать его по описательным характеристикам.

Ценности, традиционные для российской культуры (любовь, милосердие, верность) пока сохраняются на уровне обыденных представлений о нравственном образце (образе «порядочного человека»), но сохранность их обнаруживается только на примере описания конкретных поступков («имплицитных суждений»).

В качестве лидирующей по всем выборкам выделилась тема помощи, что указывает на роль опыта конкретного позитивного

взаимодействия с другим человеком, когда нравственный образец делом показывает свои качества и убеждения.

Результаты факторного анализа по таким удаленным от Москвы регионам, как Хабаровск и Красноярск, показывают много общего и с Москвой, и друг с другом, что позволяет говорить об общих чертах в представлениях современной российской молодежи о нравственном образце.

Впервые отдельные факторы со значимым весом образовали дескрипторы веры в Бога и любви к Родине, что может указывать на позитивную перспективу в направленности нравственного идеала у российской студенческой молодежи.

Литература

- Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978.
- Божович Л. И., Конникова Т. Е. О нравственном развитии и воспитании детей // Вопросы психологии. 1975. № 1. С. 80–89.
- Воловикова М. И. Интеллектуальное развитие и моральные суждения младших школьников // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 40–47.
- Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
- Воловикова М. И., Гренкова Л. Л. Современные представления о порядочном человеке // Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во ИП РАН, 1997. С. 93–111.
- Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.
- Дикевич Л. Л. Обыденные представления о порядочном человеке: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.
- Елисеева Н. Д. Культурологические особенности социальных представлений народа Саха о нравственном человеке: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Зеньковский В. В. Психология детства. Лейпциг: Собеседник, 1924.
- Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
- Колпакова М. Ю. Диалогический подход в психологии и психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2004. № 4 (43). С. 177–192.
- Мелик-Пашаев А. А. Художественное творчество и «художество из художеств» // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во ИП РАН, 2002. С. 202–216.

- Мустафина Л. Ш. Гендерная специфичность социальных представлений о совести у старшеклассников // *Личность и бытие: Субъектный подход. Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения А. В. Брушлинского*. М.: Изд-во ИП РАН, 2008. С. 384–387.
- Рубинштейн С. Л. *Человек и мир*. М.: Наука, 1997.
- Слепухина Г. В. Проблема нравственного развития личности в отечественной и зарубежной психологии // *История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи»*, 26–29 июня 2006 г. М.: Изд-во ИП РАН, 2006. С. 308–314.
- Сучкова Т. В. *Нравственная сфера личности студентов как субъектов учебно-профессиональной деятельности: Дис. ... канд. психол. наук*. Казань, 2008.
- Торик А. *Флавиан. Жизнь продолжается*. М., 2007.
- Флоренская Т. А. *Мир дома твоего: человек в решении жизненных проблем*. М.: Русский Хронографъ, 2006.
- Шмелев И. *Лето Господне*. М., 1991.
- Юревич А. В. *Нравственность как психологическая проблема // Вопросы психологии*. 2009. № 4. С. 3–13.
- Ярошевский М. Г. А. А. Ухтомский и проблема мотивации поведения // *Вопросы психологии*. 1975. № 3. С. 3–17.
- Azuma H., Kashiwagi K. Descriptors for an intelligent person: A Japanese study // *Japanese Psychological Research*. 1987. V. 29. № 1. P. 17–26.
- Kohlberg L. *Moral stages and moralisation // Moral development and behaviour*. Holt, Rinehart & Winston. 1976. P. 31–53.
- Tapp J. *Legal socialization across age, culture, and context: psychological and legal justice systems*. N. Y., 1987.
- Tapp J. L., Kohlberg L. *Developing senses of law and legal justice // Law, justice and the individual in society*. N. Y., 1977. P. 89–105.

ОСНОВНЫЕ СТАДИИ МОРАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

О. А. Гулевич

Состояние морального сознания – одна из основных проблем, обсуждаемых в ходе общественных дискуссий. Как правило, речь идет о «падении морального уровня» и «необходимости морального развития» граждан. В чем оно заключается и как происходит? Психологи искали ответ на этот вопрос на протяжении большей части XX в.

Существуют разные определения морали. Однако, как правило, под ней понимается совокупность норм (требований и запретов), регулирующих отношения между людьми, нарушение которых рассматривается в терминах «хорошо–плохо», «добро–зло». Они существуют лишь на уровне представлений их носителей, т. е. не зафиксированы официально, а контроль за ними осуществляют отдельные люди и неформальные объединения.

Такие нормы входят в состав морального сознания, которое регулирует межличностные отношения, а также играет большую роль в правовой (Block, 2003; de Vries, Walker, 1986; McFarland, Mathews, 2005) и политической (Emler, 2002; Jaffee, Hyde, 2000) жизни общества. Возникает вопрос: каким образом оно формируется, **какие стадии проходит в своем развитии?**

Первым ответ на этот вопрос попытался дать Ж. Пиаже. По его мнению, основу морального сознания составляют запреты, определяющие, что «хорошо», а что «плохо». Как следствие, моральное развитие связано с изменением отношения к ним. Пиаже разбил этот процесс на две стадии – мораль принуждения и мораль кооперации (Николаева, 1995).

Для ребенка, находящегося на стадии «морали принуждения», характерен эгоцентризм: он не может посмотреть на происходящие события с позиции другого человека, оценить его желания и мотивы

поведения. В этом возрасте его суждения сильно зависят от мнения взрослого человека, обладающего властью и авторитетом. Поэтому содержание моральной сферы составляют запреты, услышанные от взрослых. Они воспринимаются как неизбежные и абсолютные, являющиеся частью физического мира, а их нарушение, как полагает ребенок, вызывает серьезные изменения в окружающей среде. Понимание ценности правил, исходящих от взрослого, усиливается наказанием, следующим за их нарушением.

Ребенок, перешедший на стадию «морали кооперации», уже способен к децентрации. Это означает, что он может встать на место другого человека, представить его желания и мотивы поведения. Соответственно, постепенно изменяется его отношение к запретам. Он понимает, что они относительны, но считает нужным выполнять их ради сохранения отношений с окружающими. Это означает, что источником запретов становится не требование авторитетного лица, а признание их необходимости.

Современные сторонники модели Ж. Пиаже полагают, что люди, находящиеся на разных стадиях морального развития, отличаются друг от друга не только отношением к запретам, но способом оценки поступков, наносящих ущерб. Они утверждают, что ребенок, находящийся на первой стадии, оценивает поведение человека по размеру нанесенного им ущерба, тогда как для находящегося на второй стадии важную роль играют намерения деятеля. Так, дети, находящиеся на первой стадии, сравнивая поведение мальчика Дэвида, который разбил одну чашку, без спроса таская из шкафа конфеты, и Джона, разбившего шесть чашек, пытаясь помочь маме, считают более виноватым Джона, а дети на второй стадии – Дэвида (Leman, Duveen, 1999).

Согласно Пиаже, для того чтобы переход с первой на вторую стадию состоялся, необходимо соблюдение трех основных условий: повышение уровня интеллектуального развития, освобождение от подчинения авторитетному лицу и взаимодействие со сверстниками. В частности, по его мнению, человек не может достигнуть второй стадии морального развития, пока он не перешел на уровень формальных операций, не обрел некоторой самостоятельности и не вступил в активное взаимодействие со сверстниками на основе принципа равенства. Именно эти три условия обеспечивают возможность децентрации и изменения представления о природе запретов.

Поскольку интеллектуальное развитие человека идет в строго определенном направлении, стадии морального развития сменяют

друг друга один раз. Это означает, что обратное развитие, т. е. переход со второй стадии на первую, невозможно.

Конечно, модель Ж. Пиаже неоднократно подвергалась критике. В качестве основного ее недостатка рассматривалась неоднородность моральной социализации. В частности, межкультурные исследования, проведенные по методикам этого автора, продемонстрировали относительную обособленность друг от друга таких направлений морального развития, как понимание мотивов и намерений других людей, способность принять их точку зрения, независимость от авторитета и понимание цели наказания. Поэтому последователи Пиаже поставили вопрос о замене термина «стадия» на понятие морального сознания как совокупности отдельных параметров (Николаева, 1995).

Другим недостатком модели Ж. Пиаже считается ее простота: весь процесс морального развития укладывается в две стадии. Этот пробел был восполнен в модели Л. Колберга. Являясь последователем Ж. Пиаже, он сохранил идею зависимости морального развития от интеллектуального. Однако в его представлении моральное развитие является долгим и сложным процессом (Анцыферова, 1999; Николаева, 1995).

Л. Колберг полагал, что основу морального сознания составляют не запреты, а нормы справедливости – равенство и взаимность, в соответствии с которыми происходит распределение прав и обязанностей и, как следствие, разрешение моральных конфликтов, возникающих в результате столкновения интересов разных людей. Эти нормы не усваиваются «автоматически» и не складываются вследствие опыта наказания и вознаграждения, а вырабатываются в ходе социального взаимодействия, поскольку все культуры имеют общие основы социального взаимодействия, а процесс морального развития во всех обществах подчиняется общим закономерностям.

Колберг выделил три уровня морального развития: доконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный (Анцыферова, 1999; Bore et al., 2003; Kohlberg, 1984). Вслед за Пиаже он считал, что эти уровни универсальны и сменяют друг друга в строго определенном порядке. Каждый из уровней он разбил на две стадии.

Доконвенциональный уровень. Человек, находящийся на этом уровне, при определении «моральности» поступка исходит из того, насколько он удовлетворяет его собственные потребности. Этот уровень включает в себя две стадии. Первая стадия характеризуется ориентацией на наказание и послушание: если ребенок совершает

определенный поступок и его за это наказывают, он делает заключение, что данное поведение аморально. Таким образом, основным двигателем поведения ребенка, находящегося на первой стадии морального развития, является страх перед наказанием. Человек, находящийся на второй стадии, в качестве «морального» рассматривает то поведение, которое удовлетворяет его собственные нужды и лишь случайно – потребности других людей. Таким образом, основным двигателем его поведения является соблюдение баланса между наказанием и вознаграждением.

Конвенциональный уровень. Человек, находящийся на этом уровне морального развития, понимает необходимость выполнения ряда правил для сохранения целостности общества. Этот уровень также включает в себя две стадии. Для человека, находящегося на третьей стадии, основным регулятором поведения являются требования малой группы (семьи, друзей, коллег), членом которой он является. Человек, проходящий четвертую стадию, руководствуется в своем поведении не требованиями конкретных членов своей группы, а нормами общества, выполнение которых необходимо для поддержания жизнеспособности социальной системы. Его главной целью становится поддержание существующего социального порядка.

Постконвенциональный уровень – самый высокий уровень морального развития. Человек, находящийся на этом уровне, руководствуется уже не собственными интересами и не требованиями социальной группы, к которой он принадлежит, а безличными моральными нормами. На пятой стадии морального развития он понимает относительность и договорной характер норм, т. е. осознает, что они зависят от групповой принадлежности носителя, и придает большое значение соблюдению индивидуальных прав. Поэтому для него особое значение приобретает справедливость правил, в соответствии с которыми принимается то или иное решение – так называемая процедурная справедливость. Человек на самой высокой – шестой стадии – самостоятельно выбирает единственную систему моральных норм и следует ей.

Вслед за Пиаже Колберг считал, что для перехода с одной стадии морального развития на другую необходимо соблюдение двух условий – повышение интеллектуального уровня и стимуляция из внешней среды. Уровень развития интеллекта играет наибольшую роль, когда вторая стадия сменяется третьей, т. е. при переходе с доконвенционального уровня на конвенциональный. Это смена

невозможна, пока человек не достиг уровня формальных операций. Но чтобы она действительно произошла, ему необходим пример, на который он мог бы равняться.

Вместе с тем, начиная с третьей стадии, моральное развитие идет независимо от интеллектуального. Это означает, что человек с полностью сформировавшимся интеллектом может не достигнуть пятой и шестой стадий морального развития. Тем не менее у всех людей этот процесс идет в одном и том же направлении. Из этого следует, что для достижения более высокой стадии морального развития человек должен пройти все предшествующие ей, а также что развитие в обратном направлении невозможно. Эту идею подтверждают результаты некоторых кросс-культурных исследований (Snarey, 1985).

Несмотря на популярность модели Колберга, идея о том, что моральное развитие представляет собой последовательную смену стадий/уровней, все чаще подвергается сомнению. Критики утверждают, что люди демонстрируют разные уровни морального развития, разрешая различные моральные дилеммы. Кроме того, они могут «возвращаться назад», выступая с позиции того уровня, который уже был пройден ими раньше. Это ставит под вопрос стадиальность морального развития. По их мнению, решению этой проблемы способствует замена идеи «уровня» на понятие «схемы».

В частности, некоторые последователи Колберга полагают, что моральное развитие представляет собой не последовательность уровней и стадий, а смену **когнитивных схем** (Rest et al., 2000). Например, Дж. Рест выделяет три таких схемы: схему личного интереса, которая соответствует второй и третьей стадиям по Колбергу; схему усвоения норм, соответствующую четвертой стадии; постконвенциональную схему, соответствующую пятой и шестой стадиям. Уровень морального развития рассматривается как совокупность когнитивных операций, содержание которых универсально, т. е. не зависит от культуры. Эти операции сменяют друг друга в заранее заданном порядке. Моральное развитие заключается в резкой смене стадии или уровня.

В то же время когнитивная схема – это совокупность представлений, имеющих культурную специфику. Моральное развитие может происходить в разных направлениях и заключается в постепенном изменении частоты использования разных схем. Это означает, что человек может использовать несколько моральных схем одновременно (Krebs, Denton, 2006).

В соответствии с логикой Реста, уровень морального развития определяется тремя параметрами: схемой, фазой и направлением (Derryberry, Thoma, 2005). Так, у человека, как правило, есть ведущая схема, на основании которой он разрешает большинство моральных дилемм. При этом он может находиться в фазах консолидации, т. е. постоянно использовать одну и ту же схему, или перехода, т. е. использовать разные. В целом моральное развитие может идти по пути выбора более или менее сложной схемы, т. е. идти вперед или назад.

Интересно, что в рамках модели Дж. Реста была реанимирована идея о связи морального сознания со справедливостью. Было показано, что для людей, использующих схему усвоения норм и постконвенциональную схему, большое значение приобретает так называемая процедурная справедливость – совокупность норм, регулирующих процесс вынесения решения. Это, в первую очередь, касается норм, связанных с соблюдением прав всех участников взаимодействия – нейтрализации предубеждений, однообразия процедуры, уважения к партнеру. Люди, использующие схему личного интереса, при оценке справедливости взаимодействия придают большое значение дистрибутивной справедливости, связанной с характером полученного человеком вознаграждения (Муугу, Helkama, 2002; Wendorf, Alexander, Firestone, 2002).

Однако замена «уровня морального сознания» на «схему» не решает вопрос о том, **действительно ли направление морального развития одинаково у представителей разных социальных групп?** Если Пиаже и Колберг отвечали на этот вопрос утвердительно, то их последователи подвергли этот тезис сомнению.

Первым шагом в доказательстве групповой специфики морального развития стало проведение межкультурных исследований. Они продемонстрировали, что модель Колберга отражает направление моральной социализации представителя индивидуалистской культуры. Для представителей коллективистских культур оказание помощи ближнему является большей ценностью, чем демонстрация своей уникальности. Поэтому для них самым высоким является конвенциональный, а не постконвенциональный уровень морального развития. Например, хотя китайские дети, как и их американские ровесники, с возрастом переходят с первой и второй стадий на третью, они испытывают большее уважение к власти, более ориентированы на помощь и чаще учитывают интересы близких людей, чем американцы (Fang et al., 2003).

Еще большее значение имеет обнаружение половых различий в направлении моральной социализации. Они отражены в модели женской социализации К. Гиллиган (Gilligan, 1982). Если в основе концепции Колберга лежит ориентация на исполнение правил, то, согласно Гиллиган, конечная цель морального развития женщин – умение совмещать принятие ответственности за других людей и собственные потребности. По ее мнению, различие в направлении морального развития мужчин и женщин основано на различии полоролевых стереотипов, согласно которым основной ролью женщины является поддержание хороших отношений между людьми и оказание им помощи. Это приводит к тому, что, переходя на новый уровень морального развития, женщина осуществляет выбор не между разными системами норм, а между объектами ответственности. В ходе моральной социализации женщины начинают чувствовать ответственность за других людей и учатся совмещать ее принятие с достижением собственных целей. Таким образом, они проходят три уровня морального развития.

Первый уровень – ориентация на индивидуальное выживание. Находясь на этом уровне, женщина исходит из личных потребностей и, как следствие, объектом ответственности становится она сама. Второй уровень морального развития связан с осознанием блага принесения себя в жертву, принятием ответственности за других людей. И, наконец, на третьем уровне женщина осуществляет выбор между ответственностью перед собой и перед окружающими. Находясь на этом уровне, она одинаково хорошо представляет себе как свои потребности, так и потребности других людей.

Интересно, что уровень морального развития по Дж. Гиллиган так же, как и по Колбергу, связан с интеллектуальным развитием. Он выше у когнитивно сложных людей, которые способны к децентрации и легко усваивают знания на абстрактном уровне (Jaffee, Hyde, 2000; White, Manolis, 1997).

Это означает, что принятие ответственности является альтернативным путем развития. Именно поэтому в настоящее время говорят о двух **моральных ориентациях – на следование нормам и на заботу, принятие ответственности**. Выяснилось, что при вынесении моральных суждений люди, как правило, выступают с позиции одной из них, что не исключает возможности их одновременного использования (Jaffee, Hyde, 2000).

Первоначально считалось, что моральные ориентации тесно связаны с половой принадлежностью человека. И действительно,

женщины немного больше и более последовательно, чем мужчины ориентированы на заботу и ответственность, а мужчины – на следование нормам (Знаков, 2004; Barnett, Quackenbush, Sinisi, 1995; Bjorklund, 2003; Ford, Lowery, 1986; Wark, Krebs, 1996; White, Manolis, 1997). Затем выяснилось, что речь идет не о биологических особенностях человека, а о его гендерной идентичности. В частности, традиционные половые различия проявляются только в том случае, когда люди задумываются о своей половой принадлежности, т. е. у них актуализируется гендерная идентичность (Ryan, David, Reynolds, 2004). Кроме того, важную роль играет феминность или маскулинность человека: ориентация на следование правилам более характерна для маскулинных людей, а на заботу и принятие ответственности – для феминных (Ford, Lowery, 1986).

Позже были обнаружены не только половые, но межкультурные различия в моральной ориентации. Выяснилось, что у представителей коллективистских культур сильнее выражена ориентация на заботу и меньше – на следование нормам, чем у представителей индивидуалистских культур (Miller, Bersoff, 1992; Miller, Bersoff, 1998; Miller, Bersoff, Harwood, 1990). При этом первые уделяют большее внимание эмоциональному состоянию участников морального конфликта, чем вторые (Baek, 2002; Bersoff, Miller, 1993).

Таким образом, половая принадлежность и культура задают основное направление морального развития. **В рамках каких институтов социализации оно происходит?** Можно с уверенностью утверждать, что наибольшее значение имеют два традиционных института – семья и образовательные учреждения.

Критическим параметром семейного воспитания являются контроль за действиями ребенка и отношение к нему: чем выше контроль и чем хуже отношение, тем ниже уровень морального развития. Вероятно, это происходит, поскольку родители не предоставляют ребенку самостоятельности и поддержки, которые необходимы для его повышения (Степанова, 2004; Palmer, Hollin, 2001). Кроме того, определенную роль играет привязанность ребенка к родителям, которая также снижает вероятность совершения самостоятельных действий. Особенно сильное влияние стиль воспитания оказывает на моральное развитие девочек: чем сильнее контроль со стороны родителей и привязанность к ним дочери, тем ниже уровень ее морального развития (Palmer, Hollin, 2001).

Образование, так же как семья, может способствовать моральному развитию или препятствовать ему. В целом, чем выше уровень

образования, тем выше уровень морального развития. Это в первую очередь касается представителей социальных наук, в том числе психологов и социальных работников и, в гораздо меньшей степени, – студентов, специализирующихся в области бизнеса. Повышению уровня морального развития способствует не только обучение в целом, но и введение отдельных специализированных курсов, в рамках которых обсуждаются этические аспекты взаимодействия между людьми или практикуется обращение к своему внутреннему миру. Таким образом, с одной стороны, высшее образование дает людям возможность увидеть разные точки зрения и сравнить их между собой, способствует формированию сложной картины мира, а с другой, увеличивает интерес к этической составляющей человеческих отношений (Al-Ansari, 2002; Bunch, 2005; Chandler, Alexander, Heaton, 2005; King, Mayhew, 2002). Однако обучение может привести к временному уменьшению уровня морального развития, как это происходит, например, у студентов-медиков на первых курсах (Patepaude, Niyonsenga, Fafard, 2003). Со временем этот эффект исчезает.

Семья и школа функционируют в рамках общества, и поэтому их влияние во многом зависит от его структуры. Чем разнообразнее окружение человека, чем с большим количеством разных людей он сталкивается, тем быстрее происходит моральное развитие. Именно поэтому у жителей изолированных населенных пунктов, а также у тех, кто живет в однородной культурной среде, этот процесс протекает медленнее (Magsud, 1977).

Вместе с тем некоторые события, происходящие в обществе, могут затормаживать моральное развитие. Как правило, они связаны с нарушением моральных норм и являются источником травматического опыта. Например, более низкий уровень морального развития имеют люди, которые в детстве пережили войну, в результате чего у них возник посттравматический синдром (Taylor, Baker, 2007). Вероятно, к подобным последствиям могут приводить и другие общественные события, разрушающие структуру общества. В этой ситуации необходимость выживания способствует переходу на первый уровень морального развития.

Таким образом, моральная социализация – это процесс, который длится годами. При этом моральная ориентация может изменяться на протяжении всей жизни человека (Jaffee, Hyde, 2000). Интересно, что в первую очередь формируется ориентация на следование нормам. Выраженность ориентации на заботу и оказание помощи растет медленнее (Quackenbush, Barnett, 2001).

Постепенное формирование морального сознания говорит о его относительной стабильности: на протяжении короткого периода времени его содержание должно оставаться постоянным. Однако возможность разрешения моральных конфликтов с позиции разных ориентаций, уровней и схем дает возможность предположить, что **некоторую роль в этом процессе играет текущая ситуация**. Среди ее особенностей ярко выделяются:

- партнер по взаимодействию: ориентация на заботу чаще проявляется по отношению к «своему» – знакомому человеку или члену своей социальной группы (Ryan, David, Reynolds, 2004);
- характер требований: люди чаще ориентируются на заботу при разрешении дилемм, в которых к человеку предъявляются противоречивые требования, и на соблюдение норм – в ситуациях, где они нарушаются (Naviv, Leman, 2002);
- серьезность ситуации: люди чаще ориентируются на соблюдение моральных норм, когда оценивают несерьезную ситуацию, и на заботу – при оценке серьезной (Bjorklund, 2003);
- эмоциональная окраска: радостные или счастливые люди демонстрируют более низкий уровень морального развития (и используют соответствующие ему схемы), чем спокойные или расстроенные (Zarinpoush, Cooper, Moylan, 2000);
- временные ограничения: в условиях лимита времени люди чаще ориентируются на соблюдение моральных норм, чем при его отсутствии (Bjorklund, 2003) и др.

Таким образом, разные люди, попавшие в разные ситуации, становятся объектом различных моральных суждений (Wark, Krebs, 1996). Это означает, что моральная социализация идет путем усвоения разных направлений и схем морального сознания при условии доминирования одной из них. При этом уже усвоенные элементы не забываются совсем, а актуализируются в определенных ситуациях. Возможно, что правила их актуализации усваиваются вместе с их содержанием.

Таким образом, к настоящему времени в психологии накоплена обширная информация, касающаяся морального развития. Попробуем с ее помощью ответить на два вопроса, которые постоянно затрагиваются в общественных дискуссиях: **необходимо ли специально развивать моральное сознание**, и если да, то как это делать?

На первый вопрос трудно дать однозначный ответ. С одной стороны, разные уровни морального развития органично вписываются

в различные общественные структуры. Например, в обществе, где существует жесткая вертикаль власти, а источником «единственно правильного» мнения является один человек или небольшая группа людей, где альтернативные точки зрения рассматриваются как не соответствующие действительности и потому ненужные, где существует сильная система контроля и принуждения, лучше всего адаптируются люди с первым уровнем морального развития по Л. Колбергу. В то же время тем, кто имеет третий уровень, для полноценного существования необходимо общество, где ценится личное мнение и индивидуальная инициатива.

С другой стороны, уровень морального развития оказывает влияние на вероятность того, что человек будет вести себя в соответствии с моральными нормами. Так, он может признавать необходимость их соблюдения, но вести себя совершенно иным образом. Для того чтобы связь между моральным суждением и поведением стала очевидной, необходимо соблюдение нескольких условий (Анциферова, 1999; Николаева, 1995; Arnold, 2000; Rest et al., 2000; Skoe, Eisenberg, Cumberland, 2002):

- включение черт, связанных с различными моральными нормами, в Я-концепцию, осознание своего подобия человеку, который обладает рядом социально-нежелательных черт;
- принятие человеком ответственности за свое поведение и действия других людей;
- отсутствие квази-обязательств – обязательств перед другими членами своей группы, экспериментатором и т. д., противоречащих моральным нормам, например, признанию ценности человеческой жизни;
- эмпатия по отношению к жертве, способность понять ее огорчение или гнев;
- умение правильно интерпретировать конфликтную ситуацию, понимать характер отношений между участниками;
- наличие поведенческих навыков, необходимых для совершения действия;
- наличие социального контроля со стороны других людей.

Большинство этих условий, особенно отсутствие квази-обязательств и умение правильно интерпретировать ситуацию, формируются медленно и постепенно. Это означает, что максимальное соответствие между моральным суждением и поведением наблюдается у людей, находящихся в конце второго и на третьем уровнях

морального развития. Например, чем выше уровень морального развития студентов, тем реже они обманывают преподавателя и тем чаще используют презервативы (King, Mayhew, 2002). Чем выше уровень морального развития учителей, тем чаще они используют демократический стиль руководства и тем охотнее выслушают разные мнения учеников (Reiman, Pease, 2002). Это особенно ярко проявляется у тех, кто находится в фазе консолидации (Derryberry, Thoma, 2005). Таким образом, высокий уровень морального развития обеспечивает самостоятельное выполнение человеком моральных норм, что особенно важно при отсутствии жесткого и постоянного контроля за его действиями.

В этом случае возникает второй вопрос: какие условия способствуют повышению уровня морального развития? Наиболее важную роль здесь играют самостоятельность, возможность видеть разные точки зрения и наличие примера, на который можно ориентироваться. Как правило, более высокий уровень имеют люди, которые обладают некоторой свободой действий. Однако этот фактор оказывает влияние только в том случае, если человек видит, что мнения окружающих различаются, и при этом сталкивается с носителями более высокого уровня морального развития. К этому необходимо добавить определенный уровень эмоционального благополучия. По-видимому, психологические травмы и долгая депривация основных потребностей способствуют «застреванию» человека на ранних стадиях морального развития. Соблюдение этих условий в рамках основных институтов социализации ускоряет моральное развитие.

Литература

- Анцыферова Л. И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5–17.
- Знаков В. В. Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы // Психологический журнал. 2004. № 1. С. 41–51.
- Николаева О. П. Правовая и моральная зрелость личности // Субъект и социальная компетентность личности. М., 1995. С. 109–137.
- Степанова А. С. Связь родительского отношения с моральным развитием подростков. Курсовая работа. ИП РГГУ, 2004.
- Al-Ansari E. M. Effects of gender and education on the moral reasoning of Kuwait university students // Social Behavior and Personality. 2002. V. 30. P. 75–82.

- Arnold M. L.* Stage, sequence, and sequels: changing conceptions of morality, post-Kohlberg // *Educational Psychology Review*. 2000. V. 12. № 4. P. 365–383.
- Baek H. J.* A comparative study of moral development of Korean and British children // *Journal of Moral Education*. 2002. V. 31. № 4. P. 373–391.
- Barnett M. A., Quackenbush S. W., Sinisi C. S.* The role of critical experiences in moral development: implications for justice and care orientations // *Basic and Social Psychology*. 1995. V. 77. P. 137–152.
- Bersoff D. M., Miller J. G.* Culture, context, and the development of moral accountability judgments // *Developmental Psychology*. 1993. V. 29. P. 664–676.
- Bjorklund F.* Differences in the justification of choices in moral dilemmas: effects of gender, time pressure and dilemma seriousness // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2003. V. 44. P. 459–466.
- Block G.* The moral reasoning of believers in animal rights // *Society & Animals*. 2003. V. 11. P. 167–180.
- Bore M., Munro D., Kerridge I., Powis D.* Libertarian and communitarian moral orientations and Schwartz's individual and collective value types // *Australian Journal of Psychology. Supplement*. 2003. P. 35.
- Bunch W. H.* Changing moral judgement in divinity students // *Journal of Moral Education*. 2005. V. 34. P. 363–370.
- Chandler H. M., Alexander C. N., Heaton D. P.* The transcendental meditation program and postconventional self-development: a 10-year longitudinal study // *Journal of Social Behavior and Personality*. 2005. V. 17. P. 93–121.
- De Vries B., Walker L. J.* Moral reasoning and attitudes toward capital punishment // *Developmental Psychology*. 1986. V. 22. P. 509–513.
- Derryberry W. P., Thoma S. J.* Functional differences: comparing moral judgement developmental phases of consolidation and transition // *Journal of Moral Education*. 2005. V. 34. P. 89–106.
- Emler N.* Morality and political orientations: an analysis of their relationship // *European Review of Social Psychology*. 2002. V. 13. P. 259–291.
- Fang G., Fang F., Keller M., Edelstein W., Kehlet, J., Bray M. A.* Social moral reasoning in Chinese children: a developmental study // *Psychology in the Schools*. 2003. V. 40. P. 125–138.
- Ford M. R., Lowery C. R.* Gender differences in moral reasoning: a comparison of the use of justice and care orientations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. V. 50. P. 777–783.

- Gilligan C. In a different voice: psychological theory and women's development. Cambridge, 1982.
- Haviv S., Leman P. J. Moral decision-making in real life: factors affecting moral orientation and behaviour justification // Journal of Moral Education. 2002. V. 31. № 2. P. 121–140.
- Jaffee S., Hyde J. S. Gender differences in moral orientation: a meta-analysis // Psychological Bulletin. 2000. V. 126. P. 703–726.
- King P. M., Mayhew M. J. Moral judgement development in higher education: insights from the Defining Issues Test // Journal of Moral Education. 2002. V. 31. № 3.
- Kohlberg L. Essays on moral development. N. Y., Toronto, 1984.
- Krebs D. L., Denton K. Explanatory limitations of cognitive-developmental approaches to morality // Psychological Review. 2006. V. 113. P. 672–675.
- Leman P. J., Duveen G. Representations of authority and children's moral reasoning // European Journal of Social Psychology. 1999. V. 29. P. 557–577.
- Magsud M. The influence of social heterogeneity and sentimental credibility on moral judgments of Nigerian Muslim adolescents // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1977. V. 8. P. 113–121.
- McFarland S., Mathews M. Do Americans care about human rights? // Journal of Human Rights. 2005. V. 4. P. 305–319.
- Miller J. G., Bersoff D. M. Culture and moral judgment: how are conflicts between justice and interpersonal responsibilities resolved? // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. V. 62. P. 541–554.
- Miller J. G., Bersoff D. M. The role of liking in perceptions of the moral responsibility to help: a cultural perspective // Journal of Experimental Social Psychology. 1998. V. 34. P. 443–469.
- Miller J. G., Bersoff D. M., Harwood R. L. Perceptions of social responsibilities in India and the United States: Moral imperatives or personal decisions? // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. V. 58. P. 33–47.
- Myry L., Helkama K. Moral reasoning and the use of procedural justice rules in hypothetical and real-life dilemmas // Social Justice Research. 2002. V. 15. P. 373–391.
- Palmer E. J., Hollin C. R. Sociomoral reasoning perceptions of parenting and self-reported delinquency in adolescents // Applied Cognitive Psychology. 2001. V. 15. P. 85–100.
- Patenaude J., Niyonsenga T., Fafard D. Changes in the components of moral reasoning during students' medical education: a pilot study // Medical Education. 2003. V. 37. P. 822–829.

- Quackenbush S. W., Barnett M. A.* Recollection and evaluation of critical experiences in moral development: a cross-sectional examination // *Basic and Applied Social Psychology*. 2001. V. 23. P. 55–64.
- Reiman A. J., Peace D. S.* Promoting teachers' moral reasoning and collaborative inquiry performance: a developmental role-taking and guided inquiry study // *Journal of Moral Education*. 2002. V. 31. P. 51–66.
- Rest J. R., Narvaez D., Thoma S. J., Bebeau M. J.* A Neo-Kohlbergian approach to morality research // *Journal of Moral Education*. 2000. V. 29. P. 381–395.
- Ryan M. K., David B., Reynolds K. J.* Who cares? The effect of gender and context on the self and moral reasoning // *Psychology of Women Quarterly*. 2004. V. 28. P. 246–255.
- Skoe E. E. A., Eisenberg N., Cumberland A.* The role of reported emotion in real-life and hypothetical moral dilemmas // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. P. 962–973.
- Snarey J. R.* Cross-cultural universality of social-moral development: a critical review of Kohlbergian research // *Personality Bulletin*. 1985. V. 97. P. 202–232.
- Taylor J. G., Baker S. B.* Psychosocial and moral development of PTSD-diagnosed combat veterans // *Journal of Counseling & Development*. 2007. V. 85. P. 364–369.
- Wark G. R., Krebs D. L.* Gender and dilemma differences in real-life moral judgment // *Developmental Psychology*. 1996. V. 32. P. 220–230.
- Wendorf C. A., Alexander S., Firestone I. J.* Social justice and moral reasoning: an empirical integration of two paradigms in psychological research // *Social Justice Research*. 2002. V. 15. № 1.
- White J., Manolis C.* Individual differences in ethical reasoning among law students // *Social Behavior and Personality*. 1997. V. 25. P. 19–48.
- Zarinpoush F., Cooper M., Moylan S.* The effects of happiness and sadness on moral reasoning // *Journal of Moral Education*. 2000. V. 29. P. 397–412.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ЦЕННОСТНОГО И ПРАВСТВЕННОГО ОЦЕНИВАНИЯ И СОПУТСТВУЮЩИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ

И. А. Николаева

Универсальные ценностные критерии в индивидуальном сознании и культуре

Человек выносит ценностные оценки всем объектам и явлениям мира. Какими критериями он при этом руководствуется?

С одной стороны, самыми многообразными и максимально индивидуализированными. «Сознание и подсознание каждого человека «заполнены» огромным количеством функциональных модальностей определения значений и измерительных шкал разного типа... потому что для человека нет ничего важнее, чем организация своего взаимодействия с окружающей действительностью, а оно невозможно без определения значений» (Алишев, 2001, с. 77). Приравнивая личностные ценности к субъективным значениям, к смыслу ситуации, автор подчеркивает их крайнюю индивидуализированность. Действительно, с индивидуализацией личностных ценностей и соответствующих критериев оценки нельзя не согласиться.

Социальное взаимодействие с необходимостью формирует общие, групповые, культурные нормы и стандарты, которые составляют основание для ценностной оценки субъект-субъектных отношений (Батурин, 1989). Хотя в данном случае возникают проблема «принятия» индивидом групповой ценности или нормы, проблема «знаемого» и «реально действующего» критерия оценки, культурные коллизии определения нравственного и морального.

Различие культурных ценностей приводит к поиску общечеловеческих ценностных критериев. Эта проблема решается в психологических теориях и эмпирике, где обосновываются различные системы базовых универсальных ценностей в философии, культурологии, в обращении к мировым религиям – в качестве общечеловеческих называются ценности добра, истины, красоты, справедливости.

А. А. Гусейнов подчеркивает требование всеобщности к истинно нравственному действию в императиве И. Канта «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» (Гусейнов, 2004).

Человек, как и общество, нуждается во всеобщих, универсальных критериях ценностной оценки – и он эти критерии находит. Что это за критерии, которыми руководствуется *каждый* в непрерывном «всепроницающем» и «вездесущном» (Кабрин, 2008) процессе ценностного оценивания?

Самые общие оценочные критерии соответствуют универсальному аксиологическому квантору «хорошо – плохо». Эти критерии имеют культурно-историческое происхождение.

По крайней мере, в европейской культуре существуют два самых общих антиномичных критерия, которые принадлежат «духовной вертикали» (Флоренский, 1990), соединяющей «*высшее*» и «*низшее*».

Отношения «высшего» и «низшего» и соответствующий символ (знак) появились **на определенном этапе развития общества**. Э. Б. Тайлор считает «стремление помещать обиталище отошедших душ над небом» свойством «более поздних и развитых форм сознания независимо от религии». Она находит «описания мест упоения блаженных душ на небе у брахманов, буддистов, парсов, позднейших евреев, мусульман и пр.» (Тайлор, 1989, с. 291). Согласно В. Я. Проппу, мифологические символы обусловлены способом производства материальной жизни. Так, «солнечные мифы» наибольшее развитие получили у земледельческих народов» (Пропп, 1986, с. 267). По мнению Л. Бенуаса (Бенуас, 2004), символ вертикали возникает вместе с оседлым образом жизни. А. Ф. Анисимов и В. Н. Топоров (Анисимов, 1959; Топоров, 1971) описывают вертикальное дуальное и вертикальное трехчленное строение образа мира у северных народов.

Вертикальная картина мира сохраняется и на более поздних этапах исторического и культурного развития. В средневековой Европе с тремя вертикальными частями мира соотносятся ад, земля, рай. Центральным вертикальным символом христианской культуры является крест. «В вертикальном направлении крест объединяет высшие иерархические состояния человека, на которые он может претендовать» (Бенуас, 2004, с. 56–57).

Согласно В. А. Коневу, «вертикальные» отношения отражают отношения власти-подчинения, которые в истории общества воз-

никают вслед за разграничением «своих» и «чужих». Появление в человеческой культуре «указаний» – правил, инструкций – ставит индивида в позицию зависимости, «противопоставляет ему другого как более значимого, чем он сам» (Конев, 2004, с. 27). Тем самым появляются отношения более значимого («высокого») и менее значимого («низкого»). «Высокое» переживается как сакральное, священное, другое, более подлинное. «Низкое» переживается как профанное – обыденное, повседневное, чуждое подлинности. На основе отношения к «высшему» (на основе зависимости) развивается чувство веры.

Чувство «высшего» К. Юнг назвал «образом Бога». Согласно Э. Сэмьюэлзу, под образом Бога Юнг понимал «все, что индивид по опыту считал Богом, все, что представляло для него высшую ценность, выраженную сознательно или неосознанно» (Сэмьюэлз, 1994, с. 99).

Так в индивидуальном сознании и формируется этот интуитивно очевидный и рационально неразложимый критерий «высшего», который является интуитивной убежденностью и уверенностью в существовании высших ценностей.

Критерий, противоположный «высшему», – «низшее», **антиценности**. Этот критерий условно можно назвать абсолютным Злом. Восприятие «низкого» сопровождается омерзением, страхом. В психоанализе страх – это страх перед силой сдерживаемых желаний. В экзистенциализме это ужас смерти, «ничто», отрицание собственного существования.

Диалектическая традиция рассматривает Зло как начало движения к добру. Т. де Шарден пишет: «Вершина лучше всего измеряется бездной, над которой она возвышается» (Тейяр де Шарден, 2003, с. 115). Г. В. Зубко констатирует: «Зло можно... рассматривать как своего рода «закваску» в процессе эволюции, как катализатор событий» (Зубко, 2003, с. 33).

Третий критерий – это **середина между «высшим и «низшим»**.

В культуре «нейтральная» середина – это середина между «верхом» и «низом», Добром и Злом. Середина между небесным и подземным миром соответствует земному, актуальному существованию человека (Анисимов, 1959; Топоров, 1971). В индивидуальном и общественном сознании нейтральная середина как максимальная вероятность возможного или как наиболее высокая частота встречаемости какого-то культурного признака часто имеет небольшой эмоциональный оттенок негативного. Это представление о «серой» середине – «серая масса», «как все». И существует другая середина,

соответствующая лучшему из возможного, – это «золотая середина». Этот двойственный критерий «середины» существует в единстве: «золотая середина» всегда «чуть выше среднего». Зрелая самооценка, как установлено в психологии, стремится быть именно «чуть выше среднего».

Культурные закономерности оценивания поразительно совпадают с психологическими. В психофизике Х. Хелсоном было экспериментально показано, что при использовании любой «личной шкалы» для оценки величины стимула человек производит оценивание относительно субъективной «средней» точки шкалы или «уровня адаптации» (Хелсон, 1947). При этом субъективно «среднее», «нейтральное» значение выше объективно среднего. «Личные шкалы» и соответствующие «уровни адаптации» формируются путем постоянной ассимиляции стимулов в индивидуальном опыте.

Четвертый критерий – это **критерий «Я»**. С одной стороны, он противостоит требованию всеобщности нравственного поведения, делая его крайне субъективным и эгоцентричным. «Стоит только ближе всмотреться в мечтания и стремления людей, как мы всюду натолкнемся на их любезное Я, которое всегда бросается в глаза» (Кант, 1977, с. 103) По мнению Б. С. Алишева: «Выбор „Я“ или „не Я“ становится как бы абсолютной „системой отсчета“ во взаимодействии с внешним миром... данное соотношение следует признать фундаментальным, определяющим ориентацию ценностных приоритетов: либо они ориентированы на „Я“, либо – на „не Я“» (Алишев, 2001, с. 101).

С другой стороны, мы обнаруживаем производность и генетическую имманентность Я вышеназванным общим критериям. В психологии и в культуре присутствует Я как универсальная связь «высшего» и «низшего».

Культура отражает способ существования противоположностей в символической форме – в мифах это символы связи или разнонаправленного движения. Л. Бенуас называет среди них *древо* эволюции, *вертикаль* духовного падения и восхождения, *лестницу* Иакова, ступени которой соответствуют этапам духовного роста ангелов, *веревку*, узлы которой фиксируют движение «вверх» или «вниз». Символы связи противоположностей также – *узел*, *точка*. Все эти символы функциональны. Они не существуют без субъекта, который движется вверх или вниз, останавливаясь на некоторых ступенях или узлах. Действующее лицо – герой, путник, ныряльщик (Т. де Шарден), «человек собранный» (М. Мамардашвили) осуществ-

ляет эти переходы в отдельных поступках или на протяжении всего жизненного пути, обнаруживая свою суть.

Высший синтез (синтез Добра и Зла и снятие противоречия между ними) является также Самостью человека, сущностью «Образа Бога» у К. Юнга. Противоположные процессы, связанные с самостью, – это дезинтеграция – потеря целостности и реинтеграция – восстановление. Самость понимается как «архетипическое стремление координировать, соотносить и опосредовать напряжение противоположностей» (Сэмьюэлз, 1994, с. 134).

Высший синтез человек осуществляет и в переживании, во «впечатлении», в котором происходит «собрание в точку» (Мамардашвили, 1997).

К такому роду переживаний, соединяющих противоположности, относятся также «пик-переживания» А. Маслоу. Среди свойств пик-переживаний он называет следующие: **интегрированная целостность** (включая разрешение (трансцендирование) дихотомий, полярностей, противоречий, конфликтов); **переживание реальной самости** (уникальности, индивидуальности) и **одновременно ее «потеря»**; **позитивность** (мир всегда хороший, добрый, желательный, стоящий); **примирение со смертью**; исчезновение страха (Маслоу, 2002, с. 232–238). Все это может переживаться как «визит личности на небеса, с которых личность затем возвращается на землю» (Маслоу, 2002, с. 237).

Очень близкое описание структуры духовного переживания и единства полярных переживаний в «Я» мы находим в работе С. Л. Франка «Душа человека». С. Л. Франк выделяет в душевной жизни переживания низшие («хочу»), высшие («должен») и наивысшие, для которых «ближайшим показателем служат переживания *нравственного порядка*», духовная воля, тождественная «нашему самому глубокому, „чистому“, или „идеальному“ „я“». При этом наивысшее переживается одновременно и как центральное: «Существо этого своеобразного переживания состоит в том, что направляющая сила *некой центральной инстанции в нас* сознается как сила абсолютная, как *сверхиндивидуальная авторитетность и мощность*, которая вместе с тем не поработает извне наше „я“, а действует через самый глубокий центр нашей душевной жизни... сила, по характеру *возвышающаяся над противоположностью между „должен“ и „хочу“*... „Я так хочу, я должен, я не могу иначе...“» (Франк, 2000), – так снимается противоречие «низшего» и «высшего» в центре душевной жизни Я.

В. А. Конев пишет: «Принцип архитектоники «нетленной геометрии» – уйти, чтобы прийти, отказаться, чтобы получить, воздержаться, чтобы насладиться, наконец, спуститься (в Ад), чтобы подняться (в Рай)... Человек обретает свою определенность (нравственную, культурную, личностную) в поле действия апофатического пространства через отрицание и отказ, которые организуются культурой» (Конев, 2004, с. 26).

В одном русле со всем вышесказанным находятся и идеи В. А. Петровского, трактующего Я как «маргинальный знак», «динамический знак», «нечто сопредельное, переходное, срединное», «предел, переход, связь» (Петровский, 2000).

***

Нам кажется, что приведенных аргументов достаточно, чтобы рассматривать четыре названные критерия в качестве самых общих, универсальных. Рассмотрим далее «работу» индивидуального сознания в системе этих критериев.

Как показало проведенное нами эмпирическое исследование (Николаева, 2007), функционирование названных критериев в индивидуальном сознании обнаруживает устойчивые индивидуальные и групповые особенности. Эти устойчивые особенности названы нами **параметрами ценностных отношений** личности. Как будет видно из дальнейшего анализа, эти параметры описывают определенные **феномены ценностного оценивания** человеком себя и других.

Перечислим выделенные параметры и соответствующие им психологические феномены в связи с вышеназванными универсальными ценностными критериями.

С критерием «**высшего**» связаны следующие психологические параметры ценностных отношений. Первый – это *степень абсолютности – относительности идеалов**, отражающая субъективное ощущение степени совершенства идеализируемых «других», их близости абсолютным высшим ценностям. Второй параметр идеализации – это *субъективное чувство степени отличия идеализируемых образов от «других»*. И третий параметр, выделенный нами, – это *количество идеализируемых «других»*.

Процесс ценностной оценки, связанный с критерием «**низшего**», описывается теми же тремя параметрами: *степень абсолютности –*

* Под «идеалами» и «антиидеалами» далее имеются ввиду идеализируемые «другие» и абсолютно отвергаемые «другие».

относительности «антиидеалов», степень их отличия от «других» и количество «других – антиидеалов».

С критерием «середины» связан параметр количество других, ценимых «выше среднего».

Критерий «Я» задает ценностные соотношения Я и других, которые характеризуются следующими параметрами: самооценка (в нашем контексте *самоценность*); *равноценность Я и других*; количество других «выше Я»; а также субъективная близость Я и тех, кто «выше Я»; субъективная близость Я и тех, кто «ниже Я».

Еще раз подчеркнем, что все названные и обсуждаемые далее параметры ценностных отношений были выделены эмпирически. В исследованиях использовалась авторская методика «Я и другие» (Николаева, 2003), которая включала ассоциирование «других» и их размещение на ценностной шкале «высшее»–«низшее». В методике обосновано использование субъективной условной единицы для измерения выделенных параметров*. Все обсуждаемые параметры показали свою устойчивость в ретестовом исследовании.

Общий план исследования

Для более полного анализа (а не только метафорического и ассоциативного) и понимания психологического содержания обсуждаемых ниже параметров и феноменов ценностных отношений была осуществлена следующая работа:

- проведен сравнительный анализ параметров ценностных отношений в специфических социальных группах, предполагающих своеобразие ценностной и нравственной регуляции. Это подростки с ЗПР (27 чел.), подростки с ДЦП (31 чел.), взрослые инвалиды (20 чел.), пациенты психоневрологической клиники (44 и 19 чел.), пожилые люди (80 чел.). Группы сравнивались между собой и с соответствующей возрастной нормой;
- проведен анализ возрастной динамики параметров от подросткового до пожилого возраста. Участвовали подростки (375 чел.), студенты (60 чел.), взрослые от 30 до 50 лет (29 чел.), пожилые от 55 до 75 лет (80 чел.). Содержание изучаемых параметров в данном случае интерпретировалось в связи с известным характером социальной ситуации развития в этих возрастах;

* Далее в статье все значения параметров приводятся в этих условных единицах без указания единиц измерения.

- проведен корреляционный анализ параметров в соотношении с ориентацией личности на прошлое – будущее («Событийная карта жизни» (далее СКЖ) А. С. Сухорукова), с переживанием осмысленности и ценности жизни (СЖО и «Ценностный спектр» Д. А. Леонтьева, ОТеЦ в модификации И. Сенина), с данными личностных тестов (УСК, Т. Лири, Р. Кеттелл, ММПИ, САМОАЛ, опросник акцентуаций Смишека, шкала альтруизма – эгоизма из опросника О. Ф. Потемкиной, опросник коммуникативной толерантности В. В. Бойко и другие, которые указываются далее по тексту). Связь с параметрами данных методик определялась в «локальных» однородных социальных и возрастных группах. Поэтому ожидалось, что при таких условиях проявятся однонаправленные (линейные) взаимосвязи параметров ценностных отношений с психологическим содержанием тестов.

Помимо корреляционного анализа в исследовании использовались методы факторного анализа (метод главных компонент) для установления содержательной общности параметров ценностных отношений и известных психологических параметров. Также использовался кластерный анализ для установления специфики параметров ценностных отношений у больных с разной нозологией в группе пациентов психоневрологической клиники.

Ниже в целях настоящей работы мы будем обсуждать обобщенные данные. Все представленные в работе связи значимы на уровне $p < 0,05$ и $p < 0,01$. Подробные данные представлены в другой нашей работе (Николаева, 2007).

Перейдем далее к изложению и обсуждению полученных данных и анализу психологического содержания соответствующих феноменов.

Степень абсолютности – относительности идеализируемых «других»

Высокая степень абсолютизации идеалов особенно характерна для многих переживаний юности с ее эйфорическими состояниями. Так, Петрарка описывает глаза любимой:

«Любимый светоч Бога и Природы,
Всех в мире добродетелей обитель,
...Прибежище недуга и невзгоды,
Передо мною ключ, преддверье рая,
Где можно мне воскреснуть, умирая».

Эмпирические исследования несколько уточняют поэтический опыт. Обнаружено, что чем выше абсолютность идеалов, тем больше общее количество ценностей в жизни субъекта (по «ОТеЦ»; $r=0,77$), тем выше эмоциональная устойчивость (С, $r=0,36$) и меньше мягкость (I, $r_s=-0,51$) по Кеттеллу, меньше боязливость ($r=-0,53$) и педантичность ($r=-0,44$) по Смишеку, меньше депрессия (D, $r=-0,39$; MMPI), а также зависимость ($r=-0,35$) по Лири.

С другой стороны, имеются значимые, хотя и слабые обратные связи абсолютности идеалов с параметрами САМОАЛ: чем выше идеалы, тем ниже потребность в познании ($r=-0,34$), автономность ($r=-0,28$), а также уровень самоактуализация ($r=-0,26$). Вероятно, последние корреляции отражают необходимость перехода от незрелого, инфантильного ценностного сознания с максимальной абсолютизацией идеалов к более зрелому, «философскому» взгляду на жизнь, который сопровождается меньшей абсолютизацией идеалов и большей автономией.

Действительно, крайне большие величины абсолютизации (соответственно, относительность минимальна – $M=1-1,1$) сопровождают негативные проявления социализации (это подростки с ДЦП и ЗПР). Т. е. крайняя абсолютизация идеалов связана с несформированностью абсолютных ценностей.

Старшие подростки и взрослые не имеют значимых различий по данному показателю ($M=3,4$ и $3,6$), у взрослых инвалидов-мужчин относительность выше ($M=4,2$), а у пожилых еще выше ($M=5,1$).

Еще более высокие значения относительности идеалов характерны для депрессии ($M=6,2$), крайне большие значения относительности (что означает фактически отсутствие идеалов) – для тревоги ($M=9,2$). Для сравнения: здоровые женщины (средний возраст 21 год, 102 чел.) имеют среднегрупповое значение абсолютизации идеалов $M=4,1$, а мужчины – $M=3,1$ (средний возраст 26 лет, 48 чел.).

Итак, высокая абсолютизация идеалов в пределах социальной и психической нормы (исключая подростков с ЗПР, ДЦП и пациентов клиники) свидетельствует о позитивных переживаниях и состояниях: о высокой ценностной насыщенности жизни, эмоциональной стабильности и независимости, об отсутствии нерешительности, боязливости, педантичности, зависимости и депрессивности. Крайняя абсолютизация идеалов характеризует лишь этап в развитии ценностного сознания, его неразвитость или имеет компенсаторный характер.

В культуре чувство «абсолютности» идеалов регулируется предостережением: «Не сотвори себе кумира!» Необходимость понимания относительности идеалов, разрыва между высшим критерием и его проявлениями в реальности подчеркивается философами: «Насущно необходим для продолжения... движения [к Духу] *беспредельный горизонт впереди*» (Тейяр де Шарден, 2003, с. 211. Курсив мой здесь и далее. – И. Н.). «Граница между идеалом и достижением *всегда отодвигается*» (Поросенков, 2002). «Абсолютная ценность потому и ценность, что *не дает себя увидеть*» (Пушкарева, 1998, с. 76).

Степень отличия «идеалов» от «других»

У человека есть потребность подтверждать совершенство идеализируемого другого его отличием:

«Когда в ее обличии проходит
Сама Любовь меж сверстниц молодых,
Растет мой жар, – чем ярче жен других
Она красой победной превосходит» (Петрарка)

Осознание отличия идеализируемых образов (далее «идеалов») от «других» является необходимым признаком идеализации «других» как воплощения идеалов. С другой стороны, резкое отличие идеала от «других» делает его малодоступным, недостижимым. У поэта мы находим:

«Не раз хотел я вам слагать поэмы ...
Не раз хотел я петь хвалы, но немы
Мои уста, беззвучен голос мой:
Нет, не ему лететь к таким высотам!» (Петрарка)

Мы полагаем, что чувство значительного (либо незначительного) отличия «идеалов» от «других» также связано с достижимостью – недостижимостью тех идеальных свойств, высших личностных ценностей, носителями которых являются идеализируемые образы. Достижимость–недостижимость идеального также программируется культурой. Например, лозунги социального оптимизма проникнуты чувством *достижимости* идеалов: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!»

Нами были получены результаты, косвенно подтверждающие это предположение: чем больше степень противопоставления идеалов «миру», чем выше их «отрыв» от реальных других, тем выше неудовлетворенность ожидаемым будущим у испытуемых – студентов колледжа (60 чел.) ($r = -0,36$; СКЖ).

Социально и педагогически запущенные подростки обнаружили снижение отличия между «идеалами» и «другими» ($M=1,8$) по сравнению с нормой, а подростки с ДЦП – увеличение этого отличия ($M=2,9$) по сравнению со своими здоровыми ровесниками ($M=2,2$). Та же тенденция имеется у взрослых инвалидов с двигательными ограничениями. Средневыборочное значение отличия «идеалов» от «других» ($M=5,3$) у них значительно превышает соответствующий показатель у здоровых взрослых ($M=2,9$).

Как мы видим, физические ограничения способствуют переживанию недостижимости идеализируемых персонажей, а неблагоприятная социально-педагогическая ситуация приводит к отсутствию отличий между «идеалами» и «другими».

Возрастная динамика отличия идеалов от других характеризуется следующим. Средние значения в подростковом возрасте ($M=2,2$) увеличиваются в молодом и зрелом возрасте ($M=3,3$ для женщин и $M=2,9$ для мужчин) и затем значительно снижаются в пожилом возрасте ($M=1,8$).

У депрессивных ($M=3,8$) и тревожных пациентов ($M=3,2$) значения данного показателя выше, чем у здоровых.

Итак, чем больше степень отличия идеалов от реальности, тем выше переживание их недостижимости, неудовлетворенность ожидаемым будущим. Физические ограничения способствуют переживанию недостижимости идеальных образов, а неблагоприятная социально-педагогическая ситуация приводит к неразличению «идеалов» и других). Высокая степень отличия идеалов от других связана с тревогой и депрессией.

Количество идеализируемых «других»

Одним свойственно идеализировать многих, другим – нескольких, третьим – никого:

«...Кого ж любить? Кому же верить?

Кто не изменит нам один?

...Призрака суетный искатель,

Трудов напрасно не губя,

Любите самого себя,

Достопочтенный мой читатель!» (А. С. Пушкин)

Действительно, количество идеалов имеет прямые значимые связи с очень привлекательными характеристиками личности: с параметрами ММРІ – «искренностью» ($L, r=0,45$), способностью к коррекции своего поведения ($K, r=0,39$), имеет обратную связь с «симу-

ляцией» (F , $r=-0,38$), а также со шкалами Кеттелла «адекватность самооценки» (MD , $r=0,35$), «самоконтроль» (Q_3 , $r=0,40$).

«Количество идеалов» входит в один фактор с «ценностной насыщенностью жизни» вместе с показателями смысловых отношений (факторные веса от 0,62 до 0,93) и общим количеством значимых ценностей испытуемого (вес 0,76) по методике Д. А. Леонтьева «Ценностный спектр».

С параметрами САМОАЛ значимых корреляций не обнаружено.

Как мы видим, большое количество идеалов сопряжено с переживанием ценностной насыщенности жизни, связано с адекватностью, искренностью и способностью человека к самоконтролю.

Этот результат согласуется также с данными обследования пациентов отделения неврозов КОПНБ (44 испытуемых). Факторный анализ данных выявил несовместимость психопатизации ($r=-0,37$) и тревоги ($r=-0,32$) с большим количеством образов – «идеалов» у пациента.

В сравнительном исследовании у взрослых инвалидов зафиксировано значимо большее ($p<0,05$) количество «идеалов» ($M=7,5$) по сравнению со здоровыми испытуемыми ($M=3,0$). Можно предположить, что большое количество идеалов выполняет своеобразную профилактическую и компенсирующую функцию, поддерживая необходимое «позитивное» отношение к жизни в сложных условиях.

Таким образом, параметр «количество идеалов», регистрируемый данной методикой, связан со степенью ценностной насыщенности жизни, несовместим с психопатизацией и тревогой, предполагает адекватность и искренность субъекта, способность к самоконтролю.

Индивидуально-психологический феномен идеализации другого имеет параллели в механизмах культурной регуляции поведения. Прославление святых и героев – это, по существу, идентичный религиозный и культурный феномен и способ культурной и духовной регуляции*. Прославление и идеализация дают, как мы видели, массу психологических (или духовных) преимуществ, задают и подтверждают саму цель, направление жизни.

Если выразить общее впечатление от всех обнаруженных взаимосвязей, соотносимых с критерием «высшего», то можно сказать, что психологические измерения подтверждают культурную

* Далее в статье все значения параметров приводятся в этих условных единицах без указания единиц измерения.

формулу: высшие ценности дают силу жить. Чем больше идеалов, тем больше силы и меньше защитных механизмов требуется, чтобы нормально функционировать. «Чувство сопричастности абсолютным ценностям, которые дают человеку конечные основания его деятельности и поведения. Это чувство становится таким оправданием жизни, когда все другие аргументы и смыслы, к которым может прибегнуть индивид, уже не работают» (Конев, 2004, с.28). Говоря словами Т. де Шардена, «... Мир держится не „снизу“, а „сверху“» (Т. де Шарден, 2003, с. 211).

Абсолютность–относительность «антиидеалов»

Этот параметр измеряется степенью «низости» максимально низко оцениваемых «других», которых мы называем здесь «антиидеалами».

Некоторые корреляционные связи на выборке здоровых повторяют связи для аналогичного параметра «идеалов»: «относительность антиидеалов» также связана с мягкостью (I, $r=0,51$) (Кеттелл) и зависимостью ($r=0,34$) (Т. Лири). Этому соответствуют и результаты обследования невротиков. При выраженной тревоге данный показатель имеет вдвое большее значение ($M=11,6$) (т.е. высокую относительность) по сравнению с депрессией ($M=5,8$) (аналогичное соотношение мы видели для абсолютности «идеалов»). Учитывая показатель здоровых взрослых ($M=8,2$), можно видеть, что по абсолютности «антиидеалов» тревога и депрессия располагаются на противоположных «полюсах» от нормы.

Однако другие свойства рассматриваемого параметра специфичны и характерны только для него. Во-первых, имеется прямая связь относительности антиидеалов и аутосимпатии ($r= 0,29$) по САМО-АЛ. Во-вторых, относительность антиидеалов входит в один фактор удовлетворенности своим прошлым (вместе с параметрами СКЖ) по результатам факторного анализа. Чем меньше «относительность антиидеалов» (факторный вес $r=-0,31$), тем меньше удовлетворенность всеми аспектами прошлого опыта (факторные веса $r=-0,72-0,87$) и меньше аутосимпатия ($r=-0,29$). Это значит, что негативные переживания антиидеального объекта «отягощены» также негативным самоотношением, связанным с прошлым.

Сказанное подтверждается данными факторного анализа в группе пожилых с учетом их удовлетворенности жизнью. Абсолютизация антиидеалов, как и их количество, входят в один фактор с неудовлетворенностью пожилых людей жизнью. И в целом

относительность антиидеалов у пожилых уменьшается ($M=6,3$) по сравнению с возрастом зрелости ($M=7,7$) и, тем более, молодым возрастом (мужчины $M=8,5$; женщины $M=8,1$).

Абсолютизация антиидеалов характерна для неблагоприятной социальной ситуации развития. Так, педагогически и социально запущенные подростки имеют минимальные значения относительности антиидеалов ($M=0,97$) при норме $M=3,5$.

Однако ситуация, связанная с физическими недостатками испытуемых, напротив, приводит к смягчению оценок «антиидеалов». Так, подростки с ДЦП гораздо менее категоричны в оценках антиидеалов (относительность антиидеалов у них $M=5,7$). А взрослые инвалиды с двигательными ограничениями практически не имеют антиидеалов, по крайней мере не хотят их называть и никого не хотят «судить» ($M=24,3$). Можно предположить, что высокая относительность антиидеалов, мягкость оценок играет компенсирующую роль для лиц с дефектами, позволяет им не судить строго и себя, быть в целом удовлетворенными жизнью.

Таким образом, «абсолютизация антиидеалов» отражает непримиримость и категоричность в отношении к другим, воплощающим «антиидеалы». Это *негативное переживание антиидеального объекта* соответствует *негативному самоотношению с неудовлетворенностью прошлым опытом, низкой аутосимпатией*. Физические аномалии препятствуют абсолютизации «антиидеалов», тогда как неблагоприятная социально-педагогическая ситуация способствует ей.

Степень отличия антиидеалов от «других»

На выборке старшеклассников (38 чел.) обнаружены прямые значимые связи степени «отличия» антиидеалов от других с уровнем интеллекта (B , $r=0,41$), самостоятельности (Q_2 , $r=0,40$), самоконтроля (Q_3 , $r=0,36$) (Р. Кеттелл), с независимостью ($r=0,34$) (Т. Лири), общей интернальностью (Ию, $r=0,35$) (УСК). Данный показатель обратно связан с эмотивностью ($r=-0,37$), экзальтированностью ($r=-0,38$) (по Смишкеу) и истерией (H_y , $r=-0,40$) (ММРУ). Связь с параметрами саморегуляции (интеллектом, самостоятельностью, независимостью, самоконтролем) и обратная связь с параметрами эмотивно-истерического круга указывает на психологическую основу, необходимую для принципиальности, требовательности и непримиримости – личностных качеств, в которых и проявляется «противопоставленность» антиидеалов миру.

Видно, что полученные линейные зависимости существуют только на средних значениях данного параметра. Проследивая его изменения в разных социальных группах, можно отметить следующее. Высокие значения «отличия» антиидеалов от «других» характерны для депрессии ($M=5$). Значимо большее отличие «антиидеалов» от других зафиксировано у подростков с ДЦП ($M=6,3$) по сравнению со здоровыми сверстниками ($M=2,7$), а у взрослых инвалидов это значение еще выше ($M=9,3$). Самое высокое отличие «антиидеалов» от других обнаружено у социально и педагогически запущенных подростков ($M=11,6$).

Вероятно, для социально неблагополучных групп в этом противопоставлении антиидеалов другим проявляется субъективная степень Зла, с которым сталкиваются эти категории людей в своей жизни, и эквивалентом которой может быть степень собственных усилий для его преодоления. Крайне высокие значения отличия антиидеалов от других при ЗПР и неблагоприятных состояниях (депрессии) могут свидетельствовать о том, что сила зла воспринимается как непреодолимая.

Что касается другой крайности – минимальных значений отличия антиидеалов, то нами обнаружено патологическое неблагополучие также и при этих низких значениях. Так, в состоянии тревоги (пациенты психоневрологической больницы) наблюдается минимальное отличие между «антиидеалами» и «другими» ($M=1,1$). Нечеткость разделения приемлемого и неприемлемого у тревожных лиц приводит к известному для этой группы ожиданию негативной оценки со стороны других, постоянному и мучительному самомониторингу, поиску внешних критериев «правильности» и т. п.

Кроме того, отличие антиидеалов от других, по нашим данным, входит в общий фактор «осмысленности жизни» и «ценностной насыщенности» жизни с весом 0,36 (вместе со всеми шкалами СЖО и количеством баллов по «Ценностному спектру» Д. А. Леонтьева).

Таким образом, параметр «противопоставленность „антиидеалов“ „миру“» не только отражает степень различия допустимого и недопустимого, но и свидетельствует о степени осмысленности и ценностной насыщенности жизни. Соппротивление и противостояние субъективному «злу», воплощенному в антиидеалах, как раз требует эмоциональной устойчивости, независимости и самоконтроля, которые и демонстрируют испытуемые, имеющие средние значения соответствующего показателя. Неразличение допустимого и недопустимого сопряжено с невротической тревогой. А крайне

высокие показатели различия сопровождают депрессию – чувство бессилия в преодолении зла.

В социальном контексте различия между антиидеалами («недопустимым») и другими («допустимым») имеют вид правил и запретов. Их четкость и строгость их соблюдения психологически должна приводить к удовлетворенности собой, самоуважению, самоконтролю. Действительно, развитое правовое сознание в гражданском обществе характеризуется большей степенью осознания независимости, самоконтроля и самостоятельности.

Количество образов – «антиидеалов»

Данный параметр в группе старших подростков обратно связан с мягкостью (I, $r = -0,38$, Кеттелл) и прямо связан с психопатией (Pd, $r = 0,35$, ММРІ). Это согласуется с факторным обобщением данных пациентов психоневрологической больницы, в котором «количество антиидеалов» вошло в один фактор с более высокими нагрузками психопатизации и депрессии.

Негативное содержание данного параметра подтверждается также значимыми обратными связями количества антиидеалов с параметрами САМОАЛ: «ориентация во времени» ($r = -0,33$) и «аутосимпатия» ($r = -0,35$). Т. е. чем большее количество образов других оценивается испытуемым крайне низко, тем меньше его аутосимпатия.

Максимальный показатель количества антиидеалов обнаружен у социально запущенных подростков ($M = 6$), группа которых имеет сниженные показатели ощущения популярности, счастья и удовлетворенности.

Таким образом, *большое количество антиидеалов* сопряжено как с низкой симпатией к себе самому, так и с враждебным отношением к другим, что способствует *такому смыслу жизни, как «борьба с силами зла»*, а в дезадаптивном варианте – *«отчаянию перед силами зла»*. Как видим, данный показатель относится к кругу **показателей «негативности» жизни** испытуемого.

***

Оценивая феномены «антиидеализации» в целом, можно полагать, что они необходимы для социализации. В обществе антиидеалы (как, например, спартанцы воспитывали отвращение к пьянству) могли играть важную роль, подтверждающую ценность норм и запретов. В индивидуальном сознании (как и в обществе) антиидеалы – это предел, позволяющий осознать невозможность более

низкого «падения», переживать чувство вины или стыда, дать импульс возрождающему нравственному движению. Однако ключевым фактором действенности персонализированных антиидеалов должен быть не только сам факт их существования, но все параметры в совокупности: их минимальное количество, относительность их «низости», высокая степень их отличия от допустимого.

Количество «антиидеалов» в общественном сознании и в отдельные исторические периоды меняется, и его увеличение соответствует периодам массовой «антиидеализации». В средние века – «ведьмы», в XX в. – «враги народа», «антисоветчики» – все это «персонификации воплощения собственного ничто человека» (Поросенков, 2002). Философ подчеркивает ошибочность представления о том, что крайняя ненависть к антиидеалу и физическое его уничтожение позволит уничтожить Зло.

Количество других, ценимых «выше среднего»

Замечательно, что количество других, ценимых «выше среднего», имеет мало вариаций среднегрупповых значений на протяжении подросткового возраста от 12 до 16 лет (375 чел.) и приближается к «золотому сечению» (подростки оценивают «выше среднего» 66–68% от всех припомнившихся «других»). Мы предположили, что этот параметр является константой, свидетельствующей о психологической норме.

В группе подростков, страдающих ДЦП (20 чел.), он выше возрастной нормы – 74,6%. В группе студентов и слушателей, повышающих квалификацию и получающих второе высшее образование (127 чел.), среднегрупповое значение соответствующего показателя поднимается до 75%, а в группе взрослых инвалидов (20 чел.) достигает 76%. Повышенные значения показателя в группе взрослых слушателей-заочников могут отражать позитивное восприятие ситуации профессионально-образовательного продвижения в этом возрасте. Повышенные значения оценок «количество других, ценимых „выше среднего“» в группах инвалидов (детей и взрослых) могут объясняться компенсирующими механизмами.

В выборке пожилых людей (80 человек от 55 до 78 лет) количество других «выше среднего» снижается до 62%. При этом в обследовании пожилых данный показатель оказался единственным, прямо связанным с их удовлетворенностью жизнью ($r=0,34$).

Параметр «количество других, ценимых „выше среднего“», кроме связей с СЖО и с «ценностной насыщенностью жизни» обнаружил

обратную связь с тревожностью Кеттелла (Q, $r=-0,41$) и прямую связь с параметром общей интернальности (Ио, $r=0,41$) в исследовании старших подростков (35 чел.).

В обследовании пациентов-невротиков обнаружена неоднозначная связь количества других «выше среднего» с состояниями разной психопатологии. Высокие значения данного показателя входят в один фактор с психопатизацией с эйфорическим аффективным фоном этого расстройства.

В исследовании студентов способность ценить других «выше среднего» обнаруживает высокую прямую связь ($r=0,93$) с коммуникативной толерантностью.

С параметрами других личностных методик значимых связей не выявлено.

Возможно, параметр «количество других «выше среднего»» является одной из констант, демонстрирующей необходимый баланс «позитивного» и «негативного» в восприятии человеком других. Вероятно, что значением, отражающим такую динамичную стабильность, оказывается величина «золотого сечения». Крайне высокие значения могут встречаться в психопатических эйфорических состояниях. Однако в норме вариации «количества других „выше среднего“» непосредственно отражают коммуникативную толерантность человека.

Полученные нами факты, касающиеся склонности оценивать других «выше» или «ниже» среднего, скорее всего, соответствуют наблюдению М. Шелера, который выделяет два «фундаментально различных» способа постижения иерархического отношения ценностей – *предпочтение* и *пренебрежение*. «Это различие отчетливо проявляется даже в характерах! – пишет Шелер, – Существуют специфически „критические“ нравственные характеры..., которые реализуют то, что некоторые ценности выступают как более высокие только через „пренебрежение“; им противостоят позитивные характеры, которые только „предпочитают“ и для которых „низшие“ ценности становятся видимыми только с той вершины, которой они достигли в предпочтении. В то время как первые стремятся к „добродетели“ в борьбе против „пороков“, вторые как бы погребают пороки под вновь приобретенными добродетелями» (Шелер, 1994, с. 307).

Итак, психологический критерий «середины» используется в механизме оценивания обычного, повседневного, которое может быть «выше среднего» или «ниже среднего». Способность ценить

других «выше среднего» в социальной жизни является механизмом позитивного мышления. Противоположность – односторонне критическое и даже очерняющее мышление. Привычка «давать жару», «вызвать на ковер» и другие формы агрессивного социального взаимодействия противостоят способности видеть в людях, в первую очередь, светлые стороны, «замысел Божий».

Далее сосредоточимся на критерии Я, и тех психологических феноменах, которые характеризуют ценностные отношения, связанные с критерием Я.

Место «Я» между «высшим» и «низшим».

Самоценность и самооценка

Я как точка отсчета для «других» имеет свои относительные координаты на «вертикали духа». В нашем контексте интегральная самооценка может называться «самоценностью», отражая оценку Я в соответствии с максимально обобщенными универсальными критериями. Далее мы употребляем эти термины как синонимы.

Нелинейная связь «позитивного» содержания самооценки с ее уровнем в психологии давно известна. «Позитивный» характер величины самооценки (высокая лучше низкой) принимается только на определенном интервале «адекватных» самооценок, соответствующем пропорции «золотого сечения» – «чуть выше середины». Крайне высокие значения самооценок признаются настолько же «негативными», как и низкие.

Графический показатель «самоценности» в нашей методике аналогичен показателю самооценки в тесте Дембо–Рубинштейна. Наши данные, собранные в группах инвалидов, пожилых, социально и педагогически запущенных подростков соответствуют имеющимся литературным данным. По нашим данным, самые низкие среднегрупповые значения имеет группа взрослых инвалидов ($M=0,51$), затем следует группа депрессивных ($M=0,54$). Сравнительно низки по сравнению с совокупной выборкой молодых и зрелых ($M=0,66$) среднегрупповые самооценки пожилых ($M=0,61$). Самооценки других групп значимо не различаются.

Неблагоприятное содержание «низкой» и «высокой» самооценки (самоценности) также подтверждается и данными факторного анализа пациентов клиники: депрессия и тревога входят в один фактор с низкой самооценкой (хотя она у них выше, чем у взрослых инвалидов, тогда как психопатизация более вероятно связана с высокой самооценкой).

Переживания самооценности имеют связи с рядом личностных параметров. Имеются положительные связи со шкалами Кеттелла: интеллект (В, $r=0,46$), самоконтроль (Q_3 , $r=0,36$), но – отрицательные связи с мечтательностью (М, $r=-0,40$) и напряженностью (Q_4 , $r=-0,36$); по Смишеку: отрицательные связи с эмотивностью ($r=-0,36$), демонстративностью ($r=-0,34$), положительные – с дистимией ($r=0,44$); шкалой лжи ($r=0,39$; ММРІ).

Интересные данные обнаружены в факторном анализе результатов пожилых людей. Пожилые, как удовлетворенные, так и неудовлетворенные жизнью, имеют симметричные тенденции, противоположные по высоте самооценки. Т. е. самооценка прямо не связана у них с удовлетворенностью жизнью. Также самооценка не входит в фактор «осмысленности жизни» и «ценностной насыщенности» в совместном анализе с СЖО (на группе студентов). Самооценка имеет единственную корреляцию с САМОАЛ по параметру «гибкость в общении» ($r=0,28$).

Надо признать, что из наших данных следует довольно неожиданный предварительный вывод: что ценность Я несомненно важна для позитивного самоотношения, но не обнаруживает непосредственных связей с переживанием других ценностных отношений, как и с удовлетворенностью жизнью в целом. Другими словами, жизнь хороша или плоха независимо от того, насколько хорош я сам. Это предположение действительно в определенных пределах и распространяется только на состояния психического здоровья.

Количество других «выше Я»

Данный параметр тесно оказался связан с самооценкой (самоценностью) ($r_s=-0,63$) у подростков (375 чел.) и, можно предположить, является другим способом измерения самооценки. Разница между этими двумя параметрами состоит в том, что графический показатель самооценности образуется на основе сравнения Я с полюсами «высшего» и «низшего». А показатель «количество других «выше Я»» образуется при размещении «других» относительно Я.

Все же эти показатели не идентичны по психологическому содержанию, как будет видно из дальнейшего анализа. Так, тревожные и депрессивные испытуемые не имеют значимых отличий от здоровых по количеству других «выше Я», хотя их самооценка значимо ниже.

Следует отметить, что наибольшие значения по данному показателю из всех групп обследованных имеют дети с ДЦП ($M=26,7$) и взрослые инвалиды с двигательными ограничениями ($M=25,5$),

т. е. в среднем более половины всех других (из 50 ассоциированных «других») эти люди ставят «выше себя». Самое низкое количество других «выше Я» в среднем отмечено в группе здоровых подростков ($M=15,5$) и пожилых людей (15,9), хотя их самооценка (особенно пожилых людей) не является максимальной среди всех категорий обследованных. Большее количество «других выше Я» характерно для пожилых (но не очень старых) женщин, удовлетворенных жизнью. Отсутствие склонности ценить других «выше Я» характерно для честолюбивых и амбициозных пожилых с нереалистической, слишком высокой оценкой избранных (т. е. с высокой абсолютизацией идеалов) и с невысокой удовлетворенностью жизнью.

Имеются связи параметра с содержанием личностных ценностей в группе старшеклассников (38 чел.) по методике И. Сенина ОТеЦ. Это связи с ценностями достижения ($r=0,32$), духовного удовлетворения ($r=0,30$), сохранения собственной индивидуальности ($r=0,36$).

Данный показатель не обнаружил связей с другими личностными параметрами и требует дальнейшего анализа.

Количество других, равноценных «Я»

Соотношения равноценности «Я» и других в связи с возрастом, инвалидностью и прочими социальными факторами не производят впечатления каких-либо закономерностей. Скорее всего, возможные закономерности связаны с другими свойствами.

Количество других, равноценных Я, имеет небольшую отрицательную корреляцию с подчиняемостью по Т. Лири ($r=-0,36$) и ригидностью по ММРІ (Ра, $r=-0,34$) и положительно связано со способностью к коррекции своего поведения (К, $r=0,38$, ММРІ). Чем меньше других, равноценных Я, тем в большей степени человек проявляет скромность и покорность, лучше осуществляет контроль своего поведения, а также может быть более склонен к подозрительности и «сверхценным» идеям.

Возможно, количество других, равноценных Я, отражает потребность в общности с другими, поскольку у лиц с высокой тревогой и депрессией достаточно высоки показатели равноценности Я и других. Можно предположить, что максимальная «близость» с другими нужна человеку в моменты истощения духовных энергетических ресурсов. Однако по результатам других методик («включение „другого“ в „Я“»: Ароп, 1992) нами зафиксированы данные, которые столь однозначно не интерпретируются.

Интуитивно кажется очевидной важность такого конструкта как «равноценность Я и «других» – «уникальность Я». Предположительно, параметр «количество других, равноценных „Я“», отражает ориентацию на других. Однако пока мы не располагаем данными для более обоснованных выводов.

Субъективная близость между Я и теми, кто «выше Я»; между Я и теми, кто «ниже Я»

Эти параметры были включены в исследование на более позднем этапе, и некоторые группы испытуемых, а также часть примененных ранее методик не удалось использовать для их содержательного анализа. В ряде случаев параметры не обнаруживали каких-либо значимых связей.

Однако в исследовании пациентов с нарушениями адаптации было получено, что тревожные испытуемые сближают себя с теми, кто «выше Я», и отдаляют от тех, кто «ниже Я». Депрессивные, наоборот, сближают себя с теми, кто «ниже Я», и отдаляют от тех, кто «выше Я». Возникла гипотеза об особенностях идентификации испытуемых, о содержании жизненных целей, ориентированных на определенные критерии («лучше меня»), и «отвернувшихся» от целей («еще хуже меня настоящего»).

Присутствие направленности (субъективной близости) к тем, кто «хуже» и к тем, кто «лучше» мы попытались проследить в особенностях национального менталитета.

Ментальность русских тесно связана с православным христианством, в котором самый тяжкий грех – это гордыня, проявляющаяся, в частности, в стремлении оценить себя выше других, доминировать. Самоуважение православного человека не может быть достигнуто превосходством над другими по любым социально одобряемым качествам.

Классическая русская литература, даже в противопоставлении себя официальной церкви, всегда является нравственной, духовной в восприятии читателя. Одним из и типичных и любимых ее героев является «маленький человек», важный мотив – сострадание к нему, возможное на основе идентификации с ним. Пушкин, Гоголь, Достоевский, Лесков, Некрасов, Толстой, Платонов, Шукшин заставляют читателя идентифицировать себя не только с успешным и высоким, а с обыденным, простым, беспомощным. При этом читатель не чувствует своего превосходства над приземленным, даже «падшим» героем.

В русском фольклоре мы видим те же тенденции. Убожество для русских может переживаться как отмеченность Богом. «Просит убогий, а подаешь богу», – читаем в пословицах В. Даля. Самое неприглядное для русского человека может быть своим, любимым: «Кому гнило, а мне мило», «Хоть нескладно, да больно жалостно». Русские подчеркивают нестабильность, случайность успеха, достоинства, богатств: «Сегодня в чести, завтра свиней пасти». Подчеркивается большая вероятность несчастья, различных пороков, недостатков: «От сумы да от тюрьмы не зарекайся». Подчеркивается ценность скромности и не поощряется продвижение: «Не хвали сам себя, есть много лучше тебя».

В противоположность этому идентификации с лучшими у русского человека не прослеживается. В тех же пословицах Даля мы читаем: «Лапоть знай лаптя, а сапог сапога», «У сытого на уме гулянье, а у голодного обед». Притязания на успех часто высмеиваются русским человеком, рассматриваются в ироничном ключе (отсюда большая дистанцированность по отношению к власти, начальству). Даже похвала русскому вызывает отказ от нее (например, женщины часто отказываются от комплиментов, бывают чересчур скромными).

Если принять способность к идентификации с теми, кто «ниже», в качестве существенной особенности русской ментальности, то будут также объяснимы другие важные особенности русского национального характера. Например, это известная открытость, которая означает недостаточно жесткую межгрупповую дифференциацию «мы–другие», а также отсутствие аутгрупповой враждебности и внутригруппового фаворитизма (что постулировалось Дж. Тернером для всех групп). Действительно, для российского менталитета характерно часто противоположное – очернение, преуменьшение достоинств собственной группы и преувеличение достоинств чужой.

Таким образом, особенности российской ментальности заставляют предположить, что для нее характерна идентификация с другими, обусловленная ценностным сравнением. Человек может чувствовать солидарность с теми, кто «хуже других», и осуществлять нисходящее социальное сравнение вовсе не с целью укрепления чувства собственного превосходства, а в соответствии с ценностями своей культуры.

В противоположность русской, американская ментальность, как это постулируется во многих работах – это психология успеха.

Люди сближают себя с теми, кто лучше их, что отражается в идеях типа «каждый может стать миллионером». В этом проявляется идентификация с теми, кого ценят, кто лучше, кто достиг успеха*.

Логично предположить, что ценностное сравнение Я и других и субъективная близость с теми, кто «ниже Я», и с теми, кто «выше Я», имеет четыре возможных сочетания: склонность к идентификации с одной из двух названных ценностных групп; способность к идентификации себя как с «лучшими», так и с «худшими» одновременно; наконец, отсутствие способности к идентификации как с теми, так и с другими.

В пилотажном исследовании, направленном на проверку этого предположения, участвовали группа верующих, группа студентов, группа рабочих и служащих и группа предпринимателей. Студентам также предлагалась шкала О. Ф. Потемкиной «альтруизм–эгоизм» (Фетискин, 2002, с. 23–24). Обнаружилось, что студенты значительно чаще идентифицируются с теми, кто «выше» их. Верующие чаще испытывают большую субъективную близость с теми, кто «ниже» их. Предприниматели имеют тенденцию к равной субъективной близости как с теми, кто «выше Я», так и с теми, кто «ниже Я».

Параметр «субъективная близость с теми, кто „ниже Я“», обнаружил прямую связь с альтруизмом ($r=0,59$) на выборке студентов и работающих (108 человек).

Полученный результат заставляет рассматривать альтруизм не только однозначно положительно. Если идентификация с «худшими», прямо связанная с альтруизмом, не уравновешивается субъективной близостью с «лучшими», то мы не имеем мотивации достижения успеха, необходимой для прогресса, наблюдаем известное в русской ментальности «дистанцирование от власти», порождающее социальную пассивность и препятствующее демократическому самоуправлению. Хваленое русское гостеприимство в нашем рассмотрении может быть интерпретировано как преклонение перед «труднодоступными» и «лучшими» чужаками. Негативная российская идентичность способствует сострадательному альтруизму, но может иметь много других последствий, как видим, социально не столь однозначно положительных.

---

* История развития России и Америки заставляет предположить, что особенности идентификации с теми, кто «хуже» и с теми, кто «лучше» имеют не последнее значение для перспектив демократического развития и социальной «успешности».

***

Итак, мы видим разнообразие психологического содержания целого ряда феноменов ценностных отношений личности к себе и другим.

В завершение представим данные о связи всех рассмотренных выше феноменов с коммуникативной толерантностью личности (Бойко, 1996).

Феномены ценностных отношений и толерантность

Выше, рассматривая взаимосвязи ценностных отношений с различными психологическими феноменами, мы оперировали коэффициентами корреляции среднего и даже слабого уровня связи. В таблице 1 представлены корреляционные связи обсуждаемых нами ценностных феноменов и коммуникативной толерантности. Высота коэффициентов нетипична для психологического исследования. Она показывает не просто связь, а **сущностное тождество** анализируемых феноменов.

Необходимо обратить внимание на то, что все выделенные нами параметры, имеющие столь высокий уровень связи с толерантностью, *не имеют между собой значимых интеркорреляционных связей* (кроме той, что была обсуждена выше, – связь количества других «выше среднего» и «выше Я»). Поэтому «вклады» в толерантность обусловлены собственной природой каждого феномена.

Отметим также, что эти данные получены на основании *одного исследования*, поэтому, конечно, нуждаются в подтверждении.

На основании полученных эмпирических данных можно заключить, что *сущностью толерантного отношения является позитивная оценка других* – это прежде всего оценка других «выше среднего» и «выше Я», а также *отсутствие максимализма – крайних ценностных оценок других людей*. Способности чувствовать равноценность себя и других, ощущать субъективную близость как с теми, кто «выше Я», так и с теми, кто «ниже Я», являются важнейшими компонентами коммуникативной толерантности. Склонность к идеализации многих «других» и отсутствие стремления причислять других к «антиидеалам» также вносят значительный вклад в толерантность.

***

Психологический анализ параметров ценностного оценивания, основанного на универсальных ценностных критериях, проведенный в настоящей работе, а также примеры функционального единства социальных и индивидуально-психологических феноменов ценностного оценивания, говорят о том, что выделенные ценностные критерии и феномены заслуживают внимания. Общность культур-

Таблица 1
 Результаты корреляционного анализа
 коммуникативной толерантности
 и параметров ценностных отношений у студентов-заочников
 (78 человек 22–35 лет)

Измеряемые параметры	Связь с толерантностью (значение r для $p \leq 0,05$)
1. Кол-во других, ценимых выше среднего	0,93
2. Кол-во других, ценимых выше Я	0,89
3. Степень относительности «идеалов»	0,87
4. Степень относительности «антиидеалов»	0,87
5. Кол-во других, равноценных Я	0,85
6. Субъективная удаленность от тех, кто «ниже Я»	-0,84
7. Кол-во образов-«антиидеалов»	-0,81
8. Субъективная удаленность от тех, кто «выше Я»	-0,79
9. Кол-во образов-«идеалов»	0,71
10. Самооценка	-0,64
11. Степень отличия образов-«идеалов» от «других»	-0,28
12. Степень отличия образов – «антиидеалов» от «других»	-0,11

ной и психологической духовно-нравственной регуляции поведения требует более тщательного исследования.

Для формирования нравственного сознания и поведения индивида можно сознательно регулировать ритуалы и нормы субкультур и культуры в целом, используя, в том числе, и названные феномены. Но первоначально их необходимо отразеллексировать.

Литература

- Алишев Б. С. Психология формирования демократической культуры студентов ССУЗ. Казань: ИСПО РАО, 2001.
- Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера. М.-Л., 1959.
- Батурич Н. А. Проблема оценивания и оценки в общей психологии. <http://www.voppsy.ru/issues/1989/892/892081.html>.
- Бенуас Л. Знаки, символы и мифы / Пер. с фр. А. Калантарева. М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2004.
- Бойко В. В. Энергия эволюции в общении: взгляд на себя и на других. М., 1996.

- Гусейнов А. А. Негативный контекст категорического императива Канта // Международный кантовский конгресс. Москва, 24–28 мая 2004. <http://www.guseinov.ru/conf/kant.html>.
- Зубко Г. В. Миф в мировосприятии человека и в духовной культуре человечества // Мир психологии. 2003. № 3. С. 24–42.
- Кабрин В. И. Транскоммуникативные основания анализа ценностного мира человека // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В. В. Знаков, Г. Н. Залевский. М.: Изд-во ИП РАН, 2008. С. 94–122.
- Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. в 4-х томах на немецком и русском языках. М., 1997.
- Конев В. А. Культурное пространство и его ценностная архитектоника // Философия ценностей: Материалы Российской конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004.
- Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. Лекции о Прусте «В поисках утраченного времени». СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, Журнал «Нева», 1997. <http://www.philosophy.ru/library/mmk/topology.html>.
- Маслоу А. По направлению к психологии бытия. Религии, ценности и пик-переживания / Пер. с англ. Е. Рачковой. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
- Николаева И. А. «Я и другие». Процедура исследования субъективных характеристик социализации личности: Учебно-методическое пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2003.
- Николаева И. А. Пространственное измерение ценностной сферы личности. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007.
- Петровский В. А. Семиотика «Я». <http://liber.rsuh.ru>.
- Поросенков С. В. Существование и деятельность в определении ценностного отношения. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2002. <http://anthropology.ru/ru/texts/porosenkov>.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986.
- Пушкарева М. А. Неявная природа абсолютных ценностей // Философия ценностей: Тезисы Российской конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1998. С. 75–77.
- Сэмьюэлз Э. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга / По ред. Э. Сэмьюэлза, Б. Шортер, Ф. Плата. М.: МНПП «ЭСИ», 1994.
- Тайлор Э. Б. Первобытная культура / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1989.

- Тейяр де Шарден П. Божественная среда: Сборник. Пер. с фр. М.: ООО «Изд-во „АСТ“»; ЗАО НПП «Ермак», 2003.
- Топоров В. Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1971. Т. 5. Вып. 284.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2002. С. 23–24.
- Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990.
- Франк С. Л. Душа человека // С. Л. Франк. Предмет знания. Душа человека. Минск: «Харвест»; М.: «АСТ», 2000. С. 631–990.
- Шелер М. Избранные произведения / Пер. с нем. Под ред. А. В. Денежкина. Изд-во «Гнозис», 1994.
- Aron A., Aron E. N., Smolla(e)n D. Inclusion of other in the self: scale and the structure of interpersonal closeness // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. V. 63. № 4. P. 596–612.
- Helson H. 1947. Adaptation level as a frame of reference for prediction of psychophysical data // American Journal of Psychology. V. 60. P. 1–29.

ТИПОЛОГИЯ ЛЮДЕЙ В ЭТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Л. М. Попов, А. О. Максумова

В период социальных и нравственных потрясений российское психологическое сообщество проявляет интерес к «психологии с человеческим лицом» (Психология с человеческим лицом..., 1997). Это выражается в интересе к гуманистической, экзистенциальной, антропологической психологии, к андрогогике и акмеологии. Традиционная же абстрактно-аналитическая, «объективная» психология в должной мере не может помочь практико-ориентированным психологам справляться с жизненными проблемами клиентов, обучить руководителя искусству общения с подчиненными, преодолевать застенчивость и т. д. Сейчас растет спрос на другую, нетрадиционную психологию. Лучше сказать, на ту, которая противостоит абстрактно-аналитической и построена на запросах практики, здравом смысле, интуиции. Она сопутствует обостренным переломным периодам в жизни страны, нации, культуры.

Движение к экзистенциальной психологии побудило многих психологов поставить центральные вопросы этических отношений человека к другому и к самому себе. Этическая ветвь психологии личности все более трансформируется в этическую психологию. В период нового понимания личности как продукта развития культуры, социума и философского, психологического и религиозного осмысления Я на первое место стали выходить вопросы нравственного порядка, т. е. то, какой мерой порядочности наделен человек. Отсюда возник предметный интерес к таким феноменам, как отношение человека к другому, к людям; тип характера и преобладание в нем авторитарных или гуманистических компонентов; совесть, вера, духовность, благоденствие, добродетельность, порочность, грех, Добро и Зло.

С. Л. Рубинштейн – один из немногих российских психологов периода 1950–1960-х годов, который обратился к этике как науке

о практическом, нравственно оцениваемом поведении человека в его целостности. Это было стремление психолога и философа подхватить и сделать значимой ту нить общечеловеческого знания, которую протянули к нам из глубин веков Конфуций, Лао-цзы, Сократ, Аристотель, Декарт, Спиноза, Л. Толстой, Ф. Достоевский, С. Франк. Все они стремились понять человека как психолого-этическое образование.

Желая понять все многообразие связей и взаимодействий Человека с миром, С. Л. Рубинштейн использует категорию «отношение». Мир может быть представлен величайшим многообразием объектов, но всюду важнейшими отношениями человека являются созерцание (познание) мира и преобразование, осуществляемое в деятельности.

Но если мир представлен таким типом объектов, как Другой (человек) или люди (группа людей), то в действие вступает собственно психологический, этический тип отношений, когда Человек учится жить в его отношении к Другому, к людям, тип, который составляет «духовную силу человека, являющуюся необходимой предпосылкой, основой, внутренним условием этического отношения Человека к Человеку» (Рубинштейн, 1973, с. 330–331), так как взаимодействие человека с человеком побуждает действовать, совершать поступки. А это на каждом шагу ставит этические проблемы.

Этика, таким образом, включенная в онтологию человека как субъекта жизни (познание и преобразование), – это выражение включенности нравственности в жизнь. Это значит, что Добро (вообще нравственность) должно быть рассмотрено как содержание личной жизни человека. Личная жизнь включает не только общественное, познавательное, эстетическое отношение к бытию, но и отношение к Другому не как к средству достижения своих целей, а как к ценности с правом признания за ним существования как такового. «Содержанием подлинной этики является воинствующее Добро и борьба за строительство нового человека. Смысл этики состоит в том, чтобы не закрывать глаза на все трудности, тяготы, беды и передрыги жизни, а открыть глаза человеку на богатство его душевного содержания, на все, что он может мобилизовать, чтобы устоять, чтобы внутренне справиться с теми трудностями, которые еще не удалось устранить в процессе борьбы за достойную жизнь» (Психология с человеческим лицом..., 1997, с. 350).

Введением понятия «нравственная психология» в российскую психологическую культуру 1990-х годов Б. С. Братусь как бы продол-

жает линию С. Л. Рубинштейна и считает, что общим пространством, точкой пересечения этики и психологии является отношение к другому как самоценности (Братусь, 1997). Этика в этом случае является дисциплиной, указывающей векторы нормального психологического развития человека. Именно на отношении человека к другому происходит совпадение векторов двух наук, именно здесь соотносятся линии психологии и этики, и для психологии появляется возможность «сознательного служения задачам нравственного развития» (там же, с. 11).

Этическая психология личности формируется на стыке этики и психологии личности.

Этическая психология личности – это та отрасль человековедческого знания, которая, во-первых, дает возможность описать разнообразные типы человеческого поведения (амбивалентное, агрессивное, социальное – асоциальное, бессознательное, деструктивное, полоролевое, ролевое и др.); во-вторых – в каждом случае соотнести поведенческие действия и поступки с общечеловеческими, национальными, религиозными, семейными, субкультурными правилами, нормами, обычаями, традициями, нравами, свойственными другим людям: в-третьих, она остается отраслью не столько теоретической, сколько практической психологии личности, так как после психодиагностики появляется возможность определять уровень и возможности коррекционной деятельности по движению от порочного поведения к добродетельному.

Параллельно с С. Л. Рубинштейном за рубежом идея психологической этики (этической психологии) рассматривается в работах Э. Фромма, который предметом зарождающейся новой отрасли психологии считает характер человека: «...добродетельный или порочный, а не единичные добродетели или пороки» (Фромм, 1992, с. 39). Стремясь в своем философском искании найти ответ на вопрос: добр или зол человек, Э. Фромм, следуя в русле основной идеи З. Фрейда о двух инстинктах (жизни и смерти), считает, что доброе начало в человеческих характерах сопряжено с понятием «плодотворная ориентация», а злое – с понятием «неплодотворная ориентация» (там же, с. 66–115).

Э. Фромм значительное внимание сосредоточивает на разгадке психологической природы таких персонифицированных носителей зла, как Гитлер и Сталин, считая их деструктивными людьми. Из двух полюсов (жизнь, творчество, плодотворность и смерть, разрушение, деструктивность) автор работ по психологической этике

тщательно описывает людские характеры с порочной ориентацией: рецептивный (любимый), хитрый, скупой, товарный типы. Это будет отражено ниже в типологической плеяде людей, ориентированных на разный уровень включенности Добра и Зла в их характер.

Добро и Зло как наиболее значимые характеристики этической психологии нашли отражение в многочисленных типах людей.

Мы посчитали возможным в русле стратегии целостного подхода дать многочисленную галерею психологических типов, в которых преобладает доброе или злое начало. Это позволяет, во-первых, привлечь опыт многих авторов по созданию типов, а во-вторых, придать их расположению определенный порядок, что и было достигнуто в приводимой ниже типологии. Из авторов наше внимание привлекли Э. Фромм (типы характера с неплодотворной и плодотворной ориентацией) (Фромм, 1992), Б. В. Овчинников с соавторами (типы темперамента и психологические портреты, построенные на основе работ Д. Кейрси и К. Юнга) (Овчинников и др., 1994), И. Л. Зеленкова, Е. В. Беляева (нравственные типы личности) (Зеленкова, Беляева, 1997), А. Волков (психологические типы, созданные психотерапевтом) (Волков, 1994).

Представленная ниже типология включает в себя типы людей с двумя отчетливо выделенными ориентационными векторами: «духовность–бездуховность» (аналог «Добро–Зло») и «преобразование–созерцание» (рисунок 1).

Были выделены те типы людей, которые достаточно просто могут быть отнесены к одному из полюсов шкалы «Добро–Зло» и широко распространены в жизни, и те, которые могут составить массив промежуточных типов. Поскольку в указанных источниках большинство типов имеют добродетельную ориентацию и могут быть охарактеризованы лишь по второстепенному вектору («преобразование–созерцание»), не все они вошли в данную типологию.

Итак, типология людей, предрасположенных к совершению добродетельных и порочных действий с точки зрения общечеловеческих ценностей, представлена в избранном нами порядке (от наиболее «добрых» к наиболее «злым») следующими типами с их психологическими характеристиками.

1 Аполлон (духовный)

Главным для Аполлона является постоянный поиск смысла жизни. Духовность – свойство, присущее ему в высшей степени. Здесь она часто сочетается с религиозностью, может заключаться

в умении общаться с людьми и быстро находить путь к сердцам окружающих. Часто встречается среди практикующих психологов, психиатров, психотерапевтов, литераторов, поэтов. Аполлон постоянно поднимает вопросы Добра и Зла, Истины и Лжи, красоты и безобразного, Смысла человеческого существования.

Стать Личностью – это значит находиться в движении к сознательному и приемлемому существованию, смысл состоит в самом процессе движения. Не следует брать на себя больше, чем ты есть на самом деле, за это придется платить постоянным чувством опасности и напряжения. Не стоит представлять собой нечто меньшее, чем ты есть на самом деле, испытывая непреодолимое чувство вины или неполноценности. Нужно с величайшим вниманием прислушиваться к глубинному голосу, нашептывающему ту самую верную формулу твоей сущности, к которой следует постоянно стремиться (К. Роджерс). Для Аполлона характерна адекватность самооценки и актуальна единственная, достаточно загадочная цель: становление. Наиболее типичные представители этого типа: Сиддхартха (Г. Гессе), Дон Хуан Матус и Дон Хенаро Флорес (К. Кастанеда), Долгорукий (Ф. М. Достоевский «Подросток»). «Быть» для них – это быть самим собой.

Аполлон затрачивает массу энергии, чтобы достичь своеобразия, иметь свое лицо, играя роли: работника, друга, любовника, родителя, ребенка, руководителя, творца идей. Ему хочется, чтобы окружающие признавали в нем человека, имеющего свое лицо.

Достичь целостности – значит обращаться с окружающими на глубоком уровне и быть в гармонии с собственным внутренним голосом. Фальшивить, проявлять неискренность, двуличие – значит утратить самость, лишиться своего лица. Аполлон стремится жить так, чтобы оставить след в обществе, внеся определенные перемены.

Аполлон тонко понимает язык жестов, ему ясен подтекст сложных действий и поступков. Он стремится расширить границы общения. Отношения с людьми Аполлон строит на основе взаимного уважения и чуткого внимания к индивидуальным особенностям, ему присущ неподдельный энтузиазм, он щедро растрчивает энергию. Аполлоны составляют около 10% от всего населения, но их влияние на общественное мнение и современников значительно.

Результатом успешных поисков Аполлонов может стать какое-либо духовное начинание. В качестве примера приведем путь Ф. Перлза. Он нашел себя очень поздно – лишь после 60 лет, скитаясь по Америке, отказавшись от респектабельности ради непрерывного

поиска, он обнаружил, что его жизнь пульсирует в одном ритме с дыханием Земли. Время для его идеи пришло. Молодые психологи Калифорнии поразились его дару психотерапевта – читать людей как раскрытую книгу.

Для Аполлона привлекательна работа, в результате которой люди становятся хотя бы немного добрее, теплее и ближе друг к другу (школьный учитель). Одним из вариантов удовлетворения потребностей в общении является артистическое мастерство (сцена), где Аполлон находит путь к сердцам благодаря слову. Аполлон стремится быть тем, кто нужен в данную минуту конкретному человеку. Аполлонов несколько больше среди женщин.

«...Она могла по собственному желанию бледнеть, быть интеллектуальной, сексуальной, отчужденной. Она могла быть кем бы то ни было, в зависимости от желания смотрящего на нее мужчины... Превращение происходило не с ней самой, а лишь в глазах того, для кого оно происходило» (героиня П. Айше мисс Джиллан).

Аполлоны в конечном счете заботятся лишь о себе, пытаются увидеть в других, словно в зеркале, отражение собственного лица. Аполлонам нравится пробуждать в людях добро. Они концентрируют стремления не на вещах, а на людях, испытывают потребность не к действию, а к взаимодействию.

Самовыражение достигается ими благодаря целостному единству и уникальной индивидуальности. Главное для них в жизни – непрерывный поиск Смысла и Самости.

2 Религиозный тип

Основа мироощущения состоит в том, что религиозный человек считает: я хожу под Богом и исповедую нравственность перед Его лицом. Бог поддерживает моральный миропорядок в целом, хранит его тайну. Личность может причаститься к тайне смысла жизни, благодаря чему можно не только познать смысл, но и пережить его в глубине души, напрямую общаясь с Создателем.

Смысл жизни – главная нравственная ценность людей религиозного типа. Я не случайно в этом мире, в Божьем творении каждая былинка имеет свое предназначение. Религиозные учения могут быть разными: христианскими, буддийскими, мусульманскими, лично обретенными. Но во всех источник нравственности находится вне человека и общества. Нравственность коренится в законах, которые имеют корни в Боге, Космосе и т.д. Человеческая мораль ограничена и несовершенна.

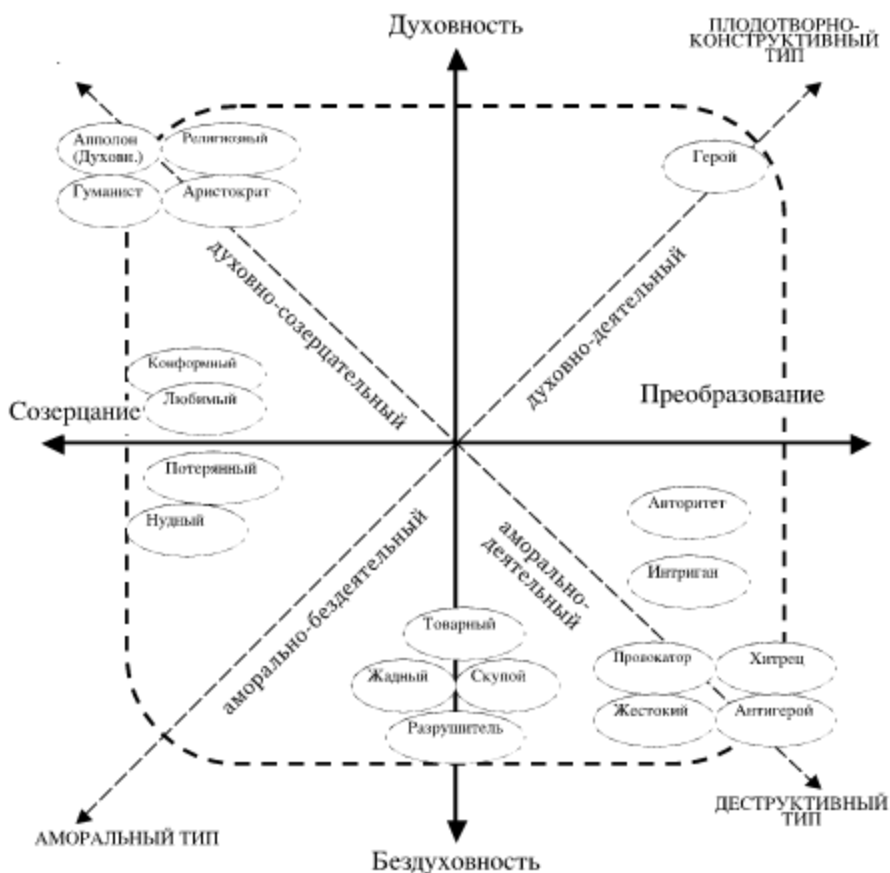

Рис. 1. Пространственное расположение морально-выраженных типов в системе координат «духовность–бездуховность», «преобразование–созерцание»

2 Религиозный тип

Верующий (религиозный) человек считает мир несправивым и стремится выйти за его пределы. Религиозный тип отрешен от земных правил жизни. Основной мотив поведения – любовь. Это универсальный способ отношения к миру. Представители этого типа активны и деятельны в отношении других, но считают, что никакой деятельностью законов мироздания не изменишь. Своими поступками они лишь поддерживают высшие ценности в иерархии мира. Злые же поступки приходят от слабости, а злые мысли – от глупости. Для религиозного человека «врагов» нет, «низших»

нет, «чужих» нет. Обострено чувство морального равенства всех людей и единства человеческого рода. Основная мораль религиозного человека сводится к высшей ценности – смыслу жизни, любви к человеку, чувству высшего единства с людьми и миром.

3 Гуманист

Гуманист руководствуется в поведении прежде всего своим собственным внутренним голосом, независимым от внешних санкций и поощрений. Совесть – это наша реакция на самих себя. Это голос нашего подлинного Я, требующий от нас жить полно и гармонично, в соответствии с нашим предназначением. Совесть – страж нашей честности, «голос нашей любовной заботы о самих себе». Она содержит знание о цели нашей жизни, о принципах, которые мы открыли сами, которым научились у других людей, признав их истинными. Совесть в этом случае выражает личный интерес и целостность. Совесть и целостность разрушаются, если человек подавляет себя, превращается в орудие других, смиряется, становится несчастным, унылым.

Чем плодотворнее (творчески, со смыслом) живет человек, тем сильнее его совесть. Есть два пути обнаружения, слушания голоса своего внутреннего Я (т. е. совести).

- 1 Научиться слушать себя. Чтобы облегчить этот процесс, надо оставаться наедине с собой. Мы же предпочитаем пустые компании пребыванию с самим собой.
- 2 Часто то, что беспокоит нас, и есть наша совесть. Распространенная реакция совести – смутное чувство вины и беспокойства, усталости и безразличия. Сильное чувство вины ведет к заболеванию.

Беспокойство может переходить в страх смерти. Это результат неудачно сложившейся жизни, когда она прожита впустую, бесплодно. Такое состояние сопровождается осознанием, что умрешь, так толком и не пожив. Беспокойство переходит в страх старости. Этому подвержены люди, не ведущие плодотворной жизни: физической, умственной, эмоциональной.

4 Плодотворный («Творец»)

Плодотворность – это способность человека использовать свои силы и реализовать заложенные в нем возможности. Человек воспринимает себя как «Творца». Он един со своими силами, и они не скрыты и не отчуждены от него.

Плодотворность – это не активность, приводящая к практическим результатам, а установка, способ реакции и ориентации в отношении мира, это характер человека, а не его успех. Это использование своих возможностей и сил. Сила – это способность, потенциал, а не господство, так как господство проистекает от бессилия и усугубляет его. Если человека заставили служить, в нем все больше парализуется собственная потребность быть плодотворным. Сила же – в плодотворности. Это потенциал, жизнь. Господство идет в паре со смертью.

Плодотворные отношения с миром осуществляются посредством деятельности и посредством постижения (т. е. во внешнеплановой преобразующей деятельности и внутриплановой деятельности, что вполне согласуется с постоянными маятниковообразными колебательными процессами).

В плодотворных отношениях с миром мышление, деятельность сочетаются с любовью. При этом сила разума помогает проникать внутрь предмета, постигать его суть, активно взаимодействовать с ним, сила любви – разрушать стену, отделяющую человека от человека. Основные элементы плодотворной любви – забота, ответственность, уважение, знание.

Отсюда следует, что плодотворная любовь – это не страсть, а деятельность. Плодотворно любить человека – значит заботиться о нем, чувствовать ответственность за его жизнь, за развитие его сил (потенций). Ответственность – это не обязанность, это готовность отвечать. Уважение – способность видеть человека таким, какой он есть, понимать его уникальность. Нельзя уважать человека, не зная его. Уважение – это не страх и не благоволение.

Знание представлено сообразительностью и разумом. Сообразительность – человеческий инструмент достижения практических умений. Разум предназначен для постижения сути вещей. Здесь субъект не безразличен к предмету, заинтересован в нем. Чем теснее связаны субъект и предмет, тем плодотворнее мышление субъекта.

В процессе плодотворного мышления субъект мотивирован по отношению к объекту, захвачен им, заботится о нем и отвечает за него, уважительно относится к нему, если предметом выступает другой человек.

Чтобы лучше понять подлинную любовь как заботу, ответственность и уважение к другому, необходимо показать характер неплодотворных отношений человека с человеком. Они выступают в виде мазохизма, садизма, отстраненности, деструктивности.

При мазохистском взаимодействии субъект стремится привязать себя к другому, избавиться от своей индивидуальности, своего Я, убегает от свободы, растворяясь в другом. При садистском субъект стремится поглотить другого, сверхпокровительствовать ему, выказывая по отношению к нему превосходство. Отстраненность от другого возникает как чувство безразличия к нему, желание сохранять дистанцию. Часто это происходит из-за непомерного самомнения, хотя внешне демонстрируются поверхностный интерес и общительность. В пределе неплодотворные отношения переходят в своего рода деструктивный «союз». Это активная форма отстраненности от другого, здесь возникает желание разрушить его. Оно проистекает из страха быть разрушенным самому. Деструктивность – это желание более полной блокировки плодотворности, чем отстраненность. Здесь проявляется энергия неизжитой жизни, трансформированная в энергию, направленную на разрушение жизни.

5 Аристократ

Главной моральной ценностью Аристократ считает сохранение своего достоинства, чести, «особости», несмотря на все перипетии жизни: бедность, опалу, свержение с должности и т. п. Чувство собственного достоинства – то, что нельзя отнять, – вот отличительная черта этого типа. Им может быть человек любого сословия, происхождения: рыцарь и разбойник, придворный и ученый, философ и нищий. Такие люди отвечают за свои поступки только перед самими собой, а не перед общественным мнением. Их мораль индивидуалистична. Их отличает постоянное стремление к автономии, к свободе, к тому, чтобы оставаться самим собой, несмотря ни на что. Аристократ равнодушен к нравам окружающей среды, он не стремится их переделать, пока среда не посягает на его личную свободу. Это пассивный по поведению тип.

Аристократ поглощен собой, а потому вполне толерантен к чужим взглядам и слабостям, даже равнодушен. Другие для него – «низшие», что с них требовать! Идеалы его непоколебимы.

Он относится к людям духа, внимающим внутреннему голосу, Богу, которого надо слушаться, если не хочешь утратить самого себя. Внутренний голос – это собственная совесть, которая базируется на свободе, желании всегда быть самим собой, следуя духовным традициям.

6 Герой (справедливый, борец)

Герой всегда борется с обстоятельствами (люди, идеи), которые, по его мнению, недостаточно нравственны и требуют преобразования. Герой всегда активен, готов к наступлению. Он не желает примириться с миром таким, каков он есть. Герой противостоит всему, что не выдержало сравнения с идеалом, с идеей абсолютного Добра.

Мир несовершенен, его надо постоянно подправлять. Герою противостоят враги. Чем больше врагов, тем сильнее задор. Если противников много, значит он борется с чем-то важным, существенным. Герой может любить борьбу ради борьбы. Зла, по его мнению, много, поэтому церемониться не приходится.

В его нравственном сознании главная ценность – идея. Герой – идейный человек, терпимость – не его добродетель. Главная моральная ценность для Героя – справедливость. Борьба за справедливость составляет смысл и счастье его жизни. Справедливость – это то понятие, которое относится не к внутреннему миру, а, скорее, к общественным вопросам. Отсюда основная направленность действий Героя – внешняя, социально ориентированная. Обществу надо служить. Герой стремится в будущее, к тому обществу, которое должно соответствовать его (Героя) идеалу справедливости.

Герой – человек долга, «самый моральный» тип, иногда даже гиперморальный, т. е. забывающий, что кроме нравственных ценностей есть и другие, отнюдь не безнравственные. Герой всегда «неудобен», вносит дискомфорт в окружающий его мир. Он далеко не всегда прав. Все зависит от идеи, которой человек предан.

Герой на деле может оказаться фанатиком и разрушителем. Однако подлинные герои благородны, и если они заблуждаются, то заблуждаются искренне. Окружающие могут быть не согласны с ними по части конкретных поступков и решений, но и враги признают высокое нравственное достоинство такой личности. Главная ценность Героя – справедливость, высокоморальная ориентация, активная социальная, жизненная позиция.

7 Любимый

Основной ценностью в жизни такого человека становится любовь, но любовь, идущая извне к нему. Его основной тезис – быть любимым, а не любить самому.

Быть любимым кем-то – это захватывающее переживание для такого человека. Любимый «бросается» за всеми, кто предлагает свою любовь. Такой человек ориентируется прежде всего на чужие идеи

и их восприятие. Он не склонен создавать свои идеи. Без других людей, чужих идей такой человек чувствует себя парализованным. Любимый очень трудно говорит «нет». Он говорит «да» всем. Отсюда постоянные внутренние конфликты, зависимость от многих людей, способных оказать какую-либо поддержку.

В личных отношениях Любимый спрашивает совета у того, по отношению к кому нужно принять решение. Любимый любит поесть и выпить. Это его способ преодоления тревожности и подавленности.

Любимый считает, что все моральные блага (любовь, знание, удовольствие) находятся вне его. Жизнь для Любимого состоит в том, чтобы все получать из этого источника.

8 Виноватый

Виноватый – это тип человека, который живет с чувством постоянной вины. Такого человека характеризует ощущение вины за свои многочисленные и неизбежные проступки перед авторитетом. Он жаждет постоянного отпущения грехов, что и держит его в кабале у авторитета, законодателя. Чувство вины является самым эффективным средством формирования и укрепления зависимости Виноватого от авторитета. Если же авторитет иррационален, то это стимулирует ослабление воли зависимого человека. Например, для того чтобы ослабить волю ребенка, нужно создать у него чувство вины.

Виноватость как состояние может сопровождать и жизнь взрослого человека, когда авторитет носит анонимный характер (наука, Высшая аттестационная комиссия – ВАК, здравый смысл, будущее поколение и т. д.).

На примерах, связанных с формированием человека в онтогенезе, можно увидеть своего рода способы освобождения от чувства вины и следствия, которые можно при этом ожидать. Так, ребенок спонтанно уже в детстве начинает бороться за свободу быть самим собой, быть полноправным человеческим существом. Ему противостоят родители, которые стремятся подавить волю ребенка, его независимость. Часто ребенок терпит поражения в этой борьбе, которые отпечатываются у него в виде моральных травм. Травмы ведут к неврозам и проявляются в виде слабости или парализованности индивидуального своеобразия. Для Виноватого существует чистая совесть (проявляется в возвращении к покорности) и чувство вины (формируется в ходе поражения в борьбе за самого себя).

9 Приспособленец (терпеливый, конформист)

Его добродетель (нравственный принцип) – жить в добром согласии с окружающей социальной средой, которая формирует общественное мнение. Главная моральная ценность для Конформиста – чувство общности с социальной средой (родная деревня, нация, класс), т. е. с любой социальной группой, в которую он включен в данное время.

Слабо представлены: автономия морального духа, чувство личной ответственности за совершенные поступки. Важнейшим в оценке действий и поступков является общественное мнение: «Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна...» Боязнь санкций: не будут подавать руки, откажут от дома, будут руководствоваться принципом «Я с тобой не играю».

Устремления носят коллективистский характер. Всеобщее согласие, быть как все важнее, чем личное счастье. Необходимо приспособиться к господствующим ценностям. Каждое последующее поколение поступает как предыдущее. Отсюда – следование традициям, укрепление их, что и является лучшим путем нравственного совершенствования.

Все нормы выработаны давно, личность их не формирует. Нравственная индивидуальность не поощряется. Все люди, по мнению человека конформного типа, должны быть похожи. Присутствует нетерпимость к иным моральным системам, в то же время – снисходительность к нарушителям внутри своей среды. Людям этого типа свойственна ориентация на дело в сочетании с непоколебимой верой в основы общинной нравственности.

10 Сомневающийся

Чтобы понять моральное кредо человека, в основе поведения которого лежит сомнение, целесообразно понять психологию индивида, в основе поведения которого лежит вера. Вера чаще всего ассоциируется с Богом. Э. Фромм пишет, что без веры человек делается беспомощным, бесплодным, полным страха (1992). Конечно, предметом веры не обязательно является Бог или некая религия. Вера – это устойчивость как черта характера.

Сомнение, следовательно, – это неуверенность, неустойчивость, растерянность относительно какого-либо предложения, идеи, человека. Сомнение может быть рациональным и иррациональным.

Рациональное сомнение проявляется в критичности, в росте критических способностей при обретении своего Я. Рациональное сомнение – главная движущая сила современного мышления.

Иррациональное сомнение окрашивает как эмоциональную, так и интеллектуальную жизнь человека. При этом сомнении все становится неустойчивым, растет чувство растерянности, которое мучительно и отнимает силы. Нарушается личностная целостность, возникает ощущение бессилия, беспомощности. В крайнем варианте все это приводит к возникновению навязчивого невротического состояния. Возможный выход для человека с иррациональным сомнением – осознать истоки сомнения и принять какую-либо веру.

Иррациональная вера – это вера в человека, идею или символ, берущая начало не в собственном опыте, а основанная на эмоциональном подчинении иррациональному авторитету. Так бывает в состоянии гипноза, когда человек отдает себя во власть авторитета. Такова реакция человека с иррациональной верой на лидера, обладающего сильной способностью к внушению. При этом идет безоговорочное признание его идей, эмоциональное подчинение. Иррациональная вера коренится в подчиненности силе, которая воспринимается как всемогущая, всезнающая.

Основа рациональной веры – в плодотворности. В этом случае человек верит в: мысль, которая является результатом собственного наблюдения, опыта; возможности других людей; собственные возможности. Рациональная вера – это выражение подлинной внутренней активности.

11 Нудный

Нудный человек все время решает одну проблему: из года в год, изо дня в день. Нудный мужчина – человек, которому, по словам женщин, проще отдалиться, чем объяснить причины, по которым ты этого не желаешь делать. Нудная женщина, по словам мужчин, как тупая пила – пилит всю жизнь и никак не перепилит. Нудный скучен и надоедлив, но его все стараются терпеть. Он постоянно всем рассказывает о своих обидах, говорит только о том, что его беспокоит. У него огромная психологическая инерция, он не может своевременно остановиться, не любит перемен в жизни. Нытик. Постоянно жалуется на всех и вся: на супругу, родителей, соседей, социальную несправедливость. Он навевает на всех тоску, но заставляет вас интересоваться тем, что вам совершенно не интересно. Это развивает кругозор.

12 Потерянный

Потерянным можно стать, если увлечься отдаленными и чуждыми интересами, запутанными идеями, чужими целями и делами.

Если человек отдает этому всего себя, то может наступить момент, когда все это исчезнет и он себя потеряет – станет никому не нужен, перестанет понимать, что происходит вокруг и внутри его самого, потеряет опору в идеалах и жизненных позициях. Отсюда и последствия: безысходность, печаль, нежелание жить, отсутствие интереса к окружающим, к своим жизненным потребностям («пусть все катится в тартарары»). Здесь поможет только одно – общее с другими людьми служение Богу.

13 Авторитарный

Наиболее характерными признаками авторитарного типа являются: жесткая централизация руководителем своих управленческих функций, сосредоточение в своих руках всей полноты власти, подавление инициативы подчиненных («ведомых»), недопущение их к решению важнейших вопросов совместной деятельности, преимущественное использование приказов и распоряжений, различных форм наказания.

Авторитарное поведение регулируется страхом наказания и надеждой на вознаграждение. При доминировании авторитарных отношений во внимание принимается внушительность авторитетов, их осведомленность и способность наказывать и награждать. Ведомый же человек чаще испытывает по отношению к авторитетам страх. Авторитет может снизойти до объяснения своих приказов, наград и наказаний, а может и воздержаться от этого. Но ведомый не имеет никакого права задавать вопросы и критиковать.

Совесь как важнейшая нравственная характеристика личности рассматривается Э. Фроммом как авторитарная совесть, которая может быть чистой или запятнанной. Чистая совесть сохраняется там, где авторитет доволен тобой. При этом рождается чувство благополучия и безопасности, так как подразумевается одобрение авторитета и достаточная близость к нему.

Чувство вины ощущается как осознание того, что авторитет тобой не доволен. Недовольство означает, что действия совершаются наперекор воле авторитета. Это порождает страх и ненадежность, так как может последовать наказание или отвержение. Последнее часто воспринимается как самое страшное наказание.

14 Тяжелый

Он своим присутствием подавляет других людей, лишает их радости, инициативы, вызывает в них чувство протеста. Он считает себя правым во всем. С его приходом замолкает громкая речь, пре-

кращается смех. Тяжелый человек сочетает в себе черты нудного человека и человека знающего. Он любит постоянно и всем делать замечания, после которых возникает мертвая тишина, и люди ведут себя как на похоронах. Многие никому не нужные заботы он взваливает себе на плечи.

15 Товарный

В условиях рыночных отношений это довольно распространенный тип человека. Главным мотивом является достижение успеха и материальное благополучие.

Достичь успеха может только тот, кто умеет продать себя на рынке. Возможность продать себя на рынке напрямую связана со способностью продать себя, выделить свою привлекательность и внутренние достоинства (физическую красоту, энергичность, бодрость, честолюбие, надежность и т. д.).

Человек заботится о том, чтобы быть ходким товаром. Собственные способности предстают для него как товар, отчужденный от него. Идет раздвоение личности. На первое место выходит не реализация собственных способностей, а желание достичь успеха за счет их продажи.

Определяющим в жизни становится не собственное мнение о себе, а мнение других людей о тебе. В этом случае человек вынужден постоянно играть какую-то роль, которая однажды принесла ему успех. Он уподобляется человеку для манипуляции. Не индивидуальность, а соответствие роли: «Я то, чего изволите».

16 Потребитель

Один из самых «маломоральных» типов. Польза является основным, а, главное, единственным мотивом поведения. Следовательно, моральны те поступки, которые полезны. Именно они должны вести к цели, к успеху, приобретению всяких благ, к счастью.

Ориентация потребителя – индивидуалистическая. Счастье достигается в одиночку. О счастье других людей такой человек заботится лишь постольку, поскольку ему неуютно блаженствовать одному. Если я добился успеха в жизни, я делюсь своими рецептами с другими людьми, пусть им тоже будет хорошо.

Общий принцип потребителя: стремись к своему счастью в той мере, в какой это не мешает ближнему стремиться к его счастью. Если принцип не соблюдается, то бесконтрольное процветание превращается в аморальное хапужничество и агрессию по отношению к людям.

Счастье для потребителя – это достижение денег, славы, власти, благополучия семьи и т. п. Он хочет приобрести как можно больше для себя. Но все его цели могут быть достигнуты и продемонстрированы в обществе, поэтому такой человек может быть социально полезным, приятным в общении. Он прекрасный семьянин, активен, деятелен. От него могут исходить и светлые идеи, и прогрессивные преобразования. Он склонен к действию, т. е. поступкам. Он энергичен, способен принимать решения. Правда, при этом убежден в своей правоте и доверяет только самому себе. Хорошо ориентируется в ситуации, часто и моральные правила диктуются ситуацией, т. е. они не вечны, относительны. Нормы порядочности могут игнорироваться Потребителем, если они не выгодны ему.

Итак, это прежде всего деятельный человек, предприниматель, буржуа по социальной принадлежности, прагматик по стилю мышления, жизнелюб, стремящийся к благополучию.

17 Скупой

Внешний мир не даст чего-либо нового, надо рассчитывать только на свои силы, быть экономным, так как траты – это угроза. Главная цель состоит в том, чтобы как можно больше накапливать и как можно меньше отдавать. Такой человек скуп на деньги, материальные вещи, чувства и мысли.

Высшая ценность – порядок и безопасность. Очень подозрителен. Главный принцип взаимоотношений сводится к следующему: «Мое – это мое, а твое – это твое». В лексиконе преобладает постоянное «нет», которое защищает Скупого от вторжения. Ответом на угрозу извне является стремление во всех дискуссиях упрямо стоять на своем. Он стереотипен, все знает и не склонен к творчеству. Внешне это человек с плотно сжатыми губами, жестами погруженного в себя индивида, выражением отстраненности от внешнего мира на лице. Такой человек педантичен, аккуратен, он терпеть не может, если вещи находятся не на своем месте.

В любви скупой стремится к обладанию: не давая любви другому, сам старается получить ее, завладевая «любимой».

Как правило, во временном плане скупой направлен в прошлое, любит воспоминания о прежних чувствах и переживаниях.

18 Жадный

Жадный проявляет неудержимое стремление к своему личному обогащению. Он ничего не выпускает из своих рук: ни материальных ценностей, ни денег, ни душевности, ни совета. У него зимой

снега не выпросишь. Жадный человек скуп, он своего не упустит, знает свою выгоду, ему важна его собственная польза. Жадный человек представлен тремя разновидностями: жлоб, жадюга, жмот.

Жлоб трудолюбив. Он работает от зари до зари ради личного интереса. И будет так работать очень долго, пока не силы не иссякнут. Жлоб планомерно увеличивает свои «накопления». Для жлоба лучше всего звучит слово «мое». В этом слове для него состоит вся суть жизни и цель существования.

Жадюга – во многом напоминает жлоба, но в нем качества жлоба не столь концентрированы и более диффузны. Жадюга уже не будет вкалывать с утра до ночи, как жлоб. Он обеспечивает себе материальный достаток путем взятия, накопления и неотдавания.

Жмот наделен половиной качеств жадюги. Он в основном не отдает, а прикарманивает. У жмота страсть хранить свое и не отдавать никому. Он скряга и скупец по призванию и от рождения. Жмот не купит сам для себя кусок хлеба. Он так и умрет от истощения на матраце, набитом деньгами.

19 Хитрец

Люди такого типа считают, что источник всех благ находится вне человека, самому ничего нельзя создать. Все, что ему необходимо для жизни, требуется отнять у других силой или хитростью. Хитреца привлекает тот человек, у которого можно что-нибудь отнять. Красть или присваивать он может и в любви, и в области научной деятельности. Такому человеку свойственно красть чужие идеи, заниматься плагиатом.

Хитрецу свойственно эксплуатировать другого, он и «любит» только того, кто может стать объектом его эксплуатации. Ему быстро наскучивают те люди, из которых он выжал все.

Такой человек способен испытывать наслаждение только по отношению к тем вещам, которые можно украсть, хотя у него достаточно денег, чтобы самому купить эти вещи. Он своего рода клептоман.

Хитрец-эксплуататор каждого оценивает по степени полезности. В его жестах преобладают резкие агрессивные движения.

Наиболее характерными чертами являются подозрительность, цинизм, зависть и ревность. Он переоценивает то, что принадлежит другим, и недооценивает свое собственное.

Хитрец иного типа изобретателен, инициативен, склонен к саморекламе. Все его замыслы направлены на одно: больше взять

и меньше дать. Хитрый только делает вид, что трудится, как вол на пашне, а на самом деле бездельничает и отдыхает, пока другие работают на «общий котел».

Хитрый заранее знает, что сказать, как объяснить и как представить суть дела таким образом, чтобы другой человек не сомневался в своем личном интересе и в своей личной выгоде. Хитрый порой напоминает рыбака, который ловит на приманку. Как только другой заглотил его хитрость, так сразу же следует рывок, и человек болтается на крючке.

20 Злой, Разрушитель (деструктивный)

Несмотря на древний тезис, что человек от природы добр, существует достаточно широкий круг людей, утверждающих обратное: природа человека делает его склонным к враждебности, человек завистлив, ревнив и ленив, склонен к разрушению. Все это – проявления зла в общечеловеческом смысле и противостоит созиданию, т. е. любви и творчеству.

В основу выделения этого типа Э. Фромм кладет идею З. Фрейда о двух главных инстинктах, движущих людьми: инстинкте жизни, созидания и инстинкте смерти, т. е. разрушения. Разрушительное, или деструктивное начало есть зло, оно сродни пороку. Человек становится злым только тогда, когда отсутствуют надлежащие условия для его роста и развития. Зло – это отсутствие добра в человеке, результат нерастраченности сил, неудачи в реализации жизни.

Разрушительное начало в личности возникает в том случае, если она терпит крах на пути творческой реализации своих способностей, не может достичь внутренней гармонии, т. е. раздвоена, если стремится за счет реакции разрушения убежать от скуки и беспомощности.

Злой нарушает главный закон этики: «Не делай другим то, чего ты не хотел бы, чтобы сделали тебе».

Характерным признаком деструктивной личности является состояние ненависти, проявляемое как рационально, так и иррационально.

21 Интриган

Интрига – это столкновение интересов других людей с нанесением им взаимного ущерба, чтобы их потери обернулись доходами для интригующей стороны. Интриган испытывает удовольствие, когда сталкивает людей друг с другом. Позиции интригана при этом укрепляются.

Внешне лицо интригана лучится добротой и подчеркнутой доброжелательностью. Он говорит милым тоном, чтобы его слова, направленные в адрес другого, вызывали положительные эмоции.

Стратегия интригана: сначала хвалит ваши достоинства (человеческие, профессиональные и др.). Всегда упоминает свое хорошее отношение к близким и дорогим вам людям. Завоевав доверие, интриган приступает к основному делу: предоставляет вам негативную информацию о другом, который якобы отзывался о вас или что-то делал не в вашу пользу. Если вы не сдержитесь и повторите то, что рассказано о другом человеке, то интриган передаст это третьей стороне.

22 Провокатор

Провокатор осознанно пробуждает в обществе инстинкты толпы. Одной ловко составленной газетной статьей он превращает народ в разделенную надвое бушующую толпу. Люди начинают жаждать крови ближнего. Провокатор, подстрекая толпу к разделению, подставляет под удар тех и других, предавая обе стороны.

Если провокатор пишет проблемную статью или выступает с заранее подготовленной речью по телевидению, его провокация заблаговременно планируется, обдумывается и носит неслучайный характер.

Провокация – метод натравливания людей друг на друга, при этом пользу извлекает только сам провокатор.

23 Жестокий

Жестокий крайне суров, беспощаден и безжалостен к другим. У него холодное сердце. Жестокий попирает в другом человеке веру, надежду, любовь, пытается всячески принизить другого. Жестокий с энтузиазмом лишает людей всего, что они имеют – земли, дома, близких и друзей. Он отнимает у людей то, что они заслужили, и не дает им того, в чем они испытывают острую необходимость.

Жестокий спокойно взирает на мучения и страдания людей. Ему безразлична боль души или тела другого. Жестокий любит садистские игры: расправы, насилие, зверства. Он кровожаден. Жестокий не может сострадать и соболезновать.

Литература

Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3 – 19.

Волков А. Психология и мистика души. Рига, 1994.

-
- Зеленкова И. Л., Беляева Е. В.* Этика. Минск: НТООО «Тетрасистемз», 1997.
- Овчинников Б. В., Павлов К. В., Владимирова П. М.* Ваш психологический тип. СПб.: Изд-во «Андреев и сыновья», 1994.
- Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1997.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Фромм Э.* Человек для себя. Пер. с англ. Минск: Коллегиум, 1992.

ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОСТИ И ЭТНИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЕЖИ)

Т. Б. Рязанова

Идентичность, идеалы, ценности и нравственность очень близко и тесно связаны между собой как во времени жизни отдельной личности, так и в жизни целого народа. Наступают периоды в жизни народов (а в индивидуальной жизни – возрасты), когда проблемы поиска и/или проверки (например, на прочность) этих индивидуальных и коллективных психических реалий становятся особенно актуальными. Безусловно, здесь оказывают свое влияние конкретно-исторические факторы.

Проблемы нравственности крепко связаны с общественной жизнью народа. Еще в IV веке до н. э. Аристотель писал: «Человек по природе предназначен к жизни сообща, только так люди воспитываются как нравственные существа. Но нравственное воспитание возможно лишь в справедливом государстве: с одной стороны, наличие хороших законов и их соблюдение совершенствуют человека, способствуют развитию в нем благородных задатков, с другой стороны, целью государства является благая жизнь... само же государство представляет собой общение родов и селений ради достижения совершенного существования» (Аристотель, 1975, с. 53).

Специфической особенностью современной российской ситуации является то, что, по данным социологических опросов, весьма высокий процент россиян считает современные российские законы несправедливыми (см.: Воловикова, 2005). Таким образом, для нашего государства проблемы формирования нравственности имеют особую актуальность.

При формировании характера общественной жизни и ее нравственных основ ведущую роль играют ценности и идеалы, которые принимаются доминирующими или влиятельными социальными группами или просто большинством населения. Этот процесс вклю-

чает в себя отождествление личности с идеалами, представляющими ту или иную, по словам Э. Фромма, «систему ориентации и поклонения» (Фромм, 1993, с. 32). Система ориентации представлена как на социальном, так и на индивидуальном уровнях. Л. Н. Гумилев связывает идеалы с прогнозами, перспективами развития целых этносов. Пока имеются осмысленные и высокие идеалы, народ живет, развивается и процветает – до тех пор, пока идеалы живы. Однако на завершающей, «мемориальной фазе» развития этноса людям «уже ничего не надо, кроме насыщения и тепла от очага. У них идеалы, то есть прогнозы, заменены рефлексам. Они не могут и, хуже того, не хотят бороться за жизнь», и жизнь этноса угасает, если не происходит следующий «пассионарный толчок» (Гумилев, 2007, с. 232). Таким образом, этнос в целом без высоких идеалов и дальних целей обречен на жалкое существование.

Аналогичная ситуация имеет место в индивидуальном развитии. Психологические механизмы формирования индивидуальной нравственности, личностных идеалов и ценностей тесно связаны с механизмами созревания индивидуальной идентичности личности.

Наиболее часто пользуются определением идентичности, введенным Э. Эриксеном, который понимал ее как психосоциальную тождественность личности, или чувство непрерывной самотождественности (Эриксон, 1996). Это, с одной стороны, ощущение целостности, непрерывности Я во времени, а, с другой стороны, принадлежность, включенность в некую общность: культурную, этническую, социальную. Общность связывается, цементируется общими представлениями, идеалами, системой этических норм. Этот механизм определяет и связывает систему ценностей, идеалов, жизненных планов, социальную роль индивида, его потребности и способы их реализации.

Процессы формирования индивидуальной идентичности длятся долго – по сути, всю жизнь, но наиболее интенсивно и динамично протекают в первые два десятилетия жизни. В ранних детских возрастных периодах закладывается фундамент, основания идентичности. В подростковом и юношеском возрасте формирование системы идентичности выходит на первый план, выступает как основная личностная задача. Кризис идентичности в это время, подобно реке, как бы разделяется на несколько «рукавов», которые Эриксон определяет как созревание временной перспективы личности, выстраивание ролевой иерархии, выбор половой роли, опре-

деление отношения к лидерству, созревание мировоззренческой идентичности (*credo*). К последнему аспекту Эриксон относит религиозные и общественно-политические взгляды и идеалы. Религиозные взгляды рассматриваются этим автором только на психосоциальном уровне, который, конечно же, важен, но недостаточен для их описания.

В наше время и в нашей стране стала очевидной недостаточность определения идентичности только как психосоциальной тождественности. Петербургский психолог Е. К. Веселова предлагает ввести и разрабатывать понятие онтологической идентичности, или онтологического аспекта, уровня идентичности, связанного с экзистенциальным самоопределением человека (Веселова, 2006).

Из классиков психологии об этом особенно отчетливо писал С. Л. Рубинштейн в работе «Человек и мир», где он отмечает, что анализ отношения человека к миру необходимо начинать в онтологическом плане, а затем уже осуществлять в психологическом и субъективно-этическом планах. Это предполагает раскрытие способа существования человека в мире (Рубинштейн, 1997). Онтологический уровень идентичности выходит на религию, этику, нравственность, идеал.

Представление о смысле и основах онтологической идентичности – как на индивидуальном, так и этнопсихологическом уровнях – дает русская философия. Русские философы были далеки от кабинетной жизни и писали о том, что волновало все русское общество, часто поднимали самые острые, «болевые» вопросы. Поэтому изучение русской философии знакомит с самим духом России. Русская философия, за исключением некоторых периодов своей истории, была религиозной по своему смыслу и духу, ее история тесно связана с историей русского богословия. Это, в частности, отразилось в позиции о. Георгия Флоровского, в труде которого «Пути русского богословия» философия и богословие в России рассматриваются совместно.

Например, одним из положений философской концепции Н. О. Лосского является признание существования сверхрационального «металогического бытия», которое прямо связывалось им с идеей Бога (Лосский, 1917). Для понимания идеи онтологической идентичности важен персонализм Лосского, который выражается в его учении о «субстанциональных деятелях», индивидуальных человеческих Я, которые не только познают, но и творят «все реальное бытие». Стремление к «металогическому бытию», к «абсолютной

полноте бытия» определяет выбор личности, ее опыт преодоления онтологической пропасти между Богом и миром. В религиозной метафизике мыслителя путь человека и всего тварного мира к Богу имеет абсолютную ценность. И для православной традиции этот путь видится как самый важный в жизни человека.

Этот принцип стал основой «онтологической теории ценностей» Лосского, его этической системы. Подлинно нравственные действия всегда содержательны, всегда полны смысла уже по той причине, что являются ответом личности на Божественную Любовь, ее собственным опытом любви к Богу и другим людям, приближением к царствию Божию, где только и возможно в совершенной полноте единство Красоты, Нравственного Добра (Любви), Истины, абсолютной жизни (по: Грачева, 2006).

Если говорить об идеалах, то, по согласному мнению авторов – русских философов, писателей, размышлявших о высших идеалах различных народов, идеалом русского народа является Святость, т. е. российский идеал по своему характеру нравственно-религиозен. Философ В. Соловьев говорит об этом следующее: «Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает. Так, француз говорит о прекрасной Франции и о французской славе, <...> англичанин с любовью говорит: старая Англия <...>; немец поднимается выше и, придавая этический характер своему национальному идеалу, с гордостью говорит: *die deutsche Treue*. Что же в подобных случаях говорит русский народ, чем он хвалит Россию? Называет ли он ее прекрасной или старой, говорит ли он о русской славе или о русской честности и верности? Вы знаете, что ничего такого он не говорит, и, желая выразить свои лучшие чувства к родине, говорит только о «святой Руси». Вот идеал: и не либеральный, не политический, не эстетический, даже не формально-этический, а идеал нравственно-религиозный» (Соловьев, 1967, с. 195).

Этот идеал воплощен в личностях святых Русской православной церкви. Он является смыслообразующим фактором формирования характера и становления личности русского человека. Понятно, что действительность чаще не соответствует этому идеалу, чем соответствует ему. Однако этот идеал узнается русским человеком, когда каким-либо образом проявляет себя в его жизни. Нравственный же аспект этого идеала существенно связан с тем, как следует относиться к другим народам и вести себя с ними.

Все сказанное выше подчеркивает специфичность этнической идентичности русских – ее тесную связь с религиозной идентичностью. Этой связи и ее соотношению с проблемами нравственного поведения посвящен анализ данных проведенного нами цикла эмпирических психологических исследований.

Описание выборки

Опрос проводился в государственных средних общеобразовательных школах в 1999–2000 учебном году и в 2007–2008 учебном году. В первый из названных периодов было опрошено 120 русских подростков методом индивидуального интервью, во второй период – 200 подростков, учащихся старших классов – методом сплошного опроса целых классов пяти государственных школ. В процессе обработки данных, собранных в 2008 г., были выбраны опросники тех школьников, которые идентифицировали себя как русские. При этом были отложены в сторону опросники старшеклассников, принадлежащих к другим этническим группам (калмыки, корейцы, чуваша, молдаване, азербайджанцы, грузины, греки, армяне, украинцы и др.), а также имеющих смешанное этническое происхождение.

Таковых также оказалось 120 подростков.

Для сравнения был проведен ориентировочный опрос студентов младших курсов православного вуза как потенциальных носителей православных русских идеалов. Большинство опрошенных завершали первый год обучения. Из этой выборки также были отложены опросники лиц, не принадлежащих к русскому этносу. В итоге осталось 23 опросника, заполненных этнически русскими студентами.

Выбор этнически русских был обусловлен стремлением изолировать возможное влияние этнокультурных факторов на ответы респондентов.

Результаты эмпирического исследования этнической и религиозной идентичности

В данном исследовании была использована методика, разработанная И. Лайонс и М. Барреттом (Сурейский университет, Великобритания) в сотрудничестве с международным коллективом ученых, участвовавших в проекте INTAS (в том числе – автором данной главы).

Результаты исследования национальной, этнической и религиозной идентичности по московской выборке представлены в следующих таблицах и диаграммах.

Таблица 1

Средние ранги иерархии идентичностей, полученные на различных выборах русских старшеклассников и студентов

Школьники 2000 г.		Школьники 2008 г.		Студенты православного вуза 2008 г.	
Этническая	2,42	Росс. Гражд.	2,79	Религиозная	1,29
Гендерная	2,79	Гендерная	2,98	Росс. Гражд.	2,81
Религиозная	3,19	Московская	3,47	Гендерная	3,10
Московская	3,21	Этническая	3,91	Этническая	3,14
Росс. Гражд.	3,30	Религиозная	3,92	Московская	4,57
Европейская	5,09	Европейская	4,20	Европейская	5,14

Как можно видеть из таблицы 1 и рисунка 1, при сравнении данных старших подростков, полученных в 2000 и 2008 гг., заметно, что субъективная значимость национальной (гражданской) идентичности за 8 лет выросла, а этнической (самоопределение «я – русский»), наоборот, уменьшилась.

Религиозная идентичность стала менее значимой для современных старшеклассников, чем была для их сверстников 7–8 лет назад, а европейская – более значимой (чем меньше среднее значение ранга идентичности, тем более она значима, тем чаще она выбирается респондентом ближе к началу ряда при оценке).

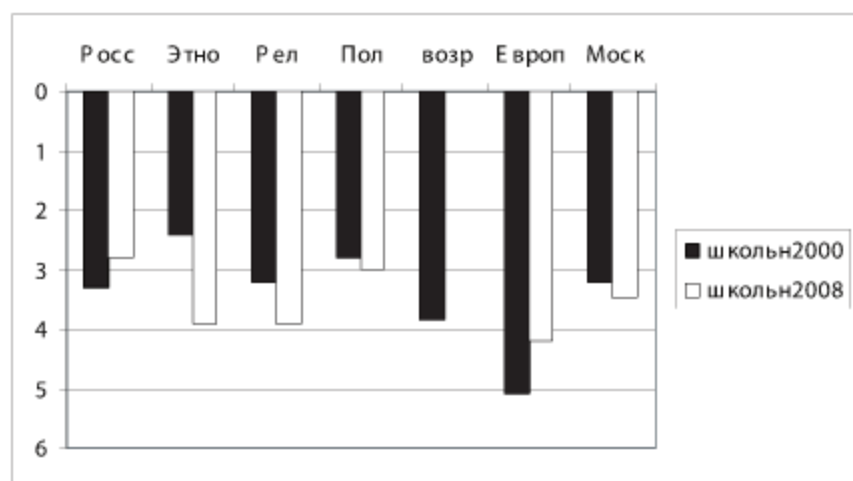
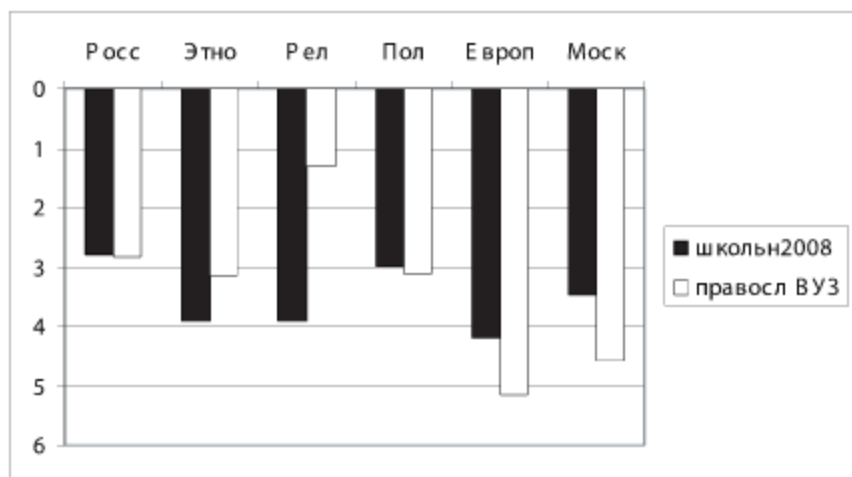

Рис. 1. Средние ранги субъективной важности социальных идентичностей школьников в 2000 и 2008 гг.

Рис. 2. Средние ранги субъективной важности социальных идентичностей школьников в 2008 г. и студентов православного вуза

Если сравнить современных школьников (средний возраст – 16 лет) и студентов православного вуза (средний возраст – 21 год), то видно, что религиозное самоопределение лидирует у группы студентов. Одновременно в группе студентов субъективный статус этнической идентичности выше, чем у школьников, обучающихся в государственных школах, а статус европейской и локальной (московской) идентичности – ниже.

В таблице 2 представлено распределение ответов о личной вере русских респондентов 15–16 лет в 2000 и 2008 гг. (приведено в процентах от числа опрошенных) и данных о религиозной самокатегоризации.

В этой таблице обращает на себя внимание постоянство процента самокатегоризации «православный» – 45%. Здесь можно предположить влияние отождествления русского и православного в традиционной российской культуре. Как видно из данных таблицы 3, самокатегоризация «православный» может и не означать причастности наших респондентов к церковной жизни.

Результаты опроса, представленные в таблице 3, показывают, что процент настоящих православных, воцерковленных подростков как в 2000 г., так и в 2008 г. одинаков – около 3% (графа о регулярности посещений церковной службы и др.).

Таблица 2
Распределение ответов о личной вере
и религиозной самокатегоризации

	2000 г.	2008 г.
Верующий	11,9	6,5
Христианин	8,5	30,4
Православный	45,8	45,7
Протестант	–	0,7
Мусульманин	–	1,4
Шиит	–	0,7
Язычник	1,7	1,4
«Слабо верующий»	5,1	–
«Не знаю»	3,4	–
Неверующий	атеист: 1,7	атеист: 5,1
	неверующий: 22,0	агностик: 8,0

Таблица 3
Распределение ответов о посещении церкви
и домашней молитве русских респондентов 2000 и 2008 гг.
(в процентах от числа опрошенных)

		2000 г.	2008 г.
До- машняя молитва	Никогда	81,7	50,8
	Изредка	1,7	12,5
	Дома молюсь	16,7	35,8
Посе- щение церкви	Никогда	33,3	24,6
	Изредка	–	15,6
	Посещаю	66,7	58,2
Частота посе- щения церкви	Практически нет	48,1	22,0
	Изредка	48,1	52,5
	Часто/регулярно	3,8	Только по большим праздникам: 11,5
			По праздникам: 9,0
Регулярно: 3,3			

Интересны индивидуальные ответы о частоте посещения церкви некоторых респондентов, которые категоризовали себя как «атеисты»: «редко/для того, чтобы увидеть красоту храма, чтобы побывать в «намоленной» обстановке» (д., 16 л.). При этом подросток

ставит для себя религиозную идентичность на первое место в иерархии идентичностей. С большой вероятностью можно предположить, что человек как раз ищет веру, не являясь, по сути, убежденным атеистом; здесь видится религиозная чуткость и искренность поиска веры. Интересны ответы еще двух девушек с самокатегоризацией «атеистка», не посещающих храм. Ими религиозная идентичность также поставлена на первое место, при этом по другим ответам видно, что они слабо ощущают себя действительно членами своей национальной («граждане России»), этнической («русские») и религиозной групп, что говорит о внутреннем кризисе идентичности. Повидимому, чтобы избежать такого ощущения не-принадлежности к группе, личность идет на замену, генерализованное отождествление себя с группой «православные».

В результате проведенного исследования можно прийти к **выводам** о сложном и неоднозначном характере религиозной и этнической идентичности у современной российской молодежи, о слабой позитивной динамике по внутренним основаниям религиозной идентичности, часто имеющей характер пока что внешнего, по иным, чем православная вера, критериям отнесения себя к верующим и православным.

Позитивное религиозное самоопределение можно наблюдать у студентов православного учебного заведения, что оказывается также позитивно связано и с этнической самоидентификацией.

Результаты эмпирического исследования представлений об идеале (о любимом герое, об идеальном представителе своего этноса)

На той же **выборке** московских школьников и студентов православного института (см. выше) было проведено исследование представлений об идеале.

Методика была построена на обращении к субъективному опыту респондента и представляла собою анкету, состоящую из нескольких блоков вопросов. Данная методика является модификацией методики, использованной М. И. Воловиковой для исследования образа порядочного человека (Воловикова, 2005).

1-й блок: «Есть ли среди ваших знакомых человек или историческое лицо, литературный, кино-, ТВ-герой, который произвел на вас особенно сильное впечатление, о котором вы можете сказать – «это воплощение того идеала, к которому я хочу стремиться в жизни»?». В этом же блоке был сформулирован и вопрос о конкретном по-

ступке данного лица. Аналогичным образом был построен 3-й блок вопросов, только речь здесь шла о «настоящем, типично русском» человеке. 4-й блок вопросов включал в себя составленную нами таблицу ценностей, а 2-й блок вопросов представлял собой анкету закрытого типа, построенную по принципу одномеральной шкалы с перечнем качеств «Я идеального», отчасти взятого из анкеты, разработанной в исследовании И. И. Грачевой (Грачева, 2006), но дополненного нами.

Результаты исследования представлены в приведенных ниже диаграммах и таблицах, а также в виде качественного анализа и интерпретации полученных ответов.

В таблице 4 приводится частота представленности позитивных идеалов-прототипов в ответах московских подростков.

Качественный анализ ответов подростков показал, что у 5% опрошенных, в основном у мальчиков, отмечается амбивалентность представлений об идеале, особенно об идеале «настоящего русского человека». Заметны здесь и черты незрелости, например, настоящий русский – «дядя Ваня»: внешность – «красный нос, синяки под глазами», запомнившийся поступок – «выпил все запасы спиртного» (м., 16 л.). Другой пример представляет собой описание характера: «терпимость, рабская психология, незлой, иногда мстительный, буйный, вспыльчивый», запомнившийся поступок – «самопожертвование в пользу более знатных, богатых, влиятельных людей» (м., 16). Или приводится качество – «развязность», внешность – «небритый, в полосатой майке». Особенно запоминающиеся поступки – «шутки, в которых показывают русскую простоту» (м., 15). «Гомосексуальная внешность» (м., 16). Черта характера – «много пьет», особенности внешности – «преклонный возраст», характерных поступков нет (д., 16).

В более редких случаях подростки пишут о довольно неоднозначных индивидуальных идеалах. Например, упоминается телеведущий, его характеристика – «грубиян, внешность ужасная» (м., 15 лет). Другой подросток (16 лет) индивидуальным идеалом называет Родиона Раскольникова, подчеркивая, что тот «целеустремленный, умный, логичный, имеющий собственную идею, теорию». Запомнившийся поступок героя – «написание статьи, выражающей его идеи», и «это был смелый поступок, учитывая, что его теоретические размышления были очень смелыми и противоречивыми».

Понятно, что приведенные примеры – это, скорее, не идеалы, а портреты текущего противоречивого состояния подросткового

Таблица 4

Частота представленности различных позитивных типов идеалов-прототипов в ответах подростков (процент к числу опрошенных; некоторые опрошенные описали несколько идеалов, поэтому суммы в столбцах могут отличаться от 100)

Тип названного идеала-прототипа	Индивидуальный идеал, «к которому хочется стремиться»	Коллективный идеал, «настоящий, типично русский человек»
Нет идеала	59,3	49,6
Друг, реальный сверстник	7,3	–
Родственник, родитель, учитель	13,7	4,1
Известный современник (кино-, рок-звезда, политик)	12,9	4,1
Историческое лицо	3,2	3,2
Литературный герой, кино-герой	2,4	3,3
Религиозно почитаемая личность (Господь, святой)	1,6	3,2
Упомянуты только качества, но подразумевается реальное или вымышленное лицо	3,2	8,9
Только требуемые качества	4,9	18,7
Особое мнение	1,6	1,6

сознания и, возможно, косвенные указания на то, что подростки стесняются своей принадлежности к русскому этносу.

Иная картина, хотя тоже неоднозначная, наблюдается у верующих студентов православного вуза (см. таблицу 5; здесь данные также представлены в процентах относительно общего числа ответов).

«Неоднозначность» ответов православных студентов связана прежде всего с максимальным процентом в колонке «нет идеала». Нужно сказать, что речь идет о конкретных людях, с которыми удалось познакомиться молодому человеку, и в то же время – о высоте самого идеала, возможно, пока и не достижимого в реальной жизни.

Таблица 5

Частота представленности различных позитивных типов идеалов-прототипов в ответах студентов православного вуза

Тип названного идеала-прототипа	Индивидуальный идеал, «к которому хочется стремиться»	Коллективный идеал, «настоящий, типично русский человек»
Нет идеала	41,7	33,3
Друг, реальный сверстник	4,2	–
Родственник, родитель, учитель	8,4	–
Известный современник (религиозный деятель, политик)	12,5	4,2
Историческое лицо	4,2	12,5
Литературный герой, киногерой	4,2	4,2
Религиозно почитаемая личность (Господь, святой)	29,2	12,5
Упомянуты только качества, но подразумевается реальное или вымышленное лицо	–	12,5
Только требуемые качества	4,2	20,8
	–	4,2

Вообще проблема идеала является очень сложной и плохо поддающейся процедурам статистической обработки, поскольку здесь работает принцип *единственности*. Однократная встреча с единственным человеком может повлиять на судьбу юноши или девушки больше, чем целенаправленное воспитание, общекультурное развитие и прочее. В жизнеописаниях христианских подвижников есть много примеров таких *встреч*, но в исследованиях социальных психологов пока принято больше ориентироваться на статистические массивы.

В 2005–2006 гг. И. И. Грачевой было проведено исследование представлений подростков об идеале в связи с выраженностью такой личностной характеристики, как перфекционизм (стремление к совершенству). Было показано, что представления об идеале ис-

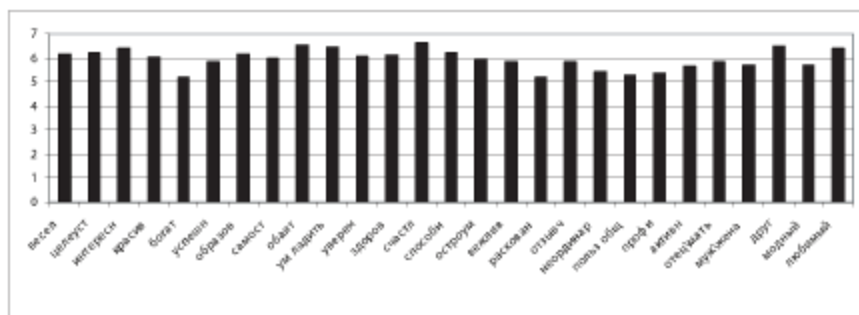
пытуемых с разным уровнем перфекционизма различаются по таким характеристикам, как сложность, дифференцированность, продуманность, отрефлексированность. Идеалы испытуемых с высоким и средним уровнем перфекционизма, в отличие от идеалов подростков с низким уровнями перфекционизма предполагают только социально приемлемые способы достижения. Установлено, что испытуемые со средним и высоким уровнем перфекционизма демонстрируют стремление самостоятельно, целенаправленно добиваться успеха, материального благополучия, при этом ценность успешности для последних связана с ценностью отзывчивости. Представления испытуемых с высоким уровнем перфекционизма об отношениях с окружающими людьми наиболее дифференцированы. Только перфекционисты в качестве требований, налагаемых отдельными социальными ролями друга, семьянина, отмечают для себя такие качества, как терпение, вежливость, доброта и честность, понимаемая как порядочность (Грачева, 2006).

Нами было проведено исследование с использованием модифицированной методики И. И. Грачевой на выборках обычных московских старшеклассников и студентов первых курсов православного вуза (описание выборок см. выше). Если результаты, полученные Грачевой, свидетельствуют о дифференцированности представлений современных подростков об идеале (в зависимости от уровня перфекционизма), то данные, полученные нами в подростковой выборке, ближе к среднестатистической норме. Они могут быть интерпретированы как показатель некоторой общей тенденции *устремленности* молодых людей к идеалу, а также их *способности* воплотить идеал в своей жизни. Что касается студентов православного вуза, то подобных исследований пока еще не проводилось.

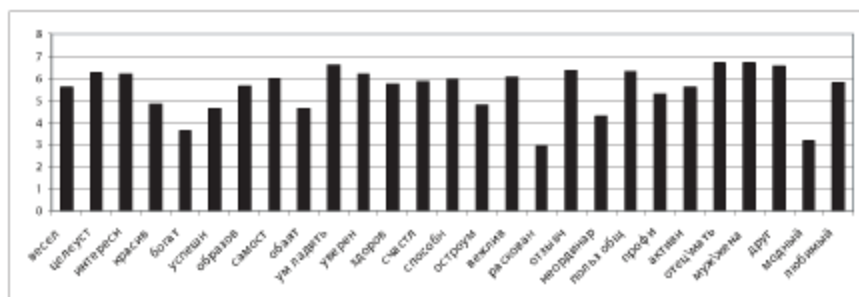
На рисунке 3 можно видеть, что современные школьники в среднем максимально желательными для себя считают следующие качества: интересный, обаятельный, умеющий ладить с людьми, счастливый, хороший друг, любимый.

Доминанта на этих качествах, в целом, неплохо накладывается на характеристику подросткового возраста, данную Д. Элькониным в связи с ведущей деятельностью общения. Правда, эта доминанта (за исключением качества «любимый») в его теории теснее связана с более младшим подростковым возрастом.

Минимальную привлекательность у старших школьников получили качества: богатый, раскованный, неординарный, полезный обществу, профессионал.

Рис. 3. Сравнение средних показателей шкалирования индивидуальных качеств идеального Я по модифицированной методике И. И. Грачевой. Школьники, 2007–2008 гг. (120 чел., средний возраст – 16 лет)

Рис. 4. Сравнение средних показателей шкалирования индивидуальных качеств идеального Я (методика – та же). Студенты православного вуза, 2007–2008 гг. (25 чел., средний возраст – 21 год)

Среднюю зону привлекательности заняли качества: успешный, самостоятельный, вежливый, хороший/ая муж/жена, хороший/ая отец/мать, модный, современный.

При сравнении ответов старших подростков и студентов православного вуза (см. рисунок 4) видно, что те качества, которые у школьников государственных школ получили более низкую, но все же расположенную в положительной зоне («качество не безразлично, можно бы его и иметь») оценку, в сознании студентов православного вуза имеют отрицательную оценку (ниже 4 баллов, отражающих нейтральное отношение), особенно – это качества богатый, раскованный, модный.

Факторный анализ ответов старшеклассников выявил следующие группы качеств:

1 фактор (описывает 27% дисперсии данных): содержит с положительным весом почти весь предъявленный список личностных качеств, но максимальный вес по нему имеет дескриптор «счастливый». Этот фактор получил название **Фактор «сказочного счастья»** в восприятии подростка.

2 фактор (10% дисперсии): содержит с максимальным положительным весом дескрипторы: «хороший/ая отец/мать», «хороший/ая муж/жена», а также дескриптор «хороший друг». В этот же фактор с отрицательным весом входит дескриптор «богатый», со слабо-отрицательным – дескрипторы «красивый», «образованный», «модный». Назовем его **фактором ценности семьи**.

3 фактор (8% дисперсии): максимальный вес по нему получило качество «профессионал». Также сюда с положительным весом входит качество «успешный», с отрицательным – «веселый», «умеющий ладить с людьми». Этот фактор получил название **Фактор ценности профессионализма**.

4 фактор (6% дисперсии): «самостоятельный» (максимальный вес), «образованный», «целеустремленный». С отрицательным весом вошел дескриптор «модный». Это **Фактор самостоятельности**.

Итак, факторный анализ (который мы смогли проделать только с ответами школьников) показал ценность для современных подростков семьи, профессионализма, самостоятельности. Однако ведущим фактором, объясняющим без малого 30% случаев, оказался фактор «сказочного счастья», аналогичный тому, что было получено в исследовании И. И. Грачевой для выборки подростков с низким уровнем перфекционизма. Интерпретировать такое распределение факторов можно как преобладание в современной подростковой среде представления о себе-идеальном как прежде всего счастливом человеке. В принципе, для построения прогноза о будущем это неплохой показатель оптимистического настроения в молодежной среде. Особый оттенок, по-видимому, специфически российский, вносит здесь третий фактор, показывающий относительно низкий рейтинг профессионализма у большинства опрошенных подростков.

Предпринятое нами исследование *ценностных ориентаций* школьников и студентов православного вуза позволяет определить, на какие ценности ориентируются современные молодые люди.

Как мы уже отмечали во вступлении, изучение ценностных ориентаций молодежи является традиционным и для социологов, и для социальных психологов. Проводимые исследования различаются *набором* предъявляемых респондентам ценностей. С нашей

точки зрения, в таких наборах недостаточно представлены ценности, традиционные для православной культуры. Поэтому в свой список мы включили такие ценности, как «жертвенность», «терпение», «смирение» и др.

Полученные результаты приведены на рисунках 5 и 6.

Из рисунка 5 видно, что школьники в среднем максимально высоко оценивают следующие ценности: любовь, истина, ум, свобода, независимость, развитие, справедливость, дружба, достоинство.

Минимальные оценки у старших школьников получили ценности «смирение» и «жертвенность», являющиеся для православного человека глубоко важными.

Среднюю зону оценок заняли ценности: творчество, красота, верность, равенство, братство, бытие, переживание, новизна, терпение, вера.

Таким образом, в подростковом сознании по полученным данным доминируют ценности общения, личной свободы и развития. Это может быть связано со многими факторами, в том числе

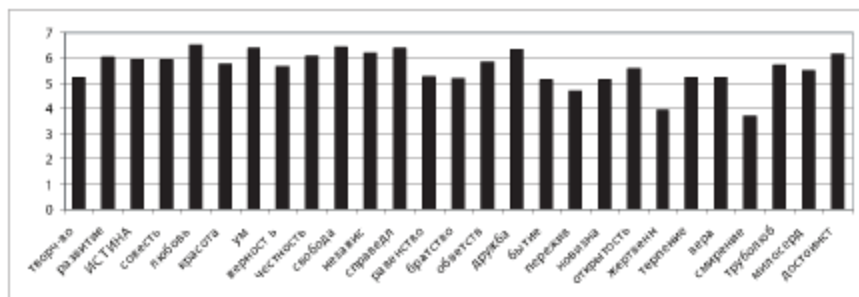

Рис. 5. Оценки списка ценностей старшими школьниками

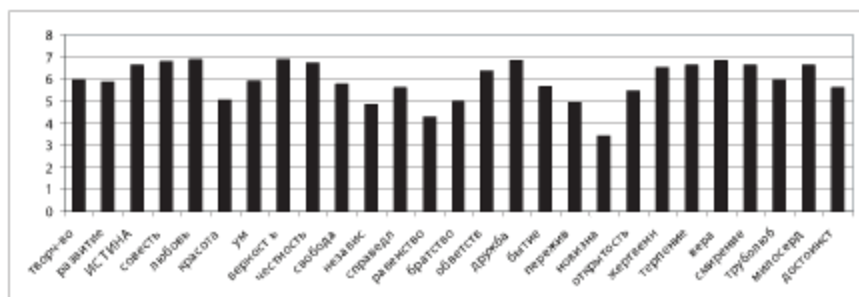

Рис. 6. Оценки списка ценностей студентами православного вуза

и с когнитивной доминантой российского школьного образования. Традиционно христианские ценности смирения и жертвенности большинством подростков отвергаются (оценки в среднем ниже нейтральной зоны 4 балла). Среднюю полосу важности составляют ценности экзистенциального характера.

У студентов православного вуза оценки ценностей во многом другие (см. рисунок 6). Низко оцениваются ценности «новизна» и «равенство». Максимально высокие оценки получили ценности «истина», «совесть», «любовь», «верность», «честность», «дружба», «жертвенность», «терпение», «вера», «смирение», «милосердие» (т. е. ценности преимущественно христианские, православные). Среднюю зону оценок заняли ценности «красота», «независимость», «братство», «переживание».

В целом в рамках **вывода**, который можно было бы сделать по данной серии исследований, следует отметить дифференциацию в молодежной среде в отношении избираемых ценностей и идеалов, связанную с наличием или отсутствием четкого и осознанного выбора православного мировоззрения. Мы можем также предположить, что не менее явную дифференциацию можно было бы обнаружить в традиционно мусульманской (или буддийской) среде.

Вместо заключения: Религиозная идентичность и отношение к другим народам у русских подростков и юношества

Российское общество с давних времен было и является сейчас полиэтничным по своему составу. Русский народ, этнос, сформировавшийся как единое целое на основе Православия, всегда был и остается стержнем этого общества, именно он должен был на протяжении истории России выполнять задачу объединения, поддержания мира. Ф. М. Достоевский много думал и писал о всемерной отзывчивости, открытости русских. Философ И. А. Ильин отмечал, что русский народ создал правопорядок для всех шестидесяти различных племен, населяющих Россию, столетиями проявляя благодушную гибкость и миролюбивую уживчивость.

Исследование особенностей формирования нравственных идеалов русских и отношения к другим народам у подростков опиралось на подход к изучению социальных представлений о нравственном идеале, разработанный М. И. Володиной. Эмпирической базой исследования в основном послужили данные кросс-культурного проекта, выполненного по социально-психологическим методикам, предложенным проф. М. Барреттом (Суррейский университет, Великобритания).

Изучив представления русских о нравственном идеале на исторических, литературных, этнографических, философских и психологических материалах, М. И. Воловикова делает следующий обобщающий вывод: «Особая специфичность в представлении русских о нравственном идеале состоит в общей «толерантности»..., т. е. в принятии других народов и культур, принципиальном отсутствии каких-либо предпочтений или отвержения от людей по этническому или расовому признаку, отсутствию мстительности» (Воловикова, 2005, с. 320).

Однако мы понимаем и ясно видим, что современная социальная реальность как наличное бытие добра и зла отличается от этих идеалов как должного. Особенно актуальным это становится в наши дни.

В практике общения современной молодежи много тревожных знаков. Они представлены как межэтнической напряженностью отношений в школьных классах, так и межэтническими конфликтами, приводящими даже к человеческим жертвам. Например, в дипломной работе, выполненной под моим руководством, было обнаружено, что в классе с полиэтническим составом учащихся более чем две трети младших школьников, относящихся к пренебрегаемым и изолированным членам класса, – это представители национальных меньшинств (Илюшина, 2004). Проходят широко известные судебные процессы над скинхедами. Однако не всегда зачинщики агрессивных действий – именно русские. Подростки порой погибают от ножей товарищей по школе. Так, в одной из школ, где проходили наши социально-психологические исследования, двое старшеклассников – азербайджанец и грузин – повздорили по вопросу языка общения, и один из них в результате завязавшейся драки погиб. Прискорбно, что порой сами русские учителя обращаются к школьным психологам с просьбой помочь справиться со своей плохо контролируемой ненавистью к иноэтничным ученикам (там же).

В чем состоят социально-психологические причины этих явлений?

В западной социальной психологии описан феномен ингруппового фаворитизма (Tajfel, Turner, 1986). Как только человек осознает свою принадлежность к определенной группе, он начинает более высоко оценивать собственную группу или лучше относиться к ней. Одновременно он начинает в той или иной степени отвергать, относиться отрицательно (или просто хуже) к другим группам, к которым он не чувствует себя причастным (или стремится обес-

ценить другие группы в своих глазах). Этот феномен наблюдается как у детей, так и у взрослых. Его можно рассматривать как основу межэтнической враждебности. Однако в связи с разрабатываемой нами темой в этом следует разобраться более детально.

В процессе проведенного анализа эмпирических данных нас особенно интересовал вопрос формирования отношения русских детей и подростков к другим народам.

В соответствии с особенностью русского идеала, о которой шла речь, в этом отношении должна преобладать терпимость и толерантность. Однако есть мнение другой стороны – результаты исследования детей и подростков из других стран (английских, шотландских, испанских, итальянских, грузинских и др.), у которых сложился этнический стереотип русского народа как национально и этнически нетерпимого, склонного к ксенофобии (Barett, 2007).

В рамках упомянутых данных социально-психологических исследований нам представилась возможность детально проанализировать особенности эмоционального отношения русских подростков, обучающихся в государственных школах, к другим народам. В процессе индивидуальных интервью, проводившихся с подростками, выявлялась структура их самокатегоризации, т. е. система дескрипторов, которыми подростки описывают сами себя. Среди таких характеристик подростки могли выбирать самоописания этнического (русский), национального (гражданин России), религиозного (верующий, христианин, православный, католик, мусульманин) уровней, а также половые, возрастные и ряд других. В другой части интервью респондентов просили выразить свое отношение к другим народам как посредством методов шкалирования, так и – открытых индивидуальных высказываний.

Для лучшего понимания того, как формируется самосознание нашей молодежи, был проведен анализ связи между особенностями религиозной самокатегоризации и показателями отношения к другим народам. Он показал, что все подростки в той или иной мере демонстрируют феномен ингруппового фаворитизма, т. е. оценивают представителей своей этнической группы по ряду психологических качеств (ум, честность, чистоплотность, дружелюбие, удовлетворенность и др.) существенно выше, чем представителей других этнических групп. Этот феномен также отражается в их общем эмоциональном отношении к своему и другим народам. Эту последнюю характеристику мы подвергли более детальному анализу, предположив, что подростки, в структуру самокатегоризаций

которых входит определение «православный», должны по своим оценкам своего и других народов отличаться от тех, которые либо не выбрали для себя такого самоопределения, либо назвались неверующими.

Сравнение средних величин по группам, выделенным по характеру религиозной идентичности, показало, что все исследованные подростки, независимо от религиозной идентичности, в равной мере высоко оценивают свою этническую группу. Эти оценки близки к высшей точке оценочной шкалы. Среди других народов, по отношению которым проводилась оценка их особенностей и шкалировалось эмоциональное отношение к ним, были: украинцы, азербайджанцы, грузины, англичане, немцы, американцы. Выбор народов СНГ и англичан был обусловлен составом стран, входящих в кросс-культурный проект. Выбор других западных народов – следующими соображениями: американцев в связи с важной ролью Америки в современном мире, немцев – в связи с возможностью влияния на оценки исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Проведенный анализ показал, что большинство подростков весьма низко оценивают кавказцев и испытывают по отношению к ним отрицательные эмоции. Причин здесь можно увидеть несколько. Это может быть связано с возрастными особенностями: наши исследования показали, что у детей дошкольного и младшего школьного возраста восприятие других народов тесно связано с внешними признаками, они замечают отличия в цвете волос и кожи, типе лица, и это вызывает у них отрицательную эмоциональную реакцию. Люди, менее отличающиеся от них самих по внешним признакам, не вызывают столь отрицательного отношения. Вероятно, у подростков это основание суждений и эмоций сохраняется (есть оно и у взрослых, но в несколько меньшей степени). Кроме того, по-видимому, кавказцы воспринимаются подростками как враги: такое отношение может быть связано со знанием истории кавказских войн, оценкой перспективы службы в армии, восприятием неблагоприятного отношения к ним в обществе. Следует отметить, что для современных русских вообще характерно чрезмерно генерализованное отношение к жителям Кавказа, когда представители очень большого числа народов, представляющих весьма различные культуры и религии, воспринимаются как бы на одно лицо. (Распространенное некоторое время назад выражение «лицо кавказской национальности» как обозначение национальной идентич-

ности было бы корректно, если бы существовало единое кавказское государство.)

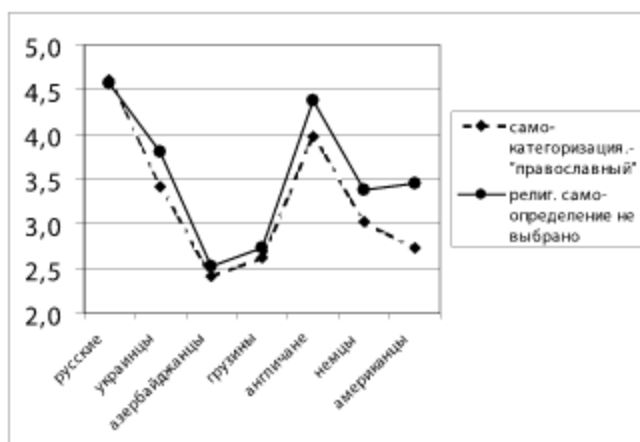
В полученных нами данных дифференцированность эмоционального отношения к азербайджанцам и грузинам почти отсутствует, хотя различия этих двух культур и народов весьма существенны. Грузинская культура, основанная на православии, по своим ценностям очень близка к русской.

Немцы – следующая по выраженности отрицательного эмоционального отношения этническая группа. Здесь можно довольно уверенно говорить о роли исторической памяти в даваемых оценках: подростки помнят о войне, но при этом уже не видят в немцах врагов в настоящем времени, а учитывают отношения между странами, складывающиеся сейчас. Это показывает анализ индивидуальных ответов респондентов. Невысоко оценивают подростки американцев. Их средние оценки примерно такие же, как у немцев. Самым высоким баллом оценивают респонденты свое отношение к британцам: эти оценки лишь ненамного ниже оценок собственной этнической группы – русских. Эмоциональное отношение к украинцам имеет также скорее позитивный характер, средние оценки ненамного ниже оценок отношения к британцам (англичанам). Рассмотрение этих данных показывает, что ингрупповой фаворитизм проявляется по отношению к различным этническим группам, но по-разному.

Был проведен сравнительный анализ ответов подростков, называющих себя православными, с ответами подростков, не выбравших такого самоопределения. Можно было предположить, что православные будут проявлять больше толерантности. На деле результаты показали обратную тенденцию. Средние оценки эмоционального отношения к своему и другим народам по группе подростков с православной религиозной идентичностью и без нее представлены на рисунке 7.

Оказалось, что различия оценки подростков с различным отношением к религиозной идентичности статистически значимы^{*} по отношению к азербайджанцам (высокозначимые статистические различия), грузинам и американцам (несколько менее значимые различия): подростки, считающие себя православными, более отрицательно относятся к представителям азербайджанского, гру-

* Статистическая значимость различий в оценках проверялась критериями Манна–Уитни и Колмогорова–Смирнова.

Рис. 7. Средние оценки эмоционального отношения к своей этнической группе и другим народам у русских подростков. Значение шкалы «5» – высоко положительное отношение к представителям этноса; «1» – крайне отрицательное отношение

зинского и американского народов. При этом отношение к собственному народу (ин-группе) у обеих групп подростков одинаково позитивное, что хорошо видно на графике.

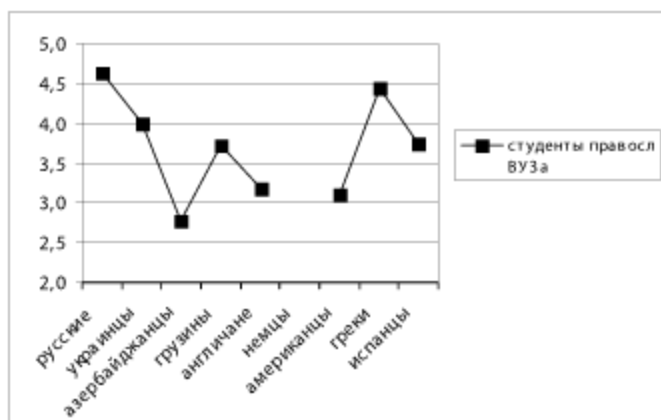
Объяснению этих различий мы планируем посвятить специальное исследование. На настоящий момент можно выдвинуть следующие предположения о причинах полученных различий.

- а) Процент подростков, идентифицирующих себя как православные, среди исследованных учащихся государственных школ составил 33%. В то же время, из специальных социологических опросов мы знаем, что число людей, которых можно считать воцерковленными, т. е. знающими, понимающими и, вероятно, реализующими нравственные нормы православия, составляет от 2 до 8%. По-видимому, более высокий процент, который был получен нами, обусловлен либо тем, что среди молодежи действительно больше людей, приходящих к православию, чем среди взрослых, или тем, что эти подростки считают себя православными, но до действительного воцерковления им еще далеко.
- б) Можно предположить, что подростки, идентифицирующие себя как православные, проявляют особый интерес и к этническим особенностям русских, особую чувствительность к идеалам, которые у них формируются. В связи с этим у них обостряет-

ся чувство опасности, повышается вероятность актуализации образа врага, к которому возникает обостренное отрицательное отношение, которое и выявилось в исследованных данных. В данном случае может происходить сближение религиозного идеала с национальным и активное развитие того и другого за счет эмоционального дистанцирования от иных народов. Следует ли считать это болезнью роста или отклонением от нормы, должно показать дальнейшее исследование.

Для сравнения можно привести анализ пока немногочисленных данных опроса студентов православного вуза (26 чел). На рисунке 8 представлены аналогичные данные, касающиеся отношения этих молодых людей к другим народам. Средний возраст респондентов, участвовавших в этом опросе, составил около 21 года.

При сопоставлении рисунков 7 и 8 видно, что в целом этноцентристская тенденция у православной воцерковленной молодежи сохраняется, однако она не так ярко выражена, как у подростков-старшеклассников массовых школ. Оценки эмоционального отношения к другим народам во всех случаях более высокие. Особенно яркое отличие проявляется в отношении к грузинам – оценка существенно отличается от оценки отношения к азербайджанцам. Причиной здесь может быть понимание родства, общности культурных оснований русского и грузинского народов – православия.

Рис. 8. Средние оценки эмоционального отношения к своей этнической группе и другим народам у русских студентов православного вуза. Значение шкалы «5» – высоко положительное отношение к представителям этноса; «1» – крайне отрицательное отношение

Тем не менее этот вывод следует пока считать предварительным ввиду малочисленности выборки.

Литература

- Адлер А. Индивидуальная психология // История зарубежной психологии. Тексты. М., 1986. С. 21–32.
- Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1975–1984. Т. 1. 1975.
- Веселова Е. К. Онтологическая идентичность и стратегии совладания. 2006. www.pokrov-forum.ru.
- Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М., 2005.
- Грачева И. И. Уровень перфекционизма и содержание идеалов личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2007.
- Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Изд. ТОО «Рарогъ», 1993.
- Илюшина Л. В. Особенности развития Я-концепции у младших школьников с повышенной тревожностью и осложненной социальной адаптацией: Дипломная работа М.: ИП РАН, 2004.
- Казьмина О. Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в современной России (этноконфессиональная составляющая проблемы): Автореферат дис. ... докт. историч. наук. М., 2007.
- Лебедева Н. М. Этнические стереотипы и предубеждения у детей и методы их преодоления // Лебедева Н. М., Стефаненко Т. Г., Лунева О. В. Межкультурный диалог в школе. Кн. 1. Теория и методология. М.: Изд-во РУДН, 2004. С. 57–81.
- Катасонов В. Н. Великодержавность: геополитика и психология. М., 1999.
- Лосский Н. О. Мир как органическое целое. СПб., 1917.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1997.
- Соловьев Вл. Любовь к народу и русский религиозный идеал. Открытое письмо к И. С. Аксакову // О христианском единстве. Брюссель, 1967.
- Стефаненко Т. Г. Становление этнической идентичности у детей и подростков // Лебедева Н. М., Стефаненко Т. Г., Лунева О. В. Межкультурный диалог в школе. Кн. 1. Теория и методология. М.: Изд. РУДН, 2004. С. 8–56.
- Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.
- Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Дайджест. М., 1993.

- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996.
- Barrett M. Children's knowledge, beliefs and feelings about nations and national groups. Psychology Press, Hove and N. Y., 2007.
- Gunn T.J. The Complexity of Religion and the Definition of "Religion" in International Law // Harvard Human Rights Journal. 2003. V. 16. P. 189–215.
- Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology and Intergroup Relations / Eds S. Worchel, W. G. Austin. Chicago, 1986. P. 7–24.

ЛОЖЬ ЗЛОУМЫШЛЕННИКУ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ЖЕРТВЫ И ПОЛЕМИКА О НРАВСТВЕННОМ ПРИНЦИПЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

А. Н. Поддьяков

В эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» И. Кант обосновывает мысль: если злоумышленник требует от некоего человека ответа, где спрятался его друг, чтобы этого друга убить, мораль велит (при невозможности уклонения от ответа) сказать злоумышленнику правду. Лгать в каких бы то ни было ситуациях – даже в такой – безнравственно; это моральное и правовое преступление (Кант, 1980).

Кант анализирует случай, описанный Б. Констаном и получивший, соответственно, название случая Констан–Канта (Канта–Констана), однако аналогичную ситуацию ранее рассматривал С. Джонсон (очевидно, что этот сюжет широко обсуждался), придя к выводам, противоположным последующим кантовским (Апресян, 2008а). Л. А. Калинин пишет, что проблема лжи злоумышленнику для спасения от него потенциальной жертвы и кантовский анализ этой ситуации занимали «как правоведов, так и философов морали на протяжении всего XIX в. В конце 1880-х годов эта проблема нашла отражение в главе X поэмы Д. С. Мережковского „Протопоп Аввакум“, являющейся стихотворным переложением „Жития протопопа Аввакума, им самим написанного“» (Калинин, 2005). В поэме есть эпизод спасения протопопом беглого каторжника, прячущегося от стражников. Д. С. Мережковский вкладывает в уста протопопа Аввакума следующие слова (Мережковский, 2000; цит. по: Калинин, 2005, с. 60–61):

«Пусть же Бог меня накажет: как мне было не солгать?
Согрешил я против воли: я не мог его предать.

Этот грех мне был так сладок, дорога мне эта ложь:
Ты простишь мне, Милосердный, ты Христос, меня поймешь:

Не велел ли ты за брата душу в жертву принести.
Все смолкает пред любовью: чтобы гибнущих спасти,
Согрешил бы я, как прежде, без стыда солгал бы вновь:
Лучше правда пусть исчезнет, но останется любовь!»

В начале 90-х годов XIX в. с критикой позиции Канта выступает уже Вл. Соловьев (трактат «Оправдание добра»).

И в настоящее время, хотя с момента опубликования кантовского эссе прошло более двухсот лет, по его поводу продолжается ожесточенная полемика – например, ей целиком посвящен выпуск журнала «Логос» (2008, № 5) со статьями ведущих отечественных философов.

Как ранее, так и теперь в этой полемике выражается отношение не просто к самому эссе Канта, а к фундаментальным проблемам морали, экзистенциальным проблемам человеческого бытия и взаимоотношений между людьми. Суть полемики – жесткое противостояние:

- тех, кто считает принцип «Не лги!» абсолютным нравственным законом, не допускающим исключений;
- тех, кто считает, что ценой соблюдения принципа «Не лги!» не может быть жизнь невинного человека (Апресян, 2008а, б), что правдивость в обычных условиях и ложь для предотвращения покушений на жизнь и свободу со стороны активно атакующего зла представляют собой не правило и исключение, а вытекают из единого морального принципа, более фундаментального, чем правило не лгать (Прокофьев, 2008, 2009; MacIntyre, 2006), из нравственных запретов более высокого системного уровня, обеспечивающих: а) поддержку и развитие «положительной кооперации» между людьми и б) ограничение тех, кто развивает «негативную кооперацию» (Скрипник, 2008).

В целом эта полемика раскрывает фундаментальные, непримиримые по целому ряду ключевых позиций мировоззренческие противоречия, причем не только между сугубо теоретическими представлениями о должном, но и представлениями о том, какие нравственные принципы должны служить людям ориентирами для построения поведения в реальных жизненных ситуациях и оценки реальных поступков.

В экстремальной, но, увы, вероятной ситуации, когда группа террористов едет захватывать школу и, допустим, сбившись с пути,

спрашивает дорогу у прохожего, должен ли он, поняв их цели, но не будучи в состоянии уклониться от ответа, сказать им правду о нахождении детей, поскольку правило не лгать и непротивленчество сохраняют «свою нравственно обязывающую силу в ситуации, когда на твоих глазах злодей занес нож над ребенком» (Гусейнов, 2008, с. 104)? Или оборонительная ложь (если использовать понятие, введенное А. В. Прокофьевым) в этом случае допустима?

С точки зрения каких нравственных ориентиров следует оценивать исторические события: считать ли, например, поступок Ивана Сусанина подвигом или же моральным и правовым преступлением?

Житейский бытовой пример: мы учим ребенка, что, подходя к своему дому, надо помахать в окно рукой, делая вид, будто в квартире кто-то есть, – чтобы снизить опасность нападения. Совершаем ли мы тем самым моральное преступление против правила правдивости, против человечества в целом и против данного конкретного ребенка? Не дискредитирует ли морально запрещенное средство (обман) благую цель?

И так далее. Эти и множество других примеров показывают, что не только в экстремальных ситуациях борьбы с терроризмом, но и в быту, в повседневной социальной жизни от человека требуется осознанное отношение к сложному вопросу о допустимости и недопустимости оборонительного обмана в условиях столкновения со злом (речь идет именно об оборонительном обмане, а не о допустимости лжи вообще).

Осмысление феномена обмана особенно актуально в условиях информационного общества (Дубровский, 2008), быстрого развития технологий «тройного обучения», инструментов дезориентации в пространстве нравственных норм (Поддьяков, 1999, 2002).

В своем теоретическом рассуждении я буду исходить из высказанных сторонниками контр- и некантианских парадигм положений о том, что применение абсолютного морального принципа (в данном случае, принципа правдивости) невозможно без опосредующих моральных суждений, позволяющих учитывать смысл и предметно-содержательную составляющую поступков (Артемьева, 2008). В противном случае использование универсальных формальных решений в приложении к критически важным случаям создает парадоксы, в значительной степени снижающие статус этической теории (Дубровский, 2008) и даже просто дискредитирующие ее (Капустин, 2008). «Максимальная универсализация максим невозможна, а значит, они могут быть морально

обязательными лишь при каких-то дополнительных условиях... Кант – не впадая в очевиднейшие нелепости – не может утверждать, что максима правдивости, наряду с другими моральными максимами, должна применяться без учета каких-то других факторов» (Васильев, 2008, с. 148).

В свою очередь, мы будем обосновывать следующие положения.

- 1 Хотя сторонники кантовской точки зрения рассматриваются в большинстве случаев как абсолютисты (так как они доказывают абсолютность запрета на нарушение абсолютного морального принципа), а оппоненты Канта – как релятивисты (так как они доказывают необходимость применения общих принципов с учетом критически важных условий), сами сторонники Канта с необходимостью осуществляют не менее мощную и масштабную релятивизацию максимы правдивости – но делают это по существенно другим (или даже принципиально другим) основаниям, чем их оппоненты. Используемый сторонниками Канта понятийный и методологический аппарат затрудняет выявление этой релятивизации, но не делает его невозможным.
- 2 Вопреки сложившимся представлениям, можно утверждать: как по ряду теоретических положений, так и по множеству конкретных случаев именно оппоненты Канта занимают более непримиримую позицию относительно лжи и обмана, чем его сторонники. Это делает актуальным сравнение ключевых пунктов, по которым: а) оппоненты Канта занимают более непримиримую позицию по отношению к обману, чем его сторонники; б) наоборот, сторонники Канта занимают более непримиримую позицию по отношению к обману, чем его оппоненты; в) их позиции согласованны.

Раскроем эти положения.

Кантовская допустимость прямой лжи и парадоксы релятивизма

И оппоненты Канта, и часть его сторонников подчеркивают: он считал допустимыми в ряде случаев и прямую ложь, и различные обманные уловки, не предполагающие использования прямой лжи. Соответственно, следует согласиться с Э. Ю. Соловьевым: приписывание Канту «незыблемой верности высокому принципу правдивости» – черта «расхожего кантоведения» (Соловьев, 2008, с. 33).

Остановимся вначале на случаях прямой лжи, допустимой с точки зрения Канта.

По Канту, если «враг пристает ко мне с ножом к горлу и спрашивает, где я храню деньги» (или – в другом кантовском примере – спрашивает: «Есть ли у тебя деньги?»), то «ложь в таком случае является ответным оружием... Не существует случая, где моя ложь по принуждению была бы оправдана, за исключением той ситуации, когда признание вынуждено и я уверен, что другой использует его в несправедливых целях» (Кант, 2005, с. 202–204).

Б. Г. Капустин называет эти примеры лжи поразительными и ставит вопрос: почему в перечисленных случаях, предполагающих лишь ограбление (правда, ограбление лично меня, а не другого человека), Кант считает ложь допустимым «ответным оружием», а в случае со злоумышленником, собирающимся совершить убийство (правда, не меня, а моего друга), Кант настаивает на соблюдении по отношению к злодею принципа правдивости? Обоснованный ответ Б. Г. Капустина состоит в том, что моральный субъект в этической теории Канта характеризуется, среди прочего, «звериным эгоизмом». Например, по Канту, в ситуации крайней необходимости допустимо отнять жизнь у невинного человека для своего собственного спасения. Так, при кораблекрушении можно столкнуться с другим «с доски, на которой он спасся, дабы таким образом спасти самого себя» (Кант, 1965; цит. по: Капустин, 2008, с. 131).

Сопоставление случаев, в которых Кант считал ложь то недопустимой, то допустимой, позволяет нам сформулировать парадоксы ситуативного изменения нравственного выбора кантовским моральным субъектом в зависимости от определенного изменения внешних обстоятельств. Введем один из таких парадоксов.

Парадокс «Драгоценный друг»

Друг домохозяина обнаружил потерянные домохозяином драгоценности и принес их ему домой. Он еще не успел отдать их домохозяину, а лишь сообщил ему радостную весть о найденной пропаже, и тот провел его в одно из помещений дома. Раздается стук в дверь, и домохозяину, открывшему дверь и не могущему уклониться от ответа, злоумышленник честно сообщает следующее:

Вариант А. Я знаю, что к вам пришел ваш друг, нашедший ваши драгоценности. Сообщите мне, где он находится – я собираюсь его убить. Клянусь, что я не трону ваши драгоценности.

Вариант Б. Я знаю, что к вам пришел ваш друг, нашедший ваши драгоценности. Сообщите мне, где он находится – я собираюсь забрать у него ваши драгоценности. Клянусь, что я не трону вашего друга.

Мы помним: Кант считает, что можно солгать злоумышленнику, пытаясь спасти драгоценности, на которые он покушается, но недопустимо лгать злоумышленнику, пытаясь спасти друга, на которого он покушается. Соответственно, в варианте А хозяин обязан сказать правду о местонахождении друга, а в варианте Б о его же местонахождении допустимо солгать. Ведь друг здесь – не просто друг (что не так важно), а временное хранилище драгоценностей домохозяина.

Парадокс «Драгоценный друг» показывает, как в теории, постулирующей абсолютность нормы и, соответственно, абсолютную незначимость различий между какими бы то ни было ситуациями ее применения, происходит измена этой абсолютной норме – причем при изменении даже не всей ситуации, а ее фрагмента: спросив, где находится друг, злоумышленник уточняет, для совершения какого именно преступления ему требуется этот друг в качестве жертвы. Если для ограбления, то злодею можно солгать, а если для убийства, то лгать недопустимо.

Тем самым мы получаем ответ на вопрос, есть ли в кантовской этике значимый другой, существенно влияющий на наши решения. Ряд авторов доказывает, что его нет. Можно добавить – нет в *явном виде*. Но в *скрытом виде* этот другой есть: это злоумышленник, от слов которого, хочет ли он забрать ценности или убить, решающим образом зависит экзистенциальный выбор «лгать или не лгать» – причем этот выбор кантовским моральным субъектом делается *не в пользу жизни*. Тем самым полностью подтверждается положение Р. Г. Апресяна: «...устранение Кантом друга при признании исключительной моральной актуальности злоумышленника и делает его анализ ситуации домохозяина этически и морально тупиковым» (Апресян, 2008а, с. 214).

Кроме того, парадокс «Драгоценный друг» четко показывает: в рассматриваемой системе материальные ценности оказываются стоящими выше ценности жизни друга. Это не только согласуется с тем, что в кантовской этике «нуждающийся и обнаруживающий свою нужду друг обладает невысокой ценностью» (Артемьева, 2008, с. 50), но и демонстрирует ценность в ней друга как такового. И это при том, что Кант представляет ценности дружбы как одни из важнейших.

Особый вопрос – почему Кант допустил (создал) такие противоречия в своей этической системе. Б. Г. Капустин, Т. И. Ойзерман и Э. Ю. Соловьев видят разные возможные причины – от их объяснения особенностями развития великой теории (Капустин, 2008;

Ойзерман, 2008) до причин, связанных с пожилым возрастом Канта и «инерцией его усталого ума» (Соловьев, 2008). Как бы то ни было, речь идет о событиях более чем двухсотлетней давности, и самого Канта уже (или пока) не спросишь. Но есть наши современники – сторонники Канта. И им-то можно задать вопрос – почему весь аппарат аргументации, использованной Кантом в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» и многократно, настойчиво воспроизводимой ими в других случаях, они не используют при анализе случая лжи грабителю, домогающемуся денег? Ведь если кантовское рассуждение в эссе действительно универсально, то и по отношению к этому случаю следует подтвердить, что ложь – это такое ответное оружие, применение которого недопустимо из-за его аморальности; что цель не оправдывает средства; что, солгав грабителю о нахождении драгоценностей, человек вызывает тем самым поток непредсказуемых следствий – ведь если жена, например, переложила драгоценности как раз в то место, на которое указал хозяин, думая, что лжет, то грабитель там их как раз и найдет; а вот если сказать правду об их местонахождении, то вполне может начаться череда чудес, описываемых сторонниками Канта для случая Констанана – грабитель споткнется, его скрутит радикулит, он изменит намерения, раскается и станет праведником.

Однако случай с грабителем таких рассуждений со стороны кантианцев совсем не провоцирует. Возникает невольное ощущение заговора молчания – что сторонники Канта избегают или даже прямо опасаются применять кантовский метод рассуждения к некоторым кантовским же случаям. А это и есть релятивизм. Грабителя, покушающегося на твои ценности, обмануть можно (и можно – на теоретическом уровне – промолчать о допустимости/недопустимости его обмана). А готовящего убийство человека обмануть нельзя, как и нельзя не высказать публично убежденности, что ложь ему – абсолютное зло.

Причина этого релятивизма, вероятно, в том, что, признав верность метода рассуждения Канта в эссе, следует признать неверным его вывод о допустимости оборонительной лжи как ответного оружия, а признав верность довода о лжи как ответном оружии, надо перестать апологизировать рассуждения эссе.

Предельные испытания долгом правдивости: случаи Канта и Макинтайра

А. А. Гусейнов подчеркивает, что случай Канта «представляет собой иллюстрацию, схематическое изображение идеи долга, вы-

ступающей в конкретной форме запрета на ложь в ситуациях, когда человек не может уклониться от определенного ответа и когда неправда, к которой его принуждают, направлена на то, чтобы спасти кого-то от страшного злодеяния». Эта иллюстрация призвана показать, что запрет на ложь «следует соблюдать даже в тех крайних случаях, когда с точки зрения здравого смысла это кажется совершенно абсурдным» (Гусейнов, 2008, с. 103–104). Об этом же пишет Н. М. Сидорова: случай Канта моделирует «каркас ситуации предельного выбора», он позволяет выяснить, «выдержит ли внутренняя конструкция категорического императива такое испытание – говорить правду всем, всегда и везде, не взирая ни на какую опасность» (Сидорова, 2008, с. 182).

Но действительно ли пример Канта – предельное испытание долгом правдивости? Нет, есть случаи более экстремальные.

О. В. Артемьева и А. В. Прокофьев воспроизводят описание ситуации, представленной А. Макинтайром.

«Во время фашистской оккупации Голландии одна домохозяйка укрывала у себя дома ребенка из соседской еврейской семьи с обещанием заботиться о нем... На вопрос посетившего ее нацистского чиновника о том, все ли дети, находящиеся в ее доме, являются ее собственными детьми, она солгала, ответив утвердительно. Как и в примере Канта–Констана, домохозяйка не могла избежать дачи показаний в форме „да–нет“, как не могла избрать умолчание в качестве морально легитимного способа действия» (Артемьева, 2008, с. 55).

Подчеркнем – случай «домохозяйка и нацист» способен служить иллюстрацией и схематическим изображением идеи долга, ничуть не уступая при этом ни по иллюстративности, ни по схематичности случаю Константа–Канта. И тема инфантицида, и его реальные практики сопоставимы по древности (если не древнее) с темой и практиками предоставления убежища собственниками жилищ. Случай домохозяйки в примере Макинтайра и случай домохозяина в примере Канта – как минимум равноценны по архетипичности и обобщающей силе. Но по ряду важных признаков эти ситуации могут быть противопоставлены.

Э. Ю. Соловьев совершенно справедливо указывает, что единственный акт правдивости, которого заслуживают правонарушители, в том числе злоумышленник из примера Канта, – честное осуждение, усознание и вразумление. «Никакая иная правда, кроме правды осуждения в примере Канта–Констана этически неуместна»

(Соловьев, 2008, с. 28). Но в примере Макинтайра и попытка усюветить представителя тиранического правосудия, и отказ от ответа ему связаны с очевидным огромным риском для жизни ребенка.

Также случаи Канта и Макинтайра очень существенно различаются составом участников. Покажем это, оперевшись на типологию Р. Г. Апресяна. Она основана на проведении различий: а) между типами преследователей и б) между типами преследуемых.

Что касается преследователей, в случае «домохозяйка и нацист» моральному субъекту, принимающему решение, противостоит не просто злоумышленник, чей статус убийцы дискутируется разными авторами в кантовском случае (то ли убийца, то ли нет), а представитель большой преступной группы настоящих убийц. Эта группа уже совершила множество зверских массовых убийств и собирается совершать их вплоть до так называемого «окончательного решения еврейского вопроса». Таким образом, по параметру «тип преследователя» случай Макинтайра намного экстремальнее, чем случай Канта.

Что же касается стороны преследуемого, то это совсем не тот субъект, которому можно сказать, хоть бы и мысленно: «Ты не можешь требовать от меня измены долгу правдивости ради своего, весьма проблематичного, прямо скажем, спасения. Поймешь, когда (если) вырастешь», а затем правдиво ответить на вопрос убийцы. Преследуемый здесь – это субъект, никак не равный домохозяйину по интеллектуальному и правовому статусу, не способный защитить себя и именно поэтому опекаемый, недееспособный, но правоспособный (в том числе, имеющий право на жизнь, отрицаемое преступной группой). Невинный ребенок – и этим сказано все (но не для сторонников Канта). Таким образом, случай домохозяйки и нациста уже напрямую, очевидным образом противопоставляет:

- а) аргументацию сторонников Канта о соблюдении правила правдивости как долге перед будущим человечества;
- б) аргументацию, идущую от Ф. М. Достоевского, о невозможности построения будущего счастья человечества на слезе одного ребенка (о том, чтобы отдать этого ребенка на истязания и смерть – пусть и выполняя долг перед будущим человечества, Ф. М. Достоевский даже не стал поднимать вопроса).

Но с точки зрения последователей Канта, эти два аргумента вовсе не противопоставлены друг другу. Для случая домохозяйки и нациста со стороны этих кантианцев, по идее, должно последовать

казуистическое рассуждение, что, сказав нацисту правду, домохозяйка вовсе не предает ребенка. (Сторонница Канта Н. М. Сидорова специально подчеркивает предосудительность замены нейтрального выражения «сказать правду» оценочным «предать».) Однако я не берусь предсказать содержательный характер этой аргументации в данном случае. Тезис в духе «нетрудно предположить массу вероятностей, которые могут спасти ребенка, если соблюдать долг правдивости», здесь вряд ли будет адекватен.

В аллегорической повести Ф. Искандера «Кролики и удавы» описан тип нравственных рассуждений, противоположный кантовскому. Положительный персонаж (крот) обманывает убийцу (удава), отправляя его не по той дороге, которая ведет к жертве (кролику). При этом мудрый крот, похоже, знает, что удав кролика *почти наверняка найдет*. Это, а также ряд других обстоятельств делает его обман вообще практически бессмысленным, что подчеркивается в тексте. Но крот, в оппозиции и к логике Канта, и к расчету вероятностей, все равно идет на этот обман, и убийца находит жертву на несколько часов позже. По-искандеровски афористическое объяснение дается в тексте: «Но если мудрость бессильна творить добро, она делает единственное, что может, – она удлиняет путь зла» (Ф. Искандер).

Случай крота и удава – аллегория многих других случаев, в том числе случая «домохозяйка и нацист».

Возвращаясь к случаю Макинтайра, можно заметить, что у него есть важные аспекты и помимо перечисленных. В целом его следует оценить как более экстремальный, а значит, более подходящий для того, чтобы служить тестом выполнимости категорического императива, чем случай Канта.

Однако возможности его анализа проигнорированы в статьях сторонников Канта (по крайней мере, в статьях первого выпуска сборника «О праве лгать») – за одним важным в своей показательности исключением. А именно, О. П. Зубец, обращаясь к этому случаю, начинает проводить рассуждение о не учитываемых противниками Канта возможностях сужения и расширения тех или иных масштабов оценки ситуации – временных, исторических и пр., о неясности критериев отделения существенного от несущественного и т. д. Таким образом, мы здесь наблюдаем очень интересное явление: столкнувшись с более экстремальной, чем предшествующая, ситуацией, сторонник Канта начинает явно релятивизировать оценки. Ведь подчеркивание возможности их изменения в зависимости от вы-

бранных масштабов, критериев и т. д. как раз и выражает сущность релятивизации.

В результате этой релятивизирующей деятельности О. П. Зубец приходит к следующему заключению: «Пути совершающего поступок и самого поступка расходятся: поступок утрачивает свой лично-нравственный статус, свою героичку, так как утрачивает своего субъекта – и в этом смысле он уже не может быть ложью как моральным явлением – и, соответственно, не может быть оправданной ложью. Отчужденный от своего поступка человек уже более не является моральным субъектом, несущим ответственность за избранную ложь» (Зубец, 2008, с. 97).

Здесь возникает две проблемы.

Первая проблема – методологического плана, связанная не с явной, а уже со скрытой релятивизацией. Дело в том, что если предлагаемый способ рассуждения и вывод верны (в чем я лично сомневаюсь), то их в соответствии с универсалистскими установками следует перенести и на анализ случая Канта и, соответственно, сделать точно такой же вывод, какой делает О. П. Зубец для случая голландской женщины. А именно: солгавший домохозяин – не лжец и преступник, каким его видят Кант и его сторонники, а совсем другое – не моральный субъект, не несущий ответственности за избранную ложь. При последовательном рассуждении это, как представляется, должно служить основанием для закрытия темы и ликвидации всего предмета обсуждения.

Вторая проблема – содержательная. Релятивизацию можно проводить по разным основаниям, и у меня есть сильные сомнения в истинности вывода О. П. Зубец о том, что домохозяйка не является моральным субъектом, несущим ответственность за избранную ложь. Причиной этих сомнений (хотя и не единственной) являются высказывания других сторонников Канта о лжецах. Эти сторонники настаивают на абсолютности моральных оценок и лжи, и лжецов безотносительно к ситуациям и обстоятельствам. У них нет и тени сомнения, что человек, сознательно давший ложные показания (против ребенка?), всегда несет за это моральную ответственность.

Мне же представляются более точными оценки О. В. Артемьевой и Б. Г. Капустина. В соответствии с ними домохозяйка вовсе не подлец, не имеющий мужества сказать правду, и не преступник, санкционирующий беззаконие (так сторонники Канта характеризуют домохозяина, солгавшего убийце в случае Канта), и даже не субъект, не несущий ответственности за собственную ложь.

Я полностью согласен с О. В. Артемьевой: «...обычный человек с неискаженным слабостью воли моральным сознанием скорее всего оценит поступок домохозяйки как героический» (Артемьева, 2008, с. 55). «В «констановской [и в макинтайровской. – А. П.] ситуации» практикой свободы могла быть только защита гостя от агрессии злодея, *хотя бы* нравственной правдой дезинформации его о местонахождении жертвы. При этом нравственным долгом домохозяина было бы принять на себя все опасности, «коренящиеся в нашей ситуации», и риски, связанные с его благородным поступком» (Капустин, 2008, с. 141).

Обман без прямой лжи

Обратимся к рассмотрению обманных уловок без использования прямой лжи, которые Кант считал допустимыми. Они призваны иными средствами, чем прямая ложь, создать у другого человека искаженную картину реальности или ее фрагментов. «Я могу притворяться, могу делать такое высказывание, из которых другой сделает выводы, угодные мне» (Кант, 2005, с. 202), но это, по Канту, не считается обманом и нарушением долга, поскольку данные выводы «сделаны другими *самостоятельно*, с помощью их собственной рациональной способности, хотя и на основе отсортированной и специально оформленной информации» (Прокофьев, 2008, с. 79).

Вот пример такой уловки, осуществленной самим Кантом. В ответ на требование Фридриха-Вильгельма II воздержаться от критики христианства он послал этому монарху (скорую смерть которого он предполагал) послание с фразой: «Как верноподданный Вашего Величества, я в будущем полностью прекращаю все публичные лекции или выступления по вопросу религии, будь то естественная религия или религия откровения». «Прусские цензоры и король восприняли эти слова Канта как обещание *навсегда* отказаться от публичного изложения своих мыслей по поводу религии, в то время как Кант отказался от этого лишь в качестве верноподданного Фридриха-Вильгельма II. И сразу после смерти последнего посчитал себя свободным от данного обещания» (Артемьева, 2008, с. 41).

Но А. П. Скрипник подчеркивает: «...своим обещанием не высказываться по религиозным вопросам Кант не избежал обмана, а сделал его менее доступным для изобличения. Объектом обмана здесь стало публичное мнение» (Скрипник, 2008, с. 193). Добавим – почувствовать себя обманутыми Кантом могли не только цензоры, а также лица, почему-либо верившие в безусловную правдивость и искренность Канта, но и тот, к кому обращено послание. Если бы

кто-то из искушенных членов окружения монарха, предположив уловку, сообщил ему о ней, он вряд ли расценил бы ее как следование принципу искренности и правдивости.

Действия Канта можно расценить как обман доверия (или злоупотребление доверием) – но не в юридическом, а более широком смысле. Ведь, не применяя к Канту санкций, а пока лишь обращаясь к нему с определенным требованием и демонстрируя готовность принять соответствующие обещания, Фридрих-Вильгельм II предполагал существование неких «рамочных» доверительных отношений. Поэтому он сам или кто-то из его окружения мог бы расценить действия Канта не просто как обман, а еще хуже – как вероломство.

В статьях сборника никто из сторонников Канта не осудил этот – оборонительный, во многом – обман, не делая этого и я. Однако следует понимать, что не осуждаемый нами прием осуществлен в рамках противостояния сильному миру сего, выдвигающему несправедливые требования по отношению к более социально слабому. Но этот же прием должен быть однозначно осужден в ситуациях, когда социально более сильные так обманывают более слабых.

Современная российская реальность перенасыщена ситуациями, когда организаторы мошенничеств – финансовых пирамид, контор по торговле недвижимостью, лотерей-«лохотронов» и т. д. и т. п. (в целом, «активно атакующее зло») обманывают более слабых – например, пожилых людей из незащищенных социальных слоев. При этом злоумышленники часто застрахованы тем, что *не используют прямой лжи* в своих коммерческих предложениях и текстах заключаемых договоров. Они применяют множество других приемов: используют мелкий шрифт *правдивого текста* (грубый способ, быстро ставший известным) и прочие приемы – всего не перечислить. А пожилые люди, оставаясь формально дееспособными, испытывают в силу объективных, естественных причин трудности с концентрацией и распределением внимания, памятью, имеют отчасти сниженную способность рассуждать, обладают повышенной доверчивостью. Они оказываются не в состоянии ни отследить эти уловки, ни даже предположить их.

К этим случаям обмана не применимо суждение Канта: если хитрец умышленно предоставил другому сведения так, что тот сам сделал из них неверные выводы, выгодные хитрецу, то обмана-то здесь и нет, это морально допустимая ситуация. Данное суждение, конечно же, поддержали бы вышеназванные мошенники – может быть, и добавив на своем языке: «Лох сам виноват, лоха надо учить».

Можно поставить проблему в более общем виде. В современной теории контрактов доказана невозможность так называемого полного, или совершенного контракта (*perfect contract*), который предусматривал бы абсолютно все возможные варианты развития событий, действий сторон и санкции за них (Кузьминов, Юдкевич, 2000). Агент, более знающий и компетентный, чем клиент (иначе клиент к нему не обратился бы), всегда имеет объективную возможность использовать преимущества своей компетентности (знаний, информированности) в ущерб клиенту, не нарушая формально условий заключенного, всегда несовершенно контракта. Мы видим этому многочисленные подтверждения. Представляется, что злонамеренное использование возможностей, объективно предоставляемых несовершенно контрактом, делает невозможным любые договоренности и подрывает право не в меньшей, а может быть, и в большей мере и на значительно более глубоком уровне, чем это делает прямая вербальная ложь. Прямые лживые утверждения все-таки можно так или иначе проверить. Борьба же с вероломством, основанном на использовании всегда имеющей место неполноты договоренностей, в высшей степени трудно; все решения здесь паллиативны. Вероятно, моральную недопустимость такого вероломства можно обосновать, воспользовавшись кантовским же методом универсализации максим, который окажется здесь очень полезным.

Рассмотрим другие примеры обмана, который сторонники Канта считают допустимым.

В духе этики Канта А. А. Гусейнов предлагает ограничить действие нормы «Не лги» пространством речи (т. е. сохранить моральный запрет лишь на вербальную ложь) и целый ряд действий и поступков считать не обманом, а следствием социоприродной необходимости. Это, например, такие действия: «...уезжающий надолго домохозяин создает иллюзию, будто кто-то находится в доме, чтобы не соблазнять воров, или сооружает секретные замки» (Гусейнов, 2008, с. 116).

Подчеркнем: можно вполне согласиться с моральной допустимостью указанных действий – с той, однако, оговоркой, что это все-таки обман, но оборонительный, а потому и допустимый. Как и к любому обману, к этим действиям полностью применимо рассуждение Канта о том, что, совершив их, человек инициирует цепь непредсказуемых катастрофических следствий, за которые несет ответственность. Например, другой человек (может быть, даже родственник домохозяина), нуждающийся в помощи по состоянию здо-

ровья или же спасающийся от злоумышленников, спешит к дому, где, как ему кажется, есть люди, но тщетно – на пороге этого дома его ждет смерть. Точно так же можно описать ситуации, когда секретные замки, воплощающие идею не только секретности, но и обмана (например, создающие иллюзию другого устройства, иного расположения своих конструктивных частей и т.д., чем есть на самом деле) приводят к драматическим и трагическим последствиям, за которые владелец несет моральную и правовую ответственность.

Итак, есть поступки, которые Кант и его последователи, релятивизируя моральные нормы, рассматривают как допустимый обман или же не считают обманом вообще. Подведем промежуточный итог и перечислим некоторые из оснований этой релятивизации.

Сам Кант релятивизирует правило правдивости в зависимости от того: а) является ли ложь средством спасения другого человека или же своих материальных ценностей (во втором случае ложь допустима); б) направлена ли ложь на обманщика, ранее солгавшего субъекту морального выбора (здесь ложь по отношению к нарушителю морали справедлива, хотя в целом и не похвальна), или же на нарушителя морали, выбравшего в качестве жертвы кого-то другого (здесь ложь совершенно недопустима); в) солгал ли человек в речи или же применял более изощренные формы обмана, не предполагающие использования прямых лживых высказываний (второе допустимо).

Отметим критерии релятивизации, осуществляемой сторонниками Канта. Н. М. Сидорова релятивизирует норму «не лги» по критерию кровного родства между беглецом и субъектом морального выбора. Близких родственников, «которых, по логике Канта, якобы тоже надо выдать убийцам», выдавать им не надо – «в случае кровного родства категорический императив может оказаться бесильным» (Сидорова, 2008, с. 181). Иначе говоря, можно солгать убийце (похитителю, педофилу и т.д.) о местонахождении своего ребенка, а о местонахождении чужого ребенка надо сказать правду (это еще одно подтверждение звериного эгоизма кантовского морального субъекта).

О. П. Зубец релятивизирует норму правдивости в зависимости от временных и исторических масштабов оценки ситуации.

А. А. Гусейнов проводит релятивизацию по критерию используемых средств: обман с помощью вербальных средств абсолютно недопустим, с помощью других средств – бывает допустим. Последнее показывает инверсию существенного и несущественного в этике

Канта: в ней не проводятся различия между злодеем и его жертвой, но зато предлагается провести различия по значительно менее важному критерию используемых при обмане средств.

Доказывая недопустимость обмана в иных областях, помимо им выделенных, А. А. Гусейнов пишет, что «камень, выпущенный из руки, принадлежит дьяволу» (Гусейнов, 2008, с. 109). В системе Канта этим камнем оказывается релятивизирующее признание тех случаев, когда лгать можно, и тех, когда нельзя.

Во многих случаях с предлагаемыми версиями релятивизации оппоненты Канта – сторонники допустимости оборонительного обмана, и только его, не могут согласиться и занимают по отношению к обману более непримиримую позицию. В тех же случаях, когда согласие между сторонниками и оппонентами Канта возможно, оно зиждется для каждой из сторон на разных основаниях.

Агностицизм, релятивизм и использование математики

Объясняя сущность кантовского рассуждения, В. В. Васильев пишет: «Кант делает ключевое допущение, от которого зависит состоятельность всей его этической доктрины: последствия наших свободных действий лишь случайным образом связаны с ними, по крайней мере, если говорить о природном мире.... Своей правдивостью я косвенно содействую счастью людей. А если мои действия (например, сообщение правды. – А. П.) приводят к их страданию, то это происходит лишь потому, что счастье и несчастье в этом мире неподвластны моральной человеческой воле, они зависят от законов природы, проявления которых находятся в случайном отношении к моим поступкам. Именно поэтому то, что мои правдивые высказывания привели к страданиям каких-то людей, никак не может быть вменено мне» (Васильев, 2008, с. 145–146).

В связи с этим О. В. Артемьева отмечает: «В устах Канта – автора рассуждения „О мнимом праве лгать из человеколюбия“ незнание перестает быть ученым, и тезис о незнании обращается в догму. Если ситуацию нельзя познать с абсолютной достоверностью, то познавать не надо, необходимо крепко держаться за безусловные принципы, что обеспечит субъекту поступка гарантированное моральное спасение» (Артемьева, 2008, с. 47–48).

Для столь выраженного агностицизма нет оснований в самой кантовской философии: В. В. Васильев убедительно доказывает, что согласно ее общим принципам между поступками человека и их последствиями имеется не случайная, а необходимая связь

(Васильев, 2008, с. 145–146). Это еще одно сущностное противоречие кантовской системы.

Мы же остановимся на следующей внешне парадоксальной особенности рассуждений сторонников Канта. В своей аргументации они значительно больше, чем их оппоненты, опираются на физико-математические метафоры и модели (преимущественно простые), описывающие однозначные, жесткие и неизменные связи между объектами, – как бы полагая, что здесь-то относительность и условность наших знаний и предсказаний уменьшается, а может, и исчезает вообще.

Но именно физические и математические теории относятся к тем, в которых относительность одной части допущений, ограничений, основных и вспомогательных положений обязательно выступает в явном виде (автор теории прописывает их экспликацию, и читатели могут с ней ознакомиться), а относительность другой части обнаруживается при развитии теории самим автором, его последователями и оппонентами – часто с выявлением неразрешимых внутренних противоречий моделей предшествующего уровня.

Учитывая это, представляется важным проанализировать использование физико-математических метафор и моделей сторонниками Канта.

А. А. Гусейнов считает, что рассуждения Канта сохраняют силу в этике приблизительно так же, как законы Ньютона в физике: «...нигде не найти тел, которые не испытывали бы сопротивления, которые бы двигались равномерно. Но это не отменяет самого закона Ньютона. Так и <...> с законом „Не лги“» (Гусейнов, 2008, с. 109). Не вдаваясь в многократно проанализированные отношения между теорией Ньютона и теорией относительности Эйнштейна, здесь следует упомянуть открытый относительно недавно факт фундаментальной внутренней противоречивости самой теории Ньютона. Эта противоречивость раскрывается в так называемой задаче пяти тел (Баранцев, 2003). «Лаплас считал: законы Ньютона настолько точно отражают действительность, что на долю ученых следующих поколений только и остается извлекать их замечательные следствия. Одно из них, открытое лет пятнадцать назад, состоит в том, что если бы во Вселенной действовали только закон всемирного тяготения и законы классической механики, то можно было бы так разместить пять тел, что они бы разлетелись бесконечно далеко... за конечное время». Но – парадокс – такое невозможно в соответствии с самой теорией Ньютона. Это означает, что «даже такие вели-

кие модели реальности, как открытые Ньютоном законы, имеют... ограниченную область применимости» (Линия Урана, 1996, с.).

Итак, даже в теории Ньютона при анализе взаимодействий между несколькими (пятью) объектами обнаруживаются противоречия и парадоксы. Это должно быть как-то учтено при анализе исполнения моральных законов людьми в ситуации социального взаимодействия нескольких субъектов, если уж мы взяли за основу предположение, что исполнение моральных законов аналогично выполнению законов Ньютона в физике.

Есть ли в данной ньютоновской этической теории разница между разными «телами»: злоумышленником и другом, между нацистом, убивающим детей, и спасаемым ребенком, между «профессиональным мошенником-авантюристом и тем, кто умер под пыткой, настаивая на том, что впервые в жизни видит своего соратника» (Скрипник, 2008, с. 191), и т. д.? Ответы сторонников теории: «Разницы между ними нет, она не больше, чем между пунктами А и В в математической задаче» (Гусейнов, 2008, с. 110). «Не меняем же мы в конце концов сумму углов треугольника со 180° на 181° или 179° », видоизменяя и подгоняя эти суммы под конкретные ситуации (Сидорова, 2008, с. 180). Точно так же, по выражению Н. М. Сидоровой, не надо менять и способ рассуждения, поддаваясь на доводы оппонентов Канта, приводящих «очередной слезный пример».

Дело не в слезных примерах. Проблема в том, что в этической теории, на теоретическом уровне, нет никаких соответствий эмпирическим различиям злодея и невинной жертвы; редуцирующая теоретическая простота не только не имеет, но и, более того, не желает иметь аппарат для такого рода различий.

Вернемся к геометрии: сторонники Канта, убежденные в неизбежности метафоры суммы углов треугольника и неизбежности самой этой суммы, упускают из вида, что она равна 180° только на плоской поверхности (в системе Евклида), а на более сложных поверхностях эти суммы другие, они изменяются и зависят от типа поверхности (что описано в разных неевклидовых геометриях). Но сторонники Канта не меняют эту сумму нигде – для них это вопрос принципа.

Судя по тексту Н. М. Сидоровой, ей представляется наиболее подходящей модель взаимодействия твердых тел, имеющих простые геометрические формы – шара, плоскости и т. д. с их (якобы) неизбежной аксиоматикой. Характерно, что следствием этой модели, на которое обратила внимание Н. М. Сидорова, и оно показалось ей

особенно интересным, является обоснование практической ненужности мытья предметов сложной формы. Ведь они, в общем случае, касаются других тел только в отдельных геометрических точках с нулевой площадью, на которых микробы не задержатся. Разумеется, это шутка Н. М. Сидоровой. Но данную модель, как явствует из текста, она ценит по-настоящему. Вопрос – почему подходящей она считает именно ее, а не более совершенные математические модели, которые описывают взаимодействие тел с учетом их разных характеристик (например, упругости) и позволяют рассчитать поверхность их контакта в разных условиях (а значит, кстати, оценить и количество микробов)? Ответ дан выше: парадигмальный выбор сторонников Канта – редуцирующая простота в ущерб адекватности. Учет сложности взаимодействий (между физическими объектами, между моральными субъектами) представляется им уступкой здравому смыслу, снижающей уровень теории. А неспособность (неготовность, нежелание) учесть эту сложность рассматривается как достоинство. Сторонники Канта с гордостью подчеркивают, что они и не должны учитывать реальность, поскольку сущее не тождественно должному. На самом деле они отказываются учитывать не реальность, а сложность.

Попытка сторонников Канта перейти к более сложной математической теории связана с не имеющей непосредственного отношения к Канту моделью двух этических систем В. А. Лефевра. Она «дает достаточно подробную классификацию нормативных человеческих характеров в каждой этической системе и указывает на связь типа системы с нормативной оценкой комбинации добра и зла» (Лефевр, 2002, с. 24–26). Герой 1-й этической системы склонен к жертвенному компромиссу, а герой 2-й – к жертвенной борьбе. Для 1-й системы характерен запрет зла, например: «не лги», для 2-й – призыв к добру: «будь правдив» (в модели вводится принципиальное различие между этими двумя требованиями). Приверженец 1-й этической системы будет вести переговоры с террористами, захватившими небольшой самолет (Лефевр, 2003, с. 119), и не будет на переговорах лгать.

Но на настоящий момент В. А. Лефевр в своей модели не дает развернутых логико-математических выводов о том, как будет вести себя приверженец 1-й этической системы (и не изменится ли сама эта система) в ситуации атакующего массового зла, уже делом доказавшего свою готовность к массовым убийствам. Ведь даже аллегорический дракон В. А. Лефевра – это не серийный убийца (а такое

миролюбие для драконов скорее редкость). Он убил только одного человека, вышедшего ему навстречу из города, сразу исчез и больше никогда в истории не появлялся (Лефевр, 2002, с. 24–26). Террористы в примере захватили небольшой (!) самолет, и ничего не говорится о том, убили ли они кого-нибудь и собираются ли убивать вообще. А среди нормативных индивидов, выделяемых в теории В. А. Лефевра, есть 4 типа – жертвенные индивиды (святой и герой), нежертвенные индивиды (обыватель и лицемер), но серийные убийцы, объединившиеся в группы, здесь опять-таки не представлены.

Соответственно, у нас нет информации, что математическая теория рефлексии В. А. Лефевра скажет, например, о нравственном поведении домохозяйки при столкновении с нацистом из примера Макинтайра. Домохозяйка знает состояние мира (нацисты уже совершили множество массовых убийств, они это не скрывают, а делают подчеркнуто демонстративно) и рефлексиирует свои этически-просветительские возможности в отношении вразумления нациста (свои возможности изменения «доктрины противника посредством его обучения», в терминах В. А. Лефевра). У нее есть все основания полагать, что в своей практике геноцида он сталкивался с самыми разными аргументами, но раз он теперь здесь, перед ее домом, и задает свой вопрос о детях, эти аргументы его не убедили. Как такая рефлексия домохозяйки повлияет на ее моральный выбор? С одной стороны, если она – приверженец 1-й этической системы, то должна вступить в переговоры и не лгать. С другой стороны, опять-таки как приверженец 1-й этической системы она убеждена, что даже «одно убийство ради счастья всего человечества есть зло.., отказ от убийства, даже если это убийство может принести счастье всему человечеству, есть добро» (Лефевр, 2003, с. 145), а сказать правду нацисту означает способствовать убийству ребенка (по условиям, она приверженец 1-й этической системы, а они, как впрочем и приверженцы 2-й, вовсе не являются одновременно и сторонниками аргументации Канта об отсутствии закономерных связей между действиями и их последствиями). Для приверженца 1-й этической системы здесь явно должна возникнуть дилемма, возможно, неразрешимая, и это требует особого рассмотрения.

Отдельный вопрос – соотношение типов, выделяемых в этических системах В. А. Лефевра, и моральных субъектов по Канту. Н. М. Сидорова пишет, что в модели В. А. Лефевра для выживания социума нужна критическая масса приверженцев 1-й этической системы. Но, апологизируя этику Канта, она не ставит следующего

вопроса: какая критическая масса моральных субъектов, готовых – следуя Канту – при необходимости столкнуть утопающего с доски, лгать, спасая свои ценности и т. д., для социума губительна?

Таким образом, в какой степени математическая модель В. А. Лефевра подтвердит или опровергнет редуцирующую простоту идей последователей Канта, остается под вопросом.

Несмотря на тенденцию использования математических моделей, метафор и аллегорий, сторонники Канта почему-то не предлагают математических обобщений непосредственно для рассматриваемого случая Канта – тех самых обобщений, которые позволяют все четче и острее моделировать «каркас ситуации предельного выбора» и лучше узнавать, «выдержит ли внутренняя конструкция категорического императива такое испытание – говорить правду всем, всегда и везде, не взирая ни на какую опасность». Мне кажется важным предложить одно из таких обобщений, сыграв по правилам логики сторонников Канта. Оно не абсолютно предельно (возможности еще есть), но по отношению к нему случай Канта является лишь конкретизацией. Возврат к этому случаю при отказе от предлагаемого обобщения представлялся бы проявлением логической непоследовательности и морального релятивизма, когда отбираются те или иные частные ситуации, а стоящая за ними сущность игнорируется (этот упрек полностью аналогичен тому, который сторонники Канта выдвигают против его оппонентов: не надо, мол, пытаться обосновать особость случая со злоумышленником в ряду других случаев лжи, осуждаемых Кантом, например, лжи заемщика кредитору.) Будем надеяться, что сторонники Канта не начнут вдруг сами настаивать на особости случая Канта в ряду предлагаемых ситуаций.

Итак,

Обобщенное следствие Канта для множества друзей (для N друзей)

Если некто знает о расположении своих друзей, прячущихся от убийц в разных местах, то каждый раз, когда убийцы являются к нему с честным сообщением об очередном убитом друге, материальными подтверждениями убийства и вопросом, где находится следующий ($k+1$ -й) друг, обещая его тоже убить, то этот некто, будучи не в состоянии ни предупредить будущих жертв (находясь, например, в заточении), ни уклониться от ответа, должен честно отвечать на вопрос (ибо запрет на ложь абсолютен и лгать нельзя никому и никогда).

Процедура повторяется до тех пор, пока не кончатся все друзья.

Ситуация оказывается особенно трагичной, если этот некто – друг всему человечеству, каким и должен быть моральный, по Канту, субъект.

Представляется, что данное обобщенное следствие важно сразу во множестве отношений.

Оно хорошо иллюстрирует тезис Канта: «Правдивость в высказываниях, от которых нельзя уклониться, есть формальный долг человека по отношению ко всякому, *сколь бы велик ни был вред, проистекающий от этого для него или для кого-то другого*» (цит. по: Васильев, 2008, с. 145; курсив мой. – А. П.). В. В. Васильев, который привел эту цитату, предлагает повторить ее несколько раз, чтобы понять ее смысл. Предлагаемое обобщение отчасти поможет этому пониманию.

Также данное обобщение позволяет непосредственно, с математической точностью иллюстрировать рассуждение, что человек, который в описываемой ситуации начнет говорить неправду хотя бы после 100-го убитого друга, так же не соответствует нравственному идеалу, как и тот, кто оказался слаб духом и солгал сразу о 1-м друге, – ведь тот, «кто находится за сто стадий от Каноба или за одну стадию от Каноба, те одинаково не находятся в Канобе».

Сторонники Канта также могут попробовать обосновать тезис, что приверженец 1-й этической системы и в такой предельной ситуации ни разу не солжет о местонахождении своих друзей, и внесут тем самым вклад в математическую теорию В. А. Лефевра.

Вообще, поклонники математических идеализаций и совершенных фигур, относительно которых проводится строгое доказательство, смогут на новом уровне подтвердить свою мысль, что нельзя менять аксиоматику «не лги», подгоняя ее под наличную ситуацию, а ориентироваться на здравый смысл означало бы отказаться от величайших достижений человечества.

В связи с этим можно сказать лишь, что если из моральной аксиоматики вытекают такие следствия, значит, есть по-настоящему большие проблемы с данными аксиомами как системой.

Наконец, предлагаемое обобщение позволит сторонникам Канта поднять на новый уровень аргументацию агностицизма и познавательного релятивизма о случайности и катастрофичности инициированных событий в случае лжи уже серийным убийцам людей, и, соответственно, о череде чудес в случае, если персонаж будет с этими убийцами правдив.

Цена апологии кантовского эссе

Сочетание наибольшего восхищения «замечательным эссе» Канта с наиболее далеко идущими обвинениями в адрес его оппонентов представлено в статье Н. М. Сидоровой, и на нем нельзя не остановиться особо. Это мы и сделаем.

Первоначально апология не очевидна. Прочитав название статьи «Когда Кант будет услышан и сколько за это надо заплатить?», читатель, знающий предмет, вправе задуматься – что именно автор имеет в виду. Возможно, автор задается вопросом: что произойдет, если всеми будет услышан тезис Канта о необходимости сбрасывания невинного утопающего с доски, и сколько надо заплатить, чтобы все люди прониклись содержанием этого тезиса? Или – какова может быть цена всеобщей, освященной авторитетом Канта готовности использовать вероломные приемы, не связанные с вербальной ложью? Или, может быть, Н. М. Сидорова собирается доказать, что кантовский тезис о справедливости обмана обманщика принципиально противостоит афоризму матери Терезы, сказавшей: «Если вы честны и откровенны, то люди будут обманывать вас. Все равно будьте честны и откровенны», и проанализировать цену этого противостояния?

Но после короткого введения с шутивным доказательством, что мыть грязное необязательно, и обоснования необходимости абстрагирования от здравого смысла цель автора проясняется. Эта цель – представление этики Канта как безупречной с точки зрения высших нравственных оценок и способной служить нравственным образцом при построении будущего счастья человечества. Понятно, что для достижения этой непростой цели Н. М. Сидорова должна использовать определенные средства. Основным (хотя и не единственным) средством оказалось *полное умолчание о каких бы то ни было противоречиях в этике Канта*, создание впечатления единства и стройности самой этой системы и ее единения, например, с позицией матери Терезы. Это – та цена, которую Н. М. Сидорова платит за то, чтобы лучше донести свои идеи о необходимости абсолютной искренности и правдивости до читателя.

Об уровне научной логики и последовательности при аргументации тех положений, которые представлены для обсуждения, свидетельствует следующий фрагмент статьи с примером декабристов (видимо, его Н. М. Сидорова «слезным» и оценочно перегруженным не считает – в отличие от примеров, приводимых оппонентами Канта).

«Декабристы на допросах называли имена других участников заговора не из трусости и подлости, а от внутренней невозможности солгать... Число пострадавших... возрастало. Но для декабристов ложь, тем более своему государю, вызвала крушение всего мира ценностей, моральную гибель... В советское время факт массовых признательных показаний декабристов во время дознания никогда не афишировался в школьных учебниках и всегда вызывал недоумение: как могли герои 1812 г. дать такую слабину, стать предателями собственных друзей? Наше непонимание их мотивов показывает, сколь сильно изменилась моральная аксиоматика общества с той поры. Как должны были измениться мы сами, чтобы считать виновным... в несправедном приговоре – прямодушного свидетеля..?» (Сидорова, 2008, с. 184–185)*.

Представляется, что нравственная обязанность специалиста по Канту, по теме правдивости и обмана, должна была состоять здесь в том, чтобы проанализировать и выразить отношение к двум следующим альтернативам.

- а) Нереализованная альтернатива: подобно Канту, который пошел на обманную уловку во взаимодействии с монархом, спасая возможность своего интеллектуального творчества, декабристы тоже могли бы все-таки пойти на какие-то обманные уловки, спасая своих соратников от государева смертного приговора, и в этом не было бы ничего предосудительного, раз уже такое делал философ – автор образцовой этической системы.
- б) Декабристы на обманные уловки с государем в реальности не пошли (кто знает, может быть, и прочитав кантовское эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия»), а сам Кант пошел – следовательно, у него более низкие представления о чести, и он – представитель 2-й, критикуемой, этической системы по В. А. Лефевру.

Но Н. М. Сидорова, осуществив, очевидно, скрытую релятивизацию оценок, умалчивает о необходимости этого принципиально важного сопоставления.

Далее, по Н. М. Сидоровой, защита права обмануть военного противника – черта 2-й этической системы. Но, насколько известно,

* Вплетенное автором в цитируемый фрагмент обсуждение Содержини мною пропущено и не анализируется из-за ограниченного объема статьи.

никто из участников войны 1812 г., в том числе и будущие декабристы, не осудил маневры Кутузова. Один из самых известных – Тарутинский маневр – состоял в том, что основная часть русской армии после битвы под Москвой скрытно отошла к селу Тарутино, чтобы перехватить французские войска при будущем отступлении. Для прикрытия этого маневра небольшая часть русской армии совершила свой обманный маневр – она имитировала арьергард отходящей русской армии, заманивая собой французские части по другому направлению. Надо ли это осуждать? И что надо было бы сказать о чести русского офицера, который, попав в плен, честно и прямодушно ответил бы на вопросы об этом обманном маневре?

Наконец, чтобы утверждать, что моральная аксиоматика изменилась, нужно сравнивать не моральные принципы наиболее нравственно развитого слоя одного исторического периода (декабристов) с уровнем нравственности цензоров школьных учебников другого (советского) периода (да и в XIX в. цензоры по своим моральным установкам представляли собой особую группу), нужно сравнивать моральную аксиоматику в сопоставимых социальных группах, и т. д. – описание противоречий и в этом фрагменте статьи, и в других можно продолжать.

Помимо апологии кантовского эссе, вторая масштабная цель статьи Н. М. Сидоровой – обосновать глобальный тезис о том, что сторонники права на оборонительную ложь, «ложь во спасение», ведут дело ко лжи «злонамеренной, разведывающей все социальные структуры как неизлечимый рак» (Сидорова, 2008, с. 185), к политическим репрессиям и кровавым войнам. А именно, Н. М. Сидорова пишет: «Все самые страшные военные и политические катастрофы XX в. оказались возможными именно потому, что общество утратило иммунитет против использования морально запрещенных средств ради благих целей. Но связь между отказом от бескомпромиссной кантовской позиции и кровавыми войнами XX в. не всеми осознана. Что еще должно случиться, чтобы всем стало ясно, что лгать нельзя никому и никогда? <...> на коротком промежутке принятия индивидуального морального решения Кант слишком много требует от грешного человека и слишком мало обращает внимания на страдания его близких и потому не прав в глазах общественного мнения. Но на сколько-нибудь длительном историческом отрезке он побеждает с явным преимуществом» (там же).

Здесь приходится с искренним сожалением констатировать, что далеко не всеми (по крайней мере, не Н. М. Сидоровой) осо-

знана и другая связь – связь между бескомпромиссной кантовской позицией, войнами⁷ и репрессиями.

Н. М. Сидорова словно не знает о величине вклада в массовые репрессии людей, совершенно искренне веривших в победу с явным преимуществом пропагандируемого ею взгляда «с точки зрения вечности», в то, что лучше быть другом будущему человечеству, а не другом конкретным людям здесь и сейчас, и в то, что не следует обращать внимания на сегодняшние страдания близких, поскольку стоят более перспективные задачи и цели. Нужно подчеркнуть – это были честные и очень бескомпромиссные люди.

Именно эти реальные люди, бескомпромиссно следующие долгу правдивости и служения будущему счастью человечества, выступали прототипами для художественных произведений – например, для многократно переизданной, поставленной на сценах многих театров, несколько раз экранизированной и т. д. пьесы А. К. Тренева «Любовь Яровая» (1927). Кульминация пьесы: главная героиня Любовь Яровая, отвечая на вопрос, обращенный не к ней, а к другому персонажу, по собственной инициативе выдает красноармейскому патрулю мужа-белогвардейца, скрывающегося у нее в доме. На реплику комиссара: «Спасибо, я всегда считал вас верным товарищем» она отвечает: «Нет, я только с нынешнего дня верный товарищ».

И это не литературное преувеличение – друзей и родственников предавали в руки тогдашнего «правосудия» и люди, искренне верившие, что этого требует долг, а не только мерзавцы, решавшие свои корыстные задачи и сталкивавшие ближних с досок при малейшей необходимости.

В целом, создается впечатление, что Н. М. Сидорова не понимает следующего: убеждение в том, что лучше быть другом конкретным людям и пытаться спасти их от смерти сейчас, чем быть другом будущему человечеству в целом, развилось и окрепло в результате столкновения с кровавыми последствиями дел тех, кто честно и бескомпромиссно действовал на благо человечества, игнорируя страдания и смерти ближних. Это убеждение наиболее ясно выражено в тезисе Ф. М. Достоевского о невозможности построения счастья мира даже на одной слезинке ребенка.

* «В своей теории международных отношений он [Кант. – А. П.] допускает оправданность даже превентивной войны против государства, чьи намерения совершить агрессию подтверждаются исключительно наращиванием военной мощи» (Прокофьев, 2008, с. 84). Интересно, что по этому поводу сказала бы мать Тереза.

Но Н. М. Сидорова знает, что будущее счастье человечества заслуживает того, чтобы часть ближних сейчас пострадала. Она критикует как утилитаристские представления о том, что «небольшая ложь ради спасения бесценной и неповторимой жизни – не такая уж и большая цена» (Сидорова, 2008, с. 184).

Запишет ли Н. М. Сидорова Фазилю Искандера с его описанием крота и удава в приверженцы 2-й этической системы, из-за которых, как она гневно пишет, «мы имеем то, что мы имеем: такую историю, такой народ, таких правителей, коллег и соседей» (там же), в оппоненты Канта, которые, по ее убеждению, могут предъявить только «избирательное правосудие, коррупцию, политические репрессии и бесконечные войны, освященные правительственной ложью» (там же, с. 185–186)? Или она сочтет, что просто Фазилю Искандер не занимает рефлексивной позиции по проблемам нравственности и работает на коррупцию, репрессии и правительственную ложь бессознательно, по неведению? Ее точку зрения по этому вопросу мы пока не знаем. Зато мы знаем, что Н. М. Сидорова видит причину социального рака – отказ от бескомпромиссной кантовской позиции. Этому оптимизму можно отчасти позавидовать. Я доверяю тем специалистам-биологам, которые подчеркивают сложность и многоуровневость причин даже более простого, медицинского рака. Что касается рака социального, мне кажется, что одним из его признаков (не причин) являются ситуации, когда сторонник абсолютности какого-либо принципа начинает доказывать, что противники его абсолютности, аргументированно доказывающие свою точку зрения, – источник социального рака.

Впрочем, практика показывает, что при развитых формах этой социальной болезни непримиримые и бескомпромиссные идейные противники оказываются объединены в эмпирической реальности одной палубой «философского парохода», общим вагоном, тюремной камерой, стенкой, перед которой надо встать в последний раз, газовой камерой.

Не думаю, что мое отношение к массовым репрессиям хоть на йоту отличается от отношения Н. М. Сидоровой. Именно поэтому с не меньшей силой, чем она, я хочу, чтобы учение Канта было услышано, понято и заняло то место, которое должно занять. А это место определяется, наряду с величайшими достижениями мысли Канта еще и неспособностью и нежеланием различать жертву и злодея, нациста и убиваемого им ребенка, бескомпромиссной готовностью говорить правду, сколь бы ни был велик вред от этого

другим, и так же бескомпромиссно лгать, если речь идет об избегании ущерба тебе самому, множественными нравственными (точнее, безнравственными) системными противоречиями и парадоксами, свидетельствующими об игнорировании не только здравого смысла, но и своих собственных теоретических положений.

Что касается непосредственных следствий в эмпирической реальности, я опасаясь следующего. Как пишет Н. М. Сидорова, в своей педагогической деятельности со студентами и школьниками она разбирает эссе Канта и отстаивает свою позицию, хотя с ней и соглашается лишь небольшая часть слушателей. Я по-настоящему боюсь, что кто-то из них, поддавшись полемическому запалу Н. М. Сидоровой («Лгать нельзя никому и никогда!», это «предельное основание культуры» и т. д.), совершит безумие. Исполняя долг правдивости и повышая свою самооценку, он соберет-таки волю в кулак и сообщит преступнику правду, которая нужна тому для преступления (за исключением, конечно, информации о близких родственниках, как подчеркивает Н. М. Сидорова). Такая правдивость будет идти вразрез с рекомендациями учебников по безопасности жизнедеятельности: обманывать в случае необходимости подозрительных лиц – говорить незнакомцам, что в доме есть люди, хотя их там нет, и т. д. Но авторы данных учебников – известные утилитаристы, им бы все спасать да спасать жизни детей, не думая о будущем благе человечества. Учебный курс Н. М. Сидоровой может показаться кому-то из слушателей эмоционально убедительнее и привлекательнее, чем школьные руководства, и он решится «мужественно сказать невыгодную правду». Я понимаю, что для сторонников взгляда «с точки зрения вечности» будущее счастье человечества стоит того, чтобы заплатить и эту цену.

Заключение

В данной статье мы развернули аргументацию, свидетельствующую, что сторонники кантовской точки зрения – «абсолютисты» осуществляют мощную и масштабную релятивизацию максимы правдивости и занимают как по ряду теоретических положений, так и по множеству конкретных случаев более конформистскую позицию по отношению ко лжи и обману, чем оппоненты Канта – «релятивисты».

Противостояние «абсолютистов» и «релятивистов» в полемике о нравственном принципе правдивости можно интерпретировать с разных точек зрения. Представляется, что одна из таких возможных точек зрения, пока мало или совсем не затронутая в обсужде-

нии – рассмотрение данной полемики как диалога сторонников *редукционистского* и *холистического* (целостного) методологических подходов, но с важными дополнениями, о которых будет сказано ниже. Понятие «редукционистский» используется здесь не в отрицательном, а в нейтральном оценочном смысле – как характеристика общих методологических установок и используемого исследовательского аппарата. В дальнейшем рассуждении я пытаюсь занять позицию как бы со стороны, пытаюсь отстраниться по возможности и от своей приверженности холистическому подходу, и от убежденности, что кантовское правило не лгать насыщено противоречиями на теоретическом уровне и может вести к трагедиям в эмпирической реальности. Но делаю это с пониманием, что полное абстрагирование от уже осуществленного парадигмального и мировоззренческого выбора, естественно, невозможно.

Редукционистский подход исходит из существования немногих принципов, из которых можно вывести *все* более конкретные принципы и частные случаи. Здесь доминирует дедуктивный стиль мышления, идущий от общего правила к конкретным случаям и «противящийся» случаям, которые под правила не подпадают. Индуктивные рассуждения рассматриваются как методологически предосудительные, низкого уровня. Рассмотрение сложных взаимодействий минимизируется или не осуществляется вообще – например, за счет того, что в явном виде вводится аксиома отсутствия взаимодействий между изучаемыми сущностями. В системе Канта не могут конфликтовать между собой абсолютные обязанности; в современной теории принятия решений, реализующей редукционистский подход, имеется аксиома, которая исключает возможность взаимодействия между исходами (последствиями) (Козелецкий, 1979, с. 95), и т. д.

Холистический подход стремится охватить в целостной картине все многообразие объектов, их связей и взаимодействий, в том числе и тех, которые выглядят конфликтующими, противоречивыми и взаимоисключающими, что создает многозначный контекст (В. С. Ротенберг). Индуктивные рассуждения не считаются более низкими по уровню, чем дедуктивные. Предмет отрефлексированного интереса – отклонения от априорно заданной схемы и общих правил, непредсказуемость. Особое внимание уделяется сложным взаимодействиям.

Важно подчеркнуть, что предпосылкой мощного развития редукционистских подходов в Новое время в разных областях было яв-

ление, которое лауреат Нобелевской премии И. Пригожин называет господством «иллюзии универсального». Это иллюзия возможности существования единой, «божественной» точки зрения, «с которой открывается вид на всю реальность», и иллюзия возможности существования единого, универсального, самого совершенного метода, применимого к любым областям, объектам, процессам и состояниям (Пригожин, Стенгерс, 1986, с. 289). Идеалом для всех наук до середины XIX в. служила механика Ньютона. «Имя Ньютона стало нарицательным для обозначения всего образцового.... стратегия Ньютона состояла в вычленении некоторого центрального твердо установленного и надлежаще сформулированного факта и в последующем использовании его как основы дедуктивных построений относительно данного круга явлений» (там же, с. 70). Таким образом, «иллюзия универсального» основывалась на механистическом детерминизме (Рузавин, 1999).

Как показывает К. Глой, и преимуществом, и недостатком редукционистского подхода и порождаемых им систем статического, инвариантного типа является то, что они создают более однозначные, простые, внутренне непротиворечивые модели реальности. Принципиальной слабостью таких инвариантных систем является непреодолимый разрыв между бесконечным богатством изменяющейся реальности и идеализирующим понятийным единством, простотой и точностью.

Как попытка преодоления недостатков систем статического типа возникли теория динамических систем, науки о сложности (complexity sciences), развивающие холистический подход. Исследователи, использующие его аппарат, способны конструктивно, не впадая ни в сверхдетерминизм, ни в агностицизм, работать с понятиями неопределенности, нестабильности, непредсказуемости и рассматривать множественные взаимодействия. Однако решающее обоснование преимуществ подхода динамических систем тоже невозможно, поскольку упирается в свой парадокс: совокупное множество всех динамических структур есть одновременно и структура, и неструктурированная предпосылка структуры (Глой, 1994, с. 94–105). Таким образом, проблема решающего преимущества того или иного из этих подходов, берущих свое начало еще в трудах древнегреческих философов, не имеет решения. Оба подхода отражают определенные аспекты изучаемой реальности и являются взаимодополнительными по отношению друг к другу. Поэтому *холистический подход всегда включает*

и редуccionистские стратегии, а редуccionизм – холистические (Поддьяков, 2007).

Несмотря на эту взаимодополнительность, определенные противоречия между данными подходами являются мировоззренческими, парадигмальными, и поэтому их представителям крайне сложно договориться друг с другом – даже в области естественных наук, где критерии принятия решений кажутся проще. В полемике же о нравственном правиле правдивости методологическое противостояние редуccionистского и холистического подходов по ряду позиций усилено, умножено, возведено в степень противостояния нравственных ценностей. Принципиальный элемент глобального противостояния: сторонники Канта считают, что лучше быть другом будущему человечеству, чем другом конкретным людям здесь и сейчас, оппоненты – что лучше быть другом конкретным людям, чем другом будущему человечеству. И те, и другие убеждены, что нравственную цель нельзя достигать безнравственными средствами, но в силу различий в иерархии нравственных ценностей каждая сторона считает, что ее оппоненты пытаются плохими средствами достичь сомнительных целей (в лучшем случае – ошибочно поставленных).

При этом данный диалог-противостояние^{*} можно считать конструктивным. Мне представляется очень важным положение А. П. Скрипника о том, что нравственность – не заверченный продукт, а активность, творческий поиск, творческая деятельность; она основана не на абсолютах в готовом виде, а на становящихся абсолютах.

Б. Г. Капустин также пишет, что моральные абсолюты – результат бесконечного исторического экспериментирования, осуществляемого в деятельности людей. Но при этом он подчеркивает неустранимую логическую и генеалогическую зависимость релятивизма от абсолютизма, состоящую в том, что лишь после формирования абсолюта возможна его релятивизация. Это положение можно дополнить другим – о неустранимой зависимости абсолютизма от релятивизма, и подтверждения этой зависимости рассмотрены в представленной нами статье.

Постоянно идущее становление нравственного абсолюта осуществляется не только за счет того, что «абсолютисты» сохраняют

* Противостояние как форму диалога между культурами анализирует И. Яковенко (см. Яковенко И. В чем ошибся Хантингтон? (Монолог культуролога) // Знание – сила. 2002. № 1. С. 11–19. http://www.znanie-sila.ru/online/issue_1520.html).

и охраняют абсолют от разрушения, а «релятивисты» его размягчают и разрушают, что кажется очевидным. Дело обстоит сложнее и интереснее. «Абсолютисты» сами работают и на сохранение абсолюта, и на его релятивизацию, размывание, разрушение. А «релятивисты» не только разрушают, но и защищают нравственные принципы от релятивизации и разрушения «абсолютистами».

Имеющую место полемику можно рассматривать как одну из необходимых составляющих этой творческой деятельности.

Литература

- Апресян Р. Г. Комментарии к дискуссии // Логос. 2008а. № 5. С. 196–197.
- Апресян Р. Г. О праве лгать // Логос. 2008б. № 5. С. 4–18.
- Артемяева О. В. Об оправданности лжи из человеколюбия // Логос. 2008. № 5. С. 40–59.
- Баранцев Р. Г. Предисловие // Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. М.: УРСС, 2003. <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?sp=&lang=Ru&blang=ru&list=1&page=Book&id=7405>.
- Васильев В. В. Маргиналии к работе Канта о мнимом праве на ложь // Логос. 2008. № 5. С. 144–150.
- Глой К. Проблема последнего обоснования динамических систем // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 94–105.
- Гусейнов А. А. Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо // Логос. 2008. № 5. С. 103–121.
- Дубровский Д. И. К вопросу о добродетельном обмане // Логос. 2008. № 5. С. 19–22.
- Зубец О. П. Ложь как самоустранение // Логос. 2008. № 5. С. 91–102.
- Искандер Ф. Кролики и удавы. <http://lib.ru/FISKANDER/kroliki.txt>.
- Калинников Л. А. Кант в русской философской культуре. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.
- Кант И. Лекции по этике. М.: Республика, 2005.
- Кант И. Метафизика нравов. В 2 ч. Ч. I // Кант И. Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965.
- Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Трактаты и письма / Ред. А. В. Гулыга. М.: Наука, 1980. С. 232–237.
- Капустин Б. Г. Критика кантовской критики «права лгать» // Логос. 2008. № 5. С. 122–143.
- Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.
- Кузьминов Я. И., Юдкевич М. М. Курс лекций по институциональной экономике. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

- Лефевр В. А. Алгебра совести. М.: Когито – центр, 2003.
- Лефевр В. А. Стратегические решения и мораль // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. http://www.reflexion.ru/Library/Lefebvre_2002_1.htm.
- Линия Урана // Знание – сила. 1996. № 8. http://www.znanie-sila.ru/news/issue2print_60.html.
- Логос. 2008. № 5. http://www.prognosis.ru/logos/5_2008.pdf.
- Мерезковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000.
- Поддьяков А. Н. Ориентировочная и дезориентирующая основы деятельности: иерархии целей обучения в конфликтующих системах // Вопросы психологии. 2002. № 5. С. 79–89. <http://hse.ru/data/956/913/1235/orientation.doc>.
- Поддьяков А. Н. Сравнительная психология развития Х. Вернера в современном контексте // Культурно-историческая психологии. 2007. № 1. С. 63–71. http://hse.ru/data/138/913/1235/сравнительная_психология.doc.
- Поддьяков А. Н. Философия образования: проблема противодействия // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 119–128. <http://hse.ru/data/884/913/1235/philosophy.doc>.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
- Прокофьев А. В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль. Вып. 9. М.: ИФРАН, 2009. С. 122–145.
- Прокофьев А. В. Кант, обман, применение силы... // Логос. 2008. № 5. С. 60–90.
- Ротенберг В. С. Образ «Я» и поведение. http://rjews.net/v_rotenberg/book.htm.
- Рузавин Г. И. Концепции современного естествознания. М.: Культура и спорт, Юнити, 1999.
- Сидорова Н. М. Когда Кант будет услышан и сколько за это надо заплатить? // Логос. 2008. № 5. С. 179–187.
- Скрипник А. П. К проблеме лжи в этике И. Канта // Логос. 2008. № 5. С. 188–195.
- Соловьев Э. Ю. Человек под допросом (нелживость, правдивость и право на молчание) // Логос. 2008. № 5. С. 23–34.
- MacIntyre A. Truthfulness and Lies: What Can We Learn from Kant // MacIntyre A. Ethics and Politics: Selected Essays. V. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

РАЗДЕЛ II

НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А. В. Юревич, Д. В. Ушаков

Несмотря на докризисные экономические успехи, внутривосточную стабилизацию и другие позитивные тенденции последних лет, общее состояние современного российского общества выглядит неблагоприятным.

Так, количество убийств на 100 тыс. жителей в нашей стране сейчас почти в 4 раза больше, чем в США (где ситуация в данном отношении тоже очень неблагоприятна), и примерно в 10 превышает этот показатель в большинстве европейских стран (Лысова, Щитов, 2003). По количеству самоубийств наша страна в 3 раза опережает США, занимая второе место в Европе и СНГ не только среди населения в целом, но и среди молодежи в возрасте до 17 лет (в данном случае – после Казахстана)^{*}. По индексу коррупции за шесть лет (с 2002 по 2008 гг.) наша страна перебралась с 71-го на 147-е место в мире, а общий объем коррупционного оборота в России оценивается экспертами в 250–300 млрд долларов в год. Численность жертв несчастных случаев, таких как случайные отравления алкоголем и ДТП, по числу которых мы занимаем 1-е место в мире, свидетельствуют если не о массовом нежелании жить (психоаналитическая интерпретация подобных ситуаций), то, по крайней мере, о безразличном отношении многих наших сограждан к своей и к чужой жизни[†]. В совокупности приведенные, а также другие подоб-

* При этом по ряду причин, таких как стремление родственников представить самоубийство в качестве несчастного случая, недоучет самоубийств в российских регионах составляет порядка 13% (Мягков, Ерофеев, 2007). Наблюдаются и такие тревожные тенденции, как снижение среднего возраста совершающих самоубийства, совершение их все более жестокими способами и др. (там же).

† Ежегодное количество жертв ДТП в современной России превышает потери нашей страны за все годы Афганской войны, а ситуация на наших

ные данные выстраиваются в целостную картину (таблица 1), которая свидетельствует о болезненном состоянии нашего общества, и удивительно, что в общественном сознании они воспринимаются с меньшей остротой, чем, скажем, количество медалей, выигранных на Олимпиаде (что само по себе служит показателем состояния общества, равно как и одаривание дорогими автомобилями и без того небедных спортсменов-победителей).

Перечисленные в таблице 1 показатели дополняются другими данными, демонстрирующими, какое общество мы построили под красивыми лозунгами свободы и демократии:

- ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств и получают тяжкие телесные повреждения;
- каждый год от жестокости родителей страдают 2 млн детей, а 50 тыс. убегают из дома;
- ежегодно пропадают 25 тыс. несовершеннолетних;
- каждый год 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесенных мужьями;
- насилие над женами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвертой семье;
- 12% подростков употребляют наркотики;
- более 20% детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в России;
- около 40 тыс. российских детей школьного возраста вообще не посещают школу;
- темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения общего показателя преступности;
- в современной России насчитывается около 50 тыс. несовершеннолетних заключенных, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-х годов (Анализ положения детей в РФ, 2007).

Количественные данные, в свою очередь, могут быть дополнены хорошо известными бытовыми примерами, выражающими состояние современного российского общества. По-прежнему широко распространена практика криминальных «крыш», рейдерства, «черного риэлтерства», финансовых «пирамид», других видов мошенничества. Милиция находится в странных отношениях с пре-

---

дорогах характеризуется как «война на дорогах», «гражданская война» и т. п. (Максимова, 2007).

Таблица 1
Некоторые показатели состояния
современного российского общества, 2008 г.

Наименование показателя	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от убийств на 100000 жителей	16,7	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от самоубийств на 100000 жителей	27,1	2-е место в Европе и СНГ после Литвы, примерно на одном уровне с Беларусью и Казахстаном
Смертность от случайных отравлений алкоголем на 100000 жителей	16,9	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от дорожно-транспортных происшествий на 100000 жителей	16,9	2-е место в Европе и СНГ после Латвии
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	67,88	Последнее место среди развитых государств и европейских стран с развитой и переходной экономикой
Естественный прирост населения на 1000 жителей	-2,5	7-е место с конце среди стран с развитой и переходной экономикой (перед Болгарией, Украиной, Беларусью, Венгрией, Латвией, Литвой)
Число детей, оставшихся без попечительства родителей на 100000 жителей	88,8	2-е место в Восточной Европе и СНГ после Эстонии
Количество разводов на 1000 жителей	5	1-е место среди стран с развитой и переходной экономикой
Число аборт на 1000 женщин (в возрасте 15-49 лет)	36	1-е место в Восточной Европе и СНГ
Доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в браке (%)	26,9	13-е место в Восточной Европе и СНГ
Индекс Джини (индекс концентрации доходов)	0,422	1-е место среди стран с развитой и переходной экономикой
Индекс коррупции, 2009 (от 0 до 10 баллов, чем выше балл, тем ниже уровень коррумпированности)	2,2	146 позиция в мире (рядом с Украиной, Кенией, Камеруном, Эквадором, Зимбабве, Сьерра-Леоне) из 180 возможных

Источники: (Доклад о развитии человека, 2009; Российский статистический ежегодник, 2009; Transparency International <http://www.transparency.org/>, 2009).

ступным миром, мало напоминающих бескомпромиссную борьбу с ним, и постепенно превращается в коммерческую структуру по платному возбуждению и закрытию уголовных дел. В школах продаются наркотики. Публичная речь, в том числе на телевидении и радио, изобилует матом и блатным жаргоном. Бомжи стали непременным атрибутом вокзалов и других публичных мест. Интернет переполнен фильмами, где в деталях показано, как ученики избивают своих учителей. Пожилых людей сотнями убивают ради того, чтобы завладеть их квартирами^{*}. Пьяные матери выкидывают в окна своих младенцев. Существует (в XXI в.!) и такое явление, как рабство и работорговля, причем в прямом, а отнюдь не в метафорическом смысле слова. Развязно-агрессивные юнцы демонстративно не уступают места в транспорте пожилым людям, а порой и способны убить за сделанное им замечание – как в г. Кольчугино, где компания подонков, распивавшая водку на мемориале героям Великой Отечественной войны, убила и сожгла на Вечном огне человека, попытавшегося их усюветить. Широко распространены секты, практикующие помимо всего прочего и человеческие жертвоприношения. А типовой реакцией значительной части нашей молодежи на гибнущего рядом человека стал... хохот.

Все это – не сцены из фильма ужасов, а наша жизнь, наше общество, причем поражают не только сами подобные явления, но и терпимость к ним, их восприятие как привычных и непреодолимых, как нормы нашей жизни, а не как из ряда вон выходящих. О. Т. Богомолов пишет: «Ежедневно сталкиваясь с вопиющими фактами беззакония и произвола, люди утрачивают остроту реакции на них, постепенно проникаются безразличием к происходящему» (Богомолов, 2008б, с. 19). А К. Н. Брутенц отмечает, что «*Россияне почти без всякого протеста и нравственного неприятия* (курсив мой. – А. Ю.) выживают в условиях тотальной коррупции, всеохватывающего взяточничества, сопровождающего едва ли не каждый их шаг, разгула криминалитета» (Брутенц, 2008, с. 396–397). При этом, как констатирует В. Е. Семенов, «создается впечатление, что ни в одной развитой стране мира нет ныне такой, нацеленной на моральную и физическую деградацию народа, свободной пропаганды пороков» (Семенов, 2008, с. 172), камуфлируемой под свободу и демократию. Так формируется *толерантность к злу* и смирение перед ним, способствующие его утверждению во все более

* По данным МВД на 1 июля 2009 г., за последние 15 лет найдены 11866 тел граждан, личность которых до сих пор не установлена.

бесчеловечных формах. Стираются и грани между добром и злом, что запечатлено, например, в очень популярном в отечественных телефильмах образе «хороших» бандитов, который, как показывают опросы и бытовые высказывания наших сограждан, пустил глубокие корни в нашем массовом сознании.

При всем разнообразии подобных явлений, а также процессов, характеризующих приведенными выше статистическими данными, их можно подвести под общий знаменатель, которым служит *моральная деградация* современного российского общества или, используя известное выражение Э. Гидденса, «испарение морали». О. Т. Богомолов отмечает, что «нарушения общественной морали, норм социальной справедливости, представлений о гражданской чести и ответственности встречаются у нас на каждом шагу» (Богомолов, 2008б, с. 19). А К. Н. Брутенц дает такую оценку современного российского общества: «Наше общество в нравственном отношении нездорово. Оно, по крайней мере в крупных городах – да и не только в них – в значительной мере развращено. Сегодня Россия – это страна, где взятка стала будничным делом, нормой жизни, почти не вызывающей протеста, где коррупция пронизывает государственный аппарат и сферу бизнеса, затрагивая то и дело рядового человека, впрочем, уже привыкшего к ней; где алкоголизм, наркомания, суицид служат „громоотводом“, средством избавления от тягот беспросветной жизни, а социальные контрасты достигли ошеломляющего уровня; где права трудящегося человека плохо или вовсе не защищены; где криминал чувствует себя довольно свободно, а личная безопасность граждан далеко не обеспечена, где обитают миллионы беспризорных детей и подростков, легион бомжей и проституток. Такая ситуация нетерпима, поскольку грозит распадом общества, его полной моральной деградацией» (Брутенц, 2008, с. 403).

В результате закономерно, что согласно социологическим опросам падение нравов воспринимается нашими согражданами как одна из главных проблем современной России, причем они констатируют «порчу нравов» в качестве одной из худших тенденций (Левашов, 2007). Закономерно и то, что наш прежний президент в одном из своих последних выступлений в этой должности обозначил моральное состояние современного российского общества как одну из его ключевых проблем. А то обстоятельство, что, например, по данным Института Гэллапа, около 80% граждан США тоже считают, что моральный климат в их стране деградирует, едва ли может служить для нас утешением.

Крайне тревожное нравственное состояние современного российского общества проступает также в социологических и психологических исследованиях. Часто констатируется и антагонистическое противостояние двух видов морали: морали богатого меньшинства и морали бедного большинства (Левашов, 2007), хотя, конечно, видов морали и их «антагонистических противостояний» в нашем социуме можно обнаружить намного больше.

Социологические исследования высвечивают разительный контраст между российскими и западными нормами поведения в общественных местах. Наши студенты и молодые специалисты, проходящие обучение в западных странах, отмечают, что там незнакомые люди улыбаются друг другу, «однако когда эту улыбку привозишь на родину, то чаще всего она не находит ответа, оказывается неуместной и постепенно исчезает» (Константиновский, Вознесенская, 2007, с. 107). А вот впечатление девушки, вернувшейся в нашу страну после зарубежной стажировки: «Все такие серые, злые, пихаются, толкаются, все ругаются. В метро, если час пик, то это битва и бойня. Меня это шокировало, и я вдруг поняла: «Боже мой! В какой стране я живу!»» (там же, с. 108).

И. В. Щербакова и В. А. Ядов изучали такую форму проявления вежливости, как придерживание двери в метро следом идущему пассажиру, у жителей Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и Будапешта. Наихудшие показатели продемонстрировали москвичи, а наилучшие – жители Будапешта, причем в Будапештском метро это чаще всего делала молодежь, а у нас – люди среднего и пожилого возраста. Некоторые российские респонденты сравнивали поездку в метро в час пик с борьбой за выживание, в которой другие пассажиры воспринимаются как конкуренты за место в вагоне (Щербакова, Ядов, 2007).

Канадские социологи в 2006 г. провели исследование, продемонстрировавшее, что по частоте случаев helping behavior, выражающегося в готовности помочь ближнему, Москва замыкает список из 48 вошедших в выборку городов мира (Щербакова, Ядов, 2007). Другие сравнительные исследования бытовой культуры также демонстрируют, что по уровню хамства, агрессивности и ненависти к себе подобным мы явно лидируем, причем наблюдается тенденция к «брутализации», т. е. к еще большему ужесточению нашей общественной жизни (закономерно, что термин «брутализация» занимает видное место в терминологическом аппарате отечественной социологии). «Брутализируется» все – от отношений между

супругами, нанимающими киллеров для выяснения внутрисемейных отношений, до способов совершения самоубийств. А около 50% наших сограждан признаются, что хамят окружающим регулярно, считая такое поведение социальной нормой, причем наиболее часто это делают молодые и хорошо обеспеченные люди (Климов, 2006).

Получены данные о том, что в нашей стране намного больше в сравнении, например, с США респондентов, утвердительно отвечающих на вопрос: «Может ли человек нарушать закон и при этом быть правым?» А число лиц, считающих, что законы нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах, т. е. подлинно законопослушных, по крайней мере, на словах, за последние 15 лет практически не изменилось и составляет 10–15% (Воловикова, 2004). В отличие от западных стран, где моральная и правовая социализация происходит в основном через подражание принятым в обществе нормам и законам, в нашей стране этот процесс либо «застревает» на начальной стадии, где послушание обеспечивается с помощью страха наказания, либо, минуя средний уровень, сразу «проскакивает» к высшему, характеризующемуся опорой на высшие этические принципы и совесть (там же).^{*} Аналогичные результаты дает изучение моральных суждений младших школьников, которые считают основными причинами отказа от совершения неблагоприятных поступков страх наказания и сочувствие, причем за последние 70 лет эта схема объяснения мало изменилась (Кравцова, 2005).

Зато изменилось другое. Опросы демонстрируют снижение удельного веса граждан, для которых приоритетными ценностями являются честность, порядочность, трудолюбие, вытеснение этих ценностей такими, как богатство и власть (Елецкая, 2009; и др.). А молодежь в ответ на вопросы социологов и психологов часто от-

* М. И. Воловикова, получившая эти результаты, опирается на классификацию Л. Колберга, который выделил 3 стадии освоения человеком моральных норм: 1) их соблюдение из страха наказания, 2) следование им из подражания другим – потому что все так делают, 3) соблюдение под влиянием внутренних этических принципов (Kohlberg, 1977). Идеи, аналогичные содержащимся в классификации Колберга, неоднократно высказывались и в философии. «Воздерживаться от проступков не в силу страха, а из чувства долга» призывал Демокрит (цит. по: Дробницкий, 2008, с. 252). А О. Г. Дробницкий так описывает механизм «интернализации» морали: «Индивид постепенно как бы вбирает в себя общественное осуждение и одобрение и сам становится их проводником» (там же, с. 252).

вечает, что вообще не использует такие понятия, как добро и зло, хорошее и плохое, предпочитая им категории «круто–не круто» и т. п., а встречая в формулировках вопросов слово «нравственное», нередко спрашивает, что оно означает.

Симптоматичные результаты дали психологические обследования ограниченно вменяемых правонарушителей. Оказалось, что под словом «свобода» они понимают пребывание вне условий заключения под стражу и/или освобождение из мест лишения свободы, а в экзистенциальном плане – как вседозволенность, свободу от нравственного и государственного контроля (Кудрявцев, 2007).

Налицо тенденция к экспансии такого понимания свободы на широкие слои нашего общества. Оно пустило глубокие корни в общественных настроениях, особенно в молодежной среде. Как подчеркивает В. А. Ядов, любой социальный порядок, любая социальная организация – это совокупность ограничений, заключающих индивида в пространство несвободы (Ядов, 2006). А ситуации неизбежного ограничения свободы, например, в школе или в вузе, где учащиеся вынуждены соблюдать определенные правила, воспринимаются многими из них болезненно в силу уже самого этого факта. Интернет-фильмы, где учащиеся избивают своих педагогов, – одна из характерных для нашего времени реакций на такое ограничение.

Социологи констатируют, что «сегодня, в условиях интенсивной экспансии уголовно-криминальной субкультуры в обыденную жизнь россиян у социума остается немного каких-либо социальных ограничителей, позволяющих противостоять этой экспансии. Нормативная система преступного мира, активно ретранслируемая через СМИ и продукцию массовой культуры, находит благодатную почву в обществе, испытывающем дефицит социальных ценностей (ценностную аномию), а традиционное для российской культуры непочтительное отношение к формально-юридическому закону только облегчает такое „вторжение“: сегодня в представлении многих граждан именно воровской закон олицетворяет собой справедливость» (Преснякова, 2006, с. 50). Характерны и такие утверждения социологов: «Элементы криминальной субкультуры сегодня так или иначе присутствуют во всех сферах жизни российского общества – от повседневной жизни до правил организации экономической и политической „игры“, от межличностных отношений до социальных институтов» (там же, с. 38), «Криминальная субкультура в последние годы масштабно проникает и в массовый

культурный продукт – художественные фильмы и сериалы, блатные песни, звучащие по радио, в ресторанах, кафе, транспорте, детективы и боевики (которыми завалены все книжные прилавки), даже в рингтоны для мобильных телефонов» (там же, с. 38) и т. п. Подмечено, что главный герой наших кинофильмов и сериалов – «хороший» бандит («Бумер», «Бригада», «Брат» и др.), а отнюдь не борец с криминалом. На наших телеканалах еженедельно выходит более 60 информационных выпусков, посвященных криминальным сюжетам. По данным опросов, больше половины наших сограждан систематически использует блатной жаргон (там же, с. 38), к которому регулярно прибегают и представители нашей власти, чем только повышают свои рейтинги.

Публичное обсуждение таких проблем, как отмена смертной казни и др., демонстрирует, что сейчас в нашей стране существует немало людей, которые подвергающимся наказанию преступникам сочувствует куда больше, чем их жертвам. Эта губительная для общества ситуация не только отражает последствия культа «хороших бандитов», характерного для начала 1990-х и все еще не отошедшего в прошлое, но и во многом обязана своим существованием нашим юристам, многие из которых в своих попытках однозначно решить традиционную российскую дилемму «по закону или по совести?» доходят до полного отрицания последней. Часто звучащая характеристика так называемых «высокооплачиваемых адвокатов» как «позора современной России» (это выражение, в частности, употребляет нобелевский лауреат В. Л. Гинзбург), как главной опоры криминального мира и т. п., не вполне справедлива хотя бы потому, что и в данной категории юристов встречаются самые разные люди, нравственная амбивалентность этой профессии достаточно очевидна. С одной стороны, адвокат профессионально (и материально) заинтересован доказать невиновность своего клиента, даже если хорошо знает, что он виновен. С другой стороны, если как человек он не полностью лишен нравственного сознания, в такой ситуации он не может не испытывать угрызений совести. Это создает классическую ситуацию когнитивного диссонанса, самый простой способ разрешения которого – «принижение значимости одного из соперничающих элементов» (Festinger, 1957), в данном случае – полное подчинение нравственности закону. Типовым результатом такого «отрыва» закона от морали служат абсолютно нелепые результаты его применения, например, случаи, когда за кражу банки огурцов из погреба соседки дают большой срок тюремного заключения,

чем за кражу из государственной казны нескольких миллионов долларов.

В подобных условиях наша страна не могла не стать благодатным местом для самых различных форм криминальной активности, таких как коррупция и мошенничество, многие виды которого, например, деятельность астрологов, хиромантов, колдунов и прочей подобной публики, практически легализованы и имеют самое широкое представительство в СМИ, прежде всего, на телевидении, где открыто провозглашаются такие формулы, как «сейчас важнейшей из всех наук является астрология». А так называемая борьба с организованной преступностью, вписывающаяся в известную фразу М. Жванецкого «это – не борьба, и это – не результат», выглядит как бессмысленный ритуал и сильно напоминает игру в поддавки с криминальным миром, видные представители которого, когда их все же удается привлечь к уголовной ответственности, очень быстро выходят на свободу за «примерное поведение», тут же возвращаясь к криминальной деятельности.

Крайне тревожную картину высвечивают и обследования современной российской молодежи, особенно «поколения Пепси» – «детей 90-х», впитавших атмосферу тех времен и характеризующихся такими качествами, как индивидуализм, завышенные притязания в сфере потребления, нежелание думать о будущем, нетерпимость к «моральным проповедям», неуважение к старшим, наглость, развязность, агрессивность и т. п. Молодежная культура формирует собственные нравственные нормы, по существу, анти-мораль, и весьма агрессивно отвергает моральные нормы старшего поколения. Ей, в частности, присуще отрицание статусных иерархий и авторитетов, что тоже было характерно для атмосферы нашего общества в начале 1990-х, когда прежняя статусная иерархия рухнула, а новая еще не сложилась, а СМИ и либералы-реформаторы формировали отношение к нравственным принципам как к «пережитку» советских времен, как к предрассудкам, которые препятствуют свободе, бизнесу и т. п. (вспомним внедрявшиеся ими в массовое сознание идеологемы: «нравственность препятствует экономическому развитию», «человек стоит столько, сколько он зарабатывает» и т. п.). Псевдолиберальная идеология начала 1990-х отчетливо запечатлена в психологии современной российской молодежи, хотя, к счастью, не всей.

Исследования показывают, что сейчас молодежь ведет себя более свободно и раскованно, нежели в советские времена (Фень, 2007),

однако эта свобода и раскованность часто перерастает в развязность и разнузданность, как выражаются некоторые журналисты, в «оскотинивание» молодежи. Симптоматично и то, что мат стал «рабочим дискурсом» значительной ее части, в том числе и представительниц прекрасного пола. Особенно удручает студенчество, интеллектуальная и культурная деградация которого более чем очевидна и, по-видимому, неизбежна в условиях как общей атмосферы нашего общества, так и появления избыточного количества «доморощенных» вузов, в которых сейчас учатся те, кто в прежние годы шел в ПТУ и техникумы.

Регулярно констатируется и демонстративное неуважение нашей нынешней молодежи к старшим по возрасту и социальному статусу. Широкое распространение приобрел такой феномен, как эйджизм, включающий негативные стереотипы в отношении старости и старения, а также соответствующие дискриминационные практики (Guddy, Fiske, 2004)^{*}. Психологи отмечают, что «в настоящее время в российском обществе сложилось устойчивое мнение об обострении взаимоотношений между возрастными поколениями, в частности между молодежью и пожилыми и старыми людьми» (Оглезнева, 2008, с. 136), что подтверждается данными многочисленных исследований. По данным опросов, примерно половина респондентов констатирует негативное отношение современной российской молодежи к старшему поколению и около 40% – отрицательное отношение старшего поколения к молодежи (Ежемесячный бюллетень..., 2009). Констатируется и то, что в современном российском обществе «интолерантность в отношении старости проявляется в нетерпимости к лицам пожилого возраста со стороны молодого поколения и общества в целом» (Петрова, 2008, с. 138). При этом «исследования показывают, что значительная часть аморальных поступков, совершаемых молодыми людьми, связана с их ориентацией на групповые нормы, которые вступают в противоречие с общественными» (Короткина, 2008, с. 34). Демонстративное хамство и неуступание мест старикам – это не случайность, а принципиальная позиция, созвучная известному высказыванию одного из идеологов наших реформ о том, что рыночное общество по-настоящему утвердится в России лишь тогда, когда «вымрет»

* Чаще этот термин применяется более широко – как обозначение любого предубежденного отношения к возрастным группам, в том числе и к младшему поколению.

старшее поколение. Не менее органично эту ситуацию иллюстрирует мысль о том, что нравственное состояние общества определяется его отношением к старикам и детям. В общем, разные звенья одной цепи здесь смыкаются воедино.

Исследования показывают также, что «молодые люди выражают неоднозначное отношение к необходимости соблюдения социальных норм» (Шустова, Гриценко, 2007, с. 55). Хотя количественно преобладают те, кто, по крайней мере, исследователям отвечает, что нормы надо соблюдать (есть основания усомниться в искренности значительной части таких респондентов), широко распространена и такая позиция: «Мы будем соблюдать законы и нравственные нормы, если нравственно поступать будет выгодно, когда будут выработаны законы, соответствующие потребностям современной личности, и когда эти законы будут осознанно ею выполняться» (там же, с. 50). А пока выгоднее нарушать законы и нравственные нормы, стремление к их соблюдению остается абстрактным. Подобный диссонанс – абстрактное признание одних норм и реальное следование другим, подчас прямо противоположным, – как и всякий когнитивный диссонанс (Festinger, 1957), болезненно переживается человеком, порождает у него чувство внутренней дисгармонии, понижающее удовлетворенность жизнью (Шустова, Гриценко, 2007). Такое состояние нашего общества вносит свой вклад в печальную статистику самоубийств и нервно-психических расстройств, характерную для современной России.

Психологические, социологические, демографические и другие исследования, а также приведенная выше удручающая статистика разводов, социального сиротства, количества детей, рождающихся в неполных семьях, свидетельствуют о кризисе социального института семьи, тоже отражающем нравственное состояние нашего общества. Отмечается, что «проблемы семьи и семейного воспитания в последние годы стоят как никогда остро: демографы, социологи, культурологи, психологи, педагоги подтверждают наличие глубокого системного кризиса этого социального института» (Спиридонов, 2008, с. 42).

Печальные результаты дают и психологические обследования современного российского бизнеса, свидетельствующие о том, что он не готов к политике социальной ответственности, которая воспринимается отечественными предпринимателями как противоречащая их коммерческим интересам, а само понятие социальной ответственности совершенно по-разному трактуется бизнесменами

и основной частью нашего общества (Чечурова, 2008). Это создает социально-психологические условия не только неизбежности регулярного возникновения финансовых «пирамид» и прочих проявлений недобросовестности предпринимателей, но и «холодной гражданской войны» между ними и госслужащими.

Таким образом, есть все основания говорить о комплексной и системной морально-нравственной деградации нашего общества. По аналогии с выделением Л. Колбергом трех стадий морального развития (Kohlberg, 1977) можно обрисовать и несколько стадий характерной для него нравственной деградации. Советской моралью был предписан «просоциальный альтруизм»: советский человек во всем должен был подчинять личные интересы общественным, следуя принципу «человек – для семьи, семья – для государства». В моральном плане такая позиция не вызывает возражений, однако, как показал опыт СССР, она мало реалистична⁴. Более реалистична позиция «разумного эгоизма», в целом характерная для западного общества: человек думает прежде всего о себе, но старается, чтобы его действия не наносили ущерба окружающим, дабы и они платили ему тем же. Третья позиция характерна для современного российского общества, особенно для нашей молодежи, и состоит в подчеркнутом игнорировании окружающих и общепринятой морали. Демонстративное неуступание мест старушкам или выставление автомобилей поперек улицы – яркие примеры такого поведения, субъекты которого подобными путями демонстрируют свою «крутизну» и повышают самооценку. Наконец, четвертая позиция заключается в умышленном нанесении вреда окружающим. Повсеместный мат, вандализм и т. п. – проявление этой, выделенной по данному параметру, высшей степени нравственной деградации, которую в современной России можно наблюдать повсеместно.

Эта деградация констатируется представителями самых различных наук, и ее можно считать подлинно «междисциплинарным» фактом. Психологи демонстрируют, что «Россия на долгие годы оказалась „естественной лабораторией“, где нравственность и правовое сознание граждан проходили суровые испытания» (Волови-

* Как пишет О. А. Кармадонов, «у человеческого существа были отняты этой моделью все сущностные человеческие характеристики, включающие как сильные стороны, так и слабости. В результате сам человек исчез, уступив место „строителю коммунизма“, снабженному своим „моральным кодексом“, т. е. комплексом приписанных ему черт, характеристик и мотиваций» (Кармадонов, 2006, с. 65).

кова, 2004, с. 17). Социологи показывают, что «в конце XX–начале XXI века российское общество, ввергнутое государством сначала в „перестройку“, а затем в „радикальные реформы“, постоянно испытывало моральные девиации и дефицит не столько социальных, экономических и политических, сколько нравственных ориентиров, ценностей и образцов поведения» (Левашов, 2007, с. 225). Они же констатируют «моральную аберрацию» мышления наших политиков – дистанцирование от моральных ценностей и ориентиров, которые вытесняются категориями экономического характера, такими как экономический рост, размер ВВП, показатели инфляции и др. (там же). Экономисты отмечают, что «среди составляющих той непомерной социальной цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, – пренебрежение нравственно-психологическим миром человека» (Гринберг, 2007, с. 588), подчеркивая «интенсивное искоренение морально-этической составляющей из социального бытия» (там же, с. 588). А философы связывают происходящее в современной России с тем очевидным фактом, что свобода приводит к высвобождению не только лучшего, но и худшего в человеке, и, соответственно, должна предполагать ограничения. «Что сделает из политической свободы человек, который не созрел для нее и переживает ее как разнуздание? – задавался вопросом И. А. Ильин и отвечал, – он сам становится опаснейшим врагом чужой и общей свободы» (Ильин, 1991, с. 146). Это и произошло в нашей стране в начале 1990-х: «Анархический порядок 90-х массово породил индивида, понимающего свободу как волю» (Федотова, 2008, с. 791).

Конечно, не следует чрезмерно сгущать краски, создавая очередной образ нашей страны как «империи зла». В ней сохранилось немало высоконравственных людей (и именно на них следует опираться в попытках возрождения нравственности), а разным слоям общества свойствен различный нравственный уровень. Наблюдаются и отдельные позитивные тенденции, которые можно проследить, в том числе и количественными методами, такими, например, как индекс нравственного состояния общества^{*} (ИНСО), разработанный в Институте психологии РАН в русле развиваемой там количественной макropsихологии (см.: Юревич, Ушаков, 2007;

* В психологической литературе используются и другие, по существу, синонимичные термины, например, морально-психологический климат (МПК) общества (Семенов, 2008) и др.

Юревич и др., 2007) и основанный на интеграции: 1) статистических показателей (на 100000 жителей) количества убийств и 2) количества беспризорных детей, 3) индекса коррупции, 4) индекса Джини, выражающего неравномерность распределения доходов^{*}.

Методика вычисления ИНСО такова. Первичные индексы вычисляются как базисные. Значение показателя России за 1996 г. считается равным 100 баллам (V_0). Нормализация значений показателей за более поздние или более ранние годы (V_i) осуществляется путем их соотнесения со значением за 1996 г. (чем выше балл, тем благополучнее общество по соответствующему параметру). Для нормализации значений показателей социального сиротства, смертности от убийств и индекса Джини, увеличение значений которых указывает на ухудшение состояния в обществе, используется формула:

$$Y_i = \frac{V_0}{V_i} \times 100.$$

Для нормализации индекса коррупции, увеличение значений которого указывает на улучшение состояния общества, – формула:

$$Y_i = \frac{V_i}{V_0} \times 100,$$

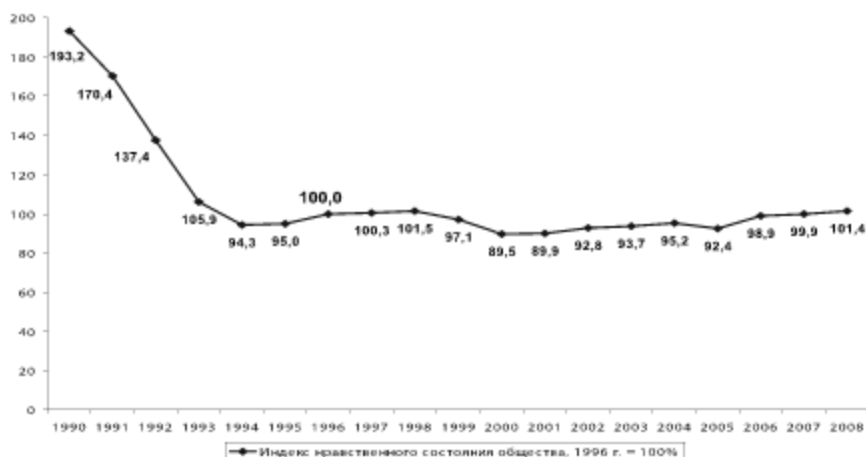
где V_0 – значение конкретного показателя России за 1996 г., V_i – значение данного показателя за соответствующий год.

Начиная с 1996 г., композитный индекс рассчитывается как среднегеометрическое значение четырех первичных индексов – индекса смертности от убийств, численности выявленных детей, оставшихся без попечительства родителей, индекса коррупции и неравномерности доходов (индекс Джини). Ввиду того, что до 1996 г. индекс коррупции не рассчитывался, композитный индекс за 1990–1995 гг. строился по трем первичным индексам.

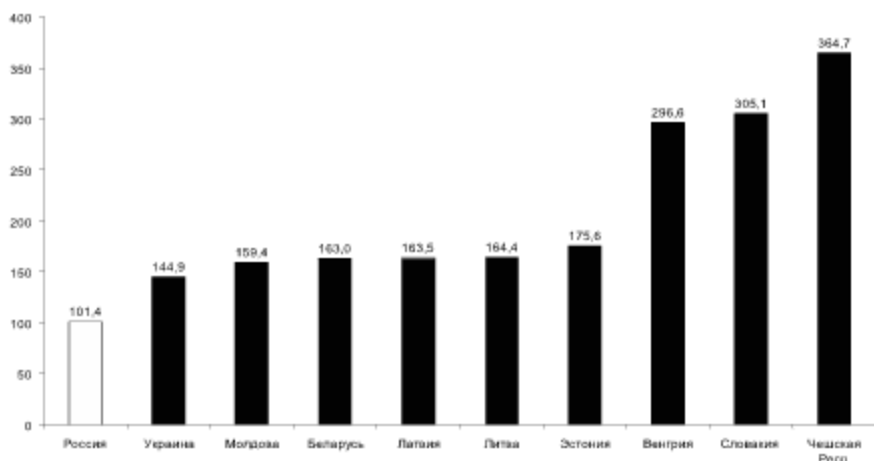
* Естественно, нравственное состояние общества выражается не только этими, но и другими показателями. Но именно они представляются наиболее адекватными индикаторами его нравственной «температуры». При этом указанные параметры обнаруживают высокую корреляцию между собой, что подтверждает возможность их рассмотрения в качестве проявления единого целого. В целом же понятие нравственности на уровне как личности, так и общества можно разложить на 4 основные составляющие: 1) законопослушность, 2) цивилизованность, 3) моральность, 4) человечность, хотя они, естественно, во многом пересекаются друг с другом.

Динамика количественно оцененного таким образом нравственного состояния российского общества в годы реформ и его соотношение с соответствующим показателем в других странах Центральной и Восточной Европы показаны на рисунках 1 и 2.

Как видно из рисунка 1, нравственное состояние нашего общества ежегодно ухудшалось с 1991 по 1994 г., затем улучшалось до «дефолтного» 1998 г., после чего вновь ухудшалось до 2002 г., а потом вновь обнаружило тенденцию к ежегодному улучшению (за 2008 г. индекс не рассчитан ввиду того, что статистические данные, лежащие в основе его расчетов, пока отсутствуют). Не подвергая интерпретации выявленную динамику, отметим, что она почти полностью соответствует динамике макроспсихологического состояния современного российского общества, оцененной на основе других показателей (см.: Юревич и др., 2007), динамической картине его характеристик, вычисляемых социологами (социальные настроения, социальный оптимизм и др.), что говорит о синхронном проявлении подобной динамики в самых различных сферах. Обращает на себя внимание и тот факт, что количественно оцениваемое нравственное состояние нашего общества в первые годы реформ ухудшалось высокими темпами, что свидетельствует о связи этой тенденции именно с реформами и с сопутствовавшими им событиями, а в течение последующих лет хотя и обнаруживало нелинейную, «волнообразную» динамику, уступало уровню 1990 г. почти в 2 раза.

Рис. 1. Динамика нравственного состояния современного российского общества

Рис. 2. Индекс нравственного состояния общества в России и странах Центральной и Восточной Европы, 2008 г.

Среди основных причин «испарения моральности» в пореформенной России обычно отмечают следующие.

- 1 Общее ослабление контроля, в том числе и нравственного, за поведением граждан в нашем обществе, как показывает история и опыт других стран, неизбежно сопутствующее радикальным реформам и характерное для «турбулентных», изменяющихся обществ.
- 2 Нравственные качества реформаторов^{*}, многие из которых были рекрутированы в демократы из партийных и комсомольских работников, трансформировали ресурс административной власти в доступ к собственности и свою личную безнравственность обобщили в удобную им идеологему «ненужности морали» для рыночной экономики.
- 3 Специфический характер «трех источников и трех составных частей» современного российского бизнеса, которыми послужили: а) бывшие советские «цеховики», т. е. подпольные производители товаров и услуг, б) представители криминального мира,

* Естественно, не всех. Принято различать, например, «демократов-романтиков», искренне отстаивавших демократические ценности, и пришедших им на смену «демократов-прагматиков», ловко использовавших демократические лозунги в личных интересах, например, для оправдания выгодной им приватизации (Дилигенский, 1994).

в советские годы облагавшие данью «цеховиков» и продолжившие эту традицию в условиях рыночной экономики, в) партийные и комсомольские работники, с поразительной легкостью сменившие социалистическую мораль на капиталистическую.

- 4 Распространение в начале 1990-х годов таких идеологем, как: «Можно все, что не запрещено законом», «Надо жить по закону, а не по совести», «Каждый зарабатывает, как может», «Человек стоит столько, сколько он зарабатывает» и др., по существу, отрицающих всякую мораль. Решение давней российской альтернативы «по совести или по закону?» в пользу последнего и приведшее к тому, что наше общество стало жить и не по совести, и не по закону, а «по понятиям»^{*}.
- 5 Распространившееся в начальный период реформ псевдолиберальное понимание свободы как несоблюдения любых правил и запретов, как разнузданности и безответственности, охотно ассимилированное некоторыми слоями нашего общества.
- 6 Криминализация – не только в общепринятом (рост преступности и др.), но и в расширенном смысле слова – криминализация общественной жизни, включающая обилие кинофильмов про «хороших бандитов», популярность криминальной лексики («наезды», «разборки» и т. п.), ужесточение, «брутализация» жизни, широкое распространение силовых схем разрешения спорных ситуаций, престижность подчеркнуто агрессивного поведения и т. д.[†]
- 7 Привлекательность закрепляемых «амнистией прошлого» (мол, неважно, что имярек в прошлом бандит, сейчас он – «респектабельный бизнесмен», а его прошлое не имеет значения) негативных образцов поведения, создаваемых наиболее успешными

* Этот результат оказался неизбежен. Во-первых, потому что «свято место пусто не бывает», и отвержение общепринятой морали в условиях криминализации общества обернулось ее замещением моралью преступного мира. Во-вторых, вследствие того, что закон и мораль являются двумя основными, поддерживающими друг друга, системами обеспечения социального порядка, и разрушение одной из них неизбежно ведет к разрушению другой, закон не действует без опоры на мораль, а мораль разрушается без подкрепления законом.

† Повышенная агрессивность как норма нашей жизни затронула даже Интернет (Ениколопов и др., 2006), что естественно, поскольку «культура задает нормы агрессии и является первостепенным источником формирования делинквентного поведения» (там же, с. 65).

людьми современной России, которые сколотили свои состояния за счет нарушения законов и норм морали.

- 8 Аномия – разрушение системы моральных норм и их рассогласование друг с другом, характерная для всех постсоциалистических обществ и пришедшая на смену гиперномии – сверхнормированности – социалистических режимов (Федотова, 2008).*
- 9 Упразднение *социальных институтов* морального контроля, в роли которых в советском обществе выступали партийная и комсомольская организации, товарищеские суды, народный контроль и т. д., при всех их общеизвестных недостатках выполнявших очень важную социальную функцию – морального контроля.
- 10 Пагубное воздействие на состояние нравов наших СМИ, в особенности телевидения, изобретатель которого В. Зворыкин, в прошлом году скончавшийся в США, перед смертью сделал симптоматичное признание в том, что если бы он знал, к каким социальным последствиям приведет его изобретение, он бы телевидение не изобретал. Телевидение органично дополнил Интернет, при всех его достоинствах успевший снискать репутацию «электронной помойки», где можно найти самые худшие порождения цивилизации (и отсутствия цивилизованности), где предельно облегчен доступ, в том числе и для детей, к самой жесткой порнографии, к экстремистским призывам, к рецептам изготовления взрывчатки и т. п.
- 11 Господство «экономического детерминизма» в подходах к решению основных проблем нашего общества†.

* Об аномии целых обществ заговорили относительно недавно. Прежде это понятие применялось к индивидам и было введено Э. Дюркгеймом для описания состояния, переживаемого человеком перед самоубийством (Дюркгейм, 1998). В этой связи уместно вспомнить мысль О. Г. Дробницкого о том, что «требования нравственности... могут быть обращены и к социально-историческим процессам и состояниям» (Дробницкий, 2008, с. 248).

† Этот стиль мышления и видения происходящего в обществе, согласно которому главное – экономика, а все остальное, включая мораль, вторично, подвергали разрушительной критике А. Токвиль (Toqueville, 1955), К. Поланьи (Polanyi, 1957) и многие другие известные мыслители, а М. Рац назвал его «отрыжкой марксизма», подчеркивая производность «упертости в экономику» (Рац, 1997) от марксистского разделения общества на экономический базис и второстепенную социальную надстройку.

- 12 То обстоятельство, что хотя единство обучения и воспитания со времен А. С. Макаренко считалось одним из краеугольных камней отечественной системы образования, в наших нынешних стратегических разработках, направленных на ее развитие, проблема воспитания систематически игнорируется.

Не имея в данном контексте возможности для обсуждения этих, а также других важных причин «испарения моральности», подчеркнем, что нравственное состояние общества, которое сторонники «экономического детерминизма» склонны игнорировать, относя, по их выражению, к «так называемой социалке» (показательно явно уничижительное звучание данного термина), имеет в системе социальных процессов многокомпонентный статус, включая, как минимум, три аспекта. Оно представляет собой одновременно: а) индикатор состояния общества, б) следствие происходящих в нем процессов, в) основу того, что ожидает это общество в будущем.

Последнее с особой отчетливостью проявляется в проблеме рождаемости, которая в последние годы обозначается, в том числе и органами власти, в качестве одной из ключевых для современной России. Как показывают исследования, чисто экономические меры повышения рождаемости могут дать ее прирост в пределах 15–20% (Бойко, 1985), поскольку основное влияние на нежелание иметь детей оказывают неэкономические факторы. Среди этих факторов, как демонстрируют опросы, одно из первых мест занимает нежелание рожать их *в такой стране*, нравственное неблагополучие которой акцентируется респондентами (Сулакшин, 2006).

А. Ю. Шевяков приводит данные о том, что «изменения тенденций рождаемости и смертности в России на 85–90% обусловлены избыточным неравенством и высокой относительной бедностью населения» (Шевяков, 2008, с. 305), выражающими нравственное состояние нашего общества. Он подчеркивает, что «связь между социально-экономическими факторами и демографическими показателями опосредована психологическими реакциями людей и вытекающими из этих реакций поведенческими установками» (там же, с. 308). Психологи утверждают, что «причины такой низкой рождаемости и высокой смертности в современной России – прежде всего духовные и нравственно-психологические» (Семенов, 2008, с. 171). А «демографические исследования показывают, что более двух третей причин депопуляции России связаны с такими возникшими в постсоветский период социально-психологическими феноменами, как социальная депрессия, апатия и агрессия» (Гринберг, 2007,

с. 588), одни из которых (например, массовая агрессивность) являются непосредственными проявлениями разрушения нравственности, другие – апатия, депрессия и др. – массовой психологической реакцией на ее разрушение. В частности, перманентное ощущение безнравственности, враждебности и агрессивности окружающей среды вызывает у человека стресс, апатию, депрессию и т. п., в свою очередь, порождающие психические расстройства, заболевания нервной системы, сердечно-сосудистые, желудочно-кишечные и прочие болезни. Опросы показывают, что, например, перманентный страх, тревогу, чувство незащищенности и т. п. испытывает большая часть россиян (Ежемесячный бюллетень..., 2009). А по данным Всемирной организации здравоохранения, от 45% до 70% всех заболеваний связаны со стрессом, причем такие психосоматические заболевания, как неврозы, нарушения сердечно-сосудистой деятельности, язвенные поражения желудочно-кишечного тракта, иммунодефициты, эндокринопатии и опухолевые заболевания обнаруживают прямую зависимость от него (Судаков, 1998). В результате неудивительно, что, как отмечает Н. Н. Клюев, «у российской динамики смертности – „африканское лицо“, хотя ни вопиющей нищеты, ни эпидемии ВИЧ в нашей стране не наблюдается» (Клюев, 2009, с. 639), и именно вследствие сокращения ожидаемой продолжительности жизни российский индекс развития человеческого потенциала за 1990–2005 гг. уменьшился^{*}, в то время как в подавляющем большинстве стран он вырос, и сейчас «по темпам социального развития (вернее, неразвития и даже деградаци) на рубеже веков Россия попадает в мировое захолустье» (там же, с. 640).

Постоянное чувство неблагополучия окружающей среды играет важную роль среди мотивов самоубийств, а также имеет прямое отношение к удручающей статистике наркомании, алкоголизма, несчастных случаев и др., являющихся основными проявлениями физического саморазрушения нашего общества и показателями его «суицидального состояния». А. Ю. Мягков и С. В. Ерофеев отмечают, что «в теориях социальной интеграции рост самоубийств традиционно считается важным признаком усиления напряженности и самодеструктивности в обществе, являющихся, в свою очередь,

* В целом же современные россияне по Индексу развития человеческого потенциала характеризуются таким образом: «высокообразованные, среднеобеспеченные, мало живущие» (там же, с. 642), хотя первые две оценки выглядят слишком оптимистичными.

следствием глубоких девиаций в социальных структурах и отсутствия ценностно-нормативного единства» (Мягков, Ерофеев, 2007, с. 54). Они констатируют, что «продолжающийся рост самоубийств – это та цена, которую мы до сих пор вынуждены платить за нецивилизованные формы перехода к рынку» (там же, с. 50). А В. К. Левашов «катастрофическую депопуляцию» (Левашов, 2007, с. 259) современной России объясняет «нравственным разрывом между обществом и государством» (там же)*.

Аналогичные закономерности прослеживаются и в истории. Л. Д. Кудрявцев отмечает: «История дает немало примеров, начиная с гибели Римской империи, когда в целом экономически благополучные государства погибали в результате падения морального уровня населения» (Кудрявцев, 2000, с. 9). А Б. Н. Кузык на материале важнейших исторических циклов эволюции российского государства показывает, что каждому периоду его политического и экономического подъема или спада всегда предшествовал соответственно подъем или спад духовной жизни и нравственности (Кузык, 2008).

Вопреки провозглашенному отечественными реформаторами тезису о «ненужности» морали для рыночной экономики, их связь более чем очевидна и показана еще в классических трудах М. Вебера и его последователей. Очевидна она и для наиболее прогрессивных представителей российского бизнеса, хотя, как показывают опросы, в ценностной иерархии российских бизнесменов такие ценности, как нравственность и чистая совесть, занимают одни из последних мест (Семенов, 2008). Так, президент группы компаний «Рольф» С. А. Петров подчеркивает, что «требования морали – это не какой-то привесок к бизнесу, навязываемый ему некими общественными силами, т. е. извне, а залог его успешного развития» (Петров, 2008, с. 422). Раздаются и призывы к разработке «своеобразного морального кодекса российского предпринимателя» (Семенов, 2008, с. 147). Они имеют давнюю традицию: две трети самых богатых купцов России были староверами, т. е., как отмечает Г. С. Лисич-

* По данным опросов, большинство наших сограждан считают, что современное российское государство выражает главным образом интересы государственной бюрократии и богатых слоев, а не общества в целом (Левашов, 2007). Однако и при более позитивном представлении о нашем государстве и приписывании ему прообщественных интенций приходится признать, что оно «проигрывает войну с общественными пороками» (там же, с. 426).

кин, «исповедовали в том числе и высокую мораль в предпринимательстве... вырабатывали свою систему нравственных стандартов, несовместимую в жульничестве» (цит. по: Ойзерман, 2009, с. 703). Симптоматично и то, что важным атрибутом брендов многих современных компаний, таких как, например, «Рибок», является их этическая составляющая (Шмигин, 2009).

В целом же закономерность, состоящая в том, что «чем выше уровень духовно-нравственного развития основной массы населения, тем успешнее развивается экономическая и политическая система страны» (Богомолов, 2008б, с. 367), «состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности» (Глазьев, 2008, с. 416), получает самые разнообразные и более чем убедительные подтверждения. Подтверждается она и полученными Институтом психологии РАН данными о высокой корреляции количественно оцененного нравственного состояния нашего общества с объемом ВВП (рисунок 3). Эта корреляция (вычисленная на основе коэффициента корреляции Пирсона) составляет 0,517.

Нравственность оказывает существенное влияние и на социально-политическое устройство общества. В частности, трудно не согласиться с тем, что «этика и есть сердце демократии» (Оболенский, 2008, с. 394), поскольку последняя предполагает доверие граждан к ее институтам, которое невозможно без следования базовым этическим принципам. По словам бывшего президента СССР

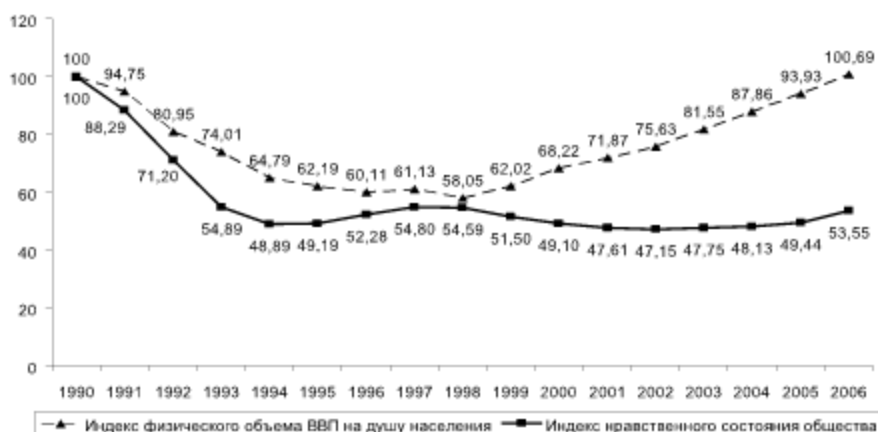

Рис. 3. Динамика нравственного состояния современного российского общества в соотношении с динамикой ВВП

М. С. Горбачева, «без нравственного компонента любая система будет обречена» (Горбачев, 2008, с. 14). А Митрополит Кирилл (ныне Патриарх Всея Руси) выразился еще более категорично: «Нравственность есть условие выживания человеческой цивилизации, – не больше и не меньше» (Митрополит Кирилл, 2008, с. 372).

Все это служит проявлениями воздействия нравственного состояния общества на самые различные стороны его жизни. Откладывание решения нравственных проблем до момента достижения всеобщего экономического благоденствия может привести к тому, что не останется общества, нравственный уровень которого предполагается повышать, или что оно будет существовать в состоянии описанной в социально-философских утопиях «войны всех против всех», видимо, неспроста занимающей видное место в романах наших современных писателей-фантастов (см.: Володихин, 2007).

Несмотря на позитивные сдвиги последних лет, российское общество по-прежнему «травмировано хаосом» (Федотова, 2000), а одной из его главных проблем является *не дефицит свободы, в котором нас постоянно обвиняют с Запада (как всегда плохо понимающего, что происходит в России), а прямо противоположное – дефицит контроля*, прежде всего, контроля внутреннего – нравственного. Потребность современного российского общества в контроле преломляется в массовом сознании: как демонстрируют опросы, подавляющее большинство – около 80% – наших сограждан выступает за ужесточение законов, нравственную цензуру СМИ и другие формы нравственного контроля, такие как, например, создание Общественного совета на ТВ, которое поддерживают 68%. Опросы демонстрируют также, что большинство россиян видят необходимость «нравственной революции» в нашем обществе (Семенов, 2008). Аналогичные интенции наблюдаются в органах власти и в Общественной палате, члены которой заявляют, что «главная проблема современной России – падение морально-нравственной культуры», и т. д. Очень показательно также стремительное возрастание количества верующих, хотя, как показывают исследования, у многих из считающих себя таковыми вера носит поверхностный и противоречивый характер (Семенов, 2008). Симптоматичен и рост популярности радикального ислама, среди причин которого не последнее место занимает его нравственный ригоризм, противостоящий нарастающей безнравственности западной цивилизации. Все это говорит о том, что в нашем обществе *вызрела потребность в укреплении его духовно-нравственных основ*.

Разумеется, попытка дать простой ответ на традиционный российский вопрос: «Что делать?» применительно к нравственному состоянию нашего общества была бы абсурдной. Очевидно и то, что декларативные призывы к возрождению морали и нравственности звучат как глас вопиющего в пустыне, а в условиях нигилизма значительной части нашей молодежи, приученной псевдолиберальными идеологами «делать все наоборот» в отношении призывов старшего поколения, могут дать и прямо противоположный эффект. «Пока прогрессивная общественность и у нас, и на Западе продолжает бить в набат по поводу глубокого морального кризиса. Но нет ясных путей его преодоления», – констатирует О. Т. Богомолов (Богомолов, 2008а, с. 368).

Тем не менее, ключевые направления возрождения нравственности – «действенной терапии упадка нравов» (Брутенц, 2008, с. 395) – наметить можно.

- 1 Пересмотр понимания свободы, оставшегося нам в наследство от первых лет реформ и носящего в современной России крайне искаженный характер. Свобода предполагает разумные ограничения, интериоризируемые гражданами. Подобное понимание свободы, прописанное в трудах И. Канта, И. А. Ильина и других выдающихся мыслителей, следует вживлять в умы наших сограждан с помощью системы образования, которая сейчас уделяет этим трудам и соответствующим проблемам явно недостаточное внимание.
- 2 Возрождение институтов морального контроля, которые в современном российском обществе практически отсутствуют. Едва ли следует стремиться к созданию институтов, напоминающих советские партийные и комсомольские организации (в демократическом обществе это и невозможно), однако и школы, и вузы, и общественные организации могли бы выполнять функции морального контроля, для чего им необходим мандат общества. Например, поступление в вузы и пребывание в них резонно поставить в зависимость от поведения учащихся в учебных заведениях и за их пределами. А общественным организациям, в том числе и нашей ведущей политической партии, следовало бы придавать значение нравственным качествам своих членов.
- 3 Введение общественного (или государственного) контроля над СМИ, в особенности над телевидением*, которому при боль-

* Напомним, что за цензуру на ТВ выступает более 80% россиян, в то время как еще недавно ее сторонников было около 60%. При этом ее сто-

шом разнообразии его социальных функций рекламнотелевизионная мафия упорно приписывает лишь функцию развлекательную (что служит индульгенцией для показа всего, что развлекает, при полном и агрессивном, возводимом в идеологическую позицию, игнорировании любых моральных ограничений). А традиционные возражения против такого контроля, сводящиеся к попыткам выдать нравственную цензуру, существующую во всех странах, за цензуру идеологическую, ограничивающую инакомыслие (порнографию и сцены насилия едва ли можно считать таковым), к акцентированию права телезрителя не смотреть то, что ему не нравится, предполагающего его способность рационально противостоять своим слабостям, к нелепому вопросу «А кто будет решать?», очевидно, означающему отсутствие в стране людей, которым можно доверить решение нравственных вопросов, выглядят не иначе, как преднамеренная подтасовка аргументов, призванная оправдать возможность вышеупомянутой мафии зарабатывать любыми способами.

- 4 В условиях характерного для современного российского общества дефицита внутренних нравственных регулятивов, следовало бы прибегнуть к их «экстернализации» путем придания моральным нормам статуса законов^{*}. Как пишет О. Т. Богомолов, «пока нравственные нормы и принципы не станут частью общей культуры, надо принуждать нарушителей порядка к законопослушанию, к соблюдению правил общежития, используя авторитет власти, печати, телевидения» (Богомолов, 2008б, с. 25).

ронники акцентируют, что они выступают не за политическую, а именно за социальную или моральную цензуру (Семенов, 2008).

- * Ярким примером может служить принятый ГД закон, запрещающий распитие пива и других слабоалкогольных напитков в общественных местах. В данном, очень поучительном, случае внутренний – нравственный – запрет был переведен во внешнюю форму. И это «сработало», хотя и в соответствии с российским отношением к законам: пить пиво в общественных местах наши сограждане, конечно, не перестали, но стали делать это значительно реже, нежели в отсутствие юридически оформленного запрета. То же самое следовало бы осуществить в отношении мата в общественных местах, что уже сделано к некоторым городам России (под насмешки представителей СМИ, плохо понимающих разрушительность воздействия на общество «слабых» форм девиантного поведения), демонстративных оскорблений старших по возрасту и других форм грубого нарушения морали.

- 5 Декриминализация нашего общества и его бытовой культуры. Неверно думать, что эта проблема имеет отношение только к правоохранительным органам, сейчас находящимся в каком-то странном симбиозе, а не в состоянии войны с преступным миром. В частности, декриминализация массового сознания предполагает не только очищение нашей лексики от блатного жаргона и т. п., но и радикальное изменение системы отношений между населением и правоохранительными органами, в том числе и отношения к их информированию о нарушениях закона, которое в нашей культуре под очевидным влиянием криминального мира квалифицируется как «доносы»^{*}. Мы же до сих пор не научились различать идеологические доносы и сообщения о нарушениях закона, по сути являющиеся выражением гражданской ответственности, к тому же считая его «мелкие» нарушения несущественными и не заслуживающими внимания правоохранительных структур. Отмечается, в частности: «То, что одни называют законопослушанием, другие – доносом» (Любарский, 2006, с. 77), «Доносительство у нас не приветствуется ... стучать нельзя, потому что закон – „чужой“» (там же, с. 77). Отсутствует и такое понятие, как «профессиональный преступник», хотя значительная часть наших сограждан, находясь на свободе, способна заниматься только криминальной деятельностью и не скрывает этого.
- 6 Широкое привлечение ученых – социологов, психологов и др. – к разработке законов, которая у нас считается сферой компетентности лишь профессиональных юристов и вездесущих политиков[†]. Законы – это не просто юридические нормы, а *наиболее общие правила социального взаимодействия*, которые должны

* В этом плане очень поучителен пример Финляндии, признанной наименее коррумпированной страной мира. Один из краеугольных камней борьбы с коррупцией в этой стране – простота и эффективность информирования правоохранительных органов о любых случаях коррупции, т. е. в нашей терминологии, «доносов» на чиновников. Любой гражданин может сделать это с помощью Интернета, без заполнения каких-либо бумаг и др. бюрократических препон. Там же вывешиваются «черные списки» чиновников, уличенных в коррупции, попадание в которые лишает их возможности устроиться на хорошую работу.

† Тот факт, что в наших законодательных органах обильно представлены спортсмены и шоумены, расширяя социальную базу принимающих законы, лишь ухудшает ситуацию.

разрабатываться и вводиться с учетом его социальных, психологических, экономических и прочих закономерностей, раскрываемых соответствующими науками.

Легко спрогнозировать, какое яростное сопротивление эти и другие подобные меры вызвали бы у наших псевдолибералов, предельно искаживших разумное понимание свободы, и тех криминализованных социальных слоев, которым это выгодно. Однако риск новых идеологических коллизий в данном случае явно оправдан, ведь «хотим мы это признать или нет, но нравственность действительно лежит в основе всего» (Митрополит Кирилл, 2008, с. 375), «пора понять, что без нравственного и духовного обновления в стране не будет и повышения рождаемости и снижения смертности, а значит, и самого нашего будущего» (Семенов, 2008, с. 173), «пора осознать, что в России нравственное воспитание, духовное возрождение – вопрос выживания нации и одна из необходимых предпосылок оздоровления экономики» (Богомолов, 2008б, с. 20).

Литература

- Анализ положения детей в РФ. М., 2007.
- Богомолов О. Т. Нравственный фактор социально-экономического прогресса // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 359–371.
- Богомолов О. Т. Экономика и общественная среда // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 8–26.
- Бойко В. В. Рождаемость. Социально-психологические аспекты. М., 1985.
- Брутенц К. Н. Пагубный упадок нравов: нужна действенная терапия // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 395–405.
- Воловикова М. И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психологический журнал. 2004. № 5. С. 16–23.
- Володихин Д. Требуется осечка...: Ближайшее будущее России в литературной фантастике // Социальная реальность. 2007. № 1. С. 79–93.
- Глазьев С. Ю. Нравственные начала в экономическом поведении и развитии: важнейший ресурс возрождения России // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 406–421.

- Горбачев М. Страшная экономика // Мир перемен. 2008. № 4. С. 11–14.
- Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации», М., 2006.
- Гринберг Р. С. Пятнадцать лет рыночной экономики в России // Вестник РАН. 2007. Т. 77. № 7. С. 584–592.
- Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М., 1994.
- Доклад о развитии человека 2009. Опубликовано для Программы развития ООН (ПРООН) / Пер. с англ. М., 2009.
- Дробницкий О. Г. Структура морального сознания // Философия. Наука. Культура. М., 2008. С. 248–256.
- Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. СПб., 1998.
- Ежемесячный бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу. № 2009. 9 (141).
- Елецкая М. А. Отношения современных россиян к богатству и бедности // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 82–96.
- Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. Н., Цибульский Н. П., Чудова Н. В. Специфика агрессии в Интернет-среде // Психологический журнал. 2006. № 6. С. 65–72.
- Ильин И. А. О грядущем России. М., 1991.
- Кармадонов О. А. Символ и трансформация: перестройка как патологический феномен // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 60–74.
- Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский. Духовно нравственные основы современного российского общества // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 372–380.
- Климов И. О хамстве и хамах // Социальная реальность. 2006. № 7–8. С. 77.
- Клюев Н. Н. Россия на мировой карте социального благополучия // Вестник РАН. 2009. Т. 79. № 7. С. 637–642.
- Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д. Образование за рубежом: социокультурный аспект // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 97–114.
- Короткина Е. Д. К проблеме экстремизма в молодежной среде // Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологические и педагогические аспекты. Тверь, 2008. С. 33–35.
- Кравцова М. М. Сравнительный анализ моральных суждений младших школьников (1930 и 2000 гг.) // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 27–36.

- Кудрявцев И. А. Нравственная сфера сознания ограниченно вменяемых правонарушителей. Ч. II // Психологический журнал. 2007. № 3. С. 76–95.
- Кудрявцев Л. Д. Современное общество и нравственность. М., 2000.
- Кузык Б. Н. Духовный и культурный подъем нации – предтеча ее экономического подъема // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 281–297.
- Лебедев С. Д. Религиозный ренессанс: к демифологизации понятия // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 24–36.
- Левашиов В. К. Социополитическая динамика российского общества: 2000–2006. М., 2007.
- Лысова А. В., Щитов Н. Г. Системы реагирования на домашнее насилие // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 99–115.
- Любарский Г. Чиновники и госслужащие: когда монету ценят за герб и ругают за решетку // Социальная реальность. 2006. № 1. С. 73–79.
- Максимова В. Дорожное движение изнутри и снаружи водительской кабины: поможет ли ужесточение наказаний за нарушение ПДД // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 29–39.
- Мягков А. Ю., Ерофеев С. В. Самоубийства в Ивановской области: анализ временных трендов // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 37–58.
- Оболенский А. В. Этические ценности – «спасательный круг» в меняющемся мире // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 381–394.
- Оглезнева Н. В. Межпоколенная толерантность как фактор стабилизации общества // Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологические и педагогические аспекты. Тверь, 2008. С. 136–137.
- Огурцов А. П. Наука: власть и коммуникация (социально-философские аспекты) // Философия. Наука. Культура. М., 2008. С. 405–425.
- Ойзерман Т. И. Экономика и неэкономические факторы // Вестник РАН. 2009. Т. 79. № 8. С. 701–707.
- Петров А. С. Мораль в бизнесе // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 422–429.
- Петрова Т. А. Межпоколенное взаимодействие как способ преодоления эйджизма среди молодежи // Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологические и педагогические аспекты. Тверь, 2008. С. 138–140.

- Преснякова Л. Скромное обаяние криминала против тщетных усилий тюрьмы // Социальная реальность. 2006. № 1. С. 38–50.
- Рац М. В. Идея открытого общества в современной России. М., 1997.
- Российский статистический ежегодник, 2009. М., 2009.
- Семенов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб., 2008.
- Спиридонов Р. Е. Интеграция семьи и школы как условие формирования личности в современных условиях образования // Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологические и педагогические аспекты. Тверь, 2008. С. 42–46.
- Судаков К. В. Индивидуальная устойчивость к эмоциональному стрессу. М., 1998.
- Сулакшин С. С. Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению. М., 2006.
- Федотова В. Г. Апатия на Западе и в России // Философия. Наука. Культура. М., 2008. С. 786–798.
- Фень Е. Образ студента: обстоятельства времени // Социальная реальность. 2007. № 5. С. 46–62.
- Чечурова Ю. Ю. Социальная ответственность организации как фактор снижения рисков в обществе // Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологические и педагогические аспекты. Тверь, 2008. С. 204–208.
- Шевяков А. Ю. Неравенство в формировании новой социальной политики государства // Вестник РАН. 2008. Т. 78. № 4. С. 304–313.
- Шмигин И. Философия потребления. Харьков, 2009.
- Шустова Н. Е., Гриценко В. В. Социально-психологическая адаптация молодежи и отношение к социальным нормам // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 46–57.
- Щербакова И. В., Ядов В. А. Культура предупредительного поведения в большом городе: опыт видеонаблюдения пассажиров у дверей метро Будапешта, Москвы, Нижнего Новгорода и Санкт-Петербурга // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 138–148.
- Юревич А. В., Ушаков Д. В. Макропсихология как новая область психологических исследований // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 3–15.
- Юревич А. В., Ушаков Д. В., Цапенко И. П. Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества // Психологический журнал. 2007. № 4. С. 23–34.
- Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.

- Guddy A. J. C., Fiske S. T.* Doddering but dear: Process, content and function in stereotyping of older persons // *Ageism: stereotyping and prejudice against older persons* / Ed. by T. D. Nelson. N. Y., 2004. P. 3–27.
- Festinger L.* A theory of cognitive dissonance. N. Y., 1957.
- Kohlberg L.* Moral stages and moralization // *Moral development and behavior*. N. Y., 1977. P. 31–53.
- Polanyi K.* The Great Transformation. Boston, 1957.
- Toqueville A.* The Old Regime and the French Revolution. New York, 1955.
- Transparency International Corruption Perceptions Index. 2009. http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2009.

НРАВСТВЕННАЯ ЭЛИТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко

Введение

История XX в. в очередной раз убедительно показала, что нравственные регуляторы играли решающую роль в периоды потрясений политических, социальных и идеологических устоев российского общества (Братусь, 1993; Журавлев, Купрейченко, 2003). Они оставались неразрушимой основой, объединявшей людей в те периоды, когда политические, правовые (законодательные), религиозные, административно-управленческие и другие социальные регуляторы были слабы или временно утрачивали свою силу. Хорошо известно, что нравственные принципы и нормы, ценности и идеалы могут служить наиболее универсальными регуляторами социального поведения (Купрейченко, 2005), устойчивыми феноменами (Чудновский, 1981), свидетельством нравственной надежности человека (Стрижов, 2009) и т. д. Их реальными носителями являются все члены общества, однако особая роль принадлежит представителям довольно малочисленной социальной категории, основное содержание жизни которой подчиняется идеалам гуманизма, добра, милосердия и т. п. Причем совершенно непринципиально, осознается ими это или нет. Это люди из самых разных социальных слоев, сфер деятельности и демографических групп, и их влияние на других людей осуществляется различными путями, способами и средствами. Изучение данной категории людей, которую можно назвать «нравственной элитой», представляет большой интерес, поскольку позволяет вскрывать механизмы и закономерности формирования нравственного сознания и воздействия на поведение значительных масс населения.

В данной работе формулируются *основные вопросы*, предваряющие исследование социально-психологических характеристик

«нравственной элиты» и ее воздействия на социальное окружение, поэтому представленные ниже соображения по своему характеру являются, прежде всего, *проблемно-постановочными* (см. также: Краснова, Кайгородов, 2008).

Актуальность исследования нравственной элиты

Одним из важных результатов активного изучения отечественными психологами процессов адаптации различных групп населения современной России к новым экономическим, политическим и в целом социальным условиям стало выявление и описание множества нестандартных и чрезвычайно интересных социально-психологических феноменов и закономерностей. Некоторые из них являются примерами отношений и социального поведения субъектов, *противоречащих* как реальным социально-экономическим условиям, так и их собственным экономическим интересам.

Нас заинтересовала именно та категория российского населения, *экономическая дезадаптация* которой объясняется приоритетной ориентацией личности не на повышение материального, имущественного статуса, а на другие формы социальной активности: на самореализацию в профессиональной сфере, саморазвитие, творчество, познание мира, воспитание детей, помогающее поведение, заботу о других людях и т. д. Такая личность сохраняет высокую удовлетворенность жизнью, позитивную самооценку, общую положительную установку на людей и в целом оптимистический взгляд на мир *независимо от уровня* своего материального благосостояния. В большинстве таких случаев причиной низкой социальной адаптированности (или даже дезадаптированности) человека к новым экономическим условиям выступает *расхождение* между главным направлением изменения внешней среды, предъявляющим определенные требования к человеку, и жизненными ориентирами личности: системой принципов и смыслов, целей и притязаний, ценностей и идеалов. Эта система может быть близка к ценностям и идеалам определенного общества или конкретной исторической эпохи, в том числе и тех, в которых человек не жил. Данный феномен, названный нами «*эффектом воспроизводства субъектом ценностной системы другой исторической эпохи*», проявляется следующим образом. Субъект в ходе своей жизнедеятельности активно ориентируется на ценности, являющиеся типичными для прошедших или будущих периодов не только его собственной жизни, но и жизни общества в целом. В этом случае его принципы,

ценности и идеалы *не соответствуют* ни актуальному жизненному опыту, ни реально сложившейся социальной ситуации.

Человек, ориентирующийся на ценности и идеалы прошлых или будущих исторических периодов, может характеризоваться ценностными ориентирами принципиально разного содержания и фактически вызывать у окружающих прямо противоположные, *полярные оценки*. Во-первых, он может реально и искренне ориентироваться на прошлое, причем в самом широком (всестороннем) его понимании, например, на советский период в российской истории, на сталинский период или тем более на историческое время царской России и т. п., и в результате восприниматься и оцениваться его современниками как ретроград или «человек из прошлого». Это в наибольших масштабах было характерно для переходных периодов в развитии российского общества (20-е, 60-е, 90-е годы XX в.). Во-вторых, человек может ориентироваться на те жизненные принципы и смыслы, ценности и идеалы, нормы и правила и т. д. прошлых исторических эпох, которые фактически являются универсальными человеческими ценностями, переносимыми из одного исторического периода в другой, независимо от экономической, политической, социальной ситуации и в целом от того или иного состояния общества. Именно такой человек реально становится хранителем традиционных жизненных принципов, ценностей и идеалов и может быть образно обозначен как «человек вне времени» – представитель особой социальной категории, вызывающей очень непростое к себе отношение, однако об этом будет сказано ниже.

Аналогично, конкретный человек может лучше, чем большинство окружающих людей, интуитивно чувствовать и даже прогнозировать тенденции изменения ценностных идеалов общества, тем самым в своем представлении опережая его развитие. В этом случае он может стать носителем прогрессивных ценностей и идеалов – «человеком будущего». О человеке, чья система жизненных принципов, смыслов и ценностей наиболее типична для эпохи, в которую он живет, говорят – «человек своего времени», «человек нашего времени» и т. п. Именно выделенные категории людей, в частности, выполняют конкретные и очень важные функции в обществе, обеспечивая реальные возможности для *сравнения различных систем* жизненных принципов и смыслов, ценностей и идеалов и т. д., а также отбора («отсеивания») тех из них, которые постепенно становятся типичными для текущих периодов, т. е. современными (соответствующими своему времени).

Несмотря на реальное выполнение «людьми вне времени» полезных функций в обществе, тем не менее со стороны социального окружения в отношении к таким людям нередко проявляются безразличие, непонимание, непринятие и даже отвержение. Это объясняется, в частности, тем, что они воспринимаются необычными, непохожими на других, не такими, как большинство, и т. п. (в каком-то смысле, это может рассматриваться как защитная психологическая реакция). Необходимо также отметить, что независимо от того, обращена ли структура жизненных смыслов и ценностно-нравственных ориентаций субъекта в прошлое, в будущее или находится «вне времени», его социальная адаптация к текущей жизненной ситуации обычно затруднена, ограничена или невозможна в полной мере. Адаптация к социальной среде не является важным ориентиром и тем более самоцелью для таких групп людей, так как их *действительные цели* состоят в отстаивании и поддержании, сохранении и воспроизводстве универсальных ценностей (общественных основ) или в преобразовании существующей действительности с ориентацией на перспективы, на будущее.

Разные типы ориентаций (на ценности будущего – опережающие, перспективные ориентации, на идеалы прошлого – ретроспективные ориентации или на универсальные и непреходящие принципы, ценности и идеалы различных эпох) выполняют весьма важные для общества функции, особенно в кризисные периоды. В эти периоды личность как бы «освобождается» от всего преходящего, наносного, и в определенном смысле она отступает на более надежные и проверенные временем позиции – к базовым ценностям, «стержню» самоопределения – главному смыслу жизни, идеалам, принципам и т. п., или ценностям предыдущего этапа жизни или предыдущего социально-экономического уровня своей жизнедеятельности. Некоторые социально-демографические группы, исходя из оцениваемой ими ограниченности своих возможностей (ограниченный физический статус, связанный со здоровьем, низкая активность и мобильность, невысокая способность к переобучению и т. д.), могут использовать такое социальное поведение как психологическую защиту. Другие же субъекты в силу *традиционного распределения социальных ролей в обществе* выступают в качестве хранителей культурных и духовных ценностей, носителей нравственных идеалов. К ним прежде всего относятся мудрецы и старцы, талантливые наставники и воспитатели, священнослужители и духовные учителя, ученые и писатели, художники и поэты, а также

другие, самые различные, но именно в *нравственном отношении авторитетные*, общественные фигуры.

Когда применительно к перечисленным категориям людей говорится, что они относятся к «нравственной элите», то речь при этом не идет о какой-то их абсолютной исключительности. К нравственной элите, естественно, могут относиться и самые обычные (по роду своих занятий) люди. И этот смысл хорошо передает известная поговорка: «Не стоит село без праведника!», ибо в каждом долговременном поселении должны быть люди, выступающие (воспринимающиеся) нравственными ориентирами. «Нравственная элита» – это, скорее, *социальная функция*, которая обязательно должна реализовываться, или, другими словами, *социальная ниша* в сообществе, которая должна заполняться. Если же такого нет, то это, скорее, исключительная ситуация, чем закономерность в жизнедеятельности того или иного сообщества. Такие люди не только не стремятся изменять собственные ценности и идеалы, жизненные принципы и ориентиры, которые, с их точки зрения, должны оставаться ориентирами в любых социальных условиях, пусть даже в ущерб текущему экономическому, административно-управленческому или политическому положению (статусу, достижениям, карьере и т. п.), но и транслируют их представителям других социальных групп.

Традиционными советчиками во всех культурах являются представители старших поколений. Разумеется, сам по себе возраст не определяет большую или меньшую нравственность человека и его авторитетность в вопросах разрешения моральных противоречий. Определяющими являются другие характеристики – содержание нравственных принципов и смыслов, ценностей и идеалов, им реализуемых. Однако в зрелом и пожилом возрасте зачастую приходит знание жизни, опыт в разрешении жизненных проблем и, наконец, взвешенность суждений, рассудительность и мудрость. Не следует также считать, что для нравственной элиты обязательной является ориентация на ценности и идеалы прошлого. История знает немало примеров, когда представители именно молодого поколения транслировали большим социальным группам или обществу в целом прогрессивные идеи, нормы и ценности.

Так, примерно с середины XX в. наши современники ведут борьбу за переход от замкнутого на групповых ценностях поляризованного нравственного сознания, характерного для периода идеологических противостояний различных государств и культур, к толерантному и гуманистическому «планетарному мышлению».

Такое направление изменения жизненных ценностей и приоритетов является внешне детерминированным и рациональным перед лицом общих цивилизационных рисков и угроз. И хранители ценностей предыдущих эпох, и прогрессивная молодежь выполняют одну и ту же функцию – транслируют окружающим универсальные нравственные принципы и ценности, которые по тем или иным причинам (сложные внешние условия, отсутствие необходимого этического воспитания, утрата нравственных ориентиров и посприятие гуманистических идеалов, приоритет ближайших и легко достижимых целей по сравнению с целями долгосрочными и требующими продолжительных волевых усилий) оказались на определенное время забыты или замещены более частными и искаженными в угоду краткосрочным целям и узким интересам отдельных социальных групп, в том числе и больших.

Представители этой категории, придерживаясь нравственных устоев и не допуская забвения обществом универсальных нравственных ценностей, дают интерпретацию событий жизни своих современников и общественных тенденций с позиций вечных, абсолютных, гуманистических истин. Для обозначения этой категории людей, по нашему мнению, применим термин «нравственная элита». Имеющиеся в словарях значения термина «элита» как избранного, выделяющегося по каким-либо качествам человека, а также обладающего высокими духовными способностями и т. п. позволяют распространить его и на высоконравственных членов общества. Под *элитой* понимается социальная категория людей, характеризующаяся наиболее высоким уровнем развития тех или иных совокупностей качеств, свойств, способностей и *успешно проявляющая* их в конкретных сферах жизнедеятельности общества. В таком смысле вполне уместно говорить о разных *видах* элиты, что мы и видим в современных публикациях: выделяют политическую и управленческую, экономическую и бизнес-элилу, интеллектуальную и научную, творческую и художественную, культурную и духовную элилу и др. В этом ряду целесообразно рассматривать и *нравственную элилу*, относя к ней тех людей, которые *достигли* высокого уровня развития нравственных качеств и *успешно проявляют* их в сфере человеческих отношений, в жизни реальных социальных групп, в человеческих сообществах, а также существенно *вливают* на их нравственную атмосферу, как минимум, повышая ее общий уровень.

Вопрос о влиянии нравственной элиты на социальные группы и общество в целом принципиально важно отделить от более об-

щего вопроса о влиянии каких-то конкретных социальных групп или отдельных их представителей на нравственность этих групп или общества. Более общим он является потому, что в последнем случае речь может идти не только о позитивном, но и в полной мере о негативном влиянии на уровень нравственности того или иного сообщества людей, порождающем безнравственную атмосферу и т. п. Последнее не имеет отношения к нравственной элите.

Порождение и распространение безнравственности нередко оказывается значительно более эффективным по сравнению с влиянием на развитие нравственности в обществе. Примерами тому может служить работа отдельных электронных СМИ, создающих и культивирующих символы вседозволенности и распущенности, пропагандирующих криминальную героину, физическое насилие и агрессию, рекламирующих безнравственные устремления и поведение и т. п. Все это и многое другое никак не связано с влияниями нравственной элиты, хотя, по сути, это также формы влияния на нравственность, но принципиально отличные от того, что нас интересует в контексте данной работы.

С большой долей уверенности можно утверждать, что предлагаемый здесь для специального рассмотрения вид элиты практически не исследован в современных социогуманитарных науках, в том числе в традиционных социальной психологии и психологии личности и в становящейся отрасли – духовно-нравственной психологии (или психологии духовности и нравственности) (Горбачева, Купрейченко, 2006; Кабрин, 1999; Попов и др., 2008; Хвостов, 2005).

Основные признаки нравственной элиты

Использование термина «нравственная элита», естественно, требует детального обоснования того, что выделяемая категория людей в полной мере отвечает основным признакам элиты, составляя при этом ее отдельный вид. В данной работе мы сознательно уходим от подробного анализа понимания термина «элита» по современным публикациям, так как это составляет большой и специальный вопрос (Краснова, Кайгородов, 2008). Первым шагом такого обоснования выступает определение *совокупности признаков*, которым должны соответствовать высоконравственные члены различных сообществ, чтобы быть отнесенными к этой категории. В ряду таких признаков важное место занимают следующие *необходимые* свойства и качества личности:

- качество участия в общественно полезной деятельности (созидательной, творческой, воспитательной и т. д.), приносящей пользу социуму, т. е. служащей благим, гуманным целям, с использованием для их достижения средств, не наносящих вреда окружающему природному и социальному миру или предотвращающих, минимизирующих и компенсирующих этот вред (что может быть характерно для защитной, правоохранительной, миротворческой, спасательной, восстановительной и т. п. видов деятельности);
- качество *строгого следования* нравственным принципам, нормам и правилам жизнедеятельности человека, достижение *высокого уровня их реального соблюдения*, отвечающего критерию высококонравного человека;
- *способность к решению* нравственных задач и проблем, трудностей и конфликтов, разрешению нравственных противоречий как своих, так и других людей;
- *способность воздействовать, влиять* на других людей в нравственной сфере, что может осуществляться самыми разными способами, например, путем убеждения и разъяснения, косвенным путем (личным примером и т. п.) или через воздействие на нравственность общества посредством продуктов труда, произведений искусства и т. д.;
- качество *оказания безвозмездной помощи* другим людям, реализации разных форм *помогающего поведения* в социальных группах, стремления *жертвовать* различными ресурсами (временем, материальными средствами, разными видами человеческих усилий, энергии и т. п.) ради других людей и общества в целом, *склонности к занятиям* благотворительной деятельностью и альтруистскому поведению и т. д.

Кроме того, представители нравственной элиты могут выступать *активными поборниками, защитниками* моральных устоев, способными нравственно возвышать других людей и т. д. Такие люди и их жизненный путь зачастую являются реальными примерами для подражания, эталонами нравственного поведения для социального окружения. Возможны и другие направления их активного участия в сохранении и повышении уровня нравственности различных сообществ людей, особенно молодежи. Так, представители нравственной элиты могут целенаправленно создавать благоприятные условия и даже искусственные среды, которые по аналогии с «социальными оазисами» (Чернышев и др., 2001) можно обозна-

читать как «нравственные оазисы», облегчающие и ускоряющие процесс нравственного становления прежде всего подрастающего поколения (Лисовский, 2000).

Особо следует сказать о роли *душевных переживаний, страданий, нравственных мучений* и т. п. в определении нравственной элиты. Их обязательное наличие может «претендовать» на один из важных ее признаков. Ее представители, особенно те, кто воспринимается в таком качестве на уровне российского общества в целом, в своем личном опыте, как правило, сталкивались с отвержением социальным окружением или официальными властями, различного рода социальными ограничениями и искусственно чинимыми препятствиями, гонениями и преследованиями, с необходимостью преодолевать непомерно тяжелые жизненные трудности, барьеры и т. д. В том числе этот смысл передают ставшие крылатыми слова Н. В. Гоголя: «Страдание – мать Добродетели». Вопрос о внесении или невнесении описанного признака в качестве обязательного для квалификации представителей нравственной элиты остается пока открытым, как и в целом вопрос о совокупности необходимых и достаточных признаков, который требует дальнейшей глубокой разработки.

Выделенные и возможные другие *признаки и смыслы* нравственной элиты, во-первых, являются ее взаимодополняющими *содержательными компонентами*. Во-вторых, они представляют собой не только признаки, смыслы и компоненты, но и *характеристики* (прежде всего способности) нравственной элиты. В-третьих, через них реализуются ее *функции*, например: наиболее эффективно влиять на других может тот, кто сам строго следует нравственным нормам, и т. д.

В настоящее время в научный оборот активно вводится целый ряд понятий, характеризующих нравственную сферу личности, например:

- «нравственный идеал» и «нравственный стержень личности» (Воловикова, 2005);
- «социальные представления о порядочном человеке» (Дикевич, 1999);
- «значимость этических ценностей» (Журавлева, 2006) и «ориентации личности на нравственные ценности» (Журавлева, 2009);
- «нравственно-психологические регуляторы экономической активности» (Журавлев, Купрейченко, 2003) и «нравственно-психологические факторы экономического самоопределения» (Купрейченко, 2009);

- «нравственная надежность личности» и «психологическое отношение к нравственным нормам» (Стрижов, 2009);
- «нравственное самоопределение» (Воробьева, Купрейченко, 2008).

Наряду с перечисленными понятиями, важную роль в научном дискурсе по-прежнему играет «нравственная устойчивость личности» (Чудновский, 1981) и др. Все они, по нашему мнению, могут иметь самое непосредственное отношение к описанию (характеристике) нравственной элиты. Важно и то, что в современных работах исследователи не ограничиваются только теоретическими представлениями о характеристиках нравственной сферы человека, а пытаются разработать специальный инструментарий для их оценки, измерения и т. п. Во многом это обеспечивает постепенный и принципиально важный переход к эмпирическим исследованиям нравственной элиты.

Чтобы адекватно понимать содержание термина «нравственная элита», необходимо рассмотреть его возможный антипод – «безнравственную элиту», т. е. использовать в рассуждениях прием, называемый в логике «ход от противного». В этой связи целесообразно задаться прямым вопросом: возможен ли в принципе такой феномен? И отвечать на него приходится утвердительно, так как отдельные представители многих, а может быть и подавляющего большинства видов элит могут быть людьми безнравственными или, по меньшей мере, совершать безнравственные поступки по отношению к другим людям, причем не столько по недоразумению, сколько вполне намеренно. Однако подобное допущение не может иметь отношения к нравственной элите, которая по своей сути характеризуется нравственными поступками или действиями.

Конечно, здесь возникает важный научно-практический вопрос: как же быть и что делать с безнравственной элитой или с безнравственными проявлениями того или иного вида элиты? В контексте данной работы этот вопрос может трактоваться как относительно самостоятельный и требующий отдельного специального рассмотрения. Однако в самой общей и упрощенной форме ответить на него можно следующим образом: наиболее эффективным способом противодействия безнравственной элите является формирование элиты нравственной.

Можно предположить, что возможность отнесения конкретного человека к нравственной элите определяется не только наличием

позитивных характеристик, но также *отсутствием* ряда свойств, *препятствующих* нравственной самореализации личности. Помехой, например, может выступать высокая приверженность конвенциональным нормам конкретного сообщества, сверхзначимость личных или узкогрупповых целей. Это же относится к подверженности личности страстям и порокам, к проявлению злонамеренных качеств, совокупность которых может быть достаточно большой: властолюбие и алчность, корыстолюбие и сладострастие, агрессивность и жестокость, наглость и подлость, злословие и коварство, подхалимство и самодурство, склонность к алкоголю, наркотикам, азартным играм и т. п. являются свойствами, перечеркивающими многие нравственные достоинства выдающейся личности. В то же время, можно допустить, что, по мнению многих людей, на определенных этапах своей жизни представитель нравственной элиты может быть подвержен каким-то порокам, однако за этим должен последовать решительный отказ от них и необходимое в российской традиции покаяние и искупление, которое способно принимать очень разные формы. Это предположение в дальнейшем желательно проверить в конкретных эмпирических исследованиях. В настоящее время хорошо известна чрезвычайная сложность диалектических связей добра и зла, добродетельных и порочных качеств человека (Попов и др., 2008).

В этой связи возникает ряд этических проблем, усложняющих выделение признаков нравственной элиты и тем самым ее более-менее строгое определение. Во-первых, это проблема *относительности* нравственных норм отдельных социальных групп, культур и обществ, к которым принадлежит данная личность, а также исторических периодов, в которые она живет. Во-вторых, проблема *приоритета* в ее жизнедеятельности ценностей краткосрочных, среднесрочных или относящихся к далекой перспективе. В-третьих, различный *уровень* нравственности личности в отдельных системах ее отношений – профессиональных, семейных, дружеских и т. д. Совершенно очевидно, что трудно найти человека одновременно успешно разрешающего противоречия между ценностями своей малой и большой группы, общества и человечества в целом, умело определяющего приоритеты достижения краткосрочных, среднесрочных и стратегических целей и, кроме того, высоконравственного во всех сферах своей жизнедеятельности. Решение личностью большинства названных проблем, как правило, предполагает неизбежные нравственные компромиссы. И, наконец, упорство в борьбе

за абсолютное соблюдение нравственных принципов и ценностей может граничить с фанатизмом, а методы борьбы при этом – переходить границы допустимого, согласно известной формуле: «Цель оправдывает средства». В таком случае возникает закономерный вопрос – может ли существовать в реальности личность, соответствующая выделенным выше признакам и удовлетворяющая всем перечисленным требованиям, и не является ли «нравственная элита» мифом или недостижимым идеалом? Данную работу можно рассматривать лишь как попытку ответить на подобные вопросы.

Однако, доверяя воспитание своих детей, собственное и их физическое и психическое здоровье, судьбу и жизнь педагогам и врачам, социальным работникам и психологам, тренерам и консультантам, священнослужителям и правозащитникам, деятелям науки и культуры, представителям различных ветвей власти и другим категориям людей, несущим социальную ответственность, большинство из нас рассчитывает на то, что они окажутся не только специалистами, профессионалами, но и Людьми с большой буквы, т. е. представителями именно «нравственной элиты». Историческая память народа хранит немало примеров подвижников и праведников из числа представителей многих названных групп.

Кроме того, в общественном сознании существуют социальные представления о таких людях не только из прошлых эпох, но и о наших современниках. Можно привести имена лишь некоторых не так давно ушедших *нравственных авторитетов*: старцы Паисий Святогорец и Николай (Гурьянов), архимандрит Иоанн (Крестьянкин) и мать Тереза, Д. Лихачев и А. Сахаров, С. Королев и Н. Моисеев, М. Ульянов и К. Лавров, Б. Окуджава и А. Солженицын и многие другие. Следует отметить, что некоторые из перечисленных фигур вполне могут быть спорными, поскольку для кого-то из них, возможно, характерны отмеченные выше противоречия. Так, одни представители нравственной элиты отстаивали традиционные, проверенные временем *консервативные ценности*, другие – *прогрессивные ценности* будущих периодов жизни человечества. Глубокая включенность многих представителей нравственной элиты в систему управленческих и иерархических отношений, занимаемые ими руководящие и формальные лидерские позиции нередко вынуждали их идти на нравственные компромиссы. Кроме того, самоотверженное служение избранному делу нередко приводило к забвению ими обязательств перед самыми близкими людьми и делало их подверженными обычным человеческим слабостям и по-

рокам. И наконец, каждый из представителей нравственной элиты в разной степени оказывался способным осуществлять перечисленные выше многообразные ее функции: разрешать нравственные противоречия, служить эталоном и образцом для подражания, различными способами оказывать влияние на нравственное сознание и поведение окружающих и др.

В общем контексте рассмотрения данной проблемы принципиально важно понимать, что нет какой-то необходимости определять тех, кто относится к нравственной элите, так как в каждом конкретном случае это *устанавливается самими членами сообщества, группы и т. п.* Приводимые и возможные другие примеры фактически ничего не подтверждают и не опровергают, они лишь иллюстрируют (но это тоже очень важно!) наличие такой категории людей. Главное состоит совсем не в том, что какие-то конкретные люди будут вызывать неоднозначные оценки в качестве нравственных авторитетов, эталонов и т. п., и даже не в том, что для одних групп или отдельных людей нравственными примерами будут служить одни, а для других – совсем другие, а именно в том, что такие *нравственные эталоны и образцы существуют* в человеческих сообществах.

Проведенный анализ позволил предположить, что, во-первых, нравственная элита является *важнейшим и необходимым компонентом* общественной жизни (потребность основных масс населения в нем чрезвычайно высока). Во-вторых, сочетание всех выделенных признаков нравственной элиты в одном человеке практически невозможно, и это не является обязательным условием его отнесения к данной категории. В этой связи важную исследовательскую задачу представляет определение наиболее *существенных и необходимых* признаков нравственной элиты, *недопустимых* для нее качеств, а также выделение условий, вызывающих их проявление. Т. е. не только *наличие*, но и *отсутствие* каких-то конкретных свойств, качеств, состояний и т. п. может, причем достаточно надежно, характеризовать представителей нравственной элиты. В качестве иллюстрирующего примера можно привести отсутствие чрезмерной самоуверенности и заносчивости, недоброжелательности и агрессивности, высокомерия и нетерпимости и многих других. Однако из приведенного общего положения о требованиях к человеческим качествам нравственной элиты неизбежно должна формулироваться специальная задача по выделению и систематизации совокупности характеристик, проявление которых для представителей анализируемого вида элиты недопустимо. В-третьих,

возможно также выделение различных *типов* нравственной элиты, выполняющих те или иные *роли, функции* и обладающих той или иной совокупностью характеристик. Например, можно выделить представителей нравственной элиты, оказывающих наиболее сильное влияние на других людей собственным примером, а также самоотверженных хранителей традиционных ценностей или же борцов за прогрессивные идеи и, наконец, людей, заслуживших квалификацию нравственных лидеров благодаря своей способности разрешать сложные проблемы и давать ответы на злободневные жизненно важные вопросы и т. д. (ниже мы специально остановимся на анализе возможных ролей и типов подробнее). Сложность в этой связи представляет дифференциация феноменов и соответствующих им понятий «нравственная элита» и «нравственный авторитет», «нравственный идеал» и «нравственный эталон» и т. д., имеющих много общих характеристик.

Можно также предположить, что убеждения (например, консервативные или прогрессивные) представителей различных типов нравственной элиты могут вступать в противоречие. В этом случае общество нередко становится свидетелем и участником конфронтации и даже открытой борьбы между ними. Интересной и вполне решаемой задачей эмпирических исследований может стать выявление идеального образа нравственной элиты в представлениях различных групп населения современной России. В этом направлении уже сделаны значительные шаги. Так, М. И. Воловиковой и ее учениками выполнены исследования социальных представлений о порядочном человеке и представлений русских о нравственном идеале в истории российского общества (Воловикова, 2006; Дикевич, 1999). В то же время, на сегодняшний день перед исследователями нравственной элиты стоит гораздо больше нерешенных вопросов. Например, что в сознании людей отделяет просто порядочного человека от представителя нравственной элиты, насколько четко очерчена и преодолима эта грань? По нашему мнению, нравственная элита – это некоторое *новое качество нравственного человека*, а не просто достижение высокого уровня нравственного сознания или поведения, ранее изучавшегося в отечественной психологии (Асеев, 1988; Братусь, 1993; Купрейченко, 2005). Важно также понять основные жизненные смыслы и ориентиры, потребности и интересы личности, относящей тех или иных своих современников к нравственной элите. Изучение отношений различных социальных групп к современной нравственной элите позволит выявить много

интересных феноменов, в частности упомянутые выше различные роли и, соответственно, типы нравственной элиты.

Социально-психологические категории и роли (функции) нравственной элиты в различных сообществах

Различные группы населения чаще всего относят к нравственной элите следующие *социальные категории людей*:

- создающие высоко духовные, насыщенные глубокими смыслами и вечными истинами произведения Художники (поэты, писатели, режиссеры, актеры, скульпторы, живописцы, архитекторы и т. д.);
- ищущие новые пути развития человечества и социально ответственные за последствия своей деятельности Мыслители и Исследователи (ученые, изобретатели, первопроходцы, конструкторы, испытатели и т. д.);
- воплощающие прогрессивные идеи устройства общества в конкретные социальные и материальные формы Созидатели и Подвижники (государственные, общественные, религиозные деятели, руководители разного уровня и т. д.);
- активно противодействующие аморальным общественным тенденциям и явлениям Защитники и Борцы (журналисты, правозащитники, миротворцы, общественные деятели, представители властных структур и т. д.);
- создающие условия для нравственного развития людей, наставляющие и ориентирующие их в различных системах ценностей и идеалов Учителя, Просветители и Проповедники (педагоги, воспитатели, священнослужители, духовные лидеры, наставники и т. д.);
- заботящиеся о физическом и психологическом благополучии людей Врачеватели и Благодетели (медики и психологи, опекуны и благотворители, социальные работники и представители общественных и государственных организаций);
- показывающие примеры высоконравственной жизни Праведники (представители самых разных категорий) и др.

Выделенные и возможные другие роли не реализуются только исключительно представителями нравственной элиты, реально они могут относиться и к творческой, научной, интеллектуальной, художественной, культурной, духовной видам элиты. В настоящее время фактически не могут быть проведены какие-то строгие и тем более жесткие границы между некоторыми видами элит, по меньшей ме-

ре, по выполняемым ими ролям, в том числе и описанным выше. Поэтому вполне допустимо более широкое толкование содержания понятия «нравственная элита», ее социальных ролей и функций в соответствующих сообществах. В дальнейшем перечисленные и заново выделенные роли должны быть разделены по более строгим критериям (или основаниям), в частности по тому, какого рода недостатки и представителям каких видов элит прощаются или не прощаются социальным окружением при выполнении ими какой-то конкретной роли, и др. Т. е. специфические роли собственно нравственной элиты могут быть постепенно выделены через «ужесточение» критериев, дифференцирующих разные виды элит. В результате возможно определить и описать нравственные роли в узком смысле, наиболее характерные именно для нравственной элиты, однако это задача для специальных работ, более подробно рассматривающих данный вопрос.

Не следует также думать, что к нравственной элите могут быть отнесены лишь известные или выдающиеся общественные фигуры, так как зачастую ее составляют самые обычные люди, ведущие скромную, но нравственно достойную жизнь. В их ряду, несомненно, можно найти Хранителей традиционных ценностей (духовных, нравственных, культурных, эстетических и др.), Мудрецов и Советчиков, людей, являющихся воплощением Гуманизма, Милосердия, Заботы и Доброты, а также многих других, отличающихся особой душевной Красотой. Психологическое воздействие высоконравственных людей, «живущих по соседству», может быть более значительным, нежели влияние удаленных выдающихся личностей, поскольку носит постоянный и долговременный характер, задавая нравственные ориентиры в реалиях повседневной жизни. В то же время воздействие выдающихся личностей, являющихся нравственными примерами, эталонами, идеалами, необходимо для более успешного жизненного и нравственного самоопределения личности, эффективного построения стратегии ее жизни, конструирования своего будущего и т. п.

Названия ролей, которые могут выполнять представители нравственной элиты, пока еще достаточно условны, поэтому они будут, как и их количество, уточняться в ходе будущих исследований. Скорее всего, ряд наших современников, которых респонденты в процессе исследования сочтут возможным отнести к нравственной элите, будут выполнять сразу несколько упомянутых выше ролей. Более того, может оказаться так, что достойными быть при-

численными к нравственной элите сочтут только тех, кто объединяет в себе две или три роли, например: Учитель-Мыслитель-Праведник, Хранитель-Мудрец-Подвижник, Созидатель-Защитник, Художник-Борец, Врачеватель-Проповедник и т. д. Каждый из возможных типов современной нравственной элиты характеризуется определенной совокупностью признаков – наличием позитивных нравственных свойств и обязательно отсутствием негативных. Так, общественное мнение может простить Художнику, Исследователю или Борцу негативные черты характера (например, несдержанность или даже проявления гнева), пренебрежение интересами близких людей и некоторые пороки (в частности, склонность к алкоголю или слабость к представителям противоположного пола и т. д.). Однако большинство людей сочтет эти недостатки совершенно недопустимыми для таких типов нравственной элиты как Учитель, Проповедник, Праведник и др., которые перестанут быть таковыми при наличии указанных негативных качеств. В связи с различием ролей и типов нравственной элиты важно также выделить для разных культур и исторических периодов развития конкретного общества наиболее характерные и наиболее предпочитаемые типы людей, заслуживающих их отнесения к нравственной элите.

В то же время, несмотря на многообразие характеристик и функций представителей различных типов нравственной элиты, можно выделить определенную совокупность их общих свойств. Важно еще раз подчеркнуть, что практически в каждом более или менее крупном сообществе (например, в различных типах поселений, этнических и профессиональных группах, общественных организациях и т. п.) имеются его члены, выступающие *нравственными ориентирами* для других людей. Именно они реально помогают ответить на вопрос о том, как правильно поступить в трудной ситуации, как решить ту или иную жизненную проблему, сделать моральный выбор и т. д. Нравственная элита характеризуется высокоразвитыми способностями решать сложнейшие нравственные задачи, и в этом смысле она обладает высоким *«нравственным интеллектом»*, *«нравственной одаренностью»* и т. п. Последние понятия нельзя пока считать признанными терминами, но именно они способствуют пониманию характеристик, особенностей нравственной элиты.

В этой связи целесообразно сделать несколько уточняющих комментариев. Во-первых, развитие этого вида интеллекта и одаренности, как и всякого интеллекта (общего, социального, эмо-

ционального, психомоторного и т. д.), принципиально различно у разных людей. Вполне допустимо, по нашему мнению, рассматривать нравственный интеллект в качестве *частного варианта* социального интеллекта, однако выявление их соотношения – дело будущих исследований. Во-вторых, решение нравственной проблемы может иметь актуальный характер, однако может вызвать и так называемые отсроченные эффекты, причем достаточно серьезные, которые также необходимо предусматривать в процессе выработки решения. Социальная *способность прогнозировать* подобные отсроченные эффекты при решении нравственных проблем – это важнейшая характеристика нравственного интеллекта. В-третьих, можно предполагать, что на проявление нравственного интеллекта человека оказывает влияние *общий интеллект* со всеми многочисленными свойствами, однако влияние при этом не может быть прямым – оно, бесспорно, представляет собой более сложную закономерность (Брушлинский, Темнова, 1993).

Хорошо известно, как представители подобных групп высоко-нравственных людей во все исторические периоды приносили свое материальное благополучие и даже собственные жизни в жертву не ради каких-то абстрактных идей, а ради сохранения конкретных ценностей и идеалов в качестве жизненных ориентиров как для современных им, так и для последующих поколений. Что же выступает для таких групп показателем успешной социальной адаптации? Назовем лишь некоторые возможные показатели, которые являются одновременно и свойствами нравственной элиты. Во-первых, *социальная ответственность*, которую они воспринимают и переживают как свой *долг, служение* или просто неотъемлемое содержание своей жизни. Во-вторых, *стойкость личности* перед лицом жизненных трудностей и социальных изменений, которая всегда считалась большим достоинством человека. В-третьих, важным качеством является отношение личности ко времени, в частности, такой показатель, как *видение временной перспективы*. В-четвертых, необходимым свойством представителя нравственной элиты закономерно является *нравственная зрелость*. Социальная ответственность, стойкость личности в отстаивании жизненных принципов, ценностей и идеалов, зрелость личности, а также видение ею широкого временного горизонта являются конкретными свойствами подлинной *субъектности* человека. Следует также отметить, что строгое следование нравственным нормам и правилам в течение всего жизненного пути требует от человека значительных воле-

вых усилий, поскольку нравственный выбор – чаще всего не выгоден с точки зрения удобства и комфорта жизни индивида.

Таким образом, нравственная жизнь, противостояние и противодействие новым легковесным, узкогрупповым или сиюминутным принципам, ценностям и идеалам есть сознательно выбранный способ (*и тип*) самоопределения индивидуальных или групповых субъектов. Показательным в этом отношении является высказывание Е. А. Камбуровой, прозвучавшее на встрече с почитателями ее творчества в телепередаче «Линия жизни» (телеканал «Культура»): «Изучаю дух времени, чтобы от него защититься...» Это, прежде всего, свидетельствует о неизменности, устойчивости ее нравственной позиции. Ценности данной категории людей выступают как бы «центром кристаллизации» – основой сохранения и воспроизводства, передачи и формирования норм и правил, ценностей и идеалов разных, в том числе и новых социальных групп в изменяющемся обществе. Придерживаясь абсолютных нравственных ценностей, переносимых через исторические времена, такие люди дают интерпретацию и моральную оценку происходящих событий и новых общественных явлений, объясняя окружающим, хорошо это или плохо, полезно или вредно, допустимо или не допустимо в данных условиях для конкретной личности, группы, общества, человечества и т. д.

На основании сказанного следует заключить, что *основная социальная функция* нравственной элиты в обществе – это сохранение и поддержание, воспроизводство и трансляция новым поколениям абсолютных, универсальных, наиболее устойчивых, стабильных и проверенных историческим временем *нравственных регуляторов* (нравственные принципы и смыслы, ценности и идеалы, нормы и правила и т. д.) жизнедеятельности человека в обществе. Необходимость и реальное выполнение данной функции наиболее ярко видны в условиях общественных (экономических, политических и т. п.) кризисов. Представители нравственной элиты традиционно ведут себя наиболее устойчиво и последовательно, вне зависимости от изменяющихся внешних социальных условий, демонстрируя другим людям, социальным группам и обществу в целом главные жизненные ориентиры – нравственные принципы и ценности, к которым общество, в случае социальных отклонений, обязательно должно вернуться. Именно нравственная элита не позволяет, даже в сложнейших кризисных условиях, утратить важные нравственные регуляторы общественной жизни, сохраняя в себе нравственное

начало как самое святое, в том числе и при инволюционных его изменениях в конкретном обществе или социальной группе, являя своим примером достойные образцы саморегуляции, эталоны произвольного поведения и т. п. Абсолютные, универсальные нравственные ценности являются наиболее устойчивыми по сравнению с экономическими, правовыми, политическими, социальными и др.

По нашему мнению, можно постулировать высокую *независимость* сознания, самосознания и социального поведения представителей нравственной элиты от внешних социальных условий, однако лишь в строго определенном смысле: независимость от изменения этих условий, в том числе и радикального. В целом же можно с большой уверенностью утверждать, что нравственная элита тесно связана и взаимодействует с социальной средой и тем самым проявляет от нее *зависимость*, причем в нескольких смыслах. Во-первых, нравственная элита в процессе реализации своих социальных функций в сообществах всегда обращена к окружающим людям, группам и т. п. (либо непосредственно и целенаправленно, либо как-то косвенно, но всегда – через ее восприятие окружающими). Во-вторых, у представителей элиты зависимость от социальной среды может возникать в виде обостренных нравственных чувств или определенной модальности нравственного отношения к возникающим обстоятельствам, происходящим социальным событиям, поведению конкретных окружающих людей, различного рода общественных лидеров, руководителей и т. д.

Специфика влияния и формирования нравственной элиты

Следует специально остановиться на выделении *специфики влияния* нравственной элиты на других людей, социальные группы, по сравнению с влиянием других видов элит. *Первая* особенность заключается в том, что практически все упоминавшиеся выше виды элит в общественном разделении труда всегда стремятся производить что-то *новое* или, по меньшей мере что-то совершенствовать, вносить реальные изменения в соответствующие сферы жизнедеятельности (экономику или политику, науку или образование, бизнес или спорт и т. д.). Нравственная же элита воспроизводит и транслирует прежде всего уже *известные* человечеству нравственные принципы и нормы, ценности и идеалы, однако стремится сделать это в более широких масштабах, насколько это возможно или получается, наполняя их конкретным содержанием в соответствии с требованиями времени.

Вторая особенность нравственной элиты состоит в том, что ее жизненные принципы и ценности для большинства людей представляют собой *идеал*, к которому *могут и должны стремиться* фактически все. Нравственные вопросы волнуют практически всех людей, а то, в чем наиболее ярко проявляет себя нравственная элита, тоже имеет отношение ко всем людям. И это принципиально отличает ее от других видов элиты, к нормам и правилам жизнедеятельности которых реально могут, и тем более должны, стремиться лишь *отдельные* представители социальных групп современного общества. Тем самым нравственная элита не противопоставляется основным массам населения – она представляет собой лишь их *авангард*, хотя и труднодостижимый, *эталон, образец, пример* именно для них и т. п. Важно подчеркнуть, что речь в таком сравнении идет, с одной стороны, об общественной необходимости, а с другой стороны – о возможностях отдельных людей достичь ценностей и идеалов нравственной элиты или даже приблизиться к ее представителям.

Среди характеристик нравственной элиты важно выделять и отдельно представлять, во-первых, функциональную *рациональность*, которая была отмечена выше и которая выражается прежде всего в пользе для социальной группы и общества (например, общественно-полезной активности, бескорыстной помощи другим людям, благотворительности, альтруистическом поведении, жертвенности и т. д.), во-вторых, некоторую *идеальность* представителей нравственной элиты, которая сопровождается трудностями достижения их жизненных принципов, ценностей, образа жизни в целом, но одновременно и магнетическим действием, порождающим у большого числа людей намерения и стремления достигнуть такого состояния или качества, которое не всякому человеку доступно. Функциональная рациональность нравственной элиты может *целенаправленно* формироваться в обществе различными способами, причем многочисленными, в том числе и с помощью ее культивирования государством, властными структурами, разными административно-управленческими органами и т. д. Идеальность, по нашему мнению, формируется чаще всего *стихийно*, через конкретные и, как на деле оказывается, трудоемкие и далеко не всегда заканчивающиеся соответствующим результатом попытки достижения образа жизни нравственной элиты или хотя бы отдельных его составляющих.

Третья особенность нравственной элиты состоит в том, что ее представители реально встречаются в любой сфере жизнедеятель-

ности общества: науке и образовании, политике и экономике, спорте и управлении, искусстве и культуре и т. д., так как во всех них функционируют и *человеческие отношения*, и *социальные группы*, в которых наиболее ярко и может проявляться нравственная элита. В этом смысле она характеризуется тесно связанными свойствами: с одной стороны, *универсальностью* своего проявления, а с другой – *интегрированностью* с другими видами элит. Поэтому в одном человеке могут одновременно сочетаться характеристики (или признаки) разных элит, по меньшей мере любого вида элиты в сочетании с нравственной, например, научной и нравственной, художественной и нравственной, спортивной и нравственной и т. п. Именно в этом состоит *особый* (и универсальный, и интегрирующий) характер нравственной элиты, который во многом и позволяет объяснить причины хотя бы частичного совпадения свойств разных ее видов, таких как интеллектуальная, научная, творческая и особенно – духовная и культурная.

Какой бы, однако, ни была специфика влияния нравственной элиты на социальное окружение, его реальная степень или интенсивность определяются огромным *множеством разнообразных факторов*, выделение и конкретное изучение которых представляет собой важную и теоретическую, и эмпирическую задачу социально-психологического исследования. В контексте данной работы необходимо кратко отметить несколько таких факторов. *Во-первых*, в любом конкретном сообществе принципиально важен *процент (или доля)* людей, реально способных сохранять, воспроизводить и тем более изменять в позитивном направлении нравственную атмосферу жизни этого сообщества. Конечно, таких людей может быть сравнительно немного, но при этом должно быть достаточно, чтобы положительно влиять на общую нравственную атмосферу в сообществе. Повышение доли таких людей в любом сообществе нужно рассматривать в качестве специальной научно-практической задачи, о решении которой пойдет речь в конце данной статьи. *Во-вторых*, необходимо понимать, что, несмотря на существенное значение количественных показателей, определяющую роль чаще всего будет играть *качественное содержание* сохраняемых или транслируемых нравственных принципов, ценностей, идеалов и т. д. К анализу перечисленных нравственных регуляторов (принципов, ценностей, идеалов, норм, правил и т. п.) необходимо подходить дифференцированно, например, учитывать степень строгости следования им, возможности их переноса на других людей

и т. д. В-третьих, представители нравственной элиты своей жизнедеятельностью фактически создают вокруг себя *пространство* нравственно-психологических отношений, границы которого сложно не только прогнозировать, но и точно описывать и определять, тем более, что такое пространство является не физической, а социально-психологической реальностью.

Стараясь выделить наиболее яркие особенности *Я-концепции* представителей нравственной элиты, при всей их разнородности можно отметить следующее: их главные ориентиры вынесены в сознании за пределы (или границы) пространства сиюминутных человеческих отношений или проблем, будь то проблемы отдельного человека, какой-то конкретной группы, общества или человечества в целом. Фактически речь должна идти об известном феномене *трансценденции субъекта*, его выхода за границы только человеческого существования.

В трансцендентности нравственной элиты наиболее ярко проявляется ее гуманизм, хотя он, безусловно, качественно отличается от традиционного гуманизма. Суть его заключается в следующем: чтобы эффективно решать многие важные и сложные жизненные проблемы, человеку необходимо и полезно выходить за пределы пространства непосредственного и привычного существования. Следовательно, важнейшая функция социального конструирования трансцендентного субъекта принадлежит именно нравственной элите.

В связи с анализом реального положения нравственной элиты в современном обществе целесообразно поставить вопрос об отношении к ее представителям со стороны других людей – ее современников. Вполне можно утверждать, что в *отношении к нравственной элите* может проявляться вся возможная *психологическая шкала*: от оценки ее представителей как идеала, их превознесения и обожания до агрессивного и враждебного отношения к ним, не говоря уже о возможной недоброжелательности и критических оценках. В социально-психологическом смысле не совсем понятно и то, что в некоторых сообществах, конкретных группах высоконравственные люди вызывают насмешливое отношение, разного рода мелкие издевки и т. п., выражающиеся на уровне обыденного сознания прежде всего в таких высказываниях, как: «тоже мне, нравственный нашелся», «смотри, а то скоро крылья на спине вырастут», «все „простите“ да „пожалуйста“ – противно слышать» и т. п. (приводится из протоколов эмпирических исследований). Вопрос об отношении

к представителям нравственной элиты по большому счету еще ожидает своего специального и подробного исследования.

Проблема формирования нравственной элиты

Если все-таки допустить, что термином «нравственная элита» можно обозначать особые категории высоконравственных людей в социальных группах или современном обществе, то закономерным и принципиально важным вопросом становится неизбежное *формирование (или культивирование)* соответствующей нравственной элиты, как и всякого другого ее вида (политической, управленческой, научной, художественной, спортивной и т. д.). В необходимости и возможности последнего уже никто не сомневается. Во многих современных обществах, в том числе российском, существенно продвинулись в целенаправленной подготовке самых разных из упоминавшихся выше элит.

Научно-практическая задача формирования нравственной элиты одновременно включает как минимум две относительно самостоятельные ее составляющие. С одной стороны, принципиально важно сформировать *высоконравственного человека*, отвечающего соответствующим нравственным требованиям и обладающего признаками, характерными для представителей нравственной элиты (хотя бы их частью). Это само по себе чрезвычайно важно и сложно! С другой стороны, если говорить о формировании нравственной элиты, этим невозможно ограничиваться, так как она становится таковой тогда, когда ее представители оказывают *существенное влияние на сообщества людей*, в которые они включены или для которых они представляют собой авторитеты в сфере нравственных отношений и поведения. Т. е. формируемая элита должна отвечать также критерию *влиятельности (или влияния)*, *действенности (или воздействия)* по отношению к сообществам людей.

В обсуждении психологической проблемы формирования нравственной элиты нельзя обойти вопрос о возможности разработки и исследования специальных *психотехнологий* как средств регуляции своего социального поведения, имея в виду в том числе нравственное поведение, а также нравственные компоненты других его видов. В настоящее время в психологии активно формируется научно-практическое направление по созданию, в частности, тренинговых технологий работы с людьми, направленных на актуализацию положительных, в том числе духовно-нравственных качеств человека (Голубева, 2005), позитивное изменение которых,

безусловно, представляет собой практическую психологическую задачу высочайшей степени сложности. В этой связи интересно привести мнение О. Ю. Голубевой – одного из разработчиков таких психотехнологий: «Технология, направленная на позитивное изменение духовности, вскрывает психологические механизмы этапно-уровневого строения специально организованной деятельности психолога-экспериментатора, основными задачами которого являются стимулирование развития позитивных морально-нравственных качеств личности, духовных ценностей, гуманного отношения личности к своей профессии» (Попов и др., 2008, с. 183). По-видимому, данное научно-практическое направление, по мере своего развития и укрепления, вполне сможет стать полезным в решении поставленной выше проблемы.

В связи с формированием нравственной элиты возникает интересный вопрос о том, возможны ли в принципе *специализированные формы подготовки* (или воспитания) высоконравственных людей, или такое формирование всегда включено в другие, самые разные формы обучения и воспитания, а также в процесс общей социализации прежде всего молодых людей. Помочь ответить на этот непростой вопрос, по нашему мнению, может специальный анализ опыта подготовки служению другим людям, обществу и государству, накопленного в истории нашей страны. Совсем не претендуя на такой анализ, здесь можно привести лишь отдельные известные исторические примеры эффективной подготовки высоконравственных людей в России: воздействие старчества как духовного явления русского православия, воспитание российского дворянства, система подготовки российского офицерства, подготовка священнослужителей, воспитание в институтах благородных девиц и т. д. Именно *служение* Богу и Родине, стране и народу, государству и отечеству, обществу и человечеству составляло *главную цель* вышеперечисленных систем подготовки (обучения и воспитания), что во многом вселяет надежду на нахождение и разработку подобных, но современных ее форм. В контексте данной работы принципиально важно признать, что аналогичное, по сути, возможно и сегодня, не забывая при этом, что *высоконравственный жизненный путь есть результат осознанного выбора, жизненного и нравственного самоопределения человека*. Поэтому в конечном итоге принципиально важно и необходимо говорить о создании окружающих условий, социально-психологических пространств и социальных сред, способствующих формированию будущих представителей нравственной элиты.

Заключение

Таким образом, в российском обществе существовали всегда и существуют в настоящее время категории людей, которые целесообразно обозначить термином «нравственная элита», выполняющие важнейшие полезные функции в жизнедеятельности современного общества. Кроме того, существует высокая потребность больших масс людей видеть ее представителей на ключевых позициях во всех сферах общественной жизни. Проектирование будущего развития России, по нашему мнению, должно обязательно предусматривать проект развития и целенаправленного формирования нравственной элиты российского общества, предполагающей высочайшую не только нравственную, но и психологическую культуру бытия как отдельного человека, так и многочисленных общностей, в которые он включен.

Вся совокупность поставленных и частично рассмотренных в этой работе вопросов практически остается нерешенной и требует продолжения специальных исследований. Их актуальность не вызывает никаких сомнений, а результаты будут востребованы не только разными отраслями психологии, но и различными смежными науками, прежде всего этикой. Что же касается решения практических задач, связанных с формированием нравственного сознания, подготовкой высоконравственных молодежных лидеров, воспитанием разных видов элит в современном обществе, то оно может приобрести качественно другое содержание и формы, если учитывать закономерности становления, функционирования и развития нравственной элиты в конкретных сообществах. Однако все это пока остается делом будущих социально-психологических исследований.

Литература

- Асеев В. Г.* Мотивационная регуляция нравственного поведения личности // Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности. М.: ИП АН СССР, 1988. С. 36–42.
- Братусь Б. С.* К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 6–13.
- Брушлинский А. В., Темнова Л. В.* Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: ИП РАН, 1993. С. 45–56.
- Воловикова М. И.* Представления русских о нравственном идеале. 2-е изд. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.

- Воробьева А. Е., Купрейченко А. Б. Нравственное самоопределение российской молодежи // Человек. Власть. Общество: Научные труды VII Азиатско-Тихоокеанского Международного Конгресса психологов (Хабаровск–Токио, 12–16 мая 2008 г.). Хабаровск, 2008. С. 47–49.
- Голубева О. Ю. Развитие духовных характеристик личности в условиях специально организованной деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2005.
- Горбачева Е. И., Купрейченко А. Б. Отношение личности к деньгам: нравственные противоречия в оценках и ассоциациях // Психологический журнал. Т. 27. 2006. № 4. С. 26–37.
- Дикевич Л. Л. Обыденные представления о порядочном человеке: Дис... канд. психол. наук. М., 1999.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
- Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
- Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в условиях макросоциальных изменений // Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во ИП РАН, 2009. С. 207–278.
- Купрейченко А. Б. Актуальность исследования нравственно-психологических факторов экономического самоопределения // Психология и современное российское образование: Материалы IV Всероссийского съезда психологов образования России. М., 2008. С. 471–472.
- Купрейченко А. Б. Проблемы нравственно-психологической регуляции экономической активности // Проблемы экономической психологии. Т. 2. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 17–65.
- Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России и Санкт-Петербурга. СПб., 2000.
- Попов Л. М., Голубева О. Ю., Устин П. Н. Добро и зло в этической психологии личности. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
- Психологический универсум образования человека ноэтического / Под ред. В. И. Кабрина. Томск: Водолей, 1999.
- Современная российская элита / Под общ. ред. О. В. Красновой, Б. В. Кайгородова. М.: Изд-во МПСИ, 2008.
- Стрижов Е. Ю. Психология нравственной надежности и мошенничества. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2009.

Хвостов А. А. Структура и детерминанты морального сознания личности: Дис... докт. психол. наук. М., 2005.

Чернышев А. С., Лунев Ю. А., Лобков Ю. Л., Сарычев С. В. Программа проектирования развивающей социальной среды (социального оазиса) и подготовки молодежных лидеров. Курск: Изд-во КГПУ, 2006.

Чудновский В. Э. Нравственная устойчивость личности: Психологическое исследование. М.: Педагогика, 1981.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ НРАВСТВЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А. Б. Купрейченко, А. Е. Воробьева

Введение

Результаты некоторого ряда исследований последних лет показывают высокую значимость нравственно-психологических факторов и явлений в регуляции социального поведения и в целом активности личности (Воловикова, 2004; Горбачева, Купрейченко, 2006; Журавлев, Купрейченко, 2003; Журавлев, Купрейченко, 2007; Редькина, 2003). По нашему мнению, в ряду этих явлений особый интерес для исследования представляет *нравственное самоопределение, результатом которого является нравственная позиция*, проявляющаяся и обнаруживаемая не только в ходе изучения декларируемых этических принципов, норм и убеждений, но также (и, вероятно, более точно) через анализ системы отношений личности. К. К. Платонов отмечал, что об уровне моральной воспитанности личности в совокупности позволяют судить ее отношения к окружающему миру и обществу, к труду (работе), другим членам коллектива и к себе (Платонов, 1986). Нравственная позиция формируется на основе культурно, социально, исторически обусловленных норм морали конкретного общества. Восприятие и оценка, принятие или отвержение этих норм зависит от особенностей личности, жизненного опыта и условий, в которых проходило ее формирование.

Важно отметить, что нередко декларируемая личностью нравственная позиция расходится с реальным поведением в этически сложных ситуациях. Одним из примеров такого расхождения является неискреннее, лицемерное, ханжеское отношение к нравственности. Но возможны также противоположные случаи, когда действие нравственных принципов и идеалов не осознается личностью, однако они оказывают существенное влияние на ее социальное поведение. Эмпирические референты подобных расхождений, с одной

стороны, осознаваемой и декларируемой нравственной позиции личности, а с другой – ее психологической готовности к конкретному и реальному поведению, были выявлены в ходе исследования нравственного самоопределения.

Концептуальные основы изучения нравственного самоопределения личности

Под *самоопределением* понимается поиск субъектом своего способа жизнедеятельности в мире на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых (создаваемых) им во временной перспективе базовых отношений к миру, человеческому сообществу в целом, другим людям и самому себе, а также собственной системы жизненных смыслов и принципов, ценностей и идеалов, возможностей и способностей, ожиданий и притязаний (Журавлев, Купрейченко, 2007). В соответствии с таким пониманием составляющими элементами самоопределения являются следующие: основные жизненные принципы и смыслы, ценности и идеалы субъекта, его цели и мотивы, базовые отношения к миру, другим людям (например, общая установка на доверие или недоверие), оценка своих способностей и возможностей, ожидания и мечты, представления о жизненной перспективе и о возможных изменениях системы ценностей и смыслов на протяжении жизни и др.

Таким образом, в анализе структуры и содержания самоопределения (более полное представление о которых, как авторское, так и других исследователей, изложено в специальной работе: Журавлев, Купрейченко, 2007) предполагается возможность оценки большого числа элементов нравственного самоопределения личности. Таковыми могут выступать нравственные ценности и идеалы, представления о нравственности, морали, конкретных нравственных нормах и т. д., а также отношение к себе как субъекту этических отношений, нравственные стратегии личности, нравственная оценка различных социальных явлений, основные нравственные потребности, способности и т. д.

Ранее А. Л. Журавлевым, А. Б. Купрейченко и Е. И. Горбачевой были разработаны специальные методические приемы для оценки некоторых из названных выше элементов. Имеются в виду методика «Отношение к соблюдению нравственных норм» (ОСНН), методика оценки доверия/недоверия личности к другим людям, а также опросник «Нравственная оценка денег» (Горбачева, Купрейченко, 2006; Журавлев, Купрейченко, 2003; Журавлев, Купрейченко, 2007).

Для теоретического обоснования выбора ключевых, наиболее значимых элементов нравственного самоопределения необходимо провести анализ теоретических и эмпирических моделей нравственности личности. Для оценки нравственности личности, сформированности ее нравственного сознания или моральной воспитанности традиционно используются как «уровневые» (Л. Колберг, К. Гиллиган, К. К. Платонов, Б. С. Братусь, В. Т. Чепиков и др.), так и многофакторные, «ординатные» модели (Ю. В. Синягин, А. А. Хвостов и др.). К проблеме нравственного самоопределения в своих работах обращались многие современные философы и психологи: Л. М. Архангельский, В. И. Бакштановский, Л. И. Божович, А. А. Гусейнов, О. Г. Дробницкий, Д. Ж. Валеев, Н. Д. Зотов, В. Ф. Сафин, В. Н. Шердаков, В. Э. Чудновский и др.

Проводя анализ содержания нравственного самоопределения, В. Ф. Сафин отмечает, что «люди выбирают для себя не принципы, которыми надлежит руководствоваться, а линию поведения, которая, с одной стороны, адекватна ситуации, а с другой – соответствует их нравственным принципам» (Сафин, 2004, с. 20). И далее он отмечает: «Регулятивная функция нравственного сознания не нуждается в том, чтобы вводить какое-то начало, предписывающее перебирать принципы поведения, менять сложившееся к ним отношение. Будем ближе к истине, если под нравственным самоопределением понимать формирование совести, с позиций которой осуществляется самоанализ, самооценка, закаливание воли и характера» (Сафин, 2004, с. 20–21). Трудно согласиться с этими положениями. Радикальные социальные и экономические изменения в российском обществе в течение одного только XX в. повлекли за собой несколько кризисов социальных норм, в том числе морали, проявляющихся в трансформации нравственного сознания всего общества и отдельных социальных слоев. Эта трансформация происходит на фоне усиливающихся во всем мире процессов взаимодействия различных культур, в том числе глобализационных и антиглобализационных. Для нынешнего поколения российских людей особо актуальной является проблема определения своей позиции в системе нравственных идеалов и ценностей различных исторических эпох и культур, создания на их основе новых нравственных эталонов, собственных этических кодексов.

Ранее в специальной работе были описаны **некоторые особенности нравственного самоопределения** (Купрейченко, 2008), которые мы перечислим ниже ввиду их особой важности. Многие ис-

следователи отмечают высокую значимость идеала в нравственном самоопределении. А. А. Гусейнов считает, что задача нравственности состоит в том, чтобы ориентировать реальное сознание и поведение людей на осуществление идеала должного (Гусейнов, 1982). По мнению Л. И. Божович, в нравственном самоопределении идеал выполняет двойную функцию: с одной стороны, создает более или менее постоянную и интенсивную систему нравственных устремлений, а с другой – является нравственным критерием поступков человека в различных жизненных ситуациях (Божович, 1997). В. Ф. Сафин, анализируя работы Л. И. Божович и В. Э. Чудновского, выдвигает гипотезу, что «идеал, сформировавшийся в результате сознательного поиска цели и смысла жизни, становится иерархизирующей основой всех элементов сущностных сил, следовательно, и регулятором поведения личности» (Сафин, 2004, с. 16). Исходя из этого *первая особенность нравственного самоопределения*, по нашему мнению, заключается в особой значимости отдельных структурных компонентов самоопределения, главным образом эталонов и идеалов. Для других видов самоопределения (профессионального, экономического и т. д.) наличие осознаваемых идеалов не является обязательным элементом, или же идеал может формироваться постепенно в ходе становления профессионала или субъекта экономической деятельности. Для нравственного самоопределения идеал является основой формирования других элементов – ценностей, принципов и правил поведения. Он также может определять базовые отношения личности к миру и людям (любовь, доверие и т. д.) и нравственные стратегии, т. е. по отношению к этим составляющим нравственный идеал является первичным.

В связи с этим можно сказать, что *второй особенностью нравственного самоопределения* является отчетливая выраженность ее уровневого строения. Ранее нами была предложена уровневая модель самоопределения субъекта, которая основывается на положении о том, что *элементы самоопределения, составляющие ее психологическую основу, иерархически организованы и образуют несколько уровней*. Основными из них являются два: первым, более высоким уровнем является устойчивый «ценностно-нравственный стержень» субъекта; вторым уровнем – подчиненная ему пластичная составляющая самоопределения («оболочка»). Главными основаниями для выделения этих компонентов самоопределения послужили различная *степень устойчивости* во времени образующих самоопределение психологических феноменов и *различные функции*, которые

они выполняют в жизни субъекта. *Ценностно-нравственный стержень* (он же может быть обозначен как ценностно-смысловой, смысло-жизненный, нравственный; используется также близкое по содержанию понятие «мировоззренческая позиция» и т. п.) объединяет в себе: представления о принципах устройства мира («картина» или «образ мира») и человеческого сообщества, смыслы жизни, ценностные идеалы (наиболее значимые ценности и ориентации личности), ценностные табу (отвергаемые ценности и ориентации), основные жизненные способности (С. Л. Рубинштейн), жизненные принципы (разрешающие «я делаю всегда» и запрещающие «я никогда не делаю»), а также притязания. *Динамичная и пластичная составляющая самоопределения – «оболочка»* – включает представления об окружающем социально-психологическом пространстве, ценности, цели и мотивы различных этапов жизни, знания об актуальных способностях и своих возможностях на каждом этапе. Кроме того, «оболочка» включает психологическую (прежде всего мотивационную) готовность личности к определенным действиям, связанным с достижением желаемой позиции в системе социальных отношений на каждом этапе жизни (упомянутые выше психологические феномены «предповедения»). Ее содержание динамично, поскольку отражает ценностные и мотивационные особенности текущего этапа жизнедеятельности субъекта, а кроме того, пластично изменяется в частичном соответствии с внешними условиями.

Помимо двух основных уровней, можно в качестве предположения выделить в структуре «стержня» наиболее устойчивое образование – «ось», выполняющую системообразующую функцию по отношению к основным его элементам. В обыденном сознании это судьба, предначертание или предназначение, генеральная линия жизни человека и т. д. Оправданным кажется нам и допущение о существовании определенной «переходной зоны» между «стержнем» и «оболочкой». Кроме того, возможно выделение некоторого «поверхностного слоя» самоопределения. Под ним понимается социально желательный или демонстративный образ личности (ее «маска», «личина», «роль» и т. д.), привычный образ жизни (основанный на опыте предыдущих этапов самоопределения), а также случайные, ситуативные и нетипичные свойства (которые, однако, могут быть проявлением глубинных уровней самоопределения – «привычка – вторая натура») и т. д. При таком варианте структуры можно в качестве предположения выделить ведущую функцию каждого структурного элемента. Так, ведущая функция «оси» – систе-

мообразование, а самого «стержня» – сохранение. Основная функция «переходной зоны» между «стержнем» и «оболочкой» – обмен (приближение и закрепление новых значимых ценностей, целей и т. д. и отдаление других, ставших незначимыми). Можно также предположить, что ведущей функцией «оболочки» является адаптация, а «поверхностный слой» может служить в первую очередь для самопрезентации субъекта.

Приложение уровневой модели к нравственному самоопределению позволяет в качестве основных элементов «ценностно-нравственного стержня» назвать нравственные идеалы, эталоны, нравственное мировоззрение и т. д. «Оболочку» нравственного самоопределения составляют нравственные принципы, этические стратегии, нормы, правила поведения в различных ситуациях и с различными категориями людей и т. д.

Третья особенность нравственного самоопределения, которая, однако, на сегодняшний день является гипотезой, требующей проверки, состоит в особой устойчивости «стержня» и высокой мобильности «оболочки». Особая устойчивость «нравственного стержня» объясняется его системообразующей ролью в формировании личности и регуляции ее жизнедеятельности. Подвижность «оболочки» требует специального пояснения. Соблюдение или несоблюдение личностью собственных этических принципов и норм тесно связано с самооценкой и самоуважением, поэтому несоответствие поведения личности ее нравственному кодексу воспринимается очень болезненно. Потребность сохранить самоуважение приводит к актуализации психологических защит, а также к корректровке стратегии этического поведения, конструированию новых принципов, выработке дополнительных условий и поправок к прежним.

В то же время наличие мощных внутренних регуляторов – совести и стыда – обвинителей и судей, от которых невозможно скрыться, определяет *четвертую особенность нравственного самоопределения*. Она заключается в высокой степени выраженности чувства долга, нравственной ответственности и самопринуждения, которые отмечают многие исследователи (Дробницкий, 1974; Зотов, 1983; Сафин, 2004). Не случайно Н. Д. Зотов считает самоповелевание центральным звеном нравственного самоопределения (Зотов, 1983). В этой связи можно отметить, что для нравственного самоопределения особо значимы процессы саморазвития личности, в частности самовоспитание и др.

В. Ф. Сафин считает, что нравственное самоопределение занимает особое место в ряду различных видов самоопределения: «Во-первых, потому, что нравственность не представляет сферы жизнедеятельности людей, она составляет имманентную сторону жизнедеятельности, специфический момент поведения и поступков, их подтекст» (Сафин, 2004, с. 20). Несомненным, на наш взгляд, является только то, что нравственное самоопределение выступает неотъемлемой частью большинства других видов самоопределения личности или группы: личностного, жизненного, социального, экономического, политического, этнического, религиозного, профессионального, семейного и других. В этом состоит *пятая особенность нравственного самоопределения* (возможно, одна из наиболее важных).

Однако можно отметить, что существуют некоторые особые сферы жизнедеятельности, в которых именно нравственные регуляторы проявляются в наиболее явной форме и выступают определяющими и, соответственно, существует нравственное самоопределение как самостоятельное явление. Фактически речь идет о четырех формах регуляции жизнедеятельности людей. Первая характерна для многих ее сфер, в которых нравственные отношения являются регуляторами, но наряду с другими – более значимыми (экономическими, политическими и т. д.). Вторая имеет место в сферах отношений, где нравственные факторы особо значимы – одну из них, хотя и условно, можно обозначить как сферу психологических отношений между людьми. В качестве третьей формы можно выделить отношение субъекта к самому себе, и здесь нравственные факторы играют определяющую роль в формировании личности, ее самосознания, Я-концепции и т. д. Четвертая форма регуляции характерна для сферы морали – сферы общественного сознания, науки и социальных институтов (моральных норм и кодексов, выступающих внешними регуляторами поведения и основаниями объединения различных групп людей). Для этой формы характерно то, что нравственные феномены являются не только мощными регуляторами, но и основными предметами, объектами и субъектами взаимодействия, деятельности, изучения, обсуждения, формирования и т. д. Так, можно говорить о взаимодействии, интеграции или столкновении различных мировоззренческих и нравственных систем в общественном сознании, сознании отдельных социальных групп и личностей. Различный характер и значимость нравственно-психологической регуляции в сферах жизнедеятельности четырех описанных форм накладывает отпечаток на нравственное

самоопределение. Поэтому и само нравственное самоопределение многоаспектно или многосегментно.

Таким образом, в структуре нравственного самоопределения можно выделить четыре основных сегмента. Первый – самоопределение в отношении морали и нравственности как части общественного сознания и социального института, т. е. самоопределение в системе мировоззрений, философских концепций нравственности, а также в системах моральных ценностей различных эпох и культур. По отношению к этим явлениям субъект должен определить свое отношение, выработать стратегию поведения в случае возникновения противоречий между различными системами мировоззрений или этических концепций, ценностей и т. д. Второй сегмент нравственного самоопределения – самоопределение в отношении объектов и явлений окружающего мира и бытия субъекта. Эти составляющие самоопределения особо значимы в тех сферах жизнедеятельности, где роль других факторов (политических, экономических и т. д.) более весома по сравнению с нравственными. Содержанием этого сегмента является нравственная оценка различных феноменов и явлений данной сферы жизнедеятельности (например, нравственная оценка денег, собственности, политической власти и т. д.), формирование стратегий поведения в случае столкновения нравственных и иных мотивов личности (экономических, политических, профессиональных и др.) и т. д. Третий сегмент – самоопределение в отношении других людей, групп и общества в целом с точки зрения нравственности. Содержанием этого сегмента нравственного самоопределения является формирование отношения к Человеку и ко всему человечеству, к людям и социальным группам, являющимся носителями определенных этических ценностей. Данный сегмент включает также наделение нравственными смыслами отдельных видов отношений между людьми, формирование стратегий поведения при взаимодействии с ними в различных, в том числе конфликтных ситуациях и др. Эти процессы особо значимы в сфере отношений между людьми и других сферах жизнедеятельности, в которых нравственным факторам принадлежит главная регуляторная роль. Четвертый сегмент нравственного самоопределения – самоопределение в отношении к самому себе как субъекту нравственности. Его главными составляющими являются нравственное «Я-идеальное», а также способы и критерии его достижения.

В нашей модели отдельные сегменты нравственного самоопределения тесно соприкасаются и имеют общий центр или точку

опоры («нравственный стержень») – представления о принципах устройства мира (в частности представления о происхождении нравственности, ее значимости для общества, абсолютности – относительности и т.д.) (рисунок 1). С ними тесно связаны смыслы жизни, ценностные идеалы и табу, базовые отношения к миру, людям и самому себе: например, отношение к человеку как к достойному любви творению, созданному по образу и подобию божьему, или же как равному партнеру, ценность которого зависит от его поведения или, наконец, как к средству достижения своих целей. От этого во многом зависят нравственные ценности и ориентиры личности – любовь, справедливость, эгоцентризм и т.д. Таким образом, нравственное самоопределение имеет сложную (согласно нашим представлениям, многосегментную структуру) В этом состоит *шестая* из отмеченных нами особенностей нравственного самоопределения.

Рис. 1. Структура нравственного самоопределения

Таким образом, *нравственное самоопределение* понимается нами как процесс поиска субъектом своего способа жизнедеятельности в системе отношений нравственности, включающий ориентацию в системе нравственных идеалов и ценностей среди людей и социальных групп, являющихся их носителями, а также выбор и создание собственных нравственных эталонов и идеалов, а затем на их основе – принципов, ценностей и норм. Создание нравственных эталонов и идеалов может осуществляться с преобладанием внешней (формирование, обучение, воспитание) или же внутренней детерминации (творение, созидание, конструирование).

Программа изучения нравственного самоопределения личности

Программа включает специально разработанную методику «Нравственное самоопределение личности», оценивающую представления личности о происхождении, значимости и роли нравственности в жизни общества, ключевые элементы этических стратегий, а также преобладающую нравственную направленность личности (Журавлев, Купрейченко, 2007). Его структура основана на наиболее принципиальных, по нашему мнению, положениях концепций нравственности Б. С. Братуся, К. Гиллиган, Дж. Джиббса, Л. Колберга, К. К. Платонова, А. А. Хвостова и других авторов (Gilligan, 1982; Kohlberg, 1963; Братусь, 1993; Платонов, 1984; Платонов, 1986; Синягин, 1996; Хвостов, 2000; Хвостов, 2001; Хвостов, 2005). Некоторые формулировки утверждений были заимствованы из опросника А. А. Хвостова (Хвостов, 2000). Отбор утверждений осуществлялся семью экспертами-психологами, специализирующимися в области психологии нравственности. Опросник содержит *три смысловых блока*: «Представления о нравственности, морали», «Нравственные стратегии» и «Нравственные ориентации личности».

Блок «Представления о нравственности, морали» включает следующие шесть шкал: происхождение нравственности, значимость морали, нравственности для общества, абсолютность/относительность нравственности, морали, воздаяние за добро или зло, нравственность личности – проявление ее силы или слабости, природа нравственности личности. Блок «Нравственные стратегии» оценивает когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты психологического отношения личности к различным сторонам нравственного поведения. Блок представлен тремя следующими

шкалами: обязательность/необязательность соблюдения нравственных норм, активность/пассивность нравственного поведения, взаимность/невзаимность нравственного поведения.

Блок «Нравственные ориентации личности» содержит следующие четыре шкалы: эгоцентрическая ориентация, группоцентрическая ориентация, гуманистическая ориентация, мирозидательная ориентация.

Теоретический анализ позволил предположить, что на основе перечисленных показателей возможно построить *психологическую типологию нравственного самоопределения личности*. Выше было отмечено, что между декларируемой нравственной позицией и реальным поведением личности может существовать значительное расхождение, поэтому программа исследования нравственного самоопределения должна включать анализ психологической готовности личности к нравственному поведению в этически сложных ситуациях и/или психологического отношения личности к нарушению нравственных норм.

В данном варианте программы оценивалось психологическое отношение респондентов к неэтичной телевизионной рекламе. Следует кратко обосновать выбор неэтичной рекламы в качестве модели данного эмпирического исследования. Специалисты отмечают, что, являясь одним из элементов массовой культуры, реклама в высокой степени воздействует на ценности молодежи как наиболее внушаемой, честолюбивой и подверженной социальной моде группы населения (Гордякова, 1999; Латынова, 1996; Лебедев-Любимов, 2002). Современная реклама нередко использует неэтичные сюжеты и методы воздействия. Сцены насилия и агрессии чаще всего преподносятся с юмором, что ослабляет контроль сознания и уменьшает возможности противостоять такой рекламе (Гордякова, 1999; Кнорре, 2002). А. Н. Лебедев отмечает также, что у большинства потребителей в отношении рекламы снижены «барьеры» нравственной и социальной приемлемости и допустимости (www.lebedevlubimov.ru). Это позволило нам надеяться, что оценки респондентами неэтичной рекламы будут достаточно искренними.

Несмотря на высокую привлекательность и запоминаемость неэтичной рекламы, следует отметить, что она далеко не всегда психологически эффективна. Наиболее значимый показатель *психологической эффективности* рекламы – отношение потенциального потребителя к ней и рекламируемому объекту. Было высказано следующее предположение: если неэтичная реклама воспринима-

ется аудиторией негативно, то это найдет отражение в когнитивных, эмоциональных и конативных показателях психологической эффективности рекламы. Если же целевая аудитория относится к такой рекламе позитивно, то она может считаться психологически эффективной, но по меньшей мере социально спорной (Байкова, Купрейченко, 2005).

В качестве теоретической модели психологической эффективности рекламы была выбрана трехкомпонентная модель, включающая когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты. Для оценки психологической эффективности рекламы был разработан семантический дифференциал (СД), включающий 28 шкал. За основу была принята методика, предложенная Л. В. Матвеевой и Т. Я. Аникеевой для оценки восприятия телевизионных передач (Матвеева, Аникеева, Мочалова, 2002). С целью решения специальных задач данного исследования в методику были также включены шкалы оценки степени идентификации респондентов с персонажами рекламы и шкалы оценки этичности/неэтичности рекламного сообщения (Купрейченко, Воробьева, 2004).

Для данного исследования были отобраны телевизионные ролики трех видов, сюжеты которых нарушают принятые в обществе этические нормы: вызывающе-сексуальные, агрессивные и циничные (подрывающие наиболее значимые отношения и общечеловеческие ценности, в частности доверие к окружающим людям) (Купрейченко, Воробьева, 2003). В результате экспертной оценки в качестве стимульного материала было отобрано 9 роликов (по 3 каждого вида). Установление взаимосвязей отношения респондентов к различным видам неэтичной телевизионной рекламы и их принадлежности к разным типам нравственного самоопределения, выполненное в ходе исследования, позволило более полно представить механизмы нравственно-психологической регуляции социального поведения.

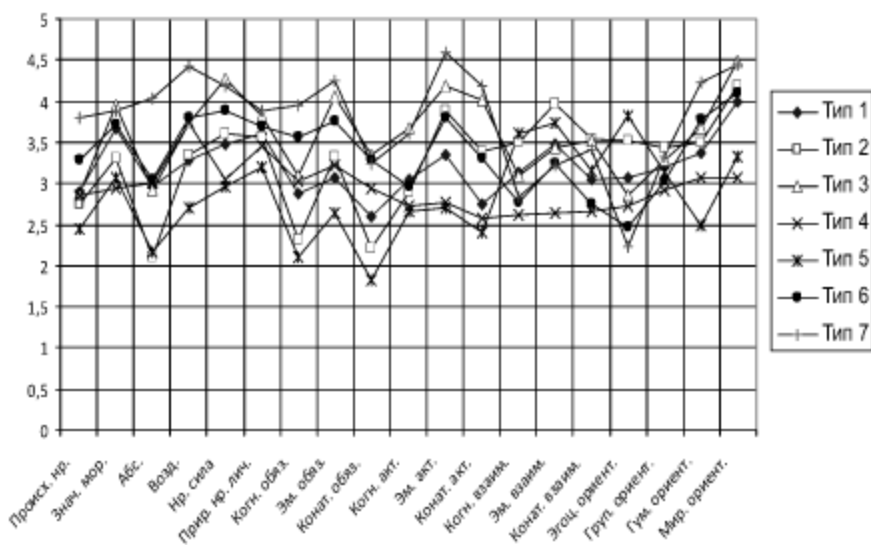
Объект исследования: молодежь в возрасте 18–35 лет (208 чел.). Выборка исследования разнородна по образовательному уровню и профессиональному составу. Мужчин – 96 чел. (46%), женщин – 112 чел. (54%). В данном исследовании учитывался семейный статус респондентов: состоят в зарегистрированном либо гражданском браке – 91 чел. (44%), не состоят в браке – 117 чел. (56%). Также принималось во внимание наличие детей: имеют хотя бы одного ребенка – 56 чел. (27%), не имеют детей – 152 чел. (73%). Был учтен и характер занятости респондентов: только учащиеся – 66 чел.

(32%), только работающие – 66 чел. (32%), работающие и учащиеся одновременно – 76 чел. (36%).

Результаты исследования психологических типов нравственного самоопределения молодежи

В результате кластерного анализа по методу К-средних были выделены и соответствующим образом интерпретированы семь **типов нравственного самоопределения** (см. рисунок 2).

Первый тип характеризуется представлениями о значимости морали для общества, о нравственности как показателе силы личности, о внутреннем нравственном контроле личности, осознании ею своей ответственности за собственные нравственный облик и этичность поведения. Представители этого типа придерживаются гуманистической и мирозидательной нравственной ориентации. Они не имеют представлений о происхождении нравственности, морали, о ее абсолютности/относительности, о наличии/отсутствии воздаяния за добро и зло. Не выражена приверженность ни к одной из заложенных в методику стратегий нравственного поведения. Этот тип респондентов не склонен к эгоцентрической и группоцен-

Рис. 2. Типы нравственного самоопределения молодежи (названия показателей методики «Нравственное самоопределение личности» сокращены для удобства графического представления)

трической ориентации, но и не выражает явного неприятия таких ориентаций личности в нравственной сфере. Тип получил условное название «**Теоретик**».

Второй тип характеризуется представлениями о наличии воздаяния за добро и зло. У его представителей отсутствует мнение о происхождении морали, ее значимости/незначимости для общества, абсолютности/относительности, о следовании нравственным нормам как проявлении силы или слабости личности, о внутреннем нравственном контроле личности. Представители данного типа не выражают приверженности ни одной из стратегий и ориентаций, заложенных в методику. Условное название типа – «**Отстраненный**».

Третий тип характеризуется представлениями об относительности нравственности, о наличии воздаяния за добро и зло, о том, что нравственность является показателем силы личности, о внутреннем нравственном контроле личности, осознании ею своей ответственности за собственные нравственный облик и этичность поведения. Данный тип респондентов на эмоциональном уровне придерживается стратегии обязательности соблюдения нравственных норм, на эмоциональном и конативном уровне – стратегии активности нравственного поведения, на когнитивном, эмоциональном и конативном уровнях – стратегии взаимности нравственного поведения (так называемый закон талиона). Также этот тип респондентов склонен к группоцентрической, гуманистической и мирозидательной ориентациям. Респонденты данного типа затрудняются относительно источников нравственности как явления, ее значимости для общества. Когнитивный и конативный компоненты стратегии обязательности соблюдения нравственных норм, когнитивный компонент стратегии активности нравственного поведения не выражены. Они не склонны к эгоцентрической ориентации, но и не выражают неприятия такой ориентации личности в нравственной сфере. Этому типу было дано условное название «**Конформист**».

Четвертый тип характеризуется представлениями об искусственном происхождении нравственности, об ее относительности. Представители этого типа придерживаются стратегии необязательности соблюдения нравственных норм на когнитивном и конативном уровне, стратегии взаимности на когнитивном и эмоциональном уровне, демонстрируют эгоцентрическую нравственную ориентацию. Они не имеют представлений о значимости морали

для общества, о наличии/отсутствии воздаяния за добро и зло, о соблюдении нравственных норм как показателе силы личности, о внутреннем нравственном контроле личности. Эмоциональный компонент стратегии обязательность/необязательность соблюдения нравственных норм, когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты стратегии активность/пассивность нравственного поведения, конативный компонент стратегии взаимность/невзаимность нравственного поведения не выражены. Этот тип респондентов не склонен к группоцентрической, гуманистической и мирозидательной ориентациям, но и не выражает явного неприятия таких ориентаций личности в нравственной сфере. Ему было дано условное название **«Релятивистско-эгоцентрический»**.

Пятый тип характеризуется представлениями о естественном происхождении нравственности, о значимости морали, нравственности для общества, об абсолютности нравственности, о наличии воздаяния за добро и зло, о внутреннем нравственном контроле личности, осознании ею своей ответственности за собственные нравственный облик и этичность поведения. Представители этого типа рассматривают следование нравственным нормам как проявление силы личности, придерживаются стратегии обязательности соблюдения нравственных норм на когнитивном и эмоциональном уровнях, стратегии активности на эмоциональном уровне, демонстрируют гуманистическую и мирозидательную ориентацию, выражают негативное отношение к эгоцентрической ориентации. Конативный компонент стратегии обязательность/необязательность соблюдения нравственных норм, когнитивный и конативный компоненты стратегии активности нравственного поведения, когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты стратегии взаимность/невзаимность нравственного поведения не выражены. Этот тип респондентов не склонен к группоцентрической ориентации, но и не выражает явного неприятия такой ориентации личности в нравственной сфере. Условное название данного типа – **«Поборник нравственности»**.

Шестой тип характеризуется представлениями о значимости морали для общества, о существовании воздаяния за добро и зло, о соблюдении нравственных норм как показателе силы личности, о внутреннем нравственном контроле личности, осознании ею своей ответственности за собственные нравственный облик и этичность поведения. Представители этого типа придерживаются стратегии обязательности соблюдения нравственных норм на эмоциональном

уровне, стратегии активности нравственного поведения на когнитивном, эмоциональном и конативном уровнях, демонстрируют гуманистическую и мирозидательную ориентацию. Они не имеют представлений о происхождении нравственности как явления, о ее абсолютности/относительности. Когнитивный и конативный компоненты стратегии обязательность/необязательность соблюдения нравственных норм, когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты стратегии взаимность/невзаимность нравственного поведения не выражены. Этот тип респондентов не склонен к эгоцентрической и группоцентрической ориентации, но и не выражает явного неприятия таких ориентаций личности в нравственной сфере. Условное название – **«Приверженный нравственным нормам»**.

Седьмой тип характеризуется представлениями о значимости морали, нравственности для общества, о существовании воздаяния за добро и зло, о соблюдении нравственных норм как показателе силы личности, о внутреннем нравственном контроле личности, осознании ею своей ответственности за собственные нравственный облик и этичность поведения. Представители этого типа придерживаются стратегии обязательности соблюдения нравственных норм на эмоциональном уровне, стратегии активности на эмоциональном и конативном уровне. Также они придерживаются гуманистической и мирозидательной нравственной ориентации. Этот тип респондентов не имеет представлений о происхождении нравственности, морали, о ее абсолютности/относительности. Когнитивный и конативный компоненты стратегии обязательность/необязательность соблюдения нравственных норм, когнитивный компонент стратегии активности нравственного поведения, когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты стратегии взаимность/невзаимность не выражены. Этот тип респондентов не склонен к эгоцентрической и группоцентрической ориентациям, но и не выражает явного неприятия таких ориентаций личности в нравственной сфере. Данный тип получил название **«Социально-нормативный»**.

Следует отметить, что описанные типы характеризуют только социальную группу современной городской молодежи. Однако уже сейчас можно отметить сходство с другими аналогичными типологиями. Так, Л. И. Зеленкова и Е. В. Беляева в своей «интуитивной» типологии морального сознания выделяют «конформистский» тип, для которого высшей ценностью является чувство общности с социальной средой, а также «религиозный» тип, который приходит

к нравственности не коллективно, а индивидуально, и исповедует нравственность перед лицом Бога (см.: Хвостов, 2005). Первый отмеченный ими тип близок к типу «конформист», выявленному в нашем исследовании. А. А. Хвостов выделяет также тип «принципиальные гуманисты», которые хорошо относятся к людям, ценят порядочность, но чрезвычайно скованы правилами и хорошо знают, что недопустимо, а вот что нужно и важно определяют с большим трудом, а потому, скорее всего, они довольно пассивны. Близким к выделенному нами «релятивистско-эгоцентрическому» типу по своему содержанию находятся «эгоисты-дарвинисты» из типологии А. А. Хвостова, которые ориентированы на достижение цели любыми средствами, а такой целью для них часто является удовольствие (там же). При сопоставлении с типологией поведения при самоопределении В. Ф. Сафина (Сафин, 2004) было замечено, что выделенному им «отстраняющемуся» типу соответствует «отстраненный» тип нравственного самоопределения, его «конформному» типу – выявленный нами «конформист», его «интенциональному» типу – «релятивистско-эгоцентрический» тип нравственного самоопределения, его «гармоническому» типу – выявленный нами «поборник нравственности», его «потенциальному» – «социально-нормативный» тип нравственного самоопределения.

Выше было показано, что в программу исследования нравственного самоопределения необходимо включать анализ психологической готовности личности к нравственному поведению в этически сложных ситуациях и/или анализ ее психологического отношения к нарушению нравственных норм. В использованном варианте программы оценивалось **психологическое отношение респондентов к неэтичной телевизионной рекламе** трех видов (вызывающе-сексуальной, агрессивной и циничной).

Анализ различий по тесту Манна–Уитни (таблица 1) показал, что оценка неэтичных роликов у «теоретиков» противоречива, но только для вызывающе-сексуальной рекламы делается предположение о приемлемости поведения персонажей и высказывается собственная положительная оценка происходящего на экране. Нет желания приобрести товар, товар кажется хорошим в очень небольшой мере только в случае циничной рекламы.

Типу «отстраненных» респондентов свойственно оценивать вызывающе-сексуальную рекламу как приемлемую, остальные виды неэтичной рекламы осуждаются ими. Нет желания приобрести товар, хотя он и кажется хорошим в случае вызывающе-сексуальной

и циничной рекламы. По-видимому, данная группа респондентов не так уж и отстранена от вопросов этики и все же имеет собственную нравственную позицию.

«Конформисты» одобряют вызывающе-сексуальные ролики, но признают их несоответствие нравственным нормам, а агрессивные и циничные осуждаются ими. Нет желания приобрести товар, он в некоторой степени кажется хорошим только в циничной рекламе. Вызывающе-сексуальные и агрессивные ролики могут понравиться их друзьям. Эти респонденты неустойчивы в своих оценках, по-видимому, они ориентируются на мнение окружающих.

«Релятивисты-эгоцентрики» считают вызывающе-сексуальные ролики приемлемыми, хотя и признают их неприличие с точки зрения общества, а агрессивные и циничные – неприемлемыми. Только вызывающе-сексуальные ролики создают у них хорошее впечатление о товаре, побуждают его приобрести. Таким образом, данный тип респондентов гораздо более ориентирован на моральные нормы, чем открыто декларирует.

Представители «Социально-нормативного» типа негативно оценивают неэтичные ролики. Однако «Поборники нравственности» не приемлют неэтичные ролики в наибольшей мере по сравнению с представителями других типов нравственного самоопределения, т. е. последовательны в своей нравственной позиции. Отторжение товара у них также наиболее ярко выражено.

Респонденты, «приверженные нравственным нормам», осуждают неэтичные агрессивные и циничные ролики. Рекламуемый таким образом товар не нравится, его не хочется приобрести. Оценки вызывающе-сексуальных роликов не столь однозначно негативны. В принципе, можно считать, что их оценка неэтичных объектов практически не отличается от декларируемых нравственных представлений, стратегий и ориентаций.

Сопоставление оценок неэтичной рекламы с данными, полученными при помощи методики нравственного самоопределения, позволило установить, что два типа из семи, а именно «Отстраненный» и «Релятивистско-эгоцентрический», демонстрируют несогласованность отдельных показателей нравственного самоопределения. Их оценки неэтичной рекламы не совпадают по своей нравственной модальности с представлениями о нравственности, нравственными стратегиями и ориентациями и свидетельствуют о том, что эти респонденты гораздо более ориентированы на моральные нормы, чем открыто декларируют.

Выводы

Нравственное самоопределение – процесс поиска субъектом своего способа жизнедеятельности в системе отношений нравственности, включающий ориентацию в системе нравственных идеалов и ценностей, среди людей и социальных групп, являющихся их носителями, а также выбор и создание собственных нравственных эталонов и идеалов, а затем на их основе – принципов, ценностей и норм. Создание нравственных эталонов и идеалов может осуществляться с преобладанием внешней (формирование, обучение, воспитание) или же внутренней детерминации (творение, созидание, конструирование).

На основании теоретического анализа в качестве структурных элементов методики изучения нравственного самоопределения были выбраны три блока: представления личности о нравственности и морали, нравственные стратегии, нравственные ориентации личности. Высказано предположение, что в программу исследования нравственного самоопределения необходимо включать анализ психологической готовности личности к нравственному поведению в этически сложных ситуациях и/или анализ ее психологического отношения к нарушению нравственных норм.

На основе различной выраженности составляющих элементов нравственного самоопределения было выявлено 7 эмпирических типов, характерных для молодежной выборки. «Теоретик» способен рассуждать об этических вопросах, но непредсказуем в плане соблюдения нравственных норм в разных ситуациях, возможности активного отстаивания нравственного решения и мести обидчику. «Отстраненный» сознательно избегает этических вопросов. «Конформист» привержен закону талиона, ориентирован на референтную группу, ситуативен. «Релятивистско-эгоцентрический» считает нравственность условностью, не признает ограничений, следует закону талиона, эгоцентричен. «Поборник нравственности» осуждает эгоцентризм, признает неоспоримость нравственных требований. «Приверженный нравственным нормам» демонстрирует гуманизм, активную нравственную позицию. «Социально-нормативный» в большей мере эмоционален, чем деятелен в этических вопросах. Несоответствие между представлениями о нравственности, нравственными стратегиями, ориентациями и отношением к неэтичной рекламе наблюдается у представителей 2 из 7 выявленных типов нравственного самоопределения – «Отстраненный» и «Релятивистско-эгоцентрический».

Таблица 1
Отношение к неэтичным роликам у представителей разных типов нравственного самоопределения

Шкала	Типы							Типы, различия, между которыми значимы
	«Теоретика»	«Отстранен- ний»	«Конформист»	«Результивист»	«Поборник нравственности»	«Приверженец женских норм»	«Соплативный»	
Вызывающе-сексуальные ролики								
Соответствует товару – Не соответствует товару	3,18	3,13	3,38	3,46	3,87	3,33	3,21	2-5*
Товар кажется хорошим – Товар не кажется хорошим	3,18	2,91	3,1	2,59	3,93	2,92	2,49	1-4*, 1-5*, 1-7, 2-5, 3-4*, 3-5*, 3-7, 4-5, 5-6, 5-7
Вызывает доверие – Не вызывает доверия	3,35	2,84	3,23	2,77	3,93	3,33	2,79	1-2*, 1-4, 1-7, 2-5, 4-5, 4-6*, 5-7
Притягивающая – Отталкивающая	2,8	2,53	2,67	2,00	3,73	2,62	2,39	1-4, 1-5*, 2-4*, 2-5*, 3-4, 3-5, 4-5, 4-6*, 5-6, 5-7
Раздражающая – Успокаивающая	2,92	3,36	3,06	3,56	2,4	2,9	3,07	1-4, 2-5*, 3-4, 4-5, 4-6, 4-7
Возникает желание приобрести товар – Не возникает желания приобрести товар	3,7	3,09	3,38	2,95	4,2	3,00	3,09	1-2*, 1-4, 1-6*, 1-7, 2-5, 3-5*, 4-5, 5-6, 5-7
Ролик понравится моим друзьям – Не понравится моим друзьям	2,83	2,38	2,63	2,28	3,87	2,54	2,42	1-4*, 1-5*, 2-5, 3-5, 4-5, 5-6, 5-7
Приличная – Неприличная	3,56	3,4	3,5	2,97	4,2	3,56	3,75	1-4*, 2-5*, 4-5, 4-7
Одобряю поведение героев – Осуждаю поведение героев	2,77	2,87	2,77	2,54	3,93	2,97	3,28	1-5, 1-7*, 2-5, 3-5, 3-7*, 4-5, 4-6*, 4-7, 5-6*
Поведение героев неприемлемо в обществе – Поведение героев приемлемо в обществе	3,11	3,09	3,00	3,31	2,07	2,33	2,65	1-5, 1-6, 1-7*, 2-6*, 3-5, 3-6, 4-5, 4-6, 4-7*
Агрессивные ролики								
Оригинальная – Неоригинальная	2,65	2,73	2,69	2,92	3,6	2,33	2,7	1-5, 5-6*
Привлекает внимание – Не привлекает внимание	2,64	2,58	2,48	2,82	3,47	2,83	2,68	1-5*, 2-5*, 3-5*

Соответствует товару – Не соответствует товару	3,62	3,53	3,69	4,15	3,93	3,95	3,68	1-4, 2-4*, 4-7*
Товар кажется хорошим – Товар не кажется хорошим	3,7	3,33	3,4	3,9	4,00	3,59	3,49	2-4*, 3-4*, 4-7*
Вызывает доверие – Не вызывает доверия	3,62	3,2	3,56	4,18	4,07	3,64	3,6	1-4, 2-4, 2-5*, 3-4, 4-6*, 4-7
Притягивающая – Отталкивающая	3,18	2,96	3,00	3,74	3,87	3,26	3,3	1-4*, 2-4, 2-5*, 3-4, 3-5*
Возникает желание приобрести товар – Не возникает желания приобрести товар	4,12	3,44	3,69	4,56	4,47	3,9	3,82	1-2, 1-4, 2-4, 2-5, 3-4, 3-5*, 4-6, 4-7, 5-7*
Ролик понравится моим друзьям – Ролик не понравится моим друзьям	3,14	2,73	2,6	3,72	3,67	2,87	2,89	1-3*, 1-4*, 2-4, 2-5*, 3-4, 3-5, 4-6, 4-7
Одобрю поведение героев – Осуждаю поведение героев	3,48	3,18	3,83	3,77	3,73	3,69	3,68	2-3*, 2-4*, 2-6*, 2-7*
Поведение героев несправедливо в обществе – Поведение героев приемлемо в обществе	2,52	2,67	2,1	2,05	2,13	1,92	2,18	1-6*, 2-6*
Ролик понравится моим родителям – Ролик не понравится моим родителям	3,47	3,13	3,21	3,87	3,87	3,59	3,53	1-4*, 2-4*, 3-4
Циничные ролики								
Соответствует товару – Не соответствует товару	2,71	3,13	2,85	3,26	2,93	2,62	2,79	1-4*, 2-6*, 4-6, 4-7*
Товар кажется хорошим – Товар не кажется хорошим	2,88	2,89	2,65	3,31	3,4	2,59	2,46	1-4*, 1-7*, 3-4*, 4-6, 4-7, 5-7*
Вызывает доверие – Не вызывает доверия	2,98	2,89	2,85	3,49	3,47	2,82	2,58	1-4, 1-7, 3-4*, 4-6, 4-7
Притягивающая – Отталкивающая	3,05	2,8	2,96	3,05	3,4	2,92	2,68	5-7*
Возникает желание приобрести товар – Не возникает желания приобрести товар	3,36	3,11	3,21	3,74	3,93	3,33	2,79	1-7*, 2-4*, 4-7, 5-7*, 6-7*
Приличная – Неприличная	2,53	2,62	2,52	2,59	2,81	2,95	2,54	1-5*
Одобрю поведение героев – Осуждаю поведение героев	3,36	3,11	3,83	3,46	3,6	3,18	3,19	1-3*, 2-3, 3-6*, 3-7
Ролик понравится моим родителям – Ролик не понравится моим родителям	3,23	2,84	3,15	3,36	3,67	2,97	3,02	2-5*, 5-6*

* различия значимы на уровне тенденции (до $p=0,1$).

Обнаружено, что нравственно-психологические регуляторы отношения личности к рекламе и ее социального поведения могут быть неосознаваемыми. Выявлено расхождение между декларируемой нравственной позицией и отношением к нарушению нравственных норм в телевизионной рекламе. Так, установлено, что безразличное и скептическое отношение к нравственным нормам у представителей «отстраненного» и «релятивистско-эгоцентрического» типов самоопределения является демонстративно преувеличенным.

Социальное окружение является значимой детерминантой отношения молодежи к неэтичной рекламе. Если молодые люди не принимают некоторые нравственные нормы в качестве норм своего поведения, но при этом понимают, что значимому окружению неэтичная реклама неприятна, то это оказывает влияние на психологическую эффективность рекламного сообщения, снижая ее.

Заключение

В статье представлен авторский подход к пониманию и структуре нравственного самоопределения личности. На его основе разработана методика «Нравственное самоопределение личности» и программа эмпирического исследования. Результаты исследования показали, что декларируемое отношение личности к нравственности и нравственным нормам не всегда соответствует подлинным стратегиям ее этического поведения. Одним из важных итогов выполненной работы является подтверждение гипотезы об особенностях отношения к неэтичной рекламе у молодых людей с разным типом нравственного самоопределения. Проведенное исследование с использованием разработанной методики показало, что оценка личностью неэтичной рекламы может использоваться как проективный прием для изучения ее психологического отношения к нарушению нравственных норм. Наиболее перспективным представляется взаимодополняющее использование этого приема и разрабатываемой методики «Нравственное самоопределение личности».

Литература

- Байкова Е. Ю., Купрейченко А. Б. Психологическая эффективность рекламного воздействия // Проблемы экономической психологии. Т. 2. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 368–398.
- Божович Л. И. Проблемы формирования личности. Избр. психол. труды / Под ред. Д. И. Фельдштейна. 2-е изд. М.–Воронеж, 1997.

- Братусь Б. С. К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 6–13.
- Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
- Воробьева А. Е., Купрейченко А. Б. Нравственное самоопределение российской молодежи // Человек. Власть. Общество. Научные труды VII Азиатско-Тихоокеанского Международного Конгресса психологов (Хабаровск – Токио, 12–16 мая 2008 г.). Хабаровск, 2008. С. 47–49.
- Горбачева Е. И., Купрейченко А. Б. Отношение личности к деньгам: нравственные противоречия в оценках и ассоциациях // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 4. С. 26–37.
- Гордякова О. В. Влияние личностной агрессивности и тревожности подростков на эмоциональное отношение к агрессии в телевизионной рекламе // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 4. С. 96–101.
- Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. М.: Молодая гвардия, 1982.
- Дробницкий О. Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
- Зотов Н. Д. Нравственное самоопределение личности. М.: Знание, 1983.
- Кноре К. Наружная реклама. М.: Бератор-Пресс, 2002.
- Купрейченко А. Б. Концептуальные основы изучения нравственного самоопределения личности // Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в период социально-экономической стабилизации России: Материалы второй Всерос. научно-практ. конференции / Отв. ред. А. В. Капцов. Самара: Самарская гуманитар. акад., 2008. С. 10–15.
- Купрейченко А. Б., Воробьева А. Е. Психологические проблемы этики в рекламе // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: Материалы четвертой международной научно-практ. конференции / Под общ. ред. А. Д. Карнышева. Иркутск: Изд-во БГУ ЭП, 2003. С. 154–155.
- Купрейченко А. Б., Воробьева А. Е. Психологические факторы восприятия неэтичной рекламы молодежью // Научный поиск: Сбор-

- ник научных работ студентов, аспирантов и преподавателей / Под общ. ред. А. В. Карпова. Ярославль: ЯрГУ, 2004. С. 194–202.
- Латынова Т. Ю.* Насилие в средствах массовой информации и агрессивное поведение // *Познание. Общество. Развитие* / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во ИП РАН, 1996. С. 162–171.
- Лебедев-Любимов А. Н.* Влияние рекламы на социальные нормы поведения. http://www.lebedevlubimov.ru/index.php?start_from=5&archive=&subaction=&cnshow=news&id=&.
- Лебедев-Любимов А. Н.* Психология рекламы. СПб.: Питер, 2002.
- Матвеева Л. В., Анিকেева Т. Я., Мочалова Ю. В.* Психология телевизионной коммуникации. М.: РИП-холдинг, 2002.
- Платонов К. К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высшая школа, 1984. *Платонов К. К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972.
- Платонов К. К.* Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986.
- Редькина М. В.* Деловое поведение российской молодежи: политико-психологический аспект: Дис... канд. психол. наук. СПб., 2003.
- Сафин В. Ф.* Самоопределение личности: теоретические и эмпирические аспекты исследования. Уфа: Гилем, 2004.
- Синягин Ю. В.* Руководитель организации и его команда (теоретическая модель). М.: РАГС, 1996.
- Хвостов А. А.* Онтогенез морального сознания: от подростков до студенческой молодежи // *Развитие личности*. 2000. № 3–4. С. 75–100.
- Хвостов А. А.* Сравнительный анализ моральных суждений – от подростков до среднего возраста в России и США // *Развитие личности*. 2001. № 1. С. 26–47.
- Хвостов А. А.* Структура и детерминанты морального сознания личности: Автореф. дис... докт. психол. наук. М., 2005.
- Gilligan C.* In a different voice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.
- Kohlberg L.* Moral development and identification // *Child psychology*. Chicago: University of Chicago Press, 1963. P. 277–332.

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В РИСКОГЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

С. К. Бондырева, Г. В. Безюлева, Д. В. Сочивко

Глобальные изменения социально-экономической и социокультурной реальности России привели к утрате и смене прежних ценностей, которые являлись основополагающими в процессе социализации нескольких поколений россиян, к освоению людьми новой жизненной ситуации.

Многообразие трансформационных процессов, протекающих одновременно, позволяет говорить о рискогенности социальной среды, которая не снижает, а сама производит риски. Механизм воспроизводства нравственных ценностей перестает быть ведущим, уступая место адаптационным механизмам. Риск как потенциальная возможность (опасность) наступления вероятного события или совокупности событий, вызывающих определенный ущерб, означает возможность негативного, нежелательного события. При рассмотрении молодежи как группы риска, которая находится под воздействием нежелательных социальных факторов, актуализируются вопросы проектирования и реализации воспитательных стратегий, построенных на основе социально-психологических исследований и комплексного анализа проблем молодого поколения.

Состояние российского общества характеризуется комплексом общемировых тенденций (информационное пространство, миграционные процессы и др.) и характерных для России особенностей, связанных с разрушением длительно существовавшей формы организации государства и вызвавших не только кардинальные преобразования условий функционирования человека, но и изменение его реальной социальной активности и зрелости.

Молодежь неразрывно связана с обществом и вынуждена реагировать на те изменения, которые происходят в нем. Ее своеобразие как социально-демографической и социокультурной группы заклю-

чается в том, что она обладает транзитивным социальным потенциалом. Социальная нестабильность общества порождает социальную неопределенность и социальные риски в молодежной среде.

Рассмотрение молодежи как социологической категории определяется не только возрастными границами, но и специфическим социальным статусом, особенностями сознания и поведения, выраженной социальной мобильностью. В современной России молодежь составляет примерно пятую часть населения (по данным переписи 2002 г., к возрастной группе от 14 до 30 лет относилось 34 млн. чел.). Поколение тех, кому сейчас до 30 лет, сформировалось фактически уже в постсоветский период и в наибольшей степени отличается по ряду характеристик от других поколений россиян.

Молодежь, в отличие от представителей старшего поколения, прошедших все стадии своей социализации в период существования советского общества, живет в эпоху кризиса, что заставляет ее выработать собственную модель адаптации к новым социально-экономическим условиям. При этом наблюдается несколько противоречий: с одной стороны, в результате действия феномена «социального детства» молодой человек обретает самостоятельность и ответственность значительно позднее, с другой, – ситуация молодежи, связанная с проблемами идентификации, самоопределения, получения качественного образования, поиска работы, приобретения гарантированного социального статуса и др., требует осознанной готовности к осуществлению выбора с принятием ответственности за его последствия. В процессе развития молодежи, в основе которого лежит становление субъектности во всех сферах общественного воспроизводства, возникает противоречие между становлением молодежи как субъекта производства условий жизни, с одной стороны, и как субъекта производства духовных сил – с другой. При этом темпы духовного развития молодежи значительно отстают от темпов ее развития в материальном плане. Исследования смысложизненных приоритетов, проведенные среди учащейся молодежи, свидетельствуют, что индивидуализм и прагматизм, характерные для нашего современного общества, и стремление к материальному достатку прямо коснулись молодежи.

При анализе динамики ценностных ориентаций молодежи необходимо учитывать действие двух механизмов – преемственности и изменчивости. Искусственная смена общественной модели, когда процесс формирования ценностей идет «сверху», приводит к рассогласованию общественных и индивидуальных изменений.

Общечеловеческие ценности для многих молодых людей являются лишь потенциальными, имея характер абстрактных идей. Расплывчатость нравственных позиций приводит к потере способности противостоять негативным воздействиям среды, утрате определенности в выборе линии нормативного поведения.

Характерно, что многие молодые люди, будучи материально и социально зависимы от своих родителей, стали более самостоятельно выбирать формы жизнедеятельности. Эта тенденция имеет две характерные особенности: во-первых, стремление молодежи жить иначе, лучше, чем ее родители, во-вторых, неспособность большинства строить свою жизнь без реальной помощи со стороны окружающих и, в первую очередь, родителей. Однако утрата семьей своих традиционных функций, увеличение количества неполных семей, снижение роли семьи как института социализации ребенка приводит к уменьшению не только авторитета отца (при этом, как показывают исследования, авторитет матери как советчицы достаточно велик, хотя и имеет тенденцию к снижению по сравнению с 1990-ми годами). И здесь возникает ряд вопросов: кто займет нишу, возникающую из-за снижения авторитета родителей? какой другой авторитетный в глазах подростка, юноши субъект будет оказывать влияние на него? насколько работники образовательных учреждений способны помочь молодежи? Следует также обратить внимание на весьма высокий процент учащихся, предпочитающих не обращаться за советом ни к кому, полагаться только на себя, что может приводить к увеличению риска их попадания в критические ситуации.

Возникшие противоречия разрешаются личностью не всегда продуктивным и цивилизованным способом. В результате изменяются ценностные ориентации молодежи; естественное стремление к познанию, к получению престижной профессии и места работы в ряде случаев сменяется ощущением бессмысленности существования, приводящим к различным формам девиантного поведения и употреблению психоактивных веществ.

Сегодня невозможно говорить о молодежи как об однородной демографической группе - скорее речь идет о принципиально различных типах современной российской молодежи внутри одного поколения. Социальная стратификация молодежи на основе различия в ценностях, уровне образования и квалификации, престиже профессии, доступе к власти, участию в неформальных организациях являются определяющими в процесс ее социального расслоения.

Разделение на группы (в том числе элитарные, маргинальные и люмпенизированные) оказывает влияние и на процессы развития молодежных субкультур. Молодые люди создают группы, в которых могут удовлетворить свои потребности в признании и самовыражении, приобретении социального статуса, более уверенном исполнении социальных ролей. Молодежная субкультура является своеобразным «достраиванием» социальной реальности для смягчения напряженности при адаптации к общественным структурам. Причем для некоторых молодых людей молодежная субкультура является настолько приемлемым способом самовыражения, что она заменяет им мир «взрослого» общества за счет компенсации пустот «параллельным миром» с его правилами и ценностями.

Молодежная субкультура выступает как социальное явление, характерное для экономических, политических и культурных центров, какими являются прежде всего мегаполисы и крупные города. Она выступает особым способом адаптации современной молодежи, способствует ее интеграции в общество, освоению социального пространства, которое формируется в России во всей его противоречивости, неопределенности и обусловленности социокультурным контекстом.

Социальное развитие молодежи связано с многообразием объективных и субъективных препятствий: с неравенством социального статуса, характером взаимодействия с социальными институтами и социокультурными особенностями молодых людей, которые выступают в качестве оснований специфических молодежных конфликтов, конкретизирующих основное противоречие, лежащее в основе социального развития молодежи в условиях риска. Фактически склонность к риску, являясь одним из сущностных свойств молодежи, возникает в связи с переходным состоянием молодости как фазы жизненного пути и реализуется в процессе инновационной деятельности молодых людей, под влиянием нового этапа социокультурной эволюции, связанной с изменением процесса передачи социального опыта между поколениями, в силу изменений механизма социального взросления молодежи, сопряженного с ростом продолжительности ее взросления. Риск как сущностная характеристика молодежи проявляется не только на социально-групповом, но и на индивидуально-личностном уровне, он направляет поведение на достижение стабильности или изменения.

Традиционные институты социализации (семья, школа, учреждения профессионального образования, учреждения дополнитель-

ного образования, трудовые коллективы) утрачивают свое влияние. Образовавшиеся пробелы восполняются легкодоступными носителями информационного продукта, например, средствами массовой информации.

Реалии и риски системы образования

Перенос рассматривание проблемы с общесоциальных явлений на систему образования, можно выделить ряд рисков, наблюдаемых среди ее субъектов. Это риски, присущие и выявляемые в молодежной (ученической) среде и риски, присущие и выявляемые в среде педагогических работников. Среди социальных рисков учащейся молодежи выделяются несколько групп:

- 1) этнориски, приводящие к возникновению межэтнических и межконфессиональных конфликтов на основе роста интолерантных установок при изменении социальных дистанций между различными группами людей;
- 2) коммуникативные риски, которые могут рассматриваться в разных плоскостях: как риск межпоколенческого общения; как риск, возникающий при отсутствии процесса непосредственного взаимодействия культур, включая молодежные субкультуры; как риск взаимонепонимания и взаимонепринятия представителей разных национальных культур в условиях поликультурности общества и образования, связанный с невозможностью полноценного общения;
- 3) адаптационные риски, возникающие при отсутствии процесса и одновременно результата внутренней и внешней гармонизации личности со средой, ее умения приспособиться к своеобразию социума (что особенно актуально в ситуации повышения интенсивности различных миграционных потоков);
- 4) психологические риски, возникающие в условиях, когда молодой человек попадает в кризисную ситуацию, подвергается негативным стрессогенным воздействиям, приводящим к состоянию душевного неблагополучия, болезненным проявлениям, неадекватности отражения и реагирования, неспособности управлять поведением и ставить жизненные цели, поддерживать надлежащий уровень социальной активности, проявлять позицию взрослого и др.;
- 5) риски профессиональной адаптации и трудоустройства молодежи, возникающие в условиях безработицы или неудовлетворенности профессиональных намерений, невозможности быть

профессионально востребованным на рынке труда. Отсутствие успешной адаптации к жесткой экономической ситуации и реализации своих профессиональных устремлений ведет к моральным, материальным и психологическим трудностям, к ориентации на «выживание», а не «достижение», вызывает эмоциональную напряженность и недовольство социумом (Безюлева и др., 2007).

Проблема риска в области профессионального образования существовала всегда, но не стояла так остро, как в настоящее время. Изменения требований современного рынка труда, безработица, низкая оплата труда специалистов без опыта работы дезориентируют молодежь в выборе профессии. При этом от правильного выбора профессии и образовательного учреждения во многом зависит социальное и профессиональное самоопределение молодого человека в обществе. В противном случае неверное профессиональное самоопределение приводит к актуализации иных поведенческих стратегий и аспектов самореализации, что часто связано с признанием самоценности в неформальных группах асоциальной направленности.

Сегодня получение профессии не дает гарантий успешной профессиональной деятельности молодежи. Большая часть молодых специалистов переквалифицируется, не приступая к работе по освоенной профессии. При этом создается специфический рынок молодежных мест труда, включающий разные виды временной, краткосрочной, непостоянной работы, что, продлевая время молодости, одновременно затягивает выход на постоянный рынок труда.

Деятельность по снижению социальных рисков в молодежной среде в ряде случаев затруднена наличием проблем, присущих самим педагогическим работникам. Среди этих проблем можно выделить две самостоятельные группы: профессионально-психологические и индивидуально-психологические риски.

Педагогическая деятельность относится к разряду стрессогенных, поскольку насыщена разного рода напряженными ситуациями, связанными с повышенным эмоциональным реагированием. Причины напряженности обусловлены объективными и субъективными факторами. К внешним, объективным причинам напряженности педагогического труда относятся: характер решаемых задач, ответственность за исполняемые функции, загруженность рабочего дня, высокие интеллектуальные и эмоциональные нагрузки, общее количество обучающихся в группе, количество учащихся из семей

мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев, трудный, сложный контингент (особенно характерно для системы профессионально-технического образования – НПО), нечеткая организация деятельности, неблагоприятная психологическая обстановка в образовательном учреждении, социальные условия и др. Среди субъективных причин выделяются индивидуальные свойства нервной системы, уровень чувствительности к профессиональным трудностям, мотивации к педагогической деятельности и поведению, опыт, знания, навыки, компетенции и др.

Среди разновидностей профессионально-психологических рисков отдельно можно выделить риск профессионального истощения (выгорания), который представляет собой неблагоприятную реакцию на рабочие стрессы и включает психологические, психофизиологические и поведенческие компоненты, приводит к профессиональным деформациям. Различные характеристики организационной среды, такие как кадровая политика, график работы, характер руководства, система вознаграждений, социально-психологический климат, статусно-ролевые позиции и т. п. могут влиять на развитие риска на рабочем месте. В меньшей степени риск выгорания наблюдается у тех, кто получает социальную, профессиональную и личностную поддержку, располагает кругом надежных друзей и содействием со стороны семьи.

Индивидуально-психологические **риски связаны с индивидуально-психологическими особенностями** и различиями педагогов, среди которых выделяются несколько групп. Различия ценностных ориентаций педагога включают: различия потребностей, мотивов, целей и желаний, мировоззрений, интересов и оценок происходящего; этнические различия; этические различия, выражающие особенности нравственных норм людей, которые проявляются в таких понятиях, как совесть, долг, зло, добро, справедливость, несправедливость. Различия познавательной сферы: различия в уровнях интеллектуального развития; своеобразие и различие в индивидуальных особенностях процессов восприятия, внимания, памяти, мышления, воображения; сенсорные различия, которые проявляются в своеобразии восприятия мира. Различия индивидуально-типологических характеристик: эмоционально-динамические определяют диапазон эмоциональных состояний, характерных для людей, энергетику, качество, силу, интенсивность, сказывающиеся на психической и физической деятельности; характерологические различия выражены в устойчивых чертах личности.

Исследования рисков, выявляемых в среде учащихся (студентов) и педагогических работников, позволяют, помимо получения общих, фактических данных, определить уровень рискогенности конкретного образовательного учреждения.

Для проектирования и реализации направлений психологической работы по снижению и предотвращению перечисленных рисков, выявлению эффективных стратегий фасилитации в социокультурном пространстве образования важным является изучение реального состояния российской молодежи и уровня готовности педагогов к подобной деятельности. В рамках научной деятельности НОУ ВПО «Московский психолого-социальный институт» на протяжении ряда лет проводятся социально-психологические исследования по данной проблеме с ориентацией на аспекты изучения поликультурного характера образования и развития молодежных субкультур. Полученные в процессе исследования результаты помогут определить направления совершенствования деятельности образовательных учреждений, учреждений дополнительного образования, сформулировать приоритетные направления молодежной политики.

Исследование по темам «Разработка психолого-педагогических технологий диагностики особенностей молодежной субкультуры с целью совершенствования учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях России» (госконтракт № П 487, 2007 г.) и «Разработка методов и психолого-педагогических технологий диагностирования особенностей молодежной субкультуры» (госконтракт № П 430/2, 2007 г.).

Всего в исследовании приняли участие 1940 человек в возрасте от 14 до 20 лет: учащиеся школ, колледжей, высших учебных заведений, а также молодые люди, состоящие на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, осужденные воспитательной колонии.

На первом этапе исследование проходило в ряде городов РФ на базе учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования. Общая выборка составила 927 человек. Респондентам предлагалась анкета «Социально-личностные предпочтения для выявления степени устойчивости эмоциональных, поведенческих и личностных характеристик».

На основании полученных результатов опроса можно сделать следующие **выводы**:

- 1) Большинство представителей данной выборки являются социально незрелыми, не готовы брать на себя ответственность

за собственную жизнь, семью и неудачи. Молодые люди не удовлетворены жизнью, в том числе материальным, социальным положением и местом жительства, но не стремятся к ее изменению, политически не активны, не интересуются общественной и политической жизнью страны, хотя многие представители данной выборки считают себя патриотами. При этом они вполне удовлетворены собой, так как обладают внешним локусом контроля. Большинство респондентов настроены оптимистично и полагают, что в будущем они будут жить лучше.

- 2) Молодые люди из сельской местности не видят для себя перспектив на малой родине – в селе. Рабочие специальности, в том числе сельскохозяйственные, для них не привлекательны.
- 3) Наблюдается расхождение между представлениями респондентов о престижности профессий и их реальным поведением (наиболее престижными они считают одни профессии, а учиться идут на другие, осознавая, что будущая специальность не привлекательна и работать в выбранной сфере они не будут).
- 4) Молодые люди занимают инфантильную, незрелую позицию по отношению к институту семьи, т. е. ценят то, что они дети в родительской семье, но не готовы к созданию собственной. Можно предположить, что фактор наличия отца в семье играет значимую роль в этом выборе. Следовательно, необходимо повышение значимости института семьи и отцовства в обществе.
- 5) В качестве основного источника информации для молодежи выступает телевидение, в несколько меньшей степени – Интернет; при этом около 90% молодых людей намеренно или случайно смотрят общественно-политические передачи. Телевидение и Интернет становятся эффективными средствами воздействия на молодежь. Можно предположить, что и телевидение, и Интернет играют не последнюю роль в воспитании патриотизма, однако не известно, что вкладывается в это понятие, так как под патриотизмом можно понимать ксенофобию, расизм, антисемитизм, с проявлениями которых часто можно встретиться в этих средствах массовой информации.
- 6) Политика пока не является приоритетной сферой интересов и потребностей современных студентов. Пятая часть молодых людей не намерена участвовать в выборах Президента РФ (среди ответов «нет» один ответ был с комментарием: «Нет, потому что это ничего не изменит»). Важнейшей детерминантой отношения молодежи к политике становится ухудшение ее материального

положения. Политическая заинтересованность современной молодежи имеет «избирательный» характер и проявляется от случая к случаю. Основная форма интереса молодежи к политике сегодня – информационная. Отношение к политике, когда реальностью становится все большее неучастие в ней, студенты все чаще соотносят с готовностью и способностью властных структур любого уровня решать конкретные социальные проблемы. Вполне нормальной можно считать характерную для молодежного сознания переориентацию с ценностей глобального уровня на конкретные острые и переменные проблемы.

- 7) Осведомленность молодых людей о многочисленных направлениях молодежной субкультуры и положительное или нейтральное отношение к ним не влечет за собой их вовлечения в эту субкультуру. Менее 10% молодых людей состоят в каких-либо молодежных объединениях или партиях. Другими словами, подавляющее большинство из них не идентифицируют себя с представителями конкретных партий, молодежных движений, направлений молодежной субкультуры. К молодежным направлениям они относятся или положительно (так как, по их мнению, они развивают нравственные качества, расширяют кругозор, утверждают в обществе согласие) или нейтрально (как к стилю жизни, моде или общению), только незначительное число молодых людей считают, что отношение к ним зависит от целей и идеологии этих движений.
- 8) Большинство респондентов, независимо от уровня образования, находятся на среднем уровне развития терпимости: они способны отстаивать свои убеждения, могут прислушаться к аргументам оппонента, но в то же время готовы к диалогу, поменять свое мнение. В то же время иногда проявляют излишнюю резкость и даже неуважение к собеседнику. Терпимость молодых людей по отношению к другому человеку меняется в зависимости от того, с кем они общаются. По отношению к более сильному оппоненту (морально, физически, статусно и т. д.) они охотнее и чаще проявляют терпимость, чем по отношению к тому, кто слабее их в том или ином отношении. Пятая часть молодых людей могут принять любую идею, готовы с пониманием отнестись к достаточно парадоксальному, на первый взгляд, поступку, даже если не одобряют его; при этом более молодой возраст и более низкий уровень образования являются факторами, препятствующими такому пониманию, т. е. подростки более нетерпимы к другим.

Более половины респондентов всех групп демонстрируют высокие уровни самоуверенности, что ведет к нетерпимости при вмешательстве в их дела, не позволяет им прислушиваться к иному мнению.

- 9) Больше половины респондентов считают, что они в той или иной мере ориентируются на религиозные ценности в своем поведении, остальная часть не признает эти ценности в качестве нравственного ориентира.

Второй этап включал использование для проведения диагностического обследования следующего методического инструментария:

- 1 Анкета «Современные представления о молодежной субкультуре учащейся молодежи, их учителей и родителей в образовательных учреждениях».
- 2 Анкета «Социально-личностных предпочтений для выявления степени устойчивости эмоциональных, поведенческих и личностных характеристик».
- 3 Батарея тестов, направленных на определение эмоциональных, поведенческих и личностных особенностей молодежи и подростков.
- 4 Стандартизированные социально-психологические психодиагностические методы оценки поведения и общения: авторская методика субкультурной типологизации личности в пространстве «Социализация–индивидуализация» (Сочивко), опросник межличностных отношений (Шутц), тест психологических защит (Плутчек), методика «самоотношения» (Пантелеев, Столин), опросник на самооценку доминирующего состояния (Куликов).

Исследование проходило в Рязани и Рязанской области. В качестве респондентов выступили: школьники сельской школы, молодые люди, состоящие на учете в комиссии по делам несовершеннолетних, курсанты Академии ФСИН России, студенты института Академии ФСИН России, осужденные воспитательной (женской) колонии. Общая выборка составила 307 человек. Для сравнительного анализа результатов исследования дополнительно были опрошены осужденные молодые мужчины (до 25 лет) – 80 человек.

Согласно результатам диагностического обследования на этом этапе, обнаружены:

- криминогенная роль безотцовщины, ущербность только женского воспитания (наибольшим неблагополучием отличаются осужденные, которые реже всего имеют полную семью);

- субкультурная обусловленность представления испытуемых молодежного возраста о престижности основных профессий, самая высокая оценка бизнес-профессий (рисунок 1);
- субкультурная обусловленность представления молодых испытуемых о необходимых атрибутах хорошей жизни; респонденты считают, что для «хорошей» или «достойной» жизни нужно иметь хорошее образование (рисунок 2).

Для осужденных наибольшей притягательностью, естественно, обладает «воля», скорее всего понимаемая как свобода, но не только. Воля к выживанию также является важной ценностью тюремной субкультуры. У курсантов высокие оценки получают «друзья», «удача», «способности», «знакомства», а также наличие семьи и детей, что хорошо отражает именно курсантские субкультурные представления о хорошей жизни. Еще выше оценки наличия друзей и удачи (как атрибутов хорошей жизни) у состоящих на учете в КДН подростков, при этом они меньше всего ценят терпение и необходимость много работать, что представляет их спектр субкультурных представлений о «хорошей жизни». У курсантов эти понятия сформированы, что, видимо, удерживает их в рамках социокультурных представлений.

- субкультурная обусловленность представлений респондентов о препятствиях, мешающих им в жизни; в качестве таких по-

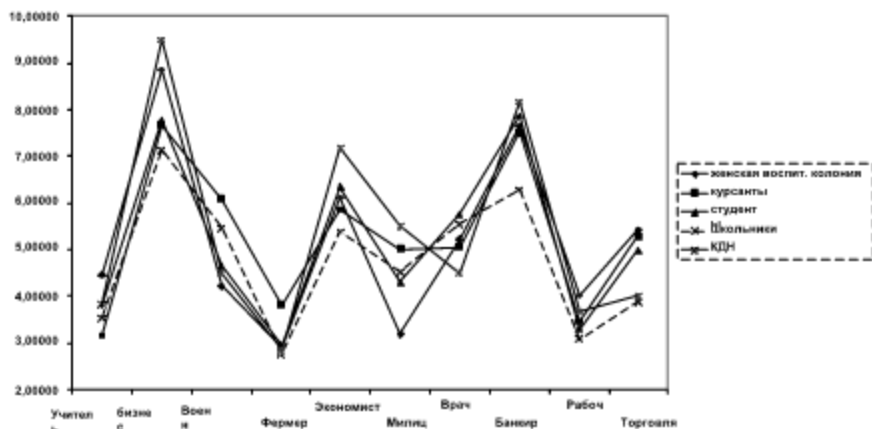

Рис. 1. Средние оценки престижности профессий

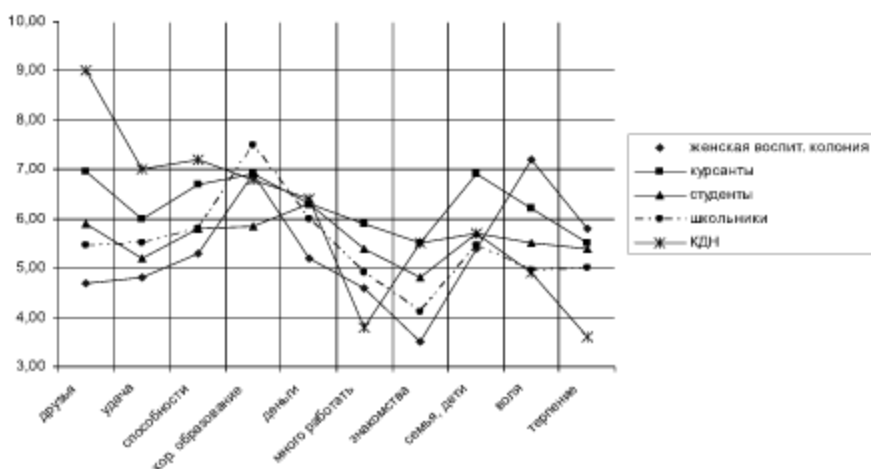

Рис. 2. Предпочитаемые атрибуты «хорошей жизни»

мех выступают качества и характеристики, которые они приписывают другим, но не себе (ложь, предательство, требования общества); собственные качества (собственные желания, необходимость принимать решения) занимают последние места;

- представители всех молодежных субкультур в первую очередь испытывают дефицит острых ощущений (рисунок 3); хорошо просматривается лозунг современной молодежной субкультуры

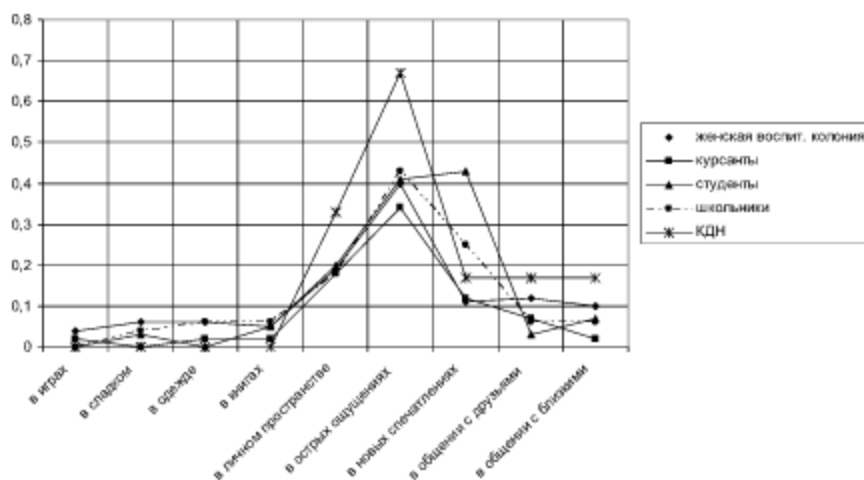

Рис. 3. Оценка дефицитов, испытываемых в детстве

«Личного пространства для острых ощущений», однако у студентов, видимо, под влиянием высшего образования просматривается некоторая конструктивная потребность также и в новых впечатлениях, т. е. в каком-то развитии;

- общей особенностью молодежных субкультур является низкий уровень выраженности стратегии сотрудничества, единственной стратегии, которой автор метода К. Томас придавал значение как конструктивной. Все остальные стратегии в той или иной степени ведут ко взаимному или индивидуальному проигрышу в ситуациях конфликта. Ниже всего сотрудничество выражено у студентов, субкультуру которых, видимо, характеризует больший индивидуализм (рисунок 4);
- коммуникативный контроль находится в пределах нормы;
- у курсантов и студентов самое высокое самоуважение и они больше считают, что вызывают уважение у других людей. Кроме того, у студентов самая высокая самооценочность;
- прогностическая направленность методики построения субкультурной типологии личности в пространстве «социализация (освоил нормы культуры, принял и использует их в жизни) – индивидуация (ориентируется на личные достижения)».

Выводы: второй этап основного исследования подтвердил данные, полученные на первом этапе: значимость института отцовства

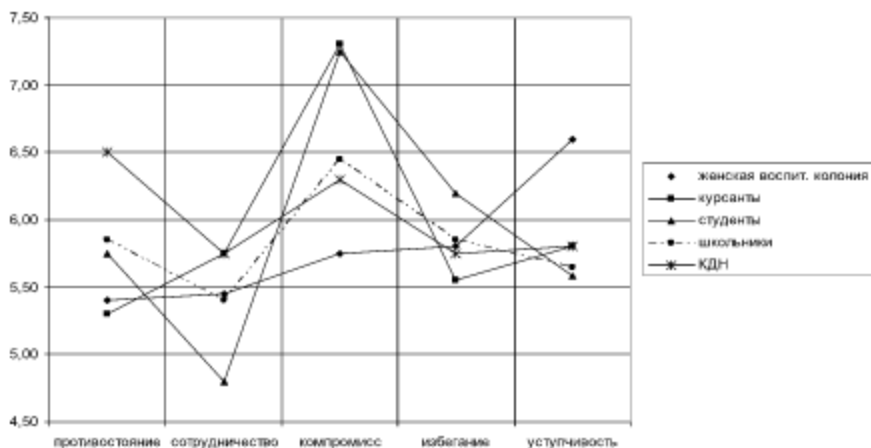

Рис. 4. Стратегии поведения в конфликте

для развития личности ребенка, его дальнейшей социализации, готовности с возрастом к созданию собственной семьи и выполнению родительских обязанностей; высокая оценка молодыми людьми профессий, относящихся к экономической сфере общества (бизнес-профессии); низкие оценки у респондентов концепции «воли», также низко оцененной респондентами на первом этапе исследования. Только для осужденных «воля» обладает наибольшей привлекательностью, которую они понимают как свободу и способность к выживанию в условиях тюрьмы; больше всего помех в жизни испытывают, естественно, осужденные, причем самыми мешающими факторами являются «ложь», «плохой характер» и «предательство», которые значимы и для выборки первого этапа исследования.

Общий вывод сводится к тому, что многие феномены, обнаруженные на первом этапе основного исследования, подтвердились на втором этапе, причем выяснилась субкультурная обусловленность этих феноменов, включая не только представления молодых людей о значимых сферах жизни, но и межличностное общение (включение в общение, контроль общения и аффективность общения).

На **третьем этапе** исследования использовалась разработанная анкета «Мировоззренческие позиции молодежи», вопросы которой направлены на изучение: представлений молодых людей о формах государственной власти, системах власти и политических режимах (проверялось наличие зависимости этих представлений от внутренних факторов (боязни одиночества) и внешних факторов (представленности насилия на телевидении); этнической толерантности (проверялось наличие зависимости между национальной и расовой нетерпимостью и наличием дружеских отношений с представителями иных национальностей); мнений молодых людей о молодежной моде, музыке, фильмах, субкультуре; отношения к структурным проблемам общества, которое по большей части организуется взрослым; мировоззренческих позиций молодежи; уровня сформированности у молодежи «культуры мира», в том числе социокультурных ценностей; роли родителей в жизни молодых людей; степени успешности реализации процессов индивидуализации и интеграции, т. е. развитие своеобразия и позитивной самооценки.

Апробация новой анкеты проходила в университетах и техникумах Москвы, Уфы, Самары. Общая выборка составила 311 человек.

Согласно результатам исследования, обнаружены:

- сходство представлений трех групп респондентов – студентов разных городов страны, значительно удаленных друг от друга, в отношении значимых ценных качеств личности;
- сходство представлений трех групп респондентов в отношении важных признаков культуры человека, людей, заслуживающих их уважения;
- нерелевантные представления трех групп респондентов в отношении качеств личности, которые считаются незначимыми, неважными;
- негативное влияние более низкого уровня образования и условий проживания в большом мегаполисе на отношение молодых людей к другим национальностям. При этом на мнения о возможности проявлений расизма и ксенофобии не влияет, есть или нет у молодого человека друзья иной, чем у него, национальности;
- негативные представления респондентов об уровне правовой грамотности молодежи;
- влияние субкультуры (и знание ее представителями отдельных аспектов действительности лучше, чем представителями других групп) на представления об агрессивности;
- зависимость представлений о формализме, равнодушии и собственной невостребованности молодых людей в обществе от возраста: чем старше студенты, тем выше они оценивают эти показатели;
- отсутствие управления динамикой обучения (воспитания) с учетом курса с точки зрения профессионализации.

Выводы

- 1) Представления молодежи о значимых сферах жизни, в том числе о важных ценных качествах личности, признаках культуры человека, людей, заслуживающих их уважения и проч., отличаются большим сходством, что свидетельствует об отсутствии культурного разрыва между этими группами респондентов, а также, о гуманитарной направленности учащейся в вузах молодежи или, по крайней мере, о том, что молодые люди имеют ясные и четкие представления о социальных нормах общества.
- 2) Однако система ценностей молодых людей имеет искажения, что свидетельствует о широком распространении аномии во всех ее проявлениях в общественной жизни. Реакция общественного мнения на факты проявления беззакония и аморальности, от-

ражающаяся в средствах массовой информации, в частности на телевидении и в Интернете, вполне допустима, что зачастую является внутренними и внешними мотивами деятельности, выходящей за рамки законности и морали. Отношение молодежи к распространению аномии соответствует общественной реакции, несмотря на то, что среди качеств, которые ценит молодежь, за которые уважает других, на одно из первых мест она ставит «честность» и «порядочность».

- 3) Следует разработать систему управления динамикой обучения (воспитания) по курсам с точки зрения профессионализации, что позволит преодолеть субкультурные влияния. Другими словами, нужно включать студентов в профессиональное общение на 3-м и 5-м курсах, а не на первом, когда читается введение в профессию. Обучение и воспитание в своем единстве должно влиять не только на уровень знаний, воспитанности, соблюдения социальных норм общества, но и на область личностного включения и эмоциональность студентов. Это влияние никак не учитывается, из-за чего студенты ищут «пристанища» в субкультурах.
- 4) Согласно результатам исследования, сама молодежь не считает «молодежной субкультурой» направления, течения или группировки, выделенные на пилотажном этапе исследования. Молодые люди относят их к проявлениям молодежной моды, которая является средством самовыражения, коммуникации, идентификации и приобретения статуса в молодежной среде (а не в среде взрослых). Субкультура, по их мнению, выражается в поведении, внешнем виде, достижении позитивных или негативных результатов, музыкальных предпочтениях, интересах и увлечениях. Содержание молодежной субкультуры весьма неоднородно и изменчиво.

Таким образом, для изучения молодежных направлений, конкретизирующихся в разного рода группировках, следует привлекать арсенал социальной психологии, во-первых, психологии масс, которая изучает массовое поведение (ведь «следование моде» и является одним из проявлений массового поведения), во-вторых, психологии малой группы, так как молодые люди объединяются во многие группировки («скинхедов», «фанатов»). Кроме того, немаловажным представляется рассматривать индивидуальный уровень и социальный уровень социальных стереотипов (авто- и гетеростереотипов) как молодежи, так и общества.

- 5) Результаты позволяют четко выделить когнитивную составляющую представлений подростков и молодых людей о различных направлениях молодежной субкультуры (что они знают) и аффективную составляющую (как они к этому относятся). Другими словами, речь идет о социальных стереотипах, которые не переходят в социальные установки (отсутствует когнитивная или поведенческая составляющая). Таким образом, перспективным направлением работы с подростками представляется разработка программы по изменению социальных стереотипов, в отношении которых многочисленными исследованиями в области социальной психологии показана значительная легкость манипуляции с ними, т. е. их можно легко как формировать, так и разрушать с разного рода эффектами. Высокий уровень не критичности молодежи способствует тому, что они легко становятся объектами воздействия со стороны их референтных групп.
- 6) Исходя из этой общей позиции, следует рассматривать индивидуальный уровень и социальный уровень. На первом важно рассмотреть, как создается и сохраняется положительный образ-Я подростка. На втором – как формируется и сохраняется групповая идеология, объясняющая и оправдывающая поведение группы (такой, как «скинхеды», «фанаты»), а также как создается и сохраняется положительный групповой «Мы-образ».

Так как содержание стереотипов зависит от особенностей культуры, то значительная роль в процессе работы со стереотипами принадлежит различным ее агентам (средствам массовой информации, в первую очередь телевидению и Интернету).

Другим направлением работы должна стать работа со студентами педагогических вузов, однако пока в обществе не будет повышен престиж профессии учителя, она рискует приобрести догматические формы, а школа – оставаться агентом общеобразовательных знаний среднего уровня.

Исследование по теме «Организация и проведение мониторинга состояния межнациональных отношений в молодежной поликультурной среде столичного мегаполиса (госконтракт № 0793, 2008 г.).

Количество респондентов составило 603 человека с возрастным диапазоном от 14 до 30 лет. В исследовании приняли участие представители современной молодежи города Москвы, различные как по возрасту, так и по своему социальному статусу, и в первую очередь – по отношению к образовательному процессу. В целом выборка испытуемых представлена следующими группами: учащи-

еся старших классов общего образования (школы), обучающиеся учреждений начального и среднего профессионального образования, студенты высшего профессионального образования, представители рабочей молодежи, представители молодежных субкультур.

Результаты исследования

На рисунке 5 представлены предпочтения различных специальностей разными группами молодежи.

Интересным, в частности, является то, что рабочая молодежь менее всего оценивает престиж бизнеса и более всего – врача. Может быть, это и есть опора будущей России. Интересна также самая высокая оценка профессии милиционера представителями субкультур. Это еще раз подтверждает то положение, что для субкультур в первую очередь характерно жесткое управление, которое чаще всего бывает незаметным и невидимым, что опасно для общества. При этом тяга молодежи к прямому властному управлению (как в милиции) налицо.

Это подтверждается также и следующим фактом: представители молодежных субкультур выше всех оценивают свое стремление изменить свою жизнь. А также в существенной мере и свое отношение к жизни. Однако, отношение к жизни – это довольно серьезный вопрос для молодого человека. Изменить свою жизнь хотят школьники, студенты и представители молодежных субкультур. А менее

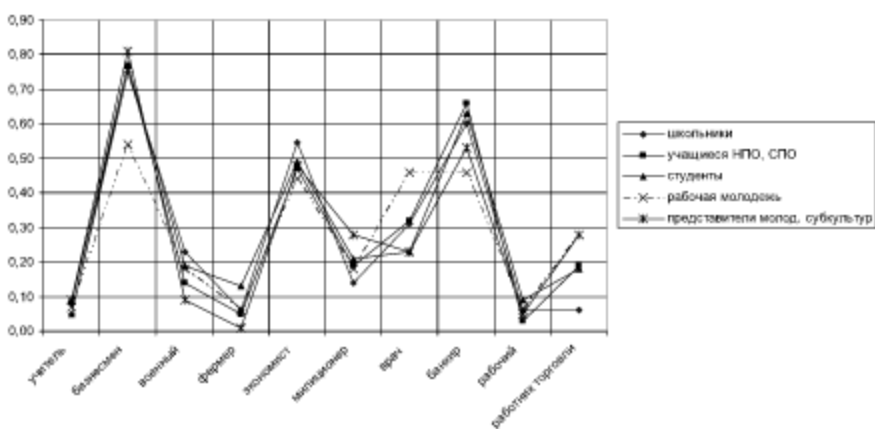

Рис. 5. Различия предпочтений специальностей разными группами молодежи

все хотят менять свою жизнь рабочая молодежь и обучающиеся в системе начального и среднего профессионального образования (НПО, СПО). Возможно, это и есть те люди, которые уже нашли свой путь в жизни, нашли работу, «приземлились». Возможно, именно их мнение относительно мигрантов и переселенцев будет наиболее устойчивым.

При этом, кажется парадоксом то, что именно рабочая молодежь более всех хочет изменить свое социальное положение, а менее всего – школьники. На этом фоне стабильной выглядит группа учащихся в средних специальных учебных заведениях (СПО). Вероятно, их устраивает и специальность и дальнейшая работа. Школьники же, скорее всего, просто проявляют легкомыслие, а рабочая молодежь хотела бы повысить свой образовательный уровень. Но при этом именно рабочая молодежь и школьники менее всего стремятся изменить свое материальное положение. Одни зарабатывают, а других содержат. В то время как учащиеся колледжей к этому стремятся активно (зарабатывать), а более всего – представители субкультур, которым, видимо, просто не хватает денег на все их интересы.

Менее всего покинуть Россию хотели бы именно представители рабочей молодежи и обучающиеся в колледжах. На наш взгляд, государственная поддержка этих слоев населения может стать существенным противодействием оттоку профессиональных кадров из России.

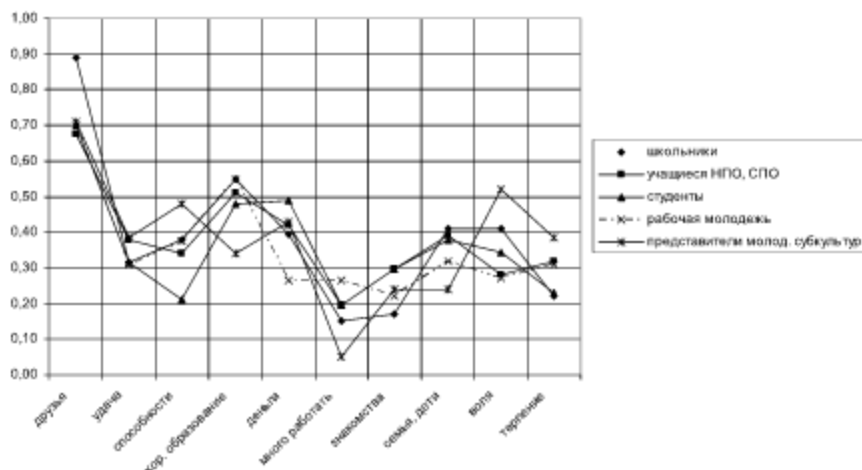

Рис. 6. Понимание разными группами молодежи «хорошей жизни»

На рисунке 6 представлены срезы понимания разными группами молодежи «хорошей жизни». Школьники более всего ценят друзей, а представители субкультур – волю (Сочивко, 2007).

На этом фоне очень хорошо смотрится тот факт, что более всего патриотами России себя считают представители рабочей молодежи.

Наиболее часто представителям субкультур мешает в жизни непонимание близких и требования общества, а рабочую молодежь более беспокоит предательство, что, конечно, более приземлено (рисунок 7).

Главное в жизни (ценностные ориентации) также различны для разных групп молодежи. Интересны различия между школьниками и представителями субкультур. Первые ориентированы на образование, вторые – нет. Это один из негативных эффектов субкультурных влияний.

Поразительным является тот факт, что именно представители рабочей молодежи и учащиеся техникумов оценивают доход своей семьи ниже всех. Выше всего – студенты, затем – субкультуры и школьники. Наблюдается избалованность представителей этих категорий молодежи. Рабочая молодежь более всего стремится зарабатывать как, впрочем, и представители субкультуры.

Вывод: наиболее «приземленной» частью молодежи являются рабочая молодежь и учащиеся начального и среднего профессионального образования. Студенты подвержены влияниям молодежных субкультур, а это может представлять социальную опасность.

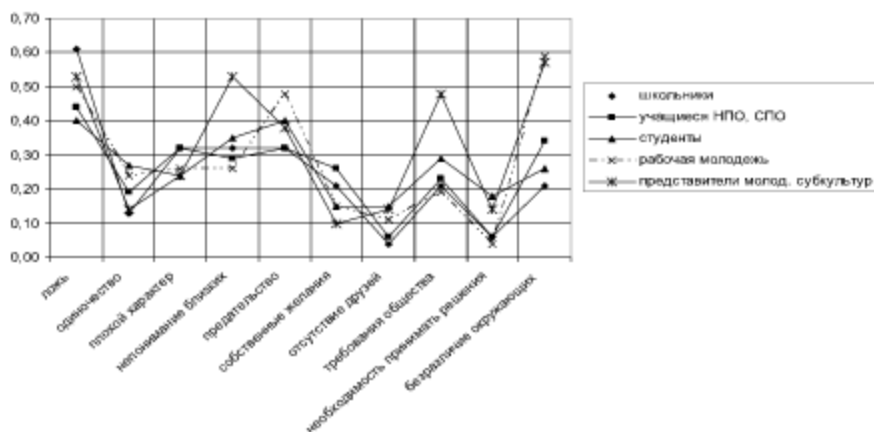

Рис. 7. Трудности, препятствующие успешной жизни молодежи

Обращает на себя внимание тот факт, что более всего хотят иметь друзей в России представители субкультур, а более всего согласны иметь друзей из ближнего зарубежья представители рабочей молодежи. Здесь явно прослеживаются два факта. Очевидно, рабочая молодежь и состоит в существенной мере из приезжих из ближнего зарубежья. И второе – причастность к [общему] труду объединяет. Опять же более всего положительно к представителям другой национальности относится рабочая молодежь.

При этом менее всего склонны иметь друзей другой национальности студенты и представители субкультур. Вероятно, это московская элита, но не в лучшем смысле этого слова. Во всяком случае, налицо тенденция к замыканию, отказе от общения.

Далее, больше всего друзей из приезжих у школьников и представителей субкультур. И у них же меньше всего друзей из ребят других национальностей. Похоже, что иметь друзей иной национальности, не престижно в молодежных кругах, и их робко называют просто приезжими. Противоположная ситуация только у студентов. Они менее склонны признавать приезжих и более – другие национальности, но, скорее всего, они имеют в виду друзей из развитых западных стран.

Рабочая молодежь лучше всего относится к лицам другой национальности. Также и близкие рабочей молодежи лучше всего относятся к лицам другой национальности. И эта же группа испытывает более всего доверия к лицам другой национальности. У них также более положительное отношение к мигрантам вообще. И они более всех хотели бы знать культуру и ценности других наций. Здесь, однако, к ним присоединяются и представители субкультур. Ценности другой национальной культуры интересуют рабочую молодежь, затем представителей субкультуры, затем школьников. Интересный момент относительно представителей субкультур: вероятно, они ищут новое, занимательное, но при этом проявляют явно негативное отношение собственно к людям. Они с интересом будут изучать искусство средней Азии и Африки, но они проявляют агрессию, когда в их компании оказывается негр или азиат. Это еще раз подтверждает скрытую криминогенную опасность субкультур.

Это также подтверждается тем, что ответа на вопрос о необходимости установления взаимопонимания и взаимодействия между представителями различных национальных культур в нашей стране более всего ищут студенты, рабочая молодежь – меньше, и представители субкультур – меньше всех.

Опять же, более всего недопустимым расизм считают учащиеся колледжей, более всего допускают его школьники и субкультуры. Странно, но рабочая молодежь при всей своей толерантности к приезжим допускает расизм. Это очень важно для раскрытия психологического содержания понятия расизм для молодежи. Возможно, это та половина опрошенных, которая и является приезжими, и расизм для них имеет отношение именно к русским. Этот вопрос требует дополнительного исследования.

Иностранцев винят в бедах России больше всех школьники, далее – учащиеся колледжей. Чем моложе человек, тем более он склонен обвинять иностранцев вообще во всех бедах, чем он старше, и имеет больше занятий и интересов, тем менее склонен к таким огульным и примитивным обвинениям. Это важно для понимания механизмов вовлечения молодежи в различного рода протестные националистические группировки.

Картину дополняет также следующий факт: более всего враждебность к себе чувствуют школьники, видимо, как самые беззащитные, и субкультуры, а эти уже – как реальный объект агрессии. Возможно, первые и перетекают во вторые.

В ответах же более всего враждебны субкультуры. Самыми толерантными к людям других национальностей оказались учащиеся колледжей. Но при этом они же хуже всего относятся к молодежным субкультурам: то ли завидуют им, то ли являются их реальной противоположностью.

Рабочая молодежь более всего чувствительна к конфликтным ситуациям. Человеку, занятому делом, конфликты не нужны. Это определяет и отношение к религии. У субкультур отношение к религии ниже всего, что и следовало ожидать. И это опасно. У рабочей молодежи и школьников – выше всех.

Представляют интерес данные, свидетельствующие об объединяющей роли фундаментальных религиозных конфессий. Здесь рабочая молодежь выражает свое отношение не просто к религии, но и к людям, их представляющим. Субкультуры, как и следовало ожидать, хуже всего относятся к людям – представителям других вероисповеданий. Учащиеся колледжей и рабочая молодежь высоко оценивают деятельность различных религиозных конфессий. Они ближе к религии и дальше от субкультур, что соответствует общим выявленным положениям и может помочь в формировании современной молодежной политики. Это также косвенно подтверждается их видением многоэтничности и поликультурности.

В отношении современной молодежи к информации, получаемой из СМИ (рисунок 8), более всего доверчивы оказались студенты, далее – субкультуры и учащиеся колледжей. При этом студенты хуже всего относятся к СМИ, предпочитая вариант «никакое». Получается, доверяют, потому что не смотрят и не слушают. Можно задуматься об альтернативных источниках информации для молодежи. Субкультуры же более всего зависимы от средств массовой информации.

Рабочая молодежь больше всех ощущает насилие на телевидении, видимо более всех опасается его в жизни, учащиеся же колледжей и субкультуры – менее всех. Скорее всего, они лучше сгруппированы. Это тоже очень важно для построения программ работы с разными группами молодежи. Как и следовало предполагать, представители субкультур не считают СМИ объективными: «Ничего не вижу, ничего не слышу».

Выводы

- 1) Следует гораздо более детально изучить особенности коллективного сознания таких групп молодежи, как рабочая молодежь и учащиеся колледжей. Это может предоставить богатый материал для формирования молодежной политики. При этом эти группы изучены менее всего.
- 2) Студенты более изучены, но гораздо более замкнуты в своих кругах общения. Их мнения более размыты и противоречивы.

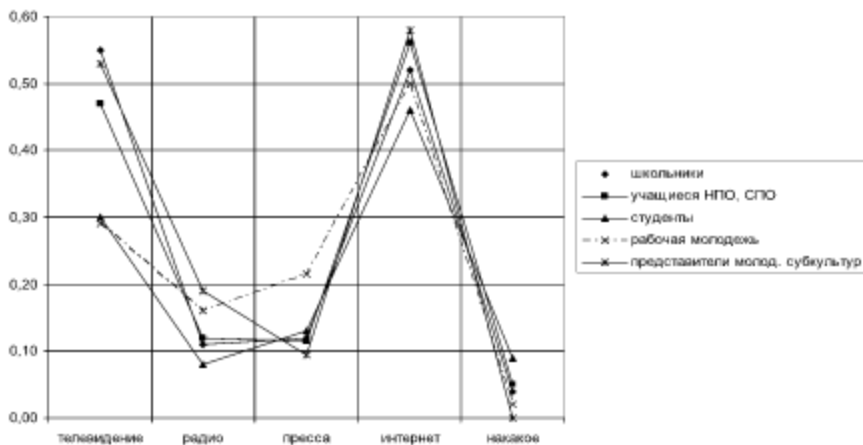

Рис. 8. Предпочтение испытуемыми средств массовой информации

Это необходимо учитывать в образовательных и воспитательных программах.

- 3) Субкультуры явно избалованы вниманием к ним общества. Их установки, поведение и мировоззрение крайне противоречивы, и, возможно, даже социально опасны. Здесь, видимо, следует больше внимания уделять дисциплинарным, иногда – принудительным мерам воздействия и воспитания.

Исследование по теме «Социокультурные и психолого-педагогические технологии диагностики социальных рисков в системе поликультурного образования» (госконтракт № П 95, 2007 г.).

Исследование проводилось в старшей школе, учреждениях начального и среднего профессионального образования г. Москвы, Ростовской, Тюменской, Калининградской, Брянской, Тверской областей. Количественный состав участников исследования 1736 человек, включая 424 педагогических работника и 1312 обучающихся (в том числе 254 человека из семей мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев, что составляет 19,4% от общего числа участников).

Диагностический инструментарий включал три блока:

- 1 Общая характеристика учреждения поликультурного профессионального образования (фактические данные).
- 2 Психолого-педагогическое обследование обучающихся (включая учащихся из семей мигрантов и коренных жителей): анкетирование учащихся из семей мигрантов и коренного населения, диагностика общего уровня толерантности с использованием экспресс-опросника «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова), исследование по методике формирования перспективной жизненной стратегии (адаптированный А. Гоштаусом, А. А. Семеновым и В. А. Ядовым вариант методики М. Рокича), исследование по методике «Самооценка психических состояний», определение направленности личности (ориентационная анкета), диагностика агрессивности учащихся (опросник изучения агрессивности (Басса-Дарки).
- 3 Психолого-педагогическое обследование педагогических работников: анкетирование педагогических работников, методика «Ваши эмпатические способности» (В. В. Бойко), тест коммуникативной толерантности (В. В. Бойко).

Результаты анализа деятельности учреждений поликультурного образования позволяют выявить следующие проблемные области:

- недостаточное внимание к количественному составу обучающихся (количество учащихся-мигрантов составляет от 8,3% до 32,2% от общего контингента обучающихся, при этом только 58,3% учреждений ведут учет динамики численности учащихся-мигрантов);
- наличие кадровых проблем (лишь в 58,3% образовательных учреждений имеются педагоги-психологи, в 33,3% – социальные педагоги, в 8,4% – психологическая служба);
- недостаточная реализация программ формирования социальной компетентности учащихся в поликультурной образовательной среде (менее половины учреждений имеют опыт подобной работы, образовательными учреждениями не осуществляется системная комплексная работа по адаптации учащихся из семей мигрантов и подготовка учащихся из семей местных жителей к условиям поликультурного общения, работа с родителями учащихся-мигрантов ведется эпизодически и в основном по запросам самих родителей). Помимо этого, выявлена тенденция переноса ответственности за подобную работу со всего педагогического коллектива на узкий круг специалистов – педагогов-психологов, социальных педагогов, классных руководителей и педагогов социально-гуманитарных дисциплин;
- недостаточная компетентность педагогических работников (в большинстве учреждений отсутствует система непрерывного повышения квалификации, сведения о поликультурной среде и особенностях работы педагоги получали в основном путем самообразования).

Анализ результатов психолого-педагогического обследования учащихся из семей мигрантов и коренных жителей

Результаты анкетирования учащихся из семей коренного населения в возрасте от 14 до 18 лет показали некоторые общие тенденции, присущие как учащимся школ, так и учащимся учреждений начального и среднего профессионального образования:

- учащиеся относятся к многонациональному составу класса (группы) либо положительно, либо (в основном) безразлично;
- лучшими друзьями признают местных жителей, но при этом имеют друзей иных национальностей;

- состав молодежных компаний носит в большинстве своем смешанный характер;
- отношение к людям другой национальности, а также к многонациональному составу класса (группы) может иметь позитивный, но чаще – безразличный характер;
- на вопрос «что является причиной отрицательных проявлений молодежи к людям других национальностей» большинство ответить затруднилось. Те ответы, которые были даны респондентами, распределены по двум группам: причины в самих приезжих (язык, культура, поведение) и – в проблемах коренной молодежи (алкоголь, наркотики, безделье);
- межличностные отношения со сверстниками оценивают как положительные, нормальные, хорошие.

По оценкам психологов образовательных учреждений меньше трети учащихся-мигрантов адаптированы к условиям обучения, остальные нуждаются в специализированных индивидуально-дифференцированных программах и коррекционно-развивающих занятиях.

У 62% учащихся-мигрантов отмечена повышенная агрессивность, тревожность (71%), неадекватность поведенческих реакций (14%). Имеют место активное неприятие людей других национальностей, хотя учащиеся-мигранты признают, что многонациональность России обогащает ее культуру и необходимо больше терпимых людей. По оценкам 28% учащихся преступления в их городе совершаются приезжими, «люди с другим цветом кожи не могут быть нормальными людьми». 11% считают, что человека надо оценивать не по деловым и моральным качествам, а не по национальности, 13% думают, что «есть нации и народы, к которым трудно хорошо относиться». Наблюдается неадекватность в оценках себя. При этом учащиеся-мигранты признают у себя черты, характеризующие толерантную личность (67%).

Профессиональный выбор связан в основном с материальными мотивами (79%), принуждением со стороны родителей, социальной значимостью профессии.

Обучаемость снижена у 76% юношей и девушек учреждений начального и среднего профессионального образования. Наблюдалось отрицательное отношение к учебной деятельности у 67%, нейтрально-равнодушное у 28%, активно-положительное у 5% учащихся-мигрантов. Анализ образовательных и трудовых мотиваций молодежи показал, что основная цель учебы молодых людей – устройство

в дальнейшем на высокооплачиваемую работу, в меньшей степени – желание стать квалифицированными специалистами.

Способности проявляются в основном к физическому труду, спорту, творческой самодеятельности и технической деятельности.

Положение в социальной группе скорее вытесняемое (38%) и изолированное (48%), чем дезорганизирующее (8%); «неформальный лидер» – 6%.

Анкетирование учащихся из семей мигрантов позволило выявить следующие данные:

- почти половина (46%) опрошенных считают себя по национальности русскими (хотя таковыми не являются) и гордятся, что они живут в России; 65% выбирают друзей, которые родились в России;
- 55,8% свое положение в классе (группе) оценивают как хорошее; 71% довольны своим нынешним положением; 65% учащихся не чувствуют себя «чужими», не испытывают чувства изоляции; 71,5% оценивают отношение к себе местных учащихся более – как положительное или скорее положительное;
- больше половины респондентов считают себя в безопасности, уверены, что по отношению к ним нет угрозы со стороны местного населения;
- отношения в семьях переселенцев после переезда, по мнению детей, улучшились либо остались прежними;
- учащиеся указывают на различие проблем у них и у учащихся из коренного населения.

Результаты исследования толерантности учащихся (рисунок 9) показали устойчиво выраженный средний уровень как у учащихся из семей коренных жителей, так и у учащихся из семей коренного населения (от 92,1% до 97,1%), при этом полностью отсутствует высокий уровень, низкий выражен незначительно. Эти данные свидетельствуют о сочетании как толерантных, так и интолерантных черт, которые проявляются ситуационно.

Качественный анализ аспектов толерантности проводился с использованием трех субшкал (рисунок 10): этническая толерантность, социальная толерантность и толерантность как черта личности.

Субшкалы этнической толерантности и толерантности как черты личности имеют гораздо меньшие значения, чем субшкалы социальной толерантности, причем этническая толерантность,

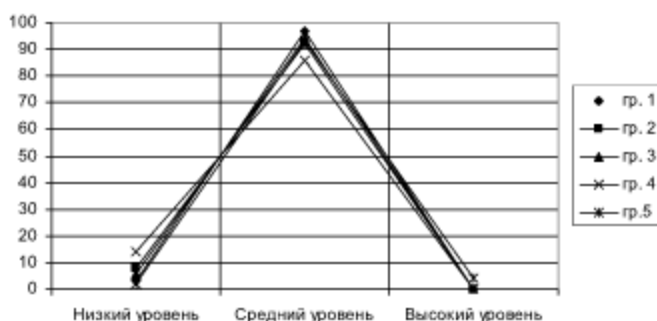

Рис. 9. Уровни толерантности учащихся

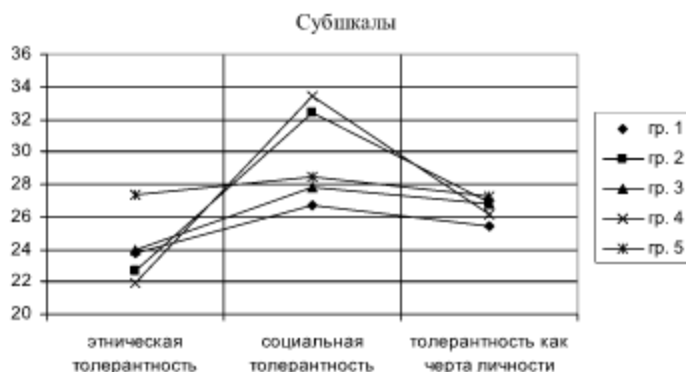

Рис. 10. Качественный анализ аспектов толерантности

характеризующая отношение человека к представителям других этнических групп и установки в сфере межкультурного взаимодействия, выражена менее всего. Наибольшее значение имеет социальная толерантность, которая выявляет толерантные и интолерантные проявления в отношении различных социальных групп, а также позволяет изучать установки личности по отношению к некоторым социальным процессам.

Обратим внимание на отношение респондентов к различным формам поведения, оцениваемым в обществе как негативные, девиантные, неодобряемые. По результатам анкетирования – учащиеся толерантны к тем формам поведения, которые распространены в молодежной среде (пьянству, свободной сексуальной жизни, курению, азартным играм, проституции, мистицизму), а наибольшее неприятие вызывают те формы девиации, которые связаны с на-

силием, преследуются как уголовные преступления (воровство, «дедовщина», вымогательство, рэкет, наркомания).

Качественный анализ результатов диагностики самооценки психических состояний учащихся проводился по следующим показателям:

- 1) Показатель тревожности (рисунок 11). Все респонденты показывают низкий (55,15%) или средний, допустимый (42,55%) уровни тревожности. Высокие результаты наблюдаются у 2,32% учащихся, для которых характерна высокая тревожность, свидетельствующая о субъективном проявлении неблагополучия личности.
- 2) Показатель фрустрации (рисунок 12). Так же как и результаты тревожности, фрустрация находится на низком (у 53,25%) или среднем (у 42,82%) уровнях. Высокие результаты, выявленные у 3,9% респондентов, свидетельствуют о низкой самооценке, стратегии избегания трудностей, боязни неудач.
- 3) Показатель агрессивности (рисунок 13). Для 25,95% характерен низкий уровень агрессивности (проявления спокойствия и выдержанности), для 58% – средний уровень, для 11,52% – высокий уровень агрессивности, который проявляется в невыдержанности, трудностях в общении, связан с реакцией человека на фрустрацию и сопровождается эмоциональными состояниями гнева, враждебности, ненависти и др.
- 4) Показатель ригидности (рисунок 14). Средний уровень ригидности выражен у 65,95% респондентов, в меньшей степени вы-

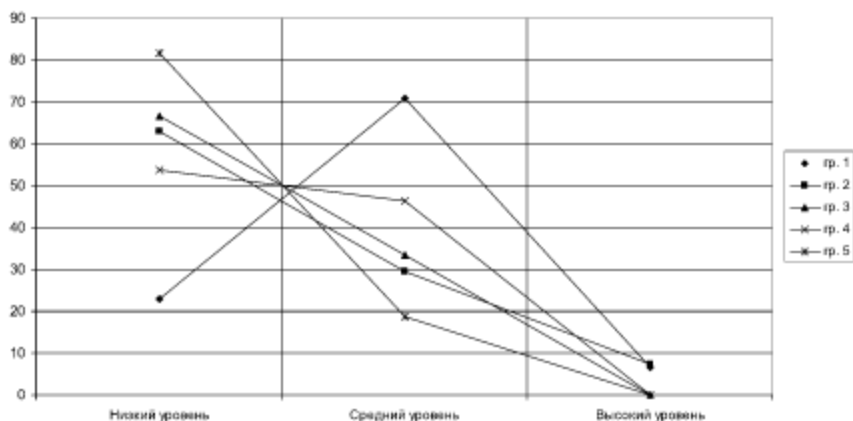

Рис. 11. Уровни тревожности учащихся

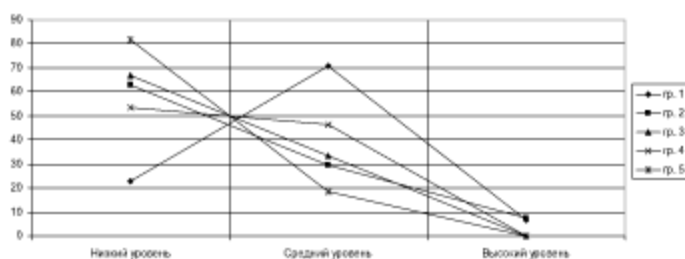

Рис. 12. Проявления фрустрации

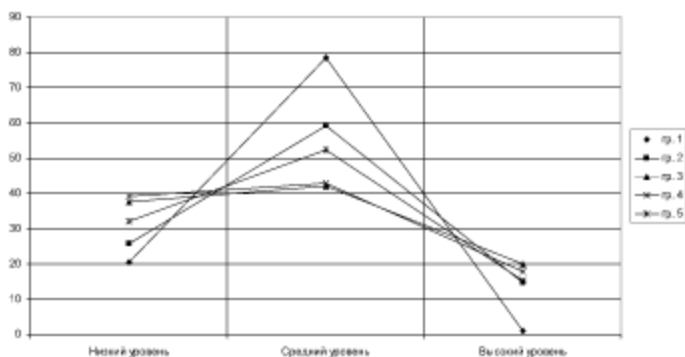

Рис. 13. Проявления агрессивности

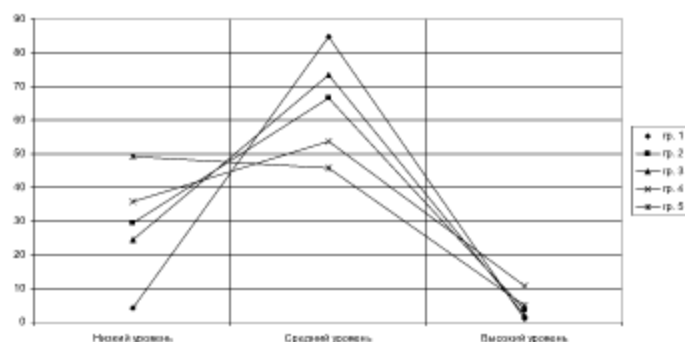

Рис. 14. Проявления ригидности

ражены низкий уровень (28%) и высокий уровень (4,35%) – сильно выраженная ригидность: для этих людей противопоказаны смена места учебы, работы, изменения в жизни и семье.

Результаты исследования по методике формирования перспективной жизненной стратегии показали, что лидирующее место сре-

ди терминальных ценностей во всех группах занимает ценность «здоровье», второе место разделили ценности «интересная работа», «любовь», «наличие хороших и верных друзей», третья позиция включала ценности «активная деятельная жизнь», «любовь», «наличие хороших и верных друзей». Еще три ценности «свобода», «материально обеспеченная жизнь» и «счастливая семейная жизнь» попали в пятерку значимых ценностных ориентаций молодежи. К разряду наименее значимых ценностей относятся «красота природы и искусства», «развлечения», «счастье других» и «творчество», а также «продуктивная жизнь» и «развитие».

Результаты диагностики инструментальных ценностей показали, что на первое место учащиеся поставили ценности: «аккуратность», «воспитанность», «образованность», на второе место – «аккуратность», «воспитанность», «жизнерадостность», «самоконтроль», «высокие запросы», третье место разделили ценности «образованность» и «воспитанность». При этом к наименее значимым относятся ценности «чуткость», «непримиримость к недостаткам в себе и других», «эффективность в делах», «широта взглядов», «рационализм», «терпимость».

Анализ результатов психолого-педагогического обследования педагогических работников

Качественный анализ результатов анкетирования показал, что треть педагогов не считают, что они работают в поликультурном образовательном учреждении, хотя во всех из них обучаются учащиеся из семей мигрантов и вынужденных переселенцев, причем только 60% педагогов знакомы с теоретическими основами поликультурного образования.

На вопрос «Испытываете ли Вы трудности при работе с полиэтничным составом учащихся?» 29,3% педагогов дали положительный ответ и 23,3% отметили, что у них возникают проблемы при работе с учащимися из семей этнических переселенцев, мигрантов, беженцев. По оценкам педагогов, возникающие проблемы носят в большей степени лингвистический характер (43,1%), в меньшей степени – социально-коммуникативный (23,1%), психологический (21,5%) и этнический (15,3%). При этом больше трети педагогов не испытывают никаких затруднений. Только 16,3% педагогов признают, что у них возникают конфликтные ситуации с учащимися-мигрантами.

Более половины (56,9%) опрошенных педагогов включают в содержание своего предмета вопросы национальной политики, этни-

ческого характера, этнокультурных особенностей детей-мигрантов, вынужденных переселенцев, толерантного отношения к национальным меньшинствам, терпимости к различным религиозным и культурным проявлениям, а также обсуждают на уроках (занятиях) проблемы поликультурности. Половина респондентов (55,3%) не видят разницы в методике работы с подростками и юношами (девушками) из семей мигрантов и коренного населения. 58,5% педагогов свидетельствуют, что учащиеся из коренного населения высказывают негативное или безразличное отношение к учащимся-мигрантам, позитивных проявлений среди местных учащихся педагоги не отмечали.

На вопрос «Готовы ли Вы психологически к работе с учащимися из семей мигрантов, вынужденных переселенцев, беженцев?» большинство (83%) педагогов учреждений общего, начального и среднего профессионального образования дали положительный ответ.

Диагностика эмпатических способностей проводилась в двух регионах, трех образовательных учреждениях. Результаты сравнивались с данными диагностики педагогических учреждений начального и среднего профессионального образования, проведенного в 2006 г., а также – работников других образовательных учреждений.

Анализ представленных результатов (рисунок 15) свидетельствует, что 86,2% респондентов имеют низкий и заниженный уровни эмпатических способностей, 13% – средний и только 1,45% – высокий уровень. Из данных можно сделать вывод, что большинство педагогических работников не обладают необходимым уровнем эмпатии, что затрудняет их профессиональную деятельность, особенно в условиях поликультурного образования, и они нуждаются

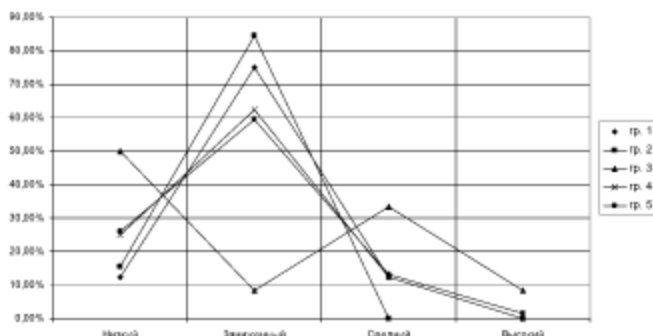

Рис. 15. Эмпатические способности педагогов

в реализации специализированных программ. Сниженная способность не позволяет в полной мере реализовать задачи подготовки и воспитания обучающихся разных этнических групп и может стать причиной возникновения социально-психологических рисков и конфликтов в системе межличностных отношений.

Исследование коммуникативной толерантности педагогических работников показало, что наименьшую коммуникативную толерантность педагогические работники проявляют по пяти признакам:

- «неприятие или непонимание другого человека»,
- «использование себя в качестве эталона при оценке других»,
- «категоричность или консерватизм в оценках людей»,
- «неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства при возникновении трудностей в коммуникации с партнерами»,
- «стремление переделать, перевоспитать партнеров по общению».

Выводы. Исследования уровня и характера готовности педагогов к работе в поликультурном образовательном пространстве позволили обнаружить следующие явления: и молодые, и опытные специалисты не обладают достаточными психологическими и педагогическими знаниями, методическими умениями и навыками, а также профессионально важными качествами, эмпатическими способностями и коммуникативной толерантностью для построения работы с учащимися в условиях поликультурного пространства образования. Все это актуализирует несоответствие между запросами общества, социальных групп (родителей, учащихся) в области образования и готовностью педагогической практики обеспечить этот процесс. Разрешение этого противоречия приобретает особую актуальность в связи с нарастанием миграционных процессов, которые требуют от педагога оказания педагогической помощи не только учащимся-мигрантам в их адаптации к инокультурной среде образовательного учреждения, в их интеграции в новое этническое сообщество при условии сохранения собственной этнокультуры, но и учащимся из коренного населения в принятии ситуации поликультурной образовательной среды и в гармонизации межличностных отношений. Целесообразно более детально исследовать системы отношений «педагог-мигрант – учащиеся и родители из коренного населения», «педагог-коренной житель – педагог-приезжий», поскольку выявлены отдельные позиции в отношении возможных конфликтов и предубеждений по данным линиям.

На основе комплексного анализа полученных результатов можно определять уровень рискогенности поликультурного образования по следующим параметрам:

- количество учащихся из семей мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев в образовательном учреждении;
- динамика контингента учащихся из семей мигрантов;
- количество учащихся, относящихся к молодежным субкультурам;
- количество педагогов-мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев;
- количество конфликтов на этнической и иной почве;
- уровень квалификации управленческих и педагогических работников;
- численность специалистов, сопровождающих образовательный процесс;
- уровень заболеваемости среди субъектов образования;
- показатель трудоустройства, а, главное, закрепляемости выпускников и др.

Степень проявления данных параметров позволяет конструировать и оценивать ситуацию, разрабатывать комплексы мероприятий, направленных на минимизацию рисков, проектировать работу по снижению или устранению выявленных затруднений в деятельности и профессиональной компетентности педагогических работников, осуществлять прогнозирование возникновения рисков учащейся молодежи в поликультурной образовательной среде, планировать мероприятия и программы, направленные на снижение или предотвращение социально-психологических рисков. разрабатывать методические рекомендации, направленные на преодоление трудностей в деятельности поликультурного образовательного учреждения, в работе с учащимися-мигрантами и их взаимодействии с учащимися из коренного населения и педагогическими работниками, формирование в образовательном учреждении атмосферы толерантности, профилактики ксенофобии и экстремизма, повышение межкультурной компетентности всех субъектов образовательного процесса, обеспечение работников образования знаниями, умениями, необходимыми для создания поликультурной образовательной среды.

Наиболее характерным проявлением рискогенности является наличие в коллективе учащихся, состоящих в неформальных орга-

низациях профашистского, экстремистского толка, открыто преследующих людей иной национальности и не скрывающих своего мировоззрения. Поэтому одной из важнейших задач поликультурного образовательного учреждения является профилактика, выявление и противодействие подобного рода социальным рискам.

Заключение

Проблемы нравственного воспитания молодежи, составной частью которого является формирование культуры межнационального общения, культуры мира и согласия между представителями различных национальностей, воспитание толерантности, способствующие противодействию экстремизму в молодежной среде, сегодня являются задачами первостепенной важности для системы образования, молодежных политических объединений, средств массовой информации и др. общественных организаций.

Результаты проведенных исследований современной молодежи в условиях социального риска позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование учебно-воспитательной работы как в образовательных учреждениях, так и в СМИ и программах молодежной политики.

1. Проблема нравственного развития и формирования социокультурной компетентности молодежи становится социально-педагогической проблемой. Ее решение затрагивает насущные вопросы общества и образования, поскольку в современных условиях востребуется человек, способный мыслить глобально, понимать себя и других, понимать культуру не только своего народа, но и других народов, культуру человечества в целом.

Современная социальная ситуация расширения контактов с людьми разных национальностей, процесс глобализации общественного развития требуют от человека понимания не только родной культуры, но и культуры иных народов, вхождения во «множественность» существующих культур. Социокультурное пространство образования является тем полем, которое может воссоздавать многообразие культур, а также развивать у учащихся культуруформирующую способность к рефлексии как к предпосылке понимания ценностей культуры. При этом, как и культура, образование не может быть ограничено рамками культурных ценностей одного народа, а должно решать задачи обогащения индивидуальных и общественных ментальных качеств данного социума общечеловеческими ценностями.

По нашему мнению, в образовательный стандарт третьего поколения следует ввести раздел: «Образование и воспитание в кросс-культурной среде», что позволит развивать у учащихся и студентов толерантное, позитивное отношение к родной культуре и культуре других народов, к субъектам различных культур на основе понимания и принятия ценностей этих культур, их традиций и будет способствовать укреплению межкультурного взаимодействия среди молодежи.

2. Регулярное проведение мониторинга состояния межнациональных отношений позволит выявить не только причины возникновения социальной напряженности среди молодежи и источники формирования социальных рисков на межнациональной основе, но и оценить состояние учебно-воспитательного процесса в учреждениях образования, провести соответствующие мероприятия, направленные на совершенствование деятельности педагогических работников и учебного учреждения в целом.

Мониторинговое исследование среди молодежи необходимо проводить с использованием современного диагностического инструментария, охватывающего все стороны жизни молодежи, включая и образовательную, и досуговую деятельность, что позволяет определить удовлетворенность молодого поколения качеством получаемого образования, причины вхождения в различные молодежные субкультуры, в том числе антисоциальной направленности и др. Анализ результатов мониторинга необходимо использовать для внесения соответствующих корректив в организацию учебно-воспитательного процесса в учреждениях всех уровней образования: школе, начальном, среднем и высшем профессиональном образовании.

3. Организация досуговой деятельности подростков и молодежи является одним из условий их самореализации. Разнонаправленная внеучебная деятельность по интересам особенно актуальна в учреждениях начального и среднего профессионального образования. В этой связи представляется весьма эффективным организация деятельности дискуссионных клубов, дней национальных культур с вовлечением в мероприятия всего контингента учащихся для формирования у них мышления, ориентированного на понимание действительности, адекватного современным процессам межкультурного взаимодействия, готовности к осознанным и ответственным выборам.

4. Социально-политические процессы обуславливают также широкую вовлеченность молодых людей в общественные движения,

молодежные субкультуры, в силу чего учащиеся и студенты становятся в настоящее время «группой риска», подвергающейся манипулятивным воздействиям со стороны различных группировок. Все это диктует необходимость психологической помощи молодым людям, оказавшимся в сложных социальных и жизненных ситуациях, обеспечения психологического сопровождения и экспертизы социальных и воспитательных инициатив и движений молодежи, помощи в позитивном индивидуальном самовыражении, содействия в повышении осознанности принятия решений о выборе способов самопроявления и направлений самореализации.

Активизация деятельности психологических служб учреждений профессионального образования позволит существенно повлиять на повышение качества обучения и воспитания учащихся, их профориентацию и профессиональную подготовку, что придаст уверенности в себе и в перспективе – дальнейшей производственной деятельности. Психологическое сопровождение всех субъектов образовательного процесса (учащихся и студентов, педагогических работников, родителей) будет способствовать повышению социальной и профессиональной компетентности, выстраиванию образцов толерантных отношений в образовательном пространстве, способствовать развитию нравственной основы подрастающего поколения. Психологическая профилактика, определяемая как основной вид работы психолога образования (Дубровина, 2000) или как задача психологической службы (Пахальян, 2002), направлена на предупреждение возникновения явлений дезадаптации обучающихся, профилактику асоциального поведения, употребления психоактивных веществ, оказание психологической поддержки учащимся и студентам (в том числе с особыми адаптационными потребностями) и психологической помощи другим участникам образовательного процесса, разработку конкретных рекомендаций педагогическим работникам, родителям по оказанию помощи в вопросах воспитания, обучения и развития.

Психопрофилактика связана с предупреждением возможного неблагополучия трех планов: в развитии образовательного учреждения в целом, в личностном и профессиональном развитии отдельных его участников, в межличностных взаимоотношениях всех уровней: педагог–учащийся, учащийся–учащийся, педагог–педагог, педагог–администрация и др. Результаты психодиагностического обследования дают основание для выстраивания дальнейшей про-

филактической, развивающей и консультационной работы (Безюлева, 2009).

5. Совершенствование процесса подготовки современного педагога к работе в условиях поликультурного социума должно ориентироваться на формирование профессионально-педагогических ценностных ориентаций, направленных на становление духовно-нравственного потенциала многонационального подрастающего поколения. В проблемы повышения квалификации работников образования важно включать вопросы по формированию российской идентичности учащихся и студентов в учебно-воспитательном процессе в условиях кросскультурного пространства образования, основанной на принципах патриотизма, гражданской активности, толерантности и социокультурной компетентности.

6. В современный период развития российского общества успешное решение политических, экономических и социальных задач все больше зависит от действия такого субъективного фактора, как социальная активность личности. Важную роль в формировании активности граждан играют средства массовой информации.

В зависимости от того, какая информация (позитивная, нейтральная или негативная) распространяется СМИ при освещении различных проблем и событий, они могут выполнять две противоположные функции. С одной стороны, СМИ могут обеспечивать возможность ведения диалога между различными группами населения, создавать климат доверия во имя достижения согласия, способствовать развитию толерантности, гармонизации межэтнических отношений. С другой стороны, СМИ могут укреплять бытующие в массовом сознании негативные этнические стереотипы, способствовать дестабилизации в обществе, разжиганию межэтнических конфликтов, провоцировать экстремизм и различные фобии. Таким образом, СМИ способны как консолидировать, так и дезинтегрировать многонациональное сообщество.

Немаловажной проблемой российского общества сегодня становится противодействие межнациональному и религиозному экстремизму, что предполагает принятие конкретных мер по повышению ответственности руководителей и главных редакторов СМИ за пропаганду межнационального и религиозного экстремизма, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни в молодежной среде.

В этой связи с целью обеспечения соответствия деятельности средств массовой информации Конституции Российской Федерации

и действующему законодательству, по нашему мнению, необходимо усиление руководящего и организующего начала в сфере СМИ со стороны государства. Значительную роль в противодействии религиозному экстремизму в средствах массовой информации могло бы иметь максимально возможное использование потенциала Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации. Представляется также целесообразным создание межведомственной экспертной комиссии по правовой оценке кино-, фото-, аудио-, видео-продукции, печатных изданий и текстов публичных выступлений на предмет наличия в них признаков политического и религиозного экстремизма.

В условиях неопределенности, социальных и экономических рисков в обществе основное предназначение средств массовой информации – стать центром общественного и гражданского согласия, способствовать формированию у граждан России необходимого для современного цивилизованного общества уровня культуры, укреплению межнационального и межкультурного взаимодействия.

7. Продуманность молодежной политики государства, ориентированной на приобщение всех групп молодежи к культурно-историческим, нравственным ценностям позволит разрешить конфликт, связанный с определением соотношения того, что общество может и должно дать и что оно может ожидать от молодежи как от латентного и рискогенного ресурса.

Литература

- Безюлева Г. В. Психологическая служба в колледжах // Приложение «Инновации в профессиональной школе» к журналу «Профессиональное образование. Столица». М.: НП АПО, 2009. № 4.
- Безюлева Г. В., Бондырева С. К., Бушмарина Н. Н., Клименко Н. И. Социально-психологические риски в поликультурном профессиональном образовании. М.: Изд-во НОУ ВПО МПСИ, 2007.
- Пахальян В. Э. Психопрофилактика в образовании // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 38–44.
- Практическая психология образования / Под ред. И. В. Дубровиной. М.: ТЦ «Сфера», 2000.
- Сочивко Д. В. Психодинамика. М.: МПСИ, 2007.

ФЕНОМЕН СВОБОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. В. Юревич

Избыточная свобода

Свобода всегда считалась одной из главных ценностей человечества. Во имя нее начинались войны, совершались революции, люди шли на смерть, отказывались от привычных благ и спокойной жизни. Она же рассматривалась как основа оптимального устройства общества, эффективности экономики, справедливых отношений – как между государствами, так и между их гражданами, и многого другого. И вполне символично, что наш нынешний Президент в своих предвыборных выступлениях подчеркивал, что «свобода всегда лучше, чем несвобода», и, казалось бы, трудно найти здравомыслящего человека, который бы в этом усомнился.

Правда, Президент не уточнил, *какую именно* свободу он имел в виду, но, наверняка, не свободу продажи наркотиков, создания финансовых «пирамид» или публичной материны. В таких уточнениях, вроде бы, нет нужды, поскольку для каждого разумного человека очевидно, что *не любая* свобода «лучше, чем не свобода»; свобода предполагает неизбежные ограничения, в отсутствие которых она может перерасти в хаос, анархию и «войну всех против всех», мрачный образ которой был и, очевидно неспроста, прописан не одним социальным мыслителем.

Невозможность волюнтаристского потребления свободы – сколько ее хотим, столько и потребляем – вытекает из того, что, как подчеркивали многие мыслители, например, Э. Дюркгейм, истинная свобода порождается своими ограничениями. А такие его последователи, как К. Поппер, акцентировали «оборотную» сторону демократии, состоящую в том, что она представляет собой не только всевозможные политические и экономические свободы, но и *рамки*, за пределы которых не должны выходить граждане демократического

общества. В идеальном же варианте демократического общества – в «открытом обществе», идеологему которого развивал К. Поппер, свобода человека ограничивается только одной инстанцией – его же собственным разумом и выступает в виде свободы разумной и ответственной (Поппер, 1992).

Если же основные принципы свободы не «вочеловечены», не сбалансированы интериоризованными личностью ограничениями, неминуемо возникает «парадокс свободы», состоящий в том, что она «подрезает собственные корни» и перерастает в свою противоположность.

Трудно не согласиться с Г. Вайнштейном, отмечающим, что «российские особенности посткоммунистической трансформации свидетельствуют не столько о том, что наше общество отторгает демократию, сколько, напротив, о том, что на российской почве демократические всходы бурно прорастают, но в крайне нецивилизованных и опасных для общества формах» (Вайнштейн. 1998, с. 49), а «энергия политического переустройства оказалась чреватой прежде всего всплеском свободы и общественной самодеятельности – при отсутствии чувства ответственности и нежелании считаться с ограничениями и законами» (там же, с. 49–50). Высвобождение наших сограждан из-под контроля внешних инстанций, таких как райкомы КПСС или КГБ, в отсутствие внутренних ограничений породило не истинную свободу, основанную на разумных самоограничениях, а высвобождение заблокированных прежде деструктивных наклонностей. Уместно вспомнить один научно-фантастический фильм, сюжет которого основан на том, что некая внеземная цивилизация, достигнув сверхвысокого уровня технического развития и обретя способность непосредственной материализации желаний, тут же сама себя уничтожила, поскольку в виде «монстра Ид» материализовалось ее деструктивное бессознательное. Аналогия с нашей страной, возможно, гипертрофирована, но небезосновательна. Как пишет А. В. Кацура, «общество держалось на жестком корсете внешних правил, требований и норм. Наши революционеры-перестройщики (в отношении социальной психологии люди безграмотные) полагали, что все дело в ослаблении или разрушении этого всем опостылевшего корсета. Разрушили в считанные дни. В отсутствие давно и основательно растоптанного Я на свободу вышло Оно (т. е. инстинкты и страстные желания без должного рационального контроля и без моральных ограничений; в Оно нет совести, она возникает на границе Я

и Сверх-Я). А мы все удивляемся разгулу воровства и преступности» (Кацура, 1998, с. 152).

Здесь необходимо напомнить очень простую, но почему-то игнорируемую мысль о том, что свобода – это *высвобождение не только лучшего, но и худшего* в человеке, а высвобождение лучшего непременно должно сопровождаться жесткими ограничениями, иначе возникает ситуация, описываемая такими метафорами, как открытие ящика Пандоры, выпускание из клеток хищных зверей и т. п.

Развивая эти образы, а также метафору, основанную на концепции З. Фрейда, и, соответственно, трактуя такие социальные, а точнее анти-социальные, явления как массовую разнузданность и криминализацию как проявления общественного (но не обязательно индивидуального) бессознательного, а нравственные принципы и поддерживающие их социальные институты – как выражение коллективного Супер-Эго, произошедшую с нами метаморфозу можно охарактеризовать как «революцию бессознательного». Она состояла не только в том, что бессознательное нашего общества вышло из-под контроля его сознания, но и в том, что они, как «верхи» и «низы» при любой революции, поменялись местами. Например, как отмечает С. Ю. Глазьев, «Российская „приватизация“, именуемая в народе „прихватизацией“, отражает нетипичную для человеческого общества ситуацию революционной ломки, когда добропорядочные граждане вдруг оказываются неконкурентоспособными, а аморальные и даже преступные элементы получают колоссальное преимущество. Их кредо – „баксы“, право силы и вседозволенность – оказываются эффективнее традиционной морали и постепенно овладевают массами» (Глазьев, 2008, с. 411).

Полностью законопослушное поведение превратилось в аномалию (в 1990-е годы было трудно представить себе гражданина России, который не нарушал бы каких-либо законов), а мораль преступного мира и соответствующие способы действий оказались практически легализованы. Опросы тех лет демонстрировали, что до 90% наших сограждан решали «спорные вопросы» с помощью криминальных структур, а в списке институтов, пользовавшихся их наибольшим доверием, третье место – после семьи и церкви – занимали криминальные авторитеты (Олейник, 1997). Это было

* Скажем, склонность к криминальному поведению не обязательно заложена в бессознательном каждого конкретного человека, но ее можно отнести к «бессознательному» общества.

неудивительно, поскольку свято место пусто не бывает, и в многочисленных «черных» и «серых» зонах нашей жизни, которые государство в те годы практически не контролировало (многие из них не контролирует и сейчас), его функции ограничения чрезмерных свобод, выражающиеся в принуждении к выполнению контрактов, уплате долгов и т. п., взял на себя криминалитет (Моисеев, 1998).

Хорошо известны и другие проявления избыточной свободы: «Достаточно вспомнить, чем обернулось на практике поспешное применение, казалось бы, бесспорного демократического принципа – что не запрещено, то можно – в условиях, когда в обществе не были установлены соответствующие демократическим нормам моральные и правовые запреты, без которых произвол и безнаказанность расцветают пышным цветом. Отсюда и „мирно почившие“ финансовые пирамиды, и баснословные состояния, нажитые „честным“ путем, и громкая, но безрезультатная война компроматов в средствах массовой информации и т. п.» (Чумаков, 1998, с. 205).

Распространившееся в начале реформ псевдолиберальное^{*}, основанное на «доктрине вульгарного либерализма» (Глазьев, 2008, с. 417), понимание свободы как несоблюдения любых правил и запретов[†], как разнузданности и безответственности, было охотно ассимилировано многими нашими согражданами. «Неолиберальная рыночная экономика граничит с оправданием аморальной вседозволенности», – пишет О. Т. Богомолов (Богомолов, 2008, с. 368). А А. С. Ципко отмечает, что «наши обвальные реформы убили тот внутренний страх, то чувство внутреннего самоконтроля, на котором держится современная цивилизация» (Ципко, 2008, с. 89).

* «Псевдо» – потому, что оно имеет очень далекое отношение к истинному либерализму, представляя собой его сильно искаженную – в интересах определенных слоев общества – версию. А основатели российского либерализма – Б. Н. Чичерин, М. М. Сперанский, С. Ю. Витте, последователями которых называют себя авторы «Русского либерального манифеста», разработанного лидерами СПС, были бы сильно удивлены тому, кого называют либералами в современной России.

† Отметим, что подобное понимание свободы не является нашим российским изобретением. Так, например, свобода, пропагандировавшаяся французскими салонами эпохи Просвещения, «носила сугубо негативный характер, превратилась в свободу отрицания всех моральных устоев – веры, авторитета, традиций, опыта, уважения к власти, объявленных предрассудками» (Огурцов, 2008).

В результате идея свободы оказалась трансформированной в культ развязности и вседозволенности.

Упразднение *социальных институтов* морального контроля, в роли которых в советском обществе выступали партийная и комсомольская организации, товарищеские суды, народный контроль и т. д., при всех их общеизвестных недостатках выполнявшие очень важную социальную функцию – морального контроля, привело к тому, что вместе с водой был выплеснут и ребенок. По словам А. С. Ципко, «как только погибли все старые советские институты, институты обуздания нечеловеческого в человеке, и миллионы людей оказались предоставлены сами себе, выяснилось, что многие, очень многие просто не в состоянии стать полноценными людьми» (Ципко, 2008, с. 117). Т. е. в условиях отсутствия культуры внутреннего самоконтроля упразднение институтов контроля внешнего привело к крайне негативным социальным последствиям.

Избыток свободы неизбежно губит любую цивилизацию, разрушая ее основы, ведь цивилизация возникла в тот самый момент, когда первобытный человек впервые сказал себе «нет», проявив способность подчинять стихию инстинктов голосу разума, а цивилизованность можно определить как наложение человеком внутренних ограничений на свою свободу. Губителен он и для государств, а также населяющих их народов и взаимоотношений между ними. Достаточно вспомнить печально известный призыв: «Берите столько суверенитета, сколько сможете», обернувшийся сначала разрушением нашей страны, а затем – кровопролитными войнами, терроризмом и другими страшными последствиями. А по данным Е. Маллера, такие результаты злоупотребления экономическими свободами, как запредельные значения децильного индекса, массовая бедность и т. д., неизбежно порождают «откат» от демократии, выражающийся в ограничении свобод политических (Muller, 1995).

Избыток свободы и ее нецивилизованное понимание сформировали в нашей стране и новый тип личности, ставший достаточно типичным для нашей молодежи и обычно обозначаемый психологами как «развязно-агрессивный» (Ениколопов, 2006 и др.), хотя эту его характеристику можно дополнить и другими эпитетами. Основными чертами подобного типа являются демонстративные грубость, наглость и агрессивность, «принципиальная беспринципность», презрение к общепринятым социальным нормам, в первую очередь к нормам морали, ориентация на законы криминального мира, неуважение к старшим по возрасту и по статусу, публичный

мат и др. Соответствующий стиль поведения получил очень яркое выражение в манерах наших автомобилистов, и это, а не плохие дороги и автомобили, служит главной причиной ежегодной гибели в автокатастрофах более 30 тыс. наших сограждан.

«Развязно-агрессивный» тип личности явился результатом интериоризации как тех процессов, которые происходили в нашем обществе в 1990-е годы, так и псевдолиберального понимания свободы*. Так, например, в нашей молодежной среде сложился настоящий культ т. н. «раскованности» (по сути разнузданности), в утверждение которого очевидный вклад внесли наше телевидение† и другие СМИ, которые и сами «раскрепостились» сверх всякой меры, общеизвестными свидетельствами чему служат нецензурная лексика СМИ и прочие «вольности».

Яркие проявления этого культа – характерные для наших «расковавшихся» юнцов походка, позы, которые они принимают в общественном транспорте, стремясь занять как можно больше пространства и создать максимальные препятствия для окружающих, язык, на котором они говорят и т. п. При этом создается впечатление, что они умышленно подавляют в себе естественное для всякого цивилизованного человека стремление считаться с мнением окружающих, те внутренние запреты‡, которые служат одним из главных порождений цивилизации и одним из основных отличий человека от животных. А соответствующее поведение служит для них способом повышения самооценки, утверждения собственного достоинства, демонстрации своей свободы и значительности.

Описанная цепочка последствий псевдолиберального понимания свободы может быть изображена в виде схемы (рисунок 1).

* Естественно, сыграли роль и другие факторы. Например, то, что наши нынешние подростки – это дети того поколения, которое принято считать пионерами российского бизнеса. Они занимались им в условиях тотальной криминализации, презрения к законам и нормам морали, усвоили соответствующие нравы и привили их своим детям.

† Вообще, наше нынешнее телевидение вызывает аналогию с сюжетом фантастического романа П. Буля «Планета обезьян», построенным на том, что человекообразные обезьяны захватили власть на нашей планете, поработив людей и присвоив себе их технические достижения.

‡ Подчеркнем, что внутренние ограничения свободы предполагают постоянный взгляд на себя со стороны, т. е. интериоризованного Другого, причем не любого, а *цивилизованного* Другого, представляющего собой квинт-эссенцию принципов цивилизованности, морали и нравственности.

Рис. 1. Последствия распространения в обществе псевдолиберального понимания свободы

Центральная роль в этой схеме психологических факторов, таких как утверждение нового (относительно) типа личности, вписывается в понимание их роли, характерное не только для психологов, но и для представителей других дисциплин. Так, например, один из ведущих отечественных демографов А. Ю. Шевяков пишет: «Связь между социально-экономическими факторами и демографическими показателями опосредована психологическими реакциями людей и вытекающими из этих реакций поведенческими установками» (Шевяков, 2008, с. 308). А социолог Л. Г. Воронин акцентирует, что «изменениям объективных показателей общественного благополучия/неблагополучия <...> в пространстве социума предшествуют изменения на субъективном уровне» (Воронин, 2009, с. 48), поскольку изменения поведенческих практик выражают сдвиги в психологическом состоянии людей, причем не сразу, а по прошествии некоторого латентного периода, который необходим для того, чтобы они воплотились в этих практиках. Он отмечает, что «с 1998 по 2001 гг. мы наблюдаем значительный рост показателя самоидентификации респондентов в экономическом пространстве при том, что в стране увеличивается число суицидов. И только по прошествии примерно двух лет в поведенческих практиках наступает перелом, в частности, снижается количество самоубийств» (там же, с. 48). При этом Л. Г. Воронин апеллирует к идее А. Шюца о том, что социальная реальность берет начало из субъектных значений человеческих действий (Шюц, 2004).

В то же время в духе наших исторических традиций, в которые очень органично вписались марксизм, «экономический детерминизм» (Кортунов, 2009; Юревич, 2009; и др.) и соответствующий стиль восприятия происходящего в обществе, важнейшее значение придается *типу общества*, которое мы строим, и в первую очередь – характеру его экономики при полном игнорировании *типа личности*, который мы культивируем. Затем, оценивая получившийся результат, мы привычно сетуем на то, что не учли особенностей российского менталитета, «опять забыли про человека» и т. п.^{*}

Либерализм и псевдолиберализм

Имеет смысл напомнить одну из главных традиций в понимании либерализма и, соответственно, различении либералов и консерваторов, существующую в социально-философской и политологической литературе. Не углубляясь в описание этой традиции, в данном контексте стоит эксплицировать ее психологический подтекст, связанный с *образом человека*, которым руководствовались либеральные и консервативные мыслители. Первые – Дж. Локк и его последователи – полагали, что человек в целом *заслуживает доверия*, в нем доминирует позитивное начало, основные социальные ограничения им *интериоризованы*, носят внутрилличностный характер, и, соответственно, внешние ограничения для его свободы могут быть сведены к минимуму, воплощенному, главным образом, в законах. Вторые – Т. Гоббс и его единомышленники – склонялись к тому, что зло в человеке достаточно сильно, он не заслуживает доверия, нуждается во внешнем подавлении «темной» стороны своей природы и, соответственно, необходимы достаточно жесткие внешние ограничения его свободы. Таким образом, предпочтение либеральных или консервативных моделей развития цивилизации оказывалось в прямой зависимости от общих представлений о *природе человека*, о соотношении в нем добра и зла или, в терминах З. Фрейда, о том, насколько его Супер-Эго справляется с его Ид.

Очевидно и то, что ключевой элемент в этой схеме – «человек вообще» – выглядит очень шатким основанием социально-фило-

* Отметим в этой связи, что, например, в программах «улучшения» общества и человека, характерных для психологической науки, на первом месте, как правило, стоит человек. «Улучшите природу человека, и вы улучшите все», – писал А. Маслоу (цит. по: Хьелл, Зиглер, 1997, с. 521). Аналогичные идеи высказывались З. Фрейдом, Э. Фроммом и другими классиками психологии.

софских конструкций, поскольку и разные люди, и различные культуры в данном плане сильно различаются. Следует отметить и своеобразный эгоцентризм российской интеллигенции, идеологически обосновывающей грядущие реформы и моделирующей ее результат «под себя». Например, прорабатывая идеологему свободы применительно к нашему обществу, она явно мыслила последствия в соответствии с образом того, как она сама будет использовать свободу, мало считаясь с тем, как ею воспользуются другие категории населения.

Из релятивности представлений о природе человека следует также, что за исключением стандартного набора свобод, которые должны иметь представители всех культур и народов, отсутствуют свободы, которые все они могут себе позволить в равной мере, что, в частности, стоит за идеей необходимости различных моделей демократии и невозможности ее сведения к одному унифицированному варианту. А основным критерием такой избирательной «дистрибуции свободы» должно быть то, в какой мере ее социально необходимые ограничения «вочеловечены», интериоризованы модальной, т. е. типовой для данного общества личностью, и, соответственно, в каком объеме могут быть отменены внешние ограничения ее свободы. Это ставит «уровень допустимой свободы» в зависимость от различных характеристик модальной личности, в первую очередь – от ее *интеллектуального уровня*, необходимого для понимания неизбежности ограничений свободы, и ее *нравственного уровня*, который необходим для того, чтобы, понимая неизбежность этих ограничений, она была готова их соблюдать.

В плане дифференциации либералов^{*} и консерваторов, а также различных видов либералов это означает, что основополагающее отличие первых состоит не в том, что они выступают за отмену ограничений свободы, а в том, что утверждают возможность минимизации *внешних* ограничений, налагаемых различными социальными институтами, и перевода их в форму ограничений *внутренних*. Как пишет А. А. Кара-Мурза, «искушение самочинной волей – важнейшая проблема, которую в полной мере учитывали классики европейской либеральной мысли. Скажу больше: значение и историческая правота либерализма всегда определялись не при-

* Напомним, что это слово возникло в 1812 г. в кортесах испанского города Кадиса, где оно означало члена партии свободы (Либерализм в России, 1996, с. 417).

влекательностью его моральных посылок, а реальной способностью нейтрализовать „новое варварство“ как выплеск непродуктивного индивидуализма, направить автономную активность человека в социально конструктивное русло. Задачей либерализма стала, таким образом, не декларация свободы „индивида вообще“, а защита свободы личностей, достигших определенного уровня развития и доказавших (на основе выдвинутых либерализмом критериев) свой цивилизационный статус» (Либерализм в России, 1996, с. 58).

Псевдолибералы же отличаются от истинных либералов убежденностью в возможности отмены *любых* ограничений, как внешних, так и внутренних, или же – в том, что *любая* личность способна накладывать на свою свободу внутренние ограничения. И, к сожалению, трудно не признать, что большинство людей, обозначаемых некогда престижным словом «либерал» в современной России, принадлежит именно к данному типу. Как подчеркивает С. В. КОРТУНОВ, «Свобода для либералов – универсальная ценность, превалирующая над всеми остальными; самоценное благо, которое не может служить лишь чисто утилитарным целям... Однако если рассматривать свободу в „негативном“ смысле, как свободу от чего-то, то она рассматривается просто как отсутствие внешних ограничений» (Кортунов, 2009, с. 216), «Нынешние либералы отделили понятие свободы от совести, стыда, личной вины и ответственности» (там же, с. 236), в результате чего «внутренние, моральные основы человеческого поведения заменяются внешними, формальными, а сдерживающие, нормативные начала ослабляются». Тем самым активизируются разрушительные потенции, сокрытые в глубинах человеческой психики. Возникает специфическая „неуправляемость“, о которой все больше и больше говорят в последние десятилетия, т. е. попросту говоря анархия. Свобода становится „даром данайцев“» (там же, с. 215).

К числу неизбежных результатов принадлежат не только компрометация либерализма в современной России, да и в других странах, где в последние годы либеральные партии систематически проигрывают избирательные кампании (см. Кортунов, 2009), и пре-

* Очень характерно для наших псевдолибералов и высказывание о том, что «запреты неэффективны», хотя, будучи разумными людьми, они не могут не понимать полной нелепости этой формулы. Однако последствия ситуаций, когда разумные запреты и в самом деле неэффективны, когда вместе с неразумными запретами исчезают и разумные, хорошо известны.

вращение слова «либерал» чуть ли не в ругательство, но и покидание основной частью нашей интеллигенции этой идеологической ниши. Если еще в конце 1980-х годов либерализм был «религией» российской интеллигенции, то сейчас трудно встретить ее представителя, который позиционировал бы себя в качестве либерала. Интеллигенция оказалась вытесненной из либеральной ниши не слишком чистыми на руку представителями совсем других социальных слоев, эксплуатирующих либеральные идеи для оправдания удобного им, но губительного для нашего общества в целом социального порядка⁷.

Псевдолиберализм в действии

Ярким примером реализации в современном российском обществе псевдолиберальной идеи безответственной свободы, лишенной внутренних ограничений, стала наша школа, а обостренная реакция на фильм В. Гай-Германики[†] с одноименным названием

* В этой связи уместно вспомнить мысль Г. Г. Дилигенского о том, что применительно к нашей стране необходимо различать, например, «демократов-романтиков», искренне отстаивавших демократические ценности, и пришедших им на смену «демократов-прагматиков», ловко использовавших демократические лозунги в личных интересах, например, для оправдания выгодной им приватизации (*Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология*, 1994). Уместно упомянуть также идею о том, что революции подготавливают романтики, совершают прагматики, а их плодами наиболее искусно пользуются проходимцы (см. Юревич, Цапенко, 2000). Показательно и то, что наши псевдолибералы, во-первых, использовали псевдолиберальные идеи для того, чтобы сколотить себе впечатляющие состояния, во-вторых, когда народ наконец-то получил заветную свободу, тут же поспешили оградиться от него бронированными лимузинами, высокими заборами и вооруженными охранниками – дабы от этой свободы не пострадать.

† Вплоть до отмены показа этого сериала на время Ванкуверской олимпиады (что, как выяснилось впоследствии, нашим спортсменам не помогло), призывов вообще запретить его трансляцию и, как результат, его переноса на более поздние часы. Наиболее возмущенную реакцию продемонстрировали учителя. И действительно, образы учителей, представленные в этом фильме, выглядят чрезмерно «чернушными». Однако в отношении образов учеников вопрос о степени их соответствия реальности очень спорный. А их комментарии по поводу данного фильма в Интернете вынуждают предположить, что эти образы лучше реальности, поскольку в фильме по крайней мере нет мата, ставшего, наряду со словечками «круто», «блин», «клево», «короче» и др., основой

очень симптоматична. Нет нужды описывать ужасы, которые сейчас творятся в наших школах: повсеместный мат и блатной жаргон, причем нередко и на уроках, жестокость, переходящая в садизм, торговля наркотиками, избиение учителей за плохие оценки, ответы им тем же матом за сделанные замечания и т. п. Все это можно увидеть по телевидению, причем не в «чернушных» кинофильмах, а в документальной хронике, а также в любительских видеозаписях, выставленных в Интернет, где в деталях показано, как школьники избивают своих учителей и друг друга, а типовым шумовым фоном этих сцен служат дружный смех и выражение явного удовольствия. В общем, историческая цепочка кинофильмов: «Первая учительница» – «Доживем до понедельника» – «Школа» Гай-Германики достаточно адекватно выражает эволюцию «свободы» в нашей школе. И не случайно, как отмечалось выше, темпы роста детской преступности у нас сейчас в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности, и насчитывается около 40 тыс. несовершеннолетних заключенных.

Но в данном контексте важнее не описывать нравы наших школьников, не множить количество соответствующих примеров и оценивать степень их типичности, а выяснить, почему они дошли до жизни такой. Причин, естественно, много. Однако главную роль сыграли, во-первых, превращение свободы в одну из главных ценностей нашего общества, во-вторых, понимание ее подростками, которые, естественно, не читали ни И. Канта, ни И. А. Ильина, как отсутствие любых правил и ограничений⁴. Любое сделанное им замечание подростки воспринимают как посягательство на их свободу – самое ценное, что у них есть, и отвечают крайне агрессивной реакцией. Школа же предполагает неизбежные ограничения, поэтому и настоящая война между школьниками и их учителями, и ситуации, когда, например, группа учеников избивает свою 73-летнюю учительницу, в наших школах неизбежны, даже в условиях, когда педагоги физически боятся своих подопечных и сдают им одну по-

---

лексикона подростков, в том числе и представительниц прекрасного пола, к тому же регулярно практикующих зверские избиения себе подобных.

* Недавно проведенный нами опрос показал, что такое понимание пустило глубокие корни и в студенческой среде, в том числе и среди студентов наших элитных вузов, таких как МГУ, где 18% опрошенных ответили, что понятия добра и зла носят для них чисто абстрактный характер.

зицию за другой. А один из интернет-опросов показал, что ученики оскорбляют и не слушают учителей в 43% российских школ, матерятся на уроках – в 50%, заняты только своей личной жизнью (секс, выпить, погулять)* – в 44% (Аргументы и факты, 2010, с. 7).

Подобная ситуация получает продолжение и в вузах, которых в современной России намного больше, чем в СССР, хотя страна стала меньше. В результате, если в прежние времена в вузы поступали около 20% выпускников школ, то сейчас поступают почти 100%, что иногда выдается за одно из главных достижений современной российской демократии: дескать, ныне любой желающий может получить высшее образование, и это – безусловное благо. Не вдаваясь в обсуждение вопросов о качестве этого образования, а также о том, какими специалистами станут студенты, многие из которых на одной странице текста допускают более 10 орфографических ошибок (нетрудно себе представить, как они сдают экзамены по русскому языку), да и изъясняться на родном языке толком не умеют, опишем стандартную атмосферу в типовом российском вузе†. Нецензурная лексика в коридорах, распитие пива и поцелуи на лекциях, подчеркнуто неуважительное обращение с преподавателями, и все это при слабом сопротивлении или вообще отсутствии такового со стороны руководства вузов, особенно «доморощенных», где администрация озабочена количеством платных студентов, а не их поведением. Показательно и то, что в криминальных сводках регулярно фигурируют студенты, не только совершающие различные преступления, как правило, в сильно нетрезвом виде, но и оказывающие сопротивление милиции. И этому вряд ли стоит удивляться, поскольку сейчас в студентах числятся даже откровенно криминальные элементы (днем учатся, вечером кого-нибудь «крышуют», или наоборот), в то время как прежде к студенчеству принадлежала будущая интеллигенция. Таким образом, данная социальная группа относится к числу переживших наиболее чувствительную деградацию. Культурно-нравственная деградация нашего студенчества (наличие блестящих и высоко интеллигентных студентов, как и победы на международных олимпиадах наших

* Здесь приводятся формулировки авторов опроса.

† Естественно, есть и исключения. Например, наши элитные вузы, которым пока удается поддерживать более или менее сносную дисциплину – главным образом, за счет высокого коэффициента отчисления студентов.

школьников-«ботаников», не компенсирует общей тенденции) продолжает «аморальную социализацию», которая начинается в школе, если не раньше, закрепляя описанный выше «развязно-агрессивный» тип личности. При этом трудно не заметить, что наше общественное мнение, суды, правозащитники и журналисты практически всегда занимают сторону школьников и студентов, что настраивает их самих и их родителей на «качание прав» по любому поводу, побуждая, в частности, к опротестовыванию в судах даже полученных оценок, не говоря уж об исключении из школы или вуза. Права же преподавателей при этом мало кого волнуют, что очень характерно для наших нынешних правозащитников, которым вообще свойственна большая озабоченность правами субъектов девиантного поведения, чем его жертв.

Правда, после получения «корочки» о высшем образовании (часто не самого образования), выпускники наших вузов попадают в различные фирмы и организации, где подвергаются некоторому окультуриванию благодаря существованию там более действенных механизмов контроля: ведешь себя неподобающим образом – уволен, однако более ранние ступени социализации оказывают на них неизгладимое влияние.

С чего начать?

Дилемма яйца и курицы: не изменится общество – не изменятся школы и вузы, не изменятся школы и вузы – не изменится общество, естественно, создает ситуацию, препятствующую выработке однонаправленной линии возрождения цивилизованного отношения к свободе, и традиционный российский вопрос «С чего начать?» помещается в предельно осложненный контекст. Но исторический опыт показывает, что опорной точкой общественных изменений, как правило, выступает *распространение новых идеологий*, которые вынуждают основную часть общества воспринимать происходящее вокруг не как норму, а как патологию. В начале 1990-х годов в нашей стране такой идеологией стал псевдолиберализм, послуживший идеологическим прикрытием приватизации, имущественного расслоения и т. п., сформировавший образ морали и нравственности как ненужного архаизма, препятствия на пути личного успеха^{*}

* Достаточно посмотреть несколько наших телепередач, чтобы убедиться, что в современной России критериями личного успеха являются *богатство и известность*, а способы обретения того и другого рассматриваются как не имеющие значения. При этом наблюдается разитель-

и развития экономики. Сейчас налицо все основные признаки взрывания новой идеологии и, соответственно, новых ориентиров для развития нашего общества, точнее, преодоления его деградации – в первую очередь нравственной. В ее основе лежит идея о том, что у безнравственного общества нет будущего, да и развитию экономики безнравственность не содействует, как считают наши псевдолибералы, а препятствует.

Ведущие отечественные экономисты констатируют, что «чем выше уровень духовно-нравственного развития основной массы населения, тем успешнее развивается экономическая и политическая система страны» (Богомолов, 2008а, с. 367), «состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности» (Глазьев, 2008, с. 416). Что естественно, поскольку «хотим мы это признать или нет, но нравственность действительно лежит в основе всего» (Митрополит Кирилл, 2008, с. 375), и «пора осознать, что в России нравственное воспитание, духовное возрождение – вопрос выживания нации и одна из необходимых предпосылок оздоровления экономики» (Богомолов, 2008б, с. 20).

В отношении школ и вузов, являющихся крайне важными институтами социализации, настало время вспомнить две простые истины. Во-первых, восходящий к классикам отечественной системы образования тезис о том, что оно должно включать *не только обучение, но и воспитание*, формирование просоциальной личности, в то время как в условиях предания второй части этого тезиса забвению для наших школ и вузов становится характерной «асоциальная социализация», формирование личности, разрушительной для общества. Во-вторых, то, что любая система воспитания предполагает не только «пряники», но и «кнуты», разумные запреты и ограничения и действенные санкции за их нарушение. А построение системы социализации на одних только «пряниках», уступках – в том числе и «демону Ид» – и послаблениях, чем мы занимаемся с конца 1980-х годов, представляет собой очередную российскую нелепость, к тому же очень опасную.

ный контраст не только с советским обществом, где основным мериллом успеха считался вклад в *общее благо*, но и с западным обществом, для которого характерна мотивация не коллективного, как в СССР, а индивидуального достижения, культ личного успеха, но достигнутого путем полезной для общества деятельности.

Литература

- Анализ положения детей в РФ. М., 2007.
- Аргументы и факты. 2010. № 10.
- Богомолов О. Т. Культурно-нравственные устои развития // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 359–371.
- Богомолов О. Т. Экономика и общественная среда // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 8–26.
- Вайнштейн Г. Между полной несвободой и полным хаосом // Pro et Contra. 1998. № 3. С. 40–56.
- Воронин Л. Г. Объективные и субъективные показатели общественного благополучия // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 41–51.
- Глазьев С. Ю. Нравственные начала в экономической поведении и развитии – важнейший ресурс возрождения России // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 406–421.
- Дилigenский Г. Г. Социально-политическая психология. М., 1994.
- Доклад о развитии человека 2007/2008. Опубликовано для Программы развития ООН / Пер. с англ. М.: ПРООН, 2008.
- Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. Н., Цибульский Н. П., Чудова Н. В. Специфика агрессии в Интернет-среде // Психологический журнал. 2006. № 6. С. 65–72.
- Ильин И. А. О грядущем России. М., 1991.
- Кацура А. В. Бегство в свободу // На пути к открытому обществу: Идеи Карла Поппера и современная Россия. М., 1998. С. 125–155.
- Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский. «Духовно нравственные основы современного российского общества // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 372–380.
- Кортунов С. В. Национальная идентичность: постижение смысла. М., 2009.
- Кудрявцев И. А. Нравственная сфера сознания ограниченно вменяемых правонарушителей. Часть II // Психологический журнал. 2007. № 3. С. 76–95.
- Либерализм в России. М., 1996.
- Лысова А. В., Щитов Н. Г. Системы реагирования на домашнее насилие // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 99–115.

- Максимова В. Дорожное движение изнутри и снаружи водительской кабины: поможет ли ужесточение наказаний за нарушение ПДД // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 29–39.
- Моисеев С. Искушение суперпрезидентской системой // Pro et Contra. 1998. № 3. С. 74–86.
- Огурцов А. П. Наука: власть и коммуникация (социально-философские аспекты) // Философия, Наука. Культура. М., 2008. С. 405–425.
- Олейник А. Н. Издержки и перспективы реформ в России: институциональный подход. М., 1997.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1, 2. М., 1992.
- Российский статистический ежегодник, М., 2008.
- Ципко А. С. Драма перестройки: кризис национального самосознания // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 84–117.
- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.
- Чумаков А. Н. Философия как индикатор открытости общества // На пути к открытому обществу: Идеи Карла Поппера и современная Россия. М., 1998. С. 198–215.
- Шевяков А. Ю. Неравенство в формировании новой социальной политики государства // Вестник РАН. 2008. Т. 78. № 4. С. 304–313.
- Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОСПЭН, 2004.
- Юревич А. В. Нравственность как психологическая проблема // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 3–13.
- Юревич А. В., Цапенко И. П. «Мозги» и политика // Государственная служба. 2000. № 1. С. 97–104.
- Muller E. N. Economic determinants of democracy // American sociological review. 1995. V. 60. № 6. P. 966–982.

СОДЕРЖАНИЕ, ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

В. А. Соснин

Феномен патриотизма как один из базовых компонентов общественного сознания имеет комплексную структуру. Он является объектом изучения ряда общественных наук: истории, этнологии, социологии, политологии и социальной психологии. Исследование проблематики, так или иначе связанной с феноменом патриотизма, имеет давнюю историю в этнической психологии и психологии межгрупповых отношений. В этих дисциплинах накоплены достаточно обширные данные, позволяющие выделить проблему патриотизма в качестве самостоятельного объекта исследования, использовать для его описания соответствующий концептуально-понятийный инструментарий и обозначить его социально-психологическую специфику.

Проблема воспитания патриотизма имеет прямое отношение к проблеме духовно-нравственной и социально-политической консолидации российского общества в современных условиях и к психологической безопасности общества (Рощин, Соснин, 1995). И это не удивительно, поскольку на переломных, кризисных этапах развития общества важнейшее значение приобретает такая его детерминанта, как тип национальной культуры, или иначе – преобладающий тип национально-культурной идентификации. Как показывает исторический опыт, слом и разрушение социокультурного ценностного ядра любой цивилизации (ее культурного архетипа) ведет либо к ее гибели, либо к глобальным катастрофическим последствиям мирового масштаба.

В связи с проблемой патриотизма особое практическое значение и возросшую актуальность приобретает исследование специфической формы общественного сознания – *исторического сознания*, охватывающего знания, понимание и отношение субъектов к ис-

торическому прошлому в его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня. Формирование исторического сознания, исторической памяти у населения страны, особенно у подрастающего поколения, оказывает огромное влияние на формирование личности современного человека. Феномен исторической памяти непосредственно связан с формированием патриотизма как одной из важнейших подструктур личности. А одной из основных функций патриотизма, как известно, является *функция объединения государства и сохранения нации как единого целого* (культурного, территориального, государственно-политического, экономического) (Кольцова, Соснин, 2005).

Национальная идентификация, этноцентризм, национализм и патриотизм

Междисциплинарная специфика понятия «патриотизм» объясняет тот факт, что его содержание трактуется неоднозначно. Различия касаются главным образом следующих моментов: широты круга явлений, к которому применяется понятие характера его содержания, социально-нравственной оценки явлений, обозначаемых им.

Концепция патриотизма в общественных науках восходит к концепции этноцентризма, впервые предложенной видным представителем социального дарвинизма У. Самнером в 1906 г. (Le Wine, Campbell, 1972). Эта концепция базируется на методологическом принципе бескомпромиссной борьбы за существование, который определяет характер отношений между людьми и группами в человеческом обществе («побеждает сильный») (Metraux, 1983).

В содержательном плане *этноцентризм* – это совокупность групповых представлений, эмоционально-чувственных состояний, а также идеология взаимоотношений и взаимодействий между собственной группой и другими группами. Субъектами, носителями этноцентризма (конфликтного этнического самосознания) являются разные сообщества, которые дифференцируются от других по этническим (происхождению, по крови), религиозным, социальным и другим признакам и могут рассматривать себя как «мы», а всех остальных – как «они». Позитивные характеристики своей группы резко подчеркиваются и преувеличиваются, а свойства других групп и их членов оцениваются по стандартам собственной группы (часто не всегда объективным) и при этом принижаются. Эти установки и соответствующая идеология обуславливают неизбежность отчужденности, враждебности и взаимной агрессивности в отношениях между сообществами.

В современном мире процесс этногенеза групп, формирования национальных образований приобрел иной характер. Качеству, известному как этничность, стали присущи новые признаки – политические, идеологические и экономические. Другими словами, по опыту современной общественно-исторической практики, этноцентрические тенденции свойственны не только этническим группам в традиционном понимании (племя, народность, этнос), но и значительно более широкому кругу сообществ (включая государственные образования) (Соснин, 1997).

Наряду с понятием этноцентризма в литературе, общественно-политической и идеологической практике используется ряд других терминов, которые либо синонимичны, либо очень близки по своему содержанию к этому понятию, либо производны от него. Речь идет прежде всего о таких понятиях, как национализм (этнонационализм), национальное (этническое) самосознание, патриотизм, интернационализм и ряд других. Главное, как понимается национальное самосознание. Именно это понимание закладывает начало двух принципиально различных способов «конструирования» действительности (мировоззрения).

В одном случае под национальным самосознанием понимается отождествление (идентификация) себя с национальной или этнической общностью как целостным сообществом (этносом, нацией, народом), объединенным теми или иными общими признаками (происхождение, культура, язык, территория и т. д.). Самосознанию свойственно стремление к сохранению этих общих признаков и через них – к своей самобытности и целостности (как культурного или цивилизационного типа), готовность отстаивать и защищать их и в то же время способность (бессознательная или осознанная) ассимилировать новое, обогащающее жизнь сообщества (но на почве своей культуры) и адаптироваться к изменяющимся условиям жизни.

Главная особенность такого типа национального сознания состоит в том, что ее носители признают равное право всех «других» на их самобытность, их способ жизни, ценности, нормы и т. п. и не считают возможным навязывать другим, тем более силой, свои представления, нормы и ценности. Такое самосознание составляет основу нормального, здорового чувства патриотизма, отражающего верность и преданность своей общности, а также чувства интернационализма, которое включает в себя толерантность и уважение к представлениям и образу жизни других общностей. Опыт

истории человеческой цивилизации свидетельствует о том, что человек и человеческие общности в своем естественном состоянии психологически предрасположены именно к такому самосознанию (Рощин, 1993).

Но уже на ранних этапах цивилизации это естественное состояние человека начало нарушаться под воздействием сначала материальных, затем экономических, а позже политических условий. Самосознание человеческих сообществ стало принимать другие формы. Возник и сохраняется до сих пор иной способ «конструирования действительности». При этом типе «конструирования» национальное самосознание неизбежно включает в себя чувство превосходства над другими и переживание того, что «мы» лучше, умнее, сильнее и т. п., чем «они». Следовательно, «они» должны либо повторять то, что «мы» делаем и во что верим, либо принимать с благодарностью то, что «мы» предлагаем (и даже подчиняться нашей силе, если «неразумные» не понимают той пользы, которую несем «мы»). Такой тип самосознания и составляет сущность этноцентризма, в основе которого лежит чувство превосходства, основанное не только на этнических и национальных, но и на политических и идеологических предпосылках.

Из различного понимания национального самосознания вытекает и разная трактовка ряда других понятий. Так, понятие «национализм» для одних оказывается синонимом патриотизма с соответствующей положительной нравственной оценкой, для других – выступает как извращенная форма национального самосознания и претензия на исключительность в национальных отношениях. В том же свете выглядят усилия разделить национализм на «плохой» и «хороший». «Плохим» национализмом считается тот, который идет «сверху» и выражается в навязывании воли большой нации другим, менее крупным национальным образованиям. На политическом языке это называется шовинизмом. А под «хорошим» национализмом понимается идеология национального освобождения, борьба за национальную независимость.

Противоречие подобных трактовок национализма состоит в том, что идеология, оправдывающая господство одних наций над другими, не может считаться идеологией движения за национальную независимость. И национализм всегда остается национализмом, если в его идеологии сохраняются представления о неравенстве, доминировании одних наций над другими. Такая «освободительная» война основывается на принципе: сегодня вы над нами, завтра –

под нами. При реализации этого принципа «белый» расизм в Европе и Америке превращается в «черный» в Африке, а русское население в некоторых бывших республиках СССР становится притесняемым меньшинством.

На основании сказанного, содержательное определение понятия «национализм» в сопоставлении с понятием «патриотизм» можно сформулировать двумя способами.

Первый подход состоит в том, что национализм как доминанта национального самосознания может означать установку идентифицировать себя с определенной нацией или другой общностью, ставя ее по ту сторону добра и зла, признавая единственную обязанность – реализовывать ее интересы, а также обеспечивать для нее больше власти и престижа (установка на расширяющуюся экспансию своей группы и культуры). Т. е. национализм, как и этноцентризм – явления широкого социального плана, корни которых могут иметь не только этническую, но и иную природу – политическую, идеологическую, религиозную.

С позиций второго подхода национализм определяется как самоидентификация со своей нацией, осознание общности со своим национальным целым и естественная любовь к своему Отечеству с одновременным уважением и признанием права на национальную самобытность других национальных сообществ.

Именно в рамках этих двух подходов к определению национализма следует разводить понятия национализма, шовинизма и патриотизма, отражающих определенные формы национального сознания, но формы – различные по своему содержанию, проявлениям и последствиям.

В этой связи необходимо отметить, что в современной отечественной литературе и в массовом сознании слово «национализм» употребляется в значении, предельно близком к понятию «шовинизм» (Доган, 1993; Орлова, 2004). Между тем в отечественной литературе 1920-х годов (см., например: Трубецкой, 1993) и в современной зарубежной научной литературе распространена другая трактовка национализма. В западных социологических исследованиях используется пять индикаторов национализма: чувство национальной гордости, но не исключительности, степень доверия к своей национальной армии, готовность защищать свою страну в случае войны, отношение к национально-государственным символам – флагу, гимну, чувство принадлежности к определенному сообществу (этническому, суперэтническому, то есть объединяю-

щему группу этносов) (Доган, 1993). В таком понимании термин «национализм» оказывается синонимичным понятию патриотизма и отражает осознание общности с национальным целым, исключая утверждение привилегированного положения одной нации среди других.

Национализм и патриотизм имеют общий исходный пункт – преданность и привязанность к своей социальной общности (этнической, национальной или какой-либо другой). Но затем, в зависимости от того, как эта преданность воспринимается и реализуется в конкретных действиях, развиваются две системы социально-психологических установок, которые совершенно по-разному определяют характер отношений между людьми как представителями различных сообществ. В одном случае они строятся на основе взаимоуважения и равенства, в другом – определяющими началами являются конфронтационность, враждебность, стремление к превосходству.

Заключая краткий анализ вопроса о соотношении понятий, отражающих восприятие людьми своей принадлежности к той или иной общности и отношений между общностями, можно сказать следующее.

Родовым, основополагающим, является понятие «этнического самосознания». В зависимости от того, как понимается его содержание и смысл, рождаются два ряда производных понятий. В одном ряду – расизм, национализм в форме шовинизма и т. п. Для этого ряда характерны такие показатели, как признание неравенства по тем или иным критериям человеческих сообществ и чувство превосходства «нас» над «другими», противопоставление «своих» и «чужих» интересов, неизбежность жесткой конфронтации между ними на биологической, национальной, идеологической, политической и любой иной основе. Другой ряд включает такие понятия, как патриотизм и интернационализм. В их основе лежат признание самобытности и самоценности человеческих сообществ и в то же время – осознание их права на существование без неизбежной конфронтации друг с другом. С такой концепцией общественных отношений естественно и логично сочетаются представления об общечеловеческих ценностях.

Итак, патриотизм – это одна из базовых составляющих национального самосознания народа, выражающаяся в чувстве любви, гордости и преданности своему Отечеству, его истории, культуре, традициям и быту, чувстве нравственного долга его защищать,

а также в признании самобытности и самоценности других человеческих сообществ, в признании их права на самобытность и существование без конфронтации друг с другом.

Патриотизм – это чувство ценности и необходимости для жизни каждого человека его включения в индивидуальность народа и, с другой стороны – инстинкт самосохранения народной индивидуальности и самобытности. Смысл и функция патриотизма – в объединении государства и сохранении нации как целостного единства (культурного, территориального, государственно-политического, экономического). Это духовная сила, приводящая в действие силы и средства, которыми поддерживается единство народа: язык, национальная культура, чувство исторической традиции и преемственности, национальные черты его религии, целостность и неприкосновенность территории. Поэтому угасание патриотизма (космополитизм) – самый верный признак кризиса социума, начала конца народа, а искусственное разрушение патриотизма – путь к уничтожению народа.

Патриотизм – это многогранное и многоаспектное явление, представляющее собой сложный комплекс свойств и характеристик, по-разному проявляющихся на *различных уровнях* социальной системы. На *уровне отдельного человека* патриотизм может быть рассмотрен как один из компонентов его *личностной подструктуры* и отнесен к области высших чувств и устойчивых личностных особенностей (ценностей, убеждений, норм поведения, критериев оценки социальных явлений). На *уровне макросоциума* – народа, общества – патриотизм выступает как *подструктура общественного сознания* (более точно – национального самосознания), включающая как спонтанно складывающиеся в общественной психологии, так и целенаправленно формируемые этнические стереотипы, чувства, настроения, национальные приоритеты, ценности и нормы, отношение к своему народу и его культуре, а также к другим социально-культурным общностям.

Патриотическое воспитание должно ориентироваться на *оба уровня функционирования патриотизма* как реального социально-психологического феномена.

Функции патриотизма и особенности патриотического воспитания в современных условиях

Основа патриотизма – преданность к своей социально-культурной общности, воспринимаемой как расширенное пространство личного Я, и привязанность к ней. Патриотизм представляет собой

высшее духовное измерение в структуре психического мира человека: «Идея Родины предполагает в человеке живое начало духовности. Родина есть нечто от духа и для духа», – писал известный русский философ И. А. Ильин (Ильин, 1992, с. 200). Являясь творческим актом духовного самоопределения по отношению к своей культуре, своему народу, патриотизм проявляется в сыновей любви к Отечеству: «Патриотизм есть любовь; а не просто „предпочтение“, „склонность“ или „привычка“» (там же, с. 200). Как фактор интеграции, сохранения и поддержания нормального функционирования общества патриотизм ориентирован на сохранение целостности народа как исторического социально-культурного образования, его интеграцию, обеспечение нормального функционирования и развития как суверенного субъекта исторического процесса во взаимодействии с другими народами.

Патриотизм как системообразующий фактор национального самосознания народа выполняет ряд функций, среди которых мы выделим самые главные (подробнее см.: Кольцова, Соснин, 2005).

- Будучи важнейшим внутренним резервом развития общества, духовной силой, приводящей в действие культурные потенциалы и возможности народа, консолидирующей его как единую социально-культурную общность, патриотизм выполняет *функцию объединения государства и сохранения нации как единого целого* (культурного, территориального, государственно-политического, экономического).
- В качестве регулятора поведения, ориентированного на формирование готовности к охране и защите Отечества, его государственного суверенитета и национально-культурной самобытности от действия внешних деструктивных сил, патриотизм выполняет *функцию фактора обеспечения национальной безопасности страны в самом широком смысле слова, мобилизации народа в экстремальных ситуациях*.
- Патриотизм способствует укреплению духовной связи человека с его культурой, историей и тем самым обеспечивает *историческую преемственность развития общества*.

Таким образом, есть основания сформулировать утверждение об *объективной необходимости и исторической важности воспитания патриотизма* как условия существования, развития и продуктивного функционирования общества, усиления его культурно-созидательного потенциала, духовного развития составляющих его

личностей, установления конструктивного взаимодействия между разными народами в рамках мирового сообщества.

Основной целью патриотического воспитания является организация системы целенаправленного воздействия, направленного на формирование патриотизма как свойства личности и как духовного состояния общества, элемента национального самосознания, характеризующегося приоритетностью общенациональных ценностей. Патриотические чувства закладываются в процессе жизни и бытия человека, осуществляющегося в рамках конкретной социокультурной среды жизнедеятельности. Люди с момента рождения инстинктивно, естественно и незаметно привыкают к окружающей их среде, к природе и культуре своей страны, к быту своего народа.

С другой стороны, патриотизм не исчерпывается отождествлением себя с одним из компонентов естественной для человека среды обитания в отрыве от его духовного смысла – будь то территория, климатические условия, язык или привычный хозяйственно-бытовой уклад. Понятие «Родина» предполагает наличие определенной территории, климата, языка, но, взятые сами по себе, они еще не составляют Родину. Не определяется патриотизм и формальным гражданством человека: можно числиться гражданином страны, но не любить ее, не быть ее патриотом. Все указанное – лишь предпосылки для формирования патриотических чувств, но еще не они сами.

Патриотизм возникает там и тогда, когда человек усваивает указанные предпосылки, превращая их из внешних условий своего бытия во внутренние, глубинные побудители своего поведения и составляющие мировосприятия, а также – в высшие, базовые личностные ценности. Любовь к Родине становится в этом случае одним из смыслообразующих факторов жизнедеятельности человека. Таким образом, речь идет именно о высшем типе любви – любви духовной, включающей не только смутные ощущения комфорта, связанные с пребыванием в естественной для человека среде, но и осознание прежде всего ценностей и достоинств объекта своей любви, ориентирующее человека на их защиту, развитие и преумножение.

В современной ситуации развития российского общества и мировой социально-экономической системы в целом при реализации программы патриотического воспитания следует учитывать конкретные реалии и новые тенденции, характеризующие его состояние. При этом особое внимание должно быть уделено ряду важных

составляющих современных условий.

Прежде формированию патриотизма нашего народа была подчинена мощная и скоординированная система образования, книгоиздательства, кинематографии, учреждений культуры – библиотек, театров, музеев и т. д., позволявшая достаточно эффективно решать задачи воспитания гражданско-патриотических чувств и настроений. Ныне условия совершенно иные. Произошло разгосударствление СМИ, разных областей культуры и в значительной степени образования. *Уменьшились не только объемы финансирования учреждений и организаций сферы духовной жизни, но и ухудшились возможности влияния государства на развитие духовных и нравственных ресурсов нашего общества.*

В этих условиях исключительно важное значение приобретает ориентация всей системы образования, книгоиздательства, кинематографии, учреждений культуры, средств массовой информации на формирование позитивного отношения населения к отечественной истории. *Без этого невозможно решение задачи подлинно государственной важности – консолидации российского общества на единой духовной основе.*

Основными каналами формирования исторического сознания народа и патриотизма в настоящее время являются средства массовой коммуникации и система образования. В каком же состоянии находятся эти каналы воздействия?

Значительные возможности влияния средств массовой коммуникации на массовую аудиторию обуславливаются тем обстоятельством, что их содержанием охватывается весь спектр психологического воздействия в диапазоне от информирования, обучения, убеждения до манипуляции. Молодое поколение, мировосприятие которого складывается в изменившейся информационной среде, часто оказывается неспособным приобрести верные ориентиры в потоке сильно искаженной информации, передаваемой разными каналами СМИ. При существующем идеологическом вакууме чрезвычайная необъективность и противоречивость информационных потоков приводит к тому, что мировоззрение простых людей становится все менее цельным, подверженным манипуляции, воздействию пропаганды ложных идеалов и ценностей жизни (Кара-Мурза, 2000).

С одной стороны, молодой человек в современной России находится в более или менее нравственной обстановке семьи, школы, вуза, с другой – на улице, в транспорте, в сфере развлечений и до-

суга он оказывается в совершенно другой атмосфере. Его окружает навязчивая, двусмысленная реклама, зачастую науршающая все нормы элементарной этики. Пропагандируется потребительско-безнравственный образ жизни, связанный с потреблением алкоголя, пива, сигарет и т. д.^{*}

В настоящее время СМИ выступают в качестве одного из основных социализирующих институтов, наиболее доступного и влиятельного механизма формирования личности. Телевизор для современного человека стал практически основным источником информации, познания окружающей действительности. По данным ряда специалистов, в среднестатистической семье телевизор работает до 7 часов в сутки (Дроздов, 2001). Люди часто сами оценивают свою погруженность в СМИ как чрезмерную, иногда вредную. Проводимые исследования однозначно фиксируют, что значение влияния книг и особенно школьных учителей упало именно в последние годы. Книгу все чаще заменяют компьютер и телевизор. В то же время за нравственный контроль над содержанием телепрограмм выступают около 80% опрошенных молодых людей, а 59% считают, что современные российские СМИ не способствуют формированию качеств гражданина и патриота. По их мнению, СМИ в первую очередь пропагандируют деньги (59%), а ценности семьи (22%), справедливости (8%) и веры (7%) – в последнюю (Семенов, 2004).

Таким образом, о средствах массовой коммуникации можно говорить как об институте, занимающем главенствующее место в системе формирования многочисленных процессов и аспектов жизнедеятельности современного общества, в том числе и его ценностной структуры, исторического сознания и патриотизма. Дать однозначную интегральную оценку роли информационных технологий в процессе социализации личности, формирования исторического сознания и ценностных ориентаций достаточно трудно. Но то, что их деятельность требует радикальных изменений

* Бесконечные сериалы о бандитах и мошенниках, вульгарные реалити-шоу, пропагандирующие паразитизм, безответственность (типа «Дом-2»), сексуальная пропаганда, в том числе и гомосексуальная (передачи типа «Азбука секса», «Секс с Анфисой Чеховой», «Сексуальная революция», «Техника секса»), различные кампании под лозунгом «Будь свободен», картинки и клипы с названиями вроде «Любовь брюнеток», «Лесбийские игры», «Любовь геев», «Раздень стриптизершу», «Секс с бананом» и т. д. и т. п. (Доган, 1993).

(в том числе на законодательном уровне), по-видимому, не вызывает сомнения.

В этой связи представляет особый интерес оценка влияния системы образования на формирование исторического сознания и воспитание патриотизма в стране на современном этапе. Многие специалисты, опираясь на исследовательские данные, утверждают, что сегодня ни школа, ни вуз не решают в полной мере проблемы формирования исторического мышления. Исторический процесс предстает перед школьниками нередко как хаотический набор дат, имен, событий. Это приводит к тому, что учащимся не удается проследить причинно-следственные связи в истории, понять закономерности исторического процесса (Путятин, 2007). Опыт показывает, что недооценка государством роли управления формированием исторического сознания молодежи приводит к резкому снижению уровня патриотических чувств, гражданской ответственности и в целом – к дестабилизации социума. *Сегодня необходимо изменить подход к данной проблеме, превратив ее в объект внимания государственных и общественных структур, реализующих единую стратегию развития исторического сознания молодежи и воспитания патриотизма.*

Рассмотрим вопрос о влиянии содержания учебников истории, которые используются сегодня в средней школе для формирования исторического сознания.

Исследователи, опираясь на данные контент-анализа таких учебников (см., например: Путятин, 2007), утверждают, что большинство из них могут быть названы учебниками только номинально. Часть учебников истории страдают алогичным изложением материала, другие содержат огромное количество фактических ошибок и недостоверных сведений. Абсолютному большинству из них присуща идеологическая предвзятость, из-за чего события и факты подаются под определенным углом зрения. Существенным их недостатком является и то, что они не дают возможности составить представление о логике исторического процесса, о движущих силах истории, т. е. не способны сформировать историческое мышление. В целом анализ содержания учебников, используемых сегодня в учебном процессе, показывает, что только некоторые из них адекватно и объективно описывают историю нашей страны и не содержат тенденциозных оценок исторических событий. Однако и они не отвечают задачам формирования исторического сознания молодежи.

Патриотизм как сложное психологическое и социально-психологическое явление включает три аспекта – *когнитивный* (знания, представления), *эмотивный*, или *эмоциональный* (отношение, чувства) и *поведенческий* (готовность к действию, установка и непосредственные действия). В соответствии с этим задачи патриотического воспитания и основные условия его реализации целесообразно структурировать следующим образом.

В *когнитивной* области (т. е. в сфере передачи знаний молодому поколению) необходимо ориентировать систему образования и воспитания, средства массовой информации, пропагандистский аппарат государства на формирование у российских граждан знаний о героических страницах истории и богатейших культурных традициях России, о самоотверженной борьбе нашего народа за сохранение суверенитета и государственной независимости страны, о подвигах наших патриотов-соотечественников как в прошлом, так и в настоящее время.

Школы, вузы, техникумы, опираясь на соответствующие учебные пособия, на отечественную классическую литературу и искусство, призваны формировать у учащихся глубокие знания об истории и культуре России. В связи с этим необходимо проведение тщательной экспертизы учебников на предмет их соответствия задачам патриотического воспитания, использование разнообразных методов воздействия – информирования, убеждения, внушения, а также применение наиболее эффективных психолого-педагогических воспитательно-образовательных технологий.

Серьезной переориентации требует деятельность ведущих средств массовой информации, призванных решать задачи консолидации общества вокруг идеи развития и укрепления России, пропагандировать образцы высоконравственного, духовного поведения, внедрять в сознание граждан высшие ценности, в том числе патриотизм как идею любви к Родине и служения ей. Это предполагает одновременно критическое отношение к тем сторонам действительности, которые имеют деструктивный, разрушительный для нашего общества характер. Целесообразно пресекать откровенно «антироссийские» программы, унижающие чувства и достоинство народа.

При этом необходимо обеспечивать и реализовывать *принцип разнообразия*. Россия – многонациональная и многоконфессиональная страна с коллективистическим типом культуры и отличается от западных стран, где доминирует индивидуалистический тип

культуры. В этой связи в наших условиях на современном этапе, по-видимому, следует говорить о *государственно-культурном патриотизме и, соответственно, воспитании*. Под этим имеется в виду, с одной стороны, любовь и преданность своему многонациональному Отечеству, олицетворяемому федеративным государством, которое на общегосударственном уровне отстаивает и защищает национальные интересы (экономические, политические, безопасности) и культурную самобытность всех народов нашей страны как целостного российского суперэтноса, с другой, – сохранение культурной самобытности каждого этноса, входящего в состав Российского государства.

Система патриотического воспитания в равной степени должна быть приемлема как для атеистов, так и для верующих. Большую роль в духовном возрождении России, в утверждении в общественном сознании идей государственности и патриотизма играют традиционные религиозные конфессии, способствующие развитию и утверждению в обществе нравственных идеалов и общечеловеческих ценностей, рассматривающие служение Родине как высший духовный долг и предназначение человека. Современное состояние национального самосознания народа характеризуется глубоким разрывом с многовековой историей страны: около четырех поколений ее граждан жили в условиях воинствующего атеизма и отрицания духовно-нравственных, в том числе и религиозных ценностей, связанных с тысячелетним бытием и самосознанием Отечества. Восстановить церковь в ее исконной функции – важного воспитательного и социального ресурса общества (Соснин, 2002), его консолидации – значит сделать важные шаги по развитию патриотических начал в самосознании народа. С этой точки зрения, целесообразны разработка и введение в образовательные программы дисциплины, которую условно можно назвать «История традиционных религий России». В нее следует включить и знакомство подрастающего поколения с наиболее известными деструктивными религиозными культами с разъяснением их разрушительного влияния на духовное и физическое здоровье человека. Введение подобной дисциплины и методология ее преподавания выполняли бы две основные функции: с одной стороны, восстановление связи с тысячелетним духовно-историческим бытием нашей страны и ее культурой, преодоление разрыва в исторической памяти и национальном самосознании народа, с другой – охранную функцию защиты личности от деструктивного влияния тоталитарных сект

и культов, наводнивших нашу страну и оказывающих разрушительное влияние на духовное развитие и физическое здоровье человека. Несмотря на видимое возрождение традиционных для России конфессий – православия и ислама, в подавляющей массе население страны продолжает оставаться «атеизированным» и «религиозно безграмотным». Мы являемся свидетелями духовной экспансии невиданной силы и масштаба со стороны конфессий и религиозных объединений, нетрадиционных для наших культурно-исторических реалий (католических, протестантских, сектантских разного толка). Именно этими причинами диктуется необходимость введения подобной дисциплины в общегосударственном масштабе. Естественно, разработка и реализация подобной программы должна осуществляться в условиях равноправного и согласованного сотрудничества представителей академической науки, педагогов и традиционных церковных конфессий.

В эмоциональной области (т. е. в сфере формирования патриотических чувств населения) необходимо с использованием различных средств и методов воздействия формировать у людей патриотические чувства – любовь к Родине, гордость за ее богатейшую, высокодуховную культуру и историческое прошлое, оптимистические настроения относительно перспектив развития России и творческих созидательных возможностей российского народа.

Необходимо противодействовать в равной степени как идеям национальной исключительности России, особого пути ее развития в отрыве от общецивилизационного движения, так и попыткам сформировать у наших людей чувство вины за свое историческое прошлое, за якобы имперский характер политики страны, внушения им мысли о будто бы культурной отсталости русского народа от «передовых» стран.

В этой связи, как уже отмечалось, важно *восстановить связи духовного развития современного общества с историческим бытием нашей страны*. Разрыв между разными историческими эпохами – досоветской, советской, постсоветской, созданный в сознании людей искусственно, прежде всего усилиями коммунистической идеологии, обуславливает идентификацию лишь с одним из фрагментов истории страны, с тем или иным аспектом отечественной культуры. Такое положение ведет к возникновению в сознании людей конфликтов, формирует *стойкие эмоциональные состояния неудовлетворенности и ущербности* в восприятии своей истории, обедняет их историческое мировосприятие, уменьшает базис разви-

тия национального самосознания. Образно выражаясь, как нельзя любить свою мать осенью и зимой и ненавидеть ее весной и летом, так невозможно быть патриотом своей Родины, любя лишь один период ее истории и ненавидя, отвергая или не зная другие.

Крушение ценностей и идеалов социализма для многих россиян стало почвой для «разочарования» в своем Отечестве. Не только молодые, но и старшие поколения оказались не связанными с историческим бытием и самосознанием своей страны – бытием и самосознанием, которые по своей общечеловеческой ценности не уступают истории и культуре любой другой страны. В результате в настоящий период основная часть наших сограждан дезориентированы в духовно-ценностном плане: имеет место размытость и неопределенность национального самосознания и национальной самоидентификации, распространены настроения и мнения о «ненормальности», «нецивилизованности» и «некультурности» России, о необходимости «учиться и жить, и мыслить» у западных стран, внушается идея о связи исторических перспектив развития России с ее вступлением в «цивилизованный мир». Важно помочь людям осознать единство и одновременно многообразие исторического прошлого России, преемственность культурных традиций, их безусловную ценность как основания развития современной культурной и общественно-государственной жизни.

В поведенческой сфере (т. е. в области формирования готовности людей действовать в соответствии с патриотическими чувствами) необходимо формировать общественно-ориентированные формы поведения, готовность руководствоваться не только личными интересами, но и учитывать интересы общества, государства, отстаивать и защищать их как свои собственные. Способность действовать, руководствуясь надличностными, общественно значимыми целями и ценностями. – критерий сформированности патриотизма как устойчивой подструктуры личности, мировоззрения и морального регулятора поведения.

***

Говоря о тенденциях развития российского общества в контексте современных цивилизационных процессов, необходимо выделить те трудности, которые возникают на пути реализации воспитания патриотичности общества и личности. К их числу относится прежде всего усиление политики глобализации, одним из аспектов которой является создание однополярного мира, в том числе и в сфере культурно-идеологической жизни. Искусственное внедрение

в сознание людей чуждых нашей культуре ценностей, стремление унифицировать народы, подчинить их неким наднациональным целям, нивелировать их самобытность – это реалии современного глобализирующегося мира. Противостоят этому прежде всего целенаправленная национальная политика государства, объединяющая и консолидирующая все здоровые силы общества.

История развития любого общества формирует национальное сознание и делает так или иначе понимаемый национализм и патриотизм одной из движущих сил человеческой и, в частности политической деятельности людей. Чтобы оценить значение идей патриотизма и национализма в общественном сознании и потенциальные последствия их распространения, эти идеи необходимо рассматривать *в каждом конкретном историческом контексте*. Следует прежде всего прояснить, *какие социальные силы формируют содержание национализма и патриотизма*. Всякий конкретный вид национализма и патриотизма выступает в качестве *символа*. И право определять их содержание оспаривается различными группами (Орлова, 2004, с. 175).

В каком же современном контексте идет борьба групп за право контроля над символами «нация», «национализм», «патриотизм»? Современная Россия вовлечена в лавинообразный процесс переосмысления результатов поражения в «холодной войне», среди которых – разрушение государства, приход к власти этнократических элит в новых, постсоветских государствах, пересмотр границ, перераспределение ресурсов и собственности.

В национальных республиках на постсоветском пространстве этноэлиты конструируют образ нации (и соответствующее понимание патриотизма), наполняя его содержанием, отражающим интересы титульных наций в ущерб остальным. В России на федеральном уровне ситуация совершенно противоположная. Под лозунгом защиты прав народов и прав личности формируется *образ многополюсной фрагментированной нации*. Такие понятия, как «титульная нация», «государственнообразующий этнос», «базовая культура», «пропорциональное представительство во властных структурах», «этническое ядро», «коренные и некоренные народы» в целом исключены из политического лексикона и употребления. Сам этноним «русские» либо вообще не употребляется (его нет в конституции РФ), либо употребляется с оглядкой и чаще всего заменяется другим «этнонейтральным» определением – «русскоязычные».

Такая политика властных элит России связана с утверждением в общественном сознании народа идей индивидуализма и приоритета личных интересов над общественными. Это выражается в ориентации на утверждение и формирование в России принципов либерально-демократического устройства. Если говорить кратко, то искажения идейных принципов современного либерально-демократического устройства (которые в принципе не отвергаются) на нашей «культурной почве» коренятся в индивидуалистических ценностях Западной культуры и, скажем так, как «калька» мало совместимы с ценностями и демократическими традициями, присущими тысячелетней культуре России. Поэтому насаждение либерально-демократических принципов сверху на нашей культурной почве в исторической перспективе представляется тупиковым вариантом общественного развития. Воспитание патриотизма в современной России в отрыве от собственной истории и культуры представляется весьма проблематичным.

В этой связи уместно привести мнение отечественного философа И. А. Орловой: «В России контроль над символом „нация“ и его значениями принадлежит сегодня антинациональной элите, не заинтересованной в сильной единой России, организующей „дрейф“ страны к Западу во власть глобальных управленцев... Изъять национальные богатства у народа, имеющего устойчивую идентичность, сознающего свои национальные интересы и гордящегося своей историей, – сложно. Совсем другое дело, если надэтнический синтез раздроблен, фрагментирован, если идентичность самого многочисленного, государственнообразующего народа – русских, ослаблена, если в народе культивируется чувство неуверенности, ущемленности, стыда, если ему внушается, что именно он ответственен за якобы „мрачное“ прошлое страны. Вся история страны трактуется как череда отрицаний. Каждый последующий этап строится на оболгании, оглулении и обесценивании периода предыдущего. Сбрасываются с пьедесталов одни герои, на их место временно возносятся другие. Уничтожаются целые социальные слои – носители культуры, традиций, духа народа. Нарушается преемственность как социально-историческая основа целостности культуры и прочности государства» (Орлова, 2004, с. 176).

Пространство России пока еще объединяют русский язык и российская культура. Но их уязвимость перед вызовами глобализации заставляет задуматься – надолго ли сохранится устойчивость этого последнего оплота?

Новая российская элита должна формироваться из людей, способных к созидательной деятельности, а не перераспределению материальных благ. А нынешняя элита достигла объективного предела своей компетенции – она не способна к принципиальному изменению подходов в управлении государством и корпорациями. Требуется смена менталитета элиты, связанная не просто с ужесточением государственной политики, а с переходом от неуважения к чужому труду и заискивающего преклонения перед западным обществом потребления к приоритетам развития национально-ориентированного капитала. Формирование национально-ориентированной элиты, патриотических настроений интеллигенции и создание национально-ориентированного капитала – важнейшая задача формирования единого патриотического общества.

В области идеологии с начала перестройки (Горбачев, Ельцин, Гайдар и др.) насаждались индивидуалистические настроения и установки, культ власти и денег, не отвечающие менталитету российского народа, его многовековым традициям и препятствующие формированию высших духовных ценностей.

Особая роль государства состоит в защите главного ресурса общества – народа, его благосостояния и жизни. В целом действия властных структур, не воспринимаемые большинством граждан как способствующие их жизненному благополучию, формируют у народа негативные настроения и ослабляют единство общества.

Ответственное отношение к решению проблем патриотического воспитания российского общества на современном этапе предполагает серьезный анализ идейно-политических и социально-психологических аспектов жизни социума как необходимое условие перспективного планирования и организации работы в указанном направлении.

Литература

- Брик Л. В. Анализ эффективности воздействия СМИ на формирование социально-позитивных ориентаций молодежи // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11. № 1. С. 13–22.
- Доган М. Угасание национализма в Западной Европе // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 16–21.
- Дроздов А. Ю. Агрессивное телевидение: социально-психологический анализ феномена // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 62–64.

- Ильин И. А. Наши задачи: историческая судьба и будущее России. Т. 1–2. М.: МП «Рарог», 1992. С. 75–304.
- Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000.
- Кольцова В. А., Соснин В. А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 89–97.
- Орлова И. А. Всероссийская перепись: цифры и комментарии // Наш современник. № 8. 2004. С. 163–176.
- Путятина Т. П. Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества: Дис. ... канд. социол. наук, М., 2007.
- Роцин С. К. Проблема этноцентризма: теория и политическая действительность XX века // Расы и народы (современные этнические и расовые проблемы). М., 1993. № 23. С. 59–104.
- Роцин С. К., Соснин В. А. Психологическая безопасность: новый подход к безопасности личности, общества и государства // Российский монитор. 1995. № 6. С. 133–146.
- Семенов В. Е. СМИ и молодежь: социально-психологический анализ // Вестник политической психологии. 2004. № 1.
- Соснин В. А. Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 50–60.
- Соснин В. А. Психология религии: американский опыт // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 2. С. 118–127.
- Трубецкой Н. С. Европа и человечество. М., 1993.
- Le Wine R. A., Campbell D. T. Ethnocentrism: theories of conflict, ethnic attitudes and group behavior. N. Y., 1972.
- Metraux A. Darwinism social // The Encyclopedic Dictionary of Psychology. Basil Blackwell Publishes Limited, Oxford, 1983. P. 137–138.

МОРАЛЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ. ОБОСНОВАНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗНЫХ ГРУПП СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

Ю. И. Александров, В. В. Знаков, К. А. Арутюнова

Структура субъективного опыта

Индивиды зависят друг от друга. Поведение индивидов имеет значение для других членов сообщества. Имеются аргументы в пользу того, что чем в большей степени индивиды, принадлежащие к сообществу, контролируют среду, тем в большей зависимости они находятся друг от друга. Человек все время координирует свои действия с действиями других (Sebanz et al., 2006) и, что особенно важно, «все поступки человека выступают как реальное изменение условий жизни других людей» (Рубинштейн, 1973, с. 372). Оценивая результаты любых своих поведенческих актов, человек, даже находясь наедине с собой, смотрит на себя «глазами общества» и «отчитывается» ему. Специальный видоспецифический инструмент отчета (если таковой требуется, например, при коммуникации или в условиях эксперимента), а также самоотчета – это язык.

Любая цель достигается человеком за счет актуализации набора систем, составляющих структуру его субъективного опыта. Консолидация общества, способствующая достижению коллективных целей, таким образом, есть взаимодействие индивидуальных структур, которые выступают как комплементарные (Александров, Александрова, 2009).

Задачей настоящего исследования является выяснение того, как мораль и нравственность соотносятся со структурами культуры и субъективного опыта, и разработка на основании данного анализа адекватного способа эмпирического исследования нравственности в современном российском обществе, что, как следует из сказанного, может способствовать его консолидации.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ ведущим научным школам РФ (грант НШ-3752.2010.6).

Вначале мы кратко рассмотрим системную структуру субъективного опыта, приведем аргументы в пользу необходимости учета его культурной обусловленности как способа избежать «когнитивного солипсизма», опишем структуру культуры и подчеркнем специфику России. Затем рассмотрим мораль и нравственность как характеристики соответствующих структур. Результат этого рассмотрения мы используем для разработки модели эмпирического исследования нравственности в современном российском обществе. Формирование новой системы, направленной на достижение полезного приспособительного результата, – системогенез – рассматривается нами как фиксация этапа индивидуального развития – формирование нового элемента субъективного опыта в процессе научения.

Вновь сформированные, все более дифференцированные системы не заменяют ранее сформированных, а «наслаиваются» на них. Таким образом, субъективный опыт индивида представляет собой структуру, образованную системами разного «возраста». Осуществление поведения обеспечивается не только путем реализации новых систем, сформированных при обучении актам, которые составляют это поведение, но и одновременной актуализацией множества более старых систем, сформированных на предыдущих этапах индивидуального развития.

Совокупность поведенческих актов есть реализация истории формирования поведения, т. е. множества систем, каждая из которых фиксирует этап становления данного поведения. При этом минимально необходимый набор систем разного возраста, актуализация которых обеспечивает достижение результата отдельного поведенческого акта, может быть рассмотрен как *единица*, а отдельная система – как *элемент* субъективного опыта (подробнее см. в: Александров, 1989, 2004; Швырков, 2006).

Культурная обусловленность субъективного опыта

Научение, или формирование субъективного опыта в процессе системогенеза, которое происходит в культуре, оказывается как культурно-, так и одновременно генетически детерминированным (через индивидуальные характеристики специализирующихся в процессе системогенеза нейронов). Зависящими от культуры оказывается не только формирование у индивидов сложных концепций (таких, например, как представление о целомудрии, бережливости или об умном человеке; см.: Александрова, 2007; Уайт, 2004), но и опыт, опосредующий «простое» поведение (например, ходьба, позная активность, мимика; см.: Стефаненко, 2004; Ingold, 2000).

Показано, что особенности перцептивной активности и мышления культурно обусловлены (Коул, 1997; Sebanz et al., 2006; и др.). Обнаружена кросс-культурная ковариация различий в языке и в когнитивных стратегиях, относящихся к пространственной ориентации (Haun et al., 2006), к решению задач различения характеристик объектов, в том числе цветов (Скотникова, 2008; Tan et al., 2008; Winawer et al., 2007), к восприятию мимических выражений эмоций (Barrett et al., 2007), к оценке риска (Hsee, Weber, 1999). Мир, в котором мы себя обнаруживаем, есть, по выражению У.Р. Матурана и Ф.Х. Варела, «не определенный, а некий мир», который мы создаем вместе с другими членами культурного сообщества (2001, с. 216).

Результаты анализа подобных данных свидетельствуют в пользу необходимости учета культуры как фактора, определяющего развитие психики. Подобный учет, как справедливо считает М. Дональд (Donald, 2000; см. также: Sebanz et al., 2006), совершенно необходим для того, чтобы избежать довольно распространенного «когнитивного солипсизма», выражающегося в рассмотрении когнитивных процессов в связи с мозгом, но в отрыве от культуры. М. Дональд подчеркивает, что Л. С. Выготский был одним из первых, кто осознал существование «симбиоза» развивающейся психики и культуры.

Структура культуры

Структура культуры, как и структура субъективного мира, может быть проанализирована с позиций системного подхода (Иванченко, 1999; Alexandrov, 2001, 2002; Kitayama, 2002; White, 1959; и др.).

Как было отмечено выше, результаты поведения индивидов имеют значение для других членов сообщества. Оценивая результаты любых своих поведенческих актов, человек, даже находясь наедине с собой, смотрит на себя «глазами общества» и «отчитывается» ему, используя язык. Говоря здесь об оценке результатов, мы имеем в виду как «внешнее» (overt), так и «внутреннее» (covert) поведение.

Культуру сообщества можно рассмотреть как *структуру, представленную набором элементов (систем) и единиц, которые символизируют пути достижения коллективных результатов в данном сообществе на данном этапе его развития*. Если накопленное в культуре знание в узком смысле слова – идеи, теории, концепции, правила и пр. – выступает в качестве набора «инструкций» (записанных или устных) по достижению тех или иных целей сообщества, то и артефакты являются «материализованными», «морфологизи-

рованными» инструкциями, фиксирующими способы получения результатов, важных для сообщества.

Следует подчеркнуть, что если говорить об индивиде, развивающемся в культуре, для него «инструкции» выступают в виде условий, влияющих на научение (канализирующих его), достижение определенных результатов, а не в виде конкретных указаний, напоминающих инструкцию к бытовому прибору, «стимулов-инструкций», предопределяющих определенную реакцию.

Индивиды, объединенные культурой, специализированы, а их геномы комплементарны. *«Культурную специализацию» можно рассмотреть как формирование в данной культуре такой структуры субъективного опыта, которая комплементарна структурам опыта других индивидов.* Культурная специализация индивидов и связанные с ней особенности субъективного опыта обнаруживают себя при исследовании мозгового обеспечения поведения (Gauthier et al., 2000; Elbert et al., 1995; Musacchia et al., 2007; Maguire et al., 2000).

Представление о культурной комплементарности индивидуальных геномов делает логичным предположение, что генетическое разнообразие индивидов можно рассмотреть как важный фактор, обуславливающий возможность лучшего подбора комплементарных вариантов. В пользу этого предположения свидетельствуют экспериментальные данные (Mattila, Seeley, 2007).

Дифференциация субъективного опыта и культуры

Развитие и субъекта опыта, и культуры, осуществляется как переход от менее дифференцированных форм к более дифференцированным.

При рассмотрении индивидуального развития рядом авторов, находящихся на разных позициях, были приведены аргументы в пользу того, что развитие (как онто-, так и филогенетическое) может быть рассмотрено как нарастающая дифференциация и сложность в соотношении индивида со средой (Александров, 1989; Камшилов, 1978; Сергиенко, 2006; Чуприкова, 1997; Шмальгаузен, 1982; Alexandrov, 1999a,b; Alexandrov, Sams, 2005; Tononi, Edelman, 1998; Werner, 1962; Werner, Kaplan, 1956).

В случае культуры дифференциация проявляется в переходе от слитности и необособленности к стадии расчленения и дифференциации общественной жизни, в возрастающей сложности общественных связей и норм их регулирования (Богданов, 1913–1917; Вебер, 1920/1990; Дюркгейм, 1911/1991; Сеченов, 1878/1943; Чупри-

кова, 2000), в увеличении числа различных «культурных специализаций» и уменьшении «доли культуры», осваиваемой индивидом.

Системная дифференциация опыта может быть рассмотрена как движение от эмоций к сознанию (Александров, 2006; Alexandrov, 1999a, b; Alexandrov, Sams, 2005), а культуры – от морали к закону. Первое важно для нас лишь в аспекте сопоставления со вторым, поэтому, охарактеризовав его кратко, более подробно остановимся на проблеме морали и нравственности.

От эмоции к сознанию

Дизъюнктивный подход вписывается в аристотелевскую логику, оперирующую оппозиционными парами, такими как «земной–небесный», «нормальный–патологический», «когнитивный–аффективный» и т. п. (см.: Левин, 1935/1990). В то же время, как подчеркивал С. Л. Рубинштейн (1989), различие интеллектуальных и эмоциональных процессов, не предполагающее никакого дизъюнктивного деления, возможно. Недизъюнктивный подход (см.: Брушлинский, 2003) к пониманию сознания и эмоций разработан в единой концепции сознания и эмоций (Александров, 1995, 2006; Alexandrov, 1999a, 1999b; Alexandrov, Sams, 2005).

Как уже было отмечено, формирование новых систем в процессе индивидуального развития обуславливает прогрессивное увеличение дифференцированности в соотношении организма и среды. Системы, формирующиеся на самых ранних стадиях онтогенеза, обеспечивают минимальный уровень дифференциации: хорошо–плохо; приближение (approach) – избегание (withdrawal). Это разделение применимо ко всем живым существам (Schneirla, 1939, 1959). Оно связывается со стремлением к удовольствию и с избеганием неудовольствия.

Минимальный уровень дифференциации означает, что данное деление образует направляющие для всей системной структуры опыта, формирующегося на протяжении индивидуального развития. В единой концепции сознания и эмоций эмоция связывается именно с упомянутыми наиболее древними и низкодифференцированными уровнями организации поведения (см. сопоставимые в этом аспекте взгляды: Анохин, 1978; Швырков, 1984; Berntson et al., 1993; Cacioppo, Gardner, 1999; Davidson et al., 1990; Panksepp, 2000; Schneirla, 1939, 1959; Zajonc, 1980).

Центральное положение концепции: *сознание и эмоции являются характеристиками разных, одновременно актуализируемых уровней системной организации поведения, представляющих собой*

трансформированные этапы развития и соответствующих различным уровням системной дифференциации.

Континуальность в единой концепции сознания и эмоций означает, что в развитии нет критического момента появления сознания или исчезновения эмоций. На каждом этапе развития, на каждом уровне системной дифференциации поведение может быть охарактеризовано с применением обеих характеристик: сознание (с-) и эмоции (э-). В процессе развития осуществляется постепенный недизъюнктивный переход от формирования систем, для которых максимально выражена э-характеристика, к формированию систем, реализация которых характеризуется как проявление сознания. Причем высокодифференцированные системы не заменяют низкодифференцированные, а «прибавляются» к ним. Поэтому поведение любого индивида обладает обеими этими характеристиками. Поскольку в обеспечение поведения с необходимостью вовлекаются наиболее рано сформированные низкодифференцированные системы, постольку эмоция той или иной интенсивности включена в любое поведение.

В процессе индивидуального развития отмечается направленность движения от эмоций к сознанию. В раннем онтогенезе индивид менее дифференцированно соотносится со средой и более эмоционален, чем на более поздних стадиях (см.: Fraisse, Piaget, 1963; Gross et al., 1997; Panksepp, 1994).

Мораль и нравственность

Возникновение жизни в эволюции и онтогенезе связано с появлением опережающего отражения и целенаправленности, которые характеризуют живое на всех этапах онто- и филогенеза (Александров, 1989, 2004; Анохин, 1975; Швырков, 2006). Наличие у живого целей неразрывно связано с субъективностью отражения мира, свойственной живому в отличие от неживого. Субъективность, в частности, выражается в делении объектов и событий на «плохие» – препятствующие достижению цели и «хорошие» – способствующие достижению. В мире нет объективно плохого и хорошего (см., например: Dennett, 1993; Sherrington, 1937–38/1955).

В философии четко осознано «практическое назначение морали» для удовлетворения потребностей и интересов общества в целом и отдельных индивидов (Дробницкий, 2002, с. 95). Моральным является такое поведение, благодаря которому сообщество, в частности государственная организация лучше всего сохраняется (Гоббс, 1964).

Необходимость достижения коллективного результата согласует цели индивидов, которые «идут» на подобное согласование, поскольку принадлежность индивида к сообществу дает ему преимущества по сравнению с одиночной особью во всем спектре форм поведения.

Такая позиция соответствует ранее сформулированному положению (Maciver, Page, 1961), согласно которому мораль есть инструмент согласования индивидуальных действий для организации групповой деятельности. Мораль связана с формированием сотрудничества в достижении коллективных результатов (Пиаже, 2006).

Мы считаем, что мораль может быть сопоставлена с характеристиками наиболее древних и минимально дифференцированных базовых элементов культуры. Эти элементы, находящиеся в основании доменов «хорошего» («правильного») и «плохого» («неправильного») поведения, явились основой для дальнейшей эволюции и дифференциации культуры.

Выше было отмечено, что наличие коллективной цели неизбежно связано с делением поведений индивидов на «хорошее», разрешенное и «плохое», запрещенное. Это означает, что данная закономерность предполагается свойством всех культур и сообществ. С указанным структурным свойством связана «универсализуемость» морали. Универсализуемость состоит в том, что нравственная оценка, относящаяся к одному акту индивида, может быть распространена на множества разных актов данного класса, совершенных любым индивидом. Каждый из индивидов «использует» для научения данному классу актов определенную единицу/ы культуры, принадлежащую к определенному домену. Но каждый из них формирует при этом индивидуально специфичный акт.

Таким образом, если эмоция в структурном плане характеризует принадлежность единиц субъективного опыта к «положительному» или «отрицательному» домену (approach и withdrawal; Александров, 2006; Alexandrov et al., 2007; Alexandrov, Sams, 2005), то мораль также характеризует множество разных единиц, но не опыта, а культуры, принадлежащих к «положительному» или «отрицательному» ее домену.

В большинстве этических учений нравственность отождествляется с моралью: «Нравственность – понятие, являющееся синонимом морали (русский вариант латинского термина „мораль“ происходит от слова „нрав“» (Словарь по этике, 1989, с. 223). Однако имеется и аргументированная позиция, согласно которой

мораль относится к описанию структур общественного сознания (представляет систему норм, требований к правилам поведения и межличностных отношений, предъявляемых человеку обществом), а нравственность – к характеристике психологической структуры личности (отвергающей или принимающей эти требования, осознающей их необходимость и испытывающей внутреннюю потребность в исполнении моральных норм, следовании им) (см.: Знаков, 1991).

Моральное воспитание, обучение, развитие (Eisenberg, 2000; Kohlberg, 1982; Mead, 1908; Moll et al., 2005; Tappan, 1997) индивида в общества есть формирование нравственности.

Дж. Молл с коллегами (2005, 2002) подчеркивают, что при столкновении с явлением индивид автоматически (бессознательно) и быстро прикрепляет ему «ярлык» моральной оценки. Таким образом, акты, совершаемые индивидом и входящие в его индивидуальную память, получают «ярлык», являющийся частью «социальной», «коллективной» оценки результата каждого из совершенных действий.

Мы полагаем, что нравственность характеризует отношения между элементами опыта, актуализация которых обеспечивает реализацию разных действий индивида. Эта характеристика соотносима с моральной оценкой событий и действий и обобщает множества единиц опыта по критерию этой оценки: приемлемы они или нет. Данная характеристика феноменологически соответствует свойствам семантической памяти в отличие от эпизодической (Tulving, 1985). Семантическая память соотносима с более низким уровнем сознания, чем эпизодическая. Существует множество как экспериментальных, так и теоретических аргументов в пользу имплицитного характера семантической памяти, связывания ее со «знанием без осведомленности» (Nadel, Moscovitch, 1997; Schacter, Tulving, 1994).

Мораль, характеризующая низкодифференцированные системы культуры, не проявляется в субъективном плане в качестве четких законов и инструкций, основана на «чувствовании», а не на «знании» (Плотин, см.: Разин, 2002; Hume, 1960/1777). Индивиды оценивают события с моральной точки зрения интуитивно*, «автома-

* Под интуицией предлагается понимать «феноменологический и поведенческий коррелят ... субъективного опыта, ... полученного путем имплицитного научения» (Lieberman, 2000, p. 110, 109).

тически», как правило, не вербализуя обоснований (Бобнева, 1978; Hauser, 2006, 2006a; Moll et al., 2005).

Люди не обучаются специальному «моральному поведению», не потому, что оно изначально заложено в наших генах (подробнее критику этого представления см. в: Александров, 2008), а потому, что нравственность появляется как следствие формирования структуры субъективного опыта.

Мораль сопоставлена нами с наиболее древними, рано сформированными элементами. Закон же связан с более дифференцированными системами.

Любая единица культуры включает как рано сформированные элементы («племенного», родового происхождения), так и новые, дифференцированные, часть из которых может быть сопоставлена с «законом». Любое знание субъекта о мире, формирующееся в культуре, соотносимо одновременно с моральными нормами и законом (Знаков, 2005).

Формирование поведения в культуре, связанное с актуализацией ее целостных единиц, нормируется *одновременно* морально и юридически. Оказывается, что «право всегда включает в себя элементы обычая и традиции», связанные с более старыми элементами культуры (Дробницкий, 2002, с. 239) и что согласие данного действия с юридическим законом есть его «законность», а с моральными нормами – его же «моральность» (Kant, 1785/1887).

Соотнесение морали с низко-, а закона – с высокодифференцированными элементами культуры согласуется с пониманием морали в интуитивистском подходе (Haidt, 2001). В то же время, как подчеркивают Дж. Грин с соавт. (Greene, 2001, p. 2105), традиционно в психологии морали подчеркивалась роль разума в вынесении моральных суждений. Лишь в последнее время внимание вновь было обращено на вовлеченность эмоций в этот процесс и его интуитивный характер (Eisenberg, 2000; Haidt, 2001; Moll et al., 2002), хотя рационализм остается еще «правлящим» подходом в этой области (Haidt, 2001, p. 816).

Как нам представляется, проведенный нами анализ позволяет сделать следующие промежуточные выводы, существенные для формулировки задачи и дизайна эмпирического исследования. Необходимо исследовать особенности нравственности как принципиальной характеристики структуры субъективного опыта, ее специфику в разных группах населения. Поскольку индивиды с разной специализацией могут иметь разные структуры субъективного

опыта, постольку нравственность как характеристика этих структур может также различаться. Эти различия чрезвычайно интересно рассмотреть с позиции представления о комплементарности: в какой мере указанные гипотетические различия способствуют или препятствуют комплементарности? Каким образом различия связаны с возрастом, уровнем образования, религиозностью, профессией, национальной принадлежностью, местом обитания?

Особое значение имеет подобное исследование для России, в культуре которой принято давать ценностную характеристику любому или почти любому поступку (подробнее см.: Александров, Александрова, 2009). В многочисленных исследованиях российского менталитета показано, что морально-этическая характеристика присуща всем социальным представлениям (Абульханова, 2002), даже таким, казалось бы, ценностно нейтральным (в западной культуре), как представление об умном человеке (Александров, Александрова, 2009; Александрова, 2007).

Сказанное выше свидетельствует в пользу того, что при планировании методики должен быть учтен и имплицитный характер решения нравственных проблем. В пользу необходимости этого учета свидетельствуют также следующие дополнительные аргументы.

В этике уже в течение многих столетий господствует точка зрения, согласно которой главным механизмом принятия моральных решений является выбор из альтернатив. При этом под альтернативами понимаются уже готовые, данные извне, сформированные способы разрешения ситуаций. На принципе выбора построена и одна из наиболее известных психологических концепций в западной психологии морали – теория стадий развития нравственного сознания Л. Колберга (Анцыферова, 1999).

Однако в ряде случаев при формальной возможности выбора реально, психологически он не совершается. Как показал А. В. Брушлинский, решая математические, физические и другие предметные задачи, в которых объективно возможны два или несколько способов решения, субъект никогда не начинает мыслительный поиск с выявления альтернатив и выбора одной из них. Для мыслящего субъекта альтернативы никогда не являются содержательно равноценными, равновероятными и требующими предпочтения только одной из них (Брушлинский, 1979). Если так обстоит дело с решением математических, физических и других четко определенных задач, то в еще большей степени подобные механизмы мышления реализуются при решении человеком нравственных задач, потен-

циально содержащих ситуации морального выбора (Брушлинский, Темнова, 1993). Итак, исследования ясно показывают, что в ряде случаев моральные дилеммы вполне могут решаться без перебора вариантов, без выбора альтернатив. Однако выявление таких случаев в психологических исследованиях возможно только с помощью специальных, требующих больших временных затрат процедур микросемантического анализа. Он применялся Брушлинским для исследования *единичных случаев*. В современной психологии морали, когда нужно выявить специфику решения не одной, а нескольких моральных дилемм, психологи обычно ставят испытуемого в ситуацию вынужденного выбора: ему предлагается согласиться с одним из вариантов решения. По этому пути пошли и мы (см. описание метода ниже). С одной стороны, он дает возможность получить больше информации, проверить большее количество гипотез. С другой, мы ясно осознаем, что некоторые важные моменты принятия моральных решений могут оказаться упущенными.

Еще один фактор, который психологи не могут игнорировать, изучая решение моральных дилемм, – это половые различия в формировании нравственного сознания мужчин и женщин. Особенно отчетливо они проявляются в понимании справедливости, которое различно у разных людей (Montada et al., 1986). По данным К. Джиллиган, в ситуациях морального выбора мужчины и женщины понимают справедливость по-разному: для мужчин наиболее значимыми в суждениях о другом человеке являются обоснованность и беспристрастность (equity), в то время как женщины ориентируются на принцип участия и заботы (care) (Gilligan, 1982).

Другим фактором, влияющим на формирование у испытуемых представлений о справедливости, является ориентация на успех. Психологические исследования показывают, что стремление личности к достижению внешнего успеха тесно взаимосвязано с верой в «справедливый мир»: убеждением субъекта в том, что он живет в таком мире, где каждый в конечном счете получает то, что заслужил (Lerner, 1980). Даже простой факт попадания человека в ситуацию достижения отрицательно сказывается на проявлении у него склонности к альтруистическому поведению, готовности к оказанию помощи тем, кто в ней нуждается (Нартова-Бочавер, 1992).

Наконец, третий фактор, от которого зависит формирование и развитие справедливости как психологического ядра нравственной личности, – адекватность используемых субъектом принципов справедливости тем социальным контекстам и областям человечес-

ких отношений, на которые, по его мнению, эти принципы могут быть распространены (Montada et al., 1986).

Еще один аспект проблемы, который нельзя игнорировать при изучении решения моральных дилемм россиянами, заключается в наличии отличительных особенностей в структуре нравственного сознания россиян, принадлежащих к разным этническим группам (см., например: Хвостов, 1999, 2001, 2002).

Все эти аспекты могут быть эффективно учтены в рамках эмпирического исследования, теоретическое обоснование которого, а также разработка и адаптация его методики для исследования российской выборки составляла важнейшую часть наших исследований.

Эмпирическое исследование нравственности в современной России: дизайн

Для изучения особенностей моральных суждений людей, принадлежащих к разным культурным, этническим, возрастным и образовательным группам современной России, нами был смоделирован дизайн исследования с помощью процедуры интернет-опроса. Данная процедура исследования позволит охватить широкий круг людей, живущих по всей территории России, а также в других государствах.

Наш подход к изучению моральных суждений состоит в том, чтобы сопоставить строго контролируемые пары моральных дилемм, основанных на одном из моральных принципов. Такой подход, заимствованный из философии морали, уже применялся для изучения моральных суждений в психологии. В прототипической работе (Cushman et al., 2006) были составлены пары моральных дилемм, соответствующие трем моральным принципам:

- Принцип действия: вред, причиненный действием, хуже, чем такой же вред, причиненный бездействием.
- Принцип цели: вред, задуманный как средство достижения цели, хуже, чем тот же вред, предвиденный как побочный эффект достижения цели.
- Принцип контакта: использование физического контакта для причинения вреда человеку хуже, чем причинение того же вреда без использования физического контакта.

Для проведения предполагаемого исследования нами были переведены на русский язык и адаптированы к использованию в русской популяции 32 сценария моральных дилемм, которые использовались в работе Ф. Кашмена с соавторами и были апробированы

ранее на выборках носителей английского (Cushman et. al., 2006), испанского, китайского и др. языков (Хаузер, 2008). Эти дилеммы представляют собой абстрактные ситуации, в которых главный герой должен совершить моральный выбор. Участники исследования, ознакомившись с ситуациями, выносят собственные моральные суждения относительно поступка главного героя. Далее приведен пример используемых дилемм.

Дима едет по заливу на моторной лодке, как вдруг замечает пловцов, которым грозит опасность. Пятеро пловцов тонут в конце узкого канала прямо по курсу Димы. Сбоку от канала тонет еще один пловец. Если Дима остановится и спасет этого одного пловца сбоку от канала, он не успеет спасти пятерых пловцов. Если Дима прибавит скорость и поплывет к пятерым пловцам мимо одного пловца, последний утонет, но пятерых пловцов удастся спасти. Дима решает прибавить скорость и плыть в сторону пятерых пловцов.

Для каждого подобного сценария участникам исследования предлагается проранжировать действие или бездействие главного героя по шкале от 1 до 7, при следующих обозначениях: 1 – «запрещенное», 4 – «допустимое», 7 – «обязательное».

Все 32 сценария составляют 18 контролируемых пар, относящихся к трем описанным выше принципам. Некоторые сценарии входят более чем в одну пару, например, могут противопоставляться одному сценарию по принципу контакта, а другому – по принципу цели. В целом из восемнадцати пар шесть относятся к принципу действия, шесть – к принципу цели, и шесть – к принципу контакта.

Мы полагаем, что именно такие абстрактные моральные дилеммы, а не более реальные жизненные ситуации (например, проблемы эвтаназии, аборт и т. п.) позволят нам выявить и изучить собственно психологические особенности моральных суждений людей, не связанные со специфическими влияниями СМИ и других неконтролируемых факторов.

Исследование включает два этапа. На первом этапе участники исследования – посетители разработанного нами сайта Теста морального чувства (ТМЧ) – ознакомятся с инструкцией и заполняют демографические анкеты, в которых они укажут свой пол, возраст, национальную и религиозную принадлежность, образование и другие данные. Затем участникам в случайном порядке будут предъявляться сценарии 32 моральных дилемм. Для последующего анализа будут фиксироваться суждения участников по 7-балльной шкале, а также время ответа на каждую дилемму.

В ходе дальнейшего анализа полученных таким образом данных будут сопоставлены результаты моральных суждений людей и их принадлежность к разным социально-демографическим группам. Мы полагаем, что подобный анализ позволит нам выявить и изучить социально-культурные особенности морального выбора людей, живущих в современной России.

Литература

- Абульханова К. А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2002. С. 88–103
- Александров Ю. И. Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. М.: Наука, 1989.
- Александров Ю. И. Сознание и эмоции // Теория деятельности и социальная практика. 3-й международный конгресс. М.: Изд-во «Физкультура, образование, наука», 1995. С. 5–6.
- Александров Ю. И. Введение в системную психофизиологию // Психология XXI века / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Пер Се, 2004. С. 39–85.
- Александров Ю. И. Мораль и гены // Предисловие к переводу книги Хаузера «Мораль и разум». М.: Дрофа, 2008. С. 5–17.
- Александров Ю. И. От эмоций к сознанию // Психология творчества: Школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во ИП РАН, 2006. С. 293–328.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.
- Александрова Н. Л. ИмPLICITНЫЕ концепции интеллекта в России: стабильность и динамика // Тенденции развития современной психологической науки. Ч. 1 / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 333–335.
- Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
- Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.
- Анциферова Л. И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Л. Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5–17.
- Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978.

- Богданов А. А. Из психологии общества. СПб, 1906. Цит. по: Никитина Н. Н. Философия культуры русского позитивизма начала века. М.: АО Аспект Пресс, 1994.
- Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.
- Брушлинский А. В. Психология субъекта / Под ред. В. В. Знакова. М.: Изд-во ИП РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
- Брушлинский А. В., Темнова Л. В. Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений / Под ред. К. А. Абульхановой, М. И. Воловиковой. М.: Изд-во ИП РАН, 1993. С. 45–56
- Вебер М. (1920). Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гоббс Т. Избранные произведения. Т. 1. М.: Мысль, 1964.
- Дробницкий О. Г. Моральная философия // Избранные труды / Сост. Р. Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002.
- Дюркгейм Э. (1911) О разделении общественного труда // Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Знаков В. В. Понимание субъектом правды о моральном проступке другого человека: нормативная этика и психология нравственного сознания // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 1. С. 32–43.
- Знаков В. В. Предисловие // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 5–8.
- Иванченко Г. В. Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве. Таганрог: ТРТУ, 1999.
- Камшилов М. М. Организация биосферы, возрастание воздействия человека на ее функционирование и развитие и проблема ноогенеза // Проблема взаимосвязи организации и эволюции в биологии. М.: Наука, 1978. С. 263–292.
- Коул М. Культурно-историческая психология. Наука будущего. М.: Когито-Центр, 1997.
- Левин К. (1935) Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 5. С. 134–158.
- Матурана У. Р., Варела Ф. Х. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Нартова-Бочавер С. К. Ситуация достижения как фактор изменения готовности к помощи. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1992.
- Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка. М.: Академический проект, 2006.

- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Т. 2. М.: Педагогика, 1989.
- Разин А. В. Этика: история и теория. М.: Академический проект, 2002.
- Сергиенко Е. А. Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
- Сеченов И. М. Элементы мысли // Сборник избранных статей. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1943.
- Скотникова И. Г. Проблемы субъектной психофизики. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
- Словарь по этике. М.: Политиздат, 1989.
- Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2004.
- Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М.: РОССПЭН, 2004.
- Хаузер М. Мораль и разум. М.: Дрофа, 2008.
- Хвостов А. А. Типология морального сознания студенческой молодежи // Развитие личности. 1999. № 3. С. 121–151.
- Хвостов А. А., Иванова А. А. Моральное сознание молодежи России (на материале исследования молодежи Москвы и Кубани) // Развитие личности. 2001. № 2. С. 78–111.
- Хвостов А. А. Моральное сознание двух культур: китайская и российская молодежь // Развитие личности 2002. № 2. С. 49–59.
- Чуприкова Н. И. Психология умственного развития: принцип дифференциации. М.: Столетие, 1997.
- Чуприкова Н. И. Идеи общих законов развития в трудах русских мыслителей конца XIX – начала XX вв. // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 109–125.
- Швырков В. Б. Психофизиология поведения и эмоции // Эмоции и поведение: системный подход. М., 1984. С. 317–319.
- Швырков В. Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики // Избранные труды / Под ред. Ю. И. Александра. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
- Шмальгаузен И. И. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. М.: Наука, 1982.
- Alexandrov Yu. I. Psychophysiological regularities of the dynamics of individual experience and the “stream of consciousness” // Neuronal bases and psychological aspects of consciousness / Eds C. Teddei-Ferretti, C. Musio. Singapour, N. Y., London, Hong-Kong: World Scientific, 1999a. P. 201–219.

- Alexandrov Yu. I.* Comparative description of consciousness and emotions in the framework of systemic understanding of behavioral continuum and individual development // *Neuronal bases and psychological aspects of consciousness* / Eds C. Teddei-Ferretti, C. Musio. Singapore, N. Y., London, Hong-Kong: World Scientific, 1999b. P. 220–235.
- Alexandrov Yu. I.* On the way towards neuroculturology: From the neuronal specializations through the structure of subjective world to the structure of culture and back again // *Proceeding of the International symposium «Perils and prospects of the new brain sciences»*. Stockholm, 2001. P. 36–38.
- Alexandrov Yu. I.* Neuronal specializations, emotion and consciousness within culture // *Toward a science of consciousness*. Tucson 2002. Research Abstracts. Arizona: University of Arizona, 2002. P. 157–158.
- Alexandrov Yu. I., Sams M., Lavikainen J., Naatanen R., Reinikainen K.* Differential effects of alcohol on the cortical processing of foreign and native language // *International Journal of Psychophysiology*. 1998. V. 28. P. 1–10.
- Alexandrov Yu. I., Sams M. E.* Emotion and consciousness: Ends of a continuum // *Cognitive Brain Research*. 2005. V. 25. P. 387–405.
- Alexandrov Yu. I., Klucharev V., Sams M.* Effect of emotional context in auditory-cortex processing. *International Journal of Psychophysiology*. 2007. V. 65. P. 261–271.
- Barrett L. F., Lindquist K. A., Gendron M.* Language as context for the perception of emotion. *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. V. 11. P. 327–332.
- Berntson G. G., Boysen S. T., Cacioppo J. H.* Neurobehavioral organisation and the cardinal principle of evaluative bivalence // *Annals of The New York Academy of Sciences*. 1993. V. 702. P. 75–102.
- Cacioppo J. T., Gardner W. L.* Emotion // *Annual Review of Psychology*. 1999. V. 50. P. 191–214.
- Cushman F., Young L., Hauser M.* The role of conscious reasoning and intuition in moral judgment: Testing three principles of harm // *Psychol Sci*. 2006. V. 17. P. 1082–1089.
- Davidson R. J.* Cognitive neuroscience needs affective neuroscience (and vice versa) // *Brain and Cognition*. 2000. V. 49. P. 89–92.
- Dennett D. C.* *Consciousness explained*. London: Penguin Books, 1993.
- Donald M.* The central role of culture in cognitive evolution: a reflection on the myth of the «isolated mind» // *Culture, thought, and development* / Eds L. P. Nucci, G. Saxe, E. Turiel. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 2000. P. 19–38.

- Eisenberg N. Emotion, regulation, and moral development // *Annual Review of Psychology*. 2000. V. 51. P. 665–697.
- Elbert T., Pantev C., Wienbruch C., Rockstroh B., Taub, E. Increased cortical representation of the fingers of the left hand in string players // *Science*. 1995. V. 270. P. 305–307.
- Fraisse P., Piaget J. *Traité de psychologie expérimentale // Motivation, émotion et personnalité*. Paris: Presses Universitaires de France, 1963.
- Gauthier I., Skudlarski P., Gore J. C., Anderson A. W. Expertise for cars and birds recruits brain areas involved in face recognition // *Nature Neuroscience*. 2000. V. 3. P. 191–197.
- Gilligan C. *In a different voice: Psychological theory and women's development*. Cambridge, 1982.
- Greene J. D., Sommerville R. B., Nystrom L. E., Darley J. M., Cohen J. D. An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // *Science*. 2001. V. 293. P. 2105–2108.
- Gross J. J., Carstensen L. L., Pasupathi M., Tsai J., Skorpen C. G., Hsu A. Y. C. Emotion and aging: experience, expression, and control // *Psychology and Aging*. 1997. V. 12. P. 590–599.
- Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // *Psychol. Review*. 2001. V. 108. P. 814–834.
- Hauser M. D. *Moral minds. How nature designed our universal sense of right and wrong*. New York: Ecco (Harper Collins), 2006.
- Hauser M. D. The liver and the moral organ // *SCAN (Social Cognitive and Affective Neuroscience Advance Access)*. 2006a. V.1. P. 214–220.
- Haun D. B. M., Rapold C. J., Call J., Janzen G., Levinson S. Cognitive cladistics and cultural override in Hominid spatial cognition // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2006. V. 103. P. 17568–17573.
- Hsee C. K., Weber E. U. Cross-national differences in risk preference and lay predictions. *Journal of Behavioral Decision Making*. 1999. V. 12. P. 165–179.
- Hume D. (1777). *An enquiry concerning the principles of morals*. La Salle IL: Open Court, 1960.
- Ingold T. *Evolving skills // Alas, poor Darwin / Eds H. Rose, S. Rose*. N. Y.: Harmony Books, 2000. P. 270–297.
- Kant I. (1785). *Introduction to the metaphysics of morals // The Philosophy of law. An exposition of the fundamental principles of jurisprudence as the science of right*. Edinburgh: T & T Clark, 1887. P. 20–42.
- Kohlberg L. *Moral development // The cognitive-developmental psychology of James Mark Baldwin: Current theory and research in genetic*

- epistemology / Eds J. M. Broughton, D. J. Freeman-Moir. Norwood, New Jersey: Albex Publishing Corporation, 1982. P. 277–325.
- Kitayama S. Culture and basic psychological processes – toward a system view of culture: Comment on Oyserman et al. // *Psychological Bulletin*. 2002. V. 128. P. 89–96.
- Lerner M. J. The belief in a just world: A fundamental delusion. N. Y., 1980.
- Lieberman, M. D. Intuition: A social cognitive neuroscience approach // *Psychological Bulletin*. 2000. V. 126. P. 109–137.
- MacIver R. M., Page C. H. Society: an introductory analysis. London: Macmillan, 1961. P. 456 (цит. по О. Г. Дробницкий, 2002).
- Maguire E. A., Gadian D. G., Johnsrude I. S., Good C. D., Ashburner J., Frackowiak R. S. J., Frith C. D. Navigation-related structural change in the hippocampi of taxi drivers // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2000. V. 97. P. 4398–4403.
- Mattila R. H., Seeley Th. D. Genetic diversity in honey bee colonies enhances productivity and fitness // *Science*. 2007. V. 317. P. 362–364.
- Mead G. H. The philosophical basis for ethics // *International Journal of Ethics*. 1908. V. 18. P. 311–323.
- Moll J., de Oliveira-Souza R., Eslinger P. J., Bramati I. E., Mourão-Miranda J., Andreiuolo P. A., Pessoa L. The neural correlates of moral sensitivity: A functional magnetic resonance imaging investigation of basic and moral emotions // *The Journal of Neurosci*. 2002. V. 22. P. 2730–2736.
- Moll J., Zahn R., de Oliveira-Souza R., Krueger F., Grafman J. The neural basis of human moral cognition // *Nature Rev. Neurosci*. 2005. V. 6. P. 799–809.
- Montada L., Dalbert C., Reichle B., Schmitt M. Urteile ueber Gerechtigkeit, «existentielle Schuld» und Strategien der Schuldabwahr // *Moralische Zugänge zum Menschen. Zugänge zum moralischen Menschen*. München, 1986. S. 205–225.
- Musacchia G., Sams M., Skoe E., Kraus N. Musicians have enhanced subcortical auditory and audiovisual processing of speech and music // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2007. V. 104. P. 15894–15898.
- Nadel L., Moscovitch M. Memory consolidation, retrograde amnesia and the hippocampal complex // *Current opinion in Neurobiology*. 1997. V. 7. P. 217–227.
- Panksepp J. The basics of basic emotion // *The Nature of emotion. Fundamental questions* / Eds P. Ekman, R. J. Davidson. New York, Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 20–24.

- Panksepp J.* The neuro-evolutionary cusp between emotions and cognitions: Implications for understanding. 2000.
- Schacter D. L., Tulving E.* What are the memory systems of 1994? // *Memory systems* / Eds D. L. Schacter, E. Tulving. A Bradford Book, The MIT Press: Cambridge, Massachusetts, London, England, 1994. P. 1–38.
- Schneirla T. C.* A theoretical consideration of the basis for approach-withdrawal adjustments in behavior // *Psychological Bulletin*. 1939. V. 37. P. 501–502.
- Schneirla T. C.* An evolutionary and developmental theory of biphasic processes underlying approach and withdrawal // *Nebraska symposium on motivation*. V. 7 / Ed. M. R. Jones. Lincoln: University of Nebraska Press, 1959. P. 1–42.
- Sebanz N., Bekkering H., Knoblich G.* Joint action: bodies and minds moving together // *Trends in Cognitive Neurosci.*, 2006. V. 10. P. 70–76.
- Sherrington Ch.* Man on his nature. The Gifford lectures 1937–1938. Edinburgh: Penguin Books, 1955.
- Tan L. H., Chan A. H. D., Kay P., Khong P., Yip L. K. C., Luke K.-K.* Language affects patterns of brain activation associated with perceptual decision // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2008. V. 105. P. 4004–4009.
- Tappan M. B.* Language, culture, and moral development: a Vygotskian perspective // *Developmental Review*. 1997. V. 17. P. 78–100.
- Tononi G., Edelman G. M.* Consciousness and complexity // *Science*. 1998. V. 282. P. 1846–1851.
- Tulving E.* Memory and consciousness // *Canadian Psychology*. 1985. V. 26. P. 1–12.
- Werner H.* Foreword // *Witkin H. A., Dyk R. B., Faterson H. F. Goode-nough D. R., Karp S. A.* Psychological Differentiation. Studies of development. N. Y.–London: John Wiley and Sons, Inc., 1962. P. V–VII.
- Werner H., Kaplan B.* The developmental approach to cognition: its relevance to the psychological interpretation of anthropological and eth-nolinguistic data // *American Anthropologist*. 1956. V. 58. P. 866–880.
- White L. A.* The concept of culture // *American Anthropologist*. 1959. V. 61. P. 227–251.
- Winawer J., Witthoft N., Frank M. C., Wu L., Wade A. R., Boroditsky L.* Russian blues reveal effects of language on color discrimination // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2007. V. 104. P. 7780–7785.
- Zajonc R. B.* Feeling and thinking. Preferences need no inferences // *American Psychologist*. 1980. V. 35. P. 151–175.

РАЗДЕЛ III

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ

НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Л. Г. Дикая, Е. П. Ермолаева

Исследования последних лет (Дикая, Крылова, 2007; Курапова, 2009; Филинкова, 2007) выявили существенное падение престижа нравственности и ответственности в системе ценностей россиян, особенно у чиновников, предпринимателей, представителей социэкономических профессий, что выдвинуло проблему социально ответственного поведения профессионала на более заметное место и сделало актуальным ее психологическое исследование.

Направленность и устойчивость нравственной позиции профессионала как основа профессиональной самореализации и самоактуализации личностных ресурсов

Поскольку «почти всякое человеческое действие есть не только техническая операция по отношению к вещи, но и поступок по отношению к другому человеку, выражающий отношение к нему» (Рубинштейн, 1979, с. 362), а «все поступки человека выступают как реальное изменение условий жизни других людей, то ответственность человека за всех других людей и за свои поступки по отношению к ним» (там же, с. 368) резко возрастает. Поэтому профессиональные решения, распоряжения об их применении, законодательные акты в различных сферах социальной практики способны менять мировоззренческие и ценностно-нравственные координаты общества. Следует отметить, что ценностно-нравственные проблемы в профессиональной сфере никогда не решались однозначно. Разброс оценок степени их значимости для практики и личности профессионала достаточно велик. Так, Айзенк считал два из пяти факторов своей модели личности надуманными (социальное соответствие и добросовестность), поскольку они не имеют под собой биологической основы (по: Мацумото, 2002).

У С. Л. Рубинштейна мы находим указание на соотносительный характер нравственности: «Смысл жизни каждого человека определяется только в соотношении содержания всей его жизни с другими людьми... Специфический характер нравственности... состоит во всеобщем, общечеловеческом соотносительном характере моральных положений, морали вообще, которая не существует только применительно к жизни одного данного человека» (Рубинштейн, 1979, с. 345). И о морали он говорит как о релятивной категории: «Каждое общее положение имплицитно предполагает какие-то типовые, генерализованные условия. Применение их в конкретной ситуации, которая в чем-то существенна для данной нормы, всегда отклоняется от имплицитно предположенного в общем. Моральное отклонение неизбежно делает это общее моральное положение, как всякое общее, неадекватным данному частному случаю». И еще: «Совпадение долга и влечения выступает как высший уровень развития человека. Но возможно и их расхождение, которое открывает в равной мере возможность как действовать вопреки своему влечению, из осознания долга, так и по сердечному влечению» (там же, с. 367).

Отчасти совпадение или расхождение долга и влечения определяется широтой мировоззрения и личностными качествами человека, отчасти – традициями профессионального образования. К сожалению, российское образование, в том числе профессиональное, в меньшей степени предполагает развитие нравственных качеств человека, начиная со школы, профессионального обучения и подготовки. Однако то, какой будет в дальнейшем ценностно-нравственная сфера профессионала, зависит не только от качеств его личности и образования, но и от состояния общества, от современных изменений на рынке труда. Когда спрос на настоящих профессионалов со стороны общества падает, потому что они избыточны в примитивной цепочке товар – деньги – товар (если деньги можно делать более прямым способом эксплуатации природных ресурсов, чем через развитие наукоемких промышленных технологий и внедрения ноу-хау), – то общество своим обывательским взглядом и снижением финансирования способствует их нравственной и профессиональной маргинализации. Вынужденный искать побочный заработок, профессионал далеко не всегда находит его по своей основной специальности, в результате начинается депрофессионализация. «Если общество таково, что культура в нем ценится лишь на словах... то в таком обществе лишь самые независимые индивиды способны

противостоять искушению воспринять банальные идеалы толпы» (Селье, 1987, с. 151).

Каждая эпоха порождает соответствующие ей социально-психологические типы профессионалов, смена эпох служит кризисным фактором для испытания жизнеспособности представителей наиболее типичных профессий прежней эпохи. Однако индифферентным, нечувствительным к смене эпох, а потому и самым стойким является тот профессионал, который, наряду с владением инструментальными функциями способен эффективно выполнять социальную функцию профессии в гармонии со своей нравственной позицией.

От направленности и устойчивости нравственной позиции профессионала зависит, пойдет ли процесс его самореализации как субъекта труда по линии позитивной самоактуализации личностных ресурсов либо по сценарию негативного самоутверждения и профессиональной маргинализации. И здесь прав Г. Селье, когда говорит, что «в этом мире существует два типа людей: создающие богатства и борющиеся за овладение ими. Из них более счастливыми являются, вне сомнения, первые. Приобретение богатства – лишь побочный продукт их увлеченности. Наверное, можно создать цивилизацию, ориентированную на создание новых богатств, а не на борьбу за богатства других» (Селье, 1987, с. 150).

Как бы там ни было, в конечном счете «оценка поступков человека осуществляется с точки зрения того, возвышают или унижают они его, но не в смысле его гордости, а в смысле достоинства, ценности морального уровня его жизни для других людей» (Рубинштейн, 1997, с. 346).

В профессиях операционально-технического профиля, мало связанных с людьми, где результатом деятельности является количественный прирост продукции, лишь иногда переходящий в «социальное качество», роль нравственных аспектов личности профессионала на первый взгляд кажется незначительной. Но если в случае плотника еще можно допустить, что от безнравственного поведения его профессиональные качества и результаты его деятельности пострадают мало, то в связи с изменением роли человека в управлении крупномасштабными человеко-машинными комплексами и потенциально опасными технологиями трансформация социальных функций профессионала и инверсия его ценностных ориентаций, рассогласование между социально-нравственной и профессиональной идентичностью профессионалов может стать

небезопасной для деятельности и опасной для общества в целом (Ермолаева, 2008).

Значимость роли *нравственных регуляторов внедрения научно-технического прогресса* можно продемонстрировать на примерах психологического анализа последствий социально опасных научных открытий. Как пишет Б. Г. Юдин, «любое научное знание, полученное человеком, всегда предполагает последующую человеческую же деятельность – будь то деятельность по получению на его основе следующих фрагментов нового знания, либо по его усвоению, либо по его использованию... И именно поэтому знание о человеке – в том числе и психологическое – всегда может стать знанием, опасным для человека» (Психология и этика, 1999, с. 6). По мнению В. П. Зинченко, «фигурально говоря, мы все – испытуемые в глобальном эксперименте под названием научно-технический прогресс» (там же, с. 12).

Описанные Н. Винером (Винер, 1996) модели человека «творец» и «робот» могут служить аналогами двух диаметрально противоположных нравственных позиций профессионала по отношению к миру, своей работе и ее целям. Нравственность – это атрибут «творца»; прагматизм – это «робот в человеке». Безнравственность часто выступает под личиной целесообразности, государственных интересов, служения отечеству, научного и военного приоритета: даже если для военного приоритета государства погибнут люди, живущие вокруг испытательного центра, – это неизбежная плата за прогресс, которую надо отдать, чтобы не потерять первенства. Вторая сторона этой социальной позиции: «Я как профессионал делаю свое дело, а уж как применять мои результаты – дело правительства или руководства» (Ермолаева, 2008). Но управленцы в науке способны сделать эти открытия актуально опасными, создающими угрозу обществу, когда обеспечивают практическую реализацию таких открытий, вынося за скобки вопрос о нравственности. Удельный вес влияния на общество чиновника от науки гораздо больше, а его научный кругозор гораздо уже, чем ученого – автора открытия. Нередко опасные открытия попадают в руки людей, даже не способных их понять.

По публицистическим работам и мемуарам ученых, обладавших выраженной нравственной позицией и склонных к социальному самоанализу (Кюри, Эйнштейн, Капица, Сахаров, Легасов и др.), нами выявлены (как бы «от обратного») два *психологических источника* опасных открытий и научных ошибок: а) гипермотивация дости-

жения даже в сочетании с субъективно нравственной позицией ученого при объективно ограниченных технических возможностях науки и методов научного прогнозирования последствий внедрения открытий; б) экспансия субъективно-безднравственной позиции, когда личность свой корыстный взгляд на мироустройство переносит в разряд «нравственных» принципов науки в целом (Ермолаева, 2008).

Поэтому чем выше социальная, общегражданская, общечеловеческая значимость должности, которую занимает профессионал, тем важнее изучение роли нравственной позиции профессионала как психологического регулятора, непосредственно влияющего на качество профессиональных решений.

Это подтвердили результаты исследований Ю. Я. Голикова и А. Н. Костина (Голиков, 2008), в которых показано, что главными факторами, детерминирующими надежность и безопасность функционирования человеко-машинных комплексов (высоких технологий, атомных станций, нефтедобывающих комплексов, космических пилотируемых объектов, различных типов автоматизированных производств и военной техники), становятся неопределенность и нестабильность их развития, непредсказуемость последствий для общества и природы.

Поэтому при управлении этими техническими системами резко возрастает роль профессиональных, социальных, морально-этических и нравственных норм поведения и деятельности субъекта, сформированных и принятых личностью, которые авторы отнесли к **уровню личностно-нормативной регуляции деятельности**. Коррекция и дополнение системы знаний, убеждений и идеалов о природе, человеке и обществе реализуется на высшем в данной системе регуляции **мировоззренческом уровне** (Голиков, 2008). Это подтверждает высказанное еще Г. Селье положение о том, что «если человек вне зависимости от его формальной квалификации выполняет свою работу только ради зарплаты или даже из чувства долга, он никогда не станет блестящим работником в отличие от человека, который в первую очередь исходит из интересов дела» (Селье, 1987, с. 352).

По данным исследования экономической деятельности (Журавлев, Купрейченко, 2003), основным регулятором отношения личности к соблюдению нравственных норм выступает психологическая позиция субъекта деятельности как представителя различных социальных категорий. Нравственно-психологический аспект профес-

сионализма – готовность нести ответственность за свои действия без ссылки на других людей, обстоятельства, инструкции и т. д.

Одна из основных причин расщепления нравственных основ личности профессионала, или возникновения «двойной морали» – «зашумление» базовой социальной функции профессии второстепенными и бюрократическим наслоением на нее должностных обязанностей, что приводит к распылению ответственности и утрате инициативы. Существующая система вообще предназначена не для воспитания профессионала как идентичной профессиональному долгу и самой себе личности, а лишь для формирования функционера, которому ничего не стоит заменить одни функции (социально необходимую роль профессии) на другие (теневые функции профессиональной роли). Она продуцирует таких профессиональных субъектов, к принятию которых общество ею же и подготовлено. Часто этот встречный процесс деградации профессиональных функций и социальных ожиданий становится массовым и находит свое выражение в преобладающем типе маргинальных профессионалов, рост числа которых в настоящее время вызван системной деформацией общества.

В наибольшей степени в настоящее время это проявляется в гуманитарных и социально-ориентированных профессиях, в которых определение целей, функций и качества труда зависит не только от профессиональных знаний, но в большей степени от личной нравственной позиции субъекта. Профессионал как субъект деятельности, не выполняя социально необходимой роли, теряет моральное право на соответствующее место в профессиональном сообществе и в обществе в целом. Безнравственный врач, безнравственный учитель, педагог, воспитатель, социальный работник – это уже профессиональный маргинал, так как в перечне профессионально важных качеств этих профессионалов личная нравственность должна занимать одно из первых мест. Поэтому социально значимые профессии наиболее подвержены влиянию негативных тенденций в обществе и являются полигоном роста профессионального маргинализма (Ермолаева, 2008).

К этой категории относятся, прежде всего, «полезависимые от социума» профессионалы, которые либо по расчету, либо под влиянием ситуативных факторов в свое время сделали профессиональный выбор, в целом их удовлетворявший (но не затрагивающий глубоких личностных позиций и ценностных ориентаций) до тех пор, пока не произошли негативные макросоциальные перемены,

т. е. внезапные, кардинальные и деструктивные изменения в сложившихся ранее профессиональных структурах и отношениях. Это относится прежде всего к ранее престижным и массовым специальностям (таким, как врач, учитель, инженер), для представителей которых профессия перестала соответствовать как мотивам выбора, так и текущим социальным и материальным потребностям личности.

Сформированные профессиональным обучением морально-этические и духовно-нравственные установки в условиях, не позволяющих их реализовать, как правило, подвергаются трансформации и приобретают прагматическую направленность. При этом неизбежно меняется «знак» или социальный статус профессии, ее доминантная миссия. К этой категории профессионалов мало применим анализ динамики собственно профессиональных ценностей, которые никогда не занимали заметного места в иерархии их ориентаций.

Кроме традиционно закрытых от общественного контроля потенциально опасных профессий, наиболее подвержены искажению в неблагоприятных условиях социальные функции профессий следующих типов: контактного типа, от которых непосредственно зависит повседневная жизнь и психологический комфорт людей, властного типа, предназначенных быть посредниками между гражданами и властью, социономических профессии, основной функцией которых является нравственное воспитание подрастающего поколения.

Для подтверждения вышеизложенного приведем некоторые конкретные результаты, полученные на основе психологического анализа типичных мотивов и ценностно-нравственных установок в таких социально-значимых сферах труда, как управление и педагогика.

Нравственные аспекты управления. По словам одного известного политолога, наши чиновники служат и всегда служили начальнику, а не государству или народу. Т. е. происходит психологическая замена социально необходимой профессиональной функции посредника между народом и властью на теневую функцию буфера между ними. Проведенный нами психологический анализ нескольких бесед с муниципальными чиновниками позволил выявить характерные особенности нравственной позиции типичного представителя низшего звена управления, главные из которых: а) стремление уйти от ответственности; б) ничего не предпринимать.

Способы достижения этого: попытка *спрятаться* за систему (даже старую, если нет новой); *ссылка* на большую компетентность «соответствующих» органов и *отсылка* просителя к вышестоящему начальству (в мэрию) по сугубо местному вопросу; *уклонение* от конкретной реализации решений путем ссылок на некие «нормативные документы» и рассылки бессодержательных ответов на обращения граждан; *отсутствие осознания* социальной функции своей должностной роли как лица, наделенного властью и имеющего не только право посылать запросы в компетентные органы, но и полномочия в получении от них содержательных, аргументированных и исчерпывающих ответов; *отсутствие установки* на активное применение своей власти и др. По сути, подобный чиновник – это «пустое звено» в управленческой цепочке, и его можно отнести к профессиональным маргиналам.

В менталитете наших руководителей в отношении к подчиненным часто преобладает психология собственника, полновластного «хозяина», а не партнера. Поэтому типично недоверие сторон друг к другу, а иногда и прямая враждебность. Такое «право сильного» обеспечивается не только неограниченными трудовыми ресурсами, «психологией зависимости» от власть имущих, присущей большинству россиян, но и их ценностно-нравственными качествами.

Степень воздействия социально-экономических факторов на личность современного руководителя особенно четко проявляется в степени сформированности или деструкции его смысловых ориентаций (СЖО). В процессе своей профессиональной деятельности руководитель как личность реализует стремление к независимости, способность брать на себя ответственность, а всякий раз, когда человек берет на себя ответственность, он самореализуется (Маслоу, 1999). Указанные ценности участвуют и в осознании смысла жизни. «Потребность смысла жизни есть свойство индивида, обуславливающее тот факт, что без возникновения в его жизнедеятельности таких ценностей, которые он признает или может признавать сообщающими смысл его жизни, он не может правильно функционировать» (Обуховский, 1971, с. 185).

Деструкция смысловых ориентаций профессионала в условиях воздействия стрессогенных факторов социальной и профессиональной среды

Особенности смысловых ориентаций профессионала мы изучали у сотрудников, наиболее часто испытывающих воздействие стрессогенных факторов социальной и профессиональной

среды (сотрудников и руководителей среднего звена УИС – уголовно-исполнительской системы), с помощью методики «СЖО» (Леонтьев, 2002).

По результатам обследования у 80% сотрудников были выделены определенные проблемы с формированием смысложизненных ориентаций. Из них 23% совершенно не удовлетворены своей настоящей жизнью, отмечая ее эмоциональную ненасыщенность, отсутствие интереса к ней, 19% сотрудников, не сумев в ней самореализоваться, абсолютно не удовлетворены прожитой частью жизни.

25% сотрудников не видят в будущем никаких целей и черпают смысл в прошлом и настоящем. Из них только 12% респондентов характеризуются целеустремленностью, другие 13% явно стремятся показать себя в более выгодном свете, но их планы и цели не имеют реальной опоры в настоящем и не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию.

Осмысленность жизни тесно связана с характеристиками внутреннего локуса контроля, который отражает веру в собственную способность осуществлять контроль, строить свою жизнь в соответствии со своими целями, своими представлениями о ее смысле. Параметр «локус контроля – жизнь» или управляемость жизнью отражает общее мировоззренческое убеждение в том, что контроль возможен, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и претворять их в реальность. Можно сказать, что чем менее человек ощущает способность контролировать свою жизнь, тем хуже он себя чувствует. Наличие высокого уровня локуса контроля – это не только составляющая стремления к успеху, но и предпосылка физического и психического здоровья. В нашем исследовании выяснилось, что у 37% сотрудников (из 120 чел.) отсутствует вера в свои силы, в возможность контролировать события своей жизни (показатели по шкале «локус контроля-Я» ниже нормы), у 66% – присутствует убежденность, что жизнь человека не подвластна сознательному контролю, что свобода выбора иллюзорна, и бессмысленно что-либо загадывать на будущее (показатель по шкале «локус контроля-жизнь» ниже нормы) (Дикая, Крылова, 2007).

Отнесенность ведущих потребностей сотрудников к прошлому, неверие в свои силы позволяет утверждать, что сегодняшние обстоятельства препятствуют удовлетворению основных потребностей личности, что неизбежно приводит к высокому уровню фрустрации, тревожности, беспокойству. Нарушение стереотипов

связи между потребностями и привычными способами их удовлетворения является индикатором психологической дезадаптации и конфликтов внутри мотивационной сферы и требует специальных коррекционных мероприятий. Необходимо отметить, что при сравнении индивидуальных результатов обследования сотрудников была прослежена взаимосвязь влияния стрессогенных факторов (СФ) и сформированности СЖО: чем менее сформированы у сотрудника смысловые ориентации, тем большее влияние на него оказывают СФ. При этом у сотрудников, прослуживших в системе длительное время (более 7 лет), прослеживается тенденция к отрицанию влияния на них СФ (кроме материального аспекта), что может являться одним из признаков профессиональной деформации. Поэтому можно говорить и об обратной связи – длительная подверженность влиянию СФ изменяет внутреннюю структуру личности, ее СЖО.

При сравнении уровней сформированности СЖО в группах молодых успешных и неуспешных сотрудников выявляются статистически значимые различия по параметру «локус контроля-жизнь» (при $p < 0,05$), из чего можно сделать выводы о том, что успешные сотрудники первых лет службы более полагаются на жизнь, на судьбу, в большей мере «доверяют» обстоятельствам, «принимают» профессиональную среду по сравнению с неуспешными (что можно подтвердить результатами исследования межличностных отношений: у успешных меньше конфликтов с начальством и коллегами). Также более высокими (хотя и не достигающими уровня статистической значимости) являются значения у них параметра «локус контроля-Я», что подтверждает результаты ранее проведенных исследований. Успешные сотрудники более активны, они стремятся проявлять инициативу, могут выбирать стиль соперничества в ситуации конфликта. Значение показателя «результативность жизни» у успешных сотрудников также выше, т. е. они больше ценят то, чего успели достичь. В то же время они считают свою жизнь подвластной своей собственной воле, полнее ощущают способность управлять событиями.

У старших сотрудников по сравнению с молодыми в структуре СЖО показатели параметров «цели жизни», «процесс» (при $p < 0,01$), «личностный контроль жизни» (при $p < 0,05$) значимо выше, т. е. у сотрудников со стажем цели жизни лучше сформированы, они более довольны тем, как складывается их жизнь и, возможно, не имеют стремления к изменениям. Среди этой группы больше тех, кто согла-

сен подчиняться, как бы следовать «за жизнью». Возможно, что такое изменение в структуре СЖО по мере увеличения стажа службы связано с приспособлением, адаптацией к условиям и особенностям профессиональной деятельности. Значимыми стрессогенными факторами на всех этапах профессионального становления являются невыполнение со стороны государства взятых на себя социальных обязательств, отсутствие достойной заработной платы, неудовлетворение потребности в общественной социальной значимости.

Таким образом, с одной стороны, ценностно-ориентационная система оказывает влияние на оценку событий, их значение, определяя степень их стрессогенности. С другой стороны, значимые события, особенности профессиональной среды могут способствовать перестройке ценностно-смысловой структуры личности, характер которой начинает определять процесс и успешность адаптационных стратегий.

Одна из возможных интерпретаций трудового стресса заключается в том, что неиспользование человеком своих возможностей может приводить к нарушению взаимосвязей между потребностями человека и их удовлетворенностью в трудовой среде, что, в конечном счете, нарушает целостность системы «человек–среда». В этом случае мы, возможно, имеем дело с проявлением механизма защиты, направленного на устранение из сознания болезненных, травмирующих переживаний. Сотрудникам «легче» вытеснить их из сознания, устранить негативное влияние факторов, связанных с работой, избегая мыслей о ней – работы как бы не существует, ее не хотят принимать в расчет.

Направленность и содержание личностных устремлений современного руководителя

Смысложивленные ориентации предполагают ориентацию на определенные цели, жизнь как бы структурируется вокруг целей, которые люди стремятся достичь, сохранить или избежать.

Цели и личностные стремления определяют содержание сознания и тем самым качество жизни и качество деятельности (Seligman, 2000). Под личными стремлениями понимаются индивидуализированные цели, отражающие типичные или характерные задачи, которые человек стремится выполнять в своем повседневном поведении (Emmons, 1986); это обобщающий конструкт, объединяющий фенотипически различные цели или действия вокруг общего качества или темы (Sheldon, 1995). Личностные стремления рассматриваются как идеографические конкретизации мотиваци-

онных диспозиций (Allport, 1937), обладающих большей «различительной» способностью, чем мотивы, и большей стабильностью и постоянством, чем проекты и интересы.

Каждое стремление может быть реализовано различными способами и удовлетворено посредством достижения любого числа конкретных целей. Стремления служат организующими принципами мотивации, которые придают сознанию согласованность и устойчивость. Они являются валидными показателями того, как люди структурируют и проживают свою жизнь, а также необходимыми конструктами для понимания успехов и неудач повседневной жизни. Г. Олпорт утверждал, что «когда мы приступаем к изучению мотивов человека, мы стремимся понять, что этот человек пытается делать в этой жизни (включая и то, что он пытается предотвратить) и чем он пытается быть» (Олпорт, 2002, с. 112). Понятие личных стремлений (Emmons, 1986) было разработано с целью описания того, что человек обычно пытается делать. «Личные стремления» восходят к предложенному Олпортом (Allport, 1937) понятию «телеономических тенденций». Они могут относиться как к тому, чего человек пытается достичь или что стремится сохранить, так и, наоборот, к конечным состояниям, которых он обычно пытается избежать или предотвратить их. Каждый человек может быть охарактеризован присущим ему уникальным набором тенденций «пытаться что-то делать», независимо от того, достигает ли он в этом успеха. Стремления могут быть гуманными и нравственными (например, «Пытаться сделать других счастливыми») или более конкретными («Пытаться сделать счастливым моего партнера»), позитивными и негативными.

Большое значение это имеет в деятельности руководителя, от которого зависит эффективность организации, успешность деятельности каждого сотрудника. Для ответа на вопросы, насколько и какие личные стремления и цели оказывают влияние на деятельность современного руководителя, мы в кандидатской диссертации Я. В. Примаченко (1910, науч. рук. Л. Г. Дикая) в число респондентов включили руководителей среднего и высшего звена железнодорожного транспорта.

С целью выявления направленности и содержания личностных устремлений современного руководителя на примере руководителей высшего и среднего звена, состоящих в резерве на повышение в ОАО Российских железных дорог (85 чел.), нами был использован теоретический конструкт и модифицированная методика качественно-количественного анализа личных стремлений Р. Эммонса.

Таблица 1
Выраженность личностных стремлений перспективных руководителей ОАО РЖД (Примаченко, 2010)

Категория личностных стремлений	Ранг	% в общем массиве выборов
Личностный рост и здоровье	1	15,15
Достижение	2	11,59
Приближение–избегание	3	10,95
Самодостаточность/независимость	4	10,58
Интимность	5	8,76
Власть	6	8,30
Интраперсональное–интерперсональное	7	7,39
Преподнесение себя	8	7,12
Творческая продуктивность	9	6,75
Духовная самотрансценденция	10	6,57
Дезадаптация/саморазрушение	11	3,47
Общение	12	3,38

Как показали результаты исследования, личностные стремления перспективных руководителей направлены в первую очередь на повышение, сохранение самоуважения и благополучия, достижение и реализацию личных целей, их характеризует стремление пре-взойти стандарты мастерства, одержать победу и иметь успех, установить, удержать и восстановить власть, сохранить собственный римидж (таблица 1). Это связано, по-видимому, с особенностями структуры железнодорожного транспорта с точки зрения четкости и строгости в исполнении должностных инструкций, в то же время появления личностных стремлений данной категории наблюдаются в основном в сфере семейных отношений и взаимодействия с собственными детьми.

Руководители, осознавая ответственность и обязательства перед другими, стремятся, связанные с целью труда на благо следующего поколения, желанием быть нужным другим и верой в изначально-ную благость человеческой жизни и личности, тем не менее, относят категорию творческой продуктивности лишь на 9 место (из 12).

Еще более низкое, последнее место в списке личностных устремлений даже перспективных руководителей заняли личностные стремления к нематериальной (духовной) реальности и желание привести свою жизнь в соответствие с ней – «*Духовная самотрансценденция*» (ранг 10).

В факторной структуре личностных устремлений «*Духовная самотрансценденция*» вошла в 4-й фактор (процент объясненной дисперсии 9,371%). С одной стороны, руководители отмечают трудность реализации личностных стремлений в категории «*Духовная самотрансценденция*» (0,653), с другой стороны, даже возможность ее реализации могла бы принести им удовлетворение, но в реальности в связи с возникающими трудностями они начинают испытывать раздражение, неудовлетворенность своей жизнью в целом. Возможно, поэтому, чтобы сохранить в норме свое психоэмоциональное состояние, руководители на железнодорожном транспорте не проявляют духовности и справедливости по отношению к другим. В результате руководители часто освобождают себя от необходимости обеспечивать или учитывать партнерский аспект своей миссии, ограничиваясь заботой о внешних атрибутах корпоративной этики и соблюдении этикета.

Данные наших исследований согласуются с концепцией «взаимной ответственности для всех» (Салмон, 2004), в которой социальная идентичность руководителя также выходит на первый план. Ее автор считает, что настало время, когда руководители компаний не могут ограничиваться только производством и реализацией продукции и оправдывать свое варварское отношение к окружающей среде и пренебрежительное – к людям стремлением к выполнению основной цели. Несмотря на объективные причины отчужденности в отношениях между людьми и подрыва социальной сплоченности, разрыва между работающими и безработными, между мужчинами и женщинами, между молодыми и старыми, все более заметны попытки изобрести новые модели руководства, которые были бы открытыми, гибкими и способными интегрировать общество. Для этого необходимо принять такую концепцию «служения обществу», которая сочетала бы в себе гибкость и творческий потенциал частной инициативы (что особенно важно для деловой деятельности), а также стабильность, залогом чему является общественное администрирование на национальном, региональном или местном уровнях на основе принципа совместной ответственности. Компания будущего, по мнению Р. Салмона, должна отка-

заться от фрагментарного, ограниченного видения и сделать выбор в пользу метасистемного подхода, который учитывал бы глобальный характер взаимосвязей, определяющих условия, в которых работает компания. Широкое признание мировоззрения, основанного на принципах совместной ответственности, которое *отказывается от количественного подхода в пользу качественного*, – единственно возможная стратегия, которая могла бы эффективно работать в новых условиях.

Отражение современного состояния российского общества в нравственно-духовной сфере педагогов

Тот системный кризис, который переживает современная Россия, вызывает разрушение устоявшихся идеалов, может привести к опасности духовного опустошения подрастающего поколения. Поэтому особый интерес для нас представляло исследование состояния духовной и нравственной сфер педагогов, на которых всегда возлагалась ответственность за духовно-нравственное здоровье народа. Именно от педагогов в большой степени зависит формирование нравственного сознания и духовного потенциала подрастающего поколения, развитие у учащихся опыта нравственной деятельности и нравственных отношений. Поэтому так актуальны исследования нравственных и ценностных ориентаций самого педагога, его духовного богатства, которое проявляется в любви к детям, в высокой нравственности и совестливости, в стремлении понять смысл и цель своей жизни, свое профессиональное предназначение.

По признанию отечественных специалистов, педагогическая деятельность – это тот вид социономической профессии, который в наибольшей степени деформирует личность субъекта этой деятельности, его духовную и нравственно-ценностную сферы, составляющие стержень личности (Каган). В ряде работ уже отмечалось снижение в деятельности педагогов роли духовных ценностей и ценностей, связанных с личностным развитием и творческой активностью, возникновение рассогласования в ценностной сфере, когда важность жизненных ценностей и целей не совпадает с возможностью их реализации в профессиональной деятельности, следствием чего является развитие интенсивных отрицательных эмоциональных переживаний. Основой успеха учителя, по мнению В. А. Сухомлинского, является духовное богатство и щедрость его души, «воспитанность чувств» и высокий уровень эмоциональной культуры, умение глубоко вникнуть в сущность педагогического явления. Вся педа-

гогика – это сфера духовного, а педагогическая деятельность является профессионально духовной по своей сути. Профессиональная педагогическая духовность – это сложное состояние внутреннего мира учителя, компонентами которого выступают совесть и достоинство (Вульф, 1995). Именно духовные и нравственные ценности выступают связующим звеном между обществом, социальной средой и личностью, ее внутренним миром (Здравомыслов, 1986).

Сохранить эти качества педагогу в современных экономических и социально-психологических условиях, когда снижается качество его жизни, происходит падение престижа педагогической профессии, возрастает эмоциональная напряженность и развивается состояние «профессионального выгорания», становится все сложнее.

Несмотря на большой интерес к этой проблеме, до сих пор нет однозначного ответа на вопрос о том, какие изменения происходят в нравственно-духовной сфере педагога в условиях современных преобразований в обществе и в школе, какое влияние они оказывают на психическое состояние учителя, на его отношение к работе, к ученикам.

Это обусловило тему нашего совместно с И.А. Кураповой (Курапова, 2009) исследования – выявление изменений в духовно-нравственной сфере современного педагога (школы и вуза) и их связей с выраженностью «профессионального выгорания» и изменениями в ценностной структуре личности.

В качестве критериев нравственно-ценностных основ личности педагога выступили такие показатели, как иерархия ценностей личности (нормативных и индивидуальных), наличие/отсутствие духовного кризиса и тенденции к его возникновению, духовный профиль (портрет) личности, состоящий из следующих параметров: духовная сила, духовная красота, духовная активность, диагностируемые на основании следующих методик: «Методика изучения ценностей личности» Ш. Шварца, тест «Духовный дифференциал» Г.А. Аминова, тест «Духовный кризис» Л.В. Шутовой, А.В. Ляшук, «Опросник личностной ориентации» Э. Шосторма, «Опросник выгорания» В.В. Бойко (Курапова, 2009).

Результаты исследования показали, что в настоящее время в среде педагогов наблюдается высокая вероятность деструкции духовно-нравственной сферы, выражающейся в переживании ими духовного кризиса и экзистенциального вакуума. Для педагогов в целом характерны как проявление духовной красоты (59,1% из 115 чел.), так и недостаток духовной активности (долготерпения, бес-

страшия, самообладания) и духовной силы, отражающей такие идеалы, как вера, надежда, знание, мудрость – 40,9%.

Вероятность возникновения духовного кризиса для всей выборки составляет 51,5%, экзистенциальный вакуум значительно выражен у 6,1% педагогов. Казалось бы, незначительный процент, но в количественном отношении это очень большое число педагогов.

Тревожным фактом является наличие значительного количества педагогов, неудовлетворенных жизнью и разочарованных в ней. Человек, переживающий духовный кризис, чувствует неудовлетворенность собой, ощущает безвыходность своего положения, эмоциональный дефицит, утрачивает интерес к другим людям, у него могут возникать психосоматические нарушения. Но иногда переживание экзистенциального вакуума выполняет защитную функцию, снижает ощущение безысходности, препятствует возникновению нарушений физического и психического самочувствия. Наличие у педагогов переживаний духовного кризиса снижает их субъективную активность: они либо не выходят из состояния духовного кризиса, либо периодически впадают в него и не пытаются выявить его причины, избегают собственных переживаний.

И наоборот, духовная красота педагога (честность, скромность, послушание, верность, доброта, благодарность) предопределяет его способность к сопротивлению усталости, повышению работоспособности. Эти педагоги отличаются удовлетворенностью жизнью и своей ролью в ней. Высокая духовная активность предотвращает развитие тревоги и способствует полноценному осуществлению их профессиональных обязанностей, проявлению духовной силы (знания, мудрость, вера, надежда), стимулируют развитие эмоционально-нравственной ориентации, снижение роли отрицательных эмоций в их профессиональной деятельности.

Выявлена связь уровня духовного кризиса у педагогов с эмоциональным выгоранием, которое многими авторами рассматривается как состояние, отражающее деструктивные изменения в психическом состоянии и личности. Более чем у 13% исследуемых педагогов школы и вуза был зарегистрирован высокий уровень «эмоционального выгорания», а половина респондентов (53,2%) находились на начальной стадии «выгорания» – «резистенции». В состоянии «выгорания» у педагогов школы проявляются чувства безысходности, отчаяния, наблюдаются частые вспышки негодования и деформации процесса общения. «Выгорание» преподавателей вуза проявляется в неадекватном эмоциональном реагировании,

в упрощении профессиональных обязанностей, формальном их выполнении, а также в ощущении эмоциональной опустошенности. При отсутствии переживаний экзистенциального вакуума и духовного кризиса у педагогов отсутствуют признаки «выгорания».

В зависимости от интенсивности «выгорания» в нравственно-ценностной сфере педагога возникает рассогласование субъективно значимых жизненных целей с возможностью их реализации в профессиональной деятельности. Это вызывает интенсивные отрицательные переживания, что еще более усугубляет психоэмоциональное истощение.

Одновременно духовный кризис, переживание экзистенциального вакуума, ориентация на ценности консерватизма и самотрансцендентности приводят к деформации отношения педагогов к работе и учащимся. У «выгоревших» педагогов происходит снижение роли духовных ценностей и ценностей, связанных с личностным развитием и творческой активностью, для них характерно обесценивание сферы профессиональной жизни и социальной активности (Леонтьев, 2002).

Выделенные нами ценностно-смысловые феномены отражают изменение во внутреннем мире педагога, особенности и своеобразие его образа мира, выступают не только концептуальной основой снижения его активности, но могут стать пусковым моментом для развития «эмоционального выгорания».

Эти данные еще раз подтверждают, что личность как субъект деятельности является прежде всего субъектом социальной среды, общества (Рубинштейн, 2005). На основе социального статуса личности формируются системы ее социальных ролей и ценностных ориентаций. Поэтому исходным моментом формирования индивидуальных характеристик профессионала как личности является его статус в обществе, равно как и статус общности, в которой складывалась и формировалась данная личность (Ананьев, 1996).

В качестве общего вывода следует обратить внимание на неоднозначность роли принципов *целесообразности* и *нравственного выбора* в профессиональной деятельности. Они могут выступать как в качестве дополняющих друг друга однонаправленных установок на социально полезный результат, так и в качестве альтернативных ценностных позиций и основы для противоположных стратегий профессионального поведения.

В стабильных обществах с традиционным укладом действие ведущего нравственного принципа осуществляется почти автома-

тически, если он соответствует официальной морали. Чем сильнее исходная неопределенность социально-профессиональной среды или сила, длительность и масштабность ее негативных изменений, тем более выражен разброс нравственных позиций и их влияние на профессиональное поведение. Принципы целесообразности и нравственного выбора включаются как альтернативные осознаваемые психологические регуляторы профессиональной деятельности (и как факторы трансформации социальных функций профессиональной роли) в условиях априорной несформированности структуры профессиональных ценностей или ее распада при внезапных негативных макросоциальных изменениях профессиональной среды. Типичные сценарии нравственной регуляции профессионального поведения развиваются либо по линии позитивного сочетания «разрешительной» и «запретительной» стратегий, либо внутренней борьбы между ними и выбора субъектом одной из них (Ермолаева, 2008). Огромная роль в том, какая стратегия поведения профессионала станет доминирующей в его деятельности, принадлежит социальной среде, длительности и масштабности ее негативных изменений, а также нравственной позиции субъекта труда.

Литература

- Ананьев Б. Г. Психология и проблемы современного человекознания. М.: Ин-т практич. психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Винер Н. Творец и робот. М.: Прогресс, 1966.
- Вульфов Б. З. Учитель: профессиональная духовность // Педагогика. 1995. № 2. С. 48–52.
- Голиков Ю. Я. Изменение требований к проектированию техники в процессе ее усложнения // Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во ИП РАН, 2008. С. 246–262.
- Дикая Л. Г., Крылова Г. Ю. Личностные детерминанты становления профессионала в особых и стрессогенных условиях деятельности // Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В. И. Моросановой. М.; Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, Сев-КавГТУ, 2007. С. 410–430.
- Ермолаева Е. П. Психология социальной реализации профессионала. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: ИП РАН, 2003.

- Здравомыслов А. Г. Потребности, интересы, ценности. М.: Политиздат, 1986.
- Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997.
- Курапова И. А. Нравственно-ценностная регуляция эмоционального выгорания в профессиональной деятельности (на примере педагогов средней и высшей школы): Дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.
- Курапова И. А. Духовно-нравственные детерминанты эмоционального выгорания у педагогов // Вестник Адыгейского государственного университета. 2009. Вып. 2 (44). С. 239–245.
- Леонтьев Д. А. Изучение смысложизненных ориентаций. М., 2002.
- Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
- Мацумото Д. Психология и культура. СПб.; М., 2002.
- Обуховский К. Психология влечений человека. М.: Прогресс, 1971.
- Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / Ред. Д. А. Леонтьев. М.: Смысл, 2002.
- Примаченко Я. В. Лидерский потенциал как основа профессионального отбора перспективных руководителей РЖД: Дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2010.
- Психология и этика: опыт построения дискуссии. Самара: Издательский дом «Бахрах», 1999.
- Филинкова Е. Б. Психология российского предпринимательства. М.: Ректор, 2007.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. Раздел II. М.: Педагогика, 1979.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2005.
- Салмон Р. Будущее менеджмента. СПб.: Питер, 2004.
- Селье Г. От мечты к открытию. М.: Прогресс, 1987.
- Allport F. H. Teleonomic description in the study of personality // Character and Personality. 1937. V. 5. P. 202–214.
- Emmons R. A. Personal strivings: An approach to personality and subjective well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. V. 51. P. 1058–1068.
- Sheldon K. M., Kasser T. Coherence and congruence: two aspects of personality integration // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. V. 68. P. 531–543.
- Seligman M. E. P., Csikszentmihalyi M. Positive Psychology. An Introduction // American Psychologist. 2000. V. 55. №. 1. P. 5–14.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НРАВСТВЕННОЙ РЕГУЛЯЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

А. Б. Купрейченко

Введение

В России последнее десятилетие прошлого века характеризовалось кризисом морали, неизбежно сопровождающим ломку общественных и идеологических устоев, несформированностью законодательной базы и трансформацией многих социальных институтов. Эти изменения коснулись всех сфер жизни, в том числе и экономики. Так, ослабление государственного и правового регулирования привело к росту теневого сектора, в котором особое влияние приобрели силовые методы. В этих условиях особую значимость приобрели такие регуляторы, как личные и групповые кодексы социальных, в том числе нравственных норм. Поиск и выбор нравственных эталонов, формирование нравственных кодексов и стратегий, их рефлексия и соответствующий дискурс становятся важной частью общественной, корпоративной и частной жизни. Анализ этих процессов представляет важную научную задачу, обладающую также высочайшей социальной релевантностью.

Результаты исследований в области экономической психологии позволяют сделать вывод о том, что наши современники в большинстве являются активно действующими, преобразующими окружающий мир субъектами, принимающими готовые или формирующими собственные социальные нормы и правила, эталоны и стандарты и т. п. Исследования экономического поведения различных социальных групп современной России показывают, что оно детерминируется далеко не только требованиями и условиями сложившейся социально-экономической ситуации (О. Т. Богомолов, М. А. Винокуров, О. С. Дейнека, А. Н. Демин, А. Л. Журавлев, Н. А. Журавлева, И. В. Забаев, Е. А. Иванова, А. Д. Карнышев и Д. А. Бурменко, А. Б. Купрейченко, В. П. Позняков и О. И. Титова,

В. Д. Попов, Р. Д. Санжаева, П. Н. Шихирев и др.). Традиционные объяснения, обычно сопровождающиеся обвинениями массовых групп населения в косности, неадаптивности, приверженности стереотипам, низкой мобильности, неготовности к рыночным отношениям и т. д., фактически не раскрывают основные социально-психологические механизмы экономического поведения. Понять экономическое поведение личности, особенно противоречащее экономическому интересу, можно, лишь встав на ее позиции как субъекта жизнедеятельности в целом. Только с этих позиций становится очевидным, что в ряде ситуаций человек преследует не сиюминутные экономические интересы, а защищает жизненные смыслы, ценности и идеалы, принципы и нормы, наиболее значимые для него или для его группы.

Основы понимания высокой значимости нравственных факторов для экономической сферы жизнедеятельности человека и общества заложены в классических работах С. Н. Булгакова, М. Вебера, И. А. Ильина, А. Смита, Э. Фромма и др. Вместе с тем, многие авторы отмечают, что значимость нравственно-психологической регуляции экономического сознания и поведения остается недооцененной современными исследователями (Богомолов, 2008; Глазьев, 2008). По нашему мнению, она не ограничивается регулированием отношений между экономическими агентами и выбором средств и форм экономической деятельности. Нравственность – система воззрений на должную социальную жизнь, выражающая то или иное понимание сущности человека и его бытия. Она составляет ценностный базис общества и имеет всеобщее значение, регулируя жизнедеятельность человека во всех сферах жизни с целью достижения единства или согласованности общественных, групповых и личных интересов. Поэтому нравственные факторы нельзя рассматривать как рядоположенные экономическим, правовым, политическим и т. д.

Многие экономико-психологические феномены (мотивы, притязания, принципы, стратегии, отношения и т. д.) имеют нравственную природу, поскольку определяются базовыми отношениями субъекта к окружающему миру, людям, самому себе. Как нравственно допустимые и недопустимые воспринимаются различные цели, виды и способы производства, распределения, обмена и потребления, а также уровни дохода и благосостояния. В категориях добра и зла оцениваются экономические объекты и явления (деньги и собственность, бедность и богатство, деловой мир, кризисы, безработица, реклама и т. д.). Нравственными или безнравственными

считаются те или иные виды отношений между людьми в экономической сфере (партнерство, конкуренция, конфликты, долговые обязательства и т.д.). На этой основе субъекты экономической активности определяют приемлемые или неприемлемые виды экономической деятельности, а также стратегии поведения в различных условиях и ситуациях. Соответственно и экономические условия оказывают влияние на нравственные нормы экономического поведения. Так, негативное изменение социально-экономических условий, в том числе кризисное, приводит к снижению значимости нравственных ценностей (честности и терпимости) в сознании россиян (Журавлева, 2009).

В настоящее время специалисты в области экономики, социологии и менеджмента в своих исследованиях все чаще обращаются к нравственно-психологическим понятиям и явлениям: доверию, ценностям, психологической дистанции, взаимоотношениям экономических субъектов, социальному и человеческому капиталу. Все чаще эти феномены рассматриваются как ресурсы, занимающие значимое место в экономическом обмене. Соответственно, все острее потребность в методических подходах, позволяющих оценить *уровень доверия, качество социальных сетей и отношений, величину психологической дистанции*. Наукой, обладающей всем необходимым для создания таких концептуально проработанных и прошедших эмпирическую проверку методик, несомненно, является психология.

Нравственно-психологическая регуляция экономического поведения субъекта

Анализируя специфику нравственно-психологической регуляции по сравнению с другими видами психологической регуляции, в качестве основной особенности можно выделить существование двух ее сторон: формальной и неформальной.

Формальная сторона представляет собой регуляцию поведения экономических субъектов посредством принятых и закрепленных в результате общественного договора этических кодексов, которые отражают идеальный (желаемый) уровень отношения к соблюдению нравственных норм. Такие кодексы могут быть религиозными, как, например, христианская этика, идеологическими – кодекс строителя коммунизма, а также представлять некоторые иные формы конвенциональных норм – этический кодекс фирмы, брачный контракт или «воровской закон». Эти кодексы, как правило, закреплены

в документах, и следование им считается обязательным в данном сообществе. Несоблюдение этических кодексов карается санкциями, специфичными для каждого сообщества: дисциплинарное воздействие, исключение из группы или даже смерть.

Несмотря на это, декларируемые нравственные нормы то и дело нарушаются. Сложность регуляции поведения людей при помощи формальных этических кодексов заключается в том, что каждый субъект является одновременно членом различных групп и сообществ. Определение приоритетов нравственных норм одной группы перед нормами другой является сложной задачей, имеющей неоднозначное решение в разных условиях и ситуациях. Известны примеры, когда бухгалтеры крупных компаний, следуя профессиональному этическому кодексу, сообщали контролирующим органам информацию о незаконных действиях руководства компании. Тем самым они нарушали этический кодекс фирмы, заодно приводя ее к банкротству.

Существует множество причин, по которым содержание формального этического кодекса может не приниматься отдельными членами сообщества, например, не соответствовать их ценностям и идеалам. В этом случае они не будут соблюдать подобный кодекс. В настоящее время продолжается поиск социальных концепций, способных обеспечить добровольное соблюдение экономическими субъектами норм деловой активности. Это, в частности концепции социально ответственного бизнеса, социального капитала, а также идеи «прозрачности» бизнеса. Следует отметить, что любая формальная система нравственной регуляции имеет ограниченные возможности именно потому, что не учитывает психологические факторы, связанные с отношением людей к этим системам, с отношениями между людьми в различных сообществах и с психологическими механизмами, регулирующими эти отношения.

Наряду с формально определенным этическим кодексом в каждой группе людей существует некоторый допустимый уровень соблюдения норм, формирование которого происходит на протяжении всей истории сообщества. Это неписанные правила, позволяющие индивиду принимать решения в конкретной этически сложной ситуации. Отношение к нравственности и связанный с ним реальный уровень соблюдения нравственных норм, а также правила и условия соблюдения норм являются *неформальными* нравственными регуляторами активности субъекта. В периоды ломки идеологических устоев общества именно эти неформальные регуля-

торы выступают основной сдерживающей силой на пути массового безнравственного поведения. В кризисные эпохи сформировавшийся реальный уровень соблюдения норм становится основой для создания новых этических кодексов.

Совершенно очевидно, что если формальную сторону нравственной регуляции можно изучать посредством методов этики, социологии, микроэкономики и некоторых междисциплинарных отраслей знания (например, организационной теории), то анализ неформальной стороны чаще является предметом исследований психологической науки. Психология обладает надежными методами анализа, а также объяснительными моделями для исследования механизмов нравственной регуляции, отношений социальных групп и отдельных субъектов к нравственности, к окружающим их группам и субъектам и к самим себе как субъектам нравственности.

Независимо от того, в формальном или неформальном виде осуществляется нравственная регуляция, по отношению к субъекту она может быть как внутренней, так и внешней.

Внешние регуляторы (формальные и неформальные) – это требования к соблюдению нравственных норм в сфере экономики, предъявляемые субъекту как обществом в целом, так и отдельными заинтересованными сторонами. Такими сторонами для современной организации выступают потребители, поставщики, общественные организации, профсоюзные объединения, конкуренты, политические партии, экспертные советы и контролирующие органы (государственные и общественные), СМИ и т. д. Собственные требования к соблюдению норм могут быть и у иностранных партнеров (деловых сообществ, общественных движений и других заинтересованных групп), особенно представляющих государства иных общественно-экономических формаций и культурных традиций.

Внутренние нравственные регуляторы экономической активности субъекта также могут быть формальными и неформальными. Формальные – это декларируемые личностью или группой, закрепленные в кодексах нравственные нормы и правила поведения в этически спорных ситуациях, миссия и декларируемые цели. В то же время существует реальный уровень нравственной культуры, отличный от формального, а также – определенное отношение к декларируемым целям (их видение). Для группового субъекта (организации) этот реальный уровень не является просто результатом сложения нравственных убеждений ее членов, а определяется феноменами совместности, в частности особенностями корпора-

тивной культуры. Выполненное нами эмпирическое исследование, результаты которого представлены ниже, показали, что субъективные оценки организационной культуры весьма сильно разнятся у представителей одного коллектива и нередко являются проекцией личностных целей, мотивов и предпочтений. Как показало исследование, эти психологические феномены имеют тесные взаимосвязи с готовностью работников к соблюдению нравственных норм в деловом взаимодействии (Купрейченко, Молодых, 2008; Молодых, 2009).

В этой связи в структуре организационных отношений уместно выделить такой элемент, как *психологическая эффективность*, под которой мы понимаем психологическую способность и готовность коллектива организации выполнять поставленные перед ним задачи, в том числе готовность к необходимым или неизбежным изменениям внешней и внутренней среды организации. Психологическая эффективность организации тесно связана с такими феноменами, как корпоративная культура, а также психологический климат и атмосфера.

На рисунке 1 схематически изображена совокупность наиболее значимых детерминант нравственно-психологической регуляции экономической активности группового субъекта (организации). Стрелками показаны основные связи и направления влияния одних феноменов на другие. Кроме того, места их расположения являются зонами потенциальных конфликтов.

Наиболее часто очагами таких конфликтов являются противоречия между формальными кодексами и реальными отношениями (неформальными феноменами). Также нередко в противоречие вступают социально-психологические и экономические факторы. Это хорошо видно на примере взаимосвязи психологической и экономической эффективности деятельности организации. Экономическая и психологическая эффективности тесно связаны между собой: удовлетворенность условиями работы, системами материального и нематериального стимулирования, отношениями в коллективе способствует росту производительности труда, т. е. влияет на экономическую эффективность. В то же время экономически эффективная организация может создать своим работникам условия, наиболее полно соответствующие их ожиданиям и способствующие росту удовлетворенности трудом.

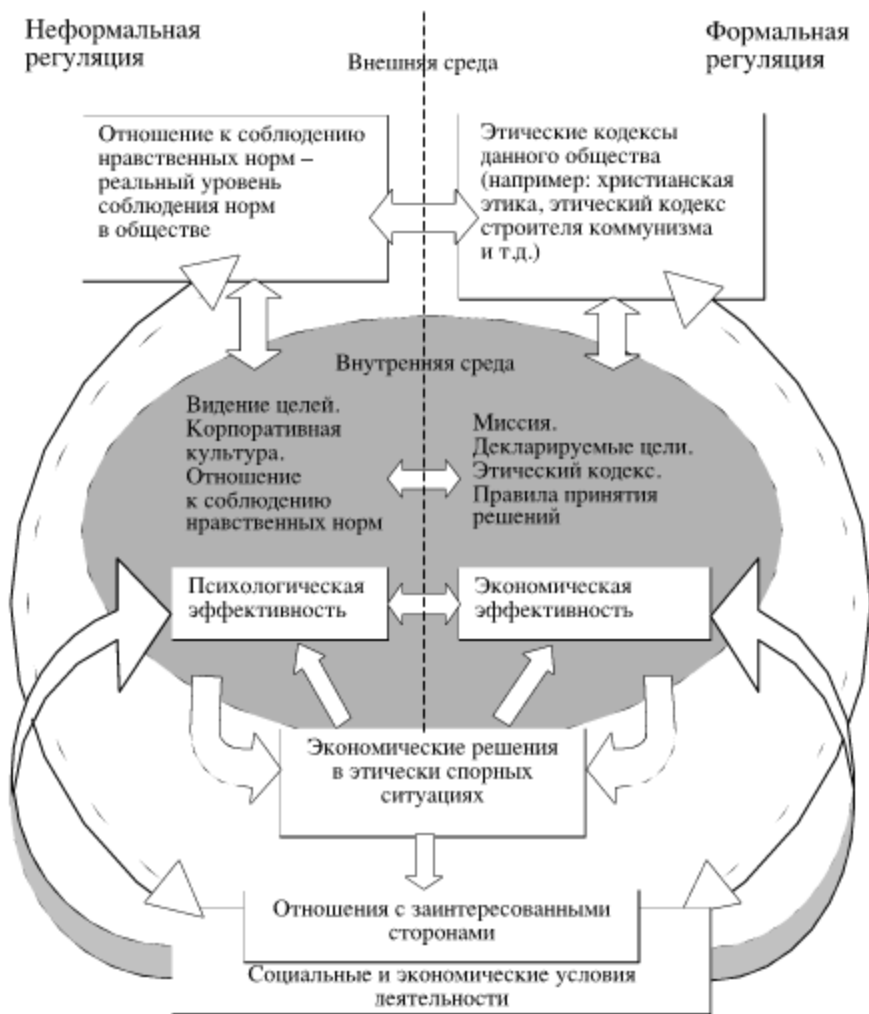
Однако в этически сложных ситуациях именно на стыке экономической и психологической эффективности возможно возникнове-

ние противоречий. Экономически выгодное, но неэтичное решение принесет дополнительную прибыль, что положительно скажется на психологической эффективности. В то же время неэтичное поведение окажет негативное влияние на отношения с партнерами, против которых эти действия направлены. Те предпримут ответные действия, что отрицательно скажется на экономическом результате.

Также могут осложниться отношения внутри организации, в частности, негативным следствием нарушения норм является потеря работниками уверенности при принятии решений. Это приведет к росту бюрократических барьеров между отдельными подразделениями и сотрудниками, что в итоге обернется лишними затратами времени и материальных ресурсов. Работники могут быть недовольны ухудшением отношений с партнерами и снижением имиджа организации. Многие из них не захотят идентифицировать себя с организацией, имеющей «подмоченную репутацию». Кроме того, несоблюдение норм сказывается на межличностных отношениях в коллективе, вызывает недоверие к руководству и коллегам. Могут возникнуть конфликты между теми, кто принимает неэтичные решения, и теми, кто выступает против этого. Общее ухудшение психологического климата будет нарастать и неизбежно приведет к снижению производительности труда. Даже такая упрощенная схема позволяет понять, что процессы взаимодействия социальных, экономических и психологических факторов нравственной регуляции имеют вид длинных «цепочек», имеющих определенную цикличность.

В приведенном выше примере на начальном этапе наиболее выражено влияние экономического фактора – дополнительного дохода, получаемого за счет применения неэтичных средств. Однако в долгосрочной перспективе влияние социально-психологических и личностных факторов накапливается (можно говорить о кумулятивном эффекте) и оказывает значимое влияние на жизнедеятельность субъекта, в том числе и на его экономическую эффективность.

Таким образом, процессы взаимодействия социальных, экономических и нравственных факторов характеризуются циклической динамикой, в которой чередуется преобладающее влияние то нравственных, то социальных, то экономических факторов. Отношение к соблюдению нравственных норм определяет уровень этичности экономического поведения субъекта – в этом состоит влияние нравственных факторов. Оценка этого поведения заинтересованными сторонами определяет отношение социального окружения

Рис. 1. Психологическая модель нравственной регуляции экономической активности группового субъекта (организации)

к субъекту. Сформировавшиеся отношения определяют прочность и широту социальных сетей (социального капитала) – в этом заключается социальная детерминация. Реализация потенциала социального капитала дает определенный экономический эффект. Рост капитализации повышает в глазах субъекта значимость социальных связей, которые позволяют получать ощутимый доход.

Соответственно, крепнет готовность субъекта к нравственному поведению в деловых отношениях – так проявляется экономическая детерминация. Высокий уровень отношения к соблюдению нравственных норм определяет выбор этических форм экономического поведения – это нравственно-психологическая детерминация. Таким образом, все феномены: экономические (капитал), нравственные (правила и нормы) и социальные (социальные сети), переходят на новый (в данном примере более высокий) уровень и процесс продолжается – развивается по спирали. В этом заключается *циклический характер нравственно-психологической регуляции экономического поведения.*

Из приведенной схемы видно, что *психологические феномены (отношения, мотивы, представления и т. д.)*, например, отношения к нравственным нормам, к окружающим социальным группам, к себе как экономическому субъекту и т. д. опосредствуют каждый этап нравственной регуляции экономического поведения – соединяют между собой экономические, социальные и нравственные феномены экономической активности. Психологические феномены являются результатом предыдущего этапа взаимодействия субъекта с окружающим миром и определяют его активность на следующем витке спирали.

Некоторые психологические отношения играют в этих процессах ключевую роль, поскольку в интегрированном виде определяют место, которое тот или иной объект занимает в *социально-психологическом пространстве субъекта* на данном этапе жизни. Такими объектами могут выступать все значимые для субъекта элементы его бытия: цели, ценности, виды и способы деятельности, материальные и социальные блага, а также формы их воплощения, общности людей или отдельные люди, различные виды отношений с ними и др. Положение объекта в социально-психологическом пространстве субъекта определяется путем ценностно-смысловой категоризации окружающего мира. Основаниями для категоризации может выступать большая совокупность критериев. В обыденной жизни наиболее распространенной является категоризация по признаку психологической близости – удаленности (психологическая дистанция), доверия – недоверия, уважения – неуважения, а также более общая категоризация по признаку значимости отношений различной модальности («свой», «чужой», «враждебный», «безразличный» и т. д.).

Таким образом, *циклическость характеризует процесс экономического самоопределения и его нравственно-психологической составля-*

ющей. Начальный этап характеризуется определением целей и ценностей экономической активности на основании общих жизненных смыслов, направленностей и потребностей, выбором видов, форм и способов поведения, отбором партнеров и определением норм и правил взаимодействия с ними. Сложившиеся отношения и полученные результаты деятельности, в свою очередь, корректируют все перечисленные выше элементы самоопределения. Например, успешная деятельность укрепляет идентичность, безуспешная снижает удовлетворенность; высокие экономические показатели открывают возможности для постановки новых целей, низкие – снижают уровень притязаний; заслуженное доверие приносит социальные и материальные дивиденды, эксплуатация доверия разрушает партнерские отношения и т. д. (Купрейченко, Табхарова, 2007; Табхарова, 2008).

В результате возникает необходимость переопределения в соответствии с достигнутой позицией в системе социальных и экономических отношений. Необходимо выбрать: двигаться тем же курсом, наращивая активность, или временно остановиться на достигнутом, кардинально сменить сферу деятельности или бороться за восстановление отношений и т. д. Подготовка реализации принятого решения, а именно осознание, творческое конструирование образа желаемого будущего и отношений, стратегическое планирование и т. д. составляют следующий этап процесса самоопределения, а его реализация – следующий этап экономической жизнедеятельности.

Важно также отметить, что нравственно-психологическая детерминация экономического поведения может протекать на различных уровнях – на уровне всего общества или социальных групп, на организационном уровне или на уровне отдельной личности. Как правило, неэтичный поступок «запускает» процессы сразу на нескольких уровнях. Особенно явно это можно проследить в случае, если такой поступок получает широкий резонанс – становится известен общественности, что сказывается на репутации субъекта. В отдельных случаях эти процессы могут быть разделены во времени, часть из них может протекать в скрытой (латентной) форме, до тех пор, пока накопившаяся негативная энергия не превысит определенный порог.

Справедливости ради необходимо отметить, что *неэтичное, но экономически выгодное поведение также может вызывать позитивные психологические эффекты и активизировать психологические механизмы, способствующие развитию субъектов эконо-*

мической активности. В частности, экономически эффективная деятельность способствует росту удовлетворенности работников своим материальным положением и формирует благоприятную психологическую атмосферу в организации. Как уже было сказано, экономически эффективная компания предоставляет своим работникам большие возможности для развития и роста, тем самым способствуя их самореализации. Соответственно, этическое поведение (например, компенсация вреда, причиненного окружающей среде), в результате которого организация терпит убытки, может снизить доходы акционеров и работников. Это вызовет у них недовольство политикой компании, а также может привести к конфликтам, обвинениям в адрес руководства и даже его смене. Следовательно, *нельзя говорить о том, что психологические результаты этического поведения имеют ярко выраженную положительную модальность, а неэтичного – отрицательную.*

Таким образом, выполненный анализ показывает, что нравственно-психологические факторы являются значимыми детерминантами экономического поведения. Они могут выступать как непосредственными причинами, так и предпосылками и опосредствующими звеньями различных социально-экономических феноменов. Прямые причинно-следственные связи между нравственно-психологическими и экономическими факторами проследить сложнее всего. Примером такого взаимодействия является ситуация, когда неэтичные цели, методы и приемы ведения бизнеса напрямую приводят к снижению доходов экономического субъекта, в частности, когда потребитель продукции или услуг, не соответствующих заявленному качеству, распознает обман и отказывается ее приобретать.

Примером прямого причинно-следственного воздействия являются ситуации, в которых жертва безнравственного поведения своим действием или бездействием наносит материальный ущерб обидчику. Существует множество примеров, когда наемные работники, в том числе менеджеры высшего звена, начинают злоупотреблять служебным положением на основании того, что руководство или учредители организации поступали с ними неэтично. В специальном эмпирическом исследовании были выделены основные блоки причин, по которым российские менеджеры допускают злоупотребления на вверенных им предприятиях: экономические, организационные, индивидуально-психологические и организационно-психологические, а также социокультурные (Журавлев, Ку-

прейченко, 2003). В блоке психологических причин основное место занимают завышенная самооценка менеджера, а также отсутствие доверия к собственникам предприятия и обида на них. Обиду чаще всего вызывает несправедливость в распределении полномочий или доходов. Еще одной причиной обиды является моральная недооценка заслуг. В качестве компенсации наемные менеджеры позволяют себе использовать вверенные им материальные ресурсы с выгодой для себя.

Другой пример прямого воздействия нравственно-психологических факторов – использование неэтичных приемов в рекламе. Результаты наших недавних эмпирических исследований показывают, что реклама, нарушающая нормы нравственности, вызывает отрицательные эмоции, снижает доверие к продукту и субъективную оценку качества товара. Такая реклама является экономически неэффективной (Журавлев, Купрейченко, 2007; Купрейченко, 2008).

Довольно часто нравственно-психологические факторы выступают в качестве предпосылок экономических изменений или опосредствующих звеньев. Например, формальные и неформальные нравственные нормы оказывают влияние на принятие решений в этически сложных ситуациях, выступают одним из критериев принятия экономических решений. Еще одним примером опосредствующего воздействия является влияние, которое оказывает на экономическую активность формирование имиджа экономического субъекта.

Подводя итог, перечислим выделенные нами **основные особенности нравственно-психологической регуляции экономического поведения** как особого вида психологической регуляции, которые и определили нашу концептуальную модель и содержание представленных ниже эмпирических исследований.

Во-первых, нравственно-психологические факторы могут выступать как формальные и неформальные детерминанты экономической активности субъекта. Формальная регуляция осуществляется посредством этических кодексов и декларируемых норм и нередко воспринимается как ограничивающая свободу субъекта. Неформальная регуляция – наиболее значимые ценности и идеалы – не ограничивает свободу, а сохраняет целостность субъекта и способствует его развитию.

Во-вторых, нравственно-психологическая регуляция осуществляется в неявном, часто неосознаваемом виде. В этически сложных ситуациях личность может испытывать противоречивые чувства,

связанные с борьбой мотивов, как следствие возникает внутренний нравственный конфликт, который проявляется как чувство вины, угрызения совести. Для его разрешения субъект использует различные модели поведения и защитные механизмы. Большая роль в разрешении этих конфликтов принадлежит саморегуляции.

В-третьих, воздействие нравственно-психологических факторов может проявляться через формирование отношения к различным социально-экономическим феноменам – к труду, собственности, деньгам. Отношения к этим феноменам имеют ярко выраженную нравственную окраску и могут характеризоваться внутренней конфликтностью.

В-четвертых, влияние нравственно-психологических факторов на экономическое поведение часто носит отсроченный характер. Однако в долгосрочной перспективе воздействие социально-психологических и личностных факторов накапливается (кумулятивный эффект) и оказывает значимое влияние на жизнедеятельность субъекта, в том числе и на его экономическую эффективность через формирование отношений с социальным окружением, репутации, самооэффективности и т. д.

В-пятых, нравственно-психологическая регуляция экономического поведения субъекта характеризуется цикличностью, при которой чередуется преобладающее влияние то нравственных, то социальных, то экономических факторов. Связующими звеньями между экономическими, социальными и нравственными феноменами выступают психологические феномены. Существуют и другие виды циклических процессов нравственно-психологического компонента экономического самоопределения: смена ведущей функции различных его элементов (критериев доверия и недоверия, субъективного экономического статуса, нравственной оценки экономических явлений) как результат неизбежного чередования стадий жизненного самоопределения, а также колебательная динамика экономического поведения как результат нравственных противоречий в экономическом сознании или латентного влияния различных факторов.

В-шестых, для нравственной регуляции как нормативной большое значение имеют стратегии и правила поведения субъекта по отношению к различным категориям людей и объектов. Поэтому особое место в концептуальной модели отводится таким комплексным феноменам, как социально-психологическое пространство, психологическая дистанция, доверие и недоверие различным группам людей и экономическим объектам.

В-седьмых, для изучения нравственно-психологической регуляции экономического поведения особо важен анализ ценностно-смысловой основы его жизнедеятельности как независимого, ответственного и развивающегося во времени субъекта. Это позволяет считать перспективным и прогностичным анализ нравственно-психологического аспекта экономического самоопределения. Важно также, что нравственно-психологическая составляющая экономического самоопределения является частью нравственного самоопределения субъекта. Соответственно, базовые элементы нравственного самоопределения (нравственные нормы, принципы, стратегии и др.) определяют нравственные оценки экономических феноменов и отношение к соблюдению нравственных норм в деловой сфере.

Нравственно-психологические компоненты и детерминанты экономического самоопределения

Выше было отмечено, что наиболее перспективным для изучения целостной системы нравственно-психологических факторов является анализ комплексных феноменов, одним из которых выступает **экономическое самоопределение субъекта**. Анализ самоопределения, под которым понимается поиск субъектом своего способа жизнедеятельности, способен дать достаточно полное и глубокое понимание мотивов, целей и направлений движения личности или группы в экономической сфере, социуме и собственной жизни.

Предметом нашего исследования выступали *нравственно-психологические компоненты экономического самоопределения субъекта*:

- 1) самоопределение в отношении морали и нравственности как части экономического сознания и социального института, регулирующего экономические отношения; т. е. самоопределение в системе мировоззрений, концепций нравственности, моральных ценностей различных эпох и культур как регуляторов экономической активности, в том числе стратегии поведения субъекта в случае возникновения в экономическом взаимодействии противоречий между различными мировоззрениями или этическими концепциями и т. д.;
- 2) самоопределение в отношении экономических объектов и явлений, в частности нравственная оценка экономических явлений и объектов, разных форм и видов экономических отношений и активности (мира бизнеса и делового мира, бедности и бо-

- гатства, собственности и денег, налогов и сбережений, разных способов производства и потребления, безработицы и кризисов, конкуренции и рекламы и т. д.), а также стратегии поведения в случаях столкновения эгоцентрических и просоциальных экономических мотивов субъекта и др.;
- 3) нравственное самоопределение в экономических отношениях с другими людьми, группами и обществом в целом, в том числе наделение нравственными смыслами отдельных видов этих отношений и взаимоотношений с различными категориями людей, а также формирование стратегий поведения при взаимодействии с ними в различных ситуациях и др.;
  - 4) самоопределение субъекта в отношении собственной нравственности в экономических отношениях, в том числе механизмы ее саморегуляции, в частности представления о нравственном идеале и эталоне, а также способах и критериях их достижения.

Выполненное с 1996 по 2009 гг. эмпирическое исследование, в котором приняло участие в общей сложности более 3500 человек, показало, что для наших современников характерна *противоречивость и неоднородность нравственно-психологической составляющей экономического самоопределения*. Так, у значительного процента населения имеет место негативная оценка денег, собственности, богатства. Почти для трети респондентов характерна амбивалентность нравственных оценок экономических благ. Это является результатом неоднократных радикальных изменений идеологии российского общества и социальных норм, признаком несформированности этических кодексов экономического взаимодействия. Амбивалентность и несформированность нравственно-психологических компонентов экономического самоопределения определяют особенности экономической активности субъекта и ее динамики (нелинейность, цикличность, колебательность и т. д.) (Горбачева, Купрейченко, 2006).

Для устранения и разрешения нравственных противоречий субъекты экономической активности используют различные психологические механизмы, в том числе разные формы психологической защиты. Ключевым механизмом является дифференциация соблюдения нравственных норм делового поведения в отношении представителей различных социальных категорий. Основаниями категоризации выступают принадлежность к различным группам социально-психологического пространства, психологическая дистанция, доверие и недоверие разной направленности. Эмпи-

рические исследования показали, что существуют нравственные качества, в большей или меньшей степени зависящие от этих факторов, в частности, правдивость личности в наименьшей степени обусловлена ими.

В ходе исследования подтвердилось предположение, что субъект в разной степени соблюдает нормы деловой этики в отношении представителей отдельных категорий своего социального окружения. Наиболее высокая степень нравственности характерна для деловых отношений с теми партнерами, в которых субъект заинтересован, которыми он дорожит и перед кем считает себя ответственным и т. д. (психологически близкие категории людей, «свои», оказывающие и вызывающие доверие, или, напротив, не доверяющие ему и контролирующие его). В отношении психологически далеких, безразличных, враждебных партнеров субъект может злоупотреблять доверием и отсутствием контроля ради собственной выгоды (Журавлев, Купрейченко, 2003; Купрейченко, Табхарова, 2007; Табхарова, 2008). Таким образом, соблюдение нравственных норм выступает регулятором взаимоотношений с различными категориями людей, способствует поддержанию сложившихся отношений, преодолению недоверия, формированию доверия и т. д. Соблюдая или не соблюдая нравственные нормы делового поведения, субъект самоопределяется в социально-психологическом пространстве и опосредствованно – в экономической активности.

Результаты выполненных эмпирических исследований подтвердили предположение о тесной взаимосвязи нравственно-психологических составляющих экономического самоопределения. В частности, на выборке из 244 руководителей малых и средних предприятий различной формы собственности установлены взаимосвязи отношения к деньгам, представлений о мире бизнеса, отношения к соблюдению нравственных норм делового поведения и других показателей экономического самоопределения. На основании самооценок возможностей повышения дохода, уровня экономической активности, его тенденций и перспектив выделены психологические типы экономической активности руководителей и сопоставлены показатели их отношения к деньгам и к соблюдению нравственных норм делового поведения, представления о мире бизнеса и другие показатели экономического самоопределения, а также использование ими психологических защит. Так, низкий уровень экономической активности характерен для руководителей, удовлетворенных имеющимся уровнем благосостояния, а также

неудовлетворенных им, но не видящих возможностей его повышения. Для обоих типов характерно отсутствие внутриличностного нравственного конфликта – они оценивают собственный уровень соблюдения нравственных норм близко к идеалу. Выявлено три типа руководителей с высокими оценками уровня экономической активности. В их числе молодые, с небольшим стажем деятельности, неудовлетворенные своим материальным благосостоянием – для них внутриличностный нравственный конфликт не характерен. Однако этот конфликт существует в сознании другого типа высокоактивных руководителей – имеющих значительный стаж и поддерживающих экономическую активность на высоком уровне скорее по инерции, а также во избежание снижения доходов. Анализ показывает, что внутриличностный нравственный конфликт является как следствием разинтеграции личности, так и закономерным этапом ее экономического самоопределения.

В ходе эмпирических исследований, выполненных на базе 25 организаций, были получены интересные данные о нравственно-психологической регуляции деятельности организации. На основании анализа литературы и эмпирических исследований показано, что психологический климат, отношение сотрудников к соблюдению нравственных норм и организационная культура представляют собой хотя и взаимосвязанные, но в то же время довольно независимые феномены, каждый из которых имеет свою особую систему детерминант. Разделяемые этические ценности, отношение сотрудников к нравственным нормам и их соблюдению при взаимодействии с разными категориями людей являются составляющими *этического компонента организационной культуры*. В свою очередь, психологический климат, несомненно, отражает *эмоциональный компонент организационной культуры* (в частности, клановая культура создает более дружелюбную атмосферу, чем другие). В то же время, взаимосвязь отношения к соблюдению нравственных норм, типологических особенностей организационной культуры и социально-психологического климата носит сложный и опосредованный характер. Так, отношение к соблюдению нравственных норм и психологический климат могут *определяться степенью сформированности, «силой» и «мощностью» организационной культуры*.

«Слабая» культура или отсутствие единой культуры будет приводить к непониманию, разногласиям и конфликтам, ухудшая тем самым психологическую атмосферу, снижая доверие, взаимопомощь и готовность к справедливому, ответственному и честному

поведению в организации. Важным фактором социально-психологического климата является *соответствие актуализированного и предпочитаемого работником типов организационной культуры*. Например, сотрудник, не склонный к работе в условиях соперничества и конкуренции (рыночный тип культуры), может испытывать негативные эмоции и отрицательно оценивать своих коллег. Неприятие существующей культуры значительным процентом работников будет приводить к «размыванию», «дрейфу» организационной культуры. Вероятно также, что отношение к соблюдению нравственных норм, являясь относительно устойчивой характеристикой личности, в большей степени связано не с существующим, а с предпочитаемым типом культуры. И, наконец, *имеются не связанные с организационной культурой факторы психологического климата и отношения к соблюдению нравственных норм*, такие, в частности, как социальные и экономические особенности жизнедеятельности организации. Например, успешность и эффективность деятельности, уровень и условия конкуренции, стабильность или кризисность внешней среды могут в высокой степени определять психологическую атмосферу, климат и уровень нравственности в организации независимо от типа ее культуры. Эти факторы также могут приводить к эволюционному или радикальному изменению ценностей, базовых представлений, норм и правил поведения различных групп работников организации и, соответственно, к динамике ее культуры.

Результаты эмпирического исследования подтверждают наличие описанных выше сложных взаимосвязей и не позволяют сделать вывод о большей или меньшей «нравственности» какого-либо типа организационной культуры (Купрейченко, Молодых, 2008; Молодых, 2009). Однако у каждого типа организационной культуры есть свои особенности построения организационных и управленческих отношений, определяющие особенности соблюдения тех или иных нравственных норм. Можно, например, сказать, что партиципативная и адхократическая (ситуативная) культуры обеспечивает большую терпимость и гуманность по отношению к независимым и уникальным работникам. В свою очередь, в иерархической (бюрократической) культуре довольно «жесткие» управленческие отношения сочетаются с психологически комфортными отношениями в среде рядовых работников.

Установлено, что уровень отношения к соблюдению нравственных норм взаимосвязан с функционально-динамическими харак-

теристиками культуры (силой и согласованностью). В частности, сочетание в одной организации ценностей конкурирующих типов культур (рыночный и клановый типы) приводит к снижению уровня терпимости, справедливости, правдивости и ответственности. Основными измерениями культуры, показавшими значимую корреляционную связь с готовностью к соблюдению нравственных норм, являются стиль управления и стратегические акценты организации, а именно: стиль управления, характерный для кланового типа культуры, связан с более низким уровнем ответственности, принципиальности, терпимости и правдивости; стратегические акценты рыночной культуры отрицательно связаны с уровнем справедливости и правдивости; акцент иерархической культуры на рентабельность, четкие графики и надежность сочетается с более высоким уровнем ответственности.

Заключение

В результате проведенного теоретико-эмпирического анализа доказано, что нравственно-психологические факторы выступают важными детерминантами экономического поведения наших современников. Нравственные ценности определяют, часто неосознаваемо, те смыслы, которыми субъект наделяет экономическую сферу своей жизнедеятельности и жизни общества, его материальные потребности и притязания. Нравственная модальность выражена в оценках субъектом отдельных видов социальных и материальных благ, экономических отношений и др. Отношения нравственности в значительной степени определяют выбор вида экономической активности, методы и средства достижения целей, а также специфику отношений с партнерами по деловому взаимодействию. Все эти формы нравственно-психологической детерминации экономического поведения различных социальных групп современной России нуждаются в обобщении и системном изучении.

Литература

- Богомолов О. Т. Нравственный фактор экономического прогресса // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки / Рук. исслед. проекта, науч. ред. О. Т. Богомолов. М.: Институт экономических стратегий, 2008. С. 359–371.
- Глазьев С. Ю. Нравственные начала в экономическом поведении и развитии: важнейший ресурс возрождения России // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние.

Научные записки и очерки / Рук. исслед. проекта, науч. ред. О. Т. Богомолов. М.: Институт экономических стратегий, 2008. С. 406–421.

Горбачева Е. И., Купрейченко А. Б. Отношение личности к деньгам: нравственные противоречия в оценках и ассоциациях // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 4. С. 26–37.

Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.

Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.

Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в условиях макросоциальных изменений – индикатор психологического состояния российского общества // Макропсихология современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во ИП РАН, 2009. С. 207–278.

Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.

Купрейченко А. Б., Молодых Е. Н. Нравственно-психологические и эмоциональные факторы организационной культуры // Вестник университета. 2008. № 8 (46). С. 82–87.

Купрейченко А. Б., Табхарова С. П. Критерии доверия и недоверия личности другим людям // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 55–67.

Молодых Е. Н. Взаимосвязь оценок организационной культуры и отношения сотрудников к соблюдению нравственных норм делового поведения: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.

Табхарова С. П. Взаимосвязь доверия и недоверия личности другим людям с отношением к соблюдению нравственных норм делового поведения: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОФИЛАКТИКЕ СОЦИАЛЬНО- НРАВСТВЕННЫХ ОТКЛОНЕНИЙ

А. В. Сухарев

Принцип исторической актуальности и этнофункциональная парадигма

Современный этап исторического развития, по мнению многих философов, ученых, а также деятелей литературы и искусства, характеризуется как всеобщий кризис, переломный момент истории (Давыдов, 1990 и др.). Этот кризис все больше захватывает и Россию. Одной из ключевых характеристик нарастающих негативных изменений является разрушение нравственной сферы личности и общества. К наиболее очевидным проявлениям данных негативных процессов относятся рост преступности, наркотизма, усиление межэтнической напряженности. В целом на современном этапе развития российского общества имеет место потеря направленности на соблюдение гражданских законов, религиозных заповедей и др. В частности, по общему количеству осужденных преступников Россия (627 заключенных на 100000 человек) уступает только США (751 заключенный на 100000 человек) (Щербаков, Щербакова, 2008). Кроме того, за последний год в России заметно возросло не только общее количество преступлений, но и, что важно для нашего исследования, количество рецидивов тяжких преступлений (Статистика преступлений, 2008), что свидетельствует о неэффективности как профилактики правонарушений, так и воспитательной работы с заключенными в местах лишения свободы.

Все более актуальной становится также и проблема злоупотребления психоактивными веществами, особенно среди молодежи. В частности, на 2006 г. в России свыше 60% больных наркоманией составляла молодежь в возрасте от 15 до 25 лет. В современных исследованиях по проблеме антинаркотического и антиалкогольного воспитания молодежи основное внимание уделяется роли медико-

биологических, социально-экономических и личностных факторов, пропаганде «здорового образа жизни» – разъяснению вреда от наркотиков, пользы от занятий физической культурой и спортом и пр., что, как показывает практика, является неэффективным (Личко, Битенский, 1991; Шустова, 2007 и др.).

На наш взгляд, основная проблема выхода из сложившегося кризиса лежит в разработке новой эффективной методологии, не на словах, а на деле учитывающей специфику современного культурно-исторического момента, в выработке соответствующей долговременной стратегии и методов работы. С целью преодоления сложившейся ситуации необходимо во всем разнообразии проявлений кризиса современной цивилизации выявить наиболее важные или смыслообразующие факторы, выражающие ключевые социально-психологические и духовно-нравственные стороны бытия современного человека и определяющие направление культурно-исторического развития в настоящий момент. Роль модели, объясняющей поведение личности и общества в различные исторические моменты, была показана Э. Эриксоном (1975). Базовые принципы, которые должны лежать в основе новой парадигмы мышления (Шихирев, 1993), в условиях современного культурно-исторического кризиса могут быть определены с помощью введенного нами принципа *исторической актуальности*.

Именно в кризисные эпохи, когда человеку в значительной мере присуще «кризисное сознание» (Давыдов, 1990), люди обращаются к «вечным» этническим ценностям, играющим роль этнокультурных информационных фильтров, которые регулируют нарастающие потоки информации, воздействующие на современного человека (Сусоколов, 1990; Тоффлер, 1973; Сухарев, 2008). В связи со сказанным выше, методологически исходным для решения актуальных проблем современного человечества является, казалось бы, очевидное положение о том, что «человечество – это народы» (Бромлей, Подольный, 1990). Обращает на себя внимание тот факт, что с конца 1970-х годов в отечественных и зарубежных исследованиях отмечается возрастание роли этнических факторов в жизни как общества в целом, так и отдельного человека. Положение о том, что «человечество – это народы», отражено в т.н. этнической парадигме, понимаемой как представление о приоритете этнических форм общности в жизни людей (Бромлей, 1983; Козлов, 1995). Этнические признаки мы рассматриваем как систему *элементов* внутренней (психика, антропо-биологические характеристики человека),

внешней (социокультурное и природное окружение) и «трансцендентной» (в нашем понимании *духовный мир идеальных прообразов – Бог, духи природных стихий, прообразы научных теорий*) сфер человека, которую мы называем *этносредой*. С учетом «этнокультурной мозаичности» современного человечества, все элементы этносреды в нашем подходе наделяются *этнодифференцирующей* и *этноинтегрирующей* функциями. Любой элемент этносреды либо интегрирует человека в тот или иной этнос или этническую систему, либо дифференцирует с ней. Применение понятия этнической функции к развитию и функционированию личности и общества осуществляется в ходе реализации нового методологического подхода в психологии, который мы называем *этнофункциональным*. В условиях современного «поликультурного» общества *этнофункциональная парадигма* более адекватна для изучения проблем «цивилизованного» человека по сравнению с парадигмой этнической.

В психике человека этнофункциональная среда представлена, в частности, как система устойчивых «вторичных образов» (образов памяти, воображения и др.) и составляет *образную сферу личности* (Гостев, 2007). В рамках этнофункционального подхода может рассматриваться этническая функция вторичных образов и их модальностей – эмоциональной, когнитивной, нравственной и др. и ее роль в адаптации и развитии человека. Образная сфера личности в теоретическом приближении отражает всю систему этносреды и, тем самым на психологическом уровне объединяет в единую систему биологические, культурные, духовные и другие параметры человека. Категория образа является той «единицей психического» (Шихирев, 1993), которая позволяет описывать ментальность как личности, так и общества.

Этнофункциональная парадигма в психологии включает следующие методологические принципы: *исторически актуальный* и базовый для нашего подхода *принцип этнофункциональности*, а также принципы *этнофункциональной системности*, *этнофункционального единства микро- и макрокосма*, *этнофункционального развития* и *принцип этнофункционального детерминизма*.

Основой этнофункционального подхода к развитию личности и общества является представление об *этнофункциональной архегении личности и этносреды*, опирающееся на введенное нами философское положение об *архегении* как идеальном прообразе развития. Эта концепция позволяет определить системное понятие психического, социального или нравственного (духовного)

здоровья (нормы) не как «отсутствие патологии или отклонений», а именно как позитивное содержание психического здоровья и правильного воспитания в определенной этносреде. На практике всегда имеется расхождение между идеальным прообразом содержания и последовательности этапов исторического развития ментальности конкретной этносреды (архегении этносреды) и последовательностью и содержанием стадий реального развития образной сферы личности. Степень этого расхождения определяется в соответствии с оценками компетентных специалистов-этнологов (этногеографов, этнолингвистов, этнобиологов, религиоведов и др.), т. е. *этнофункциональными критериями*.

В соответствии с критериями парадигмы (Шихирев, 1993), базовой наукой этнофункциональной парадигмы, как мы уже упоминали, является этнология, а *ведущим методом* психодиагностики личности – исследование онтогенеза ее образной сферы (ментальности), в частности, клиническим методом *структурированного этнофункционального интервью*. Ведущим методом формирования и коррекции является, в свою очередь, *этнофункциональная психотерапия, психопрофилактика и воспитание*. Ведущим методом исследования (диагностики) ментальности общества (см.: Гуревич, 1991), понимаемой нами как образная сфера общества на различных этапах исторического развития конкретной этносреды, является метод историко-психологической реконструкции (о методе см.: Кольцова, 2004). Ментальность общества на различных этапах развития этносреды, согласно принципу этнофункционального единства микро- и макрокосма, является в наших исследованиях ориентиром для формирования образной сферы личности, например, в процессе воспитания на соответствующих стадиях ее развития. В развитии культуры (и этносреды в целом) можно выделить определенные этапы (см.: Лосев, 1957; Фомина, 1990 и др.). В русской этносреде мы выделяем доисторический, природный (фетишизм), анимистический, христианский этапы, а также этап просвещения, синтеза и будущий этап – мудрости. По аналогии с данными этапами и в соответствии с принципом этнофункционального единства микро- и макрокосма в онтогенезе личности рассматриваются следующие стадии – пренатальная (образная сфера матери в период беременности), природная (оптимальный возрастной период прохождения – от 1 до 5 лет), сказочно-мифологическая (2–5 лет), религиозно-этическая (6–8 лет), просвещения (7–9 лет), синтеза (психическая зрелость человека) и мудрости (идеальное будущее).

Оптимальные возрастные границы стадий устанавливались эмпирически по критерию минимизации степени психической дезадаптированности испытуемых по психиатрическим, психологическим, психосоматическим и социальным показателям и, в принципе, могут перекрываться (Сухарев, 2008).

Нарушения этнофункционального развития образной сферы личности проявляются в наличии этнодифференцирующих образов на различных стадиях, нарушении последовательности прохождения личностью данных стадий или их «выпадении», что, в свою очередь, обуславливает широкий спектр психических, психосоматических и социально-нравственных отклонений в поведении личности (см.: Сухарев, 2008). Для практики является важным, что процессы *психотерапии, психопрофилактики, психологической реабилитации, воспитания и обучения*, традиционно трактуемые как различные, в этнофункциональной методологии понимаются как стороны единого процесса восстановления направленности личности на идеальный прообраз развития (архегению) этносреды ее рождения и проживания.

В соответствии со сказанным выше проблему *нравственной консолидации ментальности России* мы понимаем как необходимость воспитания направленности развития личности и общества на этнофункциональную архегению русской этносреды (*архегеничной направленности*). Воспитание данной направленности может быть обеспечено необходимыми изменениями, прежде всего в содержании образования, а также в информационной политике (СМИ и др.) (подробнее см.: Сухарев, 2008). Предполагаемые результаты таких изменений можно прогнозировать на основе соответствующих пилотажных эмпирических исследований психологических причин криминального поведения и зависимостей от психоактивных веществ (ПАВ) и межэтнической напряженности.

Результаты этнофункционального исследования личности у осужденных за убийства и нанесение тяжких телесных повреждений

В науке существует ряд подходов, в рамках которых раскрывается проблема детерминант криминального поведения – биологический, социальный (социально-психологический), психологический, поведенческий, экологический и др. (см.: Адлер, 1913; Дюркгейм, 1994; Халлаган, Кауфман, 1976 и др.). В психолого-педагогическом аспекте, согласно отечественным авторам, перевоспитание осужденных основано, во-первых, на соблюдении режима в исправительных

учреждениях, во-вторых, на производительном труде, в-третьих, на религиозном воспитании. Режим отбывания наказания рассматривается как «гуманная социальная среда», где большую роль в «перековке личности» играет производительный труд, а также посещение храма и чтение религиозной литературы (Васильев, 2005; Ушатилов, Казак, 2001; Макаренко, 1960; Основы православия..., 2008; Особенности религиозного воспитания..., 2002; Сборник нормативных документов..., 2000 и др.). При этом, как уже отмечалось выше, рост количества преступлений и рецидивов указывает на неэффективность воспитательной работы, проводимой с осужденными в исправительных учреждениях.

В ходе этнофункционального экспериментально-психологического исследования было осуществлено сравнение 2 групп испытуемых: 1) *группа законопослушных* – 83 человека (по самоопределению: 75 русских, 2 татарина, чуваш, башкир, еврей, украинец, коми, лезгин) в возрасте от 20 до 25 лет – студенты III курса государственной академии славянской культуры и курсанты IV и V курсов Академии гражданской защиты МЧС России; 2) *группа осужденных за убийство и нанесение тяжких телесных повреждений* – 63 человека в возрасте от 20 до 33 лет, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. В качестве методов исследования использовались: анализ личных дел осужденных, метод этнофункционального интервью и метод Роршаха.

В целом, как показывают результаты настоящего исследования, у осужденных за убийство и нанесение тяжких телесных повреждений преобладают нарушение этнофункционального развития образной сферы личности на природной и сказочно-мифологической стадиях. Согласно принципу этнофункционального развития, нарушение на природной и сказочно-мифологической стадиях обуславливает нарушение и на религиозно-этической – у осужденных первые представления о Боге, грехе, справедливости появляются с 8 лет и в более старшем возрасте. При этом у законопослушных испытуемых, в отличие от осужденных, первые представления о Боге, грехе и справедливости относятся к более раннему, чем оптимальный, возрасту (до 6 лет), что, по всей видимости, является фактором, сдерживающим возникновение криминального поведения, хотя и обуславливает в последствии повышение уровня тревоги (см.: Шапорева, 2007). К тому же они чаще, чем осужденные, придерживаются мнения, что законопослушание всегда является хорошим качеством.

У большинства обследованных в обеих группах самые ранние детские воспоминания о природе составляли образы родной природы (82% у законопослушных и 73% у осужденных). В образной сфере осужденных образы природы и религиозные представления появляются в более позднем возрасте (с 8–9 лет), чем у законопослушных – т. е. имеет место нарушение (задержка) этнофункционального развития на природной и религиозно-этической стадиях. При этом известно, что неконтролируемая эмоциональность свойственна относительно более ранним возрастам (Беспалько, Раева, 1978). С учетом сказанного, на основании принципа этнофункционального развития можно предположить, что более выраженная неконтролируемая эмоциональность у осужденных имеет место именно вследствие указанных нарушений этнофункционального развития личности. Преобладание в группе осужденных неконтролируемой тревоги соответствует результатам известных исследований Ю. М. Антоняном, М. И. Еникеевым и В. Е. Эминовым роли тревоги в возникновении криминального поведения (1996).

Важным результатом исследования «пространственного» аспекта образной сферы является предпочтение осужденными образов экзотических ландшафтов и животных. Данный факт, в соответствии с принципом этнофункциональной системности, может объяснять их склонность к криминальному поведению как проявление этнодифференцирующей контркультуры.

В соответствии с полученными результатами, можно предположить, что в процесс воспитания осужденных следует включать формирование у них позитивного отношения к образам родной природы и фауны, а также к их трансцендентным сказочно-мифологическими прообразами – духам природных стихий, явлений, представителям животного мира родной этносреды. В соответствии с принципами этнофункционального развития и системности, это будет способствовать восполнению неполноценно усвоенного образного содержания природной и сказочно-мифологической стадий этнофункционального развития, что, в свою очередь, обеспечит полноценное усвоение норм религиозно-этической стадии и, соответственно, более положительное отношение к законопослушанию.

Проблема *предупреждения правонарушений* среди подростков и молодежи в настоящее время приобрела особую значимость. Очевидно, что эффективность профилактики оставляет желать лучшего. На наш взгляд, такое положение связано с отсутствием системной и актуальной на современном этапе культурно-исторического

развития методологии, девальвацией ее значимости для практики и, как следствие, ее отнесение к области «бесплодного умствования, далекого от жизни». Вместе с тем, применение методологических принципов этнофункциональной системности, развития и единства микро- и макрокосма позволяет выявить, на первый взгляд, весьма неожиданные практические аспекты решения рассматриваемой проблемы. Этнофункциональный подход позволяет рассматривать проблему *перевоспитания преступников* в единстве с проблемой *первичной профилактики криминального поведения*. Особенно остро встает вопрос поиска новых методов психопрофилактики криминального поведения в подростковом возрасте.

Результаты этнофункционального исследования личности подростков, склонных к делинквентному поведению

Этнофункциональное экспериментально-психологическое исследование проводилось в ГОУ СОШ № 1316 на контингенте 90 учащихся средней школы, в возрасте 13–14 лет. Все испытуемые были обследованы по методике диагностики склонности к делинквентному поведению (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002) и затем разделены на 2 группы по 20 человек. В первую группу отбирались дети с выраженными показателями склонности к делинквентному поведению. Исходным критерием отбора в «делинквентную» группу служили показатели в баллах, превышающие норму по шкале склонности к делинквентному поведению в целом. В группу «условная норма» набирались дети с относительно низким уровнем баллов по шкале склонности к делинквентному поведению. Кроме того, обе группы были обследованы по методике диагностики тревожности Филипса (Рогов, 2000) и по тесту Роршаха (Bohm, 1972). Для получения данных об отношении к морально-нравственным ценностям у испытуемых выявлялось отношение к библейским заповедям, так как последние составляют основу нравственности для людей, исповедующих христианство (все подростки обеих групп считали себя христианами). Отношение к библейским заповедям считалось оптимальным, если испытуемый полагал, что им нужно следовать в любом случае. Отношение считалось нарушенным, если испытуемый полагал, что следовать им не обязательно или что при определенных обстоятельствах заповеди можно нарушать.

В образной сфере личности у испытуемых «делинквентной» группы, по сравнению с «условной нормой», были выявлены следующие нарушения этнофункционального развития. В онтогенезе образной сферы личности испытуемых «делинквентной» группы

в возрасте после 5 лет преобладали либо этнодифференцирующие, либо этноинтегрирующие образы природы. В возрасте до 5 лет у испытуемых «делинквентной» группы, в отличие от группы «условной нормы», этноинтегрирующие образы природы отсутствовали. В «делинквентной» группе по сравнению с «условной нормой» преобладало предпочтение этнодифференцирующих ландшафтно-климатических образов. Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что в «делинквентной» группе, по сравнению с «условной нормой», имеют место соответствующие нарушения этнофункционального развития личности на природной стадии и, по-видимому, как следствие этого в момент обследования в образной сфере личности присутствовали этнодифференцирующие образы природы. Задержка природной стадии развития и наличие в ее содержании этнодифференцирующих образов связано с преобладанием у испытуемых тревожных и тоскливых состояний (Сухарев, 2008).

В этнофункциональном онтогенезе личности в «делинквентной» группе и в группе «условной нормы» практически отсутствуют различия (и отсутствуют нарушения) в прохождении религиозно-этической стадии, причем, как уже отмечалось, подростки обеих групп называли себя «христианами». При этом имеются различия в отношении к христианским заповедям на момент обследования – в «делинквентной» группе все заповеди отвергаются. На наш взгляд, это свидетельствует о недостаточно «фундированном» усвоении детьми из «делинквентной» группы религиозно-этических норм и, в соответствии с принципом этнофункционального развития, может быть связано с наличием у них нарушений на более ранней природной стадии.

Отметим также, что повышенные показатели уровня тревоги и снижение способности к интеллектуальному контролю тревоги в «делинквентной» группе по сравнению с «нормой» были выявлены, соответственно, по методике Филипса и по тесту Роршаха.

В связи с тем, что повышенный уровень тревоги является условием возникновения делинквентного поведения (Антонян, Еникеев, Эминов, 1996), полученные результаты позволяют сделать следующий вывод – нарушение этнофункционального развития образной сферы личности на «природной» стадии и наличие в ней предпочитаемых этнодифференцирующих образов природы связано с возникновением делинквентного поведения. Кроме того, можно утверждать, что хотя отвержение христианских заповедей связано со склонностью подростков к делинквентному поведению, это от-

вержение, в свою очередь, может быть обусловлено нарушением этнофункционального развития личности на природной стадии.

Этнофункциональное исследование личностных детерминант зависимостей от психоактивных веществ

К настоящему времени проведено значительное количество экспериментально-психологических и клиничко-психотерапевтических этнофункциональных исследований зависимостей от психоактивных веществ (ПАВ). Результаты этих исследований показывают, что различные нарушения этнофункционального развития личности обуславливают разные типы зависимостей – опиийные, психостимуляторные, алкогольные и другие. (Сухарев, 2008 и др.).

Существенным является, во-первых, то, что употребление ПАВ может быть обусловлено нарастающей психологической дезадаптированностью молодежи, депрессивными состояниями, тревогой, определенными эмоциональными расстройствами (Волошин, 2004; Пятницкая, 1994; Бехтель, 1986 и др.). Во-вторых, важно, что нарушения в эмоциональной сфере могут неадекватно купироваться с помощью ПАВ (Бехтель, 1986; Данилин, Данилина, 2000; Пятницкая, 1994 и др.). Возможность неадекватного купирования с помощью ПАВ состояний психической дезадаптированности, а также то обстоятельство, что распространение ПАВ в молодежной среде характеризуется «сверхпредложением», в определенной мере могут объяснять злоупотребление ПАВ в студенческой среде.

Вместе с тем, эмоциональные расстройства в современных условиях во многом могут быть связаны с влиянием культурных изменений, обусловленных ростом межкультурных коммуникаций, миграций, влиянием СМИ и пр., нарастанием скорости информационных культурных потоков (Тоффлер, 1973 и др.). «Мультикультурность» и «этнокультурная мозаичность» современного общества еще в большей мере осложняют учет такого влияния. При этом, например, роль культурных факторов в росте употребления молодежью ПАВ остается вне поля зрения большинства исследователей (Брюн, 1993 и др.). Этнофункциональный подход к исследованию зависимостей и профилактики употребления ПАВ позволяет подойти к проблеме с позиций системного учета возможных факторов риска.

Рассмотрим результаты одного из эмпирических исследований по психопрофилактике употребления ПАВ (Шустова, 2007). В нем приняли участие студентки 1–4 курсов Медицинского колледжа МИИТа. Было анонимно обследовано 263 человека, в возрасте от 15 до 19 лет. Все участницы эксперимента (всего 263 человека) были

разделены нами на 4 группы по типу употребления ПАВ. В 1-ю группу «условная норма» вошли студентки, вообще не употребляющие ПАВ или редко (2–3 раза в год) употребляющие алкоголь – 108 человек. Во 2-ю группу – студентки, регулярно употребляющие алкоголь (1–2 раза в месяц) в сочетании с табаком (ежедневно) – 73 человека. 3-ю группу составили студентки, регулярно употребляющие алкоголь (2–3 раза в месяц) в сочетании с марихуаной (1 раз в месяц) – 18 чел.; 4-ю – студентки, регулярно употребляющих алкоголь (1 раз в неделю) в сочетании с табаком (ежедневно) и марихуаной (1 раз в месяц) – 64 чел. В исследовании использовался метод этнофункционального интервью и этнофункциональной коррекции (Сухарев, 2008).

Результаты констатирующего эксперимента. Алкоголь употребляли 92% студенток, курили табак 52%, употребляли марихуану 31%. Все участницы эксперимента родились и проживали в средней полосе России и обучались в школах на русском языке.

В результате исследований у всех испытуемых были выявлены те или иные нарушения этнофункционального развития образной сферы личности. У всех студенток было выявлено наличие этнодифференцирующих образов на сказочно-мифологической стадии развития личности (они, наряду с русскими сказками, сохранили ранние детские воспоминания об инокультурных народных и авторских сказках, см.: Шапорева, 2007). Было установлено, что количество этнодифференцирующих образов этносреды у студенток связано с частотой и типом употребляемых ими ПАВ. Начало природной и сказочно-мифологической стадии после 5-и лет, предпочтение этнодифференцирующего типа питания, религиозных представлений, а также образов природы и климата чаще встречается у студенток, регулярно употребляющих алкоголь в сочетании с табаком и/или с марихуаной. Около 90% обследованных имеют смешанное содержание сказочно-мифологической стадии, что связано с возникновением ведущего тревожного аффекта (купируется табаком) (см.: Сухарев, 2008 и др.).

Результаты формирующего эксперимента. На основании результатов констатирующего эксперимента мы предположили, что восстановление этноинтегрирующего содержания образной сферы личности природной и сказочно-мифологической стадий повлечет за собой этноинтегрирующее изменение отношений студенток к ПАВ. В качестве методик психолого-педагогических воздействий применялись: психотерапевтическое «погружение» в любимый уго-

лок природы, элементы сказкотерапии, психодрамы и др. В процессе психолого-педагогических воздействий методом этнофункциональной коррекции (см.: Сухарев, 2008) у студенток восстанавливалась целостность двигательной и эмоциональной модальностей образов родной природы, опосредствованных фольклорными сказочно-мифологическими трансцендентными представлениями, специфическими для русской этносреды.

В формирующем эксперименте участвовали две учебных группы студенток 2-го курса: экспериментальная группа – 24 человека и контрольная группа – 25 человек.

Количество этнодифференцирующих образов природы и климата у студенток экспериментальной группы уменьшилось. Количество студенток с началом «природной» стадии с 3–4 лет (по показателю наличия воспоминаний о родной природе), а сказочно-мифологической стадии – в возрасте до 5 лет (по показателю наличия воспоминаний о сказочных образах) достоверно увеличилось.

В то же время в экспериментальной группе уменьшилось количество студенток, положительно относящихся к пиву, и возросло количество равнодушных к нему. Также уменьшилось количество студенток с позитивным и увеличилось количество с негативным отношением к крепким спиртным напиткам и вину. Следует отметить, что, как и до, так и после цикла занятий, отношение студенток к «тяжелым» наркотикам (опиаты) было отрицательным (100%). Уменьшилось количество студенток, позитивно относящихся к марихуане, и увеличилось количество равнодушных к данному наркотику. Выявлена также тенденция к снижению позитивного отношения студенток к табаку и к самому процессу курения.

За время работы экспериментальной группы отношение студенток *контрольной группы* ко всем типам ПАВ, количество нарушений у них этнофункционального развития личности на природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадиях, а также уровень тревоги остались без изменений.

Анализ результатов констатирующего и формирующего экспериментов показал, что регулярное употребление ПАВ не связано с нарушениями этнофункционального развития личности на религиозно-этической стадии. Т. е. не только у студенток, не употребляющих ПАВ, но и в группах, употребляющих ПАВ, не было выявлено нарушений развития личности на религиозно-этической стадии. Мы полагали, что этот факт имеет место из-за недостаточной проработанности в онтогенезе употребляющих ПАВ предыдущих стадий

этнофункционального развития – природной и сказочно-мифологической и, как следствие, относительно формального, недостаточно «прочувствованного» усвоения этических и (или) религиозно-этических норм. Действительно, во всех обследованных группах были выявлены нарушения этнофункционального развития личности на природной и сказочно-мифологической стадиях (их «задержка») по сравнению с «условной нормой». Отсутствие достоверных различий по количеству нарушений этнофункционального развития личности между группами студенток, не употребляющих ПАВ или изредка употребляющих только алкоголь, может быть связано с тем, что умеренное («культурное») употребление алкоголя укоренено в русской этносреде (выполняет этноинтегрирующую функцию, в отличие, например, от этносреды арктических монголоидов). Алкоголь неотъемлемо связан с европейскими (в том числе русской) традиционными культурами (варка меда и пива в процессе сельскохозяйственного цикла, в христианстве – вино в таинстве евхаристии и пр.). Этнодифференцирующим для русской этносреды является слишком частое и слишком обильное употребление алкогольных напитков, особенно крепких.

На первый взгляд, парадоксальным является увеличение в процессе формирующего эксперимента количества студенток, имеющих ранние воспоминания о родной природе (с 3–4 лет) и о сказочно-мифологических образах (до 5 лет). Однако воздействие на сказочно-мифологическое содержание образной сферы личности, по-видимому, изменило представление студенток о собственных детских воспоминаниях, расширило их «когнитивную ретроспективу» за счет снижения эмоционального торможения когнитивных процессов в процессе психолого-педагогических воздействий, осуществляемых на этноинтегрированном материале.

В соответствии с принципом этнофункционального развития, восстановление образной сферы личности на сказочно-мифологической и природной стадиях обуславливает снижение у студенток позитивного отношения к алкоголю и марихуане. Можно предположить, что это происходит благодаря тому, что восстановление этноинтегрирующих элементов образной сферы личности способствует снижению у них степени психической дезадаптированности. Это может снижать, в свою очередь, потребность в употреблении ПАВ, неадекватно компенсирующих данную дезадаптированность.

Незначительность (на уровне тенденции) снижения позитивного отношения студенток к табаку, возможно, связано с толерантно-

тью общества к данному ПАВ и широкой пропагандой в СМИ образа «курящей деловой женщины».

Снижение позитивного и рост негативного отношения студентов к этноинтегрированному в русскую этносреду алкоголю (по сути – к злоупотреблению алкоголем) могут быть обусловлены «фундированием» в процессе психолого-педагогических воздействий имеющегося у них недостаточно нравственно-отрицательного отношения к алкоголю посредством восстановления нарушений этнофункционального развития образной сферы личности на природной и сказочно-мифологической стадиях. На данных стадиях формируется, в частности, способность к эмоциональному контролю и, в соответствии с принципом этнофункционального развития, создается основа для более полноценного усвоения этических и/или религиозных норм «религиозно-этической» стадии этнофункционального развития личности в русской этносреде.

Положение об этнофункциональной системности образной сферы личности также может служить объяснительным принципом для того факта, что восстановление этноинтегрирующих природных и сказочно-мифологических образов личности обуславливает у испытуемых этноинтегрирующие изменения во всей образной сфере личности, в том числе этноинтегрированное (т. е. негативное) отношение к ПАВ.

Этнофункциональное исследование личностных условий межэтнической напряженности

Положение об этнофункциональной системности образной сферы личности согласуется также с результатами исследований С.Л. Бухаревой. Она показала, в частности, что восстановление позитивного отношения еврейских подростков (родившихся в России) к образам родной природы и климата повышает их позитивное отношение к еврейской и русской культурам и традициям, к национальным особенностям собственной внешности и внешности других народов (2005).

В **заключение** отметим, что неэффективность и, соответственно, основной недостаток используемых в настоящее время методов нравственного воспитания заключается в отсутствии необходимого акцента на содержание онтогенетически более ранних стадий развития образной сферы личности, таких как образы родной природы, фольклор и другие аспекты культуры. Проведенные исследования позволяют сделать вывод об эффективности воспитания направленности личности и общества на этнофункциональную

архегию русской этносреды как системного метода психопрофилактики *социально-нравственных отклонений – наркотизма, алкоголизма, криминального поведения, сопутствующих психических расстройств и межэтнической напряженности*. В воспитании данной направленности, на наш взгляд, состоит важная составляющая формирования ментальности личности и общества в России как нравственной основы национальной идеи нашей страны.

Литература

- Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Еминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юристъ, 1996.
- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г. Человечество – это народы. М.: Мысль, 1990.
- Брюн Е. А. Введение в антропологическую наркологию // Вопросы наркологии. 1993. № 1. С. 72–78.
- Беспалко И. Г., Раева М. Н. О применении метода Роршаха в изучении возрастных особенностей психического развития // Медико-психологические аспекты реабилитации детей с психическими заболеваниями. Л.: Медицина, 1978.
- Бехтель Э. Донозологические формы злоупотребления алкоголем. М.: Медицина, 1986.
- Бухарева С. Л. Особенности формирования этнической идентичности у подростков в этнически ориентированных учебных центрах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: 2005.
- Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб: Питер, 2005.
- Волошин В. М. Депрессия: психопатология, патогенез. М.: Изд-во Бинном, 1980. С. 40–46.
- Гостев А. А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
- Гуревич А. Я. История и психология // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 4. С. 3–16.
- Давыдов Ю. Н. Кризисное сознание // Современная западная социология. М.: ИПЛ, 1990. С. 143–144.
- Данилин А. Г., Данилина И. В. Советы врачей для подростков и их родителей. М.: Центрполиграф, 2000.
- Дюркгейм Э. Социология преступности. М.: Мысль, 1966.
- Козлов В. И. Этнос // Этнические и этносоциальные категории. М.: ИЭА РАН, 1995. Вып. 6. С. 151–153.
- Кольцова В. А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.

- Личко А. Е., Битенский В. С.* Подростковая наркология. Л.: Медицина, 1991.
- Лосев А. Ф.* Античная мифология. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957.
- Макаренко А. С.* Методика организации воспитательного процесса. Сочинения. М.: АПН РСФСР, 1960. Т. 5.
- Основы православия в системе пенитенциарных учреждений. 2008. <http://www.pobeda.ru/zone/index.html>.
- Особенности религиозного воспитания осужденных. 2002. <http://revolution.allbest.ru>.
- Пятницкая И. Н.* Наркомании. М.: Медицина, 1994.
- Рогов Е. И.* Настольная книга практического психолога. М.: Владос-Пресс, 2000.
- Сборник нормативных документов и методических рекомендаций по организации воспитательной работы с осужденными в ИУ. 2000. <http://www.alrus.info/main.php>.
- Статистика преступлений. 2008. <http://old.cry.ru/theme.shtml>.
- Сусоколов А. А.* Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1990. Вып. 20. С. 5–40.
- Сухарев А. В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
- Тоффлер О.* Футушок. М.: Прогресс, 1973.
- Ушатиков А. И., Казак Б. Б.* Основы пенитенциарной психологии. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2001.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.
- Фомина В. Н.* Постиндустриальное общество // Современная западная социология. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 270–271.
- Шаноперева А. А.* Роль этнической функции содержания сказок в развитии гармоничного взаимодействия когнитивных и эмоциональных сторон отношений у младших школьников и подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Шихирев П. Н.* Эволюция парадигмы в современной социальной психологии: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1993.
- Шустова В. О.* Этнофункциональный подход к антинаркотическому и антиалкогольному воспитанию молодежи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.

- Щербаков Г. В., Щербакова О. А. Социально-психологические особенности тюремного сообщества в пенитенциарных учреждениях США // Прикладная юридическая психология. 2008. № 2. С. 29–35.
- Bohm E. Lehrbuch der Rorschach Psychodiagnostik. Bern: Hans Huber, 1972. S. 208–211, 214.
- Erikson E. Life history and the historical moment. N. Y.: Harper and Row, 1975.
- Hallahan D. P., Kauffman J. M. Introduction to learning disabilities: A psycho-behavioral approach. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976.

ФИЗИЧЕСКОЕ И ВИРТУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ: ПЕРСПЕКТИВА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ РЕАЛЬНОСТЕЙ*

А. П. Назаретян

...Но как ее он полюбил на сто восьмой странице!..
Тимур Шаов. «Любовное чтение»

Устранение насилия – стержневая проблема современной цивилизации, от способности решить которую во многом зависит ее дальнейшее существование. Само собой разумеется, что конструктивное обсуждение проблемы требует адекватных оценок текущей ситуации, наблюдаемых тенденций и реальных угроз. Между тем острота темы породила набор мифов, широко представленных в публицистической и даже в научной литературе. В результате трезвый анализ сплошь и рядом подменяется декларациями, причинно-следственные связи переворачиваются с ног на голову, и вместо взвешенных проектов мы получаем бесконечные стенания по поводу царящих в мире ужасов или экстремистские намерения в духе «взять и запретить».

Обратим внимание на два особенно популярных мифа. *Первый миф: насилие в современном обществе возросло и продолжает расти. Второй миф: растущее (якобы) насилие подстегивается обилием жестокости в СМИ.*

Об исторической динамике насилия и ненасилия

Исследование выявило системную зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью общества. А именно, чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства ограничения агрессии необходимы для того, чтобы общество не разрушило себя и среду своего существования.

* Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ.

Эта зависимость – закон техно-гуманитарного баланса – помогает причинно объяснить как факты неожиданного надлома процветавших государств и цивилизаций, так и факты революционных переломов мировой истории, остававшихся до сих пор еще более загадочными. Обобщенная модель демонстрирует, как появление новых технологий оборачивалось превосходством инструментального интеллекта (способности управлять энергетическими потоками) над интеллектом гуманитарным – стремлением прогнозировать отсроченные последствия и контролировать агрессивные импульсы, воплощенным в содержании культурных ценностей и норм.

Образовавшийся дисбаланс между двумя видами интеллекта провоцировал всплески экологической и/или геополитической агрессии, которые сопровождались комплексной симптоматикой общественных настроений, самовоспроизводящейся в различных эпохах и культурах: эйфория, ощущение вседозволенности и безнаказанности, иррациональная жажда «маленьких победоносных войн» и т. д. Декомпенсированная агрессия общества подрывала природные или организационные основы его жизнедеятельности, и – с накоплением разрушительных эффектов – наступала фаза катастроф.

В таких драматических фазах интенсифицировался отбор социальных систем, культурных ценностей, норм и типов мышления, совместимых с возросшим технологическим могуществом. Гуманитарный интеллект приходил в соответствие с инструментальным, люди научались управлять все более мощными орудиями, избегая катастрофических последствий. В результате культурно-психологической *притирки* (*fitting*) общество «укрощало» новые инструменты разрушения, и те становились относительно безопасными. После того, как притирка состоялась (но только после этого!), даже самое разрушительное оружие превращалось в жизнеспасающий фактор; как показывают расчеты, чем потенциально более грозно оружие, тем менее кровопролитным оно становилось в действительности.

То же и в современном обществе. От межконтинентальных баллистических ракет, совсем недавно угрожавших самому существованию человечества, не погиб никто (и, вероятно, уже не погибнет, благодаря состоявшейся психологической притирке). От атомных бомб – самых первых и еще сравнительно маломощных – погибли (включая отсроченные жертвы) до 300 тыс. человек. Танки, артиллерийские системы и бомбардировочная авиация унесли миллионы

человеческих жизней. Жертвами легкого стрелкового оружия пали десятки миллионов. А кухонные ножи и прочая домашняя утварь, используемая при бытовых конфликтах, уносят больше жизней, чем все виды профессионального оружия вместе взятые.

Для проверки одного из нетривиальных следствий, вытекающих из модели техно-гуманитарного баланса, нами введен кросс-культурный показатель *коэффициент кровопролитности* – отношение среднего числа убийств в единицу времени к численности населения. Ориентировочные расчеты (проведенные нами совместно с военным историком В. А. Литвиненко и психологом-клиницистом С. Н. Ениколоповым) показывают, что по мере исторического развития, несмотря на последовательно возрастающую убойную мощь оружия и растущую демографическую плотность, этот коэффициент не только не возрастал, но заметно снижался. Тенденция носила нелинейный («пилообразный») характер (всплески кровопролития соответствуют фазам обострения антропогенных кризисов), но на длительных временных отрезках она проявляется достаточно четко.

Мы объясняем обнаруженный парадокс не тем, что люди становились со временем «менее агрессивными» – скорее, напротив, с концентрацией населения уровень агрессивности возрастал, равно как возрастала и возможность взаимных убийств. Но культура, проходя через горнило катастрофических обострений, умножала и совершенствовала механизмы сублимации агрессии. Без этого ни рост и уплотнение населения, ни последовательное увеличение технологического могущества не были бы возможны. Более того, если бы люди не осваивали все более надежные механизмы самоконтроля, соразмерные увеличивающимся возможностям разрушения, то трудно понять, как человечество могло бы дожить до наших дней.

Таким образом, эволюция регуляторов поведения происходила не по человеческому произволу и не по велению свыше, а следовала логике и прагматике самосохранения человечества. Совершенствование моральных и прочих ценностно-нормативных комплексов становилось косвенной, опосредованной и чаще всего запаздывающей реакцией культуры на опасное для социума наращивание инструментов насилия.

Например, показано, что XX в. с мировыми и гражданскими войнами, ужасами геноцидов и Хиросимой уступает по коэффициенту кровопролитности предыдущим столетиям, а по всем прочим показателям качества человеческих отношений далеко превосходит

их. Оценка же его как необыкновенно жестокого основана на антропологически и социологически некорректных посылах. Во-первых, к XX в. применяются гораздо более высокие гуманистические стандарты, чем к прежним эпохам (виной тому оптимистические ожидания, особенно характерные для европейцев в начале столетия). Во-вторых, относительные критерии подменяются абсолютными, причем выпячиваются жертвы военного и политического насилия и игнорируется динамика бытовых жертв. В-третьих, сохраняется инерция евроцентрического мышления: в XX в. европейские военные потери составили до 65% соответствующих потерь всего мира, тогда как в XIX веке – не более 15%.

Что касается положения дел в современном мире, сошлюсь здесь только на один документ. По данным ВОЗ, в 2000 г. в вооруженных конфликтах, политических репрессиях и бытовых разборках погибли около полумиллиона жителей Земли (Насилие..., 2002). Число, само по себе чудовищное, по тем же данным, уступает числу самоубийств за тот же год. По отношению же к более чем шестимиллиардному населению планеты оно составляет 0,008%. Для сравнения: по нашим расчетам, среднегодовой процент жертв насилия в XX в. составил 0,15%; в первобытных племенах – около 5%.

В свете многочисленных фактов такого рода вывод А. М. Буровского о том, что сегодняшние юноши и девушки значительно реже подвергались телесным наказаниям в семье и сами реже участвовали в драках, чем их родители, правдоподобен, хотя и заслуживает более тщательной проверки...

Настоящая проблема не в том, что насилие в современном мире растет, а в том, что оно *недостаточно быстро сокращается*. Далее мы покажем, что данная проблема является действительно животрепещущей и глобальной. Но прежде разберемся, чем же обусловлена иллюзия роста насилия вокруг.

Ретроспективная аберрация

Политическим психологам хорошо знаком эффект, описанный, в частности, графиком Дж. Девиса (Davis, 1969). Когда положение в той или иной значимой сфере улучшается (это может быть экономическое состояние, политические свободы, вертикальная мобильность и т. д.), происходит опережающий рост ожиданий, через призму которых динамика событий воспринимается массовым сознанием с точностью до наоборот. Усиливается неудовлетворенность, крепнет убеждение, будто жить становится хуже. Анализ

исторических эпизодов, связанных с социальными взрывами, бунтами и революционными ситуациями, показал, что им всегда предшествовала фаза роста объективных показателей и, соответственно, ожиданий. Затем, на фоне продолжающих расти ожиданий, происходило относительное (по сравнению с высшей точкой) объективное ухудшение, и усилившаяся фрустрация завершалась массовыми беспорядками.

Ретроспективная аберрация – один из механизмов, обусловивших иллюзорную оценку социальной динамики. Очень многое из того, что люди современного западного общества воспринимают как грубейшие акты насилия, вовсе не квалифицировалось как таковое людьми традиционной (тем более – архаической) культуры.

Представим себе жизнь наших не очень далеких предков (отвлекаясь от советского периода, чтобы оставаться в рамках темы). Войны повторялись с удручающей регулярностью: например, за 300 лет правления династии Романовых Россия воевала в общей сложности 346 лет – иногда одновременно велись две-три войны (Буровский, 2003), а за полуторатысячелетнюю историю от Киевской Руси страна жила мирно менее 150 лет*. К этому добавлялись жестокие сословные, конфессиональные распри, полицейские репрессии и банальный криминал. Но все эти бедствия перекрывались насилием обыденным и повседневным. Регулярное избивание жен мужьями и детей родителями, публичные казни и порки на улицах, будничные конфликты, массовые драки по праздникам (которые, хотя и предполагали следование определенным правилам, оставляли после себя убитых и искалеченных) – все это составляло бытовой фон жизни (Демоз, 2000; Буровский, 2008; Флиер, 2008; Назаретян, 2008).

В этом легко убедиться, не только изучая исторические и этнографические источники, но и внимательно читая классическую художественную литературу, в том числе и русскую. «Вчерашний день, часу в шестом, / Зашел я на Сенную; / Там били женщину кнутом, / Крестьянку молодую. / Ни звука из ее груди, лишь бич свистал, играя...» (Некрасов, 1953, с. 13). Вдумаемся: в центре столицы среди бела дня секут женщину. Прохожие (в их числе и знаменитый поэт) не возражают, да и сама она даже не кричит от боли – настолько все обыденно и привычно.

* Расчет В. А. Литвиненко по хронологии, приведенной в: Справочник..., 2008.

Бытовыми зарисовками такого рода изобилуют произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, Н. С. Лескова, М. Горького и других писателей, раскрывая, часто как бы между делом, ужасающую картину повседневного насилия в семье, на улице, в учебных заведениях...

До XX в. в мире не существовало практических систем воспитания детей без телесных наказаний. «Сбережешь розги – испортишь ребенка», – учили английские педагоги. Секли не только малолетних простолюдинов, но и княжеских, и подчас даже царских отпрысков. «Домострой» регламентировал приемы «воспитания» жен в боярских семьях: негоже бить (боярыню!) посохом, кулаком и при слугах – бить полагалось наедине и плетью; с крестьянками так не церемонились. В Западной Европе в это время действовал еще более страшный документ, «Молот ведьм», по которому привередливых жен, а то и просто красивых женщин (отвлекающих мужской пол от мыслей о Боге) жгли на кострах. А в Лондоне до сих пор не упразднен закон, запрещающий бить жену после 21:00, чтобы ее вопли не мешали отдыхать соседям.

При отсутствии надежных противозачаточных средств и медицинских внутриутробных абортотворцев во всех культурах процветали бесчисленные практики постнатальных абортов – умерщвления родителями «лишних» или недостаточно здоровых детей. Для этого использовали голод, отравление, переохлаждение или просто удушение (а первобытные племена поступают совсем без затей: одни приносят младенцев, особенно женского пола, в жертву, другие оставляют их на покинутых стоянках на съедение хищникам и стервятникам). Такие действия носили, а кое-где продолжают носить нормативный характер, не вызывая протеста.

Об этом нам известно опять-таки не только из специальной литературы (см., например: Clastres, 1967; Демоз, 2000; Каневский, 1998; и др.), но и из художественной классики.

Говоря о России, вспомним, например, «Воскресение», где рассказано, «как это обыкновенно делается по деревням»: мать крестила младенца, а затем переставала кормить, и тот быстро умирал от голода (Толстой, 1993, с. 7). В биографии А. В. Суворова рассказано, как великий полководец, высланный Павлом I в родное имение, заботился о благополучии крестьян и их детей – будущих «царских солдат». При этом он по армейской привычке издавал письменные приказы. В одном из них говорится: «Известно стало, что иные родители ребят своих в оспе от простуды не укрывали и не надлежа-

щим питали. Небрежных отцов должно сечь нещадно в мирском кругу, а мужа – те с их женами управятся сами» (Осипов-Куперман, 1961, с. 68).

А уже в начале XX в. В. В. Вересаев (Вересаев, 1988, с. 274), рассказывая о том, как крестьяне протестуют против стремления медиков лечить больных деревенских детей, записал поразительную народную присказку: «Дай, Господи, скотину с приплодом, а деток с приморцем».

Между прочим, насколько известно, священнослужители – христианские, мусульманские и прочие, – которые теперь наперегонки «пиарят» себя громкими филиппиками по поводу искусственного прерывания беременности, в прошлом против постнатальных абортотворцев никогда не возражали. Равно как не возражали против публичных казней, которые еще в первой половине XIX в. оставались любимым развлечением черни. Или против войны как таковой (Корнев 1987; Контамин, 2001): христианство, как и прочие религии, ведало единственный миротворческий прием – примирение противников переориентацией агрессии на общего врага; пацифистов же церковь, начиная с V в., репрессировала как опасных еретиков. Войны регулярно объявлялись «священными», геноцид в отношении неверных считался святым долгом доброго христианина (мусульманина). Клерикалы и подручные палачи изощрялись в ужесточении пыток и казней, объясняя садизм заботой о грешной душе – мол, чем сильнее она измучается на земле, тем больше шансов на Господне прощение. Семейное же насилие поощрялось официальными документами или прямой ссылкой на священные тексты. И не случайно социологи фиксируют *положительную* корреляцию между религиозностью населения и насильственной преступностью (Ганнушкин, 1964; Докинз, 2008).

Кроме физического насилия, о котором мы здесь преимущественно говорим, человек в традиционных культурах подвергался самым грубым формам насилия морально-психологического. Регулярное запугивание социальными и небесными карами – предмет самостоятельного обсуждения (см., например: Докинз, 2008). Здесь же приведем пример неожиданный и почти забавный.

В городе Алкал, под Мадридом, в одном из старейших испанских университетов (основан в 1499 г.) коллеги рассказали одному из авторов, как в XVI в. наказывались нерадивые студенты. Юноша, заваливший экзамен, покидал аудиторию через особую дверь с надписью «Выход для ослов». На него надевали шапку с ослиными

ушами, без которой он не имел права выходить из дома, пока не исправит оценку, причем иногда такой возможности приходилось ждать целый год. Встречая на улице парня с ослиными ушами, прохожие в него плевали. С присущим испанскому языку изяществом эти плевки назывались «алкалинскими снежинками»...

Типичное проявление ретроспективной аберрации состоит в том, что люди современной западной культуры, по сравнению со своими недалекими предками, сделались необычайно чувствительными к насилию и нетерпимыми к нему, равно как к боли, смерти, грязи и дурным запахам. Кое-кто уже объявляет «убийствами» аборт по медицинским показаниям, а само понятие *насилия* возводится к немислимым ранее сферам человеческих отношений.

Во многих странах мать, отшлепавшая расшалившегося мальчишку, рискует попасть за это под суд, и соседи с готовностью выступают свидетелями обвинения. В 2006 г. кандидат в президенты Чили от Гуманистической партии гневно клеймил на митинге рост политического насилия и в качестве примера, под одобрительные аплодисменты, указал на открытие в Сантьяго элитного университета, «куда принимают не всех желающих». Впрочем, и бездействие не гарантирует от аналогичных упреков. Американский психолог Р. Мэй (2001) утверждал, что его соотечественник, возражающий против войны во Вьетнаме, но продолжающий исправно платить налоги, участвует в «рассеянном насилии». Философы-постмодернисты уже склонны объявить насилием чуть не всякий художественный текст (см. об этом: Флиер, 2006).

Наверное, прадеды усомнились бы в понимании родного языка, узнай они, что словом «насилие» можно назвать воспитание детей, убеждение и внушение, распространение идей, создание университета и даже непотворение злу.

Кроме беспрецедентной чувствительности (ретроспективная аберрация), имеются и другие факторы, искажающие оценку исторической динамики, о которых будет сказано далее. Но есть и безусловно объективное основание для тревоги: с развитием технологий необычайно повысилась *социальная цена насилия*.

«Знания массового поражения»

Полвека тому назад многие европейцы и американцы не верили в благополучное завершение XX в., и сомнения были небеспочвенными. Тотальная ядерная война грозила самоистреблением планетарной цивилизации, и то, что политические обострения 1960-х годов (Берлинский, Карибский, Ближневосточный кризисы)

не завершились ее крахом, следует считать великим достижением человечества.

Впрочем, смертельную угрозу представляла не только ядерная война. По расчетам экологов, если бы деятельность человечества оставалась такой же «экологически грязной», какой она была в 1950-е годы, то к 1990-м жизнь на Земле стала бы невыносимой (Ефремов, 2004). Огромное историческое значение имел Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах – на суше, в атмосфере и в океане. Даже страны, не подписавшие его (Франция, Китай), вынуждены были постепенно, под давлением общественности, ограничиться подземными взрывами, и страны, обретшие ядерное оружие позднее, следуют общемировым требованиям.

Вообще вторая половина XX в. ознаменовалась образованием беспрецедентных в политической истории неконфронтационных коалиций – эффективных межгосударственных соглашений, не направленных против третьих сил. Тем не менее, избежать тотального столкновения удалось за счет канализации противоречий в русло локальных войн: жить совсем без войн человечество пока не научилось. Правда, одиозное слово «война» было табуировано: после 1945 г. имело место единственное официальное объявление войны – «футбольная война» между Сальвадором и Гондурасом, длившаяся сутки. Но неистощимая изобретательность идеологов утешала мир все новыми эвфемизмами. В многочисленных актах «сдерживания», «умиротворения», «оказания братской интернациональной помощи» с 1945 по 1991 гг. погибли десятки миллионов человек. И все же за этим периодом закрепились лукавая журналистская метафора – «Холодная война», поскольку жертвы были рассредоточены в пространстве и во времени, а главное, на фоне ожидавшихся (при худшем сценарии) миллиардов они выглядели как своего рода «откуп малой кровью».

Но с дальнейшим развитием технологий и методов террора и этот апробированный механизм – предотвращение большой войны ценой «сброса пара» в странах третьего мира – сделался контрпродуктивным. На стыке столетий известный ученый и программист Б. Джой остроумно заметил, что век оружия массового поражения сменяется веком *знаний массового поражения* (Жоу, 2000). Новейшее оружие становится все более дешевым и доступным, а знания и умения легко пронизывают границы стран, сословий, конфессиональных культур и даже образовательных уровней. Совершенствующиеся технологии выскальзывают из-под контроля государств

и правительств, роль которых в управлении политическими процессами уменьшается. Соответственно, усилиями неформальных группировок конфликты делокализуются, и каждый становится во все большей мере чреват глобальными последствиями.

То, что с развитием технологии усиливается роль индивидуальных решений и поступков, – прямой вывод из модели техно-гуманитарного баланса. На обозримое будущее прогнозируется такое совершенствование миниатюрных ядерных устройств, хакерских приемов, нанотехнологий, геной инженерии и робототехники, что овладение их деструктивными возможностями станет под силу агрессивным группировкам компьютерных «гениев», не отягощенных бременем политической ответственности и соразмерной способностью системно отслеживать последствия своих действий. И большой вопрос, успеет ли культура своевременно совершенствовать механизмы внешнего и внутреннего контроля, чтобы предотвращать опасные дисбалансы.

Новые угрозы обусловили историческую смену задач. На протяжении всей предыдущей истории стержневая задача культуры состояла в том, чтобы организовывать и упорядочивать насилие, по возможности предотвращая его хаотические формы; жизненная же задача устранить физическое насилие из жизни встала перед мировым сообществом впервые. И многие из прежних механизмов культурной регуляции (религия, идеология) оборачиваются в этих условиях эффектом бумеранга (Назаретян, 2009).

Возрастающая цена социального насилия побуждает повторить стержневую мысль: настоящая проблема современного мира состоит в том, что насилие недостаточно быстро сокращается. Здесь, однако, пришло время обратить внимание на позитивные последствия иллюзии растущего насилия в мире и вокруг нас и на ту роль, которую играют в создании этой иллюзии средства массовой информации.

«Информационный закон Грешема»

Кроме ретроспективной aberrации, по меньшей мере еще один существенный фактор обеспечивает широчайшее распространение указанной иллюзии. Он также связан со свойствами внимания, восприятия и памяти.

В начале 1960-х годов, когда телевидение достигло максимального влияния на массовое сознание, культуролог Д. Бурстин обнаружил тонкую аналогию между финансовым законом Грешема

и информационными процессами (Boorstin, 1961). Закон Грешема гласит, что дорогие деньги вытесняются из обращения деньгами дешевыми. Если, скажем, одновременно выбросить на рынок золотые и бумажные рубли одинакового номинала, то монеты уступят место ассигнациям.

Бурстин уподобил «псевдособытия» телеэкрана бумажным купюрам, поскольку они сравнительно легко фабрикуются. Будучи более динамичными и насыщенными, псевдособытия вытесняют из сферы внимания и запоминания события реальной жизни. Люди перестают отчетливо различать виденное невооруженным глазом и образы, сконструированные при помощи сценария, ракурса, актерской игры и монтажа.

Эффект присутствия и примат зрения (видел собственными глазами!) сделали телевидение необычайно продуктивным инструментом организации перцептивного поля, а соответственно, манипулирования общественными представлениями, настроениями и установками. Патопсихолог мог бы назвать это управляемой массовой конфабуляцией. Но с одним уточнением: процесс имеет отношение к клинике не больше, чем вся духовная жизнь. По сути, мы наблюдаем ускорение тенденции, обозначившейся с появлением самых первых искусственных знаковых систем и далее неуклонно углублявшейся. Сегодня легко заметить, как даже взрослые путают непосредственные впечатления с экранными симулякрами, а у «компьютеризованной» молодежи сбой действительно подчас принимает патологическую форму.

Но то, чему отдают предпочтение СМИ, также в значительной мере задано свойствами психики, причем свойствами фундаментальными, слабо зависящими от культурно-исторических изменений. При всем многообразии индивидуальных вкусов и предпочтений информационные каналы, работающие в контексте демократических («рыночных») отношений, уделяют приоритетное внимание эмоционально негативным сообщениям. Такие сообщения в большей степени отвечают критериям «событийности», охотнее воспринимаются и выше ценятся. Это, прежде всего, сообщения о разрушениях, трагедиях и несчастьях. «Труп оживляет кадр», – учат циники-папарацци, хорошо знающие требования рынка.

В потоке эмоционально негативных событий преимущество получают те, которые связаны с человеческими конфликтами (или открыты для соответствующего домысла при малейшей неопределенности). Наконец, среди последних приоритетны конфликты

с участием представителей различных социальных групп – сословных (классовых), этнических или конфессиональных; при обнаружении таких различий конфликтующим сторонам немедленно приписывается мотив групповой ненависти.

В 1996 г. в России от прямого отравления некачественным спиртом погибло в сто раз (!) больше людей, чем на чеченской войне. Сравнив площадь газетных страниц, телевизионного времени и т. д., посвященных той и другой теме, мы получим наглядную демонстрацию того, насколько межэтнический конфликт «интереснее» человеческого несчастья, пусть более масштабного, но не имеющего признака вражеских происков.

Приоритетное внимание и запоминание эмоционально негативной информации имеет глубокие эволюционные предпосылки, и оно извечно проявлялось в работе художников и историков. Широко известно, что «отрицательные» персонажи живее прописываются и исполняются на сцене, чем персонажи «положительные» (сублимация подавленной агрессии?). Средневековые летописцы повествовали с леденящими душу деталями о войнах, жестокостях и трагедиях, а в годы, когда таковые не зафиксированы, они ставили прочерк или лаконично сообщали: «Миру бысть», «Ничему не бысть». И в учебниках истории львиную долю составляют сведения о войнах, катастрофах, героях и предателях, а мирная жизнь остается в тени.

Люди старшего поколения помнят работу советских СМИ «застойного» и «дозастойного» периодов. Административно-цензурный контроль обеспечивал почти полное отсутствие негатива в пределах соцлагеря и особенно СССР. Игнорировались даже стихийные бедствия: о страшном землетрясении 1948 г. в Ашхабаде вообще не сообщалось, а о землетрясении 1965 г. в Ташкенте было сказано, что погибли четыре человека. Под пластом бравурных рапортов в сетях межличностного общения формировалась весьма специфическая культура *нытья* – люди без устали жаловались друг другу на жизнь, и очень часто поводом для очередного «плача Ярославны» становился невинный вопрос: «Как дела?»

С открытием шлюзов «гласности» на страницы и экраны хлынул поток сообщений о пороках и бедах, и в этом не следует усматривать только политический умысел. Журналисты и массовая аудитория, истосковавшиеся по «правде», с мазохистическим упоением смаковали сообщения о том, как все безысходно в прошлом, настоящем и будущем. В каналы массовой информации прорвались сведения

и интерпретации, которые «до гласности» составляли содержание слухов и доверительных бесед, – и это доставляло удовольствие.

В 1990-е годы российские СМИ стали работать по принципам, приближенным к рыночным (правда, при дефиците правового мышления – но это отдельная тема). С тех пор эмоционально позитивные сообщения, если они не представляют заказ сверху, рассматриваются как «реклама» и с большим трудом пробиваются в СМИ без оплаты.

Таким образом, обилие более или менее искусственно сконструированного насилия в СМИ – феномен в некотором смысле естественный и самовоспроизводящийся. Как же это влияет на процессы «по нашу сторону» газетных полос, радиоприемников, кино- и телеэкранов и мониторов?

Антропологические константы

Публикуя выкладки и расчеты, доказывающие, что большинство экранных персонажей имеют отношение к войне или криминалу и значительная доля экранного времени занята сценами насилия, авторы обычно тем самым доказывают разрушительное влияние СМИ. Между тем причинная зависимость между виртуальным и «внеэкранным» насилием далеко не столь однозначна.

Действительно, имеется более чем достаточно свидетельств того, как жестокие сцены провоцируют детей или психопатических личностей на антисоциальные поступки (Хаэр, 2007). Но, чтобы не торопиться с прямолинейными выводами, воспользуемся следующей аналогией.

Любому известны многочисленные примеры того, как врачи что-либо недоглядели, поставили неверный диагноз, провели неудачную процедуру – и тем нанесли ущерб здоровью пациента, или как неблагоприятно сказались на здоровье отравление выхлопными газами, неумеренное или неадекватное питание, гиподинамия и прочие пороки современной цивилизации. Напрашивается вывод: медицина и «прогресс» – виновники наших бед. Оценивая же развитие ситуации системно, мы убеждаемся, что совокупность этих «вредоносных» факторов увеличила среднюю продолжительность жизни людей в 3–4 раза всего за два столетия: по данным демографов, еще в начале XIX в. она не превышала двадцати лет (Cohen, 1989; Капица, 1999).

Сходная ситуация складывается и со СМИ. Случаи их провоцирующего влияния бесспорны, однако в системном соотношении преобладают противоположные эффекты «спущенного курка». Ра-

зобратся с реальным соотношением факторов помогает концепция *антропологических констант*.

Авторы концепции полагают, что в больших человеческих популяциях сохраняется, например, более или менее постоянный уровень социального страха, «меняются только формы его проявления и его возбудители» (Гуггенбуль, 2000, с. 76). Добавим, при обострении массовых страхов в катастрофических ситуациях константа удерживается за счет того, что вступает в силу сформулированный П. А. Сорокиным (1991) *закон поляризации*: на одном полюсе обостряются психические и нравственные патологии, проявляются апатия или паника, злоба и агрессия, а на другом – мобилизуется воля, актуализуются подвижность, самоотверженность и «альтруистическое перевоплощение». В другой нашей работе (Назаретян, 2008) показано, какими далеко идущими последствиями обернулся этот механизм в Европе позднего Средневековья.

К числу антропологических констант относят и социальное насилие, обладающее «неизъяснимой притягательностью как для взрослых, так и для детей» (Зелинский, 2000, с. 198)*. Сопоставим это с общим представлением о функциональных потребностях и эмоциональном балансе, а также с данными нейропсихологии.

В лимбической системе имеются группы нейронов, электростимуляция которых рождает переживания конкретных эмоций – в том числе страха и ярости (Vaginaga, 1992). Известно также, что длительное отсутствие возбуждения снижает порог возбудимости нейрона (Лоренц, 1994). Поведенчески это проявляется в бессознательном поиске предметных поводов для соответствующих переживаний – опасностей и конфликтов. Интенсификация поискового поведения с тенденцией к «бескорыстным рискам» наблюдается не только у людей, но и – экспериментально – у высших животных (Лоренц, 1994; Ротенберг, Аршавский, 1984).

Грубо говоря, живой организм обязан переживать все эмоции, потенциальная возможность которых заложена в его нервной системе. Дикая природа обеспечивает баланс переживаний естественным образом; в искусственных же условиях, в которых изначально живет человек, дефицит тех или иных «негативных» эмоций побуждает к внешне бессмысленным действиям, нацеленным на их актуализацию.

* Скорее всего, речь должна идти именно о насилии, а не об агрессии, как полагает Буровский вслед за Б. В. Марковым (1997): выше отмечено, что с уплотнением населения уровень агрессивности, вероятно, возрастал.

Иррациональное бегство от благополучия обозначено в синергетике обобщающей формулой – *провоцирование неустойчивостей*, которая выражает это парадоксальное свойство высокоорганизованных систем. Система, естественно ориентированная на сохранение устойчивого неравновесия со средой, при достижении сверхоптимальной устойчивости стремится к отклонению от нее, произвольно (без внешней необходимости) создавая рискованные ситуации с угрозой для ее собственного существования. В эволюции жизни подобное свойство четко обозначается на той стадии, где можно экспериментально зафиксировать появление предметного образа (см. подробнее: Назаретян, 2008).

По всей видимости, функциональная необходимость острых эмоциональных переживаний обуславливает «зловещее очарование» насилия и страха. Исходя из этого мы можем уточнить один из ключевых тезисов. Говоря об исторически снижающемся уровне социального насилия, мы имеем в виду только то, что оно *последовательно эволюционировало* (сублимировалось; «возгонялось»; «облагораживалось») *от первичных, т. е. примитивных и грубых форм, к формам культурно трансформированным и символически опосредованным*. И, как мы видели, вместе с формами насилия эволюционируют семантические ряды и денотаты всех сопутствующих понятий.

Чтобы лучше понять, какие дополнительные возможности в этом плане представляют современные СМИ, обратимся к еще одному социально-психологическому наблюдению.

Рекреационные зоны

Это наблюдение почерпнуто из исторической, мемуарной литературы, рассказов коллег и личного опыта. Оно состоит в том, что, как правило, посреди бушующей войны более или менее стихийно образуются (самоорганизуются) специфические территории, на которых царит мир и представители враждующих сторон могут встречаться без риска взаимной агрессии. Мы называем такие территории, сохраняющиеся, как видно, благодаря окружающему разгулу насилия, *зонами рекреации*.

В разгар мировых войн в Европе сохранялись нейтральные государства, где вооруженные сотрудники военных представительств не стреляли друг в друга, и даже военная агентура только исподволь и очень осторожно нарушала местные законы. Нечто отдаленно похожее наблюдалось в Афганистане (например, район Спензар в Кабуле в конце 1980-х).

В 1970–1980-е годы в Центральной Америке, рядом с охваченными гражданскими войнами Сальвадором, Никарагуа и нестабильной Панамой мирно процветала удивительная страна Коста-Рика с развитыми институтами демократии. Страна, не имеющая армии, довольствующаяся сравнительно небольшим полицейским контингентом, где, к тому же, закон позволяет гражданам хранить огнестрельное оружие. Отдельные костариканцы, «пресытившись» размеренной жизнью, периодически пересекали границу, воевали на той или другой стороне, а вернувшись домой, жили по-прежнему мирно и законопослушно. В свою очередь, партизаны из соседних стран заходили на территорию Коста-Рики, имея гарантированную передышку.

Очень наглядное доказательство незыблемости неписаного закона рекреационной зоны один из авторов статьи получил в апреле 1989 г., попытавшись «эксперимента ради» спровоцировать конфликтный эпизод.

В тот момент у власти в Никарагуа находились сандинисты (левые революционеры), прежде много лет ведшие войну против правого режима А. Сомосы; теперь уже многие из сомосовских солдат перешли к партизанской войне против Сандинистского правительства. И вот, проезжая в автомобиле неподалеку от границы Никарагуа с тремя друзьями – местными коммунистами, успевшими ранее повоевать на стороне Сандинистского фронта, – я заметил группу сомосовских боевиков из 15 человек, по виду мирных крестьян. Мы вышли из машины метрах в пятидесяти от них, любясь пустынной горной местностью.

Вдруг меня охватил какой-то мальчишеский азарт. Я выдвинулся чуть вперед и, обращаясь к своим спутникам и будто бы не догадываясь, кто перед нами, начал «выступать» достаточно громко, чтобы слышалось далеко вокруг. «Нельзя допускать, чтобы контрреволюционное отребье безнаказанно шаталось по земле Коста-Рики, их всех нужно силой отсюда выдворить, давайте найдем сомосовцев и устроим им добрую бойню», – в таком духе я куражился две–три минуты.

Разумеется, это была глупая бравада с расчетом на возможность быстро заскочить в машину и исчезнуть. Обернувшись к своим друзьям, я ожидал увидеть тревогу на их лицах, попытки меня урезонить и предупредить об опасности. Но они с ехидными ухмылками смотрели мимо меня на потенциальных противников, явно уверенные в своей неуязвимости. И правда, никарагуанцы, недобро

на нас поглядывая, стали медленно удаляться – от греха подальше. Эти профессиональные бойцы, находясь в нескольких километрах от своей границы, за которой шла жестокая война, и имея почти четырехкратное превосходство в численности, сочли за благо уклониться от конфликта даже при столь наглой провокации. Рекреационная зона – дело святое...

Образование и поддержание рекреационных зон – хрестоматийный синергетический эффект – «порядок из хаоса» (Пригожин, Стенгерс, 1986): в хаотическом океане насилия выкристаллизовываются островки мирного порядка, которые используют энергию окружающего хаоса для процессов самоорганизации. Для нашей темы этот эффект очень важен, так как помогает понять взаимоотношения «заяcranного» и «предэcranного» миров.

Вооруженный конфликт, в котором погибло несколько десятков человек, быстро становится предметом пристального внимания и переживания миллионов. Побитый родителями мальчик, задушенная маньяком девушка, уличная драка – все подобные события, многократно и многоканально растиражированные, накладываются на военные и криминальные сериалы. В соответствии с «информационным законом Грешема», назойливая жестокость эфира переживается как эмпирически наблюдаемая реальность и способствует удовлетворению функциональной потребности в «отрицательных» эмоциях. Накапливающееся утомление жестокостью рождает желание скрыться от него в рекреационной зоне реальной жизни, посреди виртуально бушующей войны. Таким образом, *экраны и мониторы как бы абсорбируют значительную долю насилия из «посюсторонних» человеческих отношений, смягчая формы проявления социальных противоречий, от семейных до политических.*

Все сказанное не следует рассматривать как призыв к самоуспокоенности и попустительству – повторю, что эффекты экранного насилия амбивалентны. Но умеренный общественный контроль должен быть ориентирован не на элиминацию, а на оптимизацию объема и форм виртуального представления жестокости. Кстати, о том, что показатели насилия «по ту» и «по эту» сторону экранов находятся, по большому счету, не в прямой, а в обратной зависимости, можно косвенно судить и по обстановке в регионах с традиционно-религиозным укладом. Стерильность СМИ строго контролируется, секс запрещен, из жестоких сцен – только казни преступников в прямом эфире. И, как в старые добрые времена, на улицах зеваки

созерцают публичные экзекуции, землевладельцы воспитывают плетью батраков, мужа – жен, родители и учителя – детей. А этнические и конфессиональные распри выливаются в кровавые трагедии. Такие примеры не могут служить прямым доказательством, но они весьма поучительны.

Гораздо более важным аргументом мы считаем то, что обратная связь между виртуальным и физическим насилием прослеживается и в историческом развитии.

Эволюция... и немного фантастики

Независимость динамического моделирования от стимульного поля возрастала неуклонно за сотни миллионов лет биологической эволюции, и с ней рос удельный вес «субъективных» (отражательных) процессов в системе причинно-следственных зависимостей. С развитием искусственного мира культуры эта тенденция последовательно ускорялась, и современные СМИ являются ее органическим продолжением.

Одной из функций игры у высших животных является сброс агрессии и регуляция внутривидовых отношений (Лоренц, 1984). Известно также, что все человеческие культуры испокон веков использовали игровые и компенсаторные формы деятельности для сублимации агрессии. Этой цели служили искусство, спорт и прочие ритуалы, подчас потрясающе жестокие. Идентификация и сопереживание включали механизм снятия психического напряжения, который Аристотель назвал *катарсисом*. Однако опыт показывает, что со временем игровые эмоции приедались, яркость переживаний снижалась – и усиливалась бессознательная тяга к страстям «не понарошку».

Новые информационные технологии усовершенствовали и чрезвычайно расширили древнейший механизм культуры и тем самым способствовали очередному скачку «виртуализации» насилия. Как же можно представить себе дальнейший ход событий?

Устранение смертоносного насилия из социальной действительности предполагает прежде всего кардинальную перестройку политического мировоззрения: это возможно в том случае, если разум сумеет перерасти инфантильные религиозно-идеологические установки, отказаться от макрогрупповых идентификаций (они–мы) и выстроить мировое сообщество по «сетевому» принципу (Назаретян, 2009). Такая перспектива может быть, в частности, сопряжена с эволюционными превращениями самого носителя разума, которые будут обусловлены наращиванием, с одной стороны,

искусственных элементов в человеческом организме, а с другой – субъектных качеств в искусственных информационных системах, образованием симбиозного человеко-машинного мышления и т. д.

Но при любом раскладе ведущим субъектом цивилизации в ближайшее время остается человек в его качественной определенности. И, коль скоро мы признаем насилие антропологической константой, совершенствование механизмов его дальнейшей «виртуализации» составляет неотъемлемый компонент в сценарии выживания.

Можно представить себе, например, программы полисенсорного погружения в виртуальную реальность активной фазы войны, куда любой способен произвольно включиться, но отключиться – только по завершении более или менее масштабного сюжета. Развитие сюжета может в значительной мере определяться личными качествами пользователя, его смелостью, волей, изобретательностью; не исключено даже влияние того или иного исхода компьютерных сражений на политические процессы. При этом каждый участник достоверно переживает весь комплекс сопутствующих эмоций: ярость, страх, боль и жажду мести, печаль потерь, горечь поражений, отчаяние, радость самоотдачи и самопожертвования и – изредка – восторг победы. Выбравшись, наконец, из виртуального кошмара, эмоционально утомленный и умиротворенный, он от души наслаждается физическим и психическим комфортом «рекреационной зоны»...

Не скажу, чтобы меня самого вдохновляла такая футурологическая фантазия. Скорее, мои чувства сродни тем, какие, по описаниям этнографов, испытывает дикарь, впервые попавший в мегаполис. Но перспектива дальнейшего дрейфа человеческого существования в сторону денатурализации и виртуальной реальности продолжает сквозную эволюционную тенденцию «удаления от естества», и мы не находим более правдоподобного сценария.

Литература

- Буровский А. М. Бытовой фон насилия. Литературные размышления историка // Историческая психология и социология истории. 2008, № 1, С. 33–49.
- Буровский А. М. Крах Империи. М.: АСТ, 2003.
- Вересаев В. В. Лизар // Вересаев В. В. Повести и рассказы. М.: Правда, 1988. С. 269–275.
- Ганнушкин П. Б. Сладострастие, жестокость и религия // П. Б. Ганнушкин. Избр. труды. М.: Медицина, 1964. С. 80–94.

- Гуггенбюль А. Зловещее очарование насилия. СПб.: Академ. проект, 2000.
- Демоз Л. Психонистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
- Докинз Р. Бог как иллюзия. М.: КоЛибри, 2008.
- Ефремов К. Путешествие по кризисам // Лицейское и гимназическое образование. 2004, № 3. С. 5–6, 68–70.
- Зеленский В. Невыносимая легкость насилия (глубинно-психологический очерк) // Гуггенбюль А. Зловещее очарование насилия. СПб.: Академ. проект, 2000. С. 196–218.
- Каневский Л. Каннибализм. М.: Крон-Пресс, 1998.
- Капица С. П. Общая теория роста человеческого населения. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле? М.: Наука, 1999.
- Контамин Ф. Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001.
- Корнев В. И. Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1987.
- Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс-Универс, 1994.
- Марков Б. В. Философская антропология. Очерки истории и теории. СПб.: СПбГУ, 1997.
- Мэй Р. Сила и невинность: в поисках истоков насилия. М.: Смысл, 2001.
- Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика–психология–прогнозирование. М.: Мир, 2004.
- Назаретян А. П. Насилие и терпимость: антропологическая ретроспектива // Вопросы психологии. 2005. № 5, С. 37–50.
- Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по культурно-исторической психологии. М.: УРСС, 2008.
- Назаретян А. П. Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд // Вопросы философии. 2009. № 5, С. 3–19.
- Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. Всемирная организация здравоохранения. М.: Весь мир, 2002.
- Некрасов Н. А. Избранные стихотворения и поэмы. М.: Гос. изд. худ. лит., 1953.
- Осинов-Куперман И. М. Три победы. М.: Сов. писатель, 1961.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
- Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Поисковая активность и адаптация. М.: Наука, 1984.

- Сорокин П. А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: Шыпас, 1991.
- Справочник офицера вооруженных сил Российской Федерации. М.: Воениздат, 2008.
- Толстой Л. Н. Воскресение. М.: Терра – Terra, 1993.
- Флиер А. Я. Культура как репрессия. М.: Диаграмма, 2006.
- Флиер А. Я. Культура лишения жизни // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 146–162.
- Хэзр Р. Д. Лишенные совести. Пугающий мир психопатов. М.: Вильямс, 2007.
- Varinaga M. How scary things get that way // Science. 1992. V. 258. P. 887–888.
- Boorstin D. The Image, or, What Happened to the American Dream. London: Weidenfeld & Nicholson: 1961.
- Clastres P. El arco y el cesto // Alcor, 44–45. Mayo – agosto. Asuncion, 1967. P. 7–15, 25–27.
- Cohen M. N. Health and the rise of civilization. New Haven, London: Yale Univ. Press, 1989.
- Joy B. Why the future doesn't need us? // Wired, 2000. April. P. 238–262.
- Davis J. Toward a theory of revolution // Studies in social movements. A social psychological perspective. N-Y: Free press, 1969. P. 85–108.
- Nazaretyan A. P. Fear of the dead as a factor in social self-organization // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2005. Vol. 35. № 2. P. 155–169.
- Nazaretyan A. P. Technology, psychology and catastrophes: On the evolution of non-violence in human history // Social Evolution & History. 2009. Vol. 8. № 2. P. 102–132.

ФОРМИРОВАНИЕ У ДОШКОЛЬНИКОВ СОЛИДАРНЫХ УСТАНОВОК СРЕДСТВАМИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

О. И. Маховская, Ф. О. Марченко

В условиях быстрых социокультурных изменений, высокой мобильности и экономического расслоения для большинства населения дети становятся обузой, а телевидение начинает выполнять нетрадиционную роль главного социализатора, вытесняя семью и школу (Маховская, Мирная, 2006). Широкая общественность обеспокоена негативным влиянием телевидения, но чаще всего эта критика не касается сути телевизионного производства (Абраменкова, 2008). Нет инструментов психологической экспертизы содержания телевизионных программ, методов изменения их содержания (Маховская, 2008а).

В условиях нарастающего социального, экономического и культурного расслоения социализация детей может протекать как асоциализация (включение в асоциальные ценности, контакты и группы сверстников) и ресоциализация (переключение на новые, более адаптивные формы сотрудничества со сверстниками). Социализация может сопровождаться аккультурацией, освоением новых норм поведения, мышления, взаимодействия, которые не были характерны для предыдущих поколений, что само по себе увеличивает межпоколенческий разрыв. Все виды модернизаций, происходящие в обществе, неизбежно ослабляют традиционные, постоянные социальные связи, если в нем не муссируются идеи и ценности милосердия, взаимной поддержки, консолидации, солидарности, сотрудничества, заботы о слабых и т. д. (Маховская, 2008b). Эти ценности должны учитываться руководителями каналов, авторами при разработке идей новых программ, сценариев, в выборе героев и тем. Психологи-исследователи должны быть не внешними экспертами, а участниками ежедневного телевизионного процесса, предлагая социально-значимые сюжеты и осуществ-

ля профессиональный контроль над содержанием выпускаемых программ.

Если телевидение не ограничить психологической экспертизой, оно будет вносить существенный вклад в нарастание «экзистенциального вакуума» (Франкл, 1990), аномии (Дюркгейм, 1998; Merton, 1964), когда транслируемые с экранов нормы и ценности находятся в противоречии с традиционными, социально и культурно закрепленными в сознании зрителей. Следствием ослабления или разрушения традиционных социальных связей между членами общества всех возрастов может быть нарастающий уровень одиночества, который может проявляться на психологическом, социальном, культурном и метафизическом уровнях (Садлер, Джонсон, 1989; Слободчиков, 2006). Чем глубже феномен одиночества, тем аномичнее (асоциальнее) поведение субъекта. Особенность новейшего времени – одинокое детство. В качестве способов преодоления детского одиночества предлагаются тренинги развития социальных навыков через ролевые игры, специальные, формирующие сценарии взаимодействия в группах (Asher, Renshaw, 1980; Keller, Carlson, 1974; Oden, Asher, 1977), когнитивная терапия, состоящая в формировании у детей адекватного представления о существующих социальных связях (Янг, 1989). Отечественные и западные исследователи указывают на, возможно, решающую роль телевидения в нарастании агрессии у подростков (Шэффер, 2004). Но подростковые проблемы закладываются в дошкольном возрасте. Дошкольники чаще всего не рассматриваются как проблемная аудитория, так как не являются социально-опасными (Huesmann, Moise-Titus; Podolski, Eron, 2003).

Особую группу риска возникновения тотального одиночества и аномии составляют дети, которые не прошли и первичной социализации, т. е. у них не были сформированы устойчивые социально-положительные связи ни с одним человеком или группой.

В сегодняшней России много проблемных детских сообществ. Около 70% детей воспитываются в семьях, чей достаток ниже допустимого уровня. 12 миллионов российских детей живут в неполных семьях. Наиболее очевидный пример социальной, психологической и культурной изоляции – *дети-сироты* и *дети-инвалиды*. По официальным данным, в России около 700 тыс. сирот. По неофициальным данным – 5 млн. социальных сирот. Из них 85% имеют живых отца или мать. По данным государственного доклада о положении детей в РФ, численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения

родителей, составляла 620 тыс. в 1998 г., 638,2 тыс. – в 1999 г., 662,8 тыс. – в 2000 г., 685,2 тыс. – в 2001 г. Из 685,2 тыс. детей 154,2 были усыновлены, 347,5 – находятся под опекой, 183,5 (то есть менее от общего числа таких детей) воспитываются в интернатах. Ежегодно выявляется более 120 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации». М.: Министерство труда и социального развития, 2002). В России на начало 2003 г. число детей-инвалидов, получающих социальную пенсию и состоящих на учете в органах социальной защиты населения, составило 641,9 тыс. Заболевания, обусловившие возникновение инвалидности у детей в 2002 г., распределялись в общей картине причин инвалидности следующим образом: инфекционные и соматические заболевания – 34,5%; заболевания нервной системы – 20,6%; психические расстройства – 21,2%; врожденные аномалии развития – 18%. Если учесть, что среди врожденных аномалий высоки и имеют тенденцию к росту доли хромосомных аномалий (10,2%) и аномалий центральной нервной системы (9,1%), то легко видеть, что в общей структуре нозологических причин инвалидности у детей преобладают (61,1%) психоневрологические нарушения широкого спектра и множественные нарушения развития (Приложение «Информационно-аналитический материал по проблемам детей-инвалидов» к письму Первого заместителя Министра труда и социального развития РФ от 29.08.2003 г. № 1597-Пр, подготовленное к парламентским слушаниям на тему «Детская инвалидность в России – необходимость совершенствования законодательства», октябрь 2003 г.).

Статистика по сиротам и детям-инвалидам систематически показывает, что эти дети – не эпизодические, случайные фигуры, они образуют *скрытые сегрегированные сообщества*. Препятствием для их социализации является сопротивление общества, норма отечественного воспитания «не говорить детям правду, чтобы не травмировать их», «закрывать глаза на проблему», «избегать обсуждений». Это удерживает в неведении и изоляции как детей из нормальных семей, так и проблемных детей, которых родители бросили на произвол судьбы.

Мы называем «поколение перестройки» неконсолидированным – консолидации нет ни внутри детских сообществ, ни между ними.

Подобно опыту детей-иммигрантов (Маховская, 2008b), их социализация и аккультурация могут проходить по типу *маргинализации* (из-за равнодушия и отстраненности всех ключевых тра-

диционных социализаторов), *сепарации* (когда все важные связи формируются внутри семьи, диаспоры, а титульные для страны институты оказываются вне доступа – типичная ситуация социализации детей из семей переселенцев) или *ассимиляции* (когда к детям проявляют интерес элитные группы – типичная ситуация социализации одаренных детей). Нормальное развитие предполагало бы интеграцию детей в быстро изменяющееся общество, формирование у них установок на солидарность с широким спектром социальных агентов и институтов, усвоение ими норм из разных субкультур, а также консолидацию со сверстниками из смежных сообществ.

Деструктивная роль массовых коммуникаций в развитии личности

Развитие информационных технологий может привести к существенным и опасным социальным и психологическим последствиям. С. Московичи считает, что в основе развития общества лежит не конфликт между производственными силами и отношениями, как постулировалось в классическом марксизме, а развитие способов коммуникации. В условиях промышленного производства, создания городов, распада и деградации традиционной семьи и традиционно стратифицированной модели общества, в которой человеку предназначено законное место, происходит регрессия нормальных, традиционных способов коммуникации к более простым и менее структурированным. Толпа и есть неструктурированное общественное образование, связанное лишь коммуникативными сетями. То, что средства и способы коммуникации определяют психологию людей, влияние идей, структуру и функционирование групп, и в конечном итоге влияют на кардинальные изменения в обществе, указывалось еще историками французской революции, которые пытались объяснить, кем и как она была подготовлена (Московичи, 1996).

Школа Пало-Альто описывает такую стихийно складывающуюся систему развития и воспитания личности, как система взаимоисключающих (*double-bind*) норм (Корольков, Петленко, 1977). Псевдогуманистическое направление в детском развитии вообще призывает снижать усилия детей, не перегружать их. Этот лозунг получил ироничное название «насилие вместо усилия». Поскольку любая технология направлена на экономию усилия, она противоречит нормальным условиям развития субъекта, который по определению должен проявлять активность. В результате нарушается

целостность и идентичность личности (Тхостов, Сурнов, 2005), повышается ее агрессивность (Харитоновна, 2005).

Очевидно, что мы уделяем слишком мало внимания социально-психологическому анализу процессов взаимодействия и их влияния на развитие личности и групп, оценивая в первую очередь кажущуюся легкость изучения текстов, которые порождаются в большом количестве в условиях современных информационных технологий. Категория общения снова требует повышения своего статуса, как это было предложено Б. Ф. Ломовым и поддерживается целым рядом исследователей в Институте психологии РАН (Познание и Общение, 2006).

Психологические функции сценария

Несмотря на то, что деструктивная роль массовых коммуникаций в развитии детей считается почти аксиомой, мы исходим из того, что они могут выполнять прямо противоположную роль, дополняя систему социализации детей, учитывая потребности и особенности возраста зрителей.

В качестве средства формирования солидарных установок у детей мы рассматривали сценарий телепрограммы. Понятие «сценарий» не является исключительной вотчиной сценаристов. Как и другие артефакты культуры (текст, норма, символы, метафоры и т. д.), сценарии могут быть объектом психологической реконструкции, конструирования и управления.

Интерес к сценариям в гуманитарных науках возрожден теорией габитуса французского социолога П. Бурдьё. Под габитусом он понимает скрытые, плохо осознаваемые сценарии, которые влияют на поведение детей, несмотря на усилия всех институтов воспитания и образования. Неосознанные или плохо артикулированные в сознании людей сценарии (архетипы) интересовали раньше психоанализ (З. Фрейд и его последователи), стали предметом описаний в транзакционном анализе (Э. Берн). Исследователи пытались инвентаризировать готовые традиционные культурные сценарии, которые влияют на развитие личности. Считается, что количество таких сценариев ограничено.

В отечественной культурно-исторической традиции указывалось, что, осваивая сценарии, обучаясь мыслить сюжетно, человек овладевает своим поведением и учится формировать свою биографию (Ю. Лотман). Их можно отнести к «культурно-историческим орудиям» (Л. Выготский), с помощью которых взрослые учат детей

овладевать своей внутренней и внешней деятельностью. Психологи – последователи теории полилога М. Бахтина – рассматривают сценарии как сложную ментальную репрезентацию, отражающую стратегии взаимодействия «актеров», их идентичность, совместные цели, действия, скрытые установки. В сценарии включены позиции героев программ (их амплуа), их идентичность, «инструкции» поведения в драматургически важных ситуациях (Марченко (Маховская), 1994).

Очевидно, что сценарии различаются по уровню обобщения, культурной значимости и распространенности. Сценарии большой общекультурной значимости отражают типичные для современников конфликты, примеры межпоколенческих и внутриспоколенческих конфликтов и солидарного поведения (Маховская, Мирная, 2006).

Процесс усвоения сценариев может происходить по типу научения (А. Бандура), врожденного наследования (З. Фрейд), интериоризации (Л. Выготский), сопутствующего, нецеленаправленного обучения (П. Бурдые).

Этапы и содержание эмпирического исследования и психологического контроля в условиях телевизионного производства

Гипотеза: с помощью сценария детской телевизионной программы можно формировать у дошкольников сложные понятия о солидарности с детьми из различных социальных групп, в том числе детьми-сиротами и инвалидами.

Цель: разработка научно-обоснованного методического аппарата для формирования солидарных установок у дошкольников посредством сценариев детских телевизионных программ.

Задачи

- 1 На основании ранее проведенных полевых исследований предложить сценаристам детского образовательного телевизионного проекта ряд сюжетов для раскрытия социально-значимых тем. В сюжете должен содержаться образец солидарного поведения детей из нормальных семей и детей, относящихся к группам риска – сирот или инвалидов. Сценарии должны соответствовать психологическим требованиям дошкольного возраста.
- 2 Разработать методический аппарат для апробации и уточнения готовых сюжетов, учитывая возможности и ограничения возраста потенциальных зрителей – 4–6 лет.

- 3 Провести исследование по апробации сюжетов, направленных на формирование солидарных установок у детей-дошкольников.
- 4 Проверить уровень сформированности представлений о сиротстве и инвалидности у дошкольников – участников исследования. Сравнить уровень спонтанного понимания до демонстрации сюжетов и уровень представлений по результатам исследования.
- 5 Сравнить результаты исследования в Москве и Воронеже, столице и провинции, имея в виду разную степень толерантности к проблемным группам, которая могла сложиться в различных регионах страны.

Проблема включения психолога в телевизионное производство

В своей оценке телевизионного производства и его потенциала мы опираемся на многолетний опыт консультирования и экспертизы детских телевизионных проектов.

На российское телевидение психологов, как правило, приглашают для участия в ток-шоу как обычных персонажей. В то время как их помощь телевидению могла быть куда более эффективной, если бы они привлекались к формированию содержания программ. Сценарии традиционно являются вотчиной сценаристов. Прогнозом и профилактикой негативных, а также моделированием позитивных психологических эффектов сценариев не занимается никто. Еще совсем недавно не нужно было учитывать возрастные, социальные, психологические и половые особенности зрителей. Трансляция телепрограмм шла через центральные каналы, т. е. любая программа адресовалась «всем и каждому». Относительная монотонность образа жизни, сходство воспитания советских зрителей, отсутствие альтернатив обеспечивало таким программам аудиторию.

Типичный производственный процесс на телевидении начинается с автора программы и сценаристов, которые создают ее концепцию и формат, а также базовые или «образцовые» сценарии. Никто из них не отчитывается перед продюсером о психологических эффектах, последствиях программы, о том, насколько созданный ими мир отражает реальные проблемы зрителей, на которых она направлена. Понятно, что при таком подходе программа зависит от кругозора, информированности, моральных установок и таланта авторов, а также их представления о том, какому зрителю адресован телевизионный продукт. Психологический анализ и моделирование сценариев телепрограмм – новая научно-практическая задача,

у которой на сегодняшний день складывается и своя теоретическая предыстория.

С 2004 по 2006 г. под патронажем Министерства образования РФ мы организовали и вели семинар экспертов по российскому детству. Стратегическая цель семинара – создать новое детское телевидение, в котором образовательные и воспитательные задачи составляли бы содержание программ. В задачи семинара входила разработка критериев оценки и контроля содержания образовательных ТВ-программ для детей-дошкольников, которые создаются студиями для новых детских каналов. Острота проблемы состоит в том, что за последние два года было создано пять каналов, претендующих на звание «детский». Производители ни одного из них не были готовы к массовому производству и не знали, как учитывать возрастные, половые, личностные, социальные характеристики детской аудитории, потому что конъюнктура предыдущего периода развития телевидения требовала криминальных, эротических или детективных сюжетов.

Первым нашим опытом стала известная во всем мире образовательная программа для детей-дошкольников «Улица Сезам». «Улица Сезам» – это продукт американской компании Sesame Workshop, политика которой состоит в том, чтобы при разработке содержания программ основываться на данных полевых исследований, учитывать запросы и образовательные традиции страны показа. «Sesame Workshop» распространяет свой продукт в 150 странах мира. Каждый раз производству предшествуют консультации с экспертами по проблемам детства страны показа – воспитателями, психологами, педагогами, врачами. Консультации проходят в форме интервью, анкетирования, круглых столов и семинаров. На базе исследований формируется подробный (порядка 100 позиций) образовательный и тематический планы, в рамках которых предстоит работать сценаристам. Таким образом, производственной, креативной фазе написания сценариев предшествует большая исследовательская работа, качественный анализ проблем, а написание сценариев сопровождается активными консультациями с психологами.

Общие требования к сюжетам детских программ в рамках проекта «Улица Сезам»:

- Они должны учитывать лексику детей.
- Они должны оличаться простотой и ясностью изложения. Используется прием многократного упрощения сюжета несколь-

кими специалистами, участниками сценарной и исследовательской групп.

- Они должны учитывать возрастные особенности детей, их уровень понимания, возможности усвоения и устойчивости внимания. Для сценаристов, пишущих для детей, разработаны таблицы, отражающие этапы и основные достижения детей-дошкольников в моторной, речевой, когнитивной, личностной сферах, особенности их юмора, а также подробные, оснащенные примерами инструкции по формированию амплуа персонажей, образцы удачных сюжетов и видеороликов.
- Сюжеты пишутся при участии двух супервизоров – шеф-редактора, который контролирует соблюдение требований драматургии, и психолога-исследователя, который отслеживает требования их психологического соответствия возрасту, образовательным задачам проекта.

В четвертом (2006–2007) сезоне «Улицы Сезам» в России для психологического моделирования мы выбрали общение с **детьми-сиротами и детьми-инвалидами**. Общая концепция сериала состояла в том, чтобы на основании данных полевых исследований разработать персонажей, значимые ситуации и поведение в них, которые демонстрировали бы дошкольникам, как можно помочь ребенку из группы риска, поддержать его, пригласить к игре. Основным персонажем 104 студийных сюжетов был усыновленный мальчик-шестилетка Коля, а в гости к детям на улицу Сезам приходили и приезжали дети из разных социальных и этнических групп, в том числе и дети-инвалиды.

Поскольку у детей-дошкольников – конкретно-образное мышление, сформировать у них понятие можно через постепенное сообщение его существенных признаков. Для нас важным было педальирование сходства ребенка, растущего в относительно нормальных условиях, и детей из проблемных групп. В дошкольном возрасте, когда абстрактное мышление еще не сформировано, процессы восприятия слабо опосредованы и во многом сводятся к процессам визуального узнавания (Кудрявцев, Уразалиева, Кириллов, 2005). Психологическая близость ребенка-зрителя и ребенка-героя обусловлена внешним, возрастным, половым сходством и сходством поведения. Например, если ребенок-инвалид играет в совместную игру (пинг-понг, лото) с другими детьми, он становится ближе ребенку-зрителю, но только если последний сам пробовал и умеет

играть в лото или пинг-понг. Наши многолетние исследования структуры и динамики образа сложных коммуникативных событий показывают, что наиболее устойчивым аспектом образа нового участника является эмоциональный аспект отношения к нему. Возникающее эмоциональное отношение к участнику события генерализуется, переносится на весь его образ, влияет на содержание и изменение этого образа. Но само эмоциональное отношение – не только результат мгновенно возникающей симпатии между воспринимаемым и воспринимающим, но и результат рациональной вербализованной оценки поведения и высказываний участников событий. Важно не только показывать сходство или демонстрировать существенные признаки персонажей, но и называть их (Маховская, 2008b; Марченко (Маховская), 1994).

Типичные проблемные темы, которые отражались в сценариях и разыгрывались в студии:

1. Как детям рассказать, кто такой сирота?

Предлагаемые психологами определения, доступные дошкольникам: «Ребенок, которого взяли в детском доме», «Ребенок, который будет жить в новой семье», «Ребенок, который *всегда* будет жить в семье», «Ребенок, который жил *по-другому*, без папы и мамы, а теперь будет жить, как ты, в семье», «Он – *настоящий сын* (дочь) дяде Юре и тете Дине, у которых не было детей», «Ребенок, который сделал *очень счастливыми* дядю Юру и тетю Дину» и т. д.

2. Кто такой ребенок-инвалид?

Предложения психологов: «Такой же, как ты, но у него есть особенности», «Он такой же, как ты, но он хуже видит», «Ему нужна *твоя* помощь», «Он не может ходить сам, но он передвигается на коляске», «Он любит играть в настольный теннис», «Он – веселый парень, с ним *можно* играть», «У него есть друг – доктор» и т. д. Круг вопросов о детях-сиротах и детях-инвалидах, которые, как показывают наши полевые исследования, могут интересовать детей-дошкольников и которые вызывают затруднения у воспитателей и родителей, довольно широк: «Как познакомиться с ребенком-сиротой?», «Как его называть?», «А есть у него братья и сестры?», «Поедет ли он летом к бабушке?», «Как показать свой двор ребенку-инвалиду?», «Можно ли пригласить его в дом?», «В какие игры он может играть?» и т. д. Все вопросы обсуждались со сценаристами во время еженедельных семинаров, которые предшествовали началу съемок, на допроизводственном этапе (preproduction).

Организация и методы формативного исследования

Параллельно со съемками проводилось формативное тестирование четырех уже готовых сюжетов, в которых обыгрывались темы усыновления и инвалидности. Это исследование было названо «формативным» потому, что, с точки зрения телевизионных сценаристов, в нем уточняются основные элементы формата программы: привлекательность сюжета, персонажей, ясность высказываний, яркость интриги, соответствие заложенного в сценарий (message) и воспринятого зрителем сообщения; с точки зрения психологов – потому, что в нем учитывалось психологическое содержание программ, сформированность основных понятий после просмотра, а также установки на сотрудничество с подобными персонажами в будущем. С социологической точки зрения важны признаки детской аудитории и различия данных в провинции и столице.

Организация исследования потребовала дополнительных усилий. Проведение видеосессий в детских садах – новый метод, равно как и интервьюирование маленьких зрителей. Острота тематики смущала некоторых воспитателей и родителей. Особенно мы это почувствовали в Воронеже. Родители подписывали письменное согласие, и таким образом учитывалось их мнение. Потребовалась особая разъяснительная работа, чтобы получить разрешение Министерства образования и сформировать группы детей – участников исследования. В качестве дополнительного поощрения (мотивации) за участие в необычном просмотре детям в конце сессий дарились мягкие игрушки. Чтобы не обидеть детей, которые по разным причинам не приняли участия в исследовании, игрушки дарились всем.

Участники: в исследовании принимало участие 6 групп дошкольников 4, 5 и 6 лет, из обычных детских садов г. Москвы и г. Воронежа по 10 человек в каждой из групп, примерно сбалансированных по полу и возрасту.

Стимульный материал: скриншоты (видеокадры) основных персонажей сюжетов, адаптированные для чтения вслух сценарии сюжетов, видеоролики с сюжетами, изображение инвалидной коляски.

Сюжет № 1 «Усыновление»: семья на улице Сезам усыновляет мальчика Колю, дети обсуждают его приезд.

Сюжет № 2 «Фотоальбом»: Коля рассказывает о своей жизни в детском доме, показывая фотографии детям.

Сюжет № 3 «Пинг-Понг»: мальчик Дима в инвалидной коляске играет с детьми в пинг-понг.

Исследование состояло из предварительной разминки, демонстрации или чтения в лицах сюжета с иллюстрациями в форме скриншотов или видеороликов, а также индивидуальных интервью с каждым ребенком. Демонстрация и обсуждение исследования фиксировались на видео с целью оценки глубины включенности ребенка в просмотр. Этот прием мы заимствовали из практики не прямой оценки эффективности детских сюжетов, принятой в «Улице Сезам» с учетом того, что прямая оценка сюжетов детьми в возрасте 4–6 лет затруднена и иногда малоинформативна.

В ходе разминки детям раздавались значки с их именами, предлагалось «написать» имя или слово, чтобы дети могли продемонстрировать свои способности.

Методы оценки

Валидизация по шкале Лайкерта:

Цель. Цель использования шкалы Лайкерта в пре-тесте заключалась в том, чтобы проверить применимость шкалы смайликов в исследовании и установить контакт с детьми.

Результаты. Основные результаты отражены в таблице 1. После ответов на 3 вопроса ребенокзнакомился с 3-мя смайликами:

- *Отношение к конфетам.* Как и ожидалось, большинство опрошенных детей (92%) выбрали ответ «очень нравятся».
- *Отношение к чаю.* Ожидалось, что большинство детей выберет ответ «чай и нравится, и не нравится». Однако, только 37% указали на спокойный смайлик, в то время как большинство детей ответили, что чай им очень нравится. Этот факт можно объяснить тем, что в России чай является любимым напитком многих людей. Традиционно в России чай пьют со сладостями или с сахаром, поэтому детям часто нравится пить чай.
- *Отношение к горькому лекарству.* Как и предполагалось, большинство детей (83%) ответили, что им «совсем не нравится горькое лекарство». Отношение к горькому лекарству значительно зависит от национальности ребенка: дети переселенцев из стран СНГ имеют склонность относиться к горькому лекарству более позитивно.

Ни в одной из последующих групп значительного различия в связи с национальностью респондента выявлено не было.

Результаты пересказа сюжетов оценивались количественно благодаря кодированию текстов интервью. Учитывались такие показатели, как:

Таблица 1
Ответы на вопросы пре-теста

		Место проведения		Total	Возраст			Total	Пол		Всего
		Москва	Регион		4 лет	5 лет	6 лет		м	ж	
		%	%		%	%	%		%	%	
Пожалуйста, скажите, насколько вам нравится конфеты?	Совсем не люблю (грустное личико)	0,00	3,33	1,67	0,00	5,00	0,00	1,67	3,70	0,00	1,67
	Ни люблю, ни не люблю (спокойное личико)	3,33	10,00	6,67	5,00	5,00	10,00	6,67	11,11	3,03	6,67
	Очень люблю (счастливое личико)	96,67	86,67	91,67	95,00	90,00	90,00	91,67	85,19	96,97	91,67
Пожалуйста, скажите, насколько вам нравится чай?	Совсем не люблю (грустное личико)	10,00	0,00	5,00	0,00	0,00	15,00	5,00	0,00	9,09	5,00
	Ни люблю, ни не люблю (спокойное личико)	20,00	53,33	36,67	50,00	15,00	45,00	36,67	37,04	36,36	36,67
	Очень люблю (счастливое личико)	60,00	46,67	53,33	45,00	80,00	35,00	53,33	59,26	48,48	53,33
	Не знаю	10,00	0,00	5,00	5,00	5,00	5,00	5,00	3,70	6,06	5,00
Пожалуйста, скажите, насколько вам нравится горькое лекарство?	Совсем не люблю (грустное личико)	83,33	83,33	83,33	85,00	75,00	90,00	83,33	81,48	84,85	83,33
	Ни люблю, ни не люблю (спокойное личико)	3,33	6,67	5,00	5,00	10,00	0,00	5,00	7,41	3,03	5,00
	Очень люблю (счастливое личико)	13,33	10,00	11,67	10,00	15,00	10,00	11,67	11,11	12,12	11,67

- «Воспроизведение названий сюжетов»
- «Описание и понимание сюжета в целом»
- «Воспроизведение имен персонажей»
- «Понимание мотивов существенных действий персонажей сюжета»
- «Понимание, чем закончилась игра» и т. д.

Набор показателей для каждого из сюжетов определялся отдельно. Все качественные данные кодировались по шкале Interrater Reliability. Сюжеты оценивались и сопоставлялись по шкале «эмоционально-информативно (познавательно)», «понятно-не понятно». Сопоставление давалось в относительных, комплексных показателях. Чем больше ответов на вопросы давали дети, тем более ясным, понятным и информативным был сюжет. Чем больше экспрессивных реакций и оценочных суждений реакций вызывает сюжет, тем более он эмоционален. При оценке сюжетов мы опирались на интуитивное ощущение баланса между занимательностью и информативностью сюжета.

Косвенная оценка вовлеченности детей в просмотр программы осуществлялась с помощью синхронной видеосъемки, с перерывами в 15 секунд, и оценки видеоклипов с использованием EOS (eyes-on-screen) индекса. Оценивались следующие характеристики: направленность взгляда ребенка (на экран, в сторону, на своего сверстника, на исследователя), содержание и модальность (позитивная – негативная) эмоциональной реакции, поведение детей во время просмотра (играет, хлопает в ладоши и т. д.).

Обсуждение результатов

Общая реакция на сюжеты

1. У российских детей-дошкольников не сформированы представления о сиротстве и инвалидности: ни стереотипные, ни элементарные. Вместе с тем из-за того, что взрослые вообще не говорят с детьми на «острые» темы, у них не сформированы и негативные стереотипы. Телевизионные сюжеты об усыновленных сверстниках и детях-инвалидах стали для них самым первым источником сведений о проблеме, с которой им придется столкнуться, когда они вырастут.

Большинство участников исследования вообще не знали, что обозначает слово «усыновление» (90%) (таблица 2). До проведения исследования только 10% опрошенных ответили: «Это когда детей усыновляют». Относительная осведомленность значительно

увеличивалась по мере взросления детей: 0% для 4 и 5 лет, 30% для 6 лет. В целом контактность и уровень понимания у детей быстро нарастали в группах от 4 до 6 лет. Среди тех, кто был знаком со словом «усыновление», никто не понимал точного значения этого слова. Они говорили, что усыновление – это «когда усыновляют», но им непонятна была предыстория усыновления. Они не фиксировались на том, что дети рождаются одними родителями, а живут в другой семье. Дети усваивают и другие существенные признаки усыновления: «ребенок становится членом семьи», «раньше он жил в детском доме», «его родила мама, а потом она не смогла воспитывать», «ребенка взяли из детского дома, где много детей без родителей».

2. Дети всех возрастов (83%) знакомы с общим видом инвалидной коляски (рисунок 1). Дети узнавали инвалидную коляску, предъявленную им на слайде, но 46,7% детей считали, что она предназначена для временного пользования: если ребенок или взрослый ломает ногу. Только 26,3% детей шестилетнего возраста предполагали, что инвалидная коляска предназначена для инвалидов, т.е. для людей, у которых имеются постоянные проблемы в передвижении. А 6,7% вспоминали, что такие коляски предназначены для старых людей, «которые уже не могут ходить».

Таблица 2
Релевантность описания причин того,
почему люди используют инвалидную коляску

Знаете ли вы, почему люди используют инвалидные коляски?	Местоположение			Возраст				Пол			Итого
	Москва	Регион	p-value	4 лет	5 лет	6 лет	p-value	м	ж	p-value	
	Col %	Col %		Col %	Col %	Col %		Col %			
Релевантное описание	73,33	60,00	0,439	50,00	70,00	80,00	0,14	80,00	53,33	0,12	66,67
Нерелевантное описание/не знаю	26,67	40,00		50,00	30,00	20,00		20,00	46,67		33,33

3. После просмотра сюжетов на темы усыновления и инвалидности дети получали более полное представление о том, что такое усыновление и инвалидность. Распределение в понимании было примерно таким: 25% 4-летних детей уверенно отвечали, что усыновление –

«это когда ребенка берут в семью», но уже в группах шестилеток этот показатель возрстал до 85%. Шестилетки демонстрировали понимание того, что «ребенка берут навсегда», а не просто на праздники или выходные. Практически у всех детей персонаж вызывал яркие положительные эмоции и желание с ним познакомиться и поиграть.

4. Детям всех возрастных групп трудно запоминать и воспроизводить «историю» персонажей. Даже после рассказа о том, что усыновленный мальчик Коля раньше жил в детском доме, без родителей, а до этого у него были другие папа и мама, дети путали «детский дом» с «детским садом», а на вопрос: «Кто родители Коли?» указывали только тех, кого они видели на экране. Разработка сюжета «Фотоальбом» с фотографиями из детского дома, где жил Коля, не привела к значительному увеличению детей, понимающих, что такое «детский дом». Детей больше интересовал сам мальчик, возможность с ним поиграть, а не предыстория усыновления Коли.

Из этих и других данных можно вывести несколько важных образовательных последствий: дети открыто, положительно, с интересом относятся к любому новому персонажу приблизительно их возраста. У дошкольников слабо сформировано сюжетное мышление, они демонстрируют готовность выстраивать отношения «здесь и теперь», в «пределах видимости», опираясь не на знание о представителях других групп, а на чувства симпатии – антипатии и условную возможность играть со своим сверстником: если ребенок-инвалид прикован к коляске и не может самостоятельно передвигаться, он вызывает меньше интереса.

5. Информация об усыновлении и инвалидности не вызывала шоковой реакции у детей. Мы можем предположить, что страхи и паника вокруг проблемы усыновления, которые демонстрируют взрослые, являются навязанными, «выученными», «приобретенными позже». Среди оригинальных определений «детского дома» можно назвать следующие: «Детский дом – это место, где живет много детей. У них не хватает игрушек» (девочка 6 лет, Воронеж), «Усыновление – наказание за непослушание» (мальчик 6 лет, Воронеж).

6. Наиболее распространенными поведенческими реакциями оказались: смех, обращение к персонажам на экране, подпевание в такт музыки (рисунки 2–3). Низкие показатели EOS, отсутствие ярких эмоциональных реакций мы встретили, когда детям был показан сюжет «Пинг-Понг», в котором герой был ребенком-инвалидом, но более старшего, чем они, возраста – 12 лет. Этот опыт пока-

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Для чего нужна инвалидная коляска?»

зывает, что нейтральную реакцию и отсутствие интереса вызывает не сам факт инвалидности, а низкая степень психологической близости с персонажем, возможность идентифицироваться с ним. Этот сюжет был удален из набора сюжетов для показа как неудачный. Хотя показатели вовлеченности являются формальными, средни рейтинговым, создатели образовательных сюжетов исходят из того, что требования к привлекательности детских сюжетов более важны, чем в случае взрослых, поскольку у детей еще не сформировано произвольное внимание, а рядом, как правило, не бывает взрослого, который мотивировал бы просмотр сюжетов ребенком.

Дети не демонстрировали негативного отношения к «усыновлению», не связывали бедность и сиротство, не считали, что усыновленные дети ущербны, т. е. не воспроизводили стереотипов, которые прививаются взрослыми потом. Девочка, 6 лет, Москва: «Усыновление – это когда ребенок становится членом семьи». Только одна шестилетняя девочка из Воронежа заметила: «Детский дом – это когда у детей одна игрушка для всех!». Для нее детский дом – это ужасная участь.

EOS у всех детей оказался очень высоким, не ниже 73%, в среднем 93%. Предъявляемые сюжеты различались по степени эмоциональной вовлеченности детей, что позволяет сразу определить «слабое звено» в ряде сюжетов.

Наиболее удачным и сбалансированным оказался сюжет «Фотоальбом». Он вызвал у детей положительную реакцию и одновременно содержал важные сведения о том, как живут дети в детском доме (рисунки 4).

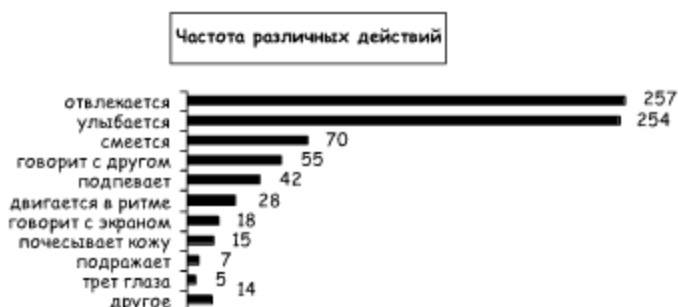
Рис. 2. Распределение сюжетов по шкале информативность–эмоциональность

Рис. 3. Показатель EOS (Eyes-on-Screen) в разных частях сюжета «Пинг-Понг»

По данным исследования в сценарий были внесены исправления. По настоянию психологов были усилены акценты (через повторы разными персонажами) на том, что «усыновление» – это когда «детей берут жить в семью», «навсегда», ребенок, которого берут в семью – «приемный сын», у него появляются постоянные друзья, свой уголок, кровать, игрушки, а дядю Юру и тетю Дину, у которых он теперь живет, называют «папой» и «мамой». Отдельный сюжет был написан на тему «Детский дом», а в сценарий – введены такие признаки, как «дети все время живут в детском доме, здесь они играют и спят», «у Коли (персонажа сюжета) были мама и папа, но потом им пришлось оставить сына в детском доме и уехать далеко работать». Новые папа и мама очень-очень хотели сына, они его любят и будут заботиться о нем».

Таким образом, психологи уже сегодня могут влиять на эффективность и социальную значимость телевизионных программ, превращая их из способа развлечения в инструмент социализации

Рис. 4. Частоты различных действий респондентов во время просмотра сюжета «Фотоальбом»

детей из разных социально-экономических, культурных, этнических групп. С помощью научно-обоснованных и апробированных сценариев могут закладываться основы, формироваться образцы консолидации будущего поколения россиян, даже если сегодня они растут и воспитываются в условиях взаимной изоляции, в относительном одиночестве. В сценарии могут быть заложены установки на солидарность, а также социальные навыки, которые станут основой взаимодействия и сотрудничества будущих граждан.

Литература

- Абраменкова В. В. Социальная психология детства. Учебное пособие. М.: Пер Сэ, 2008.
- Бердяев Н. А. Опыт философии одиночества и общения. М.: Республика, 1993.
- Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. А. Н. Ильинского. СПб., 1998.
- Кольцова В. А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
- Корольков, А. А., Петленко В. П. Философские проблемы теории нормы в биологии и медицине. М.: Медицина, 1977.
- Кудрявцев В. Т., Уразалиева Г. К., Кириллов И. Л. Личностный рост ребенка в дошкольном образовании. М.: Макс-Пресс, 2005.
- Лабиринты одиночества / Пер. с англ.; сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989.
- Лотман Ю. Структура художественного текста. М., 1970.
- Люблинский П. И. Кинематограф и дети. М., 1925.
- Маховская О. Формирование солидарных установок в обществе средствами телевидения. М.: РГГУ, 2008а.

- Маховская О. Милосердие или солидарность? // *Наша психология*. 2008 в. № 12. С. 2–16.
- Маховская О. О чем говорить с ребенком? М.: АСТ, 2008с.
- Маховская О., Мирная А. Пример психологического сопровождения международных детских ТВ-проектов: «Улица Сезам в России» // *Прикладная психология*. 2006. № 6 (3). С. 127–148.
- Марченко (Маховская) О. И. Восприятие новых коммуникативных событий в условиях опосредованного общения: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.
- Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
- Познание и общение // Под. ред. В. А. Барабанщикова, Е. А. Самойленко. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
- Садлер У., Джонсон Т. От одиночества к аномии // *Лабиринты одиночества* / Под ред. Н. Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 21–52.
- Слободчиков И. М. Одиночество личности: психологическая природа, феноменология, онтогенез. М.: Скрин-Лайн, 2006.
- Тоффлер О. Одноразовая культура. М.: Логос, 2001.
- Тхостов А. Ш., Сурнов К. Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // *Психологический журнал*. 2005. Т. 26. № 6. С. 16–24.
- Харитоновна Е. В. Социально-психологические детерминанты агрессивного поведения: психолого-историческая реконструкция: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Фуко М. Наблюдать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Шэффер Дж. Дети и подростки. Психология развития. СПб.: Питер, 2004.
- Янг Дж. И. Одиночество, депрессия и когнитивная терапия: теории и ее применение // *Лабиринты одиночества* / Под ред. Н. Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 552–594.
- Asher S., Renshaw P. Children without friends: Social knowledge and social skill training // *The development of children's friendships* / Eds S. Asher, J. Gottman. N. Y.: Cambridge University Press, 1980.
- Bandura A. Social Learning Theory. Englewood Cliffs, NJ: Printice Hall, 1977.
- Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. Paris: Ed. de Minuit, 1979.

- Bronfenbrenner U.* Two worlds of Childhood, The USA and USSR. N. Y., 1977.
- Hausmann L., Moise-Titus J., Podolski Ch., Eron L.* Longitudinal Relations Between Children's Exposure to TV Violence and Their Aggressive and Violent Behavior in Young Adulthood: 1977-1992 // *Development Psychology*. 2003. V. 39. № 2. P. 74-86.
- Keller M. F., Carlson P.* The use of symbolic modeling to promote social skills in children with low levels of social responsiveness // *Child Development*. 1974. № 45. P. 912-919.
- Merton K.* Anomie, anomia and social interaction: Context and deviant behavior // *Anomie and Deviant Behavior: A Discussion and Critique* / Ed. M. B. Clinard. N. Y.: Free Press, 1964. P. 213-242.
- Mirny A.* What are the educational needs of preschool children in Russia? // *Television*. 2007. № 20. P. 175-179.
- Oden S., Asher S.* Coaching children in social skills for friendship-making // *Child Development*. 1977. № 48. P. 495-506.
- Singer D., Singer J. L.* Handbook of children and the media. Thousand Oaks, CA: Sage Publishing Co., 2001.

ПОНИМАНИЕ МОРАЛЬНОЙ ДОПУСТИМОСТИ АБОРТОВ*

В. В. Знаков

Человеческое бытие наполнено событиями, отсутствие событий – признак биологической смерти или психологического умирания. Событие в самом общем виде можно определить как «локальное структурирование бытия в сжатые промежутки времени – в данный момент, здесь и сейчас... Событие – не просто место, занимаемое в течении бытия, а совершение самого бытия, его фрагмент или эпизод» (Барабанчиков, 2002, с. 13). «Событие – плод стечения обстоятельств, когда возможное становится фактом бытия. В этом смысле оно неповторимо и необратимо. Выполнив свое назначение или роль, событие переходит в инобытие: преобразуется и существует в латентной форме – прошлого в настоящем» (там же, с. 14).

Особую роль в жизни каждого из нас играют критические события. Мы живем в таком мире, в котором психологические исследования критических изменяющих жизнь событий приобретают большое не только научное, но и практическое значение. Событие можно назвать критическим, если оно характеризуется следующими признаками (Перре, Лайрейтер, Бауман, 2002). 1. Оно всегда локализовано во времени и пространстве. 2. Оно внезапно и коренным образом изменяет привычное течение жизни и потому требует от человека принятия решений о качественной реорганизации его бытия. 3. Произошедшие изменения сопровождаются стойкими аффективными реакциями, а не только кратковременными эмоциями. Критические, изменяющие жизнь события называются нормативными, если их можно предсказать (поступление в школу) и они почти всегда наступают у всех членов определенного культур-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-06-00073а).

ного сообщества. «Соответственно, ненормативные критические, изменяющие жизнь события отличаются внезапностью и непредсказуемостью, например, неожиданная смерть кого-то из близких» (там же, 2002, с. 362).

Трудность и неоднозначность понимания людьми ненормативных критических событий проявляется во многих сферах человеческого бытия, в которых присутствует конфликт фактов и оценочных суждений. Главная проблема состоит в том, что очень часто факты и мнения невозможно четко дифференцировать, точно определить то и другое. Примерами ненормативных критических событий изобилует медицинская этика: эвтаназия, пересадка органов, реанимация пациентов, умирающих от старческого слабоумия и т. п. Одним из таких событий является аборт, искусственное прерывание беременности. Понимание-принятие или понимание-отвержение субъектом аборта никогда не формируется на основе только рациональных рассуждений, большую роль при этом играет невербализуемый экзистенциальный опыт. Семантическим антиподом такого ненормативного критического события, как аборт, является материнство. Рассуждения и мнения людей о материнстве принципиально не могут быть рациональными вследствие иррациональности самого желания иметь детей: «Желание материнства может быть доминирующей движущей силой, которая, однако, только частично выразима словами или объяснима» (Sev n, 2005, p. 472). Понимание целостной ситуации аборта основано на экзистенциальном опыте субъекта, включающем ценностно-смысловые образования и моральные представления о должном, связанные с базовыми человеческими ценностями (Jelen, Damore, Lamatsch, 2002). Понимание аборта – это не понимание-знание, которому соответствует оценка истинности суждения о моральной допустимости или, наоборот, недопустимости искусственного прерывания беременности. Результатом понимания ненормативного критического события оказывается понимание-интерпретация, соотносимое с оценками правильности – неправильности мнений. Большую роль играет также актуализация интуитивных образований, глубинных личностных смыслов и ценностей, в результате которой возникает понимание-постижение, основанное на представлениях общающихся людей о правдивости или неправдивости высказываний о моральной допустимости аборта (Знаков, 2009).

Понимание представляет собой особый тип бытия человека в мире, интегрирующий чувственные и рациональные компоненты,

позволяющий сопоставить жизненные ситуации с представлениями о должном. Принципиальная поливариативность понимания, разнообразие интерпретаций понимаемого события позволяет объяснить неодинаковость моральных выборов субъектов общения. Из возможности множества вариантов понимания любого события следует, что некорректно говорить об однозначности принятия решения о моральной допустимости аборта.

Сегодня большинство людей, живущих в развитых западных странах, соглашаются с тем, что искусственные аборты – одна из наиболее актуальных, важных и неоднозначных проблем общественной жизни, политики и морали (Coleman et al., 2005). Противостояние и столкновение различных точек зрения является настолько личностно значимым, «что оно выплескивается на улицы, становится предметом массовых манифестаций, митингов и демонстраций. Одна из демонстраций по проблеме аборта, прошедшая, например, в столице США в 1992 г., собрала рекордное для Вашингтона число участников – свыше 250 тыс. человек. Многочисленные демонстрации «за» и «против» абортов проходят почти во всех странах Запада» (Коновалова, 1998, с. 154).

Трудно представить такое в нашем отечестве. Между тем «первым государством, легализовавшим «аборт по просьбе», была Советская Россия» (Иванюшкин, 1998, с. 202), произошло это в 1920 г. Однако за последующие девяносто лет эта проблема из личной, интимной сферы жизни женщины постепенно перешла в область государственного контроля за рождаемостью. Что же касается нравственных сомнений, относящихся к прерыванию зарождающейся жизни, то, как показано в клинических исследованиях, в высказываниях российских женщин они до сих пор либо вообще не проявляются, либо отодвигаются на второй план рассуждениями о здоровье, отношениях с партнером, социальных условиях жизни и т. п. (Remennick, Segal, 2001). Для нашего массового сознания характерны недооценка или даже игнорирование моральных аспектов аборта: «Можно заключить, что в конце концов политика советской власти в отношении абортов привела к деформации психологии целых поколений женщин и мужчин в нашей стране, когда прерывание беременности для многих из них утратило смысл мучительного морального выбора, так как стало просто социальной нормой» (Иванюшкин, 1998, с. 202–203).

В XXI в. проблема абортов (искусственного прерывания беременности) публично обсуждается во всем мире как общественно значи-

мая и имеющая общечеловеческий характер. Она включает в себя социальные, этнические, религиозные и многие другие стороны. Эта статья посвящена только одной из них – этической: насколько допустимы аборт с моральной точки зрения.

Определение понятия «моральной допустимости» искусственно прерывания беременности в современной науке является одной из важнейших проблем современных психологических исследований абортов. В этой проблеме выделяется два главных аспекта: совокупность представлений людей о начале жизни (Hess, 2005; Singleton, 1994) и о моральном статусе плода (Коновалова 1998; Little, 2005). Одни считают началом жизни момент зачатия или достижения плодом определенного уровня развития, а аборт приравнивают к убийству человека. Другие полагают, что аборт нельзя рассматривать как убийство, поскольку плод до рождения не является человеческим существом и не обладает правами, не имеет морального статуса. Суждения о моральной допустимости или недопустимости аборта содержат ответы на два главных вопроса. Первый: можно ли считать, что с момента зачатия зародыш является человеческим существом? Положительный ответ на этот вопрос означает, что целью аборта является убийство существа, уже имеющего право на жизнь и, соответственно, моральный статус. Второй вопрос: имеет ли беременная женщина исключительное право контроля над своим телом? Иначе говоря, может ли она только по своему усмотрению делать аборт, рассматривая его как удаление кусочка ткани из организма, подобно тому, как поступают все люди, подстригая ногти и волосы? В этом случае положительный ответ основан на убеждении в том, что плод можно считать человеком, имеющим право на жизнь, только тогда, когда он превращается в ребенка, живущего вне организма матери.

Многочисленные психологические исследования говорят о том, что ответы на указанные вопросы, в которых отражается отношение людей к абортам, зависят от их пола, возраста, личностных особенностей, религиозных убеждений, представлений о моменте зарождения жизни человека и многого другого. В исследованиях западных ученых показано, что женщины, сделавшие аборт и решившие выносить незапланированного ребенка, различаются по нескольким психологическим характеристикам. К примеру, канадские женщины, решившие прервать нежелательную беременность, описывают себя как привыкших полагаться на собственные силы, независимых, упорных и предпочитающих свободу. У. Б. Миллер пришел

к выводу, что женщины, делающие аборт, как правило, не состоят в браке, независимы и склонны рассматривать аборт как приемлемый выход из положения для них самих и в глазах членов их семьи. Приписывание вины за случившееся партнеру или чертам своего характера, таким, как импульсивность и безответственность, приводит к более тяжелым последствиям, нежели поиск источника проблемы в конкретном поведенческом акте. Женщины, не склонные обвинять в случившемся партнера и свой характер, проявляют лучшую психологическую адаптацию к случившемуся по прошествии трех и более недель после аборта (Coleman et al., 2005). Говоря о положительных последствиях аборта, исследователи отмечают автономию, личностный рост, улучшение отношений с окружающими, появление цели в жизни и самопринятие. В исследовании Г. М. Бернелл и М. А. Норфлит, проведенном на выборке 178 человек, женщины спустя полтора года после аборта отмечали увеличение энергичности, улучшение внешнего вида, укрепление отношений с партнером и родителями (Burnell, Norfleet, 1987).

Важным фактором формирования отношения к абортам оказывается мнение о том, является ли зародыш с момента зачатия человеческим существом. Психологические исследования самочувствия женщин, имевших и не имевших опыт искусственного прерывания беременности, обнаружили следующее. Женщины, сделавшие аборт и рассматривавшие плод как человека, чувствовали себя значительно хуже тех, кто его не делал. Те же, кто сделали аборт, но не рассматривали плод как человека, чувствовали себя в целом не хуже женщин, не имевших такого опыта. Те женщины, которые считали плод прообразом человека, называя его ребенком, находились в состоянии повышенного нервного напряжения или негативной переоценки своих действий. Женщины, считающие плод чем-то иномродным и уж никак не человеком, либо вообще не сожалели о своем решении, либо приходили в себя согласно линейному паттерну реакции (Goodwin, Ogden, 2007). На выборке свыше 800 человек обнаружено, что женщины, прошедшие через аборт и убежденные в том, что зародыш является человеком, показали значительно более низкий уровень самооценки и удовлетворенности жизнью, чем женщины, не прерывавшие беременность. В группе женщин, сделавших аборт, но не рассматривающих зародыш как человеческое существо, такого снижения не наблюдалось (Coleman et al., 2005).

Наконец, нельзя не отметить, что искусственное прерывание жизни является фундаментальной проблемой человеческого бы-

тия. Ее экзистенциальная значимость для каждого человека проявляется, в частности, в том, что отношение к абортам включено в мировоззрение, систему взглядов на мир и себя в мире. Одной из важных составляющих мировоззрения является религиозная. Индивидуальная религиозность – значимый предиктор отношения к абортам (Ho, Penney, 2001). Разногласия и споры о моральных аспектах проблемы в современном мире приводят к возрастанию роли религии в формировании отношения к абортам. Религиозная позиция усиливается данными об отрицательных корреляциях между пониманием-принятием аборт и идентификацией себя как верующего человека, принадлежностью к традиционной церкви, регулярностью посещения церковных богослужений, личной включенностью в разнообразную религиозную активность (Woodrum, Davison, 1992).

Цель статьи – выявление психологических, социокультурных и демографических факторов, от которых зависит понимание-принятие или понимание-отвержение моральной допустимости аборт.

Методика

В исследовании приняли участие 668 испытуемых (357 женщин и 311 мужчин) из Москвы, Костромы и Саранска – студенты, представители рабочих профессий, медицинские работники, педагоги, инженеры, экономисты, менеджеры и т. п. в возрасте от 17 до 64 лет. Средний возраст участников $M=29,08$, стандартное отклонение $SD=9,29$, медиана $Me=26$. В проведении исследования участвовали А. Г. Власова, Ю. С. Зубарева, О. В. Клычникова, М. С. Кондрашкина.

Сначала испытуемые анонимно заполняли три опросника: Методику исследования макиавеллизма личности (Знаков, 2001), методику «Уровень субъективного контроля» (УСК) (Милорадова, 2003), Опросник отношения к абортам А. Хилл (Hill, 2004). Последний представляет собой модифицированный вариант методики, ранее использованной в исследовании К. Д. Эспозито и С. А. Басоу (Esposito, Basow, 1995). Затем участники экспериментов по три раза продолжали незаконченные предложения 1) Аборт – это..., 2) Люди понимают аборт..., 3) Аборт делают женщины... На завершающем этапе исследования каждый испытуемый в соответствии с предложенной ему десятизначной шкалой высказывал свое мнение о том, с какого момента начинается жизнь, а потом на шестизначной шкале указывал степень своего согласия с тем, что Бог существует.

Результаты исследования

Обработка результатов происходила в три этапа.

Первый этап анализа данных заключался в дескриптивном анализе результатов ответов по пунктам опросника Хилл. В предыдущем исследовании были осуществлены факторный анализ (выявлены два значимых фактора – интернальный и экстернальный) и определение гомогенности, внутренней согласованности шкал опросника (Знаков, 2010). Опросник состоит из 10 утверждений, описывающих конкретные ситуации (см. таблицу 1). Испытуемый должен выразить меру своего согласия или несогласия с каждым из 10 утверждений по 7-балльной шкале – от 1 (совершенно не согласен) до 7 (полностью согласен). На этой шкале 4 означает «затрудняюсь ответить». Общий показатель отношения к абортам получается в результате суммирования оценок по всем пунктам. Диапазон оценок – от 10 до 70 с медианным значением $Me=40$. Тогда сумма оценок меньше 40 означает отвержение человеком аборт, 40–49 – выражение отсутствия определенного мнения по этому вопросу, а 50 и выше – принятие аборт. В целом по выборке, состоящей из 668 испытуемых, среднеарифметический показатель по методике Хилл $M=38,5$, а медиана $Me=38,0$. Оценки от 10 до 39 были выявлены у 363 испытуемых, 40–49 у 177, 50 и выше – у 128. Отвергающие аборт испытуемые статистически значимо преобладают в выборке: об этом свидетельствует сравнение оценок 363 субъектов, отвергающих аборт, и 305 сомневающихся, а также принимающих их ($\chi^2=5,04$; $p<0,01$). Этот результат отличается от полученного в моем предыдущем исследовании на меньшей выборке (Знаков, 2010).

Усредненные оценки ответов 668 испытуемых на десять вопросов опросника представлены в таблице 1.

В интернальный фактор входят ответы на вопросы, отражающие обстоятельства, в которых решение прервать беременность зависит прежде всего от самой женщины. Экстернальный фактор: на решение об аборте влияет физическое или психическое состояние здоровья потенциальных матери и ребенка, которое в данный момент невозможно изменить. Средние оценки по вопросам, включенным в интернальный фактор ($M=3,2$) оказались значимо более *низкими*, чем по экстернальным ($M=4,8$): $\chi^2=2474,6$; $p<0,001$). Это означает, что испытуемые отвергают аборт в ситуациях, в которых решение о прерывании беременности является исключительно внутренним решением, выбором женщины. В тех случаях, когда невозможно

Таблица 1
Средние значения, стандартные отклонения
и медианы оценок по шкалам опросника

Шкалы опросника	Средняя	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
1. Здоровье матери находится в опасности	5,15	2,10	6	1	7
2. Существует большая вероятность серьезных повреждений у ребенка	4,67	2,09	5	1	7
3. Женщина замужем и не хочет больше иметь детей	3,10	2,17	2	1	7
4. Женщина подверглась насилию	4,49	2,27	5	1	7
5. Женщина не замужем и не хочет выходить замуж за человека, от которого беременна	3,35	2,18	3	1	7
6. Женщина слишком бедна, чтобы содержать ребенка	3,47	2,02	3	1	7
7. Женщина сама приняла решение прервать беременность	3,44	2,35	3	1	7
8. Женщина уже делала аборт ранее	2,89	2,21	2	1	7
9. Женщина учится и собирается закончить учебное заведение	3,13	2,23	2	1	7
10. Женщина – умственно отсталая	4,87	2,25	6	1	7
Средняя интернальных пунктов (3, 5, 6, 7, 8, 9)	3,23	1,63	3	1	7
Средняя экстернальных пунктов (1, 2, 4, 10)	4,79	1,64	5	1	7

не учитывать негативные медицинские факторы, люди гораздо чаще испытывают затруднения в принятии определенного решения (за или против аборта).

Второй этап обработки результатов заключался в кросскультурном сравнительном анализе данных 62 американских студенток (Hill, 2004) и 668 российских испытуемых, из которых только 25 девушек были ровесницами американок (17–22 года).

Кросскультурный анализ. Сравнение данных американских и российских испытуемых (см. таблицу 2) показало, что как в американской, так и в русской социокультурной среде люди затрудняются с принятием определенного решения об аборте в случаях явного воздействия внешних факторов, не зависящих от мировоззрения и воли беременной женщины. Интересно, что по всем вопросам, включенным в интернальный фактор, американские девушки в большей степени не согласны на аборт, чем русские испытуемые. Иначе говоря, у американок более отчетливо сформировано категоричное мнение о том, что в случае собственного решения женщины аборт скорее морально недопустим, чем оправдан. Очевидно, что причины этого следует искать не только в психологии людей, но и в экономических, политических, религиозных и т. п. различиях в образе жизни людей в США и России.

Третий этап обработки результатов состоял в сравнительном анализе отношения к абортам испытуемых, различающихся по полу, возрасту, региону проживания, личностным и мировоззренческим особенностям. Статистический анализ различий проводился с использованием непараметрических критериев Колмогорова–Смирнова, Манна–Уитни, биномиального критерия, χ^2 .

Проводились также качественная обработка и контент-анализ ответов испытуемых на незаконченные предложения. В ходе контент-анализа подсчитывались характеристики разной эмоциональной направленности (нейтральные, позитивные, негативные), а также выделялись группы, по которым можно распределить высказываемые испытуемыми суждения («просто медицинская процедура», «зло», «вынужденная мера» и др.). Совокупность ответов рассматривалось как семантическое пространство понимания обсуждаемой ситуации: что именно испытуемые понимают под «абортами», как оценивают женщин, их совершающих, и как относятся к процедуре прерывания беременности (оценивают ли ее нейтрально как безобидную операцию, эмоционально негативно или позитивно). В множестве ответов на вопросы опросников и продолже-

Таблица 2
Данные американских и русских испытуемых

Шкалы опросника	62 американки		668 русских			25 русских девушек		
	Средняя	Стандартное отклонение	Средняя	Стандартное отклонение	Вероятность ошибки	Средняя	Стандартное отклонение	Вероятность ошибки
1. Здоровье матери находится в опасности*	4,8	1,77	5,1	2,1	$p < 0,27$	3,5	2,27	$p < 0,06$
2. Существует большая вероятность серьезных повреждений у ребенка*	4,5	2,07	4,6	2,09	$p < 0,69$	3,8	1,85	$p < 0,16$
3. Женщина замужем и не хочет больше иметь детей	1,8	1,21	3,1	2,17	$p < 0,001$	4,0	2,23	$p < 0,001$
4. Женщина подверглась насилию*	4,6	2,09	4,4	2,27	$p < 0,55$	4,1	2,46	$p < 0,26$
5. Женщина не замужем и не хочет выходить замуж за человека, от которого беременна	2,0	1,57	3,3	2,18	$p < 0,001$	4,9	2,12	$p < 0,001$
6. Женщина слишком бедна, чтобы содержать ребенка	2,8	1,93	3,4	2,02	$p < 0,04$	3,7	2,05	$p < 0,07$
7. Женщина сама приняла решение прервать беременность	2,8	2,01	3,4	2,35	$p < 0,03$	4,2	2,27	$p < 0,001$
8. Женщина уже делала аборт ранее	1,9	1,42	2,9	2,21	$p < 0,001$	4,8	2,32	$p < 0,001$
9. Женщина учится и собирается закончить учебное заведение	2,6	1,85	3,1	2,23	$p < 0,10$	4,7	2,29	$p < 0,001$
10. Женщина – умственно отсталая*	3,3	1,93	4,8	2,25	$p < 0,001$	3,8	2,37	$p < 0,35$

* в таблице отмечены вопросы, входящие в экстернальный фактор, а жирным шрифтом – значимые различия.

ниях незаконченных предложений в конечном счете проявлялась нравственная позиция испытуемого: считает он аборт морально допустимыми или нет. Указанные два варианта отношения включены в два типа понимания ситуации искусственного прерывания беременности – понимание-принятие и понимание-отвержение.

Проанализируем данные российских испытуемых.

Пол. 357 женщин в выборке по возрасту не отличаются от 311 мужчин ($M=29,0$ лет). Результаты женщин по общему показателю методики Хилл значимо не отличаются от оценок мужчин: $M=39,2$ и $M=37,7$; $p>0,10$, но у них выше оценки по интернальной шкале ($M=20,2$ и $18,3$; $p<0,02$). Следовательно, женщины чаще, чем мужчины, считают аборт оправданным в ситуациях, в которых принятое решение является собственным выбором субъекта. Это проявляется в оценках ситуаций: «Женщина слишком бедна, чтобы содержать ребенка» ($M=3,7$ и $3,2$; $p<0,01$); «Женщина учится и собирается закончить учебное заведение» ($M=3,3$ и $2,9$; $p<0,01$); «Женщина замужем и не хочет больше иметь детей» ($M=3,3$ и $2,9$; $p<0,03$).

У женщин ниже многие показатели по методике УСК: интернальности в области достижений ($M=5,7$ и $M=6,7$; $p<0,01$), неудач ($M=3,7$ и $M=5,0$; $p<0,05$), семейных отношений ($M=1,7$ и $M=3,2$; $p<0,05$), межличностных отношений ($M=2,8$ и $M=3,7$; $p<0,05$), здоровья ($M=3,0$ и $M=3,8$; $p<0,03$). Вместе с тем женщины относят зарождение жизни человека к более раннему периоду ($M=2,3$ месяца и $M=3,7$ месяца; $p<0,01$). Они в большей степени, чем мужчины, уверены в существовании Бога ($M=4,9$ и $M=4,3$; $p<0,01$) и чаще посещают церковь ($M=1,9$ и $M=1,6$; $p<0,03$).

Понимая обсуждаемую ситуацию по типу понимания-принятия, женщины констатируют, что «люди понимают аборт как вынужденную меру», «как попытку сохранить семью, работу, статус». Как показывают психологические исследования (Gilligan, 1982), женщины стремятся определять себя в связи с окружающими людьми, их этический, нравственный опыт базируется на чувстве сплоченности, близости, сочувствия («Я знаю женщин, делавших аборт, лично и близко. Я понимаю, что они чувствовали»). Соответственно для них важно следование социальным и моральным образцам поведения («Люди понимают аборт, потому что сами поступили бы так же»).

Мужчины, понимающие ситуацию по типу понимания-отвержения, чаще, чем женщины, приводят в поддержку своей позиции общенаучные, биологические, демографические аргументы («Аборт –

это предотвращение рождения человека, которого в должной мере не смогут или не хотят воспитать и вырастить родители и государство. Это возможность отказаться от ребенка с нежелательным генотипом (при достаточном развитии технологий – возможности расшифровать ДНК до рождения), т. е. возможность предотвратить некоторые наследственные болезни. Аборт – это средство контроля, уменьшения рождаемости, например, при перенаселении»). Из этого следует закономерный вывод о том, что «люди понимают аборты как средство исправить ошибку – природы или свою». Не остаются без внимания и моральные аргументы («Аборт – это один из эффективных способов решения личных проблем, широко распространенный в век упадка нравственности всего человечества»). Понимание-отвержение проявляется и в апелляции к своему ментальному и экзистенциальному опыту («Люди понимают аборты, а я – нет»).

Возраст. Возрастных различий в отношении к абортам по общему показателю опросника Хилл не выявлено, однако они обнаруживаются при сравнении интернальных и экстернальных пунктов. У 186 человек из нижнего квартиля распределения ($M=20,5$ лет) оценки по экстернальным пунктам ($M=17,5$ и $M=20,1$; $p<0,01$) ниже, чем у 169 испытуемых из верхнего квартиля ($M=42,7$ года), а по интернальным ($M=21,7$ и $M=18,9$; $p<0,02$) – выше. Противоположная направленность оценок двух шкал опросника нивелирует, устраняет различия в общем показателе. Следовательно, отношение к абортам у молодых людей по сравнению со взрослыми чаще выражается в понимании-отвержении моральной допустимости искусственного прерывания беременности в таких ситуациях, в которых существует угроза физическому или психическому состоянию здоровья потенциальных матери и ребенка. Особенно следует подчеркнуть тот факт, что молодые значимо реже, чем взрослые, согласны с моральной допустимостью аборта тогда, когда существует большая вероятность серьезных повреждений у ребенка ($M=4,2$ и $M=5,0$; $p<0,05$). Вместе с тем молодые чаще, чем взрослые, согласны с моральной допустимостью аборта, понимают ситуации по типу понимания-принятия тогда, когда решение определяется преимущественно собственным выбором женщины.

Следует отметить и то, что, по-видимому, определяется преимущественно экзистенциальным опытом: чем люди старше, тем чаще они оценивают аборт как право женщины и реже рассматривают его как преступление. Для испытуемых старше 35 лет характерно также стремление найти оправдания планируемой или совершен-

ной прерванной беременности («Аборт делают женщины, у которых хватает сил принять такое решение»). У молодых, особенно мужчин, чаще встречаются категоричные суждения («Если женщина согласна на аборт, значит она своего ребенка недостойна»).

Моральная допустимость аборта при нарушении в развитии плода. Второй вопрос-ситуация из методики Хилл формулируется так: «Существует большая вероятность серьезных повреждений у ребенка». Из выборки в 668 человек 205 испытуемых не согласились ($M=1,9$) и 382 согласились ($M=6,3$) с необходимостью и моральной оправданностью аборта. Чем эти две группы испытуемых отличаются по демографическим и личностным характеристикам? Между ними нет половых различий, т. е. ни про одну из групп нельзя сказать, что в ней преобладают мужчины или женщины. Не согласные на аборт немного младше ($M=27,4$ и $M=30,1$; $p<0,001$). У них ниже показатель интернальности в области межличностных отношений ($M=2,3$ и $M=3,5$; $p<0,01$), они считают, что о плоде как человеке можно говорить уже на третьем месяце беременности (вторая группа – на четвертом): $M=2,7$ и $M=3,1$; $p<0,03$.

Поскольку отличий по демографическим и личностным характеристикам явно немного, то причины понимания-отвержения и понимания-принятия аборта плода с отклонениями в развитии, вероятно, следует искать в мировоззренческих ценностно-смысловых позициях испытуемых.

Региональные различия. 201 житель Москвы и 467 испытуемых из Саранска и Костромы: статистически значимых различий по полу нет, средний возраст москвичей немного ниже ($M=28,2$ и $M=29,4$; $p<0,001$). У москвичей выше общий показатель по методике Хилл ($M=40,6$ и $M=37,6$; $p<0,005$). Значит, жители этих двух регионов в среднем понимают предлагаемые им десять ситуаций из методики Хилл по типу понимания-отвержения, а большинство москвичей из обследованной выборки колеблются в принятии решения. У жителей регионов значительно более низкий, чем у москвичей, общий показатель интернальности ($M=17,9$ и $27,8$; $p<0,001$). Они в большей степени верят в Бога ($M=4,8$ и $4,4$; $p<0,03$) и понимают аборт по типу понимания-отвержения ($M=37,6$ и $40,6$; $p<0,005$). Кроме того, жители Костромы и Саранска отличаются от москвичей меньшими показателями макиавеллизма личности ($M=78,7$ и $M=80,3$; $p<0,05$), по опроснику УСК – интернальности в области неудач ($M=3,4$ и $M=6,5$; $p<0,001$) и производственных отношений ($M=3,6$ и $M=6,8$; $p<0,001$).

Понимание ситуации искусственного прерывания беременности жителями регионов безусловно основано на моральных и религиозных убеждениях. Однако бросающееся в глаза отличие от москвичей состоит в более частом упоминании социальных условий, вынуждающих женщин к принятию решения («Аборты делают женщины, чтобы скрыть свой позор»; «У которых нет средств на существование вместе с ребенком»; «Это лучше, чем отдать ребенка в приют»). Испытуемые мужского пола склонны рассматривать проблему в более широком социальном контексте («Аборт – это проблема современного общества»; «Способ ухода от ответственности»; «Несамостоятельность в действиях и поступках»; «Аборт делают женщины, желающие закончить институт и сделать карьеру»; «Потому что никто не запрещает это делать, это легко доступно»). Испытуемые женского пола склонны к оценкам личностных качеств и мировоззрения тех, кто делает аборты. Они «неблагополучные, малодушные», «ни о чем не думающие, склонные к опрометчивым решениям», «не умеющие планировать собственную жизнь», «запутались, боятся будущего», «просто не доросли для того, чтобы стать матерью».

В понимании ситуации москвичами на передний план выходят не моральные рассуждения о праве неродившегося человека на жизнь, а мнение том, что каждый сам вправе решать, как ему поступать и как себя вести («Да, аборт – прерывание жизни. Но ребенок – это такая степень ответственности, что взять ее на себя означает кардинально изменить свою жизнь, и мне кажется, женщина вправе решать, потому что решает она и для себя тоже»).

Представления о начале жизни. По этому показателю значимые различия обнаружены только в группе, состоящей из 311 мужчин. В женской группе таких различий (357 испытуемых) не обнаружено. Сравнивались 213 мужчин, которые считают, что жизнь человека зарождается в первом триместре беременности ($M=1,54$), и 79, полагающие, что это происходит во время последнего триместра или в момент рождения ребенка ($M=9,48$). Оказалось, что у первых *ниже* общий показатель интернальности ($M=19,6$ и $M=25,8$; $p<0,05$). Они также в *меньшем* количестве ситуаций считают аборты морально допустимыми, чем вторые ($M=36,9$ и $M=39,5$; $p<0,10$), однако различия не значимы.

Люди, считающие, что жизнь начинается в первом триместре беременности («Если даже молекула является биологически «живой», то почему бы не быть живым ребенку в момент зачатия?»),

чаще называют аборт убийством («Я считаю, что в независимости от срока беременности в утробе находится живой человек: это даже не обсуждается. В любом случае аборт – это убийство»). Те, кто полагает, что жизнь начинается на более поздних сроках беременности, склонны оценивать аборт как допустимую процедуру («Недоразвитый набор клеток нельзя назвать живым организмом»).

Однако самая сложная задача, которую вынуждены решать испытуемые, состоит в содержательном различении понятий «жизнь» и «жизнь человека». В методике именно для того, чтобы побудить их порассуждать на эту тему, я использовал первую категорию, а не вторую. Главный вопрос здесь заключается в том, когда, с какого момента зародыш можно называть человеком («Это большой вопрос – когда речь идет просто о прерывании жизни, а когда – о прерывании жизни одушевленного существа, т. е. уже наделенного бессмертной душой»). Одна точка зрения: «Душа человека появляется в момент зачатия, значит, оплодотворенная яйцеклетка – уже живое существо». Другая позиция: «Жизнь физического тела начинается с первого дня беременности, но душа приходит в момент рождения». Наконец, третья – «Жизнь начинается тогда, когда ее осознаешь», т. е. после рождения.

Ни одна из названных точек зрения не может претендовать на абсолютную истинность, они выражают лишь разные варианты понимания проблемы. А понимание, как известно, всегда поливариативно и в отличие от познания не имеет прямого отношения к истинности понимаемых суждений.

Индивидуальная религиозность. Сравнивались результаты 539 испытуемых, в разной степени согласных с утверждением: «Я верю, что Бог существует», и 128 не согласных с ним. Применительно к этой выборке в соответствии и с биномиальным критерием, и с критерием χ^2 с вероятностью ошибки $p < 0,001$ можно утверждать, что согласные с утверждением преобладают. У не верящих в существование Бога значимо более высокие оценки по общим показателям шкалы интернальности ($M=27,5$ и $M=19,3$; $p < 0,005$) и методики Хилл ($M=41,5$ и $M=37,8$; $p < 0,03$). Следовательно, если неверующие колеблются, то верующие понимают искусственное прерывание беременности по типу понимания-отвержения.

Исследование выявило немало конкретных случаев, свидетельствующих о понимании-отвержении абортов верующими людьми. Не соглашаясь с их моральной допустимостью («Аборты это аморальное явление современности»), они понимают искусст-

венное прерывание беременности как зло, за которое надо наказывать («Аборт – это преступление, за которое в Российской Империи отправляли на каторгу»). Такое понимание иногда приводит к парадоксальному противоречию между реалиями российской социальной действительности и мнением о моральной недопустимости прерывания беременности. В результате человек имеет высокие оценки по методике Хилл, но внутренне содрогается даже при упоминании о прерывании беременности («Когда я слишком подробно вспоминаю о таком предмете, как аборт, меня, честно говоря, начинает слегка подташнивать: уж больно хорошо я ощущаю как бы в себе эту самую прерывающуюся жизнь. Это очень страшно: как будто отрывается что-то от тебя, причем не ты, а твой ребенок, его уничтожение»). С точки зрения религиозной морали за свои поступки человек отвечает не только перед собой («Аборт – это грех в очах Бога»). Греховность аборта в значительной мере определяется тем, что в сотворении новой жизни участвуют не только люди («Жизнь – это великий дар, данный Богом человеку, который начинается сразу же после слияния мужской и женской половых клеток»).

Понимание-принятие ситуации аборта у неверующих, наоборот, основано на вере в себя, привычке полагаться на собственные силы («Я не верю в Бога, и считаю, что человек должен верить только в себя. Принимая важные решения, он должен быть сильным духом. Не стоит совершать необдуманные поступки. Но если женщина намерена прервать жизнь, сделать аборт, уничтожить частичку своей же плоти и крови – она имеет право сделать то, что решила и обдумывала»). Вера в себя сочетается у них с положительной оценкой психологических качеств людей, решившихся на искусственное прерывание беременности («Аборт делают женщины достойные и умные. У них развита логика, они отвечают за свои поступки, осознают значимость корректного и правильного воспитания ребенка и среды, в которой ему расти»).

Обсуждение результатов

Во многих публикациях западных ученых показано, что в отношениях людей к абортам не выявлено половых различий (Esposito, Basow, 1995; Carlton et al., 2000; Ho, Penney, 2001). По общему показателю методики Хилл такой же результат был получен в нашем исследовании. Однако российские мужчины чаще, чем женщины, понимают ситуацию аборта на уровне понимания-отвержения тогда, когда решение зависит прежде всего от самого субъекта. Объяснить это можно по крайней мере двумя социокультурными причинами:

меньшей включенностью российских мужчин в обсуждение проблем искусственного прерывания беременности и, соответственно, меньшей осведомленностью о них. Мнения современных россиян совпадают с мнениями американцев тридцатилетней давности: тогда женщины тоже проявляли более положительное отношение к абортам, чем мужчины (Shostak, 1980). Исследования западных психологов показывают, что при близких отношениях мужчины считают, что они обязаны эмоционально включаться в появившуюся экзистенциальную ситуацию и участвовать в принятии решения об искусственном прерывании беременности (Rosenwasser et al., 1987). Обнаружено, что в такой ситуации мужчины чувствуют даже большую ответственность за решение, чем думают о них женщины (Nelson, Coleman, 1997). В таких условиях мужчины приобретают больше знаний об этой проблеме, и ее понимание не имеет качественных отличий от понимания абортов женщинами. В современном обществе половые различия по существу всегда являются гендерными: в неявном виде в них представлены представления людей о полоролевых стереотипах, а также маскулинных и феминных базовых ценностях. Неудивительно, что социальные роли и ценностные ориентации влияют на формирование суждений о моральной допустимости искусственного прерывания беременности. В частности, в одном из исследований обнаружено, что работающие люди более лояльно относятся к абортам, чем домохозяйки (Jelen, Damore, Lamatsch, 2002).

Отсутствие возрастных различий в отношении к искусственному прерыванию беременности соответствует результатам большинства западных исследований, хотя в некоторых из них отмечается более позитивная оценка абортов представителями старшего поколения (Esposito, Basow, 1995). Однако отсутствие различий не означает качественного тождества. Как показано в интересной работе Ф. Шнелл и Дж. Т. Макконата, в разных возрастных когортах психологическим основанием отношения к абортam становятся различные ценности – свободы, равенства, счастья, спасения души и др. У представителей старшего поколения более выражена ориентация на представления о равенстве людей и религиозные ценности. Молодежь при объяснении отношения к абортam реже ссылается на общечеловеческие ценности, у молодых людей в этом вопросе преобладают личные интересы (Schnell, McConatha, 1996).

Более выраженное понимание-отвержение молодыми российскими испытуемыми моральной допустимости аборта при нарушении в развитии плода соответствует данным исследования, про-

веденного в Великобритании Э. Ли (Lee, 2000). Пожалуй, главное достоинство этого исследования состоит в экспликации причин, по которым молодые британцы в большинстве случаев считают недопустимым аборт плода с нарушениями в развитии. Они полагают, что с моральной точки зрения в этом случае принятие решения об искусственном прерывании беременности оказывается более сложным, чем тогда, когда нарушений нет. Один аргумент против аборта заключается в том, что он может оказаться следствием предрассудков по отношению к людям с особенностями в развитии, что может привести к дискриминации по отношению к ним. В этой связи испытуемые говорят о генетическом отборе по таким признакам, как пол или цвет кожи, а также социальной политике сексизма или расизма: «Я думаю, что невозможно ограничить женщину, в каком случае она может сделать аборт, а в каком не может. Было бы рискованно, конечно, просить правительство решать, но есть определенный моральный долг учить людей. Опасность в том, что выбор может стать вообще неограниченным... Это значит люди смогут проявить все свои предрассудки о том, что же такое „хороший“ человек. Например, будут заводить только белых детей с гетеросексуальной ориентацией» (там же, р. 398). Опасность таится еще и в том, что критерии нормы и патологии определяются социальными институтами и потому могут трансформироваться с изменением политической конъюнктуры. Кроме того, в течение жизни человека с ограниченными возможностями могут появиться новые лекарства, которые помогут ему вылечиться от недуга.

Другой аргумент, приводимый молодыми британцами, воспитанными на традициях прав человека и общества потребления, основан на рефлексии и сомнениях в том, что право выбора – это безусловное благо: «Я не знаю, почему люди должны иметь право всюду выбирать. Это все ценности общества потребления – ты можешь получить именно то, что ты хочешь... Почему людям должно быть позволено поступать так? Я думаю, нельзя одобрять людей, которые хотят получить идеал» (там же). Неограниченный выбор рассматривается как еще одна опасность, ведущая к содержательному расширению оснований моральной допустимости абортов (например, родители могут хотеть иметь ребенка с голубыми глазами и не соглашаться на рождение младенца с карими).

Конечно, с позиций изучения проблемы важно было узнать, что российские молодые люди, отвечая на вопросы методики Хилл, выражают такое же мнение, как и британские. Однако, к сожалению,

моя схема исследования не давала возможности качественного анализа причин формирования указанного мнения – это дело будущего.

Выявленные региональные различия соответствуют результатам многих исследований, согласно которым отношение к абортам неодинаково как у людей внутри одной страны, так и у граждан разных государств (Brown et al., 2000; Sahar, Karasawa, 2005). На него влияют социокультурные, этнические, политические и другие факторы, анализ которых не входит в задачи этой статьи.

Что касается категоричных выводов об отношении к абортам людей с различной индивидуальной религиозностью, то пока их делать явно рано. Надо использовать корректные методики, выявляющие количественную меру и качественные содержательные особенности религиозности человека (насколько мне известно, в российской психологии за редким исключением (Смирнов, 2001) они отсутствуют). Однако между степенью индивидуальной религиозности и пониманием ситуаций аборта нет однозначной связи. Важную роль в понимании моральной допустимости абортa играет, в частности, социальная идентификация субъекта. Например, на понимание этой проблемы французскими католиками влияет «эффект черной овцы»: при сильной религиозной идентификации аборт, совершенный членом своей группы, осуждается, тот же поступок представительниц других групп оценивается более нейтрально (Begue, 2001). Вместе с тем очевидно, что идентификация является далеко не единственным фактором, влияющим на специфику понимания ситуаций, связанных с возможностью или необходимостью искусственного прерывания беременности.

Несмотря на то, что с общечеловеческой точки зрения решения о прерывании беременности в значительной степени основываются на моральных соображениях, на данный момент в психологических публикациях отсутствуют данные об индивидуальных особенностях нравственного сознания людей, понимающих аборт по типу понимания-принятия или понимания-отвержения. Очевидно, что это перспективное направление психологических исследований нужно продолжать и развивать.

Литература

- Барabanщиков В. А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.
- Знаков В. В. Методика исследования макиавеллизма личности. М.: Смысл, 2001.
- Знаков В. В. Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости абортa // Вопросы психологии. 2010. № 2. С. 90–100.

- Знаков В. В. Три традиции психологических исследований – три типа понимания // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 14–23.
- Иванюшкин А. Я. Морально-этические проблемы искусственного аборта // Введение в биоэтику. Учебное пособие. / Отв. ред. Б. Г. Юдин. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 197–221.
- Коновалова Л. В. Правила и исключения. Дискуссии об этических проблемах аборта // Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Под ред. Б. Г. Юдина. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 154–161.
- Милорадова Н. Г. Психология: шаг к себе – другим навстречу. Учебное пособие. М.: АСВ, 2003. С. 334–337.
- Перре М., Лайрейтер А.-Р., Бауманн У. Критические, изменяющие жизнь события (макрострессоры) // Клиническая психология / Под ред. М. Перре, У. Бауманна. СПб.: Питер, 2002. С. 362–364.
- Смирнов Д. О. Религиозная активность в структуре интегральной индивидуальности: Дис...канд. наук. Пермь: ПермГПУ, 2001.
- Begue L. Social Judgment of Abortion: A Black-Sheep Effect in a Catholic Sheepfold // The Journal of Social Psychology. 2001. V. 141. № 5. P. 640–649.
- Brown R. W., R. Jewell T., Rous J. J. Abortion Decisions among Hispanic Women along the Texas-Mexico Border // Social Science Quarterly. 2000. V. 81. № 1. P. 237–252.
- Burnell G. M., Norfleet M. A. Women's self-reported responses to abortion // The Journal of Psychology. 1987. V. 121. № 1. P. 71–76.
- Carlton C. L., Nelson E. S., Coleman P. K. College students' attitudes toward abortion and commitment to the Issue // The Social Science Journal. 2000. V. 37. Issue 4. P. 619–625.
- Coleman P. K., Reardon D. C., Strahan Th., Cogle J. R. The psychology of abortion: A review and suggestions for future research // Psychology and Health. 2005. V. 20. № 2. P. 237–271.
- Esposito C. L., Basow S. A. College student's attitudes toward abortion: The role of knowledge and demographic variables // Journal of Applied Social Psychology. 1995. V. 25. Issue 22. P. 1996–2017.
- Gilligan C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1982.
- Goodwin Ph., Ogden J. Women's reflections upon their past abortions: An exploration of how and why emotional reactions change over time // Journal of Psychology and Health. 2007. V. 22. № 2. P. 231–248.
- Hess J. A., Rueb J. D. Attitudes toward Abortion, Religion, and Party Affiliation among College Students // Current Psychology: Developmental–Learning–Personality–Social. 2005. V. 24. № 1. P. 24–42.

- Hill A. The Relationship between Attitudes about Abortion and Cognitive Complexity // *University of Wisconsin-La Crosse Journal of Undergraduate Research*. 2004. V. VII. P. 1–6.
- Ho R., Penney R. K. Euthanasia and Abortion: Personality Correlates for the Decision to Terminate Life // *The Journal of Social Psychology*. 2001. V. 132. № 1. P. 77–86.
- Jelen T. G., Damore D. F., Lamatsch T. Gender, Employment Status, and Abortion: A Longitudinal Analysis // *Sex Roles*. 2002. V. 47. № 7/8. P. 321–330.
- Lee E. Young People's Attitudes to Abortion for Abnormality // *Feminism & Psychology*. 2000. V. 10. № 3. P. 396–399.
- Little M. O. The Moral Permissibility of Abortion // *Contemporary Debates in Applied Ethics* / Ed. by Cohen A. I., Wellman C. H. Blackwell Publishing Ltd. 2005. P. 27–39.
- Nelson, E. S., Coleman P. K. Attitudes toward the level of men's involvement in abortion decisions // *Journal of Humanistic Education & Development*. 1997. V. 35. Issue 4. P. 217–224.
- Remennick L. I., Segal R. Socio-cultural context and women's experiences of abortion: Israeli women and Russian immigrants compared // *Culture, Health & Sexuality*. 2001. V. 3. № 1. P. 49–66.
- Rosenwasser S. M., Wright L. S., Barber R. B. The rights and responsibilities of men in abortion situations // *Journal of Sex Research*. 1987. V. 23. Issue 2. P. 97–105.
- Sahar G., Karasawa K. Is the Personal Always Political? A Cross-Cultural Analysis of Abortion Attitudes // *Basic and Applied Social Psychology*. 2005. V. 27. № 4. P. 285–296.
- Schnell F., McConatha J. T. Value Differences and Abortion Attitudes: A Generational Analysis // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1996. V. 11. № 5. P. 289–306.
- Sevón E. Timing Motherhood: Experiencing and Narrating the Choice to Become a Mother // *Feminism & Psychology*. 2005. V. 15. № 4. P. 461–482.
- Shostak A. B. Abortion as fatherhood lost: Problems and reforms // *The Family Coordinator*. 1980. V. 29. № 4. P. 569–574.
- Singleton J. Ethical principles at the beginning of life // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. 1994. V. 12. № 3. P. 135–141.
- Woodrum E., Davison B. L. Reexamination of religious influences on Abortion attitudes // *Review of Religious Research*. 1992. V. 33. № 3. P. 229–243.

НАСИЛИЕ И НЕНАСИЛИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

А. П. Назаретян, Н. Ю. Кувшинова

В зоопсихологии выявлена примечательная закономерность: сила инстинктивного торможения внутривидовой агрессии у высших позвоночных в общем случае соразмерна естественной «вооруженности» вида. Это правило *этологического баланса* давно замечено обыденным сознанием. Во многих языках мира имеется эквивалент русской поговорки, справедливость которой подтверждают научные наблюдения: «Ворон ворону глаз не выклюет». Зато голубка, символ мира, способна медленно и страшно добывать поверженного противника.

Обобщив множество фактов такого рода, выдающийся естествоиспытатель К. Лоренц остроумно экстраполировал их на область сравнительной антропологии. «Можно лишь сожалеть, – писал он, – что человек... *не имеет* натуры хищника» (Лоренц, 1994, с. 237). Грациальный австралопитек, родоначальник семейства гоминид, был обделен естественными орудиями убийства, а потому не нуждался в надежном инстинктивном торможении агрессии. Вот если бы нам посчастливилось произойти от львов, то насилие не играло бы в истории столь существенной роли.

Ответ на это парадоксальное суждение пришел из-за океана и оказался еще более неожиданным. Исследования американских «социобиологов» показали, что в расчете на единицу популяции львы (и другие сильные хищники) убивают себе подобных *чаще*, чем современные люди (Wilson, 1978). Результаты эмпирических расчетов выглядели сенсацией не только для журналистов или философов, спекулирующих на предрассудке о беспримерной кровожадности человека и цивилизации, но и для серьезных ученых. Они разительно противоречили целому ряду бесспорных обстоятельств.

Во-первых, хищники действительно обладают мощным инстинктивным тормозом на внутривидовые убийства. Между тем у гоминид популяциоцентрический инстинкт изначально был слабым, а развивающийся интеллект его окончательно подавил, на что не раз указывали антропологи (Поршнев, 1974; Гримак, 2001). Во-вторых, плотность человеческого населения на несколько порядков превосходит плотность проживания хищников в естественных условиях (Капица и др., 1997), а из психологии известно, что высокая концентрация обычно повышает уровень агрессивности как у животных, так и у людей. Наконец, в-третьих – это главное, – несопоставимы «инструментальные» возможности убийства себе подобных. Острым клыкам льва противостоит прочная шкура соперника (за исключением тех случаев, когда взрослые особи душат чужих детенышей). Череп же гоминида легко пробивается ударом камня, палки или острой кости, а со времен палеолита деструктивность оружия (от каменного топора до ядерной боеголовки) возросла в энергетическом выражении на 12–13 порядков (Дружинин, Конторов 1983).

Таким образом, выводы социобиологов заострили фундаментальный вопрос, стоящий перед антропологией, социологией и психологией: почему люди, освободившись от природных ограничений и последовательно удаляясь от естественного (дикого) состояния, до сих пор не перебили друг друга и не разрушили природную среду? Человек умелый (*Homo habilis*), взяв в руку искусственно заостренный галечный отщеп, раз и навсегда нарушил этологический баланс, удерживающий природную популяцию от самоистребления. Этот переломный этап обозначен в культурной антропологии как *экзистенциальный кризис антропогенеза*. По закону природы химерический вид – нечто вроде голубя с ястребиным клювом или зайца с волчьими клыками – должен был оказаться нежизнеспособным из-за слишком высокой доли внутривидовых убийств. Есть основания предположить, что именно по этой причине, как показывают археологические данные, «на полосу, разделяющую животных и человека, много раз вступали, но далеко не всегда ее пересекали» (Кликс, 1985, с. 32).

Удивительно не столько то, что большинство стад *Homo habilis* были обречены на самоистребление, сколько то, что некоторым из них (возможно, единственному) удалось выжить, положив начало новому витку планетарной эволюции. Некоторые ученые, опираясь на данные археологии, этнографии, психологии и нейрофизиологии, связывают это с клиническими сдвигами в психике ранних гоми-

нид по сравнению с их животными предками – сдвигами, которые были бы губительны для природного существа, но оказались спасительными в новых противоестественных условиях. Когда инстинктивное торможение перестало соответствовать искусственным возможностям смертоносной агрессии, баланс мог быть восстановлен только за счет внеприродных регуляторов поведения.

Предполагается, что выжило «стадо сумасшедших», в котором преобладали психастеники с нарушением генетически закрепленных форм поведения и необычайной пластичностью мозга (Давиденков, 1947; Pfeiffer, 1982; Розин, 1999; Гримак, 2001; Назаретян, 2002; Nazaretyan, 2005). У таких особей формировались зачатки анимистического мышления – противоестественно развитое воображение обернулось склонностью приписывать мертвому телу свойства живого. Объектом самых интенсивных фантазий становился покойный сородич, от которого ожидали злонамеренных и непредсказуемых действий: такая установка, дополненная многообразными формами «компенсаторной некрофилии», отчетливо прослеживается и у современных туземцев.

Невротический страх перед мстительным мертвецом служил первым искусственным ограничителем внутригрупповых убийств. Это выразилось в ритуальных действиях в отношении мертвых (начиная со связывания ног), а также биологически нецелесообразной заботе о больных и раненых сородичах, направленной на то, чтобы предотвратить их превращение в опасных мертвецов; скудные сведения о таких действиях уже в нижнем палеолите доносит до нас археология.

Бифуркация в сторону сверхприродной психики должна была произойти более 1,5 млн лет назад, в Олдовайской эпохе. Вероятно, некрофобия удержала ранних гоминид от самоистребления и стала тем зерном, из которого впоследствии выросло разветвленное древо духовной культуры человечества. С разрешением экзистенциального кризиса в биосфере Земли образовалась качественно новая реальность: появилось биологическое семейство, существование которого лишено естественных гарантий. Противоестественная легкость взаимных убийств, не компенсированная соразмерным инстинктивным торможением, задала лейтмотив социальной истории. Жизнеспособность гоминид, включая, конечно, и неантропов (*Homo sapiens sapiens*), во многом зависела от того, насколько инструментальные возможности уравновешивались искусственными механизмами сдерживания агрессии.

Гипотеза техно-гуманитарного баланса

По окончании вьетнамской войны в 1975 г. было обнаружено исчезновение крупного палеолитического племени горных кхмеров, тысячелетиями жившего на территории Южного Вьетнама. После взаимных обвинений конфликтующих сторон в геноциде была организована международная научная экспедиция, которой удалось восстановить реальный ход событий. Как выяснилось, причиной гибели аборигенов стало то, что им в руки попали американские карабины. Освоив огнестрельное оружие и оценив его преимущества перед луками и стрелами, первобытные охотники за несколько лет уничтожили фауну и перестреляли друг друга, а оставшиеся в живых спустились с гор и деградировали в чуждой социальной среде (Пегов, Пузаченко, 1994).

Этнографы, входившие в состав экспедиции, легко разобрались в этой печальной истории, поскольку аналогичные эпизоды многократно наблюдались в Азии, Африке, Америке и Австралии: гремучая смесь современной технологии с первобытной психологией подрывала жизнеспособность племен. В некотором смысле подобные эпизоды можно считать артефактами. Поскольку социум перескакивает сразу через несколько технологических фаз, события развиваются очень быстро, и причинно-следственные связи легко реконструируются учеными по свежим следам. Иногда развитое общество успевает своевременно вмешаться и прервать трагический ход событий, но если этого не происходит, как в случае с горными кхмерами, – сценарий реализуется до конца.

В аутентичной истории столь резких скачков обычно не происходило, а потому причинные связи, вызванные диспропорцией в развитии инструментального и гуманитарного интеллекта, опосредованы, запутаны, растянуты на десятилетия, на века, а в доисторическую эпоху – на тысячелетия. Тем не менее внимательный анализ многочисленных кризисов антропогенного происхождения на различных этапах социальной истории (и предыстории) обнаруживает закономерную зависимость между тремя переменными: «силой», «мудростью» и «жизнеспособностью» общества. *Гипотеза техно-гуманитарного баланса* гласит, что во всей человеческой истории и предыстории реализовывался закон, согласно которому *чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества.*

Для построения исходной, сугубо ориентировочной формальной модели мы различаем внутреннюю и внешнюю устойчивость.

Первая (*Internal Sustainability, Si*) выражает способность социальной системы избегать эндогенных катастроф и исчисляется процентом их жертв от количества населения. Вторая (*External Sustainability, Se*) – способность противостоять колебаниям природной и геополитической среды – исчисляется соответственно процентом жертв внешних катаклизмов.

Если качество регуляторных механизмов культуры обозначить символом R , а технологический потенциал символом T , то гипотезу техно-гуманитарного баланса можно представить простым отношением:

$$Si = \frac{f_1(R)}{f_2(T)}. \quad (1)$$

Само собой разумеется, что $T > 0$, поскольку при нулевой технологии мы имеем дело уже не с социумом, а со «стадом», где действуют иные, биологические и зоопсихологические законы. При низком уровне технологий предотвращение антропогенных кризисов обеспечивается примитивными средствами регуляции, что характерно для первобытных племен. Очень устойчивым, вплоть до застойности, может оказаться общество, у которого качество регуляторных механизмов значительно превосходит технологическую мощь. Хрестоматийный пример такого общества – конфуцианский Китай. Наконец, рост величины в знаменателе повышает вероятность антропогенных кризисов, если не компенсируется ростом показателя в числителе.

В настоящее время уточняются структуры каждого из компонентов уравнения (1), методики и единицы для измерения и сопоставления величин. Так, величина R складывается по меньшей мере из трех компонентов: организационной сложности общества, информационной сложности культуры (методики расчета этих показателей разрабатывают американские антропологи [Chick, 1997]) и когнитивной сложности среднего носителя данной культуры (этот параметр изучается средствами экспериментальной психосемантики [Петренко, Митина, 1997]). Последняя составляющая наиболее динамична, и именно ситуативное снижение когнитивной сложности под влиянием эмоций способно служить решающим фактором кризисогенного поведения.

Добавим, что внешняя устойчивость, в отличие от внутренней, является положительной функцией технологического потенциала:

$$Se = g(T..). \quad (2)$$

Таким образом, *растущий технологический потенциал делает социальную систему менее зависимой от состояний и колебаний внешней среды, но вместе с тем более чувствительной к состояниям массового и индивидуального сознания.*

Новые технологии нарушают хрупкий баланс между инструментальной и регуляторной ипостасями культуры, что влечет за собой всплеск экологической и/или (гео) политической агрессии, сопровождаемый специфическими массовыми настроениями. Нарастает социально-психологический *синдром Предкризисного человека (Homo prae-crisimos)*, по которому возможно диагностировать приближающуюся угрозу кризиса тогда, когда экономические и прочие внешние показатели еще демонстрируют растущее благополучие.

Предкризисная симптоматика выражается массовой эйфорией, ощущением вседозволенности и безнаказанности, комплексом катастрофофилии, иррациональной жадью новых врагов и новых побед. В конце концов, экстенсивное развитие наталкивается на реальную ограниченность того или иного ресурса. Если общество не может сменить среду жизнедеятельности или найти кардинально новые решения (а исторический опыт показывает, что часто таких решений найти не удавалось), оно подрывает природные и организационные основы существования и гибнет под обломками собственного декомпенсированного могущества (см. подробнее: Nazaretyan, 2003; Назаретян, 2004, 2007).

Изучая драматические эпизоды надлома и крушения некогда процветавших обществ, не устаешь удивляться тому, с каким постоянством воспроизводился этот сценарий на различных континентах и в различных исторических эпохах и как мало зависела симптоматика «предкризисного человека» от культурных особенностей. Археологически реконструированные антропогенные кризисы апополитейного (доисторического) палеолита и описанные этнографами кризисы синполитейного (современного нам) палеолита, кризисы, обусловленные появлением бронзовых и затем стальных орудий, кризисы сельскохозяйственных и индустриальных цивилизаций – все они выглядят вариациями, разыгранными по одной и той же партитуре.

Здесь мы отвлекаемся от многочисленных кризисов и катастроф, столь же драматичных, но вызванных причинами преимущественно внешнего происхождения. Спонтанные изменения климата, появление агрессивных кочевников, новые, привнесенные извне болезнетворные микроорганизмы и прочие обстоятельства,

не обусловленные собственной активностью данного социума, неоднократно становились разрушительными для него факторами. Отмечу однако, что с интенсификацией исторического процесса соотношение экзогенных и эндо-экзогенных кризисов (когда активность общества приводила к фатальным нарушениям среды) неуклонно изменялось в сторону последних. Тем самым, закон техно-гуманитарного баланса играл все более существенную роль как механизм отбора жизнеспособных и отбраковки нежизнеспособных социальных систем.

Обсуждаемая гипотеза объясняет не только эпизоды саморазрушения процветающих обществ, но и гораздо более редкие (и еще более загадочные) случаи прорыва передовых культур человечества в новую историческую эпоху. Когда антропогенный кризис охватывал обширное географическое пространство с высоким уровнем культурного разнообразия, его обитателям удавалось найти кардинальный выход из эволюционного тупика. Описано не менее семи переломов в истории и предыстории человечества, следовавших за масштабными антропогенными кризисами. Это каждый раз было сопряжено с совершенствованием (повышением удельной продуктивности) технологий, усложнением социальной организации, ростом информационного объема интеллекта и перестройкой ценностно-нормативной системы (Назаретян, 2004, 2007; Nazaretyan, 2003).

Только благодаря тому, что эти комплексные изменения становились по большому счету необратимыми, человечеству до сих пор удавалось выжить, последовательно наращивая мощь технологий. Регулярно сталкиваясь с кризисами и катастрофами, вызванными их собственной деятельностью, люди адаптировали свое мышление к возрастающему инструментальному могуществу и перестраивали по собственным критериям (т. е. «очеловечивали», а не только разрушали, как любят доказывать экологи) природную среду. С каждым разом экологическая ниша человека расширялась и углублялась, но далее происходил новый рост потребностей и управленческих притязаний, и... закладывалась дорога к следующему кризису.

Последовательность глобальных (по их эволюционной роли) и успешно преодоленных антропогенных кризисов дает основание для соответствующей периодизации всемирной истории. После неолитической революции – это городская, осевая, промышленная и информационная революции (Назаретян 2007).

Так выглядит самая общая картина исторического развития в модели техно-гуманитарного баланса. Рабочие качества модели

проверяются путем анализа конкретных исторических ситуаций, а также эмпирической верификации ее следствий.

Операциональные следствия гипотезы

Из гипотезы техно-гуманитарного баланса вытекает комплекс «мировоззренческих», «инструментальных» (касающихся прогнозов и практических рекомендаций) и «операциональных» следствий. Первые два типа следствий заслуживают отдельного обсуждения, и о них кратко сказано в заключении статьи. Операциональными же будем считать такие следствия, на которых могут строиться процедуры эмпирической верификации.

Одно из нетривиальных следствий состоит в том, что плотность населения, которую способен выдержать данный социум, пропорциональна гуманитарной зрелости культуры и свидетельствует о количестве успешно преодоленных в прошлом антропогенных кризисов. Сравнительно-историческое исследование группы А. В. Коротаева подтверждает, что «развитие идеологий и религий ненасилия может быть статистически значимым фактором снижения внутренней военной активности, а значит, в определенных условиях... действительно, приводит к заметному повышению несущей способности земли» (Коротаев, Малков, Халтурина, 2005, с. 108). Авторы ссылаются на примеры обществ, имевших плотность населения значительно меньшую той, какую их территории могли бы прокормить при наличных технологиях производства, «именно из-за высокого уровня военной активности (и в особенности внутренней военной активности)» (Коротаев и др., 2005, с. 107).

Этот вывод подтверждает и исследование биолога С. А. Боринской (2004). Однако в процессе работы было обнаружено неожиданное приводящее обстоятельство, которое относится к сфере не столько культуры, сколько популяционной генетики.

Выяснилось, что взрывообразное уплотнение населения после успешно преодоленных кризисов каждый раз обостряло естественный отбор. С концентрацией человеческой массы активизировались болезнетворные микроорганизмы и регулярно вспыхивали эпидемии, после которых вымирали индивиды и семьи, не обладавшие врожденным иммунитетом к определенным болезням. Таким образом, последовательно изменялся генофонд, который у граждан политически более сложных обществ отличается от генофонда их исторических предшественников и современников, живущих в примитивных обществах.

Указанное обстоятельство ограничивает «чистоту эксперимента». Рост плотности населения и организационной сложности оказался связанным не только с совершенствованием механизмов сдерживания социальной агрессии, что следует из гипотезы техно-гуманитарного баланса, но также – с усиливающейся сопротивляемостью организма биологической агрессии.

Процедуры верификации еще одного следствия проводятся междисциплинарной группой историков и психологов с привлечением смежных специалистов (Социальное..., 2005). А именно ожидается, что в долгосрочной ретроспективе, с последовательным ростом убойной силы оружия и демографической плотности (а значит, и уровня агрессивности индивидов), процент жертв социального насилия от общей численности населения не возрастал. Это должно быть обеспечено отбраковкой социальных организмов с декомпенсированной агрессивностью, а также совершенствованием и умножением культурных инструментов сублимации агрессии. В результате происходила своего рода возгонка социального насилия из физической в виртуальную сферу и вместе с тем увеличивалась способность людей к взаимоприятию и компромиссам.

Такое предположение отчетливо подтверждает анализ переломных исторических эпизодов: неолитической, осевой, промышленной и прочих революций. Чтобы иллюстрировать его количественными выкладками, введен специфический кросс-культурный показатель, которому посвящен следующий параграф.

Коэффициент кровопролитности

По мере того, как росли убойная сила оружия, численность и плотность населения, вероятно, не могла не возрастать и абсолютная величина насильственной смертности. Но, коль скоро нас интересует *удельный вес* насилия в системе человеческого бытия, речь должна идти, конечно, об *относительных* показателях.

При изучении этого вопроса прежде всего бросается в глаза чрезвычайная неоднозначность представлений о «насилии» в различных культурах и исторических эпохах. Даже понятие физического убийства, более конкретное и потому, казалось бы, более простое, не поддается вразумительному кросс-культурному определению. Оставляя «лишних» младенцев на покидаемых стоянках и тем самым заведомо обрекая их на смерть, первобытные люди вовсе не усматривали в этом действии акт насилия или убийства. В конфуцианской культуре три дня после рождения младенец не считается человеком и его умерщвление не подлежит ни юридическому,

ни моральному осуждению. Китайцы называют это «постнатальным абортom», и практика избавления родителей от новорожденных девочек даже в последние десятилетия приобрела статистически значимый размах.

Приводится множество иллюстраций того, как в Европе XIX в. родители отделялись от нежелательных детей (Демоз, 2000). Подобными примерами пестрят исторические и религиозные документы. Немало свидетельств мы находим и в художественной литературе. Приведу только одну выдержку из романа «Воскресение», где говорится о жизни Масловой-старшей, матери Катюши. «Незамужняя женщина эта, – пишет Л. Н. Толстой, – рожала каждый год, и, как это обычно делается по деревням (курсив мой. – А. Н.), ребенка крестили, и потом мать не кормила нежеланно появившегося, не нужного и мешавшего работе ребенка, и он скоро умирал от голода» (Толстой, 1993, с. 7).

Но речь идет не только об инфантициде. Ни жрецами, ни публичкой обычно не воспринимаются как убийства человеческие жертвоприношения. При этом жертва может вызывать к себе самое доброе и даже восторженное отношение со стороны палачей. В этнографической литературе описаны эпизоды, когда европейского миссионера съедали «из большого уважения», а знаменитая песня о Куке была написана В. С. Высоцким под впечатлением от научно-популярной статьи.

Повара ацтекского императора, изготовлявшие изысканные блюда из человеческого мяса, считали себя насильниками или убийцами не больше, чем работники скотобойни. Не ощущали себя таковыми и белые охотники за индейскими скальпами (равно как индейцы, охотившиеся за белыми колонистами). Еще в 1889 г. правительство (!) Калифорнии опубликовало по-своему замечательный преискуронт. За «товар» платили в зависимости от принадлежности скальпа мужчине, женщине или ребенку, а также – от его качества: например, «скальп взрослого индейца с ушами» стоил 20 долларов (Энгельгардт, 1899).

Первобытным сознанием незнакомый человек воспринимается как «челюдь» и враг, подлежащий уничтожению; в глазах палеолитического охотника умерщвление чужака часто является «убийством» в меньшей степени, чем добыча зверя. Хотя неолитическая революция коренным образом изменила отношение к незнакомым людям, тысячелетиями идеологи изобретали все новые ухищрения, чтобы так или иначе реанимировать образ «чужаков», на которых

не распространяются моральные и правовые нормы отношений между людьми.

Особенно эффективным инструментом для этого всегда служили религии. Как указывает французский военный историк Ф. Контамин, «никогда Церковь наставляющая не осуждала все виды войн» (Контамин, 2001, с. 311). С приходом христиан к власти в Риме Августин, опираясь на учение Христа – «Не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10: 34), – разработал концепцию «священных войн», после чего пацифисты из века в век объявлялись еретиками, а уничтожение неверных в любой войне или резне, освященной Церковью, стало богоугодным деянием. В Коране содержалась столь же недвусмысленная инструкция на этот счет: «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее» (Сура 47, 4).

Примеры подобного рода можно приводить бесконечно. Они обязывают нас искать внешние критерии для сопоставления, отвлекаясь от собственного дискурса той или иной культуры, глубинных мотивов и рационализаций. Иначе говоря, мы вынуждены опираться на представление об убийстве, принятое в современных культурах западного типа.

Но и здесь критерии довольно зыбки. Сразу вынесем за скобки действия, обернувшиеся гибелью людей, которая не входила в намерения субъекта: дорожные, техногенные аварии и т. д. Напомню только, что катастрофы, вызванные неумеренным применением технологий (охоты, войны, земледелия и т. д.), имеют многотысячелетнюю историю. Как показывают сопоставительные исследования, в относительном выражении человеческие и хозяйственные потери от техногенных катастроф в современном мире по крайней мере не превышают соответствующих показателей для прежних эпох. Например, в расчете на единицу производимой энергии атомная электростанция безопаснее, чем традиционная «русская печь», которая регулярно вызывала пожары, уничтожавшие целые деревни (Работнов, 1992).

Далее выясняется, что преднамеренное прерывание человеческой жизни не исключительно сопряжено с насилием. Наиболее яркий пример ненасильственного лишения жизни в современной культуре – эвтаназия, которая уже официально узаконена в ряде европейских стран.

Особняком стоит такое сложное явление, как самоубийство. В V в. Августин приравнял это действие к убийству и объявил его греховным, так как добровольное лишение себя жизни сделалось

настолько массовым явлением, что составило угрозу для христианского государства. Ранние христиане охотно ускорили свой переход из земного мира в Царствие Христово, полагая это высшей доблестью. Поскольку они к тому же считали грехом половые контакты и особенно деторождение, то некоторые крупные историки Нового времени считали распространение христианства едва ли не главной причиной депопуляции и упадка Римской империи (см. об этом: Арутюнян, 2000; Трегубов, Вагин, 1993). «Мода» на ту или иную форму самоубийств неоднократно возрождалась и в Новейшей истории. Сегодня количество самоубийств заметно превосходит количество взаимных убийств: например, по данным ВОЗ, в 2000 г. в мире совершено примерно 199000 убийств и 815000 самоубийств (Насилие..., 2002).

Добавлю, что самоубийства еще труднее поддаются регистрации, чем внешние убийства. Это обстоятельство послужило дополнительным соображением для того, чтобы исключить данный феномен из поля зрения в настоящем исследовании.

Наконец, в специальных исследованиях (Galtung, 1990; Мэй, 2001) различают много разновидностей насилия. По-своему его совершают и простодушная мамаша, шлепающая сына за то, что тот норовит выскочить на проезжую часть дороги (из истории культуры известно, что до XX в. едва ли не все педагогические системы включали физическое наказание), и провокатор, призывающий выселять мигрантов, и политик, организующий экономическую блокаду непокорной страны. Р. Мэй писал даже, что гражданин, протестующий против войны, которую ведет его правительство, но продолжающий исправно платить налоги, участвует в «рассеянном насилии». Многие из таких действий могут так или иначе вести к гибели людей.

С учетом всех оговорок и уточнений приведу рабочее определение, которое следует рассматривать только как функциональное обозначение предмета. *Убийством* будем называть *преднамеренное лишение человека жизни путем прямого физического воздействия или перекрытия доступа к ресурсам жизнеобеспечения вопреки его воле*.

Приняв эту ориентировочную формулировку, для сравнительной характеристики культур введем объективный показатель: коэффициент кровопролитности (*Bloodshed Ratio – BR*) – отношение среднего количества убийств за единицу времени $k(\Delta t)$ к численности населения $p(\Delta t)$:

$$BR = \frac{k(\Delta t)}{p(\Delta t)}. \quad (3)$$

Скажем, если известно, что в первобытном племени численностью около 100 человек ежегодно гибнут от насилия (умерщвление младенцев, стариков, драки из-за женщин и т.д.) в среднем 5 человек, то коэффициент кровопролитности оценивается как 0,05 в год. Если мы хотим учесть также вооруженные конфликты между племенами, охоту за головами (в отдельных культурах условием вступления в брак служит дарение невесте головы или гениталий мужчины из соседнего племени) и т.д., то расчетную численность населения следует увеличить до группы соприкасающихся племен.

Более сложная процедура необходима для расчета и сравнения коэффициентов при исследовании крупных социальных образований и особенно исторических эпох. Поскольку же нашей основной задачей являются глобальные исторические сравнения, введем дополнительные методы оценки величин в числителе и в знаменателе формулы (3).

Общее число убийств в мире на протяжении столетия ($\Delta t=100$ лет) условно определяется как сумма трех слагаемых – жертв войн (*war victims* – *wv*), политических репрессий (*repression victims* – *rv*) и бытового насилия (*everyday victims* – *ev*). Таким образом, $k_i = wv + rv + ev$.

Чтобы получить число в знаменателе, мы используем понятие *интегральное население века*. Насколько нам известно, такой показатель (как и коэффициент кровопролитности) до сих пор в науке не использовался. Проконсультировавшись со специалистами, мы сочли допустимым рассчитывать интегральное население как сумму демографических показателей в начале, в середине и в конце столетия, т.е. в 01, 50 и 100 годах: $p_i = p_1 + p_2 + p_3$.

Разумеется, такой способ расчета весьма уязвим. Люди, родившиеся в первом году и пережившие середину века, регистрируются дважды, а те, чей срок жизни не пересекает ни одной из условно выделенных дат, вовсе выпадают из внимания. Особенно явно цинизм больших чисел выражается в том факте, что парни, родившиеся в начале 1920-х и погибшие на фронтах Второй мировой войны, составляют заметную долю насильственных потерь XX в., но не учитываются при расчете «интегрального населения».

Тем не менее, за отсутствием более надежной расчетной процедуры мы вынуждены довольствоваться тем общим и сугубо математическим соображением, что число обитателей планеты, пережив-

ших две рубежные даты, компенсирует число людей, родившихся и умерших в промежутке между ними^{*}. Для начала важно унифицировать расчетную процедуру, что позволит в первом приближении уловить долгосрочную историческую тенденцию.

В итоге получаем уравнение, выражающее коэффициент кровопролитности века:

$$BR_{(c)} = \frac{\sum_{i=1}^3 k_i}{\sum_{i=1}^3 p_i} = \frac{k_1 + k_2 + k_3}{p_1 + p_2 + p_3} = \frac{wv + rv + ev}{p_1 + p_2 + p_3} \quad (4),$$

где:

$k_1 = wv$ (*war victims*) – общее число военных жертв;

$k_2 = rv$ (*repression victims*) – общее число жертв политических репрессий;

$k_3 = ev$ (*everyday victims*) – общее число бытовых жертв;

p_1 – численность населения Земли в начале столетия (01 г.);

p_2 – численность населения Земли в середине столетия (50 г.);

p_3 – численность населения Земли в конце столетия (100 г.).

Сравнительные оценки XX в.

Согласно принятой методике, интегральное население XX в. складывается из суммы численностей населения мира в 1901 г. (1,6 млрд), в 1950 г. (2,5 млрд) и в 2000 г. (6 млрд). Таким образом, оно составило 10,1 млрд человек. Относительно этого числа можно рассчитывать коэффициент кровопролитности века.

Во всех международных и гражданских войнах века погибло, по нашим расчетам, от 100 до 120 млн. человек (ср.: Мироненко, 2002; число 187 млн [Hobsbawm, 1996] представляется недостаточно обоснованным). Немецкий ученый Р. Руммель, специально изучавший историю политических репрессий в различных странах, утверждает: «С 1900 года вне войн и других вооруженных конфликтов правительствами было убито... 119400000 человек, из коих 95200000 – марксистскими правительствами» (Rummel, XI). Многие считают это число завышенным и даже политически тен-

* По крайней мере, это так в отношении XX в., когда средняя продолжительность жизни стала необыкновенно высокой; учитывая, что прежде она не превышала в общем случае 20 лет (Капица, 1999; Cohen, 1989), количество точек регистрации для предыдущих веков, возможно, придется увеличить.

денциозным. Смущает также неправдоподобная точность показателей при противоречивости и труднодоступности исходных данных. Кроме того, часто «превентивные» массовые репрессии осуществлялись в глубоком тылу воюющих государств, и их жертвы включены в наш расчет военных потерь. Тем не менее, с учетом приведенных замечаний примем число 119 млн как максимальную оценку.

Львиную долю насильственных жертв всегда приносили не военные и не политические, а бытовые убийства, хотя «невооруженным глазом» они менее всего заметны. Надежных глобальных данных по этому параметру нам пока получить не удалось, но для прикидочного расчета воспользуемся отдельным показателем. В последние годы XX в. при отсутствии крупномасштабных войн и политических репрессий среднее число убийств в мире оценивается как 9,2 на 100 тысяч человек в год (Насилие..., 2002). Экстраполировав этот показатель на все столетие (что само по себе произвольно и приемлемо лишь для начальной ориентировки), путем несложных подсчетов получаем, что в XX в. в бытовых конфликтах погибло более 90 млн человек.

Если число жертв репрессий, вероятнее всего, завышено, то приведенное число бытовых жертв наверняка занижено. Во-первых, как утверждают криминалисты, и теперь статистика регистрирует лишь около 38% реальных убийств (Ли, 2002). Во-вторых, есть основания думать, что сто лет назад процент бытовых убийств от численности населения был в целом выше. Поэтому, чтобы получить правдоподобную оценку, утроим полученное число.

Примем максимальные оценки по всем параметрам, дающие в общей сложности чудовищное абсолютное число *до полумиллиарда насильственных жертв*. Заметим, что, по данным исторической демографии, приблизительно такое количество людей жило на Земле к началу XVII в.; следовательно, если бы абсолютные показатели насильственных жертв в XVI в. были сопоставимы с XX в., то население планеты было бы полностью изведено. Тем более что насильственная смертность дополнялась многочисленными смертоносными эпидемиями и массовым голодом.

Тем не менее, если говорить об относительных показателях, то в итоге коэффициент кровопролитности XX в. составил порядка 0,05. Приняв среднегодовую численность населения Земли за 3,4 млрд, данный показатель можно грубо оценить как 0,0015 в год. Все это только на первый взгляд напоминает «среднюю температуру по больнице». Сколь бы приблизительно и предваритель-

ны ни были приведенные показатели, они обрисовывают контуры целостной картины.

Как же выглядит родной для нас, суровый и многоликий век в сравнении с прежними эпохами? Исследование этого вопроса строится на сопоставлении архивных, мемуарных, археологических и этнографических свидетельств – насколько это возможно. Данные неполны и часто противоречивы. Например, числа военных потерь, в соответствии с культурной и политической конъюнктурой, преуменьшаются или преувеличиваются (ехидный английский журналист подсчитал, что, по сводкам «Совинформбюро», в общей сложности немецкие войска потеряли на Восточном фронте 3 млрд солдат). К тому же часто критерии оценки военных потерь изменчивы; не всегда ясно, идет ли речь о всех погибших или только о знатных воинах и т. д. (Wright, 1942; Урланис, 1994; Контамин, 2002; Социальное..., 2005)*.

Добавлю, что исторические сопоставления внутри отдельного региона не показывают ничего кроме бессистемных и не поддающихся осмыслению флуктуаций. Это наглядно демонстрирует классическая книга (Сорокин, 2000), шестая часть которой посвящена сравнительному исследованию военных потерь в античной Европе и в Европе последних веков.

В XX в. на долю Европы приходится до 65% военных потерь всей планеты, тогда как XIX в. выглядит почти идиллически. Иная картина получается, если рассматривать человечество в целом. Как утверждает Б. Ц. Урланис, во всех колониальных войнах XIX в. погибли 106000 европейских солдат и миллионы туземцев, общее число которых трудно поддается счету (Урланис, 1994). Основное же бремя потерь понес Китай (23 млн только в опиумных войнах). Всего в войнах XIX в. погибло, вероятно, не менее 35 млн человек (из коих европейцев 5,5 млн) на 3 млрд интегрального населения, т. е. коэффициент кровопролитности войн приблизительно соответствует XX в.

* На этом фоне можно лишь грустно посмеяться, читая в научной литературе пассажи типа следующего: «За последние 5566 лет в войнах погибло около 3640,5 млн человек и нанесен ущерб приблизительно 115,13 квинтиллиона долларов» (Иванов, 2002, с. 157). Особенно замечательны десятые доли – при том, что наши историки не могут с точностью до миллиона договориться о числе соотечественников, погибших во Второй мировой войне. Подобные «страшилки», кочующие из одного издания в другое, дискредитируют количественный подход к историческим процессам вообще.

Вместе с тем процент бытовых жертв в XX в., по всей видимости, был значительно ниже, чем в любую из прежних эпох, а ценность индивидуальной человеческой жизни беспрецедентно возросла. Сказанное заставляет отнестись *cum grano salis* к расхожим суждениям о прошедшем столетии как апофеозе жестокости. Одна из причин ложного впечатления – эффект *ретроспективной аберрации*: именно европейцы встретили век в эйфорическом ожидании светлого будущего, а на фоне растущих ожиданий (в любой области) динамика объективных тенденций воспринимается обыденным сознанием с точностью до наоборот (Назаретян, 2004).

Мы допускаем (ср.: Blainey, 1975), что общая доля военных потерь от численности населения из века в век оставалась в пределах одного порядка (за исключением ряда кризисных эпох), однако «фокус максимальной кровопролитности» перемещался от региона к региону: когда на одной территории Земли бушевали войны, на других устанавливалось относительное спокойствие. Если такое предположение будет подтверждено, оно станет дополнительным аргументом в пользу того, что задолго до появления современных средств связи человечество составляло единую систему, не подозревая об этом.

Не исключено, что процент *криминальных убийств* от численности населения также тяготеет к константе (Ли, 2002). Но чтобы доказать это, необходимо проникнуть в контекст каждой из рассматриваемых культур, поскольку всякая культура создает свой специфический дискурс легитимизации убийства; следовательно, такое исследование должно строиться на принципиально иных методологических основаниях. В нашем исследовании этот показатель специально не выделялся: «нелегитимные» убийства происходят как на войне, так и в быту. Что же касается общего процента убийств, как мы далее увидим, он не является исторической или кросс-культурной константой.

Добывать сведения о величине невоенных жертв особенно трудно. Среди косвенных свидетельств, которые при этом используются, – наблюдения над архаическими обществами, сохранившимися до настоящего времени. В целом получаемые данные чрезвычайно неточны и приблизительны, но при столь амбициозной задаче и столь несовершенной (пока) измерительной процедуре максимум, на что мы можем претендовать, – выявление *порядков величины*.

Отчетливо вырисовывается эволюционная динамика при сопоставлении далеко отстоящих друг от друга эпох. По мере того как ро-

мантические мифы о гуманных дикарях, модные среди этнографов первой половины прошлого века, сменялись беспристрастными исследованиями (Буровский, 1998), обнаружилась очень высокая доля насильственных смертей в первобытных сообществах. Так, авторитетный американский ученый Дж. Даймонд, обобщив свои многолетние наблюдения и критически осмыслив данные коллег, резюмировал: «В обществах с племенным укладом... большинство людей умирают не своей смертью, а в результате преднамеренных убийств» (Diamond, 1999, p. 277).

При этом следует иметь в виду и повсеместно распространенный (в различных формах) инфантицид, и обычное стремление убивать незнакомцев, и войны между племенами, и внутриплеменные конфликты. Впечатление бесконфликтности возникает при постановке информантам прямых вопросов («Как часто в твоём племени убивают людей?»), что обусловлено и недостаточно развитой рефлексией, и неидентичным пониманием слов. При косвенном обсуждении складывается совсем иная картина. Даймонд в качестве иллюстрации приводит выдержки из протоколов бесед, которые проводила его сотрудница с туземками Новой Гвинеи. В ответ на просьбу рассказать о своем муже ни одна из женщин не назвала единственного мужчину. Каждая повествовала, кто и как убил ее первого мужа, потом второго, третьего...

Массовые межплеменные сражения составляют на этом фоне сравнительно невысокую долю потерь, но и их не следует недооценивать. Так, австралийские этнографы, сравнив войны аборигенов со Второй мировой войной, показали, что из всех стран-участниц последней только в СССР процент жертв от численности населения превысил обычные показатели для первобытных племен (Blainey, 1975).

Даже антропологи «русоистской» ориентации, склонные восторженно описывать преимущества палеолита, вынуждены признать, что и в самых миролюбивых племенах, при формальном отсутствии войны, «обычное число убийств на душу населения удивительно велико» (Cohen, 1989, p. 131). Археология подтверждает эти наблюдения: почти все реконструированные палеолитические черепа имеют признаки искусственного повреждения, хотя не всегда ясно, был ли удар нанесен живому человеку.

Во всяком случае, приведенная выше оценка коэффициента кровопролитности в сообществах палеолита – 0,05 в год – является правдоподобной, и она превышает аналогичные показатели

для XX в. на полтора порядка. Когда вырисовываются различия такого диапазона, массой неточностей и неопределенностей допустимо временно пренебречь.

На наш взгляд, первичные данные в целом согласуются с предположением о том, что процент жертв насилия от численности населения на протяжении тысячелетий не возрастал и, вероятнее всего, неустойчиво сокращался. В некоторые эпохи, соответствовавшие обострению крупномасштабных антропогенных кризисов (XII–XVII вв. новой эры, первые века I тысячелетия до новой эры – эпоха распространения стального оружия до Осевой революции), происходили угрожающие существованию общества всплески кровопролитности. Но в ответ на исторические вызовы культура перестраивалась – и коэффициент вновь снижался до «приемлемого» уровня...

На «круглом столе», посвященном гипотезе техно-гуманитарного баланса, известный историк Л. Б. Алаев утверждал, что она, «скорее всего, верна, потому что красива», однако ее следствия не могут быть окончательно доказаны из-за чрезмерных трудностей с получением фактического материала. Поэтому гипотезе «суждено остаться мировоззренческим постулатом, что и само по себе очень значимо» (Социальное..., 2005, с. 140, 142).

Мы полагаем, что наличная система аргументов достаточна для того, чтобы данная гипотеза приобрела качество «фальсифицируемости» (в смысле К. Поппера) и тем самым превратилась из мировоззренческого постулата в предмет научной дискуссии. Что же касается следствий, то сбор эмпирических данных продолжается, и мы надеемся, что обнародование первичных результатов привлечет к критическому обсуждению гипотезы техно-гуманитарного баланса заинтересованных антропологов, историков, социологов и психологов. Только признание научного (а не сугубо философского) статуса гипотезы придает цену ее мировоззренческим проекциям.

Психология и исторический «прогресс»

Ж. Пиаже и его последователями доказано, что существует онтогенетическая «связь между когнитивным и моральным „рядами“ развития, причем ведущая роль в сопряженном движении принадлежит когнитивному „ряду“» (Воловикова, Ребеко, 1990, с. 83). Независимые кросс-культурные исследования также демонстрируют уменьшающуюся частоту силовых конфликтов по мере взросления детей как в современных, так и в первобытных обществах («концеп-

ция окультуривания конфликта») (Chick, 1998; Munroe et al., 2000). Но когда Л. Колберг (Kohlberg, 1981) попытался примерить похожую модель к историческому развитию, его работа вызвала упреки в бездоказательности и даже в «политической некорректности».

Политические намеки в данном случае вздорны, ибо из мировой истории хорошо известно, что технологическое и духовное лидерство многократно переходило от одного региона планеты к другому, не имея никакого отношения к расовым особенностям. Говоря же о существе дела, все доводы, собранные в контексте гипотезы техно-гуманитарного баланса: предметный анализ антропогенных кризисов, катастроф и исторических переломов, верификационные расчеты и т. д., – работают и на концепцию Колберга.

Сегодня уже можно без оглядки на расовые предубеждения конкретно показать, как совершенствование технологий, форм хозяйствования и социальных организаций обеспечивалось возрастанием когнитивной сложности. Последовательно увеличивался информационный объем социального и индивидуального интеллекта, люди приобретали способность отражать все более отсроченные причинные зависимости и предвосхищать отдаленные последствия своих действий (Назаретян, 2004). Такая способность, в свою очередь, составляла предпосылку для совершенствования культурной саморегуляции, хотя зависимость между развитием инструментальной и гуманитарной культур опосредована драматическими последствиями одностороннего роста.

Если угодно, эту комплексную историческую тенденцию можно назвать словом «прогресс». Но тогда надо добавить, что прогресс никогда не был целью истории, но всегда оказывался *средством* сохранения неравновесной системы (каковой, по определению, является общество) в фазах неустойчивости.

Н. А. Бердяев утверждал, что «все попытки разрешения всех исторических задач во все периоды должны быть признаны сплошной неудачей. В исторической судьбе человека, в сущности, все не удалось» (Бердяев, 1990, 154). Извечная «борьба добра с добром» неизменно рождала зло, и человеческие чаяния либо не осуществлялись, либо не стоили приложенных усилий. На языке Данте это означает, что благими намерениями вымощена дорога в ад, а на современном политическом жаргоне – что люди вечно хотели как лучше, а получалось как всегда.

История изобилует ярчайшими иллюстрациями к размышлениям Бердяева, и философы не уставали сетовать на то, что люди

ничему не учатся на опыте истории. И все же мне представляется более конструктивной позиция Г. С. Померанца: «История – это прогресс нравственных задач. Не свершений, нет, – но задач, которые ставит перед отдельным человеком коллективное могущество человечества, задач все более и более трудных, почти невыполнимых, но которые с грехом пополам все же выполняются (иначе все бы давно развалилось)» (Померанц, 1991, с. 59). Действительно, если бы хоть одна глобальная историческая задача в прошлом не была «с грехом пополам» решена, то рассуждать об этом сегодня было бы некому. Стоит напомнить, что несколько десятилетий назад далеко не все верили в грядущее наступление XXI в. и для сомнений имелись веские основания.

Чтобы сохранить планетарную цивилизацию перед лицом множатся вызовов нового столетия, следует учитывать, что этот мир никогда не предоставлял людям возможностей идеального решения. Оптимальные («прогрессивные») решения глобальных проблем отличались от прочих тем, что позволяли обществу сохраниться ценой кардинальных преобразований, выдвигая перед ним новые и все более трудные проблемы. До сих пор человечеству удавалось их худо-бедно решать, но такая констатация не гарантирует будущего; выявляя механизмы преодоления кризисных эффектов в прошлом, мы можем обозначить контуры, из которых складывается сценарий выживания, и отличать реалистические прогнозы, проекты и рекомендации от опасных утопий.

Литература

- Арутюнян А. А. Западная Европа: от раннего христианства до Ренессанса. Ереван: Наир, 2000.
- Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
- Боринская С. А. Генетическое разнообразие народов // Природа. 2000. № 10. С. 33–38.
- Буровский А. М. Идиллический палеолит? // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 163–174.
- Воловикова М. И., Ребеко Т. А. Соотношение когнитивного и морального развития // Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь. М.: Наука, 1990. С. 81–87.
- Гримак Л. П. Вера как составляющая гипноза // Прикладная психология. 2001. № 6. С. 89–96.
- Давиденков С. Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л.: Ин-т им. С. М. Кирова, 1947.

- Демоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
- Дружинин В. В., Конторов Д. С. Основы военной системотехники. М.: МО СССР, 1983.
- Иванов О. П. Глобальные экологические проблемы и эволюция // Глобализация: синергетический подход. М.: РАГС, 2002. С. 153–166.
- Капица С. П. Общая теория роста человеческого населения. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле? М.: Наука, 1999.
- Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997.
- Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. История развития человеческого интеллекта. Киев: Вища школа, 1985.
- Контамин Ф. Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001.
- Кортаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических процессов. Демография, экономика, войны. М.: УРСС, 2005.
- Ли Д. А. Убийство как одна из форм константы социального отбора // Научные труды филиала МГЮА в г. Кирове. № 6. Киров: МГЮА, 2002. С. 105–118.
- Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс-Универс, 1994.
- Мироненко Н. С. Изменение отношений «политика–пространство». Глобальные проблемы: географическая панорама 2002 // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 8 (20). С. 26–31. М.: ИМЭМО, ИМ, 2002.
- Назаретян А. П. Психология предкризисного социального развития // Психологический журнал. 2000. № 1. С. 39–49.
- Назаретян А. П. Архетип восставшего покойника как фактор социальной самоорганизации // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 73–84.
- Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика–психология–прогнозирование. М.: Мир, 2004.
- Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: УРСС, 2007.
- Назаретян А. П. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. Всемирная организация здравоохранения. М.: Весь мир, 2002.

- Пегов С. А. Пузаченко Ю. Г. Общество и природа на пороге XXI века // *Общественные науки и современность*. 1994. № 5. С. 146–151.
- Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
- Померанц Г. С. Опыт философии солидарности // *Вопросы философии*. 1991. № 3. С. 57–66.
- Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979.
- Работнов Н. С. С дровами в XXI век? // *Знамя*. 1992. № 11. С. 195–213.
- Розин В. М. Природа сознания и проблема ее изучения // *Мир психологии*. 1999. № 1. С. 104–111.
- Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ. 2000.
- Социальное насилие: эволюционно-исторический аспект. «Круглый стол» ученых // *Общественные науки и современность*. 2005. № 3. С. 138–147.
- Трегубов Л. З., Вагин Ю. Р. Эстетика самоубийства. Пермь: Капик, 1993.
- Урланис Б. Ц. История военных потерь: Войны и народонаселение Европы. СПб.: АОЗТ «Полигон», 1994.
- Энгельгардт М. А. Прогресс как эволюция жестокости. СПб.: Ф. Павленков, 1899.
- Blainey G. *Triumph of the nomads. A history of ancient Australia*. Melbourne–Sidney: MacMillan Co. of Australia, 1975.
- Chick G. *Cultural Complexity: The Concept and Its Measurement* // *Cross-Cultural Research*. 1997. № 31 (4).
- Chick G. *Games in culture revisited* // *Cross-Cultural Research*. 1998. № 32 (2). P. 185–206.
- Clastres P. *El arco y el cesto* // *Alcor*, 44–45. Mayo–agosto. Asuncion, 1967. P. 7–15, 25–27.
- Cohen M. N. *Health and the rise of civilization*. New Haven; London: Yale Univ. Press, 1989.
- Diamond J. *Guns, germs, and steel. The fates of human societies*. New York; London: W. W. Norton & Company, 1999.
- Galtung J. *Cultural violence* // *Journal of Peace Research*. 1990. № 27 (3). P. 291–305.
- Hobsbawm E. *The age of extremes: The short twentieth century, 1914–1991*. London: Michael Joseph, 1994.
- Kohlberg L. *The psychology of moral development*. New York: Harper & Row, 1981.

- Munroe R. L., Hulefeld R., Rogers J. M., Tomeo D. L., Yamazaki S. K.* Aggression among children in four cultures // *Cross-Cultural Research*. 2000. № 34 (1). P. 3–25.
- Nazaretyan A.* Power and wisdom: toward a history of social behavior // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2003. Dec. V. 33 (4). P. 405–425.
- Nazaretyan A.* Fear of the dead as a factor in social self-organization // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2005. June. V. 35 (2). P. 155–169.
- Pfeiffer J. E.* The creative explosion. An inquiry into the origins of art and religion. New York etc.: Harper and Row, 1982.
- Rummel R. J.* Lethal politics. Soviet genocide and mass murder since 1917. New Brunswick (NJ)–London: Transaction publisher, 1990.
- Wilson E. O.* On human nature. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press, 1978.
- Wright Q.* Study of war. V. 1. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1942.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Юрий Иосифович – доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией Института психологии РАН

Арутюнова Карина Роландовна – аспирант Института психологии РАН

Безюлёва Галина Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент, директор Центра практической психологии профессионального образования Московского психолого-социального института

Бондырева Светлана Константиновна – доктор психологических наук, профессор, академик РАО, ректор Московского психолого-социального института

Воловикова Маргарита Иосифовна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН

Воробьева Анастасия Евгеньевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник МГППУ

Гулевич Ольга Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Российского государственного гуманитарного университета

Дикая Лариса Григорьевна – доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией Института психологии РАН

Ермолаева Елена Павловна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН

Журавлёв Анатолий Лактионович – доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, член-корреспондент РАО, директор Института психологии РАН

Знаков Виктор Владимирович – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии РАН

Кувшинова Наталья Юрьевна – психолог-клиницист, преподаватель Самарского государственного медицинского университета.

Купрейченко Алла Борисовна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН

Максумова Анна Олеговна – аспирантка факультета психологии Казанского Государственного Университета

Марченко Федор Олегович – аспирант Института психологии РАН

Маховская Ольга Ивановна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН

Мироненко Ирина Анатольевна – доктор психологических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Назаретян Акоп Погосович – доктор философских наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Общественные науки и современность»

Николаева Ирина Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Курганского государственного университета

Поддьяков Александр Николаевич – доктор психологических наук, профессор факультета психологии ГУ Высшая школа экономики

Попов Леонид Михайлович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой факультета психологии Казанского государственного университета

Рязанова Татьяна Борисовна – кандидат психологических наук, доцент Миссионерского факультета Свято-Тихонова православного гуманитарного университета

Соснин Вячеслав Александрович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН

Сочивко Дмитрий Владиславович – доктор психологических наук, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний РФ

Сухарев Александр Владимирович – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН

Ушаков Дмитрий Викторович – доктор психологических наук, заведующий лабораторией Института психологии РАН

Юревич Андрей Владиславович – доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии РАН

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ НРАВСТВЕННОСТИ

Редактор – *И. В. Клочкова*
Оригинал-макет и верстка – *С. С. Фёдоров*
Корректор – *Е. Ю. Рыжова*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-51-29
E-mail: rio@psychol.ras.ru
www.ipras.ru

Сдано в набор 21.11.10. Подписано в печать 06.12.10
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура ГТС СНАРТЕК. Усл. печ. л. 32. Уч.-изд. л. 28
Тираж 800 экз. Заказ .

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

**Книги издательства
«Институт психологии РАН»**

2010

Сергиенко Е. А., Ветрова И. И. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0): Руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 176 с. (Методы психологии)

Интеллект, творчество и формирование личности в современном обществе: Сборник тезисов Всероссийской школы молодых ученых «Педагогические, психологические и культурологические принципы и методы воспитания молодых исследователей в условиях высокотехнологичной экономики» (29 сентября–3 октября 2010 г., Москва) / Научн. ред. А. Л. Журавлев, Т. Н. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 184 с.

Формирование социально-личностных компетентностей в современном образовании. Методические рекомендации / Науч. ред. Д. В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 116 с.

Тихомирова Т. Н. Интеллект и креативность в условиях социальной среды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 230 с.

Тарабрина Н. В., Ворона О. А., Курчакова М. С., Падун М. А., Шталова Н. Е. Онкопсихология: Посттравматический стресс у больных раком молочной железы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 175 с. (Фундаментальная психология – практике)

Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 352 с. (Экспериментальные исследования)

Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН (11–12 февраля 2010 г.). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 291 с.

Экспериментальная психология в России: Традиции и перспективы / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 888 с. (Интеграция академической и университетской психологии)

История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «V Московские встречи», 30 июня–03 июля 2009 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 782 с. (Материалы конференции)

Карнышев А. Д., Винокуров М. А. Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 480 с. (Психология социальных явлений)

Самойленко Е. С. Проблемы сравнения в психологическом исследовании. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 416 с.

Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы: Руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 85 с. (Методы психологии)

Психологические исследования: Вып. 5 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 264 с. (Труды молодых ученых ИП РАН)

Юревич А. В., Цапенко И. П. Наука в современном российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 352 с.

Юревич А. В. Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 272 с. (Методология, теория и история психологии)

Акопов Г. В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 272 с.

Математическая психология: Школа В. Ю. Крылова / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Н. Савченко, Г. М. Головиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 512 с. (Научные школы Института психологии РАН)

2009

Познание и общение: Теория, эксперимент, практика / Под ред. В. А. Барабанщикова и Е. С. Самойленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 235 с.

- Прохоров А. О. Смысловая регуляция психических состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 352 с.
- Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 304 с.
- Барабанщиков В. А. Восприятие выражений лица. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 448 с.
- Психологические исследования: Вып. 4 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 256 с. (Труды молодых ученых ИП РАН)
- Макропсихология современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 352 с. (Психология социальных явлений)
- Митькин А. А. Пути психологического поиска: Претензии и возможности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 240 с. (Достижения в психологии)
- Психология сегодня: теория, образование и практика / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, А. В. Карпова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 688 с.
- Системная организация и детерминация психики / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 448 с. (Труды Института психологии РАН)
- Прогресс психологии: Критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 336 с. (Методология, теория и история психологии)
- Современная психофизика / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 543 с. (Экспериментальные исследования)
- Баканов А. С., Обознов А. А. Проектирование пользовательского интерфейса: Эргономический подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 184 с.
- Психология человека в современном мире. Том 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.) / Ответственные редакторы: А. Л. Журавлев, В. А. Барабанщиков, М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 334 с.

- Психология человека в современном мире. Том 2. Проблема сознания в трудах С. Л. Рубинштейна, Д. Н. Узнадзе, Л. С. Выготского. Проблема деятельности в отечественной психологии. Исследование мышления и познавательных процессов. Творчество, способности, одаренность (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.) / Ответственные редакторы: А. Л. Журавлев, И. А. Джидарьян, В. А. Барабанщиков, В. В. Селиванов, Д. В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 404 с.
- Психология человека в современном мире. Том 3. Психология развития и акмеология. Экзистенциальные проблемы в трудах С. Л. Рубинштейна и в современной психологии. Рубинштейновские традиции исследования и экспериментатики (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.) / Ответственные редакторы: А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, В. В. Знаков, И. О. Александров. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 400 с.
- Психология человека в современном мире. Том 4. Субъектный подход в психологии: история и современное состояние. Личность профессионала в обществе современных технологий. Нейрофизиологические основы психики (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.) / Ответственные редакторы: А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Л. Г. Дикая, Ю. И. Александров. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 378 с.
- Психология человека в современном мире. Том 5. Личность и группа в условиях социальных изменений (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.) / Ответственный редактор – А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 400 с.
- Психология человека в современном мире. Том 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.) / Ответственные редакторы: А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. А. Ребеко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 412 с.